

МАРКСИЗМ

современность

Международный
теоретический и
общественно-
политический
журнал

№ 59-60
2019

Выходит с 1995 года

Учредитель:
Союз коммунистов
Украины

Журнал зарегистрирован
в Мининформ Украины
22 сентября 1997 г.
Регистрационное
свидетельство
КВ №2861

© Редакционно-издательский
совет журнала "МиС"

СОДЕРЖАНИЕ

I. К 100-ЛЕТИЮ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

I.1. Международная научно-практическая конференция, посвященная 100-летию Коммунистического Интернационала, 1-2 июня 2019 г., г. Москва

	Информационное сообщение	3
<i>С.С. Маленцов</i>	Уроки Коминтерна и задачи сегодняшнего дня Доклад Российской коммунистической рабочей партии	
<i>Аммар Багдаш</i>	Сирийские коммунисты тверды в своих принципах и верны своему наследию.....	6
<i>Гуадо Риччи</i>	К работе, к борьбе! Доклад Компартии Италии.....	9
	Итоговое Заявление участников международной конференции	12

I.2. XXI Международная Встреча коммунистических и рабочих партий на тему «100 лет создания Коммунистического Интернационала. Борьба за мир и социализм продолжается!», 14-15 ноября 2019 г. в Измире, Турция

	Информация и краткий обзор выступлений.....	13
	Обращение XXI Международной Встречи коммунистических и рабочих партий	18

II. ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

<i>Т.И. Яброва</i>	Марксистско-ленинская теория мировой коммунистической революции – составная часть теории научного социализма. Против извращения истории Коминтерна.....	20
<i>Айнура Курманов</i>	Коминтерн как штаб мировой революции во время первой атаки на капитализм.....	21
<i>В.В. Терещук</i>	Современная потребность в Коминтерне и новых знаменах пролетарской революции.....	32
Отдел междуна- родных отноше- ний ЦК КПГ	Создание, деятельность и роспуск Коминтерна через призму текущих задач международного коммунистического движения	49

Редакционно-издательский совет

Багдаш А.
Джохадзе Д.В.
Жданов Ю.А.
Китанович Б.
Коларов В.
Косолапов Р.И.
Мартенс Л.
Рубикс А.П.
Тюлькин В.А.

Редакционная Коллегия

Васина Л.Л.
Головин В.В.
Ефанова И.М.
(ответственный секретарь)
Кубанец Н.В.
Минчев М.
Пихорович В.Д.
Попов М.В.
Пугачёв Б.А.
Тажуризина З.А.
Угрянская Н.Г.
Харламенко А.В.
Яброва Т.И.
(главный редактор)
Иванова И.В.
(перевод и ред. англ.)
Пугачева Р.Б.
(зав. корпунктом в Москве)
Гиотопулу В.В.
(зав. корпунктом в Афинах)
Маленко И.
(зав. корпунктом по странам дальнего зарубежья)

Адрес редакции:
01015, г. Киев-15,
а/я 28

III. РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ ПОД ВЛИЯНИЕМ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И КОМИНТЕРНА

III.1. А.В. Харламенко	Красный шанс Истории к100-летию Венгерской и Словацкой Советских республик).....	54
III.2. Кемаль Окуян	Под сенью революции: Берлин-Варшава-Анкара 1920.....	126
Хосе М. Сисон	Роль Коммунистического Интернационала в формировании Коммунистической партии Филиппинских островов (1930).....	140
Джеймс Х. Уильямс	Из России с любовью: письмо Ленина к американским рабочим.....	145

IV. ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ

Харпал Брар	Социализм с китайской спецификой (Маркетизация китайской экономики)	149
-------------	---	-----

V. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА

Пьер Римбер, Рашель Кнэбель	Восточная Германия: история одной аннексии.....	191
Мигель Диас-Канель Бермудес	Историю могут изменить только народы.....	196
Элисеос Вагенас	Компартия Греции о международном военно-политическом контексте современного мира.....	200

VI. ПЛАМЕННЫЕ РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ

А.В. Легейда	К 130-летию со дня рождения и 100-летию героической гибели Тибора Самуэли. Рыцарь коммунизма.....	212
Эрнст Генри	О революционном бесстрашии (К 70-летию со дня смерти)	222

VII. ПАМЯТИ ТОВАРИЩА

В.С. Бушин	Памяти В.С. Бушина.....	227
	Фейерверк накануне праздника.....	231

Точка зрения редакции не обязательно совпадает с точкой зрения авторов опубликованных материалов. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Материалы могут подвергаться сокращению без изменения по существу. Ответственность за подбор и правильность цитат, фактических данных и других сведений несут авторы публикаций. При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

К 100-ЛЕТИЮ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Международная научно-практическая конференция коммунистических и рабочих партий «100 лет Коминтерну и сегодняшние задачи коммунистического движения»¹, 1-2 июня 2019 г., г. Москва

Информационное сообщение²

1-2 июня в Москве по инициативе Коммунистической партии Советского Союза и Российской коммунистической рабочей партии состоялась Международная научно-практическая конференция коммунистических и рабочих партий «100 лет Коминтерну и сегодняшние задачи коммунистического движения». В работе конференции приняли участие представители 33 коммунистических партий мира (19 очно и 14 заочно), сохранивших верность марксизму-ленинизму, его революционному пролетарскому характеру и отношению к нему как к науке. Собрались для того, чтобы не только отметить славную 100-летнюю годовщину образования Коммунистического Интернационала, но обсудить и наметить сегодняшние задачи по сплочению революционного коммунистического движения.

С приветствием к участникам конференции выступили Первый секретарь ЦК РКРП-КПСС С.С. Маленцов и Первый секретарь ЦК КПСС С.А. Александров. В работе конференции приняли участие и выступили секретари ЦК РКРП-КПСС В.А. Тюлькин, А.К. Черепанов, И.Л. Ферберов,

а также руководители и представители коммунистических и рабочих партий Белоруссии, Бельгии, Франции, Турции, Греции, Италии, Казахстана, Латвии, Литвы, Сирии, ДНР, ЛНР, Молдовы, Украины, Финляндии и других стран.

Конференция прошла в обстановке братства и товарищества, творческих и принципиальных научных дискуссий при несомненном общем настроении на выработку практических действий для продвижения к координации совместной коммунистической работы и в перспективе – к объединению в новом Коммунистическом Интернационале.

Участники конференции возложили цветы к Мавзолею В.И. Ленина, к могиле И.В. Сталина, захоронениям других руководителей Советского Союза, революционеров и деятелей Коммунистического Интернационала.

Итогом работы конференции стало принятие Итогового Заявления участников международной конференции.

Уроки Коминтерна и задачи сегодняшнего дня. Доклад Российской коммунистической рабочей партии С.С. Маленцов

Дорогие товарищи по борьбе!

От имени Российской коммунистической рабочей партии приветствуем вас на Родине Великой Октябрьской социалистической революции, на той земле, где по инициативе великого Ленина зародился и сформировался Коммунистический Интернационал!

Сегодня на нашей Конференции собрались представители ряда коммунистических партий мира. Тех партий, которые сохранили верность марксизму-ленинизму, великому революционному учению, сохранили отношение к марксизму как к науке, сохранили его революционный пролетарский характер. Мы собрались для того, чтобы отметить славную столетнюю годовщину образования Коммунистического Интернационала.¹² Но наша задача – не просто

отпраздновать эту годовщину (тем более, что праздновать-то по большому счёту нам приходится в обстановке реакции. Мы находимся в большинстве стран в обороне против наступающих сил империализма). Поэтому наша задача – извлечь уроки из опыта наших предшественников, применить их опыт в сегодняшних условиях борьбы.

Интернационализм не просто присущ марксизму, как настоящей науке, интернационализм является главным необходимым условием и средством достижения целей коммунистов. Об этом однозначно и прямо сказано в нашем **букваре** – Манифесте Коммунистической партии: *«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».*

Маркс и Энгельс основали *Первый Интернационал* – Международное товарищество рабочих (1864–1876 гг.). Он имел секции и организации в разных странах, призывал к международной солидарности рабочих. Учредительный манифест 1-го Интернационала был наполнен духом Коммунистического манифеста, стал важным документом для постановки задач и организации борьбы рабочего класса. Маркс и Энгельс возглавили теоретическую борьбу внутри Интернационала против мелкобуржуазных концепций, которые пытались удержать рабочее движение в рамках борьбы за

¹ Доклады на Конференции печатаются с сокращениями.

² На сайте РКРП <https://rkrp-rpk.ru/2019/06/04/интернационализм-на-марше> размещены все материалы Конференции «100-лет Коминтерну и задачи сегодняшнего коммунистического движения» – доклады партий, материалы прений по докладам, интервью с участниками. Эти документы на английском языке можно найти на англоязычной странице сайта.

сиюминутные экономические требования, не допускали собственной рабочей политики, навязывали воззрения анархизма и отдаляли рабочий класс от выполнения своей исторической миссии.

Несомненная заслуга 1-го Интернационал в пробуждении деятельности профсоюзов на национальном и международном уровне, придании их деятельности политического характера. Был дан толчок к осознанию необходимости создания рабочих политических партий, что особенно явственно вытекало из анализа опыта Парижской коммуны.

2-й Интернационал был создан при активном участии Энгельса в 1889 г. в период стремительного развития рабочего движения. Марксизм становился доминирующим течением в рабочем движении, преодолевая анархо-синдикалистские, реформистские и другие оппортунистические силы. Коллективным разумом партии пытались выработать общее понимание задач и методов борьбы. Но решения, принятые конгрессами Интернационала, не были обязательными для каждой национальной партии. Интернационал не действовал как международный революционный центр, поскольку не было создано ни единого руководящего органа, ни совместной Программы, ни Устава, а также он не имел общего печатного органа. И он имел, как известно, печальный конец.

Третий, Коммунистический Интернационал был образован в 1919 г. как ответ революционных марксистов на предательство лидеров 2-го Интернационала. На словах все социал-демократические партии 2-го Интернационала клялись в своём интернационализме и даже признавали и подписывали соответствующие декларации. Однако, это оказалось только словами. Как только разразилась империалистическая война, почти все лидеры этих партий оказались в лагере защитников **своего отечества**, «своей» буржуазии. Буржуазный национализм оказался для них более приоритетным, чем пролетарский интернационализм. Интересы буржуазии своей страны – важнее интересов международного рабочего движения. Бывшие **товарищи** стали непримиримыми противниками. Большинство лидеров 2-ого Интернационала перешли во враждебный империалистический лагерь, а некоторые стали военными министрами. Их предательство не было чем-то неожиданным, наоборот, скорее оно было результатом реформистской линии и сотрудничества с буржуазией в мирное время и «защиты буржуазного отечества» в военное время. Реформизм породил социал-шовинизм. Ярким исключением были большевики в России во главе с В.И. Лениным. Все шесть большевиков-депутатов Государственной Думы, пошли по этапу в Сибирь. Выстояли интернационалисты-спартаковцы в Германии (Карл Либкнехт, Роза Люксембург и др.) и группа болгарских рабочих-социалистов – **тесняков**. Всю остальную часть старых партий накрыла мощнейшая волна оппортунизма.

Крах 2-го Интернационала оказался фактом. И это – *первый урок*, который мы должны усвоить: националистические предрассудки могут *на практике* при определённых условиях оказаться сильнее, чем правильные *теоретические взгляды*. Вывод, который сделал В.И. Ленин: «*Борьба с империализмом, если она не связана неразрывно с борьбой против оппортунизма, есть пустая лживая фраза*», – этот вывод актуален и для нашего времени.

Тогда только небольшая часть революционных марксистов не изменила рабочему классу. Их было совсем немного – тех, кто образовал Циммервальдскую левую группу. Но их аргументы были настолько убедительны, их самоотверженная борьба за дело рабочего класса настолько очевидна, что они смогли сделать главное – завоевать на свою сторону самые сознательные слои пролетариата. Этот сознательный пролетариат смог образовать *свои* партии – коммунистические марксистско-ленинские – во многих странах мира. Отсюда ещё один вывод: *самая правильная и самая действенная политика – это принципиальная политика*, как бы трудно не было.

Конечно, огромное влияние на развитие рабочего и коммунистического движения в мире оказала победоносная Великая Октябрьская социалистическая революция и успехи строительства социализма в СССР. Но мы хорошо понимаем и помним, какую огромную роль в победе революции сыграла международная рабочая солидарность. И это – ещё один важный урок: лозунг Маркса и Энгельса «*Пролетарии всех стран, соединитесь!*» – имеет чрезвычайно важное практическое значение в эпоху революционных битв. И в предстоящих битвах его значение, несомненно, будет ещё более существенно.

С созданием Коминтерна коммунисты получили свой, чётко идейно определённый и организационно оформленный полюс в рабочем движении. А социал-демократы фактически превратились в пособников империализма, занимающихся его стабилизацией и улучшением, смягчением его противоречий, созданием видимости *очеловечивания*, лечением его язв и спасением во времена кризисов и обострения классовых борьбы.

Коминтерн развивался и укреплялся не просто, внутри него были острые споры по тактике действий, в его развитии были успехи и неудачи. Но главное в любом явлении политической жизни – результат. По мнению нашей партии, главным результатом деятельности Коминтерна была победа в смертельной схватке социализма с фашизмом во 2-й мировой войне. Именно для борьбы с коммунизмом мировой империализм взращивал гитлеровский фашизм и союзные ему темные силы, планируя сразу направить их на страну Советов. Именно Антикоминтерновским пактом назвал Гитлер союз фашистов, созданный в 1936 году. И именно на Восточном фронте фашисты сломали зубы о сопротивление Советского народа, – первого в мире государства трудящихся.

Главный вклад в разгром фашизма и победу внёс Советский народ и его Рабоче-Крестьянская Красная Армия. Но мы также хорошо знаем, что огромную роль в борьбе и победе сыграли и партизанские отряды, и отряды Сопротивления в оккупированных фашистами странах. Знаем и то, что во главе этих сил почти везде стояли именно коммунисты. Знаем, что в большинстве случаев действовали эти силы под руководством именно Коминтерна. И эта славная страница в его истории никем не может быть оспорена. Поэтому и в наше время так важна координация позиций коммунистов разных стран, единство их действий. Коммунисты революционных марксистско-ленинских партий давно осознали эту необходимость.

С 1998 г. проводятся начатые по инициативе Коммунистической партии Греции регулярные встречи коммунистических и рабочих партий системы SolidNet. Но практически так сложилось, что на этих форумах сходятся и выступают *все и всякие* партии – марксисты

зачастую встречаются и соседствуют с извратителями марксизма. Существующий регламент этих встреч порой позволяет оппортунистическим партиям перекрывать путь для участия в системе SolidNet настоящим марксистским организациям. Есть определенная тенденция на расширение состава встреч за счет различных народных, патриотических и прогрессивных организаций. То есть коммунистическое ядро этого форума не оформлено и не является определяющим. Настоятельно стала чувствоваться необходимость консолидации именно коммунистических сил. Затем, вот уже 10 лет назад, ряд коммунистических партий, стоящих на позициях революционного марксизма, подписали Стамбульскую декларацию, в которой провозгласили необходимость создания коммунистического полюса в нашем движении, в противовес наступающему оппортунизму. Мы все эти годы неуклонно продвигались по пути дальнейшего сближения наших позиций.

Большую роль в этом сближении играет созданный на основе Стамбульской декларации журнал «Международный коммунистический обзор». Вот уже 10 лет в ежегодных выпусках журнала МКО публикуются статьи, подготовленные каждой партией из числа входящих в редакцию журнала и их союзников, по согласованной теме. Над этими статьями проводится кропотливая совместная работа, что позволяет решить некоторые острые проблемы теории и практики коммунистической борьбы. Этот журнал, без сомнений, может стать признанным рупором международного коммунистического движения, а именно – его ортодоксальной, революционной части.

Большим шагом в направлении формирования коммунистического полюса явилось создание в 2013 г. *Европейской коммунистической инициативы* для изучения и разработки европейских вопросов и координации своей деятельности, для борьбы с империализмом ЕС и его политическими адептами, прежде всего в лице Партии Европейских левых. Влияние ЕКИ несомненно растёт.

Наше продвижение к единству ознаменовалось новым шагом в 2017 г., когда 40 коммунистических партий собрались на Международную конференцию в Ленинграде, организованную нашей партией в честь столетия Великой Октябрьской социалистической революции, и приняли совместную Декларацию «Октябрь-100».

Надо отметить, что Коминтерн никогда не действовал догматически. Недаром среди его руководителей были выдающиеся мыслители разных партий и стран. Тактика, выработывавшаяся Конгрессами и Исполнительным комитетом Коминтерна, была гибкой и формировалась в полном соответствии с законами диалектики и историзма, она менялась в зависимости от изменения текущей ситуации. Но при этом наши предшественники всегда исходили из неуклонного следования принципиальным основам марксистско-ленинской науки. Это совсем не означает, что в деятельности Коминтерна всегда принимались только самые оптимальные решения и никогда не было ошибок. Наверное, были. Но если и были, то это были ошибки борьбы. Промашки партий и людей, идущих в сложнейших условиях неизведанным путем, а никак не отказ от науки марксизма и не ренегатство под видом *осовременивания* марксизма, чем во все времена и сегодня занимаются все оппортунисты.

Между нашими партиями тоже существуют расхождения в оценках ряда решений Коминтерна. Как мы

понимаем, наиболее острыми могут быть дискуссии, связанные с тактикой народных антифашистских фронтов перед началом и в ходе 2-й Мировой войны и, конечно, вопросы о причинах единодушного решения всех партий, входящих в Коминтерн, о самороспуске Коминтерна, о стратегии и тактике мирного сосуществования сразу после разгрома фашизма.

Мы можем поспорить, и это будет очень даже полезно. Но эти расхождения не должны заслонять главного – работы Коминтерна по воплощению в жизнь самой идеи – подготовку мировой революции через практическую реализацию стратегического призыва *«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»* Наша партия считает, что, продолжая работу по изучению истории и опыта Коминтерна, мы должны уже сейчас использовать то, что однозначно всеми оценивается как общее достижение мирового коммунистического движения.

Конечно, логично начинать со сравнения исторических ситуаций. А сегодня наше положение во многом схоже с тем, что наблюдалось во времена краха Второго Интернационала – *мощнейшая волна оппортунизма захлестнула коммунистическое и левое движение*. Более того, сегодня оппортунизм и ревизионизм превратились из внутренних «добросовестных» и понятных, естественных при росте движения заблуждений внутри коммунистического сообщества, в управляемое и хорошо организованное оружие буржуазии. Верхом достижений этой политики является пример партии Европейских левых. Это идеологический и организационный центр ревизионистов, существующий на деньги ЕС и живущий по законам ЕС, работающий на укрепление империализма ЕС.

Считаем полезным и необходимым вспомнить и отметить разработку такого основополагающего документа, как 21 условие приема в Коминтерн. Разработка этих условий была начата В.И. Лениным с самого начала существования Коминтерна, затем всесторонне обсуждалась и дополнялась, окончательно сформировалась и была принята в 1920 году на 2-м Конгрессе Коминтерна. Это инструмент решительного размежевания с оппортунистами. Эти положения были своего рода Уставом, не только и не столько ограничивавшим состав Интернационала, сколько служившим ориентиром для партий, стремившихся подняться на уровень самых революционных и самых научных, самых подготовленных к революционным боям. Это решение было и остаётся маяком, путеводной звездой для всего коммунистического движения. Эти условия необходимо изучать сегодняшним коммунистам и стремиться соответствовать им в своей деятельности. И это – ещё один важнейший урок для сегодняшних коммунистов.

Однако, товарищи, надо прямо сказать: мы считаем, что мы ещё не достигли того уровня, той высокой планки партии ленинского типа, которая была установлена Коминтерном. Поэтому мы пока просто не можем ставить вопрос о немедленном объединении в новый коммунистический Интернационал, как этого хочется многим хорошим и нетерпеливым товарищам. В 1919 г. Коминтерн создавался как *единая всемирная коммунистическая партия* для подготовки и свершения мировой социалистической революции. Можно с высоты сегодняшнего дня относиться к этому с долей легкой иронии, но наши предшественники имели основания именно для такой постановки вопроса. Это ведь были не просто мечты, а мечты, основанные на научной теории,

подкрепленные упорнейшей практикой самоотверженной борьбы. Борьбы, вызвавшей и опиравшейся на подъём революционного движения в Европе, попытках свершения рабочих восстаний в Финляндии (1918 г.), Германии (1918-1923 гг.) и Венгрии (1919 г.), а также в деятельности передовых рабочих по всему миру, в забастовках, демонстрациях и бойкотах перевозок боеприпасов во время империалистической интервенции 14 государств в революционную Россию.

У нас сегодня ситуация, прямо скажем, другая. Сегодня нам, большинству партий, в первую очередь необходимо укрепить собственные ряды – укрепить идейно, организационно, политически, связью с массами, слиянием со своим классом и развитием рабочего движения.

Мы считаем, что мы ещё не достигли и тех целей, которые ставили перед собой в Стамбульской декларации. Мы пока недостаточно координируем свою деятельность, мы недостаточно чётко увязываем свои выступления на международных форумах, в том числе – на ежегодных встречах компартий в системе SolidNet. Наши консультации между собой по важнейшим вопросам международной жизни и коммунистической политики ограничиваются, как правило, несчастными встречами. Оппортунизм укрепляется и наступает, а мы же пока – в пассивной обороне.

Поэтому мы считаем, что настало время всем вместе посоветоваться, какие мы могли бы предпринять на этом этапе дополнительные шаги в направлении нашего единства в действиях и продвижения в будущем (может, и весьма далеком) к организационному единению вплоть до создания нового Коммунистического Интернационала. Мы хорошо понимаем все трудности на этом пути. Но когда это коммунисты боялись трудностей?

Именно для этой цели по предложению Российской коммунистической рабочей партии Коммунистическая партия Советского Союза инициировала созыв этой, нынешней международной конференции наиболее близких друг другу партий уже фактически наметившегося коммунистического полюса. Эта конференция посвящена как раз столетию Коммунистического Интернационала.

Мы с вами обязаны проанализировать опыт наших предшественников, прояснить отдельные спорные вопросы в их деятельности, извлечь надлежащие уроки из всей совокупности принципов, решений, тактики и

стратегии Коммунистического Интернационала. Мы хотели бы, чтобы на нашей конференции было поменьше парадных речей и красивых словословий по адресу Коминтерна. Мы хотим сосредоточиться не только на исторических вопросах, а выполнить главное – на базе опыта Коминтерна провести деловой разговор о движении в будущее – о конкретных действиях в направлении продвижения к укреплению и консолидации коммунистического полюса. Как нам вместе переходить к практическому делу?

РКРП считает, что, прежде всего, нужно развивать имеющиеся формы взаимодействия, наполняя их практическим содержанием по нескольким важнейшим направлениям:

тема борьбы с оппортунизмом, как неотъемлемая и обязательная составляющая борьбы с империализмом, должна нами вместе вестись в теоретическом плане и по возможности согласовываться в практическом исполнении на всех широких международных форумах;

организация рабочего движения и профсоюзной борьбы должна стать для наших партий не только объединяющей темой, но и инструментом укрепления самих партий, расширения их влияния в массах трудящихся своих стран;

есть настоятельная необходимость совместного анализа и по возможности выработки общей оценки таких сложных и влияющих на развитие мировых событий явлений, как теория и практика построения социализма Китайской специфики, а также различных моделей социализма XXI века;

постоянная взаимосвязь наших партий и помощь друг другу в деле усиления позиций каждой партии на национальном уровне, как обязательное условие общего укрепления коммунистического полюса.

Уважаемые товарищи!

Давайте помнить, изучать и руководствоваться непреходящими принципами марксизма-ленинизма, воплощёнными в деятельности большевиков и созданного ими Коммунистического Интернационала!

Да здравствует революционный марксизм!

Долой диктатуру буржуазии!

Да здравствует непримиримая борьба против оппортунизма всех мастей!

Нет лимитам на революции!

Да здравствует пролетарский интернационализм!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Сирийские коммунисты тверды в своих принципах и верны своему наследию

Аммар Багдаш¹

Дорогие товарищи!

Вначале глубокая благодарность организаторам этой конференции марксистов-ленинцев, посвященной 100-летию Коминтерна, который вписал золотыми буквами славные страницы истории борьбы во имя справедливости, как в социально-классовой сфере – в сторону диктатуры пролетариата, а в дальнейшей перспективе – в сторону исчезновения классов. Так и в аспекте освобождения угнетенных народов и равноправия наций. Этот аспект – всецело заслуга ленинизма и Коминтерна, воплотившего ленинизм на

практике! Даже такие великие революционеры, представляющие левое крыло II-го Интернационала, как Роза Люксембург и Жан Жорес рассматривали движение угнетенных народов за свое освобождение с точки зрения гуманного сострадания. Ленин же и ленинско-сталинский Коминтерн увидели в национально-освободительном движении мощный революционный, антиимпериалистический фактор. В своем глубоко критическом исследовании империализма во всех его аспектах Ленин пришел к гениальному выводу о великой роли национально-освободительных движений в колониальных, полуколониальных и зависимых государствах как неотъемлемой части глобального революционного

¹ Аммар Багдаш – Генеральный секретарь ЦК Сирийской коммунистической партии.

движения в ходе общей борьбы против империализма. Ленин писал: *"Социалистическая революция не будет только и главным образом борьбой революционных пролетариев в каждой стране против своей буржуазии, – нет, она будет борьбой всех угнетенных империализмом колоний и стран, всех зависимых стран против международного империализма..."*¹. *«И когда говорят о раздаче мандатов на колонии, мы прекрасно знаем, что это – раздача мандатов на расхищение, грабеж, что это – раздача прав ничтожной части населения земли на эксплуатацию большинства населения земного шара. Это большинство, которое до сих пор стояло совершенно вне исторического прогресса, потому что самостоятельной революционной силы представлять не могло, перестало, мы знаем, в начале XX столетия играть такую пассивную роль»*².

И весь ход истории в XX веке, да и в начале XXI века наглядно доказывают это великое ленинское открытие!

Товарищи, мой доклад как раз по национально-освободительному движению Коминтерна...

Коммунистический Интернационал, основанный в марте 1919 года, следовал ленинскому подходу, придавая первостепенное значение и оказывая всемерную поддержку национально-освободительным движениям. Он исходил из ленинского заключения, что после того, как капитализм вступил в свою последнюю стадию – империализм, произошло окончательное разделение наций на угнетающих и угнетенных, притом, что население стран, угнетенных империализмом, составляет абсолютное большинство человечества на земле.

Ленин уделил особое внимание национально-освободительному движению на Востоке, отметив, что *«За периодом пробуждения Востока в современной революции наступает период прямого участия народов Востока в решении судеб всего мира, чтобы не быть только объектом обогащения»*³.

И действительно, развитие Китая, Вьетнама и Индии за последние 100 лет является практической демонстрацией этого гениального прогноза.

На основании решений Второго и Третьего конгрессов Коммунистического Интернационала и Конференции коммунистов стран Востока Ленин обосновал и актуализировал лозунг Манифеста Компартии: *«Пролетарии и угнетенные народы мира, объединяйтесь!»*.

Четвертый пункт ленинских тезисов по национальному вопросу и колониям, подготовленных ко Второму Конгрессу Коммунистического Интернационала (1920) гласит: *«... во главу угла всей политики Коминтерна по национальному и колониальному вопросу должно быть положено сближение пролетариев и трудящихся масс всех наций и стран для совместной революционной борьбы за свержение помещиков и буржуазии. Ибо только такое сближение гарантирует победу над капитализмом, без которой невозможно уничтожение национального гнета и неравноправия»*⁴. *«Ликвидация колониальной тирании в сочетании с пролетарской революцией в странах*

метрополии приведет к свержению капиталистической системы, ... и для достижения окончательного успеха мировой революции необходимо этим двум силам работать вместе».

Известно, что Ленин и Коммунистический Интернационал считали необходимым оказывать поддержку силам, участвующим в национально-освободительной борьбе. Такая поддержка советским правительством была оказана афганским и иранским повстанцам в их борьбе против британского империализма, китайским и другим национально-освободительным силам.

Действительно, победа Народной национальной революции в Китае в 1949 году стала важной вехой в интернациональной борьбе. Всем известно также, какую огромную поддержку Советский Союз оказал борьбе испанской республике против фашизма в 1930-х годах. Но в настоящее время замалчивается та огромная поддержка, которую оказывал Советский Союз китайскому народу в его борьбе против японских агрессоров, что в несколько раз больше той, что была оказана Испанской республике.

Коммунисты Китая смело и преданно возглавили легендарную национально-освободительную борьбу китайского народа, поэтому народ их привел к руководству страны, сметая на своем пути остатки проамериканской компрадорской хунты.

То же самое мы видели и в Индокитае (ныне Вьетнам, Лаос и Камбоджа), когда Коммунистическая партия Индокитая во главе с легендарным лидером Хо Ши Мином возглавила национально-освободительную борьбу против японских колонистов, затем против французов, а затем с позором прогнала американских империалистов.

Коммунисты возглавляли не все национально-освободительные движения, но все движения были поддержаны коммунистами. Это было особенно очевидно после Седьмого конгресса Коммунистического Интернационала, состоявшегося летом 1935 года, на котором на основе доклада Георгия Димитрова было решено, что коммунистические партии будут бороться за формирование народных антифашистских фронтов на Западе и национальных антиколониальных фронтов на Востоке.

Как отметил товарищ Халед Багдаш: *«Большой заслугой XII конгресса Коммунистического Интернационала явилось то, что он нанес серьезный удар по изоляционизму и открыл путь коммунистам к работе и борьбе за единство рабочего класса и единство всех демократических и миролюбивых сил, чтобы противостоять фашизму и опасности войны, а также за единство всех национальных сил в борьбе против колониализма»*.

Именно это и делали сирийские коммунисты, когда они сотрудничали с представителями сирийской национальной буржуазии в борьбе за права народа Сирии, находившейся тогда под французским мандатом. Фундамент этого сотрудничества был заложен в ходе 50-дневной забастовки сирийцев против французского колониализма в 1936 году. Халед Багдаш оказал большую поддержку сирийской национальной делегации во время переговоров о независимости Сирии в Париже в 1936 году, мобилизовав при помощи Французской коммунистической партии общественное мнение во Франции в пользу справедливого дела сирийского народа.

¹ Ленин В.И. ПСС. – Т. 39. – С. 327.

² Ленин В.И. ПСС. – Т. 39. – С. 328.

³ Там же.

⁴ Ленин В.И. ПСС. Тезисы ко II конгрессу Коммунистического Интернационала. Написано в июне – июле 1920 г. – Т. 39.

Сирийская коммунистическая партия продолжала твердо бороться за полный вывод иностранных оккупационных войск с родной земли, и героическая борьба сирийского народа завершилась явной победой, когда последний французский солдат был выдворен из Сирии 17 апреля 1946 года.

Наш народ не забудет ту большую поддержку, которую оказывал Советский Союз ради достижения этой высокой цели, когда представитель СССР впервые в истории в Совете Безопасности ООН применил право вето в пользу Сирии.

Не забудет наш народ и о многообразной поддержке Советским Союзом Сирии в ее борьбе за установление национальной независимости и противодействию бесконечной агрессии со стороны сионистского Израиля и мирового империализма. В этом проявлялась непоколебимая приверженность принципам пролетарского интернационализма, которыми Коммунистический Интернационал руководствовался на протяжении всей своей истории.

Сегодня, когда наш народ героически противостоит агрессии, которая длится более восьми лет и ведется империалистическими и сионистскими кругами, используя для этого все реакционные режимы и мракобесные силы в нашем регионе, мы благодарим наших товарищей по мировому коммунистическому движению и всех свободолюбивых людей в мире за их поддержку справедливой борьбы народа Сирии в деле защиты своей родины, ее суверенитета и территориальной целостности.

Мы обещаем вам, что мы сохраним славное наследие Коммунистического Интернационала и что знамя марксизма-ленинизма не будет спущено в небе Сирии!

Сейчас, когда мы говорим о Коминтерне в его столетие, я заметил некоторые оттенки как бы самобичевания. Критика – это хорошо. А вот самобичевание может привести к деморализации. Зачем очернять наше прошлое? Маркс же сказал, что практика – критерий истины. Давайте посмотрим, к чему привела практика Коминтерна.

Некоторые товарищи сейчас говорят об упадке движения со времен Коминтерна. Но таким образом они сваливают «с больной головы на здоровую». Они сваливают начало контрреволюции, которая началась со времен Хрущева, с XX Съезда КПСС – на более раннее время. Они тянут это в историю Коминтерна, а это совсем не так. Коминтерн был противником социал-демократии, был противником ревизионизма, был противником оппортунизма. То есть противником всего того, что выплеснулось на поверхность во времена Хрущева. Поэтому, когда мы критикуем и говорим о начале упадка во время Коминтерна, это не так – во времена Коминтерна не было упадка, был подъем! Это, с одной стороны.

С другой стороны, несмотря на то, что мы все объявляем себя приверженцами диалектического материализма, иногда мы ведём догматическую критику. То есть ту критику, которая не учитывает объективных условий в международном положении, и в положении международного коммунистического движения, которое было тогда в зародыше. Ленин же сказал, что сначала надо размежеваться! Когда был объявлен Коминтерн, то обязательно надо было отмежеваться от социал-демократов, выявить свое независимое лицо коммунистов. Поэтому были некоторые тенденции, которые можно было охарактеризовать как сектантские.

Но это было оправдано! Потому что без такой жесткой политики по отношению к социал-демократии отстаивание чистоты коммунизма было невозможно, не были бы сформированы коммунистические партии. В то же время, тот начальный период отличался подъемом революционной волны, которая началась после завершения Первой мировой войны. Это касается не только победы Великой Октябрьской социалистической революции, но и Венгерской советской республики, и Баварской, и Гамбургского восстания 1923 года, и т.д., и т.д. Таким образом, этот подъем и объективная международная обстановка тоже оправдывали такую более-менее замкнутую позицию. Но, кстати, мы не были замкнуты на 100 процентов: коммунисты работали не только в базовых организациях, но также среди кадров социал-демократии. Самый классический пример этого – Эрнст Тельман, великий коммунист, погибший с высоко поднятой головой в Бухенвальде. Он был членом социал-демократической¹ партии Каутского, но он пришел к коммунистам! Он был вождем Коммунистической партии.

Далее период становления, в первую очередь, нашего самостоятельного лица длился вплоть до циклического кризиса 1929-1933 годов. Потому что это был период относительно благополучного развития капитализма, период разгула либерализма, как было недавно до 2008 г. Поэтому казалось, что все, что говорят коммунисты – это неправда. Что можно хорошо жить и при капитализме. Поэтому тогда Коминтерн, наша славная история, выставил такой острый лозунг: «Класс против класса!». И под этим лозунгом коммунисты смогли достичь определенных успехов. И в тот же период прошла большая смена в руководстве коммунистических партий, в руководстве Коминтерна, пришли наряду с Тельманом, такие крупные революционеры, как Готвальд в Чехословакии, Морис Торез во Франции, восходящая звезда на Востоке – Хо Ши Мин. Несмотря на наше отрицательное отношение к маоизму, был и Мао Цзэдун, и Чжоу Эньлай, и Чжу Дэ, и Великий поход... Это тоже наша история, товарищи!

Потом, мы слышим критику VII Конгресса Коминтерна. Тогда уже прошел «большой кризис», за которым ясно была видна опасность фашизма. Товарищ Димитров в своем историческом докладе об этом ясно высказался. Поэтому надо было собрать самые широкие силы против фашизма! Удалось это сделать? Удалось! Потому что марксизм нас учит: выбирать надо основное звено в борьбе. И это основное звено на тот момент было правильно выбрано. То, что такое социал-демократия, это и так было понятно. Но мы смотрим на объективный ход борьбы. Так может быть и Народный фронт в Испании был ошибкой?! Это была первая битва с фашизмом! Без Народного фронта это было бы возможно? Можно сказать, что буржуазия в Испании оказалась лучше чем социал-демократия. Поэтому смотреть надо по результатам: когда во Франции был Народный фронт, то был введен восьмичасовой рабочий день, оплачиваемые отпуска. Может, это мелочь по сравнению с Мировой революцией. Но это очень существенно для положения рабочего класса. Это, конечно, тоже нельзя игнорировать.

¹ *Ред.* – Товарищ Тельман вошел в левое крыло этой партии после ее раскола. Тельман был членом ее левого крыла, создавшей **независимую** социал-демократическую партию Германии. Но эта партия стояла на центристских, соглашательских позициях (Каутский и Гильфердинг – руководители партии).

После Второй мировой войны очень большим достижением компартий было создание Мировой системы социализма. Почему-то товарищи это игнорируют, а это ведь тоже результат работы Коминтерна! Потом было крушение колониальной системы. Крах мировой системы колониализма, начавшийся после победы Советского Союза во Второй мировой войне, также является одним из достижений Коммунистического Интернационала, его генеральной линии, хотя они проявились уже после роспуска Коммунистического Интернационала.

Западные коммунистические партии, когда они были марксистско-ленинскими (до хрущевской контрреволюции) – во Франции 23% голосовало за коммунистов, в Италии доходило до 29%. Но я смотрю не только на количество голосов, а на то, что эти коммунисты делали для простого народа. Во Франции во многих пригородах, где руководителями были коммунисты, есть улицы Амбруаз Круаза – министра труда и социального обеспечения. Он провел такие реформы, которые до сих пор не может разрушить контрреволюция. И то же самое в Италии, результаты социальных реформ, проводимых тогда коммунистами,

были значительны, это потом они были размыты оппортунизмом.

Подводя итог, можно сказать, что нападки многих партий, особенно троцкистов, на Коммунистический Интернационал, направлены не столько против самой его истории, сколько против современного коммунистического движения.

Мы в Сирийской коммунистической партии, увидели в установках Коммунистического Интернационала оказанную добрую помощь борьбе нашей партии и нашего народа, и мы будем оставаться верными его славному наследию.

Поэтому, дорогие товарищи, надо с гордостью смотреть на наше прошлое. Чтобы это было нашей «путеводной звездой». Еще греческие философы сказали, что нельзя войти в одну реку дважды. Но методология этого «купания» может быть той же самой. А тот, кто в прошлое стреляет из пистолета, в того будущее выстрелит из пушки.

Поэтому слава великому Коминтерну, 100-летие основания которого мы отмечаем, когда были достигнуты самые большие результаты на пути освобождения народов и во имя рабочего класса, под Красным флагом с серпом и молотом! Спасибо!

К работе, к борьбе! **Доклад Коммунистической партии Италии** **Гуадо Риччи**

Дорогие товарищи!

От имени ЦК и Политбюро Коммунистической Партии (Италия) приветствую всех присутствующих и организаторов этой конференции, посвящённой 100-летию Коминтерна, – Российскую Коммунистическую Рабочую Партию.

В 1991 г. контрреволюция победила в СССР и в странах социалистического лагеря, завершая долголетний процесс разложения экономического базиса социализма и пролетарской государственности, начатый ревизионистами внутри КПСС после смерти Сталина.

В Китае, Вьетнаме и других странах Азии и Африки открытое восстановление капитализма проводится даже под эгидой Компартий у власти, часто прибегающих к идеологической акробатике для оправдания грубых уклонов от марксизма-ленинизма.

Усиливаются эмбарго против Кубы и вмешательства во внутренние дела боливарианской Венесуэлы с целью свержения существующего в этих странах социально-экономического и политического строя. Эта же цель лежит в основе неудачи мирных переговоров с КНДР и продолжения взрывоопасной обстановки на корейском полуострове.

В Европе усиливается натиск капитала против последних оставшихся социальных и экономических завоеваний трудящихся и их политических прав, с сильно заметным ухудшением их условий жизни и работы, даже в слоях рабочей аристократии и в самых развитых странах – локомотивах монополистического капитализма. Во всём мире растут нищета и безудержная эксплуатация человеческих и природных ресурсов планеты.

Одновременно, обостряется воинствующая конкуренция между империалистическими державами и их союзами, глобального или местного значения, часто выливающаяся в вооружённые конфликты, которые

порождают массовую эмиграцию местного населения из районов военных действий и могут превратиться в войну мирового масштаба.

Всё это свидетельствует о продолжающемся наступлении империализма при состоянии крайней слабости рабочего движения и говорит о необходимости более тесных связей и координации между коммунистическими партиями, о необходимости укрепления пролетарского интернационализма с учётом объективных трудностей на пути к единству международного коммунистического движения, возникающих в открыто контрреволюционной фазе.

Наша партия считает, что без тщательного анализа условий, приведших к созданию и к роспуску Третьего Интернационала, без оценки состояния Комдвижения в реальных условиях текущего момента, простое заявление о намерении воссоздания Коминтерна остаётся пустым лозунгом, который не помогает делу мировой революции.

Коминтерн образовался в результате начавшегося ещё до Первой мировой войны процесса разрыва и отделения революционного марксизма от оппортунизма, ревизионизма и реформизма социал-демократии и Второго Интернационала. Более того, Коминтерн был создан на волне победы ВОСР, в революционной фазе наступления пролетариата на международной арене. Его организационная форма всемирной коммунистической партии и непримиримая борьба с социал-демократией отражали разделённую всеми национальными отделениями Коминтерна убеждённую в скором распространении революции по примеру Советов во всём мире. Провал революционных восстаний в Венгрии, Германии, Италии, Восточной Польше, последующий разгул буржуазной реакции и приход фашизма к власти во многих странах, окружение «кордоном» молодой Республики Советов показали, что вопреки ожиданиям революционная фаза закончилась и мир вошёл в

контрреволюционный период неизвестной продолжительности. В связи с необходимостью отстаивать единственное в мире рабочее государство от империалистической агрессии, с борьбой с фашизмом, а в дальнейшем, со зверским нападением фашистов и их пособников на Советский Союз, Коминтерн был вынужден несколько раз менять тактику. Осознание неизбежности войны с фашизмом, о которой Сталин писал уже в 1936 г., объясняет тактику Народного фронта, принятую на VII Конгрессе Коминтерна. Последующее фашистское нападение на Советский Союз и ход войны полностью оправдали эту тактику с точки зрения защиты единственного в то время пролетарского государства и, этим же, интересов международного движения. Другое дело – как её понимали и применяли некоторые национальные отделения Коминтерна. С другой стороны, тактика Народного фронта, предусматривающая сотрудничество с социал-демократией в установлении рабочего государства и в борьбе с фашизмом, противоречила основополагающему принципу Коминтерна – непримиримости борьбы с оппортунизмом, реформизмом и ревизионизмом социал-демократии и II Интернационала. На наш взгляд, это – одна из главных причин самороспуска Коминтерна в 1943 году. Безусловно, этому также способствовали необходимость предохранять руководителей и делегатов от рисков, связанных с пересечением границ воюющих стран и неэффективность оперативного управления вооружённой партизанской борьбой в оккупированных фашистами странах из единого центра по сравнению с управлением из разных центров на национальной основе. Тем не менее, тактика альянса с социал-демократией исключала, по крайней мере временно, идеологическую и политическую борьбу с ней и это минировало одну из предпосылок существования Коминтерна. Попытка возобновить международное координирование компартий в условиях послевоенного периода и холодной войны, предпринятая Коминформбюро, на наш взгляд, недостаточно проанализирована нашими партиями и заслуживает больше внимания в связи с некоторыми аспектами, вызывающими интерес и в нынешних условиях.

Из этого краткого изложения можно сделать некоторые выводы, которые не исчерпают важнейший вопрос организационных форм и укрепления пролетарского интернационализма, а являются лишь скромным вкладом в обсуждение и предметом дальнейшего изучения.

Первое: Коммунистический Интернационал является выражением разрыва с социал-демократией и, одновременно, организованным орудием идеологической и политической борьбы с ней, за распространение революционного марксизма как общей теоретической основы для развития и расширения пролетарской революции. Этот аспект весьма актуален в момент, когда в международном коммунистическом движении широко распространены оппортунистические позиции и уклонистские теории, противоречащие марксизму-ленинизму или отрицающие его основные положения об обобществлении средств производства, о рынке, о диктатуре пролетариата, о парламентских формах борьбы, о характеристиках, определяющих империализм и т.д. Эклектизм и идеологический разброд сегодня проникли во многие компартии, лишают их теоретической и практической автономии и

независимости от мышления и политики буржуазии, во многих случаях приводят эти партии к прямой поддержке буржуазных антинародных правительств и империалистическому вмешательству. Ситуация в международном коммунистическом движении требует незамедлительного сплочения подлинно марксистско-ленинских компартий в революционном полюсе, усиления и расширения идеологической борьбы с социал-демократией, оппортунизмом и остатками еврокоммунизма, бескомпромиссного опровержения уклонистских теорий «социализма XXI века», «рыночного социализма», «парламентского пути к социализму» и им подобных, предательских позиций. Надо разоблачить искажения сталинской разработки о национальном пути к социализму», фактически утверждающие превосходство частного над общим, национального над социалистическим. Оппортунисты искусственно создают путаницу между этой сталинской разработкой и хрущёвской несуразницей о «парламентском пути к социализму». Единству Комдвижения также препятствует реакция некоторых компартий любой братской критике, которая часто воспринимается как вмешательство во внутренние дела, нарушающее национальную автономию партии.

Должны признаться, товарищи, что в отношении идеологической работы и борьбы, без которой всякий разговор о воссоздании Коминтерна теряет смысл, мы сильно отстаём от желательного уровня. Без качественного скачка в этой работе, к сожалению, не сдвинемся с мёртвой точки.

Второе: образование Коммунистического Интернационала является итогом длительной идеологической борьбы внутри существовавшей международной организации рабочего движения, а не провозглашением благого желания, лишённого всяких конкретных оснований. То есть является политическим и организационным результатом процесса сплочения самой передовой части международного рабочего движения на почве однородной и общей идеологии и политической стратегии. А у нас, товарищи, этот процесс только начинается в лице Коммунистической Инициативы и ещё очень далёк от завершения. Не говоря о Солиднете, даже в самой Инициативе существуют различия в плане теоретических вопросов, стратегии, тактики, исторического анализа прошлого опыта компартий и социалистических стран.

Третье: тактика Народного фронта предполагала единство действия коммунистов и социал-демократов для ведения борьбы с фашизмом у власти (подчёркиваю – у власти) с целью его свержения и установления диктатуры пролетариата. В этом смысле, она отвечала требованиям эпохи. В её практическом применении некоторые партии перевернули её смысл. Единство составляющих сил фронта из тактического средства ведения борьбы стало целью в себе, а стратегический вопрос взятия власти рабочим классом перешёл на второй план и был отложен на неопределённое будущее.

Перевооруживание стратегии и тактики является одной из характеристик оппортунизма. Это именно то, что произошло, например, в Италии во время антифашистского Сопротивления, когда Тольятти навязал как стратегическую цель единство антифашистских сил, отложив и позже вычеркнув вопрос взятия власти с повестки дня Итальянской Компартии. Это к тому, что оппортунизм способен

проникнуть и в самые революционные организации при недостаточной бдительности и внимании к этому вопросу. Этот аспект тоже весьма актуален в момент, когда социал-демократия и оппортунисты всех мастей, в том числе и внутри коммунистического движения, предлагают отложить в сторону стратегию революционного свержения капитализма и установления диктатуры пролетариата во имя создания фронтов и коалиций всех «демократических сил» против угрозы возрождающегося фашизма. Попытка отвлечения рабочего класса и трудового народа от революционного пути сегодня, проводится также используя угрозу экологической катастрофы. Призывают поддержать новоиспечённые экологические, якобы «спонтанные», а на самом деле явно управляемые агентами буржуазии движения, которые утверждают, якобы можно спасти планету, просто изменив некоторые привычки потребления, а не способ производства. Относительный успех этих позиций объясняется не только искусством формата буржуазной пропаганды, а тем, что слишком долго многие компартии недооценивали ни угрозу возрождения фашизма, ни опасность экологической катастрофы, и предоставили политический вакуум, легко занимаемый буржуазией и её лакеями. Поскольку сегодня в этом отношении применяется транснациональный формат, коммунисты должны наверстать упущенное время и дать отпор таким позициям международно скоординированным образом. Мы должны более проникновенно объяснять, что фашизм порождён капитализмом, является его террористическим средством подавления рабочего класса. Чтобы покончить с фашизмом надо покончить с капитализмом. Антифашизм – это не простое упражнение в риторике и воспоминание подвигов наших предков. Это конкретная борьба в защиту интересов рабочего класса и самых обездоленных слоёв населения, которые в силу своей нищеты, неуверенности, страха перед будущим, да и невежества, могут стать лёгкой добычей фашистской, расистской, шовинистической пропаганды. Нельзя отделить антифашизм от борьбы с капитализмом и империализмом, это – урок истории! Мы должны сохранить бдительность и развивать антифашистскую борьбу, направленную против порождающего фашизм капитализма, но не должны путать реакцию с фашизмом и этим же содействовать распространению паники, искусственно поднятой как раз для отвлечения пролетариата от антикапиталистической борьбы. Есть реакционные буржуазные правительства, но нет фашизма у власти! То же самое надо сказать по поводу экологического вопроса: проблема остро стоит, но невозможно остановить разрушение окружающей среды без остановки безудержной эксплуатации природных ресурсов во имя капиталистической прибыли, без свержения капитализма!

В связи с вышесказанным и с учётом реальной силы подлинно революционных компартий, мы считаем, что сегодня нет условий для быстрого воссоздания Коминтерна. Сами по себе эти условия не возникают, а надо работать, чтобы их создать. Тогда, учитывая необходимость укрепления пролетарского интернационализма, сплочения революционно настроенных компартий и преодоления трудности на этом пути, что можем конкретно делать? Мы считаем, что в текущий момент у нас есть две платформы, на основании которых мы можем развивать нашу деятельность. Это –

журнал Международный Коммунистический Обзор и Коммунистическая Инициатива.

Журнал является важным орудием анализа, развития теории и идеологической пропаганды. Наша Партия недавно стала участвовать в публикации статей. Тем не менее, хотелось бы обсуждать вместе с вами наше мнение по этому поводу. В нашем понимании, журнал не должен быть трибуной дебатов, где публикуются статьи и, иногда, критические комментарии к ним. Предпочтительно решать разногласия предварительно, до публикации, чтобы не выставлять наружу внутреннюю разобщённость и отсутствие единства. Публикуемые статьи должны строго отвечать коллективно согласованной с редколлекцией издательской линии, чтобы сделать из журнала настоящий орган революционных коммунистов, способный развивать необходимую идеологическую борьбу внутри Комдвижения и вне его, непосредственно среди рабочих. Считаем, что было бы целесообразно не ограничиваться интернетовской версией, а развивать распространение активистами печатных экземпляров журнала среди рабочих, интеллигенции и молодёжи, также используя, где возможно, каналы коммерческого распределения через книжные магазины. Печатный вариант журнала легче распространять и на встречах Инициативы и Солиднета, что – кажется – пока не делается систематически. Наша Партия только начинает этим заниматься, о результатах преждевременно сейчас говорить, но обязательно сообщим.

Коммунистическая Инициатива проводит ценнейшую работу по достижению идеологического единства и разработке единой политической линии о самых важных событиях современности. Сознать, что не все партии участвуют в деятельности Коминициативы с достаточной самоотдачей, а вообще надо учащать публикации и распространение заявлений Секретариата в соответствии с многосторонним и быстрым развитием обстановки в мире. Предлагаем начинать ежемесячную публикацию на сайте, а по возможности и в печатном варианте, информационного бюллетеня о главных событиях, происходивших в течении месяца, который мог бы дополнять роль теоретического журнала. Это, конечно, требует большей отдачи от каждой партии и, самое главное, систематизированное планирование и распределение работы между партиями. Наша партия приветствует постепенное превращение Коминициативы в настоящий полус революционных коммунистов не только из Европы, но и со всего мира. Конечно, дорога, которую еще предстоит пройти, еще длинная, но Коминициатива в этом смысле на правильном пути.

Надо развивать проведение совместных акций борьбы Коминициативы как сконцентрированных в одной стране, так и одновременных в разных странах. Также надо развивать взаимопомощь между партиями для преодоления юридических и бюрократических препятствий по использованию оставшихся демократических прав, от права забастовки и выражения протеста до права участвовать в выборах. По этому поводу хочу ещё раз поблагодарить Компартию Греции за её помощь по случаю прошедших европейских выборов, которая позволила нам участвовать в них и довести голос партии до широких трудящихся масс Италии.

Надо более эффективно пропагандировать работу Коминициативы, её политические и теоретические

разработки как на международных встречах по системе Солиднета, так и на Европейских встречах с целью привлечения новых партий и расширения самой Коминициативы, может быть даже усиливая требования её устава по идеологическим вопросам.

В связи с предполагаемым усилением реакции, репрессий и шпионского контроля со стороны буржуазии, предлагаем изучать возможность создания в рамках Коминициативы организованной структуры на подобии «Красной Помощи» 20-х годов с целью обеспечения юридической защиты преследуемых и заключённых товарищей и оказания материальной помощи им и их семьям, привлекая к работе в ней

наиболее близких к нашим партиям юристов и прочих профессионалов. Мы отдаём себе отчёт в том, что этот вопрос не решается сиюминутно простым заявлением, но заложить основу для дальнейшей работы в направлении создания такой структуры считаем необходимым, пока не поздно.

Товарищи, путь к воссозданию Коммунистического Интернационала в современных условиях – длинный и непростой. Мы должны создавать условия, чтобы его пройти успешно и достойно. К работе, к борьбе!

ДА ЗДРАВСТВУЕТ КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ!

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Итоговое Заявление участников международной конференции «100-лет Коминтерна и задачи сегодняшнего коммунистического движения»¹

Коммунистические партии, принявшие участие в научно-практической конференции в Москве 1-2 июня 2019 г., посвященной столетию Коммунистического Интернационала, сохранили верность марксизму-ленинизму, великому революционному учению, сохранили отношение к марксизму-ленинизму как к науке, сохранили революционный пролетарский характер.

Наши партии подтверждают, что Интернационализм не просто присущ марксизму, как настоящей науке, интернационализм является главным необходимым условием и средством достижения целей коммунистов. Об этом однозначно и прямо сказано в Манифесте Коммунистической партии: **«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»**

Партии и движения, участники конференции, в целом положительно оценивают опыт созданного под руководством В.И. Ленина Третьего, Коммунистического Интернационала и признают его заслуги в деле развития и укрепления мирового коммунистического и рабочего движения. Особенно в деле создания коммунистических партий, борьбы с фашизмом XX века – разгромом гитлеровской Германии и её союзников по Антикоминтерновскому пакту. Мы считаем необходимым дальнейшее изучение опыта работы Коминтерна и использование его в практической борьбе. Наша положительная оценка совсем не означает, что опыт борьбы Коминтерна не содержал ошибок и не должен критически разбираться нашими партиями. Безусловно, анализ и разбор опыта и ошибок необходимы и должен проводиться, но прежде всего для того, чтобы, опираясь на знания, достижения и учет ошибок предшественников вести борьбу за социализм в современных условиях.

Мы отмечаем определённую схожесть сегодняшней ситуации с условиями и состоянием революционного движения начала XX века. Прежде всего, с тем, что наблюдалось во времена краха Второго Интернационала – мощнейшая волна оппортунизма захлестнула коммунистическое и левое движение. Более того, сегодня оппортунизм и ревизионизм являются управляемым и хорошо организованным оружием буржуазии. Верхом достижений этой политики

ренегатства ныне является пример партии Европейских левых. Это идеологический и организационный центр ревизионистов и правых социал-демократов, существующий на деньги Евросоюза и живущий по законам ЕС, работающий на укрепление империализма ЕС. Исходя из этого наблюдения, мы считаем особенно ценным ленинский опыт создания Коммунистического Интернационала с организацией решительной и бескомпромиссной борьбы с оппортунизмом, выработки теоретических принципов для последовательных революционных партий, которые были сформулированы как условия членства в Коминтерне. Сегодня совместная теоретическая и практическая борьба с оппортунизмом нашему движению абсолютно необходима.

Участники конференции исходят из того, что сегодня пока нет условий для немедленного учреждения нового Коммунистического Интернационала, нет партий масштаба и силы большевиков, нет страны победившей социалистической революции, которая бы взяла на себя идейное, организационное и материальное обеспечение функционирования общего центра, а также еще не продвинуто дело разработки современной революционной стратегии. Все это подчеркивает, что необходимость общей работы в области теории, общей практической работы, координации позиций и действий, безусловно, есть – для организационного, политического и идеологического укрепления компартий.

Участники встречи отмечают, что определенная работа в этом направлении по укреплению коммунистического полюса последовательно проводилась нашими партиями уже более 20 лет. Это и начатые в 1998 г. по инициативе КПГ встречи системы SolidNet, и выпуск журнала Международный коммунистический обзор, и создание движения Европейской коммунистической инициативы, и проведение конференций в Ленинграде и Москве и ряд других. Поэтому мы считаем, что, прежде всего, нужно развивать имеющиеся формы взаимодействия, наполняя их практическим содержанием по нескольким важнейшим направлениям:

- тема борьбы с оппортунизмом, как неотъемлемая и обязательная составляющая борьбы с империализмом, должна вестись нашими партиями вместе в теоретическом плане, и по возможности,

¹ Текст Итогового заявления на англ. языке – см. на сайте РКРП: <https://rkrp-rpk.ru/2019/06/14/итоговое-заявление/>

согласовываться в практическом исполнении на всех широких международных форумах;

- целью создания ещё Первого Интернационала – Международного Товарищества рабочих, – было развитие мирового рабочего движения, внесение в него научных знаний и движение к социалистической революции. Поэтому нашей общей приоритетной целью является укрепление каждой партии на национальном уровне и развитие массового рабочего сопротивления в каждой стране, интернационализация рабочего и профсоюзного движения на основах классовой борьбы против капитализма и всякой эксплуатации, всякого угнетения. Эта работа должна стать для наших партий не только объединяющей темой, но и инструментом укрепления самих партий, расширения их влияния в массах трудящихся своих стран;

- есть настоятельная необходимость совместного анализа и, по возможности, выработки общих оценок таких сложных и влияющих на развитие мировых событий явлений, как так называемое «построение социализма с китайской спецификой», а также моделей т.н. «социализма XXI века», которые, как мы считаем, противоречат основным принципам теории социалистической революции и социалистического строительства;

- постоянная взаимосвязь наших партий и помощь друг другу в деле усиления позиций каждой партии на национальном уровне как обязательное условие общего укрепления коммунистического полюса.

Партии, подписавшие данное Заявление, берут на себя обязательства и призывают другие пролетарские партии помнить, изучать и руководствоваться непреходящими принципами марксизма-ленинизма, воплощёнными в деятельности большевиков и созданного ими Коммунистического Интернационала!

Да здравствует марксизм-ленинизм!

Долой диктатуру буржуазии!

Да здравствует власть трудового народа!

Да здравствует непримиримая борьба против оппортунизма всех мастей!

Остаются актуальными необходимость и закономерности социалистической революции и социалистического строительства.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Итоговое Заявление подписано следующими партиями-участниками Конференции:

Коммунистическая партия Азербайджана
Белорусская республиканская организация КПСС
Марксистская платформа (Бельгия)
Коммунистическая партия Болгарии
Рабочий фронт Донбасса (ДНР)
Коммунистическая партия Эстонии (КПСС)
Коммунистическая рабочая партия Финляндии
Коммунистическая революционная партия Франции
Коммунистическая партия Греции
Венгерская рабочая партия
Коммунистическая партия Италии
Социалистическое движение Казахстана
Коммунистическая партия Казахстана (КПСС)
Коммунистическая партия Киргизстана (КПСС)
Социалистическая партия Латвии
Союз коммунистов Латвии (КПСС)
Социалистическая партия Литвы
Республиканская коммунистическая рабочая партия (ЛНР)
Коммунистическая партия Молдавии (КПСС)
Коммунистическая партия Мексики
Коммунистическая партия Норвегии
Коммунистическая партия Советского Союза
Российская коммунистическая рабочая партия
Коммунистическая партия Сирии
Коммунистическая партия трудящихся Испании
Коммунистическая партия Швеции
Коммунистическая партия Турции
Коммунистическая партия Приднестровья (КПСС)
Союз коммунистов Украины
Партия Народной Демократии (Южная Корея).

XXI Международная Встреча коммунистических и рабочих партий «100 лет создания Коммунистического Интернационала. Борьба за мир и социализм продолжается!»¹

18-20 октября 2019 г., Измир, Турция

18-20 октября 2019 года в Измире прошла XXI Международная Встреча коммунистических и рабочих партий входящих в систему SolidNet. На международную Встречу прибыли 137 представителей от 74 коммунистических и рабочих партий из 58 стран. Впервые организаторами Международной встречи выступили сразу две партии: Коммунистическая партия Турции и Коммунистическая партия Греции.¹

XXI Встреча проходила в 100-ю годовщину создания Коминтерна с темой: «100 лет со дня создания Коммунистического интернационала. Борьба за мир и социализм продолжается!». Современность и актуальность темы обусловлены не только юбилеем, но и динамикой развития международной ситуации.

Обострение межимпериалистических противоречий, антагонизмов между трудом и капиталом, ставшее закономерным следствием функционирования современного империализма, усугубляемое политикой глобализма, привело к очередному переделу капиталистического мира, что чревато развязыванием новых военных конфликтов и повсеместным наступлением капитала на права трудящихся.

В этих непростых условиях как никогда необходимы пролетарская солидарность и максимальная международная координация деятельности марксистско-ленинских партий, объективный обмен информацией, а также мнениями о положении рабочего класса, развитии классовых борьбы, задачах коммунистических и рабочих партий.

Для решения этих актуальных вопросов международного коммунистического движения коммунистам целесообразно обратиться к историческому опыту III Международного товарищества революционеров-марксистов – Коммунистического Интернационала – организации, созданной по инициативе большевиков в качестве реальной силы, способной объединить всех борцов за права рабочего класса.

В своем Обращении, принятом 20 октября, участники Встречи выразили солидарность с коммунистами и другими активистами, которые сталкиваются с преследованиями, запретами и нападениями на демократические права и свободы, поддержали борьбу Объединенного рабочего фронта Донбасса. Выразили солидарность с трудящимися, коммунистами Украины, которые борются против реакционного националистического режима в Киеве.

Также в документе содержится протест против антикоммунизма и искажения истории социализма, революционного движения в преддверии 75-летия Великой Победы над фашизмом.

Участники Встречи особо осудили антикоммунистическую резолюцию, недавно принятую Европарламентом.

Слова поддержки адресованы также всем страдающим от империализма и реакционных режимов, борющимся за право самостоятельно определять свое будущее.

Встречу открыл Генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Турции (ТКР) **Кемаль Окуян**, который, в частности отметил, что «Коммунистический Интернационал был основан, как революционный центр, в котором нуждался пролетариат, чтобы нанести смертельный удар по капитализму. В этом отношении нет никакой ошибки, называя Третий Интернационал мировой партией.

Коммунистический Интернационал был основан с крайне скудными ресурсами, делегации, приезжающие из разных стран на учредительный конгресс, не обладали большой представительской властью, и большинство партий-членов не имели большого веса в своих странах. Если оставить в стороне большевиков, пришедших к власти в России всего полтора года назад, Коммунистический Интернационал был основан крайне неэффективными партиями или группами.

Однако они действовали с большим убеждением, решительностью и оптимизмом.

Чрезвычайно важно определить соотношение сил между классами и держаться подальше от административной политической линии. Революции происходят не только благодаря решениям, которые мы принимаем. Наша задача не в том, чтобы совершить революцию, а в том, чтобы возглавить революцию. Однако верно и то, что кризисы капитализма увеличивают вероятность революции и между ними существует диалектическая связь.

В 1919 году коммунистические партии были чрезвычайно слабы как в количественном, так и в качественном отношении. Когда мы смотрим на мир сегодня, мы по понятным причинам, жалуемся на слабость коммунистического движения, но в 1919 году, когда был создан Коммунистический Интернационал, он также не имел большой власти. Однако никто не может утверждать, что международный капитал сегодня сильнее или долговечнее, чем 100 лет назад. Империализм терпит неудачу во всех смыслах, ему нечего сказать человечеству ни экономически, ни идеологически, ни политически.

Мы должны признать, что одно из самых важных отличий от ситуации 100 лет назад состоит в том, что идея о том, что капитализм может быть разрушен и что может быть установлен эгалитарный порядок, в значительной степени не воспринимается человечеством.

Это нельзя объяснить одними объективными условиями. Поддержка этой идеи в умах и сердцах широких масс людей, начиная с рабочего класса, – главная задача коммунистов. Эту идею нельзя отодвинуть, сославшись на неравенство сил. Напротив, именно распространение этой идеи изменит баланс сил.

Революционная политическая позиция невозможна без понимания того, что существует сильный капиталистический класс, действующий со все возрастающей уверенностью в себе, и что в целом внутренняя и международная политика Турции формируется в соответствии с интересами этого класса.

¹ С полными текстами выступлений можно ознакомиться на сайте: [https://www.solidnet.org/meetings-and-](https://www.solidnet.org/meetings-and-statements/imcwp/21st-international-meeting-of-communist-and-workers-parties/)

[statements/imcwp/21st-international-meeting-of-communist-and-workers-parties/](https://www.solidnet.org/meetings-and-statements/imcwp/21st-international-meeting-of-communist-and-workers-parties/)

Сегодня в мире цель построения коммунизма требует высокого уровня творчества и интеллекта. Когда это сочетается с мужеством и решительностью, защита социалистической революции в качестве актуальной цели влияет на рабочий класс. Обратное не могло быть возможным в эту эпоху кризиса, когда каждый день доказывается, что капитализму нечего дать человечеству.

Нам предстоит долгий путь, но, зная, что жизнь может в любой момент оставить нас наедине с исторической ответственностью, мы настойчиво идем по пути революции, по пути Ленина, который ознаменовал эпоху 100 лет назад. Важно то, что говорят наши товарищи, а не то, что открыто или тайно говорят антикоммунисты».

Второй организатор встречи – Греческая Коммунистическая партия, – в выступлении Генерального секретаря Центрального Комитета **Димитраса Куцумбаса** при открытии встречи, отметил:

«Мы тепло приветствуем вас на встрече текущего года, организуемой совместно Компартией Турции и Компартией Греции по решению Рабочей группы, здесь, на побережье Малой Азии, на побережье Эгейского моря, которое должно быть морем мира и сотрудничества, а не агрессии и провокаций, оспаривания суверенных прав в рамках противоречий буржуазных классов региона.

Рабочему классу, нашим народам, тем более соседним народам, греческому, турецкому народам нечего делить между собой. Общим является беспокойство и стремление к миру, дружбе, прогрессу, социализму.

КПГ выступает против соглашения о сохранении и расширении американо-натовских военных баз в Греции. Мы боремся против влутывания страны в империалистические планы, наносящие ущерб другим народам. Мы боремся за выход страны из империалистических союзов – НАТО и ЕС.

КПГ осуждает новое вторжение турецких войск в Сирию и выражает солидарность с сирийским народом, который испытывает тяжёлые последствия многолетней империалистической войны.

Мы должны подчеркнуть, что в этом году наша встреча проходит в период обострения империалистических противоречий, продолжения локальных и региональных империалистических войн и конфликтов, усиления эксплуатации рабочего класса, народных слоёв; капиталистических экономических кризисов, когда растёт тревога по поводу новой международной опасности, возможно, более глубокого и синхронизированного кризиса в ближайшие годы, обострения проблемы окружающей среды и изменения климата, проблемы беженцев и мигрантов, ограничения прав и свобод народа, роста антикоммунизма, расизма, национализма и т.д.

Наша партия развернула серьёзную деятельность в международном коммунистическом движении. Это является насущной необходимостью сегодня, после контрреволюционных потрясений 1991 года, а также в связи с экономическим кризисом капитализма, который требует ещё большей координации и организации совместных действий, чтобы международное коммунистическое движение делало активные шаги в направлении разработки единой стратегии против империалистической агрессии, империалистической войны, за мир народов, за социализм.

Рабочее движение с самого начала, с появлением и распространением марксистского мировоззрения и

созданием первых политических партий рабочего класса, встало на путь интернационализма.

Ленинский анализ империализма, теория о неравномерности развития и слабом «звене» в одной стране или группе стран, а также задачи каждой компартии, вытекающие из этой теории, исторический опыт всего прошлого века, ведут к выводу о том, что доминирующей остаётся борьба на национальном уровне¹. Но это не должно в итоге трактоваться как отказ от необходимости координировать и разрабатывать общую стратегию и деятельность коммунистов на всей планете. Эта необходимость приобретает сегодня ещё большее значение, поскольку капиталистическая интернационализация в форме глобализации приняла более масштабные формы не только в сфере экономики, но и в сфере политики, а также в результате создания международных и региональных межгосударственных союзов, НАТО, ЕС, МВФ и других.

Наша партия с момента своего основания была привержена принципам пролетарского интернационализма. Она никогда не отказывалась от необходимости единой стратегии коммунистического движения, направленной против империализма, нацеленной на социализм. (...) Мы никогда не пытались оправдать наши собственные ошибки или промахи, взвалить ответственность на кого-то другого.

В частности, некоторые вопросы, связанные с аспектами стратегии международного коммунистического движения в прошлые десятилетия, дают ценные уроки по поводу настоящего и должны обсуждаться в коммунистическом движении, потому что во многих отношениях возникают ошибочные мнения, которые приводят к поражению и отступлению революционного движения, закономерно доходящие до своего крайнего выражения – до контрреволюции.

ПЕРВЫЙ ВОПРОС, который в разработках КПГ существует как фундаментальный вывод и который заслуживает дальнейшего освещения, – это неспособность международного коммунистического движения сформировать единую революционную стратегию, особенно в ходе и сразу после окончания Второй мировой войны, а также в последующие десятилетия. Коммунистические партии, особенно партии в мощных капиталистических странах, несмотря на то, что провозглашали необходимость социализма, при формировании своей политики ставили цели, которые, независимо от намерений, не служили стратегии концентрации и организации сил для подготовки к столкновению и полному свержению буржуазной власти. Таким образом, большинство коммунистических партий на капиталистическом Западе не смогли сформировать стратегию превращения империалистической войны или освободительной борьбы против иностранной оккупации и фашизма в борьбу за завоевание рабочей власти в условиях острейших социально-классовых противоречий внутри страны, в которой они действовали. В то же время правящий класс продемонстрировал способность своевременно образовывать альянсы для защиты своей власти, а также для перестройки своих международных и внутренних альянсов.

ВТОРОЙ ВОПРОС. Фактом остаётся то, что многие партии ставили и ставят в качестве политической цели своей стратегии формирование некоторых "демократических правительств" в виде парламентской реформы или в виде промежуточного этапа революционного процесса. Мы

¹ Ред. – считаем, что как раз опыт борьбы рабочего класса не только XX, но и начиная с XVIII века, доказывал необходимость тесной взаимосвязи борьбы на национальном уровне с единством

действий борьбы рабочих и коммунистических партий на международном уровне. См. К. Маркс, Ф. Энгельс «Крита Готской программы».

настаиваем на том, что стоит подчеркнуть и задуматься над тем, каким образом наша партия, а также почти все компартии в своих программах поставили вопрос о зависимости своей страны. Задуматься над тем как они связали это с созданием союзов и выработкой предложений по «демократическому управлению». Практический исторический опыт, теоретические разработки и исследования ещё раз доказывают нам, что все виды зависимостей (экономические, политические, культурные и т.д.) в любом случае существуют в рамках международной империалистической системы между различными капиталистическими странами и формируются именно из-за неравномерности развития и, безусловно, являются зависимостями, которые не могут быть решены в рамках капитализма, а только путём социалистической революции, путём перехода к социализму. Разумеется, существует и особая проблема зависимости, связанная с военно-политической оккупацией одной страны другой, которая может быть решена и в рамках капитализма, то есть, например, успешно выдворить завоевателей из своей страны. Но эта проблема также может быть решена путём установления власти рабочих, т.е. свержения капитализма и построения народной власти и экономики, – задача, которую должно поставить революционное коммунистическое движение.

ТРЕТИЙ ВАЖНЫЙ ВОПРОС. По нашему мнению, исторический опыт показал, насколько утопичной была и является позиция относительно перехода к социализму через так называемое поэтапное «расширение буржуазной демократии». Высокие результаты компартий на выборах в прошлом, даже в условиях более благоприятного соотношения сил, не оправдали ожиданий поэтапного парламентского перехода к социализму, который многие пытались пропагандировать. Напротив, большие иллюзии и оппортунистические уклоны способствовали и привели коммунистическое движение к состоянию распада. Так, не было создано предпосылок для классовой эмансипации народных, рабочих движений, процесса, который развивает и расширяет революционную инициативу, связи с народными массами до появления новых условий, когда широкие экономические и политические кризисы, по сути, подпитывали бы массовую народную революционную деятельность.

В Западной Европе, в основном под сильным влиянием еврокоммунизма в 60-е, 70-е и 80-е годы, тактика формирования правительств сотрудничества с социал-демократией, то есть с буржуазными партиями, и участие компартий в правительствах, по существу, управляющих капиталистическим развитием, ставящих на первый план разрешение буржуазно-демократических и антимонополистических требований, привели почти все страны Западной Европы только к усилению власти капитала, к поддержке нового механизма репрессий и манипуляций.

ЧЕТВЕРТЫЙ ВОПРОС. Возрождение ревизионизма и оппортунизма в рядах коммунистического движения произошло вследствие отхода на реформистские позиции социал-демократии и во многих случаях на капиталистическом Западе привело к программе управления капитализмом в сотрудничестве с силами буржуазной демократии, в то время как многие коммунистические и рабочие партии, по существу, превратились или превращаются в социал-демократические. Очевидно, что опыт Октябрьской революции был полностью проигнорирован в этом вопросе. Тогда политика союза социал-демократии с буржуазией

рассматривалась большевиками как предательство по отношению к рабочему классу. Тогда большинство социал-демократических партий полностью отказалось от лозунга превращения империалистической войны в борьбу за власть рабочих в каждой стране. Ленин открыл фронт борьбы с социал-демократией на международном уровне. Прежде всего этот фронт проявился в России, в результате чего революционные силы не попали в ловушку целей и манёвров доморощенной буржуазии, мелкобуржуазного и оппортунистического давления. Позже возобладала позиция о том, что компартии не смогут вернуть рабочие массы, которые последовали за социал-демократией, что они будут изолированы от них, если не будут проводить политику союза с социал-демократическими партиями; стало догмой деление социал-демократии на «правую» и «левую», для того чтобы якобы «левое» крыло могло примкнуть к коммунистическому движению. Это никогда не было подтверждено. Так как большая часть народа, примкнувшая к другим партиям, как показывала практика на протяжении десятилетий, завоевывается в ходе обострения классовой борьбы, при развёртывании мощного идеологического фронта против всех вариантов буржуазной политики и в кульминационные моменты социально-политических конфликтов.

После роспуска Коммунистического Интернационала и, несмотря на проблемы стратегии, накопленные в коммунистических партиях, не удалось создать новой международной организации компартий.

Уже прошло достаточно много лет после контрреволюционных процессов 1989-1991 годов. За эти годы был накоплен новый опыт, положительный и отрицательный. В ряде стран компартии были реорганизованы или созданы заново. Международные встречи компартий были систематизированы, проводятся регулярные региональные и тематические встречи, разрабатываются другие инициативы, которые по некоторым вопросам более или менее достигли определённого единства действий. Эти шаги необходимо консолидировать и приумножить. Однако все это значительно отстаёт от той роли, которую должно играть коммунистическое движение в мировых событиях.

В то же время продолжает оставаться или даже усугубляться ряд проблем. Усилия по реорганизации коммунистического движения выдвинули на передний план старые проблемы и трудности, возникшие после контрреволюции и временного поражения социализма. Одновременно усиливаются государственные репрессии, криминализация коммунистической идеологии и практики, классовой борьбы. Признаки, появившиеся в последние годы, особенно в ЕС, являются общим предупреждением.

Примером является недавняя резолюция ЕС, за которую проголосовали все оттенки буржуазного политического спектра в Европейском парламенте – либералы, социал-демократы, «новолевые», экологи, зелёные, крайне правые, националисты, левоцентристы, – все те, кто, искажая историческую правду, начинают "охоту на ведьм", приравнивая фашизм к коммунизму, гитлеризм к сталинизму. Нечто подобное происходит и на других континентах.

Наша партия считает, что международные встречи коммунистических и рабочих партий полезны и, безусловно, должны продолжаться в рамках обмена мнениями и опытом внутри коммунистического и антиимпериалистического движения и усилий по координации борьбы. Но для существенной реорганизации, тем более для успешного контрнаступления международного коммунистического

движения, необходимо нечто большее. Требуются совместные усилия компартий, идеологические и политические взгляды которых основываются на марксизме-ленинизме, которые признают исторические попытки социалистического строительства в XX веке и его вклад, независимо от его финала, и необходимость борьбы за социализм.

КПГ сегодня более зрелая, чем когда-либо прежде, и может внести свой вклад в этом направлении.

КПГ понимает, что процесс революционной реорганизации будет медленным, мучительным, уязвимым, он будет опираться на способность коммунистических партий крепнуть в своей стране идеологически, политически и организационно.

Преодолевая ошибочные позиции, которые доминировали в международном коммунистическом движении в предыдущие десятилетия и воспроизводятся в различных формах в настоящее время, будет сочетать революционную деятельность с революционной теорией.

Закладывая прочные основы в рабочем классе, в отраслях экономики, имеющих стратегическое значение, повышая участие в рабочем, народном движении, укрепит каждую компартию.

Так пусть 100-летняя годовщина со дня основания Коминтерна станет новой отправной точкой для революционной реорганизации международного рабочего и коммунистического движения, которое будет бороться против контрреволюционной деятельности сегодняшних господствующих сил капитализма и регресса.

По-прежнему остаётся актуальным лозунг «Манифеста Коммунистической партии»: «Пролетарии всех стран - соединяйтесь!»

В.А. Тюлькин - секретарь ЦК РКРП отметил: «Сегодня наше положение во многом схоже с тем, что наблюдалось во времена краха Второго Интернационала – мощнейшая волна оппортунизма захлестнула коммунистическое и левое движение. Более того, сегодня оппортунизм и ревизионизм превратились из внутренних «добросовестных» и понятных, естественных при росте движения заблуждений внутри коммунистического сообщества, в управляемое и хорошо организованное оружие буржуазии. Верхом достижений этой политики является пример партии Европейских левых. Это идеологический и организационный центр ревизионистов, существующий на деньги ЕС и живущий по законам ЕС, работающий на укрепление империализма ЕС.

Есть и другие партии в сегодняшнем коммунистическом движении, скатившиеся на позиции оппортунизма – те партии, которые хорошо приспособились к спокойной, тёплой жизни при капитализме, у которых оказался исчерпан лимит на революции, те, кто отказался от главного ленинского критерия коммунистов – признания необходимости диктатуры пролетариата, те, кто главным способом своего существования считает не классовую, революционную, а парламентскую борьбу в рамках буржуазной «демократии», те, кто, как и опозорившиеся лидеры 2-го Интернационала, поддерживают «свою», родную буржуазию в её империалистической конкуренции против буржуазии «чужой». С помощью этих партий после распада СССР сегодня, в отличие от времен образования Коминтерна, буржуазии удастся обеспечить наступление реакции на права трудящихся в большинстве стран мира.

Поэтому мы уверены: вывод, который сделал В.И. Ленин: **«Борьба с империализмом, если она не связана неразрывно с борьбой против оппортунизма,**

есть пустая лживая фраза»¹, – этот вывод актуален и для нашего времени, а интернационализм остаётся стержнем политики коммунистов. Считаем полезным и необходимым в сегодняшних условиях вспомнить такой основополагающий инструмент Коминтерна, как 21 условие приема в Коминтерн. Это был шаг решительного и бесповоротного размежевания с оппортунистами. Эти положения были своего рода Уставом, не только и не столько ограничивавшим состав Интернационала, сколько служившим ориентиром для партий, стремившихся подняться на уровень самых революционных и самых научных, самых подготовленных к революционным боям. Это решение было и остаётся маяком, путеводной звездой для всего коммунистического движения. Эти условия необходимо изучать сегодняшним коммунистам и стремиться соответствовать им в своей деятельности. И это – ещё один важнейший урок для сегодняшних коммунистов.

Коминтерн создавался для вычленения подлинно коммунистических, революционных сил внутри прогнивших оппортунистических социал-демократических партий, для образования на их базе коммунистических партий научного, революционного марксизма. Он создавался как единый идеологический и организационный центр для становления таких партий. И он эту свою задачу выполнил блестяще. В исторически короткие сроки была создана могучая сила в лице международного коммунистического движения.

Мы можем вполне определённо сказать, что именно коммунисты, идеи коммунизма были главными противниками фашизма. Это признавали сами фашисты. Именно Антикоминтерновским пактом назвал Гитлер свой союз фашистов, созданный в 1936 году. Коммунисты внесли основной и решающий вклад в победу над этой бесчеловечной силой. Именно на Восточном фронте фашисты сломали зубы о сопротивление Советского народа – народа первого в мире государства трудящихся. Да, главный вклад в разгром фашизма и победу внёс Советский народ и его Рабоче-Крестьянская Красная армия. Но мы так же хорошо знаем, что огромную роль в борьбе и победе сыграли и партизанские отряды, и отряды Сопротивления в оккупированных фашистами странах. Знаем и то, что во главе этих сил почти везде стояли именно коммунисты. Вы, товарищи, это знаете не хуже нас. Знаем, что в большинстве случаев действовали эти силы под руководством именно Коминтерна. И эта славная страница в его истории никем не может быть оспорена. Коммунисты предвидели опасность фашизма, анализировали его возникновение и развитие, точно, по-марксистски определили его сущность как открытую террористическую диктатуру финансового капитала. Всё это способствовало и определило победу над фашизмом. И мы с полным основанием можем считать, что **главной исторической заслугой Коминтерна явилась именно победа над фашизмом.**

Вопрос самороспуска Коминтерна является наиболее сложным для анализа и понимания, даже во многом болезненным для оценки. Имеются серьезные расхождения между нашими партиями.

Но имеющиеся расхождения не должны заслонить главного. Компартии были созданы и действовали на всех континентах, фашизм был разгромлен. Была выполнена задача сохранения первого государства рабочих и крестьян, СССР, как оплота социализма и для сохранения перспективы мировой революции. Социализм шагнул за пределы одной страны. Был создан социалистический лагерь!

¹ Ленин В.И. ПСС. – Т. 27. – С. 424.

Нас часто спрашивают рабочие и другие трудящиеся люди: *почему сегодня не воссоздан Коминтерн? Когда вы, коммунисты, это сделаете?* Наша партия считает необходимым прямо сказать: мы ещё не достигли того уровня, той высокой планки партии ленинского типа, которая была установлена Коминтерном. Поэтому мы пока просто не можем ставить вопрос о немедленном объединении в новый коммунистический Интернационал, как этого хочется многим хорошим и нетерпеливым товарищам. Но делать шаги в этом направлении, прежде всего для согласования позиций и координации наших действий необходимо.

Именно для этой цели по инициативе Российской коммунистической рабочей партии и Коммунистической партии Советского Союза была проведена в июне этого года в Москве международная конференция партий, стоящих на позициях ортодоксального марксизма. Эта конференция была посвящена как раз столетию Коммунистического Интернационала. Мы с представителями ещё около сорока партий проанализировали опыт наших предшественников, прояснили отдельные спорные вопросы в их деятельности, постарались извлечь надлежащие уроки из всей совокупности принципов, решений, тактики и стратегии Коммунистического Интернационала. На нашей конференции мы постарались избежать парадных речей и красивых славословий по адресу Коминтерна.

Остаются актуальными необходимость и закономерности социалистической революции и социалистического строительства. Давайте помнить, изучать и руководствоваться непреходящими принципами марксизма-ленинизма, воплощёнными в деятельности большевиков и созданного ими Коммунистического Интернационала!"

Представитель **Партии коммунистов Сербии** отметил, что природа человека такова, что он мечтает о светлом будущем, а задача коммуниста строить на практике лучшее и более справедливое общество. Коммунисты Сербии наследуют товарищам из социалистических стран, которые выполнили эту свою основную обязанность и строят общество в общечеловеческом масштабе. Мы, которые живём при капитализме, являемся свидетелями того, что миллиарды угнетённых и эксплуатируемых на наших глазах покорно выполняют обязанности, которые им навязали капиталистические бандиты. Целые народы дисциплинированы и дрессированы с помощью тысячи законов и навязанных обязанностей. Чтобы наша борьба

за социализм была успешной, кроме самого стремления коммунистов, необходима их эффективная организованность, как в ленинский период. Надо использовать старые и новые методы классовой борьбы, которые в окончательном фазисе превратятся в вооружённую борьбу. Буржуазия никогда не отдаст власть мирным путём, поэтому партии, для которых участие на выборах является вершиной их политического ангажмента, совершают открытое предательство. Поэтому те, которые носят красное знамя, должны придерживаться революционной линии, которая всегда одинакова, только методы борьбы меняются. Ленин нам указал единственный путь и все, которые успешно разрушили капитализм, следовали по указанному им пути. К сожалению, и сегодня, существуют псевдокоммунистические партии, которые испуганы силой капиталистических государств, не способны на классовое сопротивление и принимают различные предъявляемые условия буржуазии. Их надо, как это сделал Ленин, устранить из коммунистического движения, так как капитулянтская и буржуазная среда стала их естественной средой, и они воюют в заранее проигранной битве по правилам капиталистической системы. Коммунисты Сербии постоянно напоминают общественности, что в национальной освободительной борьбе против фашизма и Социалистической революции в Югославии погибло 50 000 членов партии, 70 000 комсомольцев и столько же кандидатов в партию и мы поэтому никогда не откажемся от революционного разрушения капитализма.

Коммунисты Сербии стремятся к миру на планете, так как все наши военоспособные члены участвовали в войне с 1991-1995 год, защищая социализм и Югославию и в войне с НАТО пактом 1999 года и почувствовали на своей шкуре ужас войны. Чтобы наступил мир, капитализм надо разрушить, потому что неонацистская буржуазия во главе с США и в будущем будет создавать новые военные очаги. Военная промышленность самая прибыльная и поэтому богатые и на востоке, и на западе, инвестируют миллионы в неё, потому что их деньги не «пахнут». Мы ежедневно наблюдаем за трагедиями людей в районах где идёт война. Мы должны, как можно скорее, отомстить за каждую детскую слезинку и каждую жертву в районах, где продолжаются военные действия.

ОБРАЩЕНИЕ XXI МКРП 20 октября 2019 года, Измир

21-я Международная встреча коммунистических и рабочих партий была вновь организована через 4 года в Турции, на этот раз в Измире, при совместном содействии КПГ и КПТ. 137 участников, представляющих 74 партии из 58 стран, выражают благодарность обеим партиям, отвечавшим за подготовку этой встречи.

В этом году исполнилось 100 лет со дня основания Коминтерна. Мы стали свидетелями многих событий, которые вновь и вновь доказывают нам важность солидарности и общей борьбы коммунистических партий, а также значимость единства революционных усилий по преодолению капитализма как разрушительной мировой системы, не имеющей будущего.

Миллионы людей по всему миру сталкиваются с нарушениями своих прав, обострением проблем, бедностью, безработицей, миграцией и проблемой беженцев – результат исторически изжившей себя социальной системы. Обострение

классовых противоречий и межимпериалистических антагонизмов является результатом развития, критерием которого является прибыль монополий и эксплуатация.

Противоречие между трудом и капиталом углубляется вместе с эксплуататорским, угнетающим и агрессивным характером капитализма, и рабочий класс, как всегда, несет на себе тяжелое бремя.

Обостряются антагонизмы, создаются очаги военной напряженности в результате империалистической агрессии. Идет наращивание военных действий, атак, дестабилизирующих операций, санкций, блокад со стороны империалистических сил, протагонистом которых являются США и другие мощные капиталистические державы ЕС. Давление НАТО на государства-члены по поводу увеличения их военных расходов, увеличение расходов на ядерное оружие и космические исследования в военных целях, планы по созданию «европейской армии», военные

учения и обучение военнослужащих направлены не на обеспечение безопасности и мира во всем мире, а на продвижение интересов монополий и навязывание империалистического господства народам всего мира.

Присвоение результатов научно-технического прогресса капиталом создает катастрофическую перспективу, а не служит прогрессу человечества. Огромные возможности, создающиеся в результате развития науки и техники для решения серьезных проблем человечества, будут использованы только при установлении власти рабочего класса. Социализм является жизненно важной необходимостью, а также единственным решением в этом наступлении на окружающую среду.

Несмотря на трудности, рабочие и народные силы реагируют на натиск капитала. Ведутся забастовки и другая борьба трудящихся, народное сопротивление против оккупации и империалистических угроз и вмешательства во внутренние дела, борьба в защиту демократических прав.

События в Азиатско-Тихоокеанском регионе вызывают тревогу. США и другие страны пытаются подорвать мир и стабильность в этом регионе, используя существующие конфликты и споры между странами по различным вопросам. Ситуация требует объединенных усилий народов, совместной деятельности по разрешению сложившейся ситуации мирными средствами, при уважении суверенных прав всех стран и международного права.

Участники МКРП, в частности, отмечают агрессивность американского империализма и его союзников в Персидском заливе, создающих там очень опасную ситуацию для народов региона и мира, и решительно осуждают угрозы в отношении Ирана.

В этих условиях необходимо укреплять интернациональную солидарность между коммунистическими партиями и классовыми рабочими организациями, общественными, народными и прогрессивными движениями, движениями бедных крестьян и рабочих земли, которые должны возглавить сопротивление и борьбу трудящегося народа.

Участники выразили свою солидарность с народами Турции и Греции и коммунистами двух стран, которые борются в сложных условиях, поскольку ситуация в регионе Восточного Средиземноморья угрожает миру. Эскалация напряженности между Турцией и многими другими странами региона, в частности, действия в ИЭЗ Кипра, нарушающие нормы международного права, касающиеся права на разведку полезных ископаемых в Средиземноморье, могут развести в вооруженный конфликт, который может затронуть не только народы региона, но более широкий регион. Коммунистические и рабочие партии будут выполнять свой долг по защите мира в регионе, укреплению совместной деятельности и дружбы народов в борьбе против капиталистической эксплуатации в каждой стране и интересов монополий и империалистических держав.

Участники XXI МКРП призывают к проведению совместной и схожей деятельности и к солидарности: с забастовками и другой борьбой за рабочие и народные права.

С коммунистами и другими борцами, которые сталкиваются с преследованиями, запретами и нападениями на демократические права и свободы, и борются против антикоммунизма и искажения истории социализма и революционного движения. Отметить 75-летие Победы над фашизмом и особо осудить антикоммунистическую резолюцию, недавно принятую Европейским парламентом.

Широко отметить важную годовщину – 150-летие со дня рождения В.И. Ленина, а также 200-летие со дня рождения Энгельса.

Отдать дань памяти нашим товарищам Розе Люксембург и Карлу Либкнехту по случаю 100-летия со дня их убийства.

С социалистической Кубой, которая сталкивается с политическим, экономическим и военным окружением со стороны империализма под руководством США. Потребовать прекращения блокады Кубы со стороны США.

С народами, которые борются против империалистических военных интервенций США и их союзников, включая нападение турецкого правительства на Сирию, ведущее к дестабилизации всего региона, выступают в защиту независимости и территориальной целостности Сирии. Мы осуждаем израильскую агрессивность в отношении Ливана, Сирии и Ирака, а также нападение на Ливию, Донбасс, нападки на коммунистов Украины, и выступаем против реакционного киевского националистического режима, за права курдского народа, страдающего от империализма и реакционных режимов, за его право самому решать свое будущее.

С народом Йемена, страдающим от последствий затянувшейся войны с Саудовской Аравией и ее союзниками, приведшей к гибели тысяч людей. Отстаивать право народа Йемена самому определять свое будущее без иностранного вмешательства.

С народом Палестины за прекращение оккупации и за самоопределение, создание национального независимого государства со столицей в Восточном Иерусалиме в соответствии с резолюциями ООН. Поддерживать сопротивление палестинского народа, осуждать преступную политику Израиля и империалистическое предложение о так называемом "соглашении века".

С народом Кипра и другими народами, борющимися против иностранной оккупации. С народом Западной Сахары, борющимся против иностранной оккупации.

С народами Кореи, Венесуэлы, Никарагуа, Боливии и Ирана, борющимися против американской блокады, односторонних и принудительных мер, дестабилизации, экономических и банковских санкций и угрозы военного нападения. С народом Эквадора, борющимся против мер жесткой экономии, продвигаемых правительством страны.

С народом Колумбии, страдающим от последствий несоблюдения буржуазным правительством Мирного соглашения и эскалации преследований и убийств революционеров и других общественных и политических борцов. С народами, борющимися против реакционных режимов, с народами Судана, Пакистана, Ливана и другими народами в регионе Ближнего Востока и Африки. С иракским народом, поддерживая его справедливые требования.

С политзаключенными, которые были несправедливо осуждены в рамках политики по криминализации народной, антиимпериалистической и антикоммунистической борьбы; с беженцами и мигрантами, коренными народами во многих странах, против расистских и фашистских нападков и их чрезмерной эксплуатации. С борьбой за права и освобождение женщин от угнетения, дискриминации и эксплуатации. С борьбой молодежи за право на бесплатное образование, за жизнь без эксплуатации.

С борьбой против загрязнения окружающей среды под углом зрения интересов рабочего класса и общественных интересов. С борьбой за мир и независимость, против милитаризма и войны, против иностранных военных баз США/НАТО, против НАТО, за ликвидацию оружия массового уничтожения. С борьбой за осуждение увеличения запасов американского ядерного оружия и попыток США сорвать международные соглашения по контролю над вооружениями.

По случаю 75-й годовщины подписания Устава Организации Объединенных Наций мы осуждаем империалистические интервенции, которые на деле обходят стороной или аннулируют международные соглашения или решения ООН, достигнутые в прошлые десятилетия в результате вмешательства Советского Союза, социалистических стран в условиях иного расклада сил.

С народом Сирии; провести встречу солидарности 28-30 ноября 2019 года в Дамаске и другие акции и миссии солидарности в следующем году.

Коммунистические и рабочие партии, принявшие участие в XXI встрече коммунистических и рабочих партий, искренне выражают свою благодарность всем товарищам, которые помогли организовать это мероприятие. Наконец, они поздравляют все те партии, которые будут отмечать 100-летие своего создания.

Да здравствует пролетарский интернационализм!

Да здравствует революция и социализм!

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

Марксистско-ленинская теория мировой коммунистической революции – составная часть теории научного коммунизма. Против извращения истории Коминтерна

Т.И. Ябровой

Дорогие товарищи!

История Коммунистического Интернационала, и особенно роль Ленина, партии большевиков в подготовке, **основанного на практической деятельности, этой всемирной революционной организации** была всегда и остается поныне объектом огромного идеологического противоборства.

Карл Маркс, Фридрих Энгельс и В.И. Ленин во всех своих произведениях и на всех этапах политической деятельности мыслили революционный переход от предыстории человечества к подлинной человеческой истории, – как всемирный. При этом не исключалась, а предполагалась возможность возникновения начальных форм нового общества в нескольких или даже в одной стране. Как говорил К. Маркс, пролетариат должен сначала победить буржуазию прежде всего в национальных границах. Этот вывод был глубоко обоснован и развит В.И. Лениным, **но уже как закономерность возможности победы социализма в эпоху империализма первоначально в нескольких или даже в одной стране и невозможность его победы одновременно в большинстве или во всех странах.**

Карл Маркс, Фридрих Энгельс и В.И. Ленин во всех своих произведениях и на всех этапах политической деятельности *мыслили* революционный переход от предыстории человечества к подлинной человеческой истории, – как *всемирный*. При этом не исключалась, а предполагалась возможность **возникновения начальных форм нового общества в нескольких или даже в одной стране.** Как говорил К. Маркс, пролетариат должен сначала победить буржуазию прежде всего в национальных границах. Этот вывод был *глубоко* обоснован и развит В.И. Лениным, но уже **как закономерность возможности победы социализма в эпоху империализма первоначально в нескольких или даже в одной стране и невозможность его победы одновременно в большинстве или во всех странах.**

Но ни у К. Маркса, ни у Ф. Энгельса, и, позже, уже у В.И. Ленина это не означало вывода ни о завершенности, ни о необходимости победы социализма. В.И. Ленин существенно скорректировал в новых условиях теорию мировой коммунистической революции, но, отнюдь, не в сторону «местного коммунизма» в одной стране. Но, наоборот, – в сторону расширения масштабов процессов: "Мы все усилили приложим, чтобы с монголами, персами, индийцами, египтянами сблизиться и слиться, мы считаем своим долгом и своим интересом сделать это, ибо социализм в Европе будет иным" – писал В.И. Ленин.

Не классики марксизма-ленинизма виновны в том, что их фундаментальная идея и теория движения к коммунизму человечества как целого, оказалась

отданной на откуп троцкистам, извратившим ее и принесшим огромный вред международному коммунистическому движению.

Понятие «мировая революция» является важнейшей составной частью теории научного коммунизма и стоит в одном ряду с такими основополагающими понятиями марксизма, как общественно-экономическая формация, освободительная миссия рабочего класса, диктатура пролетариата, пролетарский интернационализм и др. И то новое, что внес В.И. Ленин накануне и в первые годы после победы Великого Октября состоит в развитии марксистской теории мировой коммунистической революции.

Именно эта теория стала для партии большевиков, других компартий и для Коминтерна в целом руководством к действию. Мы обязаны продолжить великое дело мировой революции, но для этого нужно овладеть марксизмом как всесторонне разработанной теорией, как наукой. Можем ли мы сказать, что мы уже выполнили эту задачу? Есть ли у нас в полной мере понимание того, чем обосновывается всемирный характер этой революции; означает ли признание В.И. Лениным возможности ее победы первоначально в нескольких или даже в одной стране отрицание первоначально разработанной К. Марксом и Ф. Энгельсом теории мировой коммунистической революции, и какова роль в этом всемирном революционном процессе Коминтерна?

Капитализм, как известно, сформировался как мировой способ производства, производительным силам которого было тесно в национальных границах. Он сначала создал мировой рынок, потом мировую экономику и финансы, а также его детище и его могильщика – мировой рабочий класс. Таким образом, сам капитализм в своем развитии стал объективной всемирной основой мирового характера коммунистической революции. В настоящее время эта основа воплотилась в господстве транс-национальных монополий, которые производят больше половины мирового валового продукта. Потому интернациональный характер революционного процесса и классовой борьбы вытекает из объективных закономерностей самого капитализма.

Коминтерн, это инструмент, вернее, орган, а еще вернее организационный центр (Роза Люксембург), который призван ввести в *практику* силы революционного *действия*, добиться *результатов* в осуществлении *задач* закономерного процесс в мировой пролетарской революции. Ибо цели марксизма, цель идеологии и деятельности коммунистических и рабочих партий – это построение коммунистического общества на смену старому капиталистическому антагонистическому обществу, которое положит начало нового этапа истории

– истории всемирно обобщественного человечества! (по определению К. Маркса).

К сожалению, Коминтерновской проблематике в советской исторической науке не повезло, в довоенные годы появилось несколько интересных исследовательских работ, но создать обобщающий труд по истории и значений деятельности Коминтерна не удалось.

После роспуска Коминтерна в течение почти четверти века вообще не выходило сколько-нибудь значимых работ по этой теме.

После реставрации капитализма в России многие документы Коминтерна (в то числе и секретные) были проданы за рубеж структурам ЦРУ и ФБР и др. Это привело к манипуляции с документами, особенно архивными из секретных фондов, подгонке фактов под заранее созданные схемы, выхватыванию отдельных фактов, а также к широко практикуемому методу, так называемого «обрезания». В результате этого не только смещаются акценты, извращается подлинный смысл и значение документов, формируются различные инсинуации истории мирового революционного движения и Коминтерна.

Фактически ныне это свидетельствует о новом этапе идеологической классовой борьбы, когда под видом обнародования ранее неизвестных, якобы подлинных документов, происходит дискредитация истории коммунистического и рабочего движения, подводится **научообразная** база для развязывания антикоммунистической истерии, обоснования принятия антикоммунистических законов и резолюций как на национальном (Прибалтика, Украина, Польша, Грузия и другие), так и международном уровне. Яркий пример этому – недавняя антикоммунистическая резолюция Европарламента, приравнивающая коммунизм к фашизму. Таким образом подводится база к запрету компартий, физическому преследованию коммунистов, в том числе и для оправдания карательных операций на Донбассе.

В этих условиях для коммунистических и рабочих партий Восточной Европы вновь в полный рост встала необходимость овладения опытом нелегальной работы для защиты своих организаций и кадров. Мы надеемся, что наши товарищи из партий, сохранивших этот опыт, помогут нам в этих вопросах.

Буржуазная пропаганда использует публикации **псевдоучёных** – идеологической obsługi империализма, проводимые ими «научные» конференции к 100-летию ВОСР, к 200-летию со дня рождения К. Маркса и к 100-летию организации Коминтерна, ведут идеологическую атаку на коммунистическую теорию, идеологию и деятельность компартий для борьбы с современным коммунистическим движением. В качестве самого недавнего примера такого рода служат материалы международной научной конференции, проведенной в Москве летом 2019 года по инициативе и финансовой поддержке фонда при президенте России и других международных грантов, посвященной 100-летию Коминтерна «ЛЕВАЯ АЛЬТЕРНАТИВА В XX ВЕКЕ: ДРАМА ИДЕЙ И СУДЬБЫ ЛЮДЕЙ», – ее программа и аннотации докладов размещены в Интернете. Вывод этой «научной конференции» таков: Коминтерн, это насильственный экспорт революции, разжигающий классовую ненависть и принесший народам разрушения и страдания.

Перед коммунистическими и рабочими партиями в полный рост встала задача учиться побеждать в этой идеологической борьбе с буржуазией, что требует также опоры на подлинные архивные исторические документы, без чего невозможно доказательно противостоять этой идеологической диверсии, противостоять оппортунизму, идущему вместе, а зачастую и впереди буржуазной пропаганды в извращении исторической роли Коминтерна, сформулировать новые задачи международной борьбы коммунистических и рабочих партий в современных условиях, их революционную стратегию и мобилизовать пролетариат на решительную борьбу против капиталистического рабства.

Мы должны руководствоваться заветом В.И. Ленина, сформулированном на третьем конгрессе Коминтерна: главное в мировом коммунистическом движении – учиться побеждать!

Для нас это означает: овладевать революционной теорией марксизма и учиться ее применять в практике классовой борьбы, организовываться для победы мировой коммунистической революции.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь и побеждайте!

Да здравствует победа мировой пролетарской революции!

Коминтерн как штаб мировой революции во время первой атаки на капитализм

Айнур Курманов

Коминтерн создавался с самого начала именно как штаб мировой социалистической революции, как инструмент организации и проведения восстаний пролетариата в разных странах земного шара. Сама Великая Октябрьская Социалистическая Революция считалась прологом и началом мировой пролетарской. Судьба русской революции напрямую связывалась тогда с победой революции в западных странах, а затем и на Востоке.¹²³

«Коммунистический Интернационал ставит себе целью: борьбу всеми средствами, даже с оружием в руках, за низвержение международной буржуазии», – говорилось в Уставе Коминтерна, принятом его II конгрессом в августе 1920 г. Для ведения такой борьбы требовалась соответствующая организация. «По существу дела Коммунистический Интернационал должен действительно и фактически представлять собой единую всемирную коммунистическую партию,

¹ Энгельс Ф. – И. Вейдемейеру. 12 апреля 1853 г. / Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. – Т. 28. – С. 490.

² Ленин В.И. Ценные признания Питирима Сорокина / ПСС. – Т. 37. – С. 190.

³ Айнур Курманов – Социалистического Движения Казахстана.

отдельными секциями которой являются партии, действующие в каждой стране»¹.

Тогда созданный в Москве Коминтерн казался организатором мировой пролетарской революции. «Можно ручаться, что победа коммунистической революции во всех странах неминуема... победа Коммунистического Интернационала во всем мире и в срок не чрезвычайно далекий – эта победа обеспечена»², – говорил Ленин в марте 1920 г. в связи с первой годовщиной Коминтерна.

Базой Коминтерна являлась победившая партия – РКП(б) и соответственно Советская Россия, а затем и Советский Союз, как первое рабочее государство. Отсюда и та ведущая роль СССР в деле поддержки коммунистических партий и Коминтерна в целом.

Партии, рожденные в результате Октябрьской социалистической революции и объединенные штабом мировой революции, которая в те годы представлялась делом ближайшего будущего, по сути, повторяли в последующем политическую эволюцию страны советов и ее руководящей партии.

Естественно, что коммунисты Советской России, а затем и СССР, помогали, как становлению зарубежных партий, так и укрепляли их идеологически, готовили кадры, обеспечивая технические ресурсы, типографиями, документами, оружием. РКП(б) в начале 20-х всячески, и порой напрямую, поддерживала все выступления и восстания рабочего класса и нарождающихся компартий в Германии, Болгарии и Эстонии, оказывала помощь движениям в колониях империалистических стран.

В последующем многие из тех, кто прошел через эту школу, стали у руля новых государств «народной демократии» в Восточной Европе, Китае, Вьетнаме и других странах уже после победы СССР во второй мировой войне.

Для продвижения Коминтерна в Азию важнейшую роль сыграл Съезд народов Востока в Баку в августе 1920 года, делегаты которого заложили основу появления многих компартий и профсоюзов в колониальных странах Ближнего Востока и Китае.

Без поддержки Советской России это было бы невозможно, поэтому можно сказать, что и Коммунистический Интернационал был частью нового государства, которое считалось колыбелью мировой Республики Советов. Разделить Коминтерн от Советской России и СССР невозможно, и этот международный штаб был инструментом революционной политики Москвы, которая должна была положить конец капитализму, империализму и разделению народов.

1919 и начало 20-х годов стали важным эпизодом, который поддерживал уверенность большевиков и многих иностранных коммунистов в возможности и даже неизбежности мировой революции. И даже после гибели лидеров Компартии Германии Розы Люксембург и Карла Либкнехта, поражения Венгерской и Баварской советских республик, Германия, Австрия и Венгрия представляли в 1920 году страны, где рабочее движение еще не было раздавлено.

Поход Красной Армии на Варшаву во время советско-польской войны 1920 году был во многом

устремлен на воссоединение с красным Берлином и пролетариатом Германии. В это время Германия была охвачена всеобщей забастовкой, а классовые бои в немецком Руре и формирование частей рабочей милицией названные «Рурской Красной Армией», противостоявшей путчу Каппа, создавали реальную почву для победы революции.

И даже после отката Красной Армии из Польши, мы видим попытки организации восстания в Эстонии в 1921-м году и в Болгарии в 1923 году, подавленные войсками и местными белыми. Массовое движение по захвату заводов и созданию советов также охватили в 1922 году север Италии, где на базе значительного левого крыла Соцпартии создавалась Компартия. В противовес рабочему и коммунистическому движению именно там впервые появился новый реакционный феномен – массовое мелкобуржуазное фашистское движение во главе с бывшим левым социалистом Бенито Муссолини. В последующем именно противостояние коммунистического и фашистского движений будет определять весь характер двух десятилетий в Европе.

Отдельно надо отметить подготовку вооруженного восстания против Веймарского правительства в Германии в 1923 году, в котором деятельное участие приняли многие известные деятели ИККИ. И хотя «немецкий Октябрь» не удался из-за нерешительности правого руководства КПП, рабочий класс, руководимый коммунистами во главе с Эрнстом Тельманом, показал себя во весь рост во время Гамбургского восстания.

Несмотря на ошибки руководства Компартии Германии, Компартии Болгарии и Балканской Федерации коммунистических и революционных организаций, первые открытые вооруженные столкновения с правительствами дали неоценимый опыт трудящимся и народным массам, показали саму возможность такой борьбы. В Болгарии же данные события создали на деле смычку коммунистической партии и профсоюзов с крестьянскими организациями, которая сохранилась вплоть до середины 40-х годов.

Этот период 20-х годов момента первой атаки на капитализм, по нашему мнению, является наиболее героическим периодом в истории становления и развития Третьего Интернационала, где на практике во многих странах коммунисты и революционные рабочие пытались взять власть, часто боролись в подполье и активно создавали организации компартий и связанных с Коминтерном объединений.

Международные и особые структуры Коминтерна

Инструментами в этом выступали не только партии секции, но и различные разветвленные структуры, призванные усилить влияние коммунистов в рабочем и молодежном движениях. В частности, в соответствии с тактической линией в последующие годы сформировалась сеть примыкающие к Коминтерну массовых организаций – Коммунистический интернационал молодежи, Международная организация помощи борцам революции, Профинтерн и другие.

Коммунистический интернационал молодежи (КИМ) был основан в конце ноября 1919 г. в Берлине. С начала

¹ Резолюция II Всемирного Конгресса Коммунистического Интернационала (Коминтерн) об условиях приема в

Коммунистический Интернационал, 6 августа 1920 г. РГАСПИ, ф. 489, оп. 1, д. 16, лл. 5-12. Копия.

² Там же.

20-х гг. его деятельность была тесно связана с Коминтерном. Влияние КИМа распространялось не только на молодежные организации компартий, но и на студенческие союзы и даже молодежные организации социал-демократии.

Необходимость в организации МОПР, была обусловлена политическими репрессиями против революционеров, многие из которых погибли в борьбе или находились в тюрьмах, а также помощи членам их семей. По инициативе группы старых большевиков IV конгресс Коминтерна принял специальное решение о создании Международной организации помощи борцам революции (МОПР). В резолюции V конгресса Коминтерна говорилось, что коммунистические партии должны оказывать всемерное содействие МОПР, способствуя организации его секций и отделений в своих странах, обязуя своих членов принимать в последних самое активное участие. Партийная пресса должна была уделять на своих страницах надлежащее внимание МОПР в деле агитации и пропаганды помощи борцам революции.

В начале 20-х годов закладываются основы разветвленных структур Коминтерна, в которых важную роль сыграл старый большевик Иосиф Пятницкий, возглавивший Отдел Международных Связей (ОМС). Именно его секретный отдел, просуществовавший до 1937 года, стал становым хребтом всего Коминтерна, так как фактически организационно управлял и координировал деятельность руководства компартий. Иосиф Пятницкий был назначен по рекомендации самого Владимира Ильича Ленина, так как он ценил его за выдающуюся деятельность в царское время и налаженную работу по доставке в Россию из Европы нелегальной большевистской литературы.

Фактически ОМС стал спецслужбой Коминтерна, контролировал финансовые потоки снабжения зарубежных партий и содержание подпольных военных организаций компартий, готовых к активным выступлениям в случае возможной интервенции в отношении СССР. То есть, как и в случае с массовыми забастовками в Европейских странах и США 1919-1920 годов против войны в отношении Советской России, так и наличие военизированных организаций компартий, связанных с профсоюзами, стали сдерживающим фактором для Британии, Польши и Франции развязать новую интервенцию.

Необходимость в создании второй организации – Международной организации помощи борцам революции (МОПР), была обусловлена политическими репрессиями против революционеров, многие из которых погибли в борьбе или находились в тюрьмах, а также помощи членам их семей. По инициативе группы старых большевиков IV конгресс Коминтерна принял специальное решение о создании МОПР. В резолюции V конгресса Коминтерна говорилось, что коммунистические партии должны оказывать всемерное содействие МОПР, способствуя организации его секций и отделений в своих странах, обязуя своих членов принимать в последних самое активное участие. Партийная пресса должна была уделять на своих страницах надлежащее внимание МОПР в деле агитации и пропаганды помощи борцам революции.

Не надо забывать, что первые нити и сети советской военной разведки и разведки ОГПУ и НКВД строились именно на базе разветвленной разведывательной сети Коминтерна, так как компартии и движения,

примыкающие к Коминтерну, порой появлялись в странах раньше, чем советские спецслужбы. Это еще раз показывает неразрывную связь государственных структур и структур Коминтерна.

В 20-е годы появляется четыре Коммунистических ВУЗа. Первый из них, Ленинская школа, предназначался для товарищей, уже накопивших большой практический опыт, но лишённых возможности по-настоящему учиться. Через этот университет проходили будущие руководители коммунистических партий. Вторым назывался Коммунистический университет национальных меньшинств Запада. Третий назывался Коммунистический университет трудящихся Востока имени И.В. Сталина. Четвертым выделился из третьего и стал именоваться Университет имени Сунь Ятсена, который был создан специально для китайцев.

Данные институты сыграли большую роль в подготовке кадров Коминтерна. Институт стран народов Востока, просуществовали до 1938 года. Выпускники этих ВУЗов в последующем принимали участие в становлении, а затем и возглавили коммунистические партии, а также крупнейшие профсоюзы колониальных стран Азии, Африки и Латинской Америки. Формирование сетей МОПРа, КИМа, Профинтерна трудно переоценить для дела международного коммунистического и рабочего движения. Все они имели свои центральные офисы в Москве.

База новых компартий

Надо отметить, что приняли участие в создании компартий после краха Второго Интернационала не только традиционные левые фракции социал-демократии. Традиционные социал-демократии дали основу для создания компартий в Италии, Франции и частично Германии, где основателями выступили спартаковцы, а затем в партию вошло две трети НСДПГ. В целом очень много людей стали коммунистами, ранее не состоя в партиях, являясь либо выходцами из интеллигенции, либо бывшими фронтовиками. Ситуация несколько меняется с 1920 года, когда образуются массовые партии.

Появляются совершенно новые организации и группы, не связанные с прежними рабочими партиями, которые и становятся базой по формированию секций Коминтерна. В единое движение вливались условно несколько потоков. Первый состоял из членов старых социал-демократических и социалистических партий, второй был из числа бывших или действующих синдикалистов и деятелей профсоюзов, а также из бывших фронтовиков, третий в странах Азии и Востока формировался за счет части молодой интеллигенции и учащихся, ранее выступавших с национально-освободительных позиций.

Большой толчок развитию кадров и появлению компартий в Югославии, Чехословакии, Австрии и Турции стали бывшие военнопленные, которые восприняли принципы Октября и принимали активное участие в гражданской войне в России. В первую очередь речь идет о солдатах австро-венгерской и германской армий, которые создавали отдельные национальные коммунистические части Красной Армии, а в последующем уже в качестве опытных кадров становились руководящими деятелями компартий в своих странах.

С самого начала еще до образования Коминтерна в РКП(б) существовал иностранный отдел и иностранные

секции или иностранные группы партии, которые координировали деятельность иностранцев, вступивших в партию и участвовавших, как в гражданской войне на фронтах, так и посылавшихся за линию фронта в целях агитации в войсках интервентов. Среди них известные венгерские коммунисты Бела Кун и Матэ Залка, учительница-француженка Жанна Лябурб, проводившая в Одессе подпольную работу среди французских солдат, чешский писатель-коммунист Ярослав Гашек, сербский кавалерийский командир Олеко Дундич.

Кстати, многие делегаты на первом учредительном конгрессе Коминтерна в марте 1919 года были иностранцами, вступившими в РКП(б). И это немудрено, так как в этом году в мире было только две массовые коммунистические партии – в России и Германии. Поэтому реальное становление Коминтерна, многие исследователи, да и сами его деятели, считают с момента проведения уже второго конгресса Третьего Интернационала в 1920-м году, в котором принимали участие представители уже нескольких десятков партий.

Как мы уже говорили, определенную роль в становлении организаций Третьего Интернационала сыграли, как ни странно, синдикалисты и деятели профсоюзов, которые, не смотря на разногласия с коммунистами, вступили в Профинтерн на учредительном конгрессе в 1921 года в Москве.

Большевикам удалось разбить единый блок синдикалистской оппозиции в Европе и США. Руководство Профинтерна достигло договоренности с делегацией испанской Национальной Конфедерации Труда (НКТ), пообещав ей, что коммунисты будут содействовать слиянию социалистических профсоюзов Всеобщего союза трудящихся (ВСТ) с НКТ. Французские делегаты на встречах с представителями Коминтерна и Профинтерна согласились с тем, чтобы в каждой стране координация работы компартий и профсоюзов осуществлялась в соответствии с местными особенностями. В США к Профинтерну, а затем и к Коминтерну примкнули некоторые известные деятели революционной организации Индустриальные рабочие Мира (ИРМ).

Профинтерн на многие годы станет также оружием III Интернационала по завоеванию рабочего движения.

Совершенно новые партии и структуры в основном возникли в Азии и колониях во многом под влиянием эпохального съезда народов Востока в 1920-м году в Баку. Это было прямое следование ленинской концепции мировой революции, предусматривавшее объединение вокруг Советской России «всех просыпающихся народов Востока» для решающего натиска на мировой империализм.

В числе 21 условия приема в Коминтерн от 30 июля 1920 г., разработанных В.И. Лениным, указывалось, что партия, желающая принадлежать к III Интернационалу, «обязана беспощадно разоблачать проделки “своих” империалистов в колониях, поддерживать не на словах, а на деле всякое освободительное движение в колониях, требовать изгнания своих отечественных империалистов из этих колоний...»¹.

Движение на Восток

До этого уже был опыт образования в 1918 году мусульманской коммунистической партии, работа с

турецкими военнопленными, создания национальных частей Красной Армии и вовлечения мусульманского и туземного населения Средней Азии в систему Советов. Важнейшей основой стало обращение советского правительства к мусульманам России сразу после Октябрьской Социалистической Революции, когда большевики выступили освободителями от векового царского гнета и фактически призвали жителей колоний к восстанию.

Мысли большевиков в 1920 году после поражения Венгерской и Баварской советских республик, убийства фрайкоровцами, по указанию социал-демократов, основателем Компартии Германии Розы Люксембург и Карла Либкнехта, а также после неудачного похода на Варшаву, были устремлены на Восток, то есть на Иран, где на севере была создана на некоторое время Советская республика, и на Индию.

Для этих целей большевиками создавался Туркестанский фронт, формировались военные части, которые должны были начать поход в Индию для инициирования восстания. Это не было просто какая-то авантюра, так как крупнейшую колонию Великобритании сотрясали народные волнения и массовое протестное движение. В контексте этой общей идеи важная роль предписывалась подрыву и разрушению империалистической периферии посредством национально-освободительных революций. И в этой работе должное место отводилось Коминтерну.

Этому не суждено было сбыться, касаясь броска на Индию, но в результате принципиальной позиции, антиколониальной политики РКП(б) и Коминтерна были заключены первые соглашения Советской России с Афганистаном, Турцией и Ираном. В последующем представители национальной интеллигенции и учащейся молодежи, стоявшие на позициях национально-освободительного движения, под влиянием идей Великой Октябрьской Социалистической Революции стали основателями компартий.

Как мы говорили до этого, главную роль в этом сыграл именно I съезд народов Востока, в котором участвовали уже и представители многих других стран. Решение, провести этот съезд в Баку, было принято в конце июня 1920 года Исполкомом Коминтерна и ЦК РКП(б). Было создано организационное бюро по подготовке съезда, в которое вошли Серго Орджоникидзе, Елена Стасова, Нариман Нариманов и Ашот Микоян.

Это был съезд не только коммунистов, но и беспартийных, антиимпериалистически настроенных национальных деятелей, представителей широких масс трудящихся и их организаций. В нем приняли участие представители 37 национальностей, в том числе из Афганистана, Египта, Индии, Персии, Китая, Кореи, Сирии, Турции и других стран, треть из них не была коммунистами. Это была важная работа большевиков по привлечению представителей молодой интеллигенции угнетенных народов, которые в последующем стали основателями коммунистических партий или дружественных СССР организаций в своих странах.

Съезд под председательством Г. Зиновьева и К. Радека, которые выступали от имени ЦК РКП(б), работал неделю и принял ряд важных решений, выразил солидарность с тезисами состоявшегося за месяц до этого II конгресса Коминтерна по

¹ Условия принадлежности партии к Коминтерну.

национальному и колониальному вопросам. Были одобрены и вскоре опубликованы воззвания к народам Востока с призывом к борьбе против колонизаторов и воззвания к трудящимся Европы, Америки и Японии с призывом поддержать освободительное движение народов Востока. На съезде выступили представители компартий Европы и Америки: Бела Кун (Венгрия), Джон Рид (США), Томас Квелч (Англия), Россмер (Франция), представители многих народов Востока.

Ленин дал весьма высокую оценку этому съезду. В своей речи 15 октября 1920 года на совещании председателей уездных, волостных и сельских исполнительных комитетов Московской губернии, говоря о II конгрессе Коминтерна и съезде народов Востока в Баку, он отметил, что *«это те международные съезды, которые сплотили коммунистов и показали, что во всех цивилизованных странах и во всех отсталых восточных странах большевистское знамя, программа большевизма, образ действий большевиков – есть то, что для рабочих всех цивилизованных стран, для крестьян всех отсталых колониальных стран является знаменем спасения, знаменем борьбы, что действительно Советская Россия за эти три года не только отбила тех, кто бросался, чтобы ее душить, но и завоевала себе сочувствие трудящихся во всем мире, что мы не только разбили наших врагов, но мы приобрели и приобретаем себе союзников не по дням, а по часам»*¹.

Роль этого мероприятия 1920 года в Баку трудно переоценить. Именно после съезда народов Востока во всех колониальных странах начался процесс создания коммунистических партий. Коммунистическая партия в Израиле была образована в 1919 году, в Турции и Индонезии – в 1920 году, в Китае – в 1921 году, в Японии – в 1922 году, в Малайе – в 1926 году, во Вьетнаме и на Филиппинах – в 1930 году, в Индии – в 1933 году, в Бирме – в 1941 году. Коммунистические партии возникли также во многих других странах Ближнего и Среднего Востока, но большая часть из них находилась на нелегальном положении. Во всех этих странах развернулась активная работа по созданию и развитию профсоюзов. Одновременно с помощью Коммунистического Интернационала шло создание коммунистических партий в полуколониальных странах Латинской Америки.

В последующем уже в январе 1922 года в Москве собрался I съезд трудящихся Дальнего Востока. Созданный в 1921 году в Москве Коммунистический Университет народов Востока (КУТВ) при Коминтерне подготовил для колониальных народов тысячи политических руководителей. В разные годы в КУТВ, упраздненном в 1938 г., обучались представители 73-х национальностей из десятков стран мира.

Китайская компартия и Шанхайская резня 1927 года

Самым ярким примером успеха такого подхода в деле проведения съездов народов Востока и Дальнего Востока стало создание Коммунистической партии Китая, которая была основана в 1921 году студентами и интеллигентами, организовавших марксистские кружки. Благоприятная почва была создана для этого и кантонским правительством Сунь-Ятсена, который был

дружественно настроен в отношении красной Москвы. Более того, являясь руководителем националистической партии Гоминдан, онощупывал возможности вступления в новообразованный Коминтерн. Поэтому КПК зародилась на самобытной почве без социал-демократического прошлого.

Реализуя решения своего первого съезда, коммунисты Китая стремились активно включиться в рабочее движение, стать его подлинными инициаторами и организаторами. Развернувшийся в начале 20-х гг. подъем стихийного забастовочного движения благоприятствовал работе коммунистов. В июле 1921 г. в Шанхае по инициативе коммунистов создается Всекитайский секретариат профсоюзов, сделавшийся постепенно подлинным руководящим центром рабочего движения. Большое значение для рабочего движения имела успешная стачка моряков Гонконга (январь-март 1922 г.), поддержанная правительством Сунь Ятсена в Гуанчжоу и забастовками солидарности в Шанхае, встретившая сочувствие и помощь за рубежом.

Последующие политические события, связанные с подъемом и разгромом рабочего движения, четко выявили своеобразие объективного положения КПК в условиях господства милитаристских режимов в полуколониальной стране. Важнейшее значение имела судьба забастовки на Пекин-Ханькоуской железной дороге в феврале 1923 г. Здесь большим влиянием пользовались профсоюзы, руководимые коммунистами, которые вели успешную борьбу за права рабочих. Испугавшись роста влияния профсоюзов, милитарист У Пэйфу 7 февраля жестоко расправился с забастовщиками, разгромил профсоюзы. Эта террористическая акция знаменовала начало определенного спада рабочего движения.

«Декларации II съезда КПК»

В этом документе формулируются концепция единого антиимпериалистического фронта и необходимость поддержки рабочим классом революционного буржуазно-демократического движения. Однако реализовать эту политику оказалось сложнее, чем сформулировать.

Подобные события толкнули коммунистов на союз с Гоминданом, который был на определенном этапе соприкосновения империалистам и милитаристам прогрессивной силой, но после смерти Сунь-Ятсена и возвеличивания Чан Кайши, ситуация резко изменилась в сторону реакционных буржуазных сил. Поэтому изначально «первый объединенный фронт» с Гоминданом был обречен. Конечно, на определенном этапе становления КПК данный союз усилил позиции коммунистов, но длительное продолжение работы в рамках единой организационной структуры вело к неизбежному конфликту.

В 1925 году Сунь Ятсен умер, и после его смерти между правым крылом Гоминдана во главе с Чан Кайши и левым крылом, возглавляемым Ван Цзинвэем, возник конфликт. Ван Цзинвэй стал председателем национального правительства, но военная власть была сосредоточена в руках Чан Кайши, командовавшим Национально-революционной армией (НРА). В июле 1926 года начался Северный поход – военная экспедиция НРА, целью которой было изгнание

¹ Ленин В.И. ПСС. – Т. 41. Май – ноябрь 1920.

милитаристов и объединение Китая. После того, как коммунисты и левое крыло Гоминьдана попытались провести земельную реформу и передать землю крестьянам в регионах, захваченных НРА, симпатии помещиков и богатых торговцев переметнулись на сторону Чан Кайши. Его поддерживали и иностранцы, живущие в концессиях в крупных городах Китая.

В январе 1927 года при поддержке КПК и советских агентов Ван Цзинвэй перевёл правительство в захваченный НРА город **Ухань** и провозгласил его новой столицей. 3 марта 1927 года рабочие под предводительством Чжоу Эньлая подняли в Шанхае восстание, разгромив войска военного губернатора и его союзников. Рабочие заняли всю территорию Шанхая за исключением иностранных концессий – Международного селтльмента и Французской концессии, которые охранялись военными и моряками США, Великобритании, Италии, Японии и других стран.

Вскоре к городу подошли части НРА под командованием Бай Чунси, верного соратника Чан Кайши. Правое крыло Гоминьдана было встревожено растущим влиянием коммунистов как в новом правительстве, так и в профсоюзах и рабочем ополчении. После международного скандала, который последовал вслед за Нанкинским инцидентом, Чан Кайши решил порвать с коммунистами и левыми в Гоминьдане.

Контрреволюционный переворот Чан Кайши совершил 12 апреля 1927 года, направив войска и гоминдановскую милицию для расправы с рабочими и членами КПК. Убийства коммунистов и террор продолжались по всему Китаю в течение многих недель. После победы над сторонниками КПК в крупных городах Чан Кайши полностью захватил власть в Гоминьдане и вскоре стал диктатором Китая. После падения 15 июля 1927 года Уханьского правительства коммунисты были вынуждены окончательно уйти в подполье.

Оставшаяся часть деятелей компартии выбрали путь борьбы в крестьянских районах, создавая освобожденные советские зоны, а затем и части Красной Армии. Однако опора на крестьянство было вынужденной мерой, так как Федерация Профсоюзов Китая, созданная при участии КПК, была разгромлена, а оставшиеся немногочисленные рабочие и коммунистические группы вынуждены были действовать в городах в условиях белого террора в глубоком подполье. Фактически КПК выдавили из крупных центров страны.

Часть левых в КПК и в ИККИ считало, что причиной поражения в Китае в 1927-м году стало увлечение теорией этапов, когда программа минимум партии менялась в угоду союза с Гоминданом, который являлся буржуазной националистической партией. Верхи Гоминдана в интересах реакционных кругов, помещиков, капиталистов и милитаристов в определенный момент пошли, как против китайских коммунистов, устроив белый террор, так и против СССР.

Уроки шанхайской резни показывают, что в тот момент в Китае произошло классическое размежевание классовых сил в национальной революции, когда коммунисты и передовые отряды рабочих и крестьян вынуждены были вступить на путь гражданской войны с националистическими буржуазными силами. Только после разгрома в Шанхае КПК ставит вопрос о советизации и о разворачивании вооруженной борьбы, теперь правда, опираясь на силы деревни.

Изменения тактики в целях защиты СССР и в результате смены внешнеполитических приоритетов

С конца 20-х годов происходит некоторое смещение значение и задач Коминтерна, особенно после поражения восстаний и революций в Европе и Китае, а также подавления всеобщей забастовки в Великобритании. После пятого конгресса в 1928 году в большей степени ее важнейшей задачей становится защита СССР от внешней угрозы в лице интервенции.

Это не означало отказа от мировой революции, а наоборот ставило задачу более тщательной подготовки восстаний, проведения серьезной работы по обучению военных кадров, формирования законспирированных вооруженных групп и отрядов, готовых развернуть партизанскую и диверсионную работу внутри стран агрессоров. То есть от первой кавалерийской атаки на капитализм, произошел переход к позиционной войне, когда необходимо было отвоёвывать профсоюзы, массовые организации, участвуя в кропотливой работе.

Тогда после ультиматума Лорда Керзона, да и вплоть до 1939-1940 года, угроза новой интервенции со стороны Великобритании и Франции оставалась вполне актуальной. Мы знаем теперь из архивных данных, что вынашивались различные планы нападения на СССР, в том числе во время и после войны с Финляндией. Поэтому задача защиты первого в мире рабочего государства, становилась насущным требованием момента, а Париж и Лондон, вкупе с Варшавой, рассматривались главными противниками в Европе и потенциальными агрессорами.

Особенно это становилось актуальным в случае нападения на СССР, как первого рабочего государства со стороны западных стран. Преобладает мысль о более тщательной деятельности по разложению войск и полиции, о проведении диверсионных работ. В недрах ОМС разрабатывается секретный документ, который получил название «Инструкция по работе среди войск». Он был переведен с русского на немецкий, английский и французский языки, надо думать, что и на китайский тоже.

Немецкий текст датирован 31 августа 1928 г. «Инструкция» была наиболее развернутым изложением отношения Коминтерна и компартий к революционной борьбе за власть и вооруженному восстанию, к военно-конспиративной работе коммунистов по разложению армии вообще – к подрывной деятельности против государственных учреждений стран капитала как в мирное время, так и во время войны, особенно же на случай военных действий против Советского Союза.

VI конгресс Коминтерна специально указывал, что в центре борьбы против военной опасности должна стоять защита СССР. Компартии обязаны ориентировать международный пролетариат на поддержку национально-революционных войн и революций, вести антивоенную работу в армиях империалистических государств, а в случае возникновения новой империалистической войны выдвинуть – как и во время Первой мировой войны – лозунг превращения ее в войну гражданскую, иными словами, в международную социальную революцию.

СССР сталкивался через Коминтерн в своей внешней политике в странах, как сейчас модно говорить, третьего мира, именно с этими колониальными империями. Поэтому всемерная поддержка национально-освободительного движения в этих

странах с участием появляющихся там коммунистических партий, была важным средством подрыва империй в их колониях, а беднота и крестьянская масса становились резервом предстоящей мировой революции.

Коминтерн развернул активную работу в колониях, борясь с британским империализмом, отмечают историки. По их словам, в это время обучение в СССР прошло значительное количество тех, кто после войны разрушил мировую колониальную систему.

Изменения работы в конце 20-х годов вовсе не означало объединения с социал-демократами, а даже наоборот, в той же Германии силы Компартии были направлены на борьбу против правящей СДПГ, как становой хребта буржуазной Веймарской республики. Социал-демократы представлялись даже большим злом, вспоминая белый террор при помощи сил фрайкора, устроенный Эбертом и Носке в 1919 и 1920 годах, чем массовое мелкобуржуазное фашистское движение.

Поэтому ошибочный тезис о «социал-фашизме» нашел такую поддержку не только у руководящего и среднего звена партий, но и у многих рядовых коммунистов.

Именно в ракурсе той обстановки и стоит рассматривать усилия ВКП(б) и ИККИ. Существенно сказывались на изменении тактики и стратегии Коминтерна и изменяющаяся международная обстановка и мировой кризис капитализма 1929 года, который повлиял на так называемый «левый поворот» Коминтерна и некоторые ультралевые идеи, и мысли его руководства, в том числе и его главы Бела Куна.

Уже с 1929 года и по 1935 годы начинается другая глава Коминтерна, связанная с надеждами части руководства ИККИ во главе с Бела Куном на новый революционный импульс в связи с мировой капиталистической депрессией. Этот период, как и пришедший на смену ему новый, названный временем «народных фронтов», требует отдельного изучения и осмысления.

Однако тогда это была позиция большинства, в том числе и руководства СССР. Помимо политических изменений, произошли и существенные организационные изменения, еще больше привязывавшие компартии к единому центру, то есть к Москве. Шестой Конгресс принял Программу и Устав Коммунистического Интернационала, где говорилось, что эта организация представляет собой «единую мировую коммунистическую партию».

В Программе закреплялись жёсткая централизация руководства коммунистическими партиями и требование «международной коммунистической дисциплины», которая должна выражаться «в безусловном выполнении всеми коммунистами решений руководящих органов Коммунистического Интернационала». Поддержка Конгрессом линии Сталина укрепила его линию в борьбе против «правых» тенденций, в частности против Бухарина.

Выступая с политическим отчетом ЦК на XIV съезде ВКП(б) Сталин говорил: «...Наша строительная борьба является тоже международной, интернациональной по своему значению, ибо наша страна есть база международной революции, ибо наша страна есть основной рычаг для развертывания международного революционного движения, и если у

нас здесь строительство идет должным темпом, это означает, что мы свою работу в международном революционном движении по всем остальным руслу делаем так именно, как этого требует от нас партия»¹.

Сталин в выступлении на VII расширенном пленуме ИККИ отметил: «...Победа пролетарской революции в одной стране является не самоцелью, а средством и подспорьем для развития и победы революции во всех странах. Поэтому строить социализм в СССР – это значит делать общее дело пролетариев всех стран, это значит ковать победу над капиталом не только в СССР, но и во всех капиталистических странах, ибо революция в СССР есть часть мировой революции, ее начало и база ее развертывания»².

Надвигающаяся мировая война и изменение линии Коминтерна

Перевооружение Красной Армии, индустриализация, коллективизация в СССР предполагали еще большую централизацию рабочего государства в целях активного противостояния силам империализма в будущей мировой войне. Эти процессы середины и второй половины 30-х годов оказали непосредственное воздействие и на Коминтерн. На это, безусловно, влияли глобальные процессы и события, произошедшие в Европе, главное из которых было усиление фашизма и милитаризма.

Приход в Германии к власти Гитлера и национал-социалистов, привело к запрету Компартии, разрушению организованного рабочего движения, и к возрождению германского милитаризма, жаждавшего реванша после поражения в Первой мировой войны. Одним из главных столпов идеологии нацистской НСДАП был воинствующий антикоммунизм и уничтожение Советского Союза, как «рассадника мирового большевизма». Поэтому над красной Москвой нависла еще большая опасность, как и очевидно было для советских вождей приближение новой мировой войны.

Победа нацистов в важнейшей капиталистической стране Центральной Европы, стало по-настоящему осязаемым поражением Коминтерна, осознанное до конца лишь в 1934 году. Ленин и большевики с самого начала рассматривали Германию как наиболее развитую промышленную страну на континенте, рабочая революция в которой должна была стать главным залогом успеха мировой революции. Несмотря на неудачи 1919-1920 и 1923 года, сильнейший немецкий рабочий класс с глубокими и давними традициями классовой борьбы был становым хребтом стратегии Коминтерна по развитию революционного процесса в Европе.

Разгром самой крупной в Европе Компартии Германии, а следом СДПГ и профсоюзов, репрессии в отношении лучших представителей немецкого рабочего класса, сделали невозможным следование прежней линии и фактически обрушили старую конструкцию представлений о практическом воплощении «Германского Октября». Тактика, под названием «класс против класса», выработанная на Шестом конгрессе Коминтерна, и тезис о «социал-фашизме» на фоне развертывания массового фашистского движения,

¹ Сталин И.В. Политический отчет Центрального Комитета. - Т. 7. - С. 3.

² Сталин И.В. VII Расширенный Пленум ИККИ. - Т. 9. - С. 15.

стали подвергаться критике внутри партий, а левый курс ИККИ оказался в тот момент в кризисе.

Следовало найти новую линию, которая могла бы противостоять фашистской угрозе. Помимо этого, произошло еще одно важнейшее событие, изменившее место страны Советов в Европе. 18 сентября 1934 г. общее собрание Лиги Наций приняло постановление о приёме СССР в Лигу и включении его представителя в её Совет в качестве постоянного члена. В середине 1930-х гг. в связи с ростом угрозы со стороны фашистской Германии, фашистской Италии и милитаристской Японии правительства некоторых государств стали искать сотрудничества с СССР как в рамках Лиги Наций, так и вне её.

15 сентября 1934 г. тридцать делегатов Лиги Наций обратились к Советскому правительству с телеграммой, в которой содержалось приглашение СССР вступить в Лигу и «принести своё ценное сотрудничество». Буржуазные круги Франции и Англии, а также Чехословакии тогда всерьёз стали рассматривать возможность заключения военного соглашения с СССР для противостояния поднимающей голову нацистской Германии.

Все эти условия создали основу для принятия в 1935 году на Седьмом Конгрессе Коминтерна компартиями тактики широких фронтов, названных «народными» в целях формирования временных союзов с социал-демократией и даже с некоторыми республиканскими и либеральными буржуазными силами для противостояния реакционным группировкам и фашизму. Данный курс просуществует в том или ином виде вплоть до семидесятых годов, а политические системы в Восточной Европе и Китае будут даже называться некоторое время «народными демократиями».

Можно предположить, что и сама тактика «народных фронтов», теоретически обоснованная, доведённая до своего совершенства теорией этапов, провозглашенная в 1935 году новым руководителем ИККИ Георгием Димитровым, на самом деле служила интересам СССР. В этот момент Коминтерн стал превращаться в советский внешнеполитический инструмент и средство борьбы с фашизмом. Компартии в таких союзах и блоках, даже в момент успеха на выборах во Франции и Испании, оказывались в меньшинстве и поступались своей программой.

В Китае эта политика в середине и конце 30-х проявлялась в виде неоднократных попыток руководства Коминтерна объединить Гомиьдан и Компартию, руководимую Мао Цзэдуном, в единый фронт для борьбы с агрессией Японии. Надо сказать, что эта тактика оказалась не совсем удачной, как и в 1927 году. Большой поток вооружений шел тогда со стороны СССР для вооружения как армии Чан Кайши, так и частей Красной Армии Китая, которые формально вошли в объединенную армию. Китайские коммунисты и красноармейцы продолжали периодически подвергаться вооруженным нападениям со стороны гомиьдановцев, и временный союз лишь на время загасил гражданскую войну.

Но наиболее серьезные испытания данная новая линия Коминтерна прошла во время гражданской войны в Испании.

Испания

В этой стране еще до прихода к власти правительства «Народного Фронта» сложилась революционная ситуация, а классовые бои и восстания вспыхивали в 1931 и 1934 годах. Компартия, действуя по инструкциям ИККИ, окончательно приняла стратегию «теории этапов» и рассматривала события в стране как буржуазно-демократическую стадию, когда требовалось лишь ограничиться защитой республики от Франко.

Это, по нашему мнению, было главной ошибкой Компартии Испании и Коминтерна, которые в угоду сохранения фронта с либералами и республиканцами в действительности сузили социальную базу поддержки режима, а революционный подъем рабочих и крестьянских масс в 1936 году, жаждавших социальных изменений, сменился в 1938-1939 годах на упадок, апатию и деморализацию.

Однако сама борьба в Испании против реакционных фашистских сил и войск итальянских и немецких интервентов имела огромный прогрессивный импульс по всей Европе, так как показала возможность переломить ситуацию и остановить фашизм. Героическая защита Мадрида, формирование интербригад по призыву Коминтерна привели к мобилизации сил коммунистических партий, в том числе итальянских и немецких коммунистов.

На помощь Испанской республике прибыло 42 тыс. иностранцев из 54 стран мира, до 35 тыс. из них участвовало в боевых действиях в составе 7 интернациональных бригад и 3 отдельных интернациональных батальонов, некоторое количество служило в вооружённых силах Испании, а медицинский персонал – в госпиталях, больницах и иных медицинских учреждениях.

В тоже время правительство «Народного Фронта» во Франции под давлением Великобритании неожиданно объявило о «невмешательстве в испанские дела» и разорвало договор о поставках оружия в республику. Сочувствовавшие испанским республиканцам французский премьер-министр Леон Блюм и министр авиации Пьер Кот отправили тем лишь небольшую партию устаревших самолётов без оружия. В последующем Франция объявила о полном эмбарго на ввоз оружия в Испанию.

Затем несовершенное соглашение о «невмешательстве» подписали все европейские государства, 9 сентября в Лиге наций начал работу специальный «Комитет невмешательства в испанские дела». Потом в разгар войны деятели Второго Интернационала в Брюсселе также присоединились к данной линии на невмешательство. То есть практически все те, на кого рассчитывал Димитров в деле заключения соглашений для создания «народных фронтов», отказались поддерживать республиканскую Испанию, воюющую против франкистов и с помогающим им фашистами Италии и Германии.

Вся тяжесть поддержки республиканской Испании легла на плечи СССР. Так, в гражданской войне в Испании воевало более 5 тыс. добровольцев из Советского Союза, в том числе 763 авиатора. Многие из них получили правительственные награды, а 36 авиаторам было присвоено звание Герой Советского Союза, некоторым из них посмертно. Помимо этого, в боевых действиях на стороне правительства Испанской республики принимали участие 2065 граждан СССР (772 военных лётчика, 351 танкист, 100 артиллеристов, 77 моряков, 222 общевоинских

советника, 339 технических и иных советников и 204 переводчика)¹.

К сожалению, до середины 70-х годов в стране установилась жесткая ультраправая военная диктатура.

Вторая мировая война

С началом второй мировой войны в ряде стран компартии, в частности во Франции, выступали за признание войны империалистической и отказа от поддержки одной из воюющих сторон. В результате правительство начало кампанию травли коммунистов, часть которых была арестована, а затем уже передана после оккупации Франции в руки нацистов.

Ситуация изменилась радикально после нападения гитлеровской Германии на СССР. Начавшаяся война против Советского Союза привела к мобилизации сил коммунистических партий и к усилению работы Исполкома Коминтерна по развертыванию партизанских действий в странах, оккупированных нацистами или находящимися под пятой коллаборационистских режимов. Защита СССР была одной из главных задач компартий, и они внесли свой вклад в разгром нацизма, действуя в оккупированных странах или собирая помощь для Красной Армии.

Еще до войны с СССР, на V подпольной конференции Компартии Югославии в Загребе, прошедшей в октябре 1940 года, генеральным секретарем партии стал Тито. После нападения гитлеровцев на Югославию в 1941 г. партизанское коммунистическое движение во главе с Тито развернуло ширококомасштабную войну против оккупантов и коллаборационистов.

Несмотря на роспуск Компартии Польши по решению Исполкома Коминтерна еще в 1938 году, которая была объявлена «вредительской», 5 января 1942 года в оккупированной Варшаве состоялась учредительная конференция Польской рабочей партии, в которой приняли участие члены коммунистических групп, действовавших в Польше с 1938 года. Лидерами ППР стали бывшие работники среднего звена аппарата компартии в 1920–1930-е годы – Марцелий Новотко, Павел Финдер, Малгожата Форнальская и Болеслав Моелец, заброшенные на оккупированную территорию.

1 марта 1941 года Болгария присоединилась к Тройственному пакту. Вслед за этим, 6 марта 1941 года Г. Димитров выступил с декларацией о необходимости начать национально-освободительную борьбу против фашизма. 22 июня 1941 года руководство Болгарской рабочей партии (легального крыла БКП) выступило с воззванием, в котором призвало болгарский народ «к

борьбе против германского фашизма и поддержке справедливой борьбы СССР».

26 июня 1941 года в районе города Разлог был создан первый партизанский отряд, командиром которого стал Никола Парапунов ("Владо"), секретарь окружного комитета БРП в городе Горна-Джумая.

В дальнейшем, Боевые группы БКП уничтожали военное производство и коммуникации страны, использовавшиеся прогерманским болгарским правительством против СССР, и известных болгарских коллаборационистов. Летом 1942 года БРП(к) был создан Отечественный фронт. В марте 1943 года на основе партизанских отрядов была создана Народно-освободительная повстанческая армия.

Такая же работа по развертыванию партизанского движения была успешно проведена в Греции, Албании, Франции, в последующем к 1943 году в Италии, где были сформированы наиболее действенные и массовые повстанческие армии, находившиеся под влиянием или контролем коммунистов. Греческая ЭАМ – ЭЛАС вообще собственными силами очистила территорию страны от оккупантов к 1944 году, а Народно-освободительная армия Югославии (НОАЮ) также стала главной силой сопротивлению фашизму и националистам-коллаборационистам.

В начале СССР и Красная Армия не могли оказать партизанскому движению и подпольной работе компартий Европы действенную материальную помощь, но победы советского оружия над армией самой развитой капиталистической страны и его сателлитами под Сталинградом, Курском, на Украине и в Белоруссии давали неимоверный толчок всему сопротивлению, сплачивали вокруг коммунистов передовые силы рабочих и крестьян оккупированных стран.

В последующем освобождение Восточной и Центральной Европы от гитлеровских войск и их союзников непосредственно способствовали приходу к власти коммунистов в составе уже коалиционных правительств, а борьба партизанского коммунистического движения с коллаборационистами фактически имела под собой элементы революционной борьбы и гражданской войны с буржуазными и фашистскими силами.

Роспуск Коминтерна

В 1943 году было принято решение о Роспуске Коминтерна. Собственно, к моменту ликвидации, у ряда партий были разные позиции, а руководство ИККИ находилось в политическом кризисе. Но все же роспуск Коминтерна мы считаем политической ошибкой². Несмотря на некоторые разногласия и недоработки,

¹ Помощь СССР в Гражданской войне в Испании <http://www.museum.ru/N44791>

² От Редакции - Товарищ не четко выразили свою мысль.

Вопрос о роспуске Коминтерна носил ситуационный характер. Всегда говорилось, что при иных условиях Коминтерн возродится, но уже в другой форме.

В то время и при тех конкретных условиях, когда СССР истекал кровью и необходима была помощь союзников по открытию Второго фронта, это решение было правомерно и единственно правильное. Объявление было положительно воспринято в странах Запада, особенно в США, и привело к укреплению отношений этих стран с Советским Союзом. Коминтерн был формально распущен 15 мая 1943 года. Отстаивая необходимость роспуска, "В ночь с 19 на 20 мая 1943 г., на совещании у Сталина, текст письма Президиума Исполкома Коминтерна был окончательно согласован; затем он был направлен национальным компартиям. 21 мая на заседании

Политбюро ЦК ВКП(б), на котором присутствовали Мануильский и Димитров, Сталин, по воспоминаниям последнего, сказал:

«Опыт показал, что и при Марксе, и при Ленине, и теперь невозможно руководить рабочим движением всех стран мира из одного международного центра. Особенно теперь, в условиях войны, когда компартии в Германии, Италии и др. странах имеют задачи свергнуть свои правительства и проводить тактику пораженчества, а компартии СССР, Англии, Америки и др., наоборот, имеют задачи всемерно поддерживать свои правительства для скорейшего разгрома врага. Мы переоценили свои силы, когда создавали К.И. и думали, что сможем руководить движением во всех странах. Это была наша ошибка. Дальнейшее существование КИ – это будет дискредитация идеи Интернационала, чего мы не хотим.

Есть и другой мотив для роспуска КИ, который не упоминается в постановлении. Это то, что компартии, входящие в КИ, лживо

штаб международного коммунистического движения координировал работу организаций, а сама возможность в перспективе преодолеть все недостатки и исправить ошибки не была исчерпана. Тем более, что роспуск произошел тогда, когда в войне после Сталинграда наметился перелом в пользу СССР.

Данный роспуск в момент победного похода Красной Армии создал предпосылки потери политического единства и идеологической монолитности коммунистического движения в будущем.

Георгий Димитров в своих воспоминаниях ссылался на слова Сталина во время совещания Политбюро ЦК ВКП(б) в мае 1943 года, где решался вопрос роспуска Коминтерна. Вождь СССР оправдывал это решение изменившимися политическими условиями в результате развития мировой войны.

«Опыт показал, что и при Марксе, и при Ленине, и теперь невозможно руководить рабочим движением всех стран мира из одного международного центра. Особенно теперь, в условиях войны, когда компартии в Германии, Италии и др. странах имеют задачи свергнуть свои правительства и проводить тактику пораженчества, а компартии СССР, Англии, Америки и др., наоборот, имеют задачи всемерно поддерживать свои правительства для скорейшего разгрома врага. Мы переоценили свои силы, когда создавали К.И. и думали, что сможем руководить движением во всех странах. Это была наша ошибка. Дальнейшее существование КИ – это будет дискредитация идеи Интернационала, чего мы не хотим», – пишет Г. Димитров¹.

Глава Коминтерна привел еще доводы, связанные с тем, что компартии обвиняли в связях с Москвой, когда существовал единый Интернационал. Кроме этого, этот шаг нужен был для прикрытия прихода к власти коммунистов в рамках правительств «народных демократий». Как бы роспуск организации делался на перспективу.

«Есть и другой мотив для роспуска КИ, который не упоминается в постановлении. Это то, что компартии, входящие в КИ, лживо обвиняются, что они являются якобы агентами иностранного государства, и это мешает их работе среди широких масс. С роспуском КИ выбивается из рук врагов этот козырь. Предпринимаемый шаг несомненно усилит компартии как национальные рабочие партии и в то же время укрепит интернационализм народных масс, базой которого является Советский Союз», – продолжает Г. Димитров².

Но практика показала ошибочность такого подхода, так как традиционные компартии связывали с СССР вплоть до его разрушения, а с роспуском структур Коминтерна руководители компартий оказались способны самостоятельно творчески «развивать» марксизм, исходя из своих национальных условий, что стало гибельной тенденцией. Именно из этого решения вышли такие течения как титоизм, ходжаизм, маоизм, чучке, еврокоммунизм и прочие измы, которые вели к уходу от ортодоксальных положений революционной большевистской теории и создавали почву для ревизионизма и реформизма.

Это было в действительности во многом и стремлением местных вождей подстроить идеологию под конкретные местные конъюнктурные задачи с опорой на свои силы, и были оправданием волюнтаризма и укрепления собственной власти.

Создание 22 сентября 1947 года на конференции в польском городе Шклярска-Поремба Коммунистического информационного Бюро из числа партий СССР, БНР, ВНР, ПНР, Румынии, Чехословацкой Республики, СФРЮ, Франции и Италии уже не смогло восполнить вакуум отсутствия Коминтерна и заменить его на международной арене. Слабость Коминформа проявилась в отколе от советского блока и Варшавского договора СФРЮ во главе с руководителем Компартии Югославии Иосифом Броз Тито, что стало первым серьезным звонком мировому коммунистическому движению и явилось прямым результатом роспуска Коминтерна.

Уже в апреле 1956 года решением ЦК КПСС и входивших в Информбюро партий его деятельность и издание газеты «За прочный мир, за народную демократию!», издававшейся на иностранных языках, были прекращены. Во многом это было связано с тем, что Никита Хрущев после событий в Венгрии решил этим ходом помириться с Иосифом Броз Тито, так как именно эта структура клеймила его как «фашиста» и «предателя». В итоге кадры Коминтерна и Коминформа переключались в международный отдел ЦК КПСС, но уже были подчинены задачам одной партии, без каких-либо претензий на возрождение структур централизованного коммунистического движения.

Итогом этого процесса стало появление в странах Европы в конце 60-х годов такого течения как «еврокоммунизм», который оказал влияние на умонастроения многих коммунистов в разных странах мира и даже социалистического лагеря. Постулаты этого оппортунистического направления были уже полной противоположностью идеям Коммунистического Интернационала и вели ряд партий к пропасти и разложению.

Помощь СССР в установлении власти компартий через правительства «народных демократий» в Восточной Европе и Китае

Однако несмотря на роспуск Коминтерна, роль СССР и ВКП(б) в деле прихода к власти коммунистов в ряде стран Восточной и Центральной Европы, а также Китая и Индокитая был решающим. Вообще появление новых социалистических стран стало результатом победы Советского Союза во Второй мировой войне. Хотя период революционной партизанской войны в Восточной и Южной Европе сопровождался элементами гражданской войны. И огромная заслуга победоносной Рабоче-Крестьянской Красной Армии заключается в том, что были сметены многие реакционные, коллаборационистские и монархические режимы.

Вслед за Красной Армией, которая теснила войска фашистской Германии и ее сателлитов, создавались правительства и комитеты, лояльные СССР, куда входили представители компартий и левого крыла

обвиняются, что они являются якобы агентами иностранного государства, и это мешает их работе среди широких масс. С роспуском КИ выбивается из рук врагов этот козырь. Предпринимаемый шаг несомненно усилит компартии как национальные рабочие партии и в то же время укрепит

интернационализм народных масс, базой которого является Советский Союз»

¹ The Diary of Georgi Dimitrov, 1933-1949. Yale University Press, 2012. – 271 p.

² Там же. –С. 276 p.

социал-демократических партий, крестьянских объединений и других левых сил. Эта политика основания левых коалиционных правительств была названа «народной демократией», и во многом была продолжением политики «народного фронта», но уже в новых условиях при господстве вооруженных сил Красной Армии.

После вступления советских войск на территорию Польши в июле 1944 года в Люблине был образован Польский комитет национального освобождения, который превратился в настоящее правительство, альтернативное лондонскому. В Румынии в августе этого же года при участии боевиков Компартии и действенной роли короля Михая был арестован в королевском дворце в Бухаресте диктатор Антонеску, а затем установлено новое правительство, объявившее войну Германии.

Свержение монархического режима в Болгарии, окончательное освобождение Югославии от немцев и местных фашистов разных мастей, социалистический переворот 1947 года в Чехословакии везде приводили к формированию новых органов власти, руководимых коммунистами и близкими им силами. Главной особенностью провозглашения этого процесса осуществления республик «народной демократии», было прикрытием от обвинений в советизации стран, освобожденных Советским Союзом.

И действительно о быстрой советизации и социализации речи не шло, но курс был понятен и очевиден – он был направлен на постепенное вытеснение капитализма, национализацию промышленности и аграрную реформу в пользу крестьян. Без СССР и Красной Армии этот поворот «народных фронтов» в сторону социализма был бы невозможен. В этих случаях различные социалисты, профсоюзники, крестьянские вожди и мелкобуржуазные деятели были младшими партнерами компартий, а не наоборот.

Была и обратная сторона этого. В Италии и Франции, а также в Греции такая тактика «народных фронтов» и следование теории этапов привела к ряду ошибок. В частности, к разоружению многочисленных повстанческих отрядов и армий, которые вели войну против нацистов и коллаборационистов и участвовали в освобождении своих стран. Фактически они находились у власти или контролировали значительные территории, но отказались от завоеванных позиций и вооруженных формирований в пользу «выборов», на которых проиграли или стали жертвами террора и репрессий.

Приход же к власти Коммунистической партии Китая в действительности противоречил самой идее «народного фронта», так как последний этап гражданской войны с 1946-1949 годов был жестокой борьбой между КПК и Гоминьданом. В результате образования Китайской Народной Республики радикально поменялось соотношение сил в Азии, так как в Китае усилилось влияние Советского Союза, из страны свои войска навсегда вывели США и Великобритания, произошла демилитаризация реки Янцзы. Но самое главное, что Китай полностью перешел на путь социалистического строительства, а

Мао Цзэдун стал вмешиваться во внутренние дела других государств Юго-Восточной Азии, например, Кореи и Вьетнама.

Без поддержки Советского Союза это было бы невозможно. Так, например, в мае 1946 года Красная Армия стала выводить свои части из Манчжурии. Одновременно красноармейцы эвакуировали заводы, фабрики, предприятия и арсеналы, чтобы Гоминьдан не получил военно-технического преимущества в войне. Часть же советских боеприпасов и техники досталась Народно-Освободительной Армии Китая (НОАК). В их числе японские трофеи в виде 3700 орудий и минометов, 600 танков, 860 самолетов, 12 тысяч пулеметов, 680 различных военных складов.

В дни образования Китайской Народной Республики Мао Цзэдун заявил: *«Если бы не существовало Советского Союза, если бы японский империализм не был разгромлен... разве могли бы мы победить при таких обстоятельствах? Конечно, нет!»*¹.

Коминтерн нужен был в 40-50-е годы, чтобы скоординировать приход коммунистов к власти, выработать общий план социалистического развития, сохранить идейное единство и программу борьбы. Единый центр коммунистического движения был бы важен именно в период победоносного наступления Красной Армии и развертывания антиколониальной революции уже после завершения мировой войны.

Эпилог

Подытоживая материал можно сказать, что первая атака на капитализм не удалась, но в период величайшего обострения его кризиса и мировой межимпериалистической бойни была показана альтернатива этому варварству в лице Советской России, рожденной Великой Октябрьской Социалистической Революцией. Коминтерн как передовой отряд ретранслировал идеи Октября по всему миру и способствовал тому, что миллионы людей влились в новое международное революционное коммунистическое движение.

Причины неудач первых восстаний во многом кроются в незрелости и политической слабости руководства молодых компартий, в контрреволюционной роли правой части социал-демократии, которые, как в Германии и Австрии, сохранили контроль над профсоюзами и стали опорой буржуазных республик. Сами коммунистические партии, несмотря на свою активность, еще были не столь многочисленными и вынуждены были действовать в подполье, сопротивляясь диктаторским режимам. Немаловажную роль в спаде революционной волны послужила и кратковременная стабилизация капитализма вплоть до начала великой депрессии 1929 года.

В нынешних условиях легко обвинять во всех грехах первопроходцев коммунистического движения. Было бы величайшей ошибкой занимать позицию Плеханова и повторять его слова о том, что «не надо было брать за оружие», как он это проделывал в отношении Московского декабрьского вооруженного восстания рабочих 1905 года, которое потерпело поражение. Тогдашние революции и восстания, создание первых советских правительств были важным этапом

¹ Мао Цзэдун: «О Диктатуре народной демократии». Избранные произведения. – Пекин, Издательство литературы на иностранных языках, 1976. -Т. 4– С. 501-518.

становления международного коммунистического движения, когда в горниле сражений выковывались кадры будущих партий.

Как раз те самые солдаты мировой революции, призванные Октябрем в начале 20-х и сформировали кадровый руководящий состав партий, победивших в 40-е и 50-е годы в Восточной Европе, в результате победы Китайской революции 1949 года, и успешной революционной войны коммунистов во Вьетнаме и Индокитае. Многие массовые профсоюзы в странах третьего мира и колониях были созданы именно первыми коммунистами.

Поэтому, если рассматривать тезис Сталина о том, что СССР был оплотом мировой революции и распространения социализма во всем мире, то он оказался верен. Победа первого в мире рабочего государства во второй мировой войне фактически привела к витку антиколониальной революции и падению империй.

После 1945 года многие народы вступили на путь национально-освободительного движения, в которой важную роль играли коммунисты, а с обретением независимости шли по социалистическому пути. Экономическая поддержка борющихся против империализма народов, в том числе и оружием, стало важным фактором изменения соотношений сил между капитализмом и социализмом в мире.

Историческая практика показала, что мировой революционный процесс и распространение социализма идет не за счет одномоментного импульса, что залог успеха его кроется не в победоносном

восстании немецких трудящихся в Германии, а в том, что именно рабочее государство, опираясь на плановую экономику и Красную Армию, поддерживает развертывание коммунистических сил на разных континентах.

Многие профсоюзы появились именно благодаря коммунистам, как и Всемирная Федерация Профсоюзов. На эти процессы возрождения структур рабочего движения непосредственно влиял СССР. Поэтому влияние на эти процессы Советского Союза и штаба мировой революции оказали решающее влияние на изменение облика мира. Компартии, как наследники Октября и Коминтерна, должны прийти к идейному единству и найти пути в момент очередного витка международного капиталистического кризиса и опасности новой мировой войны к созданию нового Интернационала.

Мы должны сделать выводы из уроков Коминтерна 20-х годов. Опыт борьбы первых коммунистов важен сейчас как никогда в условиях нового обострения межимпериалистических противоречий, способных привести к мировой войне. К сожалению, этот период зарождения и становления Коминтерна еще мало изучен и наше дело рассказать о том времени больше для будущих поколений борцов за социализм.

Уже следующие поколения рабочего класса и молодежи должны на новом историческом витке завершить героическое дело первопроходцев и свергнуть власть капитала во всем мире.

Современная потребность в Коминтерне и новых знаменах пролетарской революции

В.В. Терещук²

«Социальная революция ... может черпать свою поэзию только из будущего, а не из прошлого».

К. Маркс. 18 брюмера Луи Бонапарта

100-летие создания Коммунистического Интернационала дает прекрасную возможность для глубокого переосмысления исторического опыта революционной борьбы за уничтожение капиталистической системы господства и эксплуатации, а также для лучшего понимания современных целей и задач этой борьбы.

Главный вопрос, ответ на который нужно получить в результате такого более глубокого понимания – *почему марксизм создал такую организационную форму борьбы с капитализмом как Интернационал, и почему современное коммунистическое и рабочее движение, ставящее перед собой цель уничтожения капиталистического способа производства, не имеет такой организационной формы?*

Понятно, что от ответа на этот вопрос зависит понимание тех задач, которые стоят перед современным революционным коммунистическим и рабочим движением.

1. О соотношении национальных и интернациональных задач пролетариата в деятельности коммунистических и рабочих партий

Марксизм сформировался как революционная теория, лишь выработав материалистическое понимание истории, поставив тем самым вопрос о необходимости уничтожения капиталистического общества, как общественно-экономической системы господства и эксплуатации, на научную и практическую основу. Он разъяснил преходящий характер капитализма в историческом ряду развития общественных способов производства и воспроизводства человеческого общества, которые сменяются через революционный процесс трансформации этих способов, открывая новый простор для развития человечества.

Раскрывая особенности задач преодоления капитализма как последней системы общественного

¹ Василий Васильевич Терещук – кандидат философских наук, зам главного редактора журнала «Марксизм и современность».

производства, основанной на отношениях господства и эксплуатации, марксизм показал, что это общество формируется как *мировая система производства*. Причем капитализм в Европе вырастает из таких мировых структур торгового капитала, как Ганза и Ост-Индийская компания в её различных формах, до того, как приобретает национальную форму. Эта система производства разрушает все и всяческие барьеры, преодолевает любые границы, уничтожая все предшествующие способы производства в той мере, в какой она не может подчинить их своей главной цели – производству прибавочной стоимости и самовозрастанию капитала. И, наоборот, капитализм воспроизводит докапиталистические уклады, лишая их при этом собственного основания развития, но приспособляя их на своем основании задачам капиталистического воспроизводства. Потому и кризисы капитализма являются всемирными кризисами, ударяющими по всему мировому хозяйству во всех его укладах. Таким образом, *в развитии капитализма, как системы общественного производства, его интернациональный характер доминирует над его национальной формой развития*, целое доминирует над частями и определяет их.

Марксизм, как известно, раскрыл основные противоречия капитализма, выделив главные, в первую очередь – противоречие между капиталом и трудом. Он показал, что в лице капитала общественная мощь труда противостоит самой себе как живому процессу труда в виде застывшего овеществленного труда. Потому пролетариат воспринимает эту мощь своего труда, создающего капитал, как отчужденную от него и противостоящую ему силу и мощь капитала. Капиталист, как известно, нанимает каждого пролетария в отдельности, покупая его рабочую силу, но использует общественную производительную силу комбинированного индустриального труда «совокупного работника» на основании производительной мощи науки и техники, которые также воспринимаются пролетариатом как общественная производительная сила капитала¹.

В связи с этим марксизм обосновал, начиная с самых ранних работ К. Маркса и Ф. Энгельса «Немецкая идеология», «Принципы коммунизма» и «Манифест» и завершая самыми поздними разработками в «Капитале» и «Критике Готской программы», что *капитализм может быть преодолен лишь совместным всемирным действием пролетариата*, что пролетариат либо существует как всемирное явление, либо он ничто, что пролетарская революция должна не только сбросить политическую власть капиталистов, но и овладеть экономической системой капиталистического общественного производства как целостной всемирной системой и трансформировать её таким образом, чтобы возвратить пролетариату общественную мощь его труда, прекратить господство овеществленного труда над живым его процессом².

Именно из этих теоретических разработок марксизма была выведена необходимость такой организационной формы борьбы за революционное преодоление

капитализма как *Международное товарищество рабочих – Интернационал*, поскольку суть организационной формы революционной борьбы определяется сутью капитализма как содержания этой борьбы, которое нужно преодолеть в ходе революции. Без Интернационала, согласно теории марксизма, всякая частичная борьба против капитализма как мирового явления обречена на поражение. Именно поэтому и был выдвинут лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», который по своей сути только и может быть понят, как создание международной общественной силы, способной преодолеть капитализм как всемирное явление. Потому его понимание как лишь внешнего взаимодействия различных национальных отрядов пролетариата ради поддержки, помощи и солидарности является грубым упрощением, скрывающим его суть.

Но, как известно, марксизм также показал, что всемирное расширение капитализма и поглощение им докапиталистических укладов (а также их частичное воспроизводство в рамках капиталистической системы мирового хозяйства), рост конкуренции и концентрации капитала приводят к *неравномерности развития капитализма* в рамках отдельных стран и групп стран. И эта неравномерность есть именно следствие и продукт всемирного (интернационального) характера развития капитализма. Лишь в этом контексте возможно *понять логику трансформации Первого и Второго Интернационалов* как развитие задач классовой борьбы пролетариата от задач международной (интернациональной) борьбы до задач внутринациональной борьбы, от использования организационной формы *Международного товарищества, как международной коммунистической партии пролетариата передовых стран в период Первого Интернационала*, до организационных форм *национальных социал-демократических партий в период Второго Интернационала*, в рамках которого координация борьбы осуществляется лишь внешним образом.

Эта логика есть переход в противоположность и развитие противоречия интернациональной и национальной организационной формы. При этом важно понимать, что согласно диалектической логике марксизма дуализма сущности не существует. В рамках противоречия как взаимоотношения противоположностей сущность совпадает лишь с одной из них. Другая же своей самостоятельной сущности не имеет, но является лишь формой развития той противоположности, которая и есть сущность в своем собственном развитии.

В отношении организационной формы революционной борьбы пролетариата, разделившейся на противоположности интернациональных и национальных задач, сущность этой формы совпадает именно с интернациональной стороной их противоречия, потому что её содержанием является именно преодоление капитализма как всемирной

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Капитал. Соч. 2-е изд. – Т. 23. – С. 344-345; Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – Т. 46, Ч.II – С. 204, 213-214.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – Т. 3. – С. 35; Энгельс Ф. Принципы

коммунизма // Там же. – Т. 4. – С. 334; Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Там же. – С. 444-445; Энгельс Ф. Критика Готской программы // Там же. – Т. 19. – С. 22-23.

системы. Национальная сторона не имеет собственной сущности и является лишь *моментом развития* своей противоположности – интернациональной формы.

Первая мировая война поставила перед марксистами задачу переосмысления сути современного капитализма в его новой форме – империализме, что было успешно сделано В.И. Лениным и партией большевиков. Ленинская теория империализма раскрыла диалектику капиталистического развития как противоречия его интернациональных и национальных особенностей. Из этой диалектики вытекает, что революционные ситуации легче возникают не в самых развитых капиталистических странах, где капитализм дозрел и перезрел, приобретает паразитические формы и распространяя этот паразитизм на «рабочую аристократию», – а в странах более отсталых, в которых противоречия развития капитализма переплелись и наложились на докапиталистические противоречия. Отсюда был сделан верный вывод о возможности первоначальной победы революции в нескольких или даже одной стране в ходе разворачивания мирового революционного процесса на плечах всемирных кризисов капитализма.

В.И. Ленин глубоко понимал это переплетение противоречий интернациональных и национальных форм революционной борьбы против капитализма. Потому, когда в России произошла Февральская революция, он по возвращении в Россию сформулировал перед большевистской партией задачу курса на революционный захват власти в России и установление диктатуры пролетариата, понимая при этом социалистическую революцию в России как первый прорыв и пролог мировой (по крайней мере – европейской) пролетарской революции. Для Ленина и большевистской партии в российской революции национальные задачи были, несомненно, подчинены интернациональным.

Именно на этом понимании основывается выдвижение В.И. Лениным задачи выработки новой организационной формы для международной борьбы пролетариата – создание *Третьего, Коммунистического Интернационала*. Для ленинской партии эти задачи были необходимым продолжением задач пролетарской революции в России, поскольку (это следует подчеркнуть еще раз) задачи российской пролетарской революции рассматривались исключительно как подчиненная часть задач мировой пролетарской революции, которая только и может победить капитализм. Потому большевистская партия после победы Октября в условиях начавшейся гражданской войны была готова отдать хлеб своего голодающего пролетариата поднявшемуся на революцию пролетариату Германии. А позже – и поднявшемуся в 1926 году на всеобщую забастовку пролетариату Англии. Именно для продвижения мировой революции пролетариата, без которой революция в России была обречена на поражение и теряла свой смысл, был и создан Коминтерн как уже всемирная партия пролетарской революции.

Произошло своего рода «отрицание отрицания» в развитии организационной формы международной

борьбы пролетариата за революционную ликвидацию господства капитализма:

На первом этапе эта форма становится в виде *международной коммунистической партии пролетариата передовых капиталистических стран* Европы и США, поскольку именно эти страны формировали мировую систему капитализма, подчиняя всю мировую систему хозяйства. Кризис этой организационной формы связан с последствиями франко-прусской войны и поражением героического восстания французского пролетариата, создавшего первое государство диктатуры пролетариата – Парижскую Коммуну. В условиях резкого обострения классовых борьбы стала понятной организационная слабость Первого Интернационала, по боевым отрядам которого реакция нанесла сильнейший удар. Опыт Парижской коммуны показал, что первая пролетарская революция началась во Франции, то есть в отдельной стране. Политическую власть пролетариат должен был вырвать именно у национальной буржуазии и установить диктатуру пролетариата первоначально в одной стране. Для этого требовались сильные классовые организации в отдельных странах, на которые Интернационал смог бы опереться. Но таких организаций еще не существовало¹.

На втором этапе Интернационал как международная европейская партия прекращает своё существование, но *начинается процесс формирования и развития национальных социал-демократических партий*, тесно связанных с рабочим классом на национальном уровне, организующимся в профсоюзы, осваиваются политические формы борьбы за власть в рамках буржуазного парламентаризма. *Происходит «первое отрицание» организационной формы и переход в противоположность – интернациональные задачи борьбы за социализм переходят в национальные.* Пролетарские партии теснее объединяются с классом пролетариев в рамках отдельных стран (в первую очередь – самых передовых капиталистических стран). Международная координация борьбы национальных партий, то есть интернациональные задачи, как бы отходят на второй план. Второй Интернационал как внешнее международное объединение пролетарских партий в отличие от Первого Интернационала не имеет единых программных и уставных документов.

Но одновременно с этим, по мере нарастания империалистических тенденций в передовых странах Европы, начинает формироваться «рабочая аристократия», и эта элита социал-демократических партий начинает отождествлять свой интерес с интересами национальной буржуазии. Этот процесс, имевший поначалу латентный характер и выразившийся в переходе к реформистской тактике борьбы против капитализма, обнажился в условиях начала Первой мировой войны в форме национал-шовинизма. Такой переход свидетельствовал о том, что национальная организационная форма борьбы стала восприниматься как самостоятельная сущность, хотя на самом деле она была лишь формой развития интернациональной организации борьбы пролетариата. Данный момент позволяет глубже понять специфику оппортунизма,

¹ Обобщая опыт Парижской коммуны, К. Маркс и Ф. Энгельс на конгрессах I Интернационала в Лондоне и Гааге всячески способствовали выдвижению специальной резолюции о том,

чтобы поставить на повестку дня рабочего движения во всех государствах задачу создания независимых пролетарских партий.

захлестнувшего самые развитые социал-демократические партии Европы и ставшего главной преградой для революционного преодоления капитализма и освобождения пролетариата от капиталистического рабства.

На третьем, ленинском, этапе происходит осмысление необходимости решительного размежевания с оппортунизмом Второго Интернационала, а также возврата к той организационной форме революционной борьбы пролетариата, которая по своей сути соответствует задаче пролетарской революции – преодоления капитализма как мировой системы. Именно этим была обусловлена необходимость *воссоздания Международного товарищества рабочих как единой, теперь уже всемирной коммунистической революционной партии пролетариата – Коммунистического Интернационала*. Мировой кризис и Первая мировая война породили цепочки революционных ситуаций и самым острым образом поставили на порядок дня задачу разворачивания мирового революционного процесса¹. *Происходит «отрицание отрицания»*, как бы возврат к первому этапу, но уже на новой, более развитой – всемирной основе. Теперь задача всемирной революции пролетариата вновь ставится на повестку классовый борьбы, а задачи укрепления национальных его отрядов «снимаются», превращаясь в подчиненные моменты движения.

Но революционная волна пошла на спад. После поражения революционных восстаний пролетариата вне России и отката революционной волны, в рамках Коминтерна, ставящего интернациональную задачу развития мирового революционного процесса, была проделана огромная работа по формированию национальных компартий по всему миру как революционных партий пролетариата, – работа, подчиненная задаче подготовки к новой революционной волне на плечах нарастающего мирового кризиса капитализма. Для этого и был выдвинут лозунг «Класс против класса!», а также разработана тактика рабочих фронтов, направленная на объединение борьбы пролетарских «низов» при нейтрализации оппортунизма социал-демократических и профсоюзных «верхов». И результат был налицо: благодаря большевизации пролетарских партий *всего лишь через тридцать лет после Октябрьской революции треть человечества выбрала коммунистический путь развития*.

Наличие первого в мире государства диктатуры пролетариата, СССР, создавало благоприятные условия за счет возможности использовать ресурсы его экономики и финансов для развития Коминтерна как всемирной партии пролетариата. Но именно это достоинство в своем развитии превратилось в главный недостаток: отождествление будущей мировой революции как цепочки национальных революций с

большевистской революцией в России, а интересы этой революции – с интересами СССР. Отсюда логично вытекало отождествление Коминтерна с ВКП(б).

Как следствие, с развитием Коминтерна в таком направлении происходит замещение задачи мировой революции задачей защиты всемирной Родины пролетариата – СССР, как первого в мире государства победившего пролетариата². И это было правильно в условиях революционного отката. Однако это дало почву к замещению задачи подготовки к новой волне мировой революции в условиях нового мирового кризиса капитализма и нарастания угрозы новой мировой войны задачей поддержки действий СССР на мировой арене в ходе начавшейся Второй мировой войны.

В этих условиях, как известно, Коминтерн использует тактику создания народных фронтов в странах Европы, объединяя в борьбе против фашизма революционные и оппортунистические организации пролетариата с организациями «прогрессивной» части буржуазии, выступающей против фашизма.

Дальнейшее развитие этой тактики привело к выводу, что народный фронт можно заместить антигитлеровской коалицией первого в мире социалистического государства, СССР, с государствами той же «прогрессивной» части буржуазии, а мировую пролетарскую революцию заменить продвижением международного влияния СССР в ходе послевоенного раздела мира между членами данной коалиции. А это уже далеко не то, что было задачей Коминтерна как партии мировой революции. *Именно из осмысления этого замещения лишь возможно понять причины роспуска Коминтерна*, принятого руководством партии большевиков.

Сейчас уже несомненно, что этот путь стал путем движения к трансформации мирового революционного процесса, который стал развиваться уже не благодаря, а зачастую вопреки политике СССР, которому приходилось догонять и поддерживать этот процесс и на Востоке, и на Западе – и в Азии, и в Латинской Америке, и в Африке. Вторая волна мировой социальной революции после Второй мировой войны уже была связана с партизанскими движениями, победа которых при поддержке СССР значительно расширила географию коммунистических стран, но они уже рассматривались сквозь призму внутренних интересов СССР, несовпадение с которыми приводило к «межкоммунистическим» конфликтам.

Таким образом, *ставка на сохранение и защиту социализма в одной стране в рамках Коминтерна вновь привела к доминированию национальных интересов над интернациональными*. Достоинство победы революции в одной стране для развития Коминтерна обернулось глубоким недостатком.

¹ Как сказано во втором разделе Программы Коминтерна: «Всемирная история вступила в новый фазис своего развития, в фазис длительного общего кризиса капиталистической системы. При этом единство мирового хозяйства нашло свое выражение в международном характере революции, а неравномерность в развитии его отдельных частей – в одновременности революций в отдельных странах».

² «СССР неизбежно становится базой мирового движения всех угнетенных классов, очагом международной революции, величайшим фактором мировой истории. В СССР мировой

пролетариат впервые обретает действительно свое отечество, для колониальных движений он становится центром величайшего притяжения..., он играет вообще исключительно огромную революционную роль, роль международного двигателя пролетарской революции, толкающего пролетариев всех стран к захвату власти; роль живого примера того, что рабочий класс способен не только разрушать капитализм, но и строить социализм...» – см.: часть 2 раздела 5 Программы Коминтерна.

2. Современная необходимость формирования всемирной революционной коммунистической партии пролетариата

После разрушения СССР и социалистического лагеря задача организации борьбы против господства капитализма вновь поставила на повестку дня те же вопросы марксистской теории с их адаптацией к еще более возросшему мировому империалистическому характеру капитализма и нарастающими противоречиями между различными его группировками. Современный капитализм укрепил свой мировой характер, и потому задача его всемирного преодоления является для мирового коммунистического движения, поднимающегося после удара, нанесенного победой контрреволюции в СССР и социалистическом лагере, сейчас более насущной, чем в начале прошлого века. Этот мировой характер современного капитализма подтверждает актуальность той организационной формы классовой борьбы пролетариата, которая была выработана Коминтерном, – необходимость формирования всемирной революционной коммунистической партии пролетариата.

Ведь, по сути, для марксистско-ленинских коммунистических и рабочих партий задача социалистической революции должна пониматься как ликвидация капитализма как мировой системы общественного производства, а не только в пределах отдельной страны¹. В связи с этим, для каждой коммунистической революционной партии пролетариата стратегической задачей является её подготовка к международной (мировой) пролетарской революции, вырастающей из классовой борьбы пролетариата в отдельных странах под влиянием нового глобального кризиса капитализма, который порождает уже не революционные ситуации в отдельных странах, а международные цепочки революционных ситуаций, развязывает не только локальные военные конфликты за передел сфер влияния, а новую мировую войну.

Все остальные задачи для национальных партий (завоевание власти, установление диктатуры пролетариата, обобществление производства и другие) имеют смысл как составные части решения стратегической задачи. Следовательно, все современные коммунистические революционные партии в своих программах должны совпадать по важнейшей стратегической интернациональной задаче – СОЗДАНИЯ МИРОВОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА в результате социальной революции – и различаться по своим частичным задачам национального характера, связанным с особенностями расстановки классовых сил

и путей завоевания политической власти (осуществления политической революции). Своеобразие этих задач как раз и обусловлено неравномерностью развития капитализма в эпоху империализма, сохранением остатков докапиталистических укладов и противоречий, то есть тем, что связывает задачи борьбы с капиталистическим и докапиталистическим прошлым². Ведь различие позиций отдельных партий скорее связано с тем, что в ходе революций диктатуре пролетариата придётся «дорешить» те задачи, которые относятся к докапиталистическому прошлому, и не были решены капитализмом в рамках данного государства. Во всём, что касается будущего – перехода за пределы капитализма, здесь задачи всех партий едины, поскольку они могут быть решены лишь в процессе мировой социальной революции, преодолевающей (диалектически снимающей) капитализм как мировую систему и обеспечивающей социально-экономическое освобождение пролетариата в ходе ликвидации капиталистического способа общественного производства. Роль будущего в осмыслении постановки современных задач еще понята недостаточно³.

Отсюда следуют выводы:

1. Новый Коммунистический Интернационал нужен и возможен уже сейчас, не дожидаясь, пока пролетарская революция победит в одной из стран и её ресурсы можно будет использовать для такой работы. Просто формы этой работы в настоящее время должны соответствовать наличным силам партий борющегося пролетариата во всем мире, которых в настоящее время гораздо больше, чем у рабочих и коммунистических организаций Европы в период образования ими Первого Интернационала.

2. Важнейшей задачей для нового объединения коммунистических и рабочих партий в условиях продолжающегося нарастания реакции должно стать теоретическое осмысление современного капитализма как всемирного явления, его мировых кризисов, его фашизации, милитаризации и подготовки к новой мировой войне, а также путей его всемирного революционного преодоления.

3. Из предыдущей задачи следует вторая задача – совместная выработка стратегической задачи всемирной социальной революции, общей для всех революционных коммунистических и рабочих партий. При этом важно теоретическое осмысление опыта строительства социализма в СССР (а также причин его поражения) для понимания логики развития революционного процесса преодоления капитализма как системы общественного производства, основанной на частной собственности на средства производства с

¹ Эта задача была сформулирована в третьем разделе Программы Коминтерна: «Конечной целью, к которой стремится Коммунистический интернационал, является замена мирового капиталистического хозяйства мировой системой коммунизма».

² См. часть 8 четвертого раздела Программы Коминтерна.

³ Понимание прошедших процессов (в том числе и методы их познания, которые выбираются в исследованиях) в сущности определяется современными интересами общественных субъектов действия. Сами же эти интересы в конечном счете определяются той перспективой, которую они себе выстраивают как целеуказующий регулятив своей деятельности. Таким образом, будущее, или, точнее та модель будущего, которую для себя разрабатывают общественные субъекты действия, не может не выступать методологическим

принципом понимания и познания как настоящего, так и будущего.

В отношении настоящего это значит, что понимание сути происходящего в обществе (или только что произошедшего) возможно лишь с позиций одного из выбранных вариантов будущего. В таком случае истина настоящего определяется тем будущим, которое станет возможным на самом деле. То есть тот общественный субъект действия, чей проект будущего осуществится, является носителем критерия истинности. – См.: А.П. Назаретян ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ КРИЗИСЫ В КОНТЕКСТЕ УНИВЕРСАЛЬНОЙ ИСТОРИИ Синергетика – психология – прогнозирование. Пособие для вузов. Издание второе, переработанное и дополненное. – Москва, Мир, 2004.

вытекающими из этой собственности товарно-денежными отношениями в экономике. Эта интернациональная задача, общая для всех партий, станет основой для переосмысления национальных задач и особенностей их решения для каждой из партий, признающих необходимость действительного преодоления капитализма как всемирного явления в рамках мировой революции.

4. Следующей задачей является *выработка организационных форм нового Международного товарищества рабочих всего мира*. Задача этих форм – превратить международную организацию пролетариата в главного союзника каждого национального отряда, что позволит уменьшить необходимость в альянсах с оппортунистическими организациями и партиями нынешней социал-демократии.

Международные совещания коммунистических и рабочих партий могут стать той основой, из которой вырастет новая форма Международного товарищества рабочих. Важно понимание, что такие совещания являются определенной формой восстановления того состояния международного коммунистического и рабочего движения, которое было создано на втором этапе развития Интернационала, что ведет к превалированию национальных интересов пролетариата над интернациональными и, как следствие, активному присутствию социал-демократических течений.

Вычленение в рамках этого объединения *Коммунистической инициативы* является правильным путем развития объединения коммунистического и рабочего движения в международном масштабе. Важно верно выработать дальнейшую логику развития этого интеграционного процесса, адекватную задачам преодоления противоречий современного капитализма и революционного выхода за его пределы.

Актуальность задачи воссоздания интегрированного мирового коммунистического и рабочего движения в нынешних условиях, определяется обострением межимпериалистических конфликтов капитализма, которые не только разрушают суверенитет отдельных стран, развязывая локальные военные конфликты, но и стремительно продвигают мировую систему капитализма к крайнему способу разрешения своих противоречий – к новой мировой войне. Потому революционное преодоление капитализма во всемирном масштабе становится задачей спасения всего человечества от гибели в этой войне. *Классовая задача пролетариата становится общечеловеческой задачей*.

Современный глобальный финансово-экономический кризис мирового капитализма является, несомненно, важнейшей причиной глобального правого поворота в политике, воплотившегося в повсеместном росте неофашизма, приобретающего зловещие расистские формы. Этот правый поворот выступает существенным признаком того, что мировой капитализм готовится к новой мировой войне, поскольку не видит иного выхода из непрекращающегося кризиса.

Всё более реальная угроза фашизации и войны нарастает также и потому, что угнетенные и эксплуатируемые в мировом масштабе ряды современного пролетариата не воспринимают альтернативный войне и фашизации общества путь выхода из глобального кризиса капитализма – путь социалистической революции, устраняющий причины,

толкающие человечество к новым мировым кризисам и войнам. Мы все еще находимся в периоде последствий поражения социализма в СССР. Именно этим, в частности, обусловлено *отсутствие собственного классового сознания у пролетариата, что как раз и восполняется более простыми объяснениями причин бедственного положения трудящихся масс: разными концепциями поиска врагов нации и даже расы, указанием на «чужих» с другим цветом кожи, с другой религией, с другим языком*.

Это также означает слабость политических партий пролетариата – рабочих, коммунистических и социалистических партий, вырабатывающих теоретически социалистическую альтернативу и пропагандирующих её в пролетарской среде, организуя класс на практическую борьбу за свои классовые интересы. Эта слабость также обусловлена продолжающимся влиянием поражения социализма в СССР, которое привело к глубокому кризису мирового рабочего и коммунистического движения и значительно снизило влияние этих партий в пролетарской среде. Пытаясь как-то оправдать слабость своих левых партий, некоторые из лидеров выдвигают аргументы, что, мол, ныне «пролетариат не тот», или даже – что теперь социалистический проект имеет иного субъекта, а пролетариат перестал быть историческим субъектом трансформации капиталистического мира.

3. О новых знаменах всемирной революционной коммунистической партии пролетариата

Когда обвиняют современный пролетариат (ядром которого является промышленный рабочий класс) в том, что он не является классом, что он не хочет подниматься на борьбу, то при этом недостаточно учитывают тот факт, что этому пролетариату фактически не предлагают такие цели борьбы, которые уже не были бы дискредитированы в прошлом, в том числе и его собственными поражениями, и разложением в этих поражениях как самого класса, так и его политических партий.

Когда говорят, что современный пролетариат "дезертировал" с поля боя классовой борьбы, то не учитывают, что желание дезертировать у "солдат революции" появляется и тогда, когда они не воспринимают поднятые знамена, под которыми их хотят вести в бой, предлагая очередную "войну до победного конца", поскольку на этих красных по цвету пролетарской крови славных знаменах остались те же, уже проигравшие ранее лозунги борьбы за социализм как в СССР. Поэтому задача выработки, осознания и постановки для пролетарской борьбы таких целей, которые могут стать новыми знаменами революционных классовых битв, для пролетарской партии является важнейшей.

Тем более что марксизм-ленинизм сформулировал четкое понимание того, что в пролетарской среде сам класс по объективным причинам не может выработать собственное революционное сознание, что это сознание в него вносит извне революционная партия, руководствующаяся выработанной представителями других классов, перешедших на позиции пролетариата, революционной теорией марксизма. Диалектическая методология марксизма требует рассматривать сам класс пролетариев в его внутренней противоречивости, определяющей его положением в общественном

разделении труда. Этим также обусловлено то, что сам класс выработать такие цели неспособен.

С партиями, желающими быть пролетарскими и готовить этот класс к новым революционным боям, зачастую происходит то, что и с военными начальниками, которые в период мирной передышки готовят свои армии не к будущим, а к уже прошедшим войнам, – они готовятся сами и зовут пролетариат к уже прошедшим этапам революции, завершившимся контрреволюционным откатом. Когда пролетариат хотят поднять под знаменами, на которых начертаны лозунги, уже потерпевшие поражения, не стоит удивляться, что он не поднимается и "дезертирует". Пример нынешних официально «левых» парламентских партий еще более удручающий. Они не только не поднимают знамя прошедших революционных этапов, что явно недостаточно для мобилизации пролетариата, но вообще поднимают чужие знамена дореволюционных периодов, в том числе даже контрреволюционные.

Выход из этого замкнутого круга предполагает, прежде всего, овладение и применение диалектико-материалистической методологии марксизма к самому революционному процессу – раскрытие его в становлении и развитии.

Социальная революция как переход от капитализма к коммунизму также становится, развивая свои отдельные моменты до целостности и всеобщности этого перехода. В своем становлении она, как известно, разворачивается первоначально как политическая революция (переворот) – завоевание власти пролетариатом и ликвидация буржуазной государственной машины. Поскольку произошедшие революции побеждали в странах не с самым развитым уровнем капитализма, постольку политическая революция вынужденно приводила к необходимости политических союзов пролетариата с крестьянством и мелкой буржуазией.

Лишь вслед за этим перед революцией в полный рост встают задачи изменения формы собственности – социально-экономические задачи. Этот второй этап включает в себя две стадии: 1) "доделывание" развития, не сделанного капитализмом по отношению к докапиталистическим пережиткам; и 2) трансформация капиталистического способа производства как воспроизводства капитала в коммунистическое производство как коллективное (всеобщественное) воспроизводство всесторонне развитого человека. Переход на этот второй этап требует *превращения социальной революции из социально-экономической в культурную революцию* в самом глубоком ее смысле – не как ликвидацию тех недостатков в развитии человека, которые не были решены капитализмом в соответствии с культурными запросами капиталистического способа производства (ликвидацию безграмотности, формирование сети общего и среднего образования, овладение богатствами культуры, созданными предшествующими поколениями и т.д.), а

как превращение самого способа производства в способ образования человека.

Таким образом, *социальная революция проходит три стадии становления: политическую* (установление власти пролетариата и его союзников), *социально-экономическую* (овладение пролетариатом социально-экономическими условиями воспроизводства человека и общества) [причем, в тех странах, где революции «легче» начинаются, приходится решать больше "буржуазных" задач, а в тех, где капитализм больше "дозрел" в обобществлении труда, – сложнее начать революцию], *культурную. Культурная революция* также с необходимостью проходит две стадии; 1) доделывание задач «буржуазной» культуры параллельно с аналогичным процессом в экономике, и 2) трансформация природы самого победившего в революции класса пролетариата¹, его союзников и вместе с этим – всего общества, для переделки собственно классовых характеристик, сформированных капитализмом, в человеческую природу как воспроизводство уже не класса, но всего человечества по человеческим меркам. Эта задача была сформулирована в третьем разделе Программы Коминтерна, принятой на VI Конгрессе в 1928 году².

Кроме того, на стадийность становления революционного процесса накладывается проблема неравномерности развития капитализма как всемирной системы. Эта неравномерность приводит к тому, что *мировой революционный процесс перехода от капитализма к коммунизму начинается в отдельных странах раньше, а в других позже, хотя он не может не развиваться именно как мировой революционный процесс, поскольку в его основе лежит мировой кризис капиталистической системы производства, существующей именно в качестве мировой системы.* Говоря о задачах пролетарской партии в отдельной стране, мы в данном случае отвлекаемся от этой проблемы.

Мы исходим из того, что революционный процесс, независимо от того в какой стране он начнется раньше или позже, с необходимостью будет происходить по всеобщей логике его становления. Потому рассматриваемые задачи для любой последовательно революционной пролетарской партии, по сути, есть одновременно задачи для мирового революционного процесса, приобретающие своеобразие в той или иной стране лишь в зависимости от того, с какого уровня развития капитализма он начинается, какова степень неразрешенности капитализмом в этой стране задач устранения докапиталистических пережитков, каково место страны в мировой системе капитализма и международном разделении труда. *Мы имеем дело с единой всемирной социальной социалистической революцией как всеобщим переходом от капитализма к коммунизму.*

¹ «Будучи в капиталистическом обществе классом, экономически эксплуатируемым, политически угнетенным и культурно задавленным, рабочий класс лишь в переходный период, лишь после завоевания им государственной власти, лишь разрушая буржуазную монополию образования и овладевая всей наукой, лишь на опыте величайшей строительной работы переделывает свою собственную природу» – отмечается в Программе Коминтерна.

² «Исчезновение классов сопровождается уничтожением всякой монополии образования. Культура становится общим достоянием, и прошлые классовые идеологии уступают место научному материалистическому мирозерцанию. При таком положении вещей становится невозможным какое бы то ни было господство людей над людьми, и открывается громаднейшее поле для общественного отбора и гармонического развития всех заложенных в человечестве способностей».

История социалистической революции в СССР и других странах показывает, что революционный процесс накопил в той или иной мере опыт движения по всем ее стадиям. Прерывание этого становления контрреволюционным откатом не только возвращает к необходимости повторения опыта революции по стадиям ее становления, но и задает иную динамику этого процесса. Социалистическая революция есть комплексный процесс разрешения противоречий капитализма. Становление социализма и есть разрешение этих противоречий в различных формах революционного процесса. Потому *социализм можно понять диалектически лишь как переход от капитализма к коммунизму*, в котором человечество начинает развиваться в новой сущности и на новом основании:

- от общества в форме политического государства к обществу безгосударственному (преодолевшему не только власть буржуазии, но и власть пролетариата) как непосредственно общественной системе обобществившегося человечества;

- от капиталистического способа производства (и, шире, капиталистической формации) к развитию не по логике экономики способов производства с неизбежными прерываниями этого развития социальными революциями;

- от общества, производящего товары, вещи, к обществу, производящему человека во всесторонности развития его способностей по всеобщим меркам культуры;

- от общества, в котором частные интересы противостоят общественным и подчиняют их себе, к обществу, в котором интерес в развитии человеческих способностей каждого является общественным интересом и делом для всех.

Буржуазная контрреволюция стала следствием нерешенности тех внутренних противоречий капитализма, которые социалистическая революция должна была снять. Она отбросила общество к воспроизводству этих противоречий в ускоренном темпе и привела их к новому обострению в лице глобального кризиса капитализма.

Поскольку *в марксизме контрреволюция понимается диалектически, то есть не как внешняя противоположность революции, но как её внутренняя противоположность* – как форма развития классовых противоречий революции, как возврат революционного процесса, как «реакция», откат его к уже пройденным фазам, восстановление господства ранее уже свергнутых классов, чтобы глубже эти фазы «доделать», постольку она (контрреволюция) не имеет собственной сущности. Её сущность определяется степенью развитости и остроты тех социально-экономических, политических и прочих классовых противоречий, которые разрешаются в процессе революции как перехода к новому способу производства при свержении господствующего класса и замене его власти. Как писал К. Маркс: «Революция шла вперед и прокладывала себе дорогу не своими непосредственными трагикомическими завоеваниями, а, напротив, тем, что она порождала сплоченную и

крепкую контрреволюцию, порождала врага, в борьбе с которым партия переворота только и вырастала в подлинно революционную партию»¹.

Таким образом, *контрреволюция, отбрасывая процесс развития назад, восстанавливая власть ранее свергнутых классов, ускоряет процесс концентрации и поляризации социально-экономических и политических противоположностей, как бы глубже «сжимает» пружины этих противоречий*, усиливая угнетение и разорение, порождая конфликты и войны, побуждая тем самым вновь нарастающую революционную волну становиться всё мощнее, становиться способной «смыть» капитализм до основания².

Это означает, что в ходе буржуазной контрреволюции происходит не просто реставрация капитализма, но в этой реставрации в сжатом виде воспроизводится историческая логика развития капитализма. Во всех странах на постсоветском пространстве восстановленный капитализм за какое-то десятилетие «пробегаёт» своё развитие от индивидуальной частной собственности через «ваучеризацию всей страны», к промышленной групповой и монополистической формам его развития. Концентрация капиталов значительно ускоряется. Она происходит в сжатые сроки и высокими темпами до монополистической стадии, до столкновений этих новых монополий как внутри страны, так и с мировым капиталом в лице транснациональных корпораций (ТНК). Это происходит неизбежно, поскольку уровень концентрации производительных сил усилиями социализма значительно превышал даже государственно-монополистическую форму, а в рамках Совета Экономической Взаимопомощи стран социалистического содружества (СЭВ) эта концентрация даже превышала уровень ТНК. Втиснуть производительные силы такой степени концентрации в рамки производственных отношений частной собственности через их приватизацию было возможным лишь путем их разрушения, расчленения и деградации. Но даже в такой деградированной и расчлененной форме производительные силы настоятельно подталкивают формы капиталистической частной собственности к ускоренной концентрации.

Но *эта диалектика также означает то, что новый виток социалистической революции также «сожмет» стадии перехода своих задач*. То есть ранее пройденные и дискредитированные поражением этапы этой революции будут быстро осуществлены лишь в качестве предпосылок для решения тех задач, перед которыми в свое время пролетарская революция остановилась – перед собственно коммунистическими задачами. Потому именно *постановка таких, еще не виданных и не решавшихся революцией задач, перед которыми она в свое время остановилась, может стать тем единственным знаменем, за которым пролетариат согласится идти на самую бескомпромиссную борьбу*.

Такой целью, ради которой пролетариату имеет смысл идти на революцию, поскольку при капитализме она в принципе не достижима, является именно

¹ Маркс К. Классовая борьба во Франции // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 7. – С. 7.

² См.: Энгельс Ф. Революция и контрреволюция в Германии. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 8. – С. 6, 11, 38; Маркс К.

Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 8. – С. 123, 141-143, 205; Ленин В.И. Революция и контрреволюция. ПСС. – Т. 16. – С. 124-127; Ленин В.И. Государственная дума и с.-д. тактика. ПСС. – Т. 12. – С. 171.

культурная революция, понимаемая как превращение экономического производства товаров и капиталов в производство человека, *превращение экономики в педагогику* через подчинение первой второй и создание непрерывной системы образовательной и научной деятельности как всеобщей общественной системы производственной деятельности.

Эта революция создаст совершенно иной способ производства (который, по сути, уже не будет собственно способом производства в экономическом смысле), в котором решаются не только экономические противоречия базиса общественно-экономической формации, но и *снимается само противоречие базиса и надстройки*. В результате чего экономическая, производственная деятельность, понимаемая в самом широком смысле как хозяйственная деятельность, станет лишь моментом в развитии неэкономической деятельности. Эта (экономическая) деятельность будет осуществляться лишь постольку, поскольку она необходима для всестороннего формирования человеческих способностей и потребностей. Путь к такой глубинной культурной революции лежит через создание непрерывной системы универсального политехнического образования вплоть до высшего и дальнейшего постоянного в течение жизни, которое с самых ранних этапов включено в производство условий всей человеческой жизни.

В культурной революции обе противоположности (экономика и педагогика) меняют свое содержание коренным образом в связи с тем, что происходит смена основания общественного развития. Педагогика должна перестать быть служанкой капитала и государства. Сейчас она в лучшем случае выполняет скорее полицейские, чем образовательные функции. Она формирует лояльного гражданина или вырабатывает отдельные качества человека в виде товара на продажу. В худшем – она просто уродует детей.

Педагогика должна стать процессом коллективного включения человека в разнообразие способов практической, теоретической (научной) и чувственной деятельности – именно эта сторона противоречия становится основанием и преобразует то, чем сейчас является экономика. *Необходимость экономическая меняется на необходимость творческой самореализации человека – на свободу*¹.

Следует отметить, что этот процесс выведения человека за пределы экономических отношений вовсе не сводится к «выходу» человека из производства по мере его автоматизации. Даже самый автоматический процесс нуждается во включении живого человеческого труда. Дело здесь в более глубокой трансформации производства, которое приобретает уже внеэкономические цели и задачи. По сути, этот выход за пределы экономических отношений означает, что коммунизм не продолжает далее исторический процесс в качестве смены способов производства. Поскольку в этой коммунистической трансформации разрешается (снимается) еще одно глубинное историческое *противоречие: способа производства и социальной революции*, сформулированное

К. Марксом в его известном Предисловии «К критике политической экономии»².

Коммунистическая революция имеет своей целью создание условий для образования (производства) КАЖДОГО человека как всесторонне развитой личности. Это революция, в которой КАЖДЫЙ ее участник перестает быть средством для достижения иных целей, но сам является ее ЦЕЛЬЮ. Причем результатом здесь выступает не только и «не столько развитый индивид, сколько развитый коллектив» (К. Маркс)³, развитая совместная (всеобщественная) деятельность – то единство, которое являлось сердцевинной всех исторических способов производства, было их общественной мощью объединенного (каждый раз по-иному) труда, но всегда выступавшее в роли средства, как, например, "совокупный рабочий" современного капитализма. Теперь же эта целостность станет самоцелью. Поскольку сущность КАЖДОГО и есть эта совокупность общественных отношений как всеобщая система производства, воспроизводящая непрерывно человека во всех условиях развития его способностей к человеческой деятельности, постольку включение КАЖДОГО в овладение коллективной мощью совместного общественного производства делает его САМОЦЕЛЬЮ.

Капитализм по-прежнему делает пролетариат (ядром которого является промышленный рабочий класс) самым революционным классом, поскольку он 1) воспроизводится при капитализме с такой же необходимостью, как и класс капиталистов; 2) это воспроизводство является расширенным, и его абсолютное количество возрастает; 3) находится в более нечеловеческих условиях по сравнению с классом буржуазии; 4) держит на своих плечах производство капитала и потому может нанести его господству самый сокрушительный удар; 5) самим процессом производства объединяется и организуется.

В то же время, по мере роста производительности труда капитализм создает огромную массу безработных и бедных самозанятых мелких буржуа, которые оказываются в гораздо худшем положении, чем пролетариат. Они также нуждаются в изменении своего положения и являются революционной, но скорее лишь разрушительной силой. Как самый революционный класс, пролетариат выдвигает в качестве своих *классовых задач* и целей такие, которые выступают одновременно задачами и целями *общечеловеческими*. Ведь ликвидация господства Капитала, а затем ликвидация пожизненной прикованности человека к определенному виду Труда в ходе преодоления его общественного разделения – позволяет преодолеть ограниченность и отчуждение от человеческой сущности не только всем угнетенным классам, но и буржуазии.

Выработка же этих одновременно классовых и общечеловеческих задач и целей пролетариата в ходе нового издания пролетарской революции является важнейшей задачей пролетарской партии. Это задача борьбы за общественное сознание за его

¹ См.: Босенко В.А. "Воспитать воспитателя". Издание второе. Киев: Всеукраинский союз рабочих, 2004. – 352 – С.

² См.: Маркс К. К КРИТИКЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ. – ПРЕДИСЛОВИЕ // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. – Т. 13. – С. 7.

³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. – Т. 3. – С. 75.

освобождение от влияния буржуазной идеологии, удерживающей за собой право говорить от имени всего общества.

Вполне понятно, что нынешние левые партии либо вообще не ставят революционных задач, ограничиваются парламентской борьбой "за демократию" и за остатки былой социальной защиты трудящихся, либо ставят те задачи, которые ставились в революциях в начале прошлого столетия ("готовятся к прошедшим революциям").

Новые попытки механического повторения этапов организации пролетариата (экономическая борьба – профсоюзы – политическая борьба – классовая партия – подготовка к социалистической революции – организация забастовок вплоть до всеобщей политической стачки – организация вооруженного восстания и т.п.) не приносят успеха и отклика в широкой пролетарской среде, кроме всех прочих причин, также и потому, что опыт прошедшего поражения довлеет и сковывает угрозой повторения такого же поражения, поскольку цели революции воспроизводились так, как будто этого поражения не было¹.

Задача уже стоит более радикально: не просто стать в противоречии Труда и Капитала на сторону Труда и заменить господство капитала господством последнего, но вывести человека за пределы НЕОБХОДИМОСТИ Труда (то, что К. Маркс называл "уничтожением труда"), подвергнуть отрицанию не только Капитал и класс буржуазии, но и Труд, и класс пролетариата (и, тем самым, всякое деление общества на классы), перейдя к сознательной СВОБОДНОЙ деятельности как творчеству человека в его общественной сути, в которой естественно-экономическая необходимость выступает лишь материалом и средством, но уже не целью. В то же время, превращаясь в составную часть этой свободной творческой деятельности, естественно-экономическое необходимое становится составной частью свободного становления человека «без всякого заранее установленного масштаба» (К. Маркс), то есть становится таким же элементом самоцельности и самоценности, как и развитие общественного человека. Именно в этом смысле К. Маркс говорил, что «такой коммунизм, как заверченный натурализм, = гуманизму, а как заверченный гуманизм, = натурализму»².

Насколько реальна такая постановка пролетариатом своих революционных задач? Не является ли такой подход заменой материализма на идеализм?

В ответе на этот вопрос нужно исходить из марксова положения, что революции ставят лишь те задачи, условия (предпосылки) для решения которых уже налицо³.

4. Объективные предпосылки для постановки новых задач

Капитализм уже к концу XX века создал основные предпосылки перехода к коммунизму: мировую производственную систему, мирового "совокупного рабочего", революционное коммунистическое движение.

Сам капитализм, вобрав в себя все результаты предшествовавшего становления человечества и развив до предела общественное разделение и интеграцию труда, сформировал основание для всестороннего развития человеческих способностей (техника – "открытая книга этих способностей"). Проблема в *отчуждении*: политическом, экономическом, социальном, культурном, в котором человек относится к своей материальной мощи всесторонних способностей деятельности, закрепленных в общественном производстве, как к чуждой ему мощи Капитала. Точно так же, как он относится к коллективной мощи своего Труда как "совокупного рабочего", как к чуждой каждому рабочему мощи того же Капитала. Преодоление этого отчуждения как раз и становится задачей коммунистической революции по определенным этапам: преодоление отчуждения от власти, от собственности, от культуры, от самого себя (своей человеческой сущности).

Капитализм развил производительные силы до их природного предела и, начиная с XX столетия, не просто топчется на месте, но деградирует в этом отношении, поскольку дальнейшее развитие производительных сил возможно лишь через развитие их "сверх природного" (общественного) характера, но это уже не может осуществиться капитализмом, поскольку исключает в отношении таких сил возможность частного владения.

Капитализм создал такой объем материального производства, который позволяет ему решить все основные глобальные проблемы человечества. Материальные же тяготы для населения мира остаются совсем не потому, что производство недостаточно развито, но потому, что эти тяготы являются необходимым условием воспроизводства Капитала. По оценке самих экономистов Запада, лишь ежегодных расходов на рекламу в мире достаточно для того, чтобы ликвидировать голод, а расходов на вооружение – для того, чтобы ликвидировать в мире безграмотность, эпидемические заболевания и СПИД.

В нынешних условиях господства ТНК проблема «недостаточности» капитализма в отдельных странах является результатом не его недоразвитости, а скорее «переразвитости», то есть она возникает вследствие того, что ТНК как бы «отбрасывают» капитализм части стран в отсталость и воспроизводят те проблемы и противоречия, которые скорее характерны для докапиталистических формаций. Если так, то решение в ходе социалистических революций докапиталистических задач (например, аграрная реформа или ликвидация безграмотности) само по себе невозможно, если это решение не становится подчиненным моментом в решении задач преодоления капитализма в лице его наиболее развитых (наиболее обобществивших производительные силы) форм, то есть преодоления капитализма как мирового явления.

Это наглядно показали не только Русская революция, но и, например, Кубинская и Боливарианская революция в Венесуэле, которые сразу же начали ставить интернациональные задачи

¹ Не меняет ситуации попытка некоторых течений в коммунистическом и рабочем движении, в частности различных троцкистских или «госкаповских» организаций, отгородиться от поражения, мол, то были «неправильные пчелы» и у них потому «неправильный мед».

² См.: К. Маркс Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – Т. 42. – С. 116.

³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – Т. 13. – С. 7.

борьбы против капитализма как мировой системы через создание международной революционной кооперации борьбы Кубы, Венесуэлы, Боливии и т.д. Не менее интернациональный характер носит современная контрреволюция в Латинской Америке, которая, начиная с плана «Кондор», и заканчивая чередой нынешних правых переворотов, координируется ТНК и их империалистическим союзом во главе с США.

Дальнейшее выведение общественного производства из кризиса и его развитие уже не по логике природных сил, но по логике общественно-исторической мощи производства может быть лишь делом коммунизма, как разрешения противоречия между базисом и надстройкой. Как отмечал еще Г. Лукач¹, это требует перемены взгляда на материалистическое понимание истории, поскольку такое дальнейшее развитие производства может быть лишь сознательным делом, а не стихией экономического детерминизма. Философско-методологическое обоснование возможности и необходимости этого перехода дано М. Шкелу².

5. О новом коммунистическом этапе мировой пролетарской революции

Таким образом, *новый этап пролетарской революции возможен (и необходим) только как культурная революция*, мобилиующим смыслом которой является создание совместным действием пролетариев общественных условий, в которых они перестанут существовать как пролетарии и рабочие определенных профессий. То есть, создание условий и потребностей коллективного становления КАЖДОГО человека всесторонне развитой личностью. Социальная революция, как борьба за преодоление отчуждения человека от своей сущности во всех формах, за право каждого человека формировать себя в совместной деятельности по меркам всех исторически развитых форм культуры – *это гуманистическая революция*, в новом наступлении которой решение вопросов о политической власти пролетариата и обобществленной собственности становятся лишь вспомогательными *моментами*, в качестве условий для осуществления собственно всеобще-культурных задач.

Переход к всеобщему высшему политехническому образованию, непосредственно вместе с наукой вплетенному в материальное производство (или, скорее, превращение материального производства в научно-образовательный процесс), выступает в первую очередь как ликвидация предпосылок разделения труда на управленческий и исполнительный, то есть ликвидация монополии на власть как на профессию, тем самым и угрозы бюрократизации. Научно-техническая революция создала для этого все необходимые технические предпосылки, создав информационные сети. Научные разработки академика Глушкова позволяли начать такой переход в СССР еще в шестидесятые годы XX столетия, но вместо этого, как известно, страна

повернула к «капитализации социализма», завершившейся реставрацией³.

Превращение культуры в ее всеобще-исторической форме в объект собственности, который необходимо производить, распределять, обменивать и потреблять, по своей природе исключает возможность частного владения, поскольку присвоение культуры возможно лишь в деятельности ее производства для других, для всего человечества по всеобщим меркам.

Превращение общественного производства (экономики) в производство общественного человека – всесторонне развитой личности каждого человека (педагогика) становится разрешением противоречий предистории человечества и снимает противоположность общественных и индивидуальных целей жизнедеятельности. Лишь в таком переходе может быть разрешено противоречие цели и средства, поскольку общество для отдельного человека и цель (как система производства человека – и его в том числе), и средство (как предпосылка и основание его собственного развития). Самое главное, такое превращение производства позволяет снять антагонизм как форму разрешения противоречий, поскольку все противоречия становятся внутренними, а значит прекратит реализацию истории в форме войны.

Задача воспроизводства материальных условий человеческой жизни превращается из цели производства в его побочный продукт, необходимый лишь постольку, поскольку он нужен как условие для производства человеческих способностей и нужных для реализации этого потребностей, и потребляться он будет лишь постольку, поскольку это потребление необходимо как предпосылка потребления человеческой сущности во всеобщих формах культуры, ставшей сутью производства. Уже капитализм начинает этот поворот. Он впервые делает единственной формой производства ради потребления – производство ради получения прибыли, в котором потребление является лишь моментом движения Капитала, его побочным продуктом. В сравнении с капитализмом вышеуказанный поворот дает огромную экономию материальных средств, поскольку при капитализме материальное (как и всякое иное) потребление определяется не необходимостью человека в развитии, а необходимостью Капитала в воспроизводстве, которое все больше становится несовместимым с воспроизводством человека и общества.

В результате Капитал делает уничтожение продуктов материального производства ведущей формой этого производства, во-первых, приучая потреблять и присваивать ради самого процесса присвоения во все новых и новых формах (присваивается не материальный продукт, а сама "новизна"), во-вторых, постоянно и во все больших масштабах уничтожая "излишний" продукт, поскольку он мешает возрастанию прибыли и, в-третьих, все больше производя средства уничтожения продуктов материального потребления в виде оружия и милитаризации для этого всей экономики, а также средств уничтожения или

¹ Лукач Г. Изменение функций исторического материализма // Лукач Г. История и классовое сознание. Пер. – С. Земляного. – М., 2003. – С. 303-331.

² См.: Шкелу М. "Феноменология истории в трансформациях культуры" – Киев, Изд-во НАУ, 2005.

³ См.: Пихорович В.Д. К истории политэкономического термидора в СССР. К пятидесятилетию проекта ОГАС. Кибернетика и коммунизм. // Марксизм и современность. Международный теоретический и общественно-политический журнал. – № 1-2(53-54). 2014-2015. – С. 222-227.

подчинения самой человеческой личности посредством наркотических веществ.

Поэтому в действительности пролетарская партия, поднимая пролетариат на революцию, должна будет ставить перед ним задачу не увеличить материальное производство, а изменить саму цель этого производства, что вполне возможно будет связано даже с его рациональным уменьшением. Поскольку лишь изменение цели общественного производства с производства товаров на производство человеческих способностей позволяет устранить общественное разделение труда и прекратить воспроизводство общественного развития по логике отношений частной собственности, деления общества на классы, эксплуатации одного класса другим и иных форм отчуждения. Как писал Ф. Энгельс: *«созданные в пределах капиталистического способа производства массовые производительные силы, которые он уже не в состоянии обуздать, только и ждут того, что их возьмет в свое владение организованное для совместной планомерной работы общество, чтобы обеспечить всем членам общества средства к существованию и свободному развитию их способностей, притом во все возрастающей мере»*¹.

Само собой понятно, что эта задача оборачивается также решением экологических проблем, и не столько за счет уменьшения производственной нагрузки на природу, сколько за счет включения природы в качестве цели (стороны) воспроизводства в рамках производства всесторонне развитого человека.

Особо следует отметить, что для пролетариата в настоящее время более острой проблемой является не вопрос куска хлеба себе и своим детям (хотя бедность продолжает воспроизводиться капитализмом как непереносимое условие воспроизводства Капитала), а то, что его не считают полноценным человеком, поскольку и мера его полноценности также измеряется Капиталом. Зачастую и сами пролетарии считают свое пролетарское состояние временной неполноценностью, из которой они обязательно выберутся и станут "предпринимателями", поскольку в обыденном буржуазном сознании человеческое представляется именно как владение частной собственностью в её самой развитой форме – Капитала.

Таким образом, пролетарская революционная партия в настоящее время должна ставить перед революционным классом задачу устранения не только господства Капитала, но и господства Труда, то есть ликвидацию условий и предпосылок воспроизводства класса пролетариата в его социальной ограниченности как класса. Все иные партии могут вести разговоры лишь о более-менее "приличных" условиях воспроизводства все новых и новых поколений пролетариев, распространяя это воспроизводство на все более широкую часть человечества (или уменьшая человечество всеми средствами до «необходимых» размеров пролетариата). Капитализм и буржуазные партии готовят новым поколениям в лучшем случае более человеческие условия пролетарского труда. *Пролетарская партия выступает за уничтожение не только наемного Труда во благо Капитала, но и за*

замену такого Труда образовательно-научно-производственной деятельностью по всестороннему развитию способностей КАЖДОГО человека.

Марксизм раскрыл противоречие Капитала и Труда как внутреннее противоречие самого Капитала, в котором эти противоположности выступают как противоречие **постоянного** и **переменного** Капитала, а также как внутреннее противоречие Труда, в котором Капитал есть **овеществленный** в форме товара Труд в противоположность **живому** процессу Труда.

Развитие этого противоречия воплощается в нарастающем противостоянии общественного характера производства и частного характера присвоения его результатов. Капитал в своем развитии не может не обобществлять всё новые и новые виды человеческой деятельности превращая их в товар. Особенно ускоряют этот процесс концентрации периодические кризисы капитализма, поскольку в них неизбежно происходит экспроприация одних капиталов другими. Концентрация Капитала есть внутренняя логика его развития по превращению во всемирный «совокупный Капитал». Но тем самым он всё более обобществляет и концентрирует Труд, превращая его в совокупный Труд, создавая ту основу для производительную силу, которую К. Маркс называл «совокупным рабочим», объединяющую в едином процессе производства сотни миллионов рабочих рук.

Капитализм ярко проявил скрытую не вещественную сущность Капитала как общественного отношения, вырастающую из диалектики человеческой производственной деятельности. К. Маркс раскрыл эту диалектику как противоречие **опредмечивания** и **распредмечивания**. Она состоит в том, что в процессе производства человек преобразует вещество природы и воплощает свою потребность в форме предмета. В этом же процессе он формирует не только предмет, но и свою способность производить этот предмет – опредмечивает самого себя, превращаясь в «человека умелого», обладающего новой способностью к деятельности².

В потреблении человек распредмечивает воплощенную в предмете человеческую потребность, распредмечивает двояко: действуя по человеческим меркам, воплощенным в предмете, и овладевая мастерством деятельности, способностью производить этот предмет. Каждое новое поколение людей застает свою человеческую сущность в виде всего предметного и орудийного богатства – воплощенную в предметах деятельность предшествующих поколений. Новое поколение становится человеческим, распредмечивая из этого предметного и орудийного мира всё богатство человеческих способностей к общественному производству и общественному потреблению³.

Уже в самом простом процессе производства в результате общественного разделения труда создается возможность того, что воплощенная человеком в предмете его человеческая сущность может быть противопоставлена ему в форме отчуждения этого предмета – в виде собственности иного человека.

¹ Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – Т. 20. – С. 154.

² См. Батищев Г.С. Деятельностная сущность человека как философский принцип. // Батищев Г.С. Избранные

произведения / Под общ. ред. З.К. Шаукеновой. – Алма-Аты: Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2015. – С. 191-276.

³ См.: Там же – С. 220-226.

При капитализме это противопоставление развивается в гигантскую форму противоположности овеществленного Труда (постоянного Капитала) и живого Труда – «совокупного рабочего», которому этот, овеществленный им в производстве труд, не принадлежит. То, что принадлежит «совокупному рабочему», это его человеческие способности по производству всего общественного богатства, воплощенного в Капитале. Но он существенно ограничен в распределении человеческих потребностей, в своем потреблении им же произведенного общественного богатства, поскольку границы этого распределения для него задаются интересами Капитала и сводятся к стоимости рабочей силы. Он беден в способности к потреблению и богат в способности к производству. Но даже этот, второй вид богатства способностей не в его власти. Для своего воплощения он должен соединиться со средствами производства, а они принадлежат Капиталу.

Внутри каждой из общественных противоположностей «совокупного Капитала» и «совокупного Труда», в непрерывном взаимодействии между ними постоянно воспроизводится и отчуждается вся общественная система человеческих способностей – то действительное содержание совокупного богатства человечества, которое само по себе не имеет вещественной, предметной формы существования, но может осуществиться лишь в живом процессе деятельности в диалектике опредмечивания и распределения.

При капитализме общественный Труд, раскрывающий человеку всё богатство его человеческих способностей, опосредован необходимостью своего превращения в товарную форму и, следовательно, в форму Капитала, которому и принадлежит совокупный мир товаров. Капитал не позволяет, во-первых, реализовать человеческой способности в деятельности, тому общественному Труд, который не может быть превращен в товар и принести прибыль, и, во-вторых, он позволяет человеку приобщиться к общественному потреблению (и распределению в нем человеческих способностей) лишь через покупку товара. Для этого «совокупный рабочий» в лице каждого отдельного работника сам должен стать товаром – рабочей силой, которую он только лишь и может предложить в обмен на товарный мир общественного богатства.

6. Непосредственно общественный характер производства как действительное упразднение частной собственности

Таким образом, Труд как процесс общественного производства человеческого богатства во всем многообразии человеческих способностей при капитализме **носит опосредованно общественный характер**. Он опосредован товарно-капиталистической формой своего существования. Именно по этой причине марксизм разрабатывает понимание освобождения Труда от его опосредования Капиталом как *перехода к непосредственно общественному характеру общественного производства, что и является*

созидательной задачей социалистической (коммунистической) революции. В этом состоит сущность того, что К. Маркс и Ф. Энгельс сформулировали в «Манифесте» как упразднение частной собственности¹. Классики марксизма саму частную собственность понимали как юридическое выражение общественного разделения труда². Следовательно, упразднение господства частной собственности, по сути, означает не что иное, как ликвидацию общественного разделения труда. Поскольку развитие общественного разделения труда развивает также и противоречие между собственностью и трудом, то разрешение этого противоречия снимает одновременно обе противоположности: и частную собственность, и труд.

В развитии капиталистического способа производства, как известно, действуют противоположные тенденции: **специализации и универсализации** Труда. В результате универсализация человеческой деятельности (то есть универсализация человеческих способностей) в общественном производстве осуществляется таким образом, что каждый отдельный индивид, включенный в эту систему производственных отношений, утрачивает человеческую целостность и универсальность, для того, чтобы совокупная общественная деятельность становилась всё более универсальной. Общественное разделение труда развивается как его обобществление через максимальную специализацию, в которой индивид утрачивает целостность своей общественной сущности и может ее присваивать лишь в форме товара.

Разрешение этого противоречия, по сути, и есть преодоление общественного разделения труда и опосредованного товарными отношениями общественного характера производства. В связи с этим К. Маркс писал о необходимости замены обмена товарами или продуктами разделенного по отраслям труда непосредственным обменом самой деятельностью³. Задача этого разрешения и есть важнейшая задача пролетариата: «Только современные пролетарии, совершенно оторванные от самостоятельности, в состоянии добиться своей полной, уже не ограниченной самостоятельности, которая заключается в присвоении совокупности производительных сил и в вытекающем отсюда развитии совокупности способностей»⁴.

Переход к непосредственно общественному характеру производства остается невозможным до тех пор, пока его целью остается производство определенных продуктов труда и сохраняется его общественное разделение. Как следствие, сохраняется прикрепление человека к тем или иным профессиям. Присвоение каждым частичным работником универсальной общественной сущности человека в этих условиях требует его опосредования товарными отношениями, деньгами, рынком и т.п. условиями воспроизводства капиталистических отношений, поляризующих Труд и Капитал.

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – Т. 4. – С. 438

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – Т. 3. – С. 20, 30-31, 54, 61.

³ См.: Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 годов // Маркс К. Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – Т. 46, Ч.1. – С. 79.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – Т. 3. – С. 68.

Как подчеркивал Г.С. Батищев¹, «глубочайшая коммунистическая переделка мира потому именно и необходима, что унаследованная от капитализма система «разделения труда между людьми» несовместима с целостным развитием личности каждого члена общества. Чтобы человек развился в целостную личность, надо преодолеть разделение самого труда как человеческой деятельности, раздробление, расщепление его на лишённые собственного содержания, смысла, творческого характера «частичные функции». Переход к коммунизму есть переход «...к уничтожению разделения труда между людьми, к воспитанию, обучению и подготовке всесторонне развитых и всесторонне подготовленных людей, которые умеют всё делать»².

Как показали первые попытки выхода за рамки капиталистических отношений в СССР и других странах, для перехода к непосредственно общественному характеру производства недостаточно перехода к плановой системе организации общественного производства и распределения. Г.С. Батищев также подметил³, что В.И. Ленин, критикуя Г.В. Плеханова, у которого программной характеристикой социализма была «плановая организация общественного производственного процесса для удовлетворения нужд как всего общества, так и отдельных его членов», возражает ему так: «Этого мало. Этакую-то организацию, пожалуй, ещё и тресты дадут. Определённое было бы сказать... для обеспечения полного благосостояния и свободного всестороннего развития всех членов общества»⁴.

Плановость, хотя и позволяет организовать общественное производство в интересах подавляющего числа трудящихся, *не устраняет общественное разделение труда*. Для этого нужно, чтобы предмет общественно-производственной деятельности перестал быть частичным предметом – продуктом отдельной деятельности. То есть необходима такая трансформация предмета общественного производства, чтобы сам он становился не частичным, отдельным, а универсальным предметом. Причем универсальным для каждого участника общественного производства, что только и позволит сформировать каждого как универсального производителя.

Классики марксизма в «Немецкой идеологии» и в «Экономических рукописях» (Grundrisse) неоднократно говорили о том, что *задачей общественного производства должно стать не производство предметов потребления, а производство человеческих способностей*⁵. По сути, это нужно понимать так, что на замену всех видов и отраслей производства должна прийти одна совокупная отрасль производства, которая должна стать **непосредственным производством человека**.

В капитализме производство человека также существует, но в качестве особого разделенного общественного труда – в виде *педагогики* в самом широком смысле: как системы общественного образования, которая в себе самой воспроизводит противоречивость капитализма. С одной стороны, она выступает как система образования рабочей силы, формирующая наемных работников в их максимальной специализации. С другой – как обучение представителей господствующего класса формам управления частной собственностью и капиталом в экономике, политике, праве, а также формам идеологического обеспечения этого управления. И тоже в их специализации. В каждой из этих форм образования «производство людей людьми» выступает в отчужденной форме, поскольку *сама педагогика, как отделенная от общественного материального производства отрасль, является формой отчуждения*.

Для того чтобы общественный характер производства человека изменился с партикулярного на универсальный, необходимо, во-первых, чтобы педагогика перестала быть частичным видом деятельности, и, во-вторых, чтобы в педагогике были втянуты все виды общественной деятельности, развивающие человеческие способности, и она превратилась в процесс действительного материального производства человека. В.И. Ленин, а также Н.К. Крупская, опираясь на разработки К. Маркса отмечают, что вместо существующей системы обучения должна быть введена политехническая система образования с самого раннего возраста⁶. Фактически всё формирование человека должно строиться по принципу политехнизма: усвоения всего многообразия отраслей знаний через овладение всеобщим содержанием всех видов человеческой деятельности в их историческом развитии и взаимной универсальной связи⁷.

Таким образом, лишь универсализм человеческого труда, подчиненный непосредственной задаче формирования человеческих способностей, может быть условием преодоления общественного разделения труда как основы отношений частной собственности капитализма. Это означает, по моему мнению, что *вся система общественной экономики должна стать общественной педагогикой*. А педагогика – *перестать существовать в виде оторванного от общественного производства обучения*. Для этого вся система общественного производства, созданная капитализмом (за исключением тех её видов, которые разрушают человека), должна быть превращена в единую универсальную политехническую школу по формированию человека от его рождения в течение всей его жизни.

¹ Батищев Г.С. Задачи воспитания нового человека // Батищев Г.С. Философско-педагогические произведения: Собрание сочинений. В 2 т. – Т. 1. – Бийск: ФГБОУ ВПО «АГАО», 2015. – С. 296-297.

² Ленин В. И. ПСС. – Т. 41. – С. 33.

³ См.: Батищев Г.С. Там же. – С. 297 – сноска.

⁴ Ленин В. И. ПСС. – Т. 6. – С. 232.

⁵ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – Т. 3. – С. 68-69.

⁶ См.: Ленин В.И. О политехническом образовании // ПСС. – Т. 42; Крупская Н.К. Школа и жизнь // Избр. пед. произведения. – М., 1957.

⁷ Советская педагогика на первых этапах развития социалистической революции пыталась реализовать этот принцип на практике, например, в системе А.С. Макаренки, в которой знание присваивалось в контексте дела. Современная тенденция универсализации и синтеза научных знаний вырастает из универсализации и синтеза средств производства (хотя, в уродливой, отчужденной от человека, форме). Именно этим всеобщим во всех видах деятельности и знания должен иметь возможность овладеть каждый человек.

Такая непрерывная система образования должна включать в себя всю систему общественного производства как формирования человека по меркам всех видов деятельности по производству её отдельных продуктов, в которой отдельность продукта и специфичность деятельности по его производству становятся лишь моментами процесса формирования у каждого индивида человеческих способностей по универсальным меркам. При таком подходе производство отдельных продуктов и средств труда, соответствующих отдельным человеческим потребностям и способностям, – не исчезает, но превращается из цели в средство, в момент общественного производства человека, целью которого становится образование как воспроизводство у каждого нового поколения способностей ко всему многообразию деятельности. Расширенное воспроизводство продуктов труда и средств производства превратится в расширенное воспроизводство, у каждого индивида в частности и в обществе в целом, способностей к универсальной деятельности. Таким образом будет преодолено деление системы общественного воспроизводства на две группы: производства средств производства и производства средств потребления, которое характерно именно для капиталистического воспроизводства.

В такой системе общественного производства обмен деятельностью становится уже не обменом произведенными в различных отраслях производства продуктами, а непосредственным обменом деятельностью между учителями и учениками в разнообразных видах деятельности. «В обществе, основанном на началах коллективизма, на общем владении средствами производства, производители не обменивают своих продуктов; столь же мало труд, затраченный на производство продуктов, проявляется здесь как стоимость этих продуктов»¹. Это и есть непосредственный обмен деятельностью: во-первых, как универсальная система производства человеческих способностей, во-вторых, как распределение по плану в общественной системе производства не заданий по производству отдельных продуктов, а участия людей в отдельных видах деятельности; чтобы они, осваивая многообразие форм деятельности в общественном производстве, формировались как универсальные люди, способные к любому человеческому виду деятельности. Для этого и все отдельные виды деятельности будут приобретать всё более универсальный характер, будучи подчиненными единой универсальной цели – формированию человеческих способностей.

Уже капитализм универсализует деятельность человека в отдельных её видах. Так называемая информационная революция, по большому счету, как раз и заключается в том, что формируются универсальные алгоритмы управления любой производственной деятельностью. Универсализация управления производством закладывает основы для преодоления одной из важнейших форм общественного разделения труда – на управленческий и исполнительный труд. Универсализация управления отдельными отраслями и видами общественного производства является важнейшим условием для

универсализации управления обществом в целом в его переходе к самоуправлению. Ведь любой человек, усвоивший универсальные алгоритмы управления в любой отрасли общественного производства, становится способен осуществлять управленческую деятельность в любой иной отрасли и в обществе в целом. Что в условиях коллективного характера общественного производства будет означать переход к самоуправлению.

Важнейшим условием преодоления общественного разделения труда на управленческую и исполнительную деятельность является доступ к полному образованию для всех членов общества. Если же само образование становится всеобщим политехническим, вплетается в систему общественного производства, становится распределением образовательно-производственной деятельности по общественному плану, включает в себя всех людей, тогда оно становится универсальным. При этом сохраняется своеобразие различных видов общественного производства, а значит, – сохраняется и развивается разнообразие человеческих способностей, необходимых для их усвоения и осуществления. Суть универсального политехнизма как раз и состоит в том, что человек овладевает способностями к осуществлению разнообразных видов деятельности в единой системе общественного производства и может их свободно менять.

Такая перемена деятельности станет внутренне необходимым условием для деятельности по меркам свободного времени. При этом, как подчеркивал К. Маркс, свободное время выступает не просто как нерабочее время, а как время деятельности человека, посвященное его собственному развитию – развитию его человеческих способностей в единой системе совокупной коллективной деятельности. Здесь именно коллективность является важнейшим фактором. Поскольку *коллективный обмен деятельностью является общественным пространством для развития способностей каждого человека*. И только в коллективности человек обретает критерий оценки степени и вектора своего собственного развития. Как отмечали классики марксизма, «Только в коллективе индивид получает средства, дающие ему возможность всестороннего развития своих задатков...»².

Переход к непосредственно общественному или свободному Труду предполагает, что общественная коллективность становится основным носителем и инструментом обмена человеческой деятельностью. Это образует два мощнейших рычага повышения производительности труда: во-первых, каждый участник общественного производства, становясь универсальным производителем, вносит достижения и преимущества из одних видов деятельности в другие, достигая тем самым более эффективных результатов; во-вторых, тот совокупный комбинированный коллективный труд, производительная мощь которого при капитализме присваивается собственником капитала, в новых условиях будет непосредственно представлен каждому индивиду. Как писал Ф. Энгельс: «развитие же производства больше всего стимулируется таким способом распределения, который позволяет всем членам общества как можно

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – Т. 19. – С. 18.

² Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – Т. 3. – С. 75.

более всесторонне развивать, поддерживать и проявлять свои способности»¹. Но при этом меняется смысл производительности труда – не увеличение количества произведенных продуктов и предметов (их и в настоящее время производится с избытком, но для одних этот избыток недоступен, а для других он стал возможностью непрерывно заменять новым, выбрасывая старое), а повышение качества человеческих способностей к разнообразным видам деятельности в системе общественного производства.

7. Из «царства необходимости в царство свободы» – выведение человека за пределы экономических отношений

Формирование непосредственно общественного характера общественного производства как всеобщей системы образования и развития человеческих способностей по сути означает выведение человека за рамки экономических отношений – за рамки экономики (понимаемой как система экономических отношений общественного производства), которая снимается более высоким уровнем общественного производства. Она перестает быть экономикой, но становится педагогией в широком смысле общественного образования, поглощающего процесс материального производства в целом, превращая его в процесс формирования у каждого человека универсальных человеческих способностей. Время этой общественной деятельности будет уже временем не необходимого, а свободного труда.

Означает ли это, что *необходимый Труд* исчезнет? Нет, не означает. Но произойдет смена основания. Необходимый Труд из основания человеческой деятельности превратится лишь в момент развития на ином основании, которым становится *свободный Труд*. То есть необходимый труд станет как бы побочным продуктом свободной деятельности по формированию человеческих способностей. Собственно говоря, *свободный Труд станет главной необходимостью*.

В этой смене основания и состоит выведение человека за пределы экономических отношений – переход к неэкономической деятельности по производству-образованию человеческих способностей. Эта смена основания является самым трудным камнем преткновения в понимании того, чем является непосредственно общественный способ производства. Трудность его понимания состоит в том, что его пытаются понять по аналогии с предшествующим, капиталистическим способом производства. Только понимание того, что в этом переходе меняется основание производства, позволяет понять, действительно ли происходит выход за пределы капиталистических отношений и формирование непосредственно общественного способа производства. В этом революционном переходе происходит непрерывная борьба двух противоположных тенденций: одна стремится к воспроизводству экономического существования человека, а другая стремится вывести человека за рамки экономических отношений, за рамки необходимого Туда. В результате этого перехода «производительный труд, вместо того чтобы быть средством порабощения людей, стал бы средством их

освобождения, предоставляя каждому возможность развивать во всех направлениях и действительно проявлять все свои способности, как физические, так и духовные, – где, следовательно, производительный труд из тяжелого бремени превратится в наслаждение»².

Важно еще раз подчеркнуть, что в переходе к непосредственно общественному производству человек формирует свои способности именно универсальным образом, а не только по отдельным видам деятельности. Отдельная деятельность в этом процессе становится лишь моментом общего процесса. В этом и заключается особенность коллективно организованного Туда по формированию человеческих способностей – человек включается в любой, необходимый для его развития вид деятельности лишь постольку, поскольку это нужно, чтобы его освоить, распределить воплощенные в нём человеческие способности. Критерием количества времени, необходимого для занятия каждым видом деятельности, является освоение этой деятельности, что является определяющим фактором для её перемены. Именно перемена деятельности становится важнейшим стимулом и важнейшим критерием эффективности системы производства человека.

Однако это не исключает свободного выбора человеком определенного вида деятельности в качестве приоритетного, любимого, и тем самым посвящения выбранной деятельности большей доли своего времени. Любовь к определенному виду человеческой деятельности означает, что человек с наибольшим желанием будет научать этой деятельности других. Собственно говоря, единственным критерием того, что человек освоил тот или иной вид деятельности, является способность не только эту деятельность осуществлять, но и научить ей любого другого человека. *Потому всеобщее взаимное обучение, которое каждый человек будет осуществлять всю свою жизнь, станет всеобщим стержнем системы общественного производства*.

8. Коренная трансформация производительных сил – ликвидация основания противоположностей труда и капитала

Подчинение общественного производства не производству товаров, а формированию человеческих способностей потребует коренной трансформации строения производительных сил, которое уже будет определяться не потребностью в массовом производстве товаров, а организацией политехнического человекообразующего производства. Это значит, что для строения производительных сил станут определяющими три основных фактора.

Первый – оптимальная доступность для каждого человека всех основных видов производственной деятельности, необходимых для общественного воспроизводства жизни общества.

Второй – оптимальная включенность каждого человека в систему коллективного взаимодействия в общественном воспроизводстве.

¹ Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – Т. 20. – С. 206.

² Там же.

Третий – оптимальная включенность общественного производства в использование и воспроизводство природы.

Первый фактор определяет *необходимость создания, взамен глобальной системы капиталистического производства, всемирной сети учебно-научно-производственных комплексов (УНПК)*¹, которые, с одной стороны будут обеспечивать каждому возможность обучающей перемены деятельности в рамках воспроизводства всех основных условий жизни, а с другой – учитывать специфику деятельности, определяемую природными условиями или особенностью включения в решение общих производственно-образовательных задач, выходящих по своему масштабу за пределы возможностей отдельных УНПК. Точный масштаб каждого УНПК будет определяться наукой и практикой, но уже понятно, что эти размеры будут намного меньше современных мегаполисов. По мере роста универсальности и технологичности человеческой деятельности, а также системы общения (коммуникации) эти масштабы будут постоянно уменьшаться (как, например, уменьшились компьютеры и телефоны, слившись в одно целое, поглотив, при этом, ещё ряд других функций, которые ранее выполняли десятки иных предметов, как, например, 3D принтеры). Подчинение производства политехническому формированию человека позволяет также *ликвидировать противоположность промышленного и аграрного производства*, поскольку они займут свою подчиненную нишу в общем комплексе образовательной деятельности в УНПК.

Второй фактор связан с первым, поскольку коллективность человеческой деятельности является важнейшей производительной силой. В то же время включенность каждого человека в коллективный обмен человеческой деятельностью предполагает также его включенность в коллективную выработку решений по распределению этой деятельности и в коллективное их выполнение. Непосредственно общественный характер производства предполагает постоянное непосредственное общение его участников. Этот фактор также влияет на масштаб объединения деятельности в УНПК. Все должны знать друг друга, быть непосредственно связанными друг с другом в совместной деятельности и в её обмене, в совместном обсуждении всех, связанных с ней вопросов, что становится всё более доступным в условиях динамичного развития уровня коммуникации.

Третий фактор определяет необходимость обмена деятельностью между УНПК, поскольку ее определенные виды будут распределены между ними в результате влияния различных природных условий и специфики совместной кооперации для решения более масштабных задач по универсализации человеческой деятельности и способностей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, новые цели и задачи, которые необходимо начертать на знаменах всемирной пролетарской революции, должны быть связаны с её пониманием как перехода к непосредственно общественному способу производства, который только и позволяет преобразовать основание капитализма –

частную собственность на средства производства, поскольку именно на этом основании постоянно воспроизводится противоположность Труда и Капитала. Снятие их противоположности в свободной коллективной деятельности по производству универсальных человеческих способностей, которые одновременно являются богатством всех и каждого, поскольку существуют лишь в живом общественном процессе обмена деятельностью составляет сущность нового этапа развития пролетарской революции.

Важно понять, как соотносятся новые задачи с уже стоявшими в ходе предшествующих пролетарских революций:

1. Выработка и постановка пролетарской партией новых классовых задач не означает, что ей не будет необходимо вновь повторить решение тех задач, которые уже ранее приходилось решать в ходе предшествующих исторических попыток перехода от капитализма к социализму.

Во-первых, революции вырастают из революционных ситуаций, порождаемых кризисами капитализма, и потому с необходимостью революционному классу во главе со своей партией нужно будет решать задачи, вытекающие из развития революции – задачи переходного периода, для решения которых важнейшим инструментом является *диктатура пролетариата*.

Во-вторых, задачи юридического и экономического преодоления господства частной собственности для создания основ *плановой* организации общественного производства в интересах трудящихся на базе *обобществленной* собственности.

И, в-третьих, разворачивать те цели и задачи, перед которыми революция остановилась в прошлом – задачи культурной революции в самом широком смысле этого понятия как процесса ликвидации общественного разделения труда и *перехода к непосредственно общественному способу производства*.

2. Причем, после «сжатия» контрреволюцией основных противоречий капитализма первые два этапа будут пройдены в ускоренном режиме будучи уже подчиненными целям и задачам третьего этапа, который становится ключом и направляющей нитью воспроизводимых этапов. Потому с самого начала подготовки и осуществления революции пролетарская партия должна ставить перед пролетарскими массами высшие цели, которые их мобилизуют на творческий характер революции. В этом заключается *важнейшая роль пролетарской партии*, поскольку от уровня теоретической разработанности классовых задач в революции, их стратегической продуманности и тактической заостренности зависит её способность к мобилизации пролетариата на революционную борьбу, к превращению класса в субъект исторического процесса, а также привлечение иных социальных групп в качестве союзников и сторонников всеобщих задач коммунистической революции. По сути *новые задачи пролетарской партии являются общечеловеческими задачами, которые позволяют сплотить и мобилизовать не только пролетариат, но и широкие непролетарские массы, поскольку именно эти цели и задачи становятся воплощением развития и прогресса для всего Человечества*.

¹ О необходимости перехода к строительству системы УНПК писал В.А. Босенко. См.: Босенко В.А. Воспитать воспитателя.

² изд. – К.: Издательство Всеукраинского союза рабочих, 2004. – С. 143.

3. Поскольку, как это уже было сказано выше, для всех революционных партий пролетариата их стратегические задачи совпадают в единой задаче социально-революционного преодоления капитализма как мировой системы общественного производства и создания мирового коммунистического общества, постольку наряду с подготовкой задач политического преодоления господства буржуазии и социально-экономического преодоления господства частной собственности в полный рост встает задача объединения теоретических усилий для выработки научного видения этой общей мировой коммунистической системы как цели классовой борьбы и общей основы формирования единого классового осознания целей пролетарской революции.

4. Эта всеобщность задач и требует настоятельно выработки всеобщей (всемирной) организации революционной борьбы в форме *Коммунистического*

интернационала, направленной на преодоление капитализма как всемирной системы частной собственности, всемирного господства и угнетения.

Лишь такая постановка задач делает мировой пролетариат, организованный в Коммунистический интернационал, представителем интересов всего общества, всего человечества в борьбе с господством капиталистов. Лишь такое определение альтернативы капитализму с его перманентно воспроизводящимися кризисами и войнами есть одновременно выдвиганием альтернативы неофашизму как последнего убежища капитализма. Альтернативы, которая позволит пролетариату вместе с другими классами, угнетаемыми капитализмом, прекратить милитаризм и войну, позволит, по сути, дать шанс человечеству не уничтожить себя в новой мировой войне.

Создание, деятельность и роспуск Коминтерна через призму текущих задач международного коммунистического движения¹

18 декабря 2020 года в газете "ПРАВДА" – Коммунистической партии Российской Федерации (КПРФ) была опубликована статья российского журналиста и философа Виктора Трушкова под названием «Переоценили свои силы, когда создавали Коминтерн?» о создании и деятельности Коммунистического Интернационала.

Ссылаясь на дневниковую запись коммунистического лидера Георгия Димитрова, автор отмечает, что эта фраза принадлежит Иосифу Сталину, а автор лишь перевёл её из утвердительной в вопросительную форму. В статье даётся краткий обзор важных решений Коммунистического Интернационала, в том числе прославляется ориентация на создание народных фронтов, а также делается попытка оправдать решение о самороспуске Коммунистического Интернационала. В качестве оправдания приводится основной аргумент о том, что «невозможно руководить рабочим движением всех стран мира из одного международного центра». В то же время даётся положительная оценка созданию Коминформбюро для обмена информацией между компартиями, а также высказывается мнение о том, что ни Совещания коммунистических и рабочих партий, собиравшиеся до конца 1980-х годов по инициативе КПСС, ни ежегодные Встречи коммунистических и рабочих партий, инициатором которых была Коммунистическая партия Греции, не смогли восполнить этот информационный пробел.

Конечно, мы можем только приветствовать тот факт, что предпринимается попытка исследовать серьёзные вопросы истории международного коммунистического движения и сделать выводы о сегодняшней борьбе. В то же время необходимо отметить, что, изучая конкретный исторический путь Коминтерна, наша партия сделала несколько иные выводы по сравнению с теми, к которым пришёл автор статьи.

Связь исторического пути КПГ с Коминтерном

Наши товарищи из других стран должны знать, что КПГ была образована под влиянием Октябрьской революции и носила название Социалистическая рабочая партия Греции (СРПГ). На своем Учредительном съезде (17-23 ноября 1918 г.) она провозгласила, что *«объявляет себя частью Интернационала, объединяясь и скрепляясь с партиями всех стран мира, борющимися за свержение международного капитализма и победу международного социализма»*.

Первый Национальный Совет СРПГ (31 мая – 5 июня 1919 г.) отрешился от оппортунистической линии 2-го Интернационала и поручил ЦК начать подготовку к вступлению партии в Коммунистический Интернационал.

Первыми из тысячи борцов нашей партии, павшими за дело рабочего класса, были Демостенис Лигдопулос и Орион Алексакис. Они были убиты на обратном пути в Грецию из Москвы, где участвовали во 2-м конгрессе Коммунистического Интернационала.

3-й внеочередной съезд СРПГ(К) (26 ноября – 3 декабря 1924 г.) выразил полное одобрение решениям Коминтерна и Балканской Коммунистической Федерации, а также решению о переименовании партии в *Коммунистическую партию Греции (Греческая секция Коммунистического Интернационала)*, которая оставалась его секцией до роспуска Коминтерна в 1943 году.

Решения Коммунистического Интернационала оказали каталитическое воздействие на курс и деятельность нашей партии. Так, дав оценку своей деятельности, КПГ объективно проанализировала деятельность Коммунистического Интернационала. Наша партия, изучая свою историю, провела насыщенную внутрипартийную дискуссию, кульминацией которой стала Всегреческая конференция (в 2018 году), на которой был одобрен четырехтомный Очерк истории партии с момента её основания в 1918 году до 1949 года, период, который ознаменовал конец героической эпопеи

¹ Статья отдела международных отношений ЦК КПГ.

Демократической армии Греции, борьбы, которая потрясла основы буржуазной власти в Греции, но не смогла их ниспровергнуть.

К сожалению, Очерк истории партии не переведён на другие языки, однако основные оценки, которые даны в нем и касаются деятельности Коммунистического Интернационала, представлены в «Заявлении ЦК КПГ – 100 лет Коммунистическому Интернационалу» (февраль 2019 г.), которое было переведено на многие языки. Сегодня по случаю появления статьи в «Правде» мы хотим напомнить некоторые моменты и рассмотреть задачи, которые стоят перед коммунистическими и рабочими партиями на международном уровне.

Вклад Коминтерна и критическое рассмотрение его пути

Прежде всего мы должны отметить, что КПГ «признает его вклад в развитие международного рабочего и коммунистического движения, подчёркивая при этом необходимость извлечения уроков из опыта, накопленного в ходе его деятельности.

Коминтерн – это дитя победы Октябрьской социалистической революции в России (1917 г.), он был создан как ответ на необходимость координации и единства международного революционного рабочего движения. Важным был вклад Коминтерна в поддержку и укрепление коммунистических партий в глобальном масштабе, его интернациональная бескорыстная солидарность с борющимися и угнетёнными народами, проявлением которой стало, в том числе, формирование Интернациональных бригад, которые сражались на стороне Испанской демократической армии (1936–1938 гг). Важными сторонами деятельности Коминтерна являлись также оказание разнообразной помощи преследуемым борцам во всем мире, издательско-просветительская деятельность, организация школ подготовки кадров на основе революционной теории марксизма-ленинизма, функционирование сетей политической и журналистской информации.

Проблемы и противоречия в стратегии Коминтерна, которые негативно повлияли на все коммунистические партии, его члены, не отменяют его вклада в развитие международного коммунистического движения. Наследие Коминтерна, изучение его опыта сегодня имеет ценность для реорганизации международного коммунистического движения, для формирования единой революционной стратегии против капиталистической власти».

При этом КПГ критически оценивает деятельность Коминтерна, например, «противоречивый курс чередования своего отношения к социал-демократии постепенно ослабил фронт против неё, несмотря на то что последняя явно сформировалась как контрреволюционная политическая сила буржуазной власти. Так, в рядах партий Коминтерна усиливались правые оппортунистические позиции».

Наша партия подвергает критике Программу Коминтерна (6-й конгресс), которая определила три основных типа революций в борьбе за мировую диктатуру пролетариата на основе положения каждой капиталистической страны в международной империалистической системе. Отмечает, что таким образом «недооценивались международный характер эпохи монополистического капитализма и обострение основного противоречия между трудом и капиталом.

Более того, анализ Коминтерна не ориентировался на объективный факт, что неравномерность развития капиталистических экономик и неравноправные отношения между государствами не могут быть упразднены на почве капитализма. В конечном счёте характер революции в каждой капиталистической стране объективно определяется основным противоречием, которое требуется разрешить независимо от относительного изменения положения каждой страны в международной империалистической системе. Из обострения основного противоречия между трудом и капиталом в каждой капиталистической стране в эпоху монополистического капитализма вытекают социалистический характер и задачи революции.

Был недооценён характер эпохи как эпохи перехода от капитализма к социализму и возможность социалистических производственных отношений дать большой толчок развитию производительных сил, как было продемонстрировано в Советском Союзе.

Империализм ошибочно считался формой насильственной внешней политики некоторых самых мощных государств, тогда как в империалистическую систему входили десятки стран (монополистический капитализм сложился как в Китае, так и в Бразилии). В то же время их характеристика в качестве зависимых не учитывала переплетения интересов иностранной и местной буржуазии.

Другая основная проблема заключалась в том, что считалось, что в революционный процесс включились мощные буржуазные социальные и политические силы, которые уже находились у власти, как например, в Турции, а также буржуазные классы Марокко, Сирии и т.д.».

КПГ критически оценивает решения 7-го конгресса Коминтерна относительно изменения определения фашизма, формирования народных фронтов как политического сотрудничества коммунистических партий с социал-демократическими и другими буржуазными партиями и оппортунистическими течениями, которые принимали участие в правительствах, не ставящих под сомнение капиталистическую власть, или поддерживали их.

Наша партия отмечает, что такие решения приводили к иллюзиям и духу примирения, путанице и ослаблению идейно-политического фронта против социал-демократии и оппортунизма. Она даёт критическую оценку тому факту, что «после вторжения фашистской Германии в СССР Коминтерн изменил позицию относительно характера войны, определив ее как антифашистскую и заявив, что *«...основной удар теперь направляется против фашизма»* ... *«мы не будем на этом этапе призывать ни к свержению капитализма в отдельных странах, ни к мировой революции (...) в этой борьбе мы не должны отталкивать ту часть мелкой буржуазии, интеллигенции и крестьянства, которые честно стоят за это национально-освободительное движение. Наоборот, нужно завоевать их в качестве союзников и коммунистам включиться в это движение в качестве руководящего элемента...»*.

Такая позиция недооценивала того, что характер войны определяется тем, какой класс и с какой целью он ведёт войну, независимо от того, была ли она первоначально и в конкретный момент оборонительной или наступательной. Борьба против фашизма и освобождение от иностранной оккупации, за

демократические права и свободы была отделена от борьбы против капитала.

Противоречия в рядах Коминтерна относительно характера Второй мировой войны происходили также под влиянием стремления внешней политики СССР, его попытки защитить себя от империалистической войны. Однако в любом случае потребности внешней политики социалистического государства не могут заменить необходимость революционной стратегии для каждой капиталистической страны. В конечном счёте окончательная гарантия социалистического государства зависит от мировой победы социализма или его преобладания в мощной группе стран, а следовательно – от борьбы за революцию в каждой стране».

О самороспуске Коминтерна

Наша партия считает, что «решение о роспуске Коминтерна вступало в полное противоречие с принципами, служащими его созданию. Противоречило духу и букве Коммунистического Манифеста, принципам Пролетарского Интернационализма, необходимости в любых условиях существования единой революционной стратегии коммунистических партий против международного империализма».

В Очерке истории КПГ приводятся слова американского коммунистического лидера и историка Уильяма Фостера: «Знаменательно, что историческое решение о роспуске Коминтерна было принято в самый острый момент борьбы за создание второго фронта в Европе. Этот фронт был совершенно необходим для достижения быстрой и окончательной победы. Однако его открытию препятствовали западные реакционеры, подхватывавшие измышления Геббельса о Коминтерне. Нет никакого сомнения в том, что благоприятное впечатление, которое произвел на мировую буржуазию роспуск Коминтерна, сыграло решающую роль в преодолении создавшегося тупика. Спустя лишь несколько месяцев (ноябрь – декабрь 1943 года) состоялась знаменитая Тегеранская конференция, на которой была наконец установлена дата открытия второго фронта».

В Очерке истории КПГ отмечается: «Безусловно, причины, которые привели к самороспуску Коминтерна, требуют дальнейшего изучения в тесной связи с изучением общего опыта, накопленного в ходе деятельности Коминтерна. Однако можно сформулировать некоторые оценки и сделать выводы.

Решение о роспуске Интернационала, принятое в период, когда война достигла своей кульминации, не стал шагом на пути к развитию рабочей, народной борьбы против фашизма и увязыванию её с войной против капитализма – чрева, породившего его.

Это решение полностью противоречило принципам, на которые опирался I Интернационал, созданный в то время, когда еще не было коммунистических партий. Это противоречило духу и букве Манифеста Коммунистической партии, принципу пролетарского интернационализма, а также причинам, по которым был создан Коминтерн. Согласно Ленину, *«III Интернационалу предстоит задача организации сил пролетариата для революционного натиска на капиталистические правительства, для гражданской войны против буржуазии всех стран за политическую власть, за победу социализма!»*¹.

Решение о самороспуске Коминтерна немедленно, а также в среднесрочной и долгосрочной перспективе ослабило революционные силы и, безусловно, не явилось мерой защиты СССР. Напротив, оно способствовало усилению давления буржуазии каждой страны на коммунистические партии. И это произошло в то время, когда война глубоко потрясла не только саму буржуазию, но и основы капиталистической собственности, в зависимости от ущерба, нанесенного военными действиями. Оно не подготовило рабочее движение к контрнаступлению в условиях кризиса буржуазной власти в форме фашизма или иной форме, причем на этапе, когда авторитет СССР и восхищение миллионов людей подвигами советского народа и Красной Армии достигли пика, когда значительно возросли влияние и авторитет ряда компартий благодаря их ведущей роли в антифашистской и национально-освободительной борьбе.

Невозможно согласиться с тем, что Коминтерн пришлось распустить, чтобы покончить с гитлеровской антикоммунистической пропагандой, а также с соответствующей пропагандой всех противников компартий, которые называли их агентами иностранного государства.

Это решение преуменьшало остроту межимпериалистических противоречий, приведших ко Второй мировой войне. Например, непосредственные и долгосрочные интересы японской буржуазии в Тихоокеанском регионе и в Восточной Азии, которым угрожали США, вынудили Японию напасть не на СССР, а на США.

Решение абсолютизировало различия в условиях деятельности компартий, в результате было преуменьшено и сведено к нулю то, что было основной и общей чертой всех компартий: то, что они действовали в условиях капитализма, в частности в условиях, созданных мировой империалистической войной.

Впрочем, необходимость существования международного коммунистического центра определяется не силой и зрелостью компартий, а необходимостью существования в любых условиях единой революционной стратегии компартий против международного империализма. Следовательно, утверждение о том, что компартии стали сильнее и зреее и поэтому Коминтерн отжил свое, было необоснованным.

С другой стороны, то, что было сделано на практике, было ошибочным, то есть неформальное выполнение Всесоюзной коммунистической партией (большевиков) функции международного коммунистического центра, какой бы заслуженной она ни была, потому что руководила социалистическим строительством в СССР после первой, победной Октябрьской социалистической революции и сыграла ведущую роль в разгроме фашизма».

В Заявлении ЦК КПГ к 100-летию Коминтерна также отмечается, что «другим делом является исследование организационной формы единства международного коммунистического движения, способ ее работы и, безусловно, всегда при условии формирования единой революционной стратегии».

В то же время даётся оценка того, что «после Второй мировой войны появилась настоятельная необходимость единой деятельности международного коммунистического

¹ Ленин В.И. ПСС/ - Т. 26. - С. 42

движения против единого международного контрнаступления империализма. Ее выражением стало создание в *Шклярской Порембе (Польша)* (22-28 сентября 1947 г.) Информационного бюро (Коминформ) из представителей 9 коммунистических и рабочих партий (СССР, Югославии, Румынии, Болгарии, Польши, Чехословакии, Венгрии, Франции и Италии). Учредительное совещание поставило перед собой задачу обмена информацией и координации деятельности. В действительности Информационное бюро играло ведущую роль в международном коммунистическом движении, хотя оно никоим образом не могло восполнить необходимость создания нового Коммунистического Интернационала. Оно было распущено в 1956 году в результате правого оппортунистического поворота (после XX съезда КПСС) и кризиса международного коммунистического движения.

Новыми, более рыхлыми формами координации деятельности международного коммунистического движения стали впоследствии международные совещания коммунистических и рабочих партий, которые не создали условий для формирования единой революционной стратегии по отношению к международной империалистической системе».

О современных усилиях, предпринимаемых международным коммунистическим движением

В статье, опубликованной в «Правде», необходимость в международном коммунистическом центре и революционной стратегии отождествляется с ошибочной практикой преобразования Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) в неформальный международный коммунистический центр.

Так, автор приходит к выводу, что все, что требуется – так это взаимная информированность коммунистических партий, что пыталось сделать Коминформбюро.

В статье даётся следующая оценка: «К сожалению, роспуск Ком-информбюро в результате доклада Н.С. Хрущёва на закрытом заседании XX съезда КПСС о культе личности И.В. Сталина привёл к ликвидации инструментов систематической информации о деятельности марксистско-ленинских партий планеты. Ни периодические Совещания коммунистических и рабочих партий, собиравшиеся до конца 1980-х годов, ни ежегодные Встречи коммунистических и рабочих партий, инициатором которых была Коммунистическая партия Греции в конце 1990-х годов, этой функции не выполняют. А это негативно сказывается на состоянии международного коммунистического движения».

Исходя из приведённой выше оценки, напрашивается следующий вопрос: *Связано ли нынешнее состояние международного коммунистического движения, которое находится в глубоком кризисе, исключительно с недостатком информации?*

Прежде всего мы хотели бы отметить, что в Международных встречах коммунистических и рабочих партий (МВКРП), которые начали проводиться по инициативе КПГ (теперь за их проведение несёт коллективную ответственность Рабочая группа),

ежегодно могут принимать участие более 120 партий, входящих в SOLIDNET.

За все эти годы было проведено **21 ежегодную МВКРП**, на которых партии могли обмениваться своими позициями. Вместе с тем существует и электронная версия **«Информационного бюллетеня»**, в котором публикуются материалы встреч компартий. В 2020 году не удалось провести МВКРП из-за пандемии, поэтому был выпущен электронный спецвыпуск «Информационного бюллетеня» с позициями партий.

Кроме того, на базе МВКРП функционирует **общий веб-сайт компартий под названием SOLIDNET¹**, ответственность за работу которого несет Компартия Греции и на котором компартии могут публиковать новости, а также свои программы, решения ЦК, руководящих органов и другие документы. Например, за последние 10 лет на сайте было опубликовано более **16 тыс. материалов**, присланных коммунистическими и рабочими партиями. Показательно, что в **2020** году было опубликовано **3.338** материалов, в то время как в **2019** году – **3.158** разных материалов на разных языках (английском, испанском, русском, арабском, португальском и т.д.), которые были отправлены партиями в SOLIDNET.

Вместе с тем на базе SOLIDNET дополнительно функционирует **система оперативной взаимной информированности компартий**. Благодаря этой системе более 500 подписчиков, в основном компартии (их газеты и другие СМИ, а также их члены), ежедневно получают по электронной почте материалы, опубликованные в этот день на странице SOLIDNET различными компартиями со всего мира.

Неслучайно и в 2019, и в 2020 году десятки тысяч людей заходили на сайт SOLIDNET за информацией. Так, в 2020 году статистика посещаемости сайта показала, что сайт SOLIDNET посетили люди из **161** страны (в 2019 году – из 176), то есть из гораздо большего числа стран, а не только из тех стран, в которых есть коммунистические и рабочие партии, входящие в SOLIDNET, и даже из тех стран, в которых нет компартий.

Наконец, необходимо отметить, что сегодня, в отличие от 20-30 летней давности, у значительного числа партий есть свои партийные или информационные веб-страницы, где любой желающий может получить информацию.

Так, у КПГ есть **партийный веб-сайт²** на греческом и еще десяти языках, а те, кто знает греческий язык, могут получать ежедневную информацию из печатной и электронной версии газеты³ и из ее информационного портала⁴ или политико-теоретического журнала «Коммунистическое обозрение»⁵.

Естественно, в вопросах информированности можно многое еще сделать, но разве причиной сегодняшней негативной ситуации является недостаточный уровень информированности?

С нашей точки зрения, мы должны искать причину в другом месте. А именно в том, что:

«Многие партии сохраняют название «коммунистическая», но их идейно-политическая и организационная структура не соответствует

¹ <http://www.solidnet.org>

² <https://www.kke.gr/>

³ <https://www.rizospastis.gr/>

⁴ - <https://www.902.gr/>

⁵ <https://www.komep.gr/>

коммунистическим чертам, идеологии научного коммунизма, революционной стратегии – программе революционной рабочей, ленинской партии.

Не преуменьшая важности того, что есть ряд партий, которые ссылаются на марксизм-ленинизм и тем самым отделяют свою позицию от тех, кто открыто отрекся от нашей идеологии, у многих из них классовый подход к современным явлениям капитализма, классовой борьбе на основе коммунистической идеологии, диалектико-материалистического анализа истории и современных социальных явлений еще очень слабый...

...Часто в подходах компартий преобладают буржуазные идеологические влияния – оппортунистические, превращающие любое обращение к нашему мировоззрению (от теоретической основы и до научно-методологического инструмента для понимания и изменения общества) в благие намерения.

Одним словом, общая картина остаётся негативной как в ведущих капиталистических странах (США, ЕС, Великобритания, Япония, Китай, Россия), так и в странах и регионах, которые являются очагами империалистических конфликтов»¹.

В общем, проблемой, существующей на протяжении многих десятилетий, является оппортунистическая стратегия при определении стадий, ведущих к социализму, «... ставящая цель формирования правительства на почве капитализма (антидиктаторного, антиоккупационного-освободительного, демократического – антиимпериалистического, антифашистского-антилиберального и т.д.)»².

«Аналогичная ситуация наблюдается в рабочем и профсоюзном движении в целом, где доминируют профсоюзные руководства и профсоюзы, идущие на компромисс с буржуазными правительствами и работодателями, в то время как главной проблемой остаётся связь большинства компартий с рабочим классом и рабочим движением, налаживание которой позволит компартиям завоевать новые позиции и играть ведущую роль в классовой борьбе...

...В рядах международного коммунистического движения (МКД) идет жесткая идейно-политическая борьба по ряду вопросов, таких как отношение к капитализму и международной империалистической системе. Преобладают взгляды об устойчивости капитализма, возможностях его «гуманизации» и «демократизации», использовании его технических достижений на благо народа при активном политическом вмешательстве компартий и на правительственном уровне...

... На этой почве в рядах компартий воспроизводятся ошибочные позиции и о «единстве левых», «демократических или патриотических силах», «сотрудничестве с левой социал-демократией», «левоцентристских правительствах», «новых антифашистских и антилиберальных фронтах» и т.д....

...Также между компартиями имеются разногласия в отношении экономических и политических закономерностей социалистической революции и

коммунистического общества, в частности в отношении интерпретации социалистического, коммунистического строительства в 20-м веке, причин контрреволюционного свержения социалистического строя...

...Ряд компартий занимают оппортунистическую позицию, согласно которой Китай строит социализм с китайской спецификой, идя на определённый компромисс с капиталом, и ошибочно рассматривают Россию не как империалистическую державу, а как слабую «периферию» империалистической системы, которая вместе с «социалистическим» Китаем играет положительную роль в международных событиях. Данный подход, представляющий собой отделение политики от экономики, также противоречит ленинской теории империализма.

Важным достижением для нашей партии является изучение вопросов социалистического строительства в СССР. Однако в рядах большинства компартий, которые не провели соответствующих исследований, по-прежнему наблюдается разногласия относительно характера сегодняшних Китая, России и других государств, которые являются частью империалистической системы. Это может трагическим образом сказаться на позиции по вопросу войны в эпоху империализма, когда коммунистическое движение, держа устойчивый фронт против империалистических центров – США, НАТО, ЕС, не должно вставать на сторону какой-либо империалистической державы, а последовательно защищать классовые интересы рабочего класса в борьбе с буржуазией своей страны, не должно выбирать «чужой флаг» под давлением мелкобуржуазных сил, а также под влиянием националистических взглядов на рабочий класс.

Коммунисты должны укреплять фронт как против концепций космополитизма, представители которых рассматривают международные союзы буржуазии (ЕС, НАТО, БРИКС и т.д.) с внеклассовой позиции, так и против национализма, «расовой чистоты нации и культуры» и других расистских взглядов в отношении беженцев и мигрантов»³.

20-ый съезд КПГ (30 марта – 2 апреля 2017 г.) подтвердил, «что реорганизация и развитие международного коммунистического движения является постоянной, неизменной задачей нашей партии», которая «исходит из глобального характера классовой борьбы. Что «международное коммунистическое движение находится в стадии отступления, оказывается не в состоянии ответить на нападки классового противника, которые ведутся не только посредством репрессивных мер, но и идейно-политических средств, влияния оппортунизма». КПГ предпринимает инициативы по созданию условий, которые помогут коммунистическим партиям выработать общую стратегию путём участия, например, в работе Европейской коммунистической инициативы, «Международного коммунистического обзора», в то время как целью нашей партии остаётся создание марксистско-ленинского полюса в международном коммунистическом движении. КПГ осознает, что «процесс революционной реорганизации будет медленным, мучительным, уязвимым, он будет

¹ Тезисы ЦК КПГ к 21-му съезду КПГ.

² Там же

³ Тезисы к 21-му съезду КПГ

опираться на способность компартий крепнуть в своей стране идеологически, политически и организационно, преодолевая ошибочные позиции, которые доминировали в международном коммунистическом движении в предыдущие десятилетия и воспроизводятся в различных формах в настоящее время. Закладывая прочные основы в рабочем классе, в отраслях экономики, имеющих стратегическое значение, повышая участие в рабочем, народном движении, он укрепит каждую компартию, соединит революционную деятельность с революционной теорией».

По-прежнему остаётся актуальным лозунг «Коммунистического манифеста»: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ ПОД ВЛИЯНИЕМ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И КОМИНТЕРН

Красный шанс Истории (к 100-летию Венгерской и Словацкой Советских республик)

А.В. Харламенко

1. Весна человечества

Три месяца 1919 года, с конца марта по конец июня, – один из тех моментов истории, к которым в полной мере применим поэтический образ В. Маяковского – «весна человечества». Всего один астрономический сезон вместил в себя целый каскад тектонических сдвигов, на которые в иные времена потребовались бы десятилетия.

Восьмой съезд РКП(б), принявший вторую Программу партии, действовавшую до 1961 г. Контрнаступление Красной Армии за Волгой, в Новороссии и Крыму. Красные флаги над судами французской эскадры на Чёрном море, парижский Первомай под лозунгом: «Руки прочь от Советской России!» и бесславный финал интервенции Антанты. Баварская Советская республика на юге Германии. Последний натиск повстанческих отрядов Ф. Вильи и Э. Сапаты на буржуазный режим Мексики. «Движение 4 мая», потрясшее десятки китайских городов. Вдохновляемый Ганди всеиндийский хартал – всеобщая забастовка пополам с молитвой, захлебнувшаяся свинцом британских пулемётов. Провозглашение независимости Афганистана и начало третьей англо-афганской войны. Волна антиколониальных восстаний от Египта до Кореи. Подведение мирной конференцией в Версале итогов Первой мировой войны.

Эхо каждого из этих событий не смолкает уже столетие. Но и в их ряду есть вехи, выдающиеся особо.

4 марта международная коммунистическая конференция в Москве провозгласила себя Учредительным конгрессом нового, Третьего Интернационала.

21 марта мирным путем было положено начало крупнейшему из пролетарских государств, возникших в ходе революционного подъёма 1917-1923 гг. вне прежней российской территории, – Венгерской Советской республике.

16 июня в восточном Прикарпатье, в ходе контрнаступления венгерской Красной Армии против белочешских интервентов, была образована Словацкая Советская республика, что позволяет говорить о едином революционном процессе двух соседних наций.

В истории эти события стоят рядом не только хронологически и не по чьему-либо произволу. Между ними имеется глубокая объективная связь. Если предшествующие пролетарские революции – Великая Октябрьская в России, Финляндская, Германская – развернулись ещё до создания III Интернационала, то венгерский и словацкий пролетариат пошёл на «штурм неба» под прямым воздействием мировых процессов, обусловивших создание Коминтерна, и одновременно с ним. Международная организация коммунистов оказала мощное влияние на ход венгеро-словацкой революции, испытал в свою очередь

воздействие её первоначальной победы и её последующего поражения. Венгерская и неразрывно с нею связанная Словацкая Коммуна – так их называли современники по аналогии с Коммуной Парижской – останутся в истории Коминтерна как его политический дебют.

Это, разумеется, не даёт основания отрицать, подобно буржуазным и оппортунистическим фальсификаторам, внутренние истоки революции венгерского и словацкого пролетариата. Но нельзя недооценивать и международные факторы, объективно определяющие её место в истории.

Тем печальнее, что 100-летие красной Венгрии и Словакии проходит почти не замеченным. Такое положение несправедливо в объективно-историческом плане, но, увы, понятно в плане субъективно-психологическом.

Прежде всего, Венгерская Советская республика, продержавшаяся 133 дня, и уж подавно Словацкая, которой история отвела менее месяца, людям последующих поколений представляются эфемерными. Двойная «утренняя звезда» начала минувшего века как бы теряется в лучах светил первой величины – Великого Октября и последующих революций, положивших начало многим десятилетиям социалистического развития.

И это ещё полбеды в сравнении с тем печальным обстоятельством, что продолжить революционную традицию 1919 г. народам Центральной Европы удавалось нечасто. Хуже того: значительная часть венгерской и часть словацкой нации позволили втянуть себя в преступления контрреволюции и фашизма как против своих лучших сынов и дочерей, так и против других народов.

К сожалению, факт, что режим венгерского Колчака – адмирала Миклоша Хорти – вошёл в историю как первый и последний сателлит третьего рейха. Хортистское воинство запятнало себя активным участием в преступлениях нацизма против жертв агрессии, оставив кровавый след и на оккупированных территориях СССР. Отчасти это относится и к клерикально-фашистскому режиму Словакии, установленному в ходе расчленения Чехословацкого государства в 1938-1939 гг. И если словацкий народ хотя бы в августе 1944 г. смог подняться против германских и собственных фашистов, то в Венгрии – единственной из восьми стран Центральной и Юго-Восточной Европы, подвергшихся нацистской оккупации, – для общенационального восстания сил не нашлось. Венгерский фашизм уже при новом диктаторе, прямом гитлеровском ставленнике Ф. Салаши, смог заодно с оккупантами противостоять наступлению Красной Армии до весны 1945-го. Победа стоила больших потерь: недаром в советских песнях конца войны «медаль за город Будапешт» и «чужая» земля «посреди степей» (таких, кроме Венгрии, для нас тогда не было) упомина-

ются с горечью. Да и с началом социалистических преобразований страна мадьяр выделялась, даже в непростом центральноевропейском регионе, наибольшим влиянием контрреволюции. При первой возможности, в октябре-ноябре 1956 г., ею был развязан вооружённый мятеж с чисто фашистским истреблением коммунистов, пресечение которого вновь потребовало крови советских воинов. С 60-х гг. Чехословакия и Венгрия стали лабораториями рыночного реформирования европейского социализма, в конце 80-х разделили с Польшей «честь» инициаторов его демонтажа. Уже в «разводе» с буржуазной Чехией, Словакия прославилась на всю Европу импортом к себе итальянской мафии. Венгрия делит с Прибалтикой и Украиной сомнительное лидерство по части официального антикоммунизма и безответственной героизации виновников национальных трагедий.

Всего этого более чем достаточно, чтобы вытеснить из обыденного сознания память о далёкой и, кажется, безвозвратно залитой чёрно-коричневой грязью странице революционной истории. Вспомним, однако, как поступали в сопоставимых случаях наши великие предшественники. В 1850 г., сразу после поражения германской и общеевропейской революции 1848-1849 гг., Ф. Энгельс счёл нужным обратиться к прошлому своей страны, отдалёному даже не на одно столетие, а на три с четвертью. Ему важно было напомнить павшим духом современникам, что немецкий народ *«также имеет свою революционную традицию»*, что его предки некогда выдвигали *«личности, которые можно поставить рядом с лучшими революционными деятелями других стран»*, воодушевлялись идеями и планами, *«которые достаточно часто приводят в содрогание и ужас их потомков»*. Энгельс был убеждён: хотя за прошедшее время изменилось многое, всё же **«противники, с которыми приходится сражаться, большей частью те же самые. Те классы и части классов, которые всюду предавали революцию в 1848 и 1849 гг., мы встречаем – правда на более низкой ступени развития – в качестве предателей уже в 1525 году»¹. Мысленно заменим Германию на Венгрию и Словакию, 1525 год на 1919-й, середину XIX на конец XX – начало XXI в. – и мы вновь убедимся в прозорливости классика.**

Уроки прошлого имеют не только морально-политический, но и методологический аспект. Важно видеть в истории и современности объективную диалектическую закономерность: любое явление при определённых условиях переходит в свою противоположность. Подчеркнём – именно в свою: речь идёт не просто о качании маятника в обратную сторону, а о реализации неких потенциалов, объективно заложенных на предшествующих этапах. Чтобы объяснить причины и глубину реакционной трансформации общества после контрреволюционного реванша – что в наши дни актуально, увы, не только для стран Центральной Европы, – приходится заново обращаться к событиям столетней, а отчасти и большей давности.

Перед историком-марксистом встаёт и другая методологическая проблема. Вправе ли мы – речь в данном аспекте идёт о теоретико-познавательном «праве» – напрямую выводить из общих законов истории состоявшийся её вариант как априори единственный, а всё несбывшееся отбрасывать как изначальную иллюзию или утопию? Ответ

на этот вопрос определяется не только глубина понимания исторического материализма, но и мера ответственности классов, партий и лидеров за действия или бездействие в решающие месяцы, недели и дни.

Действительный марксизм, а не механистическая пародия на него, всегда исходил из того, что в «предыстории человечества», развертывающейся в пространстве и времени крайне неравномерно, есть место альтернативным «развилкам». В таких случаях, когда на несколько исторических мгновений становятся объективно возможны разные варианты среднесрочного будущего, утверждение того или иного из них зависит от всего комплекса условий решающего момента. В числе этих условий – как объективные, так и субъективные; как современные, так и унаследованные от прошлого; как обусловленные сложившейся к данному времени необходимостью, так и порождённые исторической случайностью². По всему этому шанс, представившийся в поворотный революционный момент, может открыть стране, а с ней и человечеству, наиболее прямой и наименее жестокий путь в грядущее. Но у столь драгоценного дара истории, как у всего на свете, есть оборотная сторона: раз упущенный, он надолго исчезает в песках времени, оставляя на поверхности ядовитые отложения реакции, словно гиблые солончаки на месте иссохших рек и озёр. Впрочем, если бы «предыстория человечества» могла совершаться иначе, народам едва ли требовались бы революции...

2. На раскалённом троне

В силу каких причин на долю не самой развитой и не особо обширной части Центральной Европы сто лет назад выпала выдающаяся историческая роль? В чём эта роль состояла и как могла в считанные годы смениться своей противоположностью? Чтобы аргументировано ответить на эти вопросы, последуем принципу, сформулированному в ту же эпоху выдающимся итальянским марксистом Антонио Грамши: *«Мы пришли издали и пойдём далеко»*.

Прежде всего, необходимо отрешиться от неосознанного применения к реалиям вековой давности привычного образа Венгрии наших дней – небольшой страны на юго-восточной окраине Европы, занимающей части долин среднего Дуная и его притока Тисы. Такой она стала в 1918-1920 гг., в результате Первой мировой войны и поражения пролетарской революции. До тех пор понятие «Венгрия» обозначало одно из крупных государств Европы, включавшее нынешние Словакию, Карпатскую Русь (Закарпатскую Украину), почти всю Хорватию, часть Сербии, половину Румынии и часть Австрии. На большинстве этих территорий и теперь проживают, смешанно с другими национальностями, этнические венгры. Тысячелетнее существование в этих пределах единого королевства, пережившего немало смут и нашествий, но до XX века всякий раз воскресавшего как Феникс из пепла, не могло не иметь основательных естественноисторических предпосылок.

По географическим условиям Среднее Подунавье представляет собой степной «остров» с равнинным ландшафтом, мягким климатом, плодородными землями и отличными пастбищами. От евроазиатской Великой Степи, некогда простиравшейся от Жёлтого до Чёрного моря, «остров» обособлен широким полукольцом Карпат. Гор-

¹ Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии / Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. – Т. 7. – С. 388-390.

² См.: Харламенко Е.Н. Об одном воплощении нереализованных исторических возможностей/ <https://prometej.info/ob-odnom-voploshenii-nerealizovannyh-istoricheskikh-vozmozhnostej/>

ные хребты и лесистые предгорья охватывают его со всех сторон. Пробивая путь между гор, полноводный Дунай обеспечивает стране ключевое положение на путях между Западом и Востоком, Европой и Средиземноморьем.

Издавна из глубин Великой Степи до её западной оконечности докатывались волны воинственных кочевых племён. Первыми в IV-V в. пришли гунны, ставшие в европейской традиции символом варварской жестокости. Венгерские националисты XIX-XX вв. пытались, вопреки хронологии, производить от них родословную, ввели даже в моду имя Аттилы, противопоставившего своё эфемерное царство народам Европы и в итоге разбитого. На самом деле племена венгров, или мадьяр, пересекли Карпаты лишь на исходе IX в. Но именно эта миграция смогла стать, по терминологии венгерской историографии, «обретением родины».

В отличие от предшественников, мадьяры уже к X веку застали Европу сложившихся государств, которую могли первое время устрашать набегами, но вскоре должны были сами адаптироваться к её феодальному строю и, не забывая скотоводческих традиций, освоить земледельческое хозяйство. Этому помогло наличие в Подунавье осёдлого славянского населения, о чем поныне напоминают и вся земледельческая терминология венгерского языка, и названия степи – «пуста» – и крупнейшего озера – Балатон, в которых славянину нетрудно различить родные слова «пустошь» и «болото». В целом, однако, мадьяры, обособившись от большинства соседей христианизацией по римско-католическому обряду, смогли ассимилировать многие племена, сохранив свое этническое самосознание и основу языка предков.

Важная особенность ранней истории страны состояла в том, что многие из феодально-зависимых крестьян были здесь потомками пленников и особенно пленниц, во множестве пригоняемых в Подунавье мадьярской знати из набегов первое время после «обретения родины». Это обстоятельство способствовало одной из максимальных в средневековой Европе степеней сословно-классового угнетения. Мадьярское дворянство веками смотрело на себя как на людей высшей породы, гнушаясь любым трудом кроме воинского, а крестьян воспринимало почти как рабов. Той же исторической причиной, вероятно, объясняется особо сильное и устойчивое неполноправие женщин.

Около тысячелетия «большая Венгрия» была полиэтнической страной. В горах и предгорьях удержались словяки, русины, влахи (предки румын). Юго-восточный угол Карпат, известный под латинским названием Трансильвания («Залесье»), населяли родственные венграм секеи (секлеры). На юге Среднего Подунавья с разрешения венгерских королей селились сербы, нёсшие подобно секеям воинскую службу. Вассальная Хорватия, открывавшая стране выход к морю, сохраняла самоуправление. Остальные народы были подчинены венгерским феодалам, но особых межэтнических конфликтов до XIX в. не возникало. В основе относительного согласия лежало естественное разделение труда: окраины получали из степи хлеб и продукты скотоводства, в свою очередь снабжая её лесом и выплавленными из руд металлами. Славянская и валашская знать легко омадьяривалась и вливалась в состав господствующего класса Венгрии.

Владение дунайским путем международной торговли и рудными разработками обеспечивало крупнейшим землевладельцам – магнатам – большие доходы и безраздельную власть. Посредничество в транзитной торговле опережало в развитии внутренний обмен. Города,

выраставшие вдоль торговых путей, заселялись пришельцами, большей частью немцами и евреями, и жили обособленно. Характерно, что в венгерской Золотой булле (почти синхронной английской Великой хартии и во многом схожей с нею) не были оговорены права горожан, и они не получили постоянного представительства в сословном сейме. Национально-государственная централизация не обрела прочной базы. Наличие сильных внешних врагов не дало стране распасться на княжества типа германских, но в ней утвердилась магнатская олигархия.

С развитием в Западной Европе капиталистического производства Венгрия, как и соседние страны, стала экспортёром продукции магнатских хозяйств. Это обусловило с XVI в. «второе издание крепостничества»: отношения феодально-сословного происхождения наполнялись новым содержанием, становясь периферийно-зависимым укладом международной системы капитализма.

Смена эпох ознаменовалась для Венгрии трагедией 1514 г. Дадим слово Энгельсу: *«Здесь шла тогда проповедь крестового похода против турок, и по обыкновению всем крепостным и зависимым крестьянам, которые пожелали бы примкнуть к нему, была обещана свобода. Собралось около 60 000 человек, которые были поставлены под начальство секлера Георга Дожи, отличившегося в прежних войнах с турками и получившего за это дворянство. Однако венгерские рыцари и магнаты отнеслись весьма неодобрительно к этому походу, из-за которого они могли лишиться своей собственности, своих крепостных. Они поспешили вслед за отдельными отрядами крестьян и путем насилий и жестокостей вернули своих крепостных обратно».*

Вызывающее попрание зарвавшимися господами слова папы римского, своего короля, законов и обычаев Средневековья повернуло крестьян и горожан против «внутренних турок». Восстание перехлестнуло рамки крестьянской войны, грозя вылиться в революцию. Дьёрдь (Георг) Дожа *«провозгласил республику, упразднение дворянства, всеобщее равенство и суверенитет народа».* Но магнаты, объединив силы дворян и перетянув на свою сторону городскую верхушку, смогли взять верх. Тому, что за этим последовало, даже в анналах защиты её величества Собственности найдётся немного параллелей. *«Дожа был взят в плен, заживо зажат на раскалённом троне и съеден своими собственными людьми, которым лишь на этом условии была дарована жизнь. Рассеявшиеся крестьяне были разбиты ещё раз, причём все, кто попал в руки врага, были посажены на кол или повешены. Трупы крестьян тысячами висели вдоль улиц и у околиц сожжённых деревень. Говорят, что в боях и во время резни было убито до 60 000 человек. Дворянство постаралось, чтобы на ближайшем сейме порабощение крестьян было снова признано законом страны»¹.*

Кровавая драма получила международный резонанс: за «гнусностями венгерского дворянства» (Ф. Энгельс) последовал в том же году разгром восставших крестьян Австрии и «Союза Башмака» в Германии – пролог поражения Крестьянской войны 1524-1525 гг. Судьбы трёх стран на столетия остались «скованными одной цепью».

В известном смысле можно сказать, что палачи восставшего народа усадили на раскалённый трон всю нацию. Разгром и принудительное разоружение «простонародья» отдали через 12 лет большую часть

¹ Там же. – С. 388-390.

страны под иго Османской империи. Дворяне Западной Венгрии и подвластной венграм Словакии присягнули другой империи – Австрийской (с тех пор почти два века Габсбургов венчали венгерской короной в нынешней словацкой столице Братиславе). Территориальный раскол усугубился религиозным противостоянием католиков и протестантов. На два столетия «Большая Венгрия» сделалась полем боя.

Когда Габсбургам к концу XVII в. удалось овладеть всей страной, она являла собой подобие украинской «руины» того же времени или Германии после Тридцатилетней войны; но здесь опустошение длилось гораздо дольше. На обширных землях, где мадьярских крестьян почти не осталось, магнаты замещали их валашскими и южнославянскими переселенцами. Значительная часть крестьянства, оставаясь в крепостной зависимости, была лишена наделов и превращена в безземельных батраков.

Габсбургский гнёт оказался не легче османского. Обращение со страной как с колонией толкало даже дворян. Крупнейшее из них, во главе с князем Ференцем Ракоци в 1700-1714 гг., вылилось в настоящую войну за независимость. Но едва в борьбу начал включаться простой народ, магнаты поспешили сторговаться с Веной. Они и позже выручали империю в трудных обстоятельствах, не прощая лишь одного – посягательства на свои привилегии. Стоило императору Иосифу II в 1790 г. упразднить крепостное право в Австрии и Чехии, приблизить к себе венгерских интеллигентов-демократов, как магнаты едва не возложили корону Венгрии на прусского принца. Но едва реформатор сошёл в могилу, а угроза «порядку» воплотилась в «безбожной» Франции, как «венгерских якобинцев» отправили на эшафот, а страна стала для Габсбургов надёжным тылом, не сделав за 20 лет войн ни малейшей заявки на независимость.

Трагедия 1514 г. и века безвременья, подобно Тридцатилетней войне в Германии, наложили глубокую печать на самосознание и последующую историю народов «большой Венгрии». Чрезвычайную устойчивость приобрела установка на национальное самосохранение. Отсюда – парадоксальное сочетание острейших классовых антагонизмов с готовностью к национальному сплочению в экстремальных условиях, периодическое «качание маятника» от крайней ненависти народа к угнетателям до непонятного, на сторонний взгляд, доверия к ним же. Отстаивая на протяжении веков своё существование, народ привык ждать защиты общенациональных интересов и от господ. Но те, за редкими исключениями, держались мёртвой хваткой лишь за свои привилегии, не щадя ни крови соотечественников, ни суверенитета страны.

3. От революции к «процветанию»

Крупнейшим до XX века событием венгерской истории стала буржуазная революция 1848-1849 гг. Будучи частью общеевропейского революционного подъёма, она выделяется длительностью и самоотверженностью борьбы. Главный фактор ограниченности других революций XIX в. – страх имущих классов перед пролетариатом – в крепостнической дотопе Венгрии ещё не успел проявиться. Неотложность отмены крепостного права, признания гражданских свобод была ясна даже либеральным магнатам. Среднепоместное дворянство, выступившее гегемоном революции, и разночинную интеллигенцию – ядро левого крыла – воодушевлял идеал независимой республики. Примером и укором странам, где революция за три-четыре месяца вступала в нисходящую фазу, служил героизм венгерских патриотов, колебавших устои Австрий-

ской империи почти полтора года. Оружие они сложили лишь перед превосходящими силами другой империи – Российской. В сознании венгров поход николаевского воинства оставил болезненную рану, которую националисты могли растравлять, когда и как им было угодно.

Понятно, что буржуазной историографией, особенно нынешнего реакционного времени, замалчивается тот факт, что в своём отношении к венгерской, как и другим несправедливым войнам царизма, российское общество не было едино. Молодой Н.Г. Чернышевский, рискуя по меньшей мере каторгой, записал в дневнике: «*Друг венгров, желаю поражения там русских и ради этого готов был бы многим пожертвовать*». За отказ выступить против «мятежников» 50 офицеров по приказу Николая I были отданы под суд, а капитан Гусев и семеро его товарищей казнены.

Другая легенда, объявляющая славянские народы Австрийской империи «*трескучим морозом, который побил цветы народной весны*» (К. Каутский), бытует в двух, также национально-тенденциозных, вариантах. Один из них усматривает в славянах сплошную реакционную силу, направляемую, конечно же, Россией. Другой видит причину поражения революции 1848-1849 гг. в том, что немадьярские народы не получили от неё права на самоопределение. Здесь верно лишь одно: Габсбургам удалось привлечь на свою сторону часть славян – хорватов, сербов, чехов, – а также трансильванских влахов. Этот успех политики «разделяй и властвуй» не является чем-то необычным: в многонациональной стране, особенно там, где эксплуататоры и эксплуатируемые принадлежат к различным этносам, развитие капиталистического уклада неизбежно обостряет межэтнические противоречия.

Вряд ли, однако, к условиям Центральной Европы середины XIX в. применим принцип права наций на самоопределение вплоть до отделения, выдвигавшийся Лениным в качестве одного из условий эпохи империализма (да и тогда подчиняемый коренным интересам международной пролетарской революции). В своё время Маркс и Энгельс решительно выступали в защиту целостности Венгрии и других революционных стран, имея для этого как сиюминутно-политические, так и долгосрочные основания. История сполна подтверждает огромные издержки как самого процесса отделения небольших наций от крупного государства, где народы веками жили смешанно, так и возникающей вследствие этого «*идиотской системы мелких государств*»¹. С позиций передового класса, при прочих равных условиях, национальный вопрос предпочтительнее решить путем территориальной автономии. На это соглашался, хотя и с опозданием, лидер восставшей Венгрии Л. Кошут, для имевшей государственность Хорватии допуская и отделение.

В свете последующей истории важно иметь в виду, что горстка словацких интеллигентов-националистов, пытавшаяся в 1848 г. поднять восстание против Венгрии, массовой поддержки не получила. Большинство словаков защищали общую родину плечом к плечу с мадьярами. Если бы националистов любой из сторон можно было устыдить, им следовало бы напомнить, что столь пламенный патриот, как поэт-революционер Шандор Пётефи, происходил из омадьярившихся словаков, и это никого особо не волновало. Межэтническая вражда смогла разгуляться уже в иную эпоху.

¹ Ленин В.И. Заметка к тезисам «Социалистическая революция и право наций на самоопределение» / ПСС. – Т. 27. – С. 457.

Габсбургской монархии удалось продлить свое существование более чем на полвека, выступив «душеприказчиком» революции. В 1867 г. венский двор заключил с дворянско-буржуазными верхами Будапешта соглашение о создании «дуалистической» Австро-Венгрии. Каждая из двух частей империи получила свой парламент и ответственное перед ним правительство с правом распоряжения внутренними делами. В общем ведении остались дела иностранные и военные; квоты по их финансированию определялись делегациями двух парламентов, имевшими право сообщаться между собой только в письменной форме (!). Громоздкостью и неуклюжестью дуалистическая конструкция предвосхищала нынешний Евросоюз. Но на несколько десятилетий она устроила обе стороны.

Сделка была заключена за счёт других народов империи, которым в самоуправлении отказывалось. Чехию, Словению, юг Польши и Галицию австро-немецкая буржуазия оставила за собой, а словаков, карпатских русин, хорватов, сербов и румын – свыше половины населения «большой Венгрии» – отдала на произвол мадьярских магнатов и буржуа. Тщетно Л. Кошут предупреждал из эмиграции, что соглашение исключает «удовлетворительное решение национального вопроса в самой Венгрии», а соседние страны делает её врагами. Призывы ветерана не увлекать нацию на «путь, откуда нет возврата», остались, по выражению современников, «письмами Кассандры»¹.

Венгерская олигархия одной из первых освоила новую форму дискриминации – языковую. Мадьярский язык, не имеющий в Европе родственных и трудный для изучения, исправно отсекал «инородцев» от чиновничьих должностей и интеллигентных профессий. В то же время росло влияние шовинистов, стремившихся принудительно мадьяризировать всю «большую Венгрию». Верхом «патриотизма» стало обязательное преподавание государственного языка... в яслях.

Неудивительно, что уже на всех инациональных окраинах стал набирать силу антимадьярский национализм, тем более что его массовая база – мелкобуржуазные слои деревни и города – была там шире, чем в землях с венгерским населением. Местные националисты, не чувствуя достаточных сил для государственной самостоятельности, находили поддержку у экономических конкурентов Будапешта: словацкие – у богатейшей в империи чешской буржуазии, хорватские и валашские – у правящих классов Сербии и Румынии. В Центральной Европе назревали трагедии народов, не вполне завершившиеся и по сию пору.

Последняя треть XIX и начало XX в. стали для Венгрии временем промышленного переворота. Страну вдоль и поперёк пересекли железные дороги. Буда и Пешт, связанные новыми мостами, слились в единый мегаполис. Возникли передовые отрасли индустрии: металлургия, машиностроение, электротехника. Дунайский остров Чепель стал рабочим сердцем столицы и всей страны.

Страна из аграрной превратилась в аграрно-индустриальную. За первое десятилетие XX в. численность работников промышленности выросла почти на треть, достигнув пятой части населения. Число рабочих крупных предприятий с 1898 по 1913 г. почти удвоилось, превысив 563 тысячи. 10 предприятий имели более чем по 1000 рабочих. Треть фабрично-заводского рабочего класса

жила и трудилась в Большом Будапеште, что определяло ведущую роль столицы в революционном движении².

Австро-венгерский капитализм рано достиг монополистической стадии. Уже в начале 1890-х гг. образовалось 26 венгерских и 56 австро-венгерских картелей, охвативших все отрасли промышленности. В 1900 г. пяти монополистическим группам принадлежало 47% банковского капитала, в 1913 г. – уже свыше 57%. Картели монополизировали производство и сбыт 71% угля, 95% железа³.

По месту в мировой капиталистической системе державу австрийских Габсбургов, и в частности Венгрию, следует отнести к числу «субимпериалистических» стран, выступающих одновременно субъектами империалистической эксплуатации и её объектами. Отсутствие заморских колоний и слабые возможности экспорта капитала возмещались таможенными барьерами и сверхэксплуатацией инациональных окраин, где зарплата была на треть, а то и наполовину ниже. Венгерский финансовый капитал совместно с австрийским выступал младшим партнёром германских монополий на Балканах и Ближнем Востоке. В то же время Австро-Венгрия была объектом экспорта монополистического капитала Германии и в меньшей степени Франции, Великобритании, США. Такая структура экономических связей, с одной стороны, привязывала Венгрию к империалистическому блоку во главе с Германией, с другой – служила почвой борьбы в буржуазном лагере двух ориентаций: австро-германской и антантовской.

С буржуазным «процветанием» города, особенно столицы, контрастировал социальный облик деревни. После отмены крепостного права те из крестьян, кто имел наделы, получили их в частную собственность, разумеется не бесплатно. Из их числа выделилась немногочисленная кулацкая прослойка. Ничего не досталось безземельным подёнщикам, батракам, сезонным работникам. Большая и лучшая часть земель оставалась у магнатов, на которых гнули спину батраки и мелкие арендаторы. Крупные земельные владения принадлежали соперничавшим церквям – католической и протестантским.

В 1913 г. Ленин в одной из статей проанализировал данные аграрной статистики ряда стран. Согласно им, в Германии из 5,5 млн. хозяйств было 23 тыс. крупных (более чем по 100 га каждое), имевших в совокупности до четверти земельного фонда (чего, заметим, вполне хватало для юнкерской гегемонии в стране). В Венгрии из меньшего почти вдвое числа хозяйств (2,8 млн.) насчитывалось 24 тыс. крупных, на них приходилось 45% земель, а на латифундии 4 000 магнатов – почти треть.

Из этой статистики Владимир Ильич сделал актуальный вывод: «Венгрия, как известно, всего ближе к России не только географически, но и по всесилию помещиков-реакционеров».

Как и в России, архаичный сословный строй не только тормозил развитие страны, но и имел формы, наиболее тяжёлые для трудового народа. Вскрыв классовую сущность обнищания венгерской деревни, Ленин обратил внимание на фиксируемый статистикой показатель этого процесса: «Из 2,8 миллиона хозяйств полтора миллиона батрацких (или пролетарских) хозяйств (до 5 йохов, т.е. до 2,85 десятин), а также один миллион мелкокрестьянских хозяйств (до 20 йохов, т.е. до 11 десятин) осуждены довольствоваться деревянными

¹ Цит. по: Краткая история Венгрии. – М.: Наука, 1991. – С. 216-217.

² Нежинский Л.Н. 133 дня 1919 года. – М.: ИПН, 1989. – С. 7-8.

³ Нежинский Л.Н. – С. 9; Краткая история Венгрии. – С. 90.

изделиями»¹. В европейской стране рубежа XX века железо оказалось привилегией помещиков и кулаков!

По относительной численности сельского пролетариата и полупролетариата Венгрия опережала Россию. 3,5-миллионную массу сельхозрабочих и батраков – 54% сельского населения² – имущие презрительно называли «тремя миллионами нищих». Две трети жителей села, более половины всего населения, либо не имели земли, либо владели мизерными наделами, не позволявшими прокормить семью. Обездоленные вливались в армию безработных или отправлялись искать удачи за океан (с 1899 по 1913 г. из 21 млн. населения «большой Венгрии» эмигрировало более 2 млн.)³. Аграрные требования батрацких профсоюзов и социал-демократии – повышение оплаты и законодательная охрана труда сельхозрабочих, снижение налогообложения мелких крестьян и прогрессивный налог на крупных аграриев – также показывали высокую степень капиталистического развития деревни.

Наличие громадной резервной армии труда из сельской бедноты позволяло капиталу навязывать и городскому пролетариату самые тяжёлые условия. Трудового законодательства практически не существовало. Рабочий день продолжался от 12 до 16 часов, венгерский пролетарий зарабатывал по крайней мере вдвое меньше германского той же квалификации, широко использовался труд женщин и подростков, которым платили ещё меньше. С цеховых времен сохранилось бесправие ремесленных «учеников», которых хозяева могли эксплуатировать по своему произволу, даже подвергать телесным наказаниям. Рабочие многих профессий доживали в среднем до 36 лет, работницы – до 29⁴.

Продолжив сопоставление стран, ставших родиной первых социалистических революций, можно выявить как сходство, так и различия. В Венгрии дальше зашёл процесс социально-экономического сближения титулованных землевладельцев с крупной буржуазией. 200 магнатских семейств монопольно владели не только крупнейшими латифундиями и высшими постами в госаппарате и армии, но также самыми доходными местами в дирекциях, правлениях, наблюдательных советах банков, промышленных и торговых фирм. Их образу жизни подражали «безродные» буржуа, не жалевшие денег на новые фамилии, дворянские титулы и земли. В Венгрии, как и в ряде других стран начала эпохи империализма, финансовая олигархия складывалась в специфической форме латифундистско-буржуазного блока.

Немаловажны были политические различия двух империй – самодержавной Российской и полуабсолютистской, но всё же конституционной, Австро-Венгерской. Последняя уже со второй половины XIX в. знала и парламенты, и выборы, и легальные партии, в том числе рабочие. Правда, пользоваться цензовым избирательным правом могло от силы 10% населения Венгрии, да и то, «в соответствии с национальной традицией», при открытом голосовании. По итогам выборов 1905 г. депутатами парламента стали 280 помещиков, 45 чиновников, 15 священников, 67 адвокатов, журналистов, учителей и мелких землевладельцев⁵. «Свободу волеизъявления» под присмотром своих слуг олигархия предо-

ставляла мелким буржуа и верхушке крестьянства, немущим отказывая и в этом.

Требование всеобщего избирательного права в Венгрии конца XIX – начала XX в., подобно Англии времен чартизма, находилось в центре политической борьбы. Характерно название одной из первых рабочих организаций – Партия неизбирателей (!). Не имея своих депутатов, рабочие должны были блокироваться с буржуазной парламентской оппозицией. Важнейшей формой организации наёмных работников города, а затем и деревни стали профсоюзы.

В 1890 г. – одновременно с отменой бисмарковского исключительного закона и легализацией германской социал-демократии – была создана Социал-демократическая партия Венгрии (СДПВ). Энгельс признавал её сильными сторонами многонациональный состав, пропаганду интернационализма и равноправия наций. Во II Интернационале она выделялась влиянием левого крыла, тесно связанного с профсоюзным движением. Лидеры левых Е. Ландлер, Д. Нистор и Б. Санто в 1906-1909 гг. возглавили союзы транспортников, сельхозрабочих и служащих частных фирм. Но руководящие позиции в партии принадлежали правым – иначе она едва ли могла бы существовать легально.

Отличительной чертой Венгрии начала XX в. было значительное влияние революционных идей среди интеллигенции. Левые социал-демократы совместно с беспартийными активно работали в студенческом движении. Широкую известность получили статьи молодого журналиста Тибора Самуэли, разоблачившего финансовые махинации верхушки католической церкви.

Динамика политической борьбы в Венгрии обнаруживает тесную связь с успехами и неудачами революционного движения России. В 1905 г. стал популярен клич: «Будем действовать по-русски!» В сентябре 1905 г. состоялась первая в стране всеобщая политическая забастовка с требованием избирательной реформы. Но уже в феврале 1906 г. оппозиционный парламент был разогнан, а в октябре 1907 г. вторая всеобщая забастовка и демонстрации подавлены военной силой. Весной 1912 г., с началом нового революционного подъёма в России и других странах, вызов угнетателям бросил и венгерский пролетариат. Поводом стало «избрание» председателем палаты депутатов, с грубым нарушением процедуры, «венгерского Столыпина» – графа И. Тисы. В мае страну охватила третья всеобщая политическая забастовка. Участники протестов строили баррикады, вооружались, вступали в схватки с полицией. Ширились стачки и демонстрации батраков. Однако парламентская оппозиция, нарушив обещания, отказалась поддержать рабочих; СДПВ перед угрозой разгрома дала протестам отбой. Графу Тисе был вручён пост премьера.

Венгрию сближала с Россией и острота национального вопроса. Однако условия дуалистической империи придавали ему особо сложный характер. Магьярская нация, выступая угнетающей по отношению к другим народам королевства, сама не была политической суверенной, оставаясь в подчинении австрийской монархии и стоявшего за ней германского империализма. С начала XX века венгерская олигархия, нарастив экономические мускулы под сенью «дуализма», стала тяготиться неполноправием. Но добивалась она лишь собственной гегемонии в империи, боясь требованием независимости подорвать своё господство над немагьярскими народами.

По всему этому венгерский национализм принял объективно двойственный характер, сочетая черты национализ-

¹ Ленин В.И. Железо в крестьянском хозяйстве / ПСС. – Т. 23. – С. 378.

² Краткая история Венгрии. – С. 295.

³ Нежинский Л.Н. – С. 11.

⁴ Там же. – С. 8-9.

⁵ Там же. – С. 11.

ма угнетающей и угнётенной нации, что не могло не усилить его влияние на массы. Найти в этом лабиринте путеводную нить для рабочего движения было крайне сложно.

4. Между прошлым и будущим

Приближение Первой мировой войны стало для политиков всей Европы суровым экзаменом. Национально-государственные особенности Венгрии возвели испытание в степень. Война грозила распадом как дуалистической империи, так и «большой Венгрии», что было чревато особо тяжёлыми последствиями для мадьяр, в значительной части страны живших смешанно с другими национальностями. Казалось бы, венгерским олигархам следовало положить своё влияние на чашу весов «партии мира». Но так поступило лишь меньшинство либеральных помещиков и интеллигенции. Лидер оппозиции – «красный граф» Михай Каройи – рассчитывал, опершись на страны Антанты, вывести Венгрию из подчинения Австрии и Германии, сохранив как единое самостоятельное государство.

Однако абсолютное большинство правящего класса держалось блока «центральных держав». Роковым летом 1914 г. правительство И. Тисы и дворянско-буржуазный парламент полностью поддержали правительство Вены и Берлина, спустившие курок мировой войны. Правые лидеры СДПВ голосовать за военные кредиты не могли по причине отсутствия парламентского представительства, но, боясь и репрессий властей и русского вторжения, призвали рабочих к «защите отечества».

За четыре года бойни «большая Венгрия» потеряла убитыми, ранеными и пленными свыше двух миллионов человек – более чем каждого десятого. Непосильное бремя легло и на тыл. Производство зерна обеспечивало менее двух третей полугодного минимума; с 1915 г. пришлось нормировать продовольствие. В 1916-1917 гг. резко упало промышленное производство, кроме военного. Стремительно росли лишь прибыли монополий, работавших на войну.

В Австро-Венгрии, как и в других странах, война подхлестнула переход к государственно-монополистическому капитализму. Магнаты тяжёлой индустрии объединились в Имперский союз австрийской промышленности, возник единый картель в текстильной отрасли. Производство и распределение сырья сосредоточились в 40 военно-экономических центрах, крупные предприятия ставились под военный контроль. «Сверху» резко ускорилось капиталистическое обобществление производства, укреплявшее объективную базу обобществления социалистического.

Вместе с тем в классовом аспекте государственно-монополистическая централизация была направлена против людей труда. Империалистическая сверхэксплуатация пролетариев, всех трудящихся достигла крайней степени. Власть ввели принудительный труд рабочих, реквизицию продуктов крестьян, отменили воскресный отдых. Инфляция и дороговизна усугубляли ограбление нации горсткой финансовых воротил. Всем этим объективно создавались социальные предпосылки антиимпериалистической революции при гегемонии пролетариата.

Венгерский народ, не говоря об угнетённых национальностях, остался чужд казённому энтузиазму «войны до победного конца». Об этом свидетельствовали братания с русскими солдатами, рост дезертирства в тылу и сдачи в плен на фронте, причем не только среди словаков, заодно с чехами переходивших к русским целыми полками, но и среди мобилизованных мадьяр, также предпочитавших

русские лагеря военнопленных перспективе сложить голову за Франца-Иосифа и графа Тису. Это было симптомом назревания революционной ситуации.

Ни призывами к социальному миру, ни законами военного времени не удавалось усмирить рабочих, даже в военной промышленности: оружейники Чепеля бастовали с конца 1914 г., снова набирали силу поредевшие были профсоюзы. По инициативе левых социал-демократов на заводах и фабриках развернулось движение «революционных уполномоченных», выступавшее за повышение зарплаты с учётом инфляции, оплату сверхурочных, отмену репрессивных мер.

Сильнейший отклик на берегах Дуная вызвал февраль 1917 г. Венгерский парламент принял резолюцию с приветствием революционной России. В апреле «негласный съезд» СДПВ призвал к миру без аннексий и контрибуций, к отставке правительств Венгрии, Германии и их союзников, созданию посредством всеобщего избирательного права демократических правительств, способных заключить мир.

Начался неудержимый рост голодных бунтов, забастовок, митингов и демонстраций. За один 1917 г. численность профсоюзов выросла с 55,3 тыс. до 215,2 тыс., вдвое превысив довоенную¹; из них более половины приходилось на Будапешт. Власть были вынуждены отменить приговоры организаторам протестов, обещать рабочим избирательное право. В мае 1917 г. ушёл в отставку Тиса. На фронте широко развернулось братание с русскими солдатами, нарушенное лишь июньским наступлением, которое Временное правительство затеяло по указке Антанты.

Невозможно переоценить влияние на венгерский народ Великого Октября. Прежде всего вихрем революционных событий были захвачены пленные мадьяры в России; многие из них активно включились в защиту Советской власти, приняв её как свою. С её помощью они создавали организации, выпускали газеты и листовки на родном языке. Карой Лигети, до армии рабочий-токарь, руководитель омской организации интернационалистов, позже героически погибший в застенках Колчака, писал в первом номере газеты «Форрадалом» («Революция»): *«Господа правители Венгрии! Вы разбросали нас по всему свету. Вы всеми средствами стремитесь разжечь пламя национальной розни и вражды между народами Венгрии... Вы разобидели нас и властвовали над нами. Но знайте же, что страдания, которые в равной мере выпали на долю венгра, румына, серба, хорвата, словака, научили нас видеть правду... Мы поняли, что у каждого народа есть единственный враг – собственный угнетатель... Русская революция, являющаяся революцией за освобождение трудового народа, есть одновременно и наша революция, революция венгерских трудящихся»².*

Революционизированию пленных способствовало и то обстоятельство, что на востоке России, где находились их лагеря, ядром контрреволюции стал чехословацкий корпус, а его командование всячески разжигало национальную ненависть к венграм. Более того: именно спровоцированные чехословаками столкновения с мадьярами дали непосредственный повод к мятежу корпуса. С его началом венгерская национальность уже сама по себе грозила расправой. Понятно, что Красной Армии, построенной на принципе интернационализма, ни одна другая

¹ Нежинский Л.Н. 133 дня 1919 года. – М.: ИПН, 1989. – С. 28.

² Немеш Д. Пятидесятилетие Советского государства и Венгрии. – М.: ИПН, 1967. – С. 35.

группа пленных не дала так много стойких бойцов, как мадьяры. К 1919 г. число венгерских интернационалистов в РККА и партизанских отрядах приближалось к 100 тысячам. Доблестно защищая Советскую Россию, они готовились к борьбе за освобождение своей родины.

В самой Венгрии даже те, кто был далёк от идей социализма, увидели надежду на выход из кровавого тупика в советском Декрете о мире. Левая социал-демократия начала организационное оформление. «Группа венгерских социалистов, примкнувших к Циммервальду», начавшая нелегальную антивоенную агитацию с осени 1917 г., после Октября приняла название «Революционные социалисты», призывая уже к свержению правительства войны и к социалистической революции. В январе 1918 г. левые венгерские профсоюзы, подобно германским спартаковцам, провели в военной индустрии всеобщую политическую забастовку с требованием принять мирные предложения Советской России. Под воздействием тяжёлого положения империи и нарастания народных протестов, австро-венгерская делегация занимала на брестских переговорах более конструктивную позицию, чем германская.

Брестский мир официально запретил Советской России пропаганду и агитацию против «центральных держав», но не смог помешать интернациональной солидарности революционеров. В марте 1918 г. в Москве при ЦК РКП(б) была создана венгерская партийная организация во главе с Бела Куном, имевшим опыт политической работы в довоенной СДПВ. Организация наладила контакты с коммунистическими группами соотечественников по всей России.

Согласно условиям Брестского договора до октября 1918 г. из плена вернулось более четверти миллиона венгров. Они несли соотечественникам правду о Советской России. С ними венгерский коммунистический центр посылал газеты, брошюры, листовки. В числе возвращавшихся были агитаторы и организаторы, окончившие в Москве партийную школу. Власти спешили направить репатриантов в воинские части, но это лишь ускорило революционизирование армии. Бывшие пленные, хорошо знавшие, как надо кончать войну «снизу», становились организаторами и участниками военных и рабочих выступлений.

В Венгрии, как и во всей империи Габсбургов, сложилась революционная ситуация. Вопреки старым лозунгам СДПВ, массы требовали уже не просто избирательного права, а свержения правительства и монархии, немедленного прекращения войны. В мае 1918 г. в городе Печ к вошедшим солдатам присоединились шахтёры. В июне забастовали машиностроители Будапешта – толчок к протесту дало сокращение хлебной нормы. Расстрел бастующих полицией вызвал 12-дневную всеобщую забастовку с требованиями мира без аннексий и контрибуций, демилитаризации предприятий. В ходе её в Будапеште был создан первый Совет рабочих депутатов.

Революционное движение охватило и вооружённые силы. Как и в Германии, первыми выступили военные моряки, поднявшие 1 февраля 1918 г. восстание в хорватском порту Каттаро (Котор); при его подавлении особо отличился будущий глава венгерской контрреволюции адмирал М. Хорти. Но это дало империи лишь краткую отсрочку. Осенью 1918 г. началось создание солдатских Советов. В то же время в Венгрии, как и в России, организованные выступления моряков и солдат составляли лишь «верхушку айсберга» стихийного развала старой военной машины. Уже к августу дезертировало 100 тысяч, к октябрю – 250 тысяч; многие уходили

с оружием, а добравшись до родных мест, создавали партизанские отряды.

В ночь на 31 октября 1918 г. рабочие и солдаты, руководимые левыми эсдеками, «революционными социалистами» и офицерами-демократами, подняли восстание в Будапеште. В знак приветствия перемен многие прикрепляли к петлицам и головным уборам «осеннюю розу» – астру. Последнее правительство вассальной Венгрии пало без сопротивления. Граф Тиса, один из главных виновников расправ с народом и империалистической войны, был расстрелян.

Рабочим и крестьянам России, отстаивавшим власть Советов, революция на берегах Дуная показывала, что они не одиноки. Австро-венгерские войска, вместе с кайзеровской армией оккупировавшие Украину, выпадали из лагеря контрреволюции. Слова Ленина на митинге в честь австро-венгерской революции по содержанию выходят за рамки текущего момента: *«События показывают нам, что не напрасны были страдания народа. Мы воюем не только с русским капитализмом. Мы боремся против капитализма всех стран, против всемирного капитализма... Теперь мы видим, что у нас имеются миллионы союзников»*¹.

3 ноября руководство РСФСР опубликовало послание народам бывшей Австро-Венгрии. Признавая суверенитет венгерского государства, авторы особо обращались к трудовому народу: *«Мы твердо верим, что венгерские рабочие и крестьяне покончат с венгерскими капиталистами и что венгерское правительство будет правительством венгерских рабочих, солдат и крестьян»*².

«Революция осенней розы» имела много общего с российским Февралём 1917 г. и грянувшим через считанные дни германским Ноябрьём. Во всех них движущими силами выступали рабочий класс и солдатские массы совместно с мелкобуржуазной демократией. Но они, во всех трёх случаях, не были ни политически, ни психологически готовы воспользоваться одержанной победой, почему и уступили власть либеральной буржуазии в блоке с правыми социалистами. Первое республиканское правительство Венгрии – Национальный совет – возглавил давний лидер оппозиции, «красный граф» М. Каройи. Старый госаппарат остался нетронутым. Вошедшие в НС правые лидеры СДПВ призвали рабочих к «классовому миру».

Революции в трёх странах сближает как характер демократических и социальных задач, так и малая способность буржуазии к их решению. Спецификой Венгрии стало долгожданное восстановление государственного суверенитета. 16 ноября страна была объявлена «народной республикой». Провозглашались всеобщее избирательное право, свобода слова, печати, собраний, общественных организаций. Декретирован был 8-часовой рабочий день, но хозяевами мало где соблюдался.

Следующей общей чертой трёх революций явилась быстрая организация трудящихся в Советы, при преобладании в их руководстве реформистов, поддержавших буржуазное правительство. Будапештский совет рабочих депутатов, как несколько дней спустя Берлинский, был укомплектован лидерами правого крыла социал-демократии и реформистских профсоюзов. 4 ноября – по иронии судьбы, в день начала Германской революции – СДПВ и НС договорились, что Советы не будут претендовать на функции

¹ Ленин В.И. Речь на демонстрации в честь австро-венгерской революции 3 ноября 1918 г. / ПСС. – Т. 37. – С. 131.

² Нежинский Л.Н. – С. 65-66.

административной власти. Но если австрийским правым эсдекам, а затем и взявшим с них пример германским, удалось навязать Советам свою линию, то в Венгрии, по-добно послефевральской России, сложилось классическое двоевластие. Сходство было и в другом: советское движение, не в пример Австрии и Германии, распространилось на деревню, выражая крестьянские и батрацкие требования передачи земли тем, кто её обрабатывает.

Все три революции быстро обнаружили и пределы, за которые демократическая революция в эпоху империализма не в силах выйти, если она не перерастает рамок буржуазной собственности и власти. Первым таким вопросом в России и Венгрии был аграрно-крестьянский. Глава НС М. Каройи лично стоял за аграрную реформу и передал в её фонд свои обширные владения. Но остальные помещики не следовали примеру «красного графа», а, как прежде, расправлялись с батраками и крестьянами, посмеявшись занять господские земли. В этом они могли рассчитывать на поддержку «гражданской гвардии», сформированной НС из мелкобуржуазной молодежи. Тем временем «коалиционные» партии топили дело в словопрениях. Лишь 16 февраля 1919 г. был обнародован аграрный закон, позволявший государству изымать у помещиков и церковей излишки земли, а крестьянам – выкупать или арендовать их. Бедняку это было недоступно, середняку грозило долговой кабалой. Помещикам полагалась большая компенсация, разрешалось свести изъятие к минимуму, разделив земли между взрослыми членами семьи. Но большинство из них, чувствуя слабость власти, предпочитало саботировать реформу. Не удивительно, что поддержки в стране она не получила.

Буржуазные демократы были бессильны против экономической разрухи, вызванной войной. Инфляция и дороговизна съедали зарплату, трудовым семьям грозил голод. Для выхода требовалось соединить диалектические противоположности – твёрдую власть и организованную поддержку большинства народа, а у правительства Каройи не было ни того, ни другого. Старый чиновничий аппарат всячески тормозил попытки рабочих изгнать хозяев-саботажников и наладить контроль над производством.

Крайне противоречивое воздействие на ход революции оказало военное поражение Австро-Венгрии, принявшее, даже по сравнению с Францией 1871, Россией 1917 и Германией 1918 г., характер полного краха. Обвалный распад армии и государства, с одной стороны, облегчил первоначальную победу революции, но с другой – позволил империалистам Антанты по праву победителей бесцеремонно вмешиваться в дела народов, свергнувших вчерашнего «врага». Удобный повод давало то, что параллельно с классовыми – а не вслед за их кульминацией, как в России, – обострялись противоречия межнациональные. Господствующие классы немалых наций спешили направить народный протест в безопасное и выгодное им русло.

«Красному графу» пришлось горько разочароваться в правителях Антанты, на которую он многие годы ориентировался. Те лучше него сознавали, что правительство, порождённое революцией, не сможет ни усмирить народ, ни заставить его воевать с Советской Россией. К тому же антантовские лидеры, мстившие за революцию немецкому народу, особую ненависть питали к мадьярам, спутавшим им карты активной поддержкой красной России. Гораздо больше их устраивали враждебные Венгрии ре-

жимы соседних стран, из которых они рассчитывали сколотить «санитарный кордон» против большевизма.

13 ноября правительство Каройи вынудили подписать с Антантой в Белграде конвенцию о перемирии. С надеждой на сохранение «большой Венгрии» пришлось расстаться. Страну по живому разрезали демаркационные линии, отсёкшие не только сербохорватские и румынские области, но и земли со смешанным населением и некоторые вполне венгерские. До установления границ мирной конференцией эти территории переходили под оккупацию союзников, получавших также возможность занимать «в случае необходимости» другие части страны, использовать для перевозки войск её транспортную сеть, контролировать средства связи.

Буржуазные националисты, как всегда и везде, были рады въехать в «суверенные государства» в обзоре интервентов. В день подписания Белградской конвенции (!) в Трансильвании образовался румынский Национальный совет, объявивший себя властью. 1 декабря Национальное собрание Трансильвании объявило об объединении с Румынией. Королевская армия, не считаясь с демаркационной линией Антанты, но не встречая её возражений, продвигалась на запад. Так же действовали под французским командованием чешские войска в Словакии, где до их прихода над национальными требованиями преобладали социальные и были созданы Советы. Теперь здесь распоряжался Национальный совет, подчинённый Праге и Парижу. 23 декабря французский подполковник Виск вручил венгерскому правительству ноту Антанты, по которой демаркационная линия отсекала, заодно со словацкими, немалые куски венгерских земель.

Правительство Каройи и правые лидеры СДПВ, вынужденные принять кабальные условия, не имели ни достаточной социально-политической опоры, ни позитивной программы, чтобы выдержать тяжёлый мир. Особенно губителен он был для венгерской промышленности, отрезаемой от источников сырья, а, следовательно, для индустриального пролетариата. В этом заключалась классовая сущность «национальной политики» Антанты, в среднесрочном плане, увы, сделавшей своё дело. Но в 1918-1919 гг. она послужила, наоборот, катализатором пробуждения трудового народа Венгрии. В стране быстро созревали условия для вступления революции в пролетарско-социалистический этап.

5. Под красным флагом

Важнейшей субъективной предпосылкой диктатуры пролетариата стала партийная консолидация сторонников идей революционного социализма и коммунизма. Этот процесс шёл в Венгрии быстрее и успешнее, чем в Германии, не говоря о других странах.

4 ноября 1918 г. в Москве группа коммунистов-интернационалистов во главе с Б. Куном провела собрание. Была констатирована возможность и необходимость создания в Венгрии самостоятельной партии революционного пролетариата. В середине ноября несколько десятков коммунистов из бывших военнопленных вернулись в Будапешт. Они установили контакт с «революционными социалистами» и левыми активистами СДПВ.

24 ноября полулегально состоялось учредительное собрание, вынесшее решение о создании компартии. Официально о нём объявили спустя несколько дней представители учредительных групп в присутствии десятков доверенных лиц заводов и фабрик столицы. В ЦК, избранный на учредительном собрании, вошли лидеры всех трёх левых течений. Председателем ЦК стал Бела

Кун. В январе 1919 г. в ЦК был кооптирован Тибор Самуэли, также вернувшийся из Советской России.

7 декабря вышел первый номер «Вёрёш Уйшаг» – «Красной газеты». Действенным средством агитации стали листовки. Когда правительство и лидеры СДПВ скрыли послание советского руководства от народа, коммунисты с помощью лётчиков разбросали над Будапештом массу листовок с изложением документа и требованием его публикации.

КПВ строилась по двойному принципу – территориальному и производственному (на крупных предприятиях). В первую очередь коммунисты развернули работу в профсоюзах, объединявших к концу 1918 г. свыше 720 000 человек – практически всех индустриальных рабочих и многих служащих. Хотя членство в профсоюзе означало автоматически принадлежность к СДПВ, коммунисты не нарушали единства профдвижения, а добивались его перехода на революционные позиции. Правые лидеры СДПВ попытались было исключить из него коммунистов, но отраслевые профсоюзы – металлисты и даже традиционно консервативные печатники – этому воспротивились. После бурной дискуссии с участием лидеров обеих партий крупнейший профсоюз металлистов, а за ним и другие, разрешили своим членам состоять в КПВ.

К концу января 1919 г. заводские и территориальные организации КПВ были созданы во всех промышленных районах Большого Будапешта. Члены ЦК выезжали на периферию, где на собраниях разъясняли цели и задачи партии; власти смотрели на это косо, но пустить в дело жандармов решались редко. В короткий срок многие города и шахтёрские поселки покрылись сетью коммунистических организаций. 30 ноября был образован Всеенгерский союз рабочей молодёжи, руководимый КПВ. Группы коммунистов из батраков и бедняков возникли на селе. С января 1919 г. КПВ издавала газету «Сегень Эмбер» – «Бедняк». Ещё в декабре открылась партийная школа. Венгерские коммунисты перевели и издали ленинскую работу «Империализм, как высшая стадия капитализма», другие марксистские труды. Высокий интеллектуальный уровень партии привлекал к ней левую интеллигенцию.

Большая разъяснительная работа велась в новой национальной армии; в казармах выступали руководители КПВ. Для солдат издавалась газета «Вёрёш катона» – «Красноармеец». Коммунисты неустанно заботились о вооружении революционных солдат и рабочих, убеждая демобилизованных не сдавать оружие властям, а передавать партии. Удалось добыть 35 тысяч винтовок из арсенала выводимой через Венгрию немецкой армии. Гарнизон столицы в большинстве поддерживал коммунистов и левых социалистов, что связывало руки реакции. Здание ЦК КПВ, куда мог свободно прийти со своим вопросом каждый, охранялось революционными солдатами. Коммунисты разоблачили в печати план военного министра, аналогичный тому, что сыграл роковую роль в Берлине в декабре 1918 г., – разоружить «неблагонадёжный» гарнизон столицы. Инициатору провокации пришлось уйти в отставку.

Молодая партия выдвинула лозунг: «Вся власть Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, образование Советской республики». Она требовала обобществления промышленных предприятий и банков, перехода к социалистическому способу производства.

В первую очередь КПВ добивалась рабочего контроля и создания на производстве фабрично-заводских комитетов. Первоначальной задачей фабзавкомов была борьба с хозяйским саботажем и заключение коллектив-

ных договоров там, где реформистские профсоюзы не проявляли активности. Фабзавкомы сыграли большую роль и в том, что в декабре 1918 г. пролетариат нарушил «классовый мир» волной забастовок. В дальнейшем они нередко брали на себя управление предприятиями, вырастали в органы реальной власти на местах.

Партия развернула пропаганду и агитацию среди жертв капитала и империалистической войны – безработных, ветеранов и инвалидов; первоочередной задачей было добиться выплаты пособий массе демобилизованных и всем безработным.

Поскольку капиталисты эксплуатировали трудящихся не только как работодатели, но и как домовладельцы, коммунисты уделяли большое внимание жилищному вопросу. В программе КПВ ставилась задача экспроприации доходных домов. Ещё при буржуазной власти партия возглавила кампанию протеста против грабительской квартплаты, начала создавать комитеты трудящихся жильцов для управления домами.

В аграрном вопросе КПВ выступала за безвозмездную экспроприацию крупных и средних землевладений, а также церковных земель с передачей в коллективное пользование батракам и крестьянской бедноте.

Признавая право наций на самоопределение вплоть до отделения, партия выступала за добровольное объединение в форме социалистической федерации. В международных делах коммунисты отстаивали союз с Советской Россией и всеми странами, которые встанут на путь социализма. КПВ одной из первых поддержала ленинский план создания Коминтерна.

О правильности лозунгов партии свидетельствовало то, как стремительно они усваивались народом. Под влиянием коммунистов многие Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов требовали установления власти трудящихся. 19 декабря в столице прошла солдатская демонстрация под лозунгом: «Вся власть Советам рабочим, солдат и крестьянам!» Советы разоружали «гражданскую гвардию», создавали отряды Красной гвардии и дружины под лозунгом «Смерть буржуазии!»

Явочным порядком начался слом старой бюрократической машины. Манифестации, подчас с внушительным сопровождением пулемётов и пушек, добивались чистки аппарата от спекулянтов и коррупционеров. С начала февраля в ряде городов Советы изгоняли правительственных комиссаров и брали власть в свои руки; там, где Советов не было, создавались временные органы типа российских ревкомов – директориумы.

Как и в России перед Октябрем, «хозяйёва жизни» пытались задушить трудящихся безработицей и голодом. Они закрывали предприятия, свёртывали торговлю, припрятывали товары, срывали полевые работы. Но сила была не на их стороне. Рабочий класс горячо откликнулся на декабрьский призыв КПВ устанавливать рабочий контроль на производстве. На практике это выливалось в настоящие восстания против хозяев и их назначенцев. Уже 3 января 1919 г. 80-тысячный коллектив флагмана индустрии – будапештского завода «Ганц» – изгнал директора и его приближённых, оставив из администрации тех, кто подчинился требованиям рабочих. Примеру «Ганца» последовали на военных и других заводах, угольных шахтах. Взяв предприятия в свои руки, трудящиеся ставили вопрос о национализации.

К решающей схватке готовился и контрреволюционный лагерь, не скрывавший презрения к правительству и ненависти к народу. Организационное собрание правых возглавил не кто иной, как Йожеф Каройи, сводный брат

«красного графа». Возмущаясь тем, что народ смеет указывать ему, аристократу, он заявлял, что не успокоится, пока в стране не будет «истреблён красный цвет». В рядах католической реакции заявил о себе Й. Миндсенти, будущий кардинал и вдохновитель контрреволюционного мятежа 1956 г.

После берлинской трагедии января 1919 г. реакция активизировалась. Как в России летом 1917 г., в ход пошла «революционная» демагогия. Лидеры СДПВ выдвинули лозунг «Против правой и левой контрреволюции!», но преследовали в основном «венгерских большевиков». Подражатели Густава Носке послали против занявших шахты горняков карательный отряд и по ложному обвинению расстреляли шахтёрских вожаков.

20 февраля 1919 г. во время демонстрации безработных возникла перестрелка; погибло несколько человек, в том числе полицейских. КПВ не имела к этому отношения. Тем не менее «народное» правительство бросило в тюрьму свыше 70 руководителей КПВ и Всевенгерского союза молодежи; при аресте коммунистов зверски избили. «Красная газета» была закрыта.

Но на расправу, подобную берлинской января 1919 г. или хотя бы петроградской июля 1917 г., у венгерской реакции не хватило сил. Слухи о «смерти большевизма» оказались сильно преувеличенными. Партия заранее подготовилась к репрессиям, создав нелегальные резервные центры. Связь с резервным ЦК держал ушедший в подполье Т. Самуэли. Чтобы сохранить партийную печать, ввели в действие резервный редакционный комитет. Печатались листовки с разоблачением провокации властей и призывом к революции. С 1 марта вновь стала выходить «Красная газета».

В конце февраля поднялась новая волна забастовок и демонстраций рабочих, батраков, военных. Крестьяне и батраки захватили земли крупнейших магнатов Эстергази. Министра, посланного наводить «порядок», встретили 20 тысяч вооружённых крестьян, батраков и рабочих; их права пришлось признать законными. Это дало импульс к захвату помещичьих земель по всей стране. К середине марта батраки и крестьяне заняли около 100 поместий. О высоком уровне организации и классового сознания сельских пролетариев говорит то, что они чаще всего создавали производственные кооперативы, отказываясь от раздела земли или откладывая этот вопрос ради совместной защиты завоёванного.

Экономические и социальные требования народа спровоцировали политические. В первую очередь надо было не допустить расправы над арестованными и освободить их. Важную роль в спасении узников сыграла международная солидарность. В.И. Ленин направил М. Каройи телеграмму с протестом и предупреждением, что в случае расправы с коммунистами советское правительство примет меры к находящимся в России австро-венгерским офицерам-аристократам. Кабинету пришлось смягчить условия содержания арестованных, признав за ними статус политзаключённых. Это значительно облегчало связь с внешним миром. Ещё находясь в тюрьме, Б. Кун смог направить в Советскую Россию эмиссара партии Л. Немети, который был принят Лениным и вернулся на родину к решающим событиям.

«Народная республика» и примкнувшие к ней правые лидеры СДПВ теряли почву под ногами. Им не помогло ни провозглашение М. Каройи временным президентом, ни назначение выборов в парламент, которые уже мало кого интересовали. Требование передачи власти Советам сплотило абсолютное большинство рабочих, кре-

стьянской бедноты и солдат, многих младших офицеров и интеллигентов.

В рядах СДПВ, отражавшей настроения масс, ширилась поддержка единства рабочего движения. Стало возможным небывалое: лидеры левого крыла СДПВ вступили в переговоры с находившимися в тюрьме (!) руководителями КПВ по вопросу слияния двух рабочих партий (!!). По их просьбе Б. Кун 11 марта изложил 10 условий объединения. Первым требованием ставился выход СДПВ из буржуазного правительства, разрыв «классового сотрудничества» и принятие курса на власть Советов; вторым – отказ от господства венгров над другими нациями; третьим – замена буржуазной власти республикой Советов, вооружённых сил буржуазии – классовой армией пролетариата. В письме содержалась программа дальнейших преобразований: повсеместное введение рабочего контроля над производством и распределением; национализация промышленности, банков и транспорта; установление государственной монополии на внешнюю и оптовую внутреннюю торговлю; национализация крупного землевладения; государственная пропаганда социалистических идей; отделение церкви от государства. Это была программа народно-демократической революции, перерастающей в социалистическую.

Правый лагерь охватила растерянность. Одна из правительственных партий – радикальная – объявила о самороспуске. Руководство СДПВ не решалось ни принять условия коммунистов, ни отвергнуть их.

18 марта, в годовщину Парижской Коммуны, бастующие рабочие Чепеля открыто потребовали установить диктатуру пролетариата. Ещё до этого солдаты столичного гарнизона постановили «всеми средствами» добиваться освобождения арестованных. По свидетельству начальника столичной полиции, против 700 его подчинённых коммунисты имели десятки тысяч солдат плюс рабочие отряды. Страна напряжённо ждала от партии призыва к восстанию.

6. «Мирная революция»

После трагического исхода венгерской революции, как и после других исторических поражений, враги и ренегаты десятилетиями твердили, что для взятия власти пролетариатом будто бы не было внутренних условий, что только большевики и их ученики из мадьяр-реэмигрантов навязали стране Советскую власть, диктатуру пролетариата и прочие «продукты российского производства». Однако при сколько-нибудь честном и грамотном рассмотрении реального хода событий становится очевидным: всё обстояло ровно наоборот. Из числа ранних – других история пока не знает – социалистических революций трудно найти иной пример, когда именно внутренние условия такой революции созрели бы столь полно, прямо-таки в классическом виде.

Другое дело, что в странах Центральной Европы, ввиду специфики их международного положения, разрешение вопроса о власти никогда не носило не то что чисто внутреннего – такого в истории вообще не бывает, – но даже преимущественно внутреннего характера, а всегда совершалось под колоссальным влиянием международных факторов, во многом определявших его конкретный момент, форму и перспективы.

К середине марта 1919 г. лидерам Антанты стало ясно, что имущие классы Венгрии бессильны справиться с небывалым мощным революционным подъёмом. На опыте причерноморской Новороссии и городов юга Венгрии типа Сегеда, занятого французским гарнизоном под Но-

вый 1919 год, «державы» убедились и в том, что сами не могут направить против революционных стран крупные контингенты, не рискуя «разложением» своих войск и дестабилизацией тыла.

В проекте так называемого «похода 14 держав» против Советской России роль пушечного мяса отводилась странам «санитарного кордона», прежде всего Польше, Румынии и Чехословакии: две из них уже захватили пограничные области прежней России, а третья участвовала в интервенции силами мятежного корпуса. С Польшей проблем не возникало, но другим государствам-ландскнехтам нужно было обеспечить тылы, а главное, вознаграждение. Уладить дело решили за счёт Венгрии.

20 марта представитель Антанты подполковник Виск вручил Каройи ноту командующего французскими войсками на Балканах, согласованную с Лондоном и Вашингтоном. Под предлогом урегулирования румыно-венгерского конфликта Будапешту предлагалось немедленно вывести войска из зоны соприкосновения сторон. Туда предстояло ввести контингенты Франции, Великобритании, США и Италии (нынешние мастера многонационального «миротворчества» не изобрели ничего нового). Высвободившиеся румынские войска державы Антанты рассчитывали двинуть – взамен своих, вынужденно выводимых из черноморских портов, – против Советской России.

В Венгрии «нота Виска» практически всеми воспринималась как предел национального унижения и едва ли не смертный приговор нации. Мало того, что страну, где и так уже из довоенных 21 млн. населения осталось 8 млн., окончательно отрезали от миллионов мадьяр и секеев Трансильвании, – под контроль оккупантов передавались жизненно важные источники угля и продовольствия. Антанта получала возможность навязывать Венгрии любые условия, не давая никаких гарантий целостности страны хотя бы в урезанных границах. Ни для кого не было секретом, что опьяненные вседозволенностью румынские националисты не прочь аннексировать мадьярские земли по крайней мере до реки Тиса. От них не собирались отставать чешские и сербохорватские коллеги. Ознакомившись с «нотой Виска», президент М. Каройи сказал без обиняков: *«Антанта мобилизует силы против большевизма. Сама войны не объявляет, а хочет натравить против него румын, сербов, чехов, которым намеревается платить нашей территорией»*¹.

Первоочередная цель интервентов состояла в превентивном удушении пролетарской революции в Венгрии. Но этим дело не ограничивалось. Над всей нацией, кроме готовых продаться оккупантам ренегатов, нависла реальная угроза не только голодной блокады и утраты едва обретенного суверенитета, но и насильственного расчленения, если не геноцида. Последние иллюзии развеивал грубо ультимативный характер ноты – согласие требовалось в течение суток, иначе «державы» отзывали из Будапешта свои миссии, что означало тотальную блокаду и войну.

Правительством не могло принять требования, чреватые национальным самоубийством, но не нашло в себе сил и отклонить их. 20 марта кабинет подал в отставку. Президент предложил СДПВ создать однопартийное правительство, ещё надеясь убедить Лондон дезавуировать Виска. Но руководство эсдеков, чувствуя сла-

бость своих позиций и растущую силу коммунистов, не решилось принять власть в одиночку.

Небывалое продолжалось: теперь уже официальная делегация СДПВ, в составе левых и центристских лидеров, прибыла в тюрьму договариваться с коммунистами о власти. В тот же день стороны пришли к соглашению о создании объединённой Социалистической партии Венгрии и нового правительства. Б. Кун и другие политзаключённые прямо из камер, а Т. Самуэли с товарищами – с конспиративных квартир переместились в правительственные кабинеты. К рабочему движению Венгрии власть перешла без единого выстрела.

На фоне всего предшествующего опыта буржуазных революций, Парижской Коммуны, российского Октября, финляндской и германской трагедий – и даже не столько реального содержания этого опыта, сколько тиражируемого буржуазной пропагандой и обывательским сознанием искажённого представления о революции как сплошном кровавом насилии, – венгерский Март 1919 г. больше всего впечатлял и обнадеживал современников именно своим мирным характером. На эту сторону дела, сразу после известия о смене власти в Будапеште, обратил внимание делегатов VIII съезда РКП(б) В.И. Ленин: *«Если про нас говорили, что мы захватчики; если в конце 1917 года и в начале 1918 года не было других слов у буржуазии и у многих её сторонников по отношению к нашей революции, кроме как «насилие» и «захват»; если до сих пор раздаются голоса, всю бессмысленность которых мы не раз доказывали, будто бы насильем держится большевистская власть; если такую бессмыслицу можно было повторять раньше, – то теперь пример Венгрии заставляет умолкнуть такие речи... Самая радикальная, наиболее демократическая, соглашательская буржуазия признала, что в момент величайшего кризиса, когда на истощённую войной страну надвигается новая война, Советская власть является исторической необходимостью, признала, что в такой стране не может быть иной власти, кроме власти Советов, кроме диктатуры пролетариата»*. Из этой важной черты венгерской революции вождь большевистской партии сделал принципиальный вывод: *«Мы имеем здесь, кроме победы Советской власти, нашу моральную победу»*².

Через несколько недель, обратившись вновь к теме мирного пути революции, Владимир Ильич ту же мысль – актуальную и в наши дни, когда пропагандистские штампы столетней давности вновь пушены в оборот, – выразил более развёрнуто: *«На Россию пали большие жертвы, чем на другие страны. Это неудивительно, когда нам в наследство осталась старая разруха. Другие страны приходят другим путем, более человеческим, приходят к тому же – к Советской власти... Пример одной России не был понятен для рабочих всего мира... Пример Венгрии будет решающим для пролетарских масс, для европейского пролетариата и трудящегося крестьянства: в трудную минуту некому править страной, кроме как Советской власти»*³.

В то же время Ленин, далёкий как от игнорирования морального фактора в политике, так и от его абсолютизации, сразу же предостерег от иллюзий: *«Трудности*

¹ Цит. по: Немеш Д. Пятидесятилетие Советского государства и Венгрия. – М.: ИПЛ, 1967. – С. 53.

² Ленин В.И. VIII съезд РКП (б) /Речь при закрытии съезда 23 марта / ПСС. – Т. 38. – С. 214.

³ Ленин В.И. Чрезвычайное заседание Пленума Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов 3 апреля 1919 г. Доклад о внешнем и внутреннем положении Советской республики / ПСС. – Т. 38. – С. 261-262.

венгерской революции, товарищи, громадны. Эта маленькая по сравнению с Россией страна гораздо легче может быть задушена империалистами»¹.

Трагическая судьба венгерской и ряда последующих революций, начавшихся мирным путем, требует внимательного рассмотрения обуславливающих такой путь факторов, при отсутствии или утрате которых он становится невозможным.

Первым и главным фактором выступает абсолютное превосходство революционного пролетариата над классовым противником в реальной силе, в том числе вооружённой. С учетом этого решающего обстоятельства, противоположность «мирного» и «немирного» путей взятия власти – в исторической реальности, а не в пропагандистских легендах, – во многом снимается. В самом деле, победа пролетариата в Париже 18 марта 1871 г. и Петрограде (а также многих других городах и местностях России) в октябре-ноябре 1917 г., хотя и носила характер вооружённого восстания, обходилась почти без жертв; кровопролитие развёртывалось на последующих этапах, причём инициатором неизменно выступала контрреволюция, а удавалось ей это ввиду, во-первых, интервенции и, во-вторых, военно-политической пассивности революционеров (Париж после 18 марта, Москва в октябре-ноябре 1917 г.).

С другой стороны, в «мирном» взятии власти пролетариатом Венгрии решающую роль сыграло бескровное восстание в столице, хорошо подготовленное нелегальным центром КПВ во главе с Т. Самуэли. В течение 21 марта отряды рабочих и солдат, разоружив полицию, жандармерию и немногие верные правительству войсковые части, заняли мосты, вокзалы, телеграф, телефон, важнейшие общественные здания. Для успешного вооружённого сопротивления у буржуазии не оставалось реальных сил.

Не кто иной, как глава «народной республики» М. Каройи, «во избежание бессмысленного кровопролития – ведь, **кроме социалистов, не было другой организованной силы и вся вооружённая власть, местный гарнизон, народная охрана и полиция, армия, находились под руководством социалистов-коммунистов** – «передал власть пролетариату», **который её в действительности раньше взял и провозгласил**»². Таким образом, мирная форма революции никоим образом не означает её безоружности, а безоружная революция, как и безоружная власть, всегда и везде будет, по Салтыкову-Щедрину, «не столько сражающейся, сколько сражаемой».

Отсутствие же в распоряжении эксплуататорских классов достаточной вооружённой силы в Венгрии 1918-19 гг., как и в ряде других стран, обуславливалось не только политико-агитационной работой революционеров, но в первую очередь тем, что главная разрушительная задача – слом военно-бюрократической машины – была во многом выполнена военным поражением. Уже по одному этому, говорить о мирном характере революции в подобных случаях можно лишь с большой долей условности. Тем более, что военное поражение предопределяло как возможность «мирной» передачи власти, так и неизбежность в скором будущем вооружённой интервенции.

Вторым – а хронологически первым, во многом обуславливающим предыдущий, – фактором любой победы рево-

люции, в особенности же её относительно мирного характера, является политический крах и дискредитация буржуазной власти, при условии, что массы убедились в этом на опыте. Данное условие в Венгрии марта 1919 г. также было налицо. Едва ли не в максимально возможной мере реализовался прогноз, высказанный ещё в 1853 г. Ф. Энгельсом: «**Мне думается, что в одно прекрасное утро наша партия вследствие беспомощности и вялости всех остальных партий вынуждена будет стать у власти**»³.

Этим не отрицается реальная специфика кульминационного момента венгерской революции, которую точнее можно охарактеризовать не как мирную, а как компромиссную. Именно этот её момент был сразу отмечен Лениным: «**Буржуазия более культурной страны увидела яснее, чем наша буржуазия накануне 25 октября, что страна гибнет, что всё более и более тяжёлые испытания ложатся на народ – значит, власть должна быть в руках Советов, значит, рабочие и крестьяне Венгрии, новая советская пролетарская демократия должна спасти её**»⁴.

В свою очередь, такое поведение, если не всей буржуазии, то основной части её «**политических и литературных представителей**»⁵, вообще не характерное для имущих классов, было обеспечено редкостным сочетанием исторических обстоятельств. На некоторые из них обратил внимание В.И. Ленин в написанной по просьбе Б. Куна статье «Привет венгерским рабочим». Сравнивая условия двух стран, ставших родиной первых социалистических революций, он отмечал, что «**в Венгрии выше общий культурный уровень населения, затем неизмеримо выше доля промышленных рабочих во всём населении (трёхмиллионный Будапешт на 8 миллионов населения теперешней Венгрии)**»⁶. По иронии судьбы, эту предпосылку мирного установления диктатуры пролетариата резко усилили империалисты Антанты, отторгнув от страны национальные окраины, где доля мелкобуржуазных слоев была значительно выше. Таким образом, в территориально-социальном плане Венгрия ещё до марта 1919 г. оказалась поставлена в положение, близкое к РСФСР лета и осени 1918 г., когда та сжалась до восьмой части довоенной России, охватывая главным образом пролетарские центры и ближайшие к ним губернии, что явилось одной из предпосылок политики «военного коммунизма».

Нельзя не согласиться и с ленинским соображением относительно роли культурного уровня рабочих, а также крупной, средней и мелкой городской буржуазии. К этому следует добавить давнюю привычку к политическим компромиссам (вновь возникает аналогия с Англией) – чего стоит хотя бы «дуалистическая империя» – при сравнительно малой склонности к иллюзиям буржуазного парламентаризма, поскольку из него рабочий класс и социал-демократия долгое время исключались вообще, а интеллигенция, в противоположность российским коллегам, успела в нём разочароваться. Нельзя сбросить со счётов идейное и моральное наследие революции 1848-1849 гг., всколыхнувшей Венгрию сильнее и глубже, чем остальную Европу, а также широкий междуна-

¹ Ленин В.И. VIII съезд РКП (б) / Речь при закрытии съезда 23 марта / ПСС. – Т. 38. – С. 214.

² Краткая история Венгрии. – М.: Наука, 1991. – С. 334.

³ Энгельс Ф. – И. Вейдемейеру. 12 апреля 1853 г. / Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. – Т. 28. – С. 490.

⁴ Ленин В.И. VIII съезд РКП (б) / Речь при закрытии съезда 23 марта / ПСС. – Т. 38. – С. 214.

⁵ Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта / Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. – Т. 8. – С. 148.

⁶ Ленин В.И. Привет венгерским рабочим / ПСС. – Т. 38. – С. 384.

родный кругозор политически активной части общества, с обострённым интересом к опыту России.

Самым же важным фактором широкого, хотя и временного, компромисса стало объективное совпадение в решающий момент **интернационального** сознания передового пролетариата с **национальным** сознанием широких масс. Всем стало очевидно: угроза свободе нации и самому её существованию исходит от международного империализма, а единственно возможный союзник – красная Россия. Традиционно антирусский «комплекс 1849 г.» в массовом сознании сменился своей противоположностью, а особо сильный в Венгрии фактор «национального единства», обычно работавший против революции и социализма, ситуационно совпал с их вектором. Это на какое-то время придало поддержке «большевизма» почти всеобщий характер. Многие граждане, даже далёкие от рабочего движения, ждали от него чуда, подобного совершённому, как им казалось, ленинской партией в России. Понятно, что данный фактор быстрой и по-видимому лёгкой победы мог при неблагоприятном развитии событий так же быстро «развернуться» в противоположную сторону.

Наконец, одной из субъективных предпосылок компромиссной и мирной передачи власти послужило нахождение на высшем государственном посту политика такого склада, как М. Каройи. «Красный граф», как и центристские лидеры СДПВ, не принадлежал к циничным буржуазным политикам, которым нет дела до страданий народа. Не был он и «крутым» кандидатом в Бонапарты, опьянённым собственной фразой и способным лишь до упора цепляться за ускользающую власть. Глава «народной республики» в критический момент отказался способствовать «бессмысленному кровопролитию» и тем более геноциду своего народа.

Вечером 21 марта «красный граф» подписал воззвание «К народу Венгрии», где говорилось: «Я, как временный президент Венгерской народной республики, обращаюсь за правдой и помощью к мировому пролетариату, подаю в отставку и передаю власть пролетариату народов Венгрии»¹. Даже если передавать и было уже фактически нечего, М. Каройи не откажешь в личной порядочности и гуманности, редких для людей его класса. «Красному графу» предстояло прожить ещё многие годы, стать участником антифашистского Сопротивления и закончить политический путь дипломатом новой Венгерской Народной республики, наполнившей название возглавлявшегося им когда-то государства качественно новым содержанием. Конечно, тот факт, что такой деятель смог при буржуазном строе занять высший пост и не был, как в Мексике 1913 или Болгарии 1923 г., насильственно устранён реакцией, также свидетельствует о расстановке социально-классовых сил, обеспечившей пролетарской революции решительный перевес.

Столь многообразным факторам оказалось суждено историей сформировать равнодействующую, в силу которой в марте 1919 г. «переход к советскому строю, к диктатуре пролетариата был в Венгрии несравненно более лёгким и мирным». Предварительный итог имевшемуся на тот момент опыту Ленин подвел философски насыщенным обобщением: «*Форма перехода к диктатуре пролетариата в Венгрии совсем не та, что в России: добровольная отставка буржуазного правительства, моментальное восстановление единства рабочего класса, единства социализма на коммунистической программе.* Суц-

*ность Советской власти выступает теперь тем яснее: никакая иная власть, поддерживаемая трудящимися и пролетариатом во главе их, теперь невозможна нигде в мире, кроме как Советская власть, кроме как диктатура пролетариата»*².

7. Венгерская Коммуна

Проводившаяся многими, в то время и позже, аналогия Парижской Коммуны и Венгерской Советской республики относительна, но не случайна. Два героических «штурма неба» в самом деле сближает многое. Во-первых, оба порождены условиями тяжёлого поражения в войне, вооружившей активную часть нации и в то же время обрёкшей страну на несправедливый мир. Во-вторых, и там и здесь неразрывно переплетаются задачи как бы разных эпох – демократические и социалистические, национальные и интернациональные. В-третьих, оба случая сближает объединение пролетарских партий, в ходе революции слившихся, хоть и далеко не вполне, в единую, по терминологии XIX в., «партию революции». В-четвёртых, обе «Коммуны» роднит почти полное совпадение субъекта диктатуры с массой организованного пролетариата. В-пятых, обе они не смогли разжать тиски вражеского окружения и, главным образом по этой причине, просуществовали недолго.

При всех моментах общности не менее важны и различия. Почти полвека мировой истории, наполненные бурным развитием капиталистического производства, трагедией мировой войны и богатым опытом классовой борьбы, прошли даром. Будапешт 1919 г. был более развитым индустриальным мегаполисом, чем полуремесленный Париж 1871 г. Масштаб национального государства, хоть и небольшого, – это не масштаб одного города, пусть для своей эпохи огромного. 133 дня красной Венгрии, при всей краткости этого срока, почти вдвое превзошли эпопею парижских коммунаров. Поистине «нельзя дважды войти в одни и те же воды». На те же вызовы, что стояли полвека назад перед парижанами, революционеры второго десятилетия XX века отвечали на качественно ином уровне. Теперь уже никому из сознательных пролетариев не требовалось доказывать ни того, что власть надо брать минимум в национальном масштабе, ни того, что для освобождения труда необходима экспроприация экспроприаторов.

В тот же красный день календаря – 21 марта 1919 г. – было образовано правительство рабочего класса – Революционный Правительственный Совет во главе с умеренным социал-демократом Шандором Гарбаи. 13 глав ведомств назывались, как в Советской России, народными комиссарами. Ключевые посты наркомов по военным делам, торговли, финансов заняли левые социалисты; социализации (т.е. экономической политики), общественного образования – социал-демократы центрального толка. Коммунисты вначале получили только один пост наркома – иностранными делами стал ведать Б. Кун. Однако каждому наркому назначалось по два заместителя, одним из которых был коммунист. Так, Т. Самуэли был зам. наркома по военным делам, Р. Фидлер – зам. наркома труда. В дальнейшем, чтобы уравнивать в правах социалистов и коммунистов, заместители были введены в РПС и повышены в ранге до наркомов, которых по каждому направлению стало трое. Хотя все знали, кто является в наркомате первым ли-

¹ Краткая история Венгрии. – М.: Наука, 1991. – С. 334.

² Ленин В.И. Привет венгерским рабочим / ПСС. – Т. 38. – С. 384, 385.

цом, необходимость согласований делу не помогала. Даже с учётом этой особенности коммунисты составляли не более трети РПС.

Специфика в Венгрии состояла ещё и в очень высокой, даже по сравнению с другими революциями XX века, степени совпадения Советской власти с властью партийной. Характерно, что в первые месяцы РПС выступал «единым в двух лицах» – в качестве высшего органа государственной власти и временного руководящего центра объединённой партии.

22 марта РПС и СПВ обнародовали первый программный документ – «Ко всем!» В нём сообщалось о взятии пролетариатом всей полноты государственной власти, поскольку «только утверждение социализма и коммунизма может спасти страну от анархического развала». Подчёркивалось, что противостоять империалистической угрозе может только диктатура пролетариата, для чего необходимо единство его рядов. Провозглашая начало социалистических преобразований в экономике и создание пролетарской армии, красная Венгрия подтверждала полную идейную близость с Советской Россией и предлагала ей вооружённый союз.

В небольшой стране, сжатой кольцом блокады, смена власти в столице вызвала быстрый и дружный отклик провинции. Рабочие, батраки, солдаты, крестьянская беднота повсеместно создавали Советы, а те избирали исполнительные органы – директориумы. Массовые митинги по всей стране приветствовали установление диктатуры пролетариата, разясняя трудящимся её сущность.

В Венгрии, как и в России, пролетарской власти пришлось решать задачи, оставленные буржуазной революцией нерешёнными. 2 апреля РПС опубликовал временную конституцию республики – первый такого рода документ в истории страны. Верховным органом власти стал Всевенгерский съезд (собрание) Советов. Только теперь, с отменой имущественного и других цензов, избирательное право обрели рабочие, ремесленники, крестьяне-бедняки. Возможность голосовать впервые получили женщины и молодежь с 18 лет. Электорат разом увеличился в шесть (!) раз.

В то же время, по примеру Советской России, избирательных прав были лишены представители эксплуататорских классов. Ленин ещё в 1918 г., вполне оправдывая данную меру для условий России и допуская, что в других странах «после войны и после опыта русской революции это, вероятно, будет так», счёл нужным предостеречь зарубежных товарищей от чрезмерного подражания большевикам: «Было бы ошибкой заранее ручаться, что грядущие пролетарские революции в Европе непременно дадут, все или большинство, ограничение избирательного права для буржуазии... Это **необязательно** для осуществления диктатуры, это не составляет **необходимого** признака логического понятия диктатуры, это не входит **необходимым** условием в историческое и классовое понятие диктатуры»¹. При столь широкой базе пролетарской власти, какая имела весной 1919 г. в Венгрии, целесообразность этой меры не представляется бесспорной. Объединённая ВСП и без неё получила бы в Советах твёрдое большинство, а формальное ограничение политических прав «бывших» лишь создавало впечатление «ценза наоборот», ограничивало возможности сплочен-

ия нации против угрозы империалистического вторжения.

Выборы в Советы депутатов трудящихся состоялись уже 7 апреля. Из примерно 8 миллионов граждан, живших на территории ВСП, в тайном голосовании приняли участие 4,5 млн., абсолютное большинство поддержало новую власть.

14-23 июня в Будапеште состоялся Всевенгерский съезд Советов, принявший новую конституцию. В её содержании ощущается сильное влияние принятой год назад Конституции РСФСР. Статья 1 гласила: «В Советской республике вся власть, все права и свободы принадлежат пролетариату, взявшему всё это в свои руки с целью ликвидации капиталистического строя и господства буржуазии, создания вместо них социалистического производственного и общественного строя»². Высшим органом власти объявлялся Всевенгерский съезд Советов, избираемый трудящимися и созываемый не реже двух раз в год. Он избирал Центральный Исполнительный Комитет, утверждавший состав правительства. Местную власть составляли Советы депутатов трудящихся, избравшие свои исполкомы.

Конституция закрепляла национализацию основных средств производства. Провозглашался принцип: «Только тому место в Советской республике, кто работает!» Трудящиеся, наряду с политическими правами и свободами, получали право на труд, на отдых, на образование. Обеспечивалось полное равноправие женщин. Узаконивалась свобода вероисповедания при отделении церкви от государства и школы. Отменялись национальные привилегии, гарантировалось равноправие наций и рас. Проживавшие в ВСП граждане других национальностей получали право учиться на родном языке, издавать на нём прессу, избирать и быть избранными в Советы всех уровней, работать во всех государственных органах. Целью внешней политики ставился всеобщий мир без аннексий и контрибуций.

Советское правительство Венгрии, следуя примеру Октября, дополнило права и свободы реальными гарантиями, которых не бывает у трудящихся при власти капитала. Здания, типографии, запасы бумаги, необходимые для осуществления гражданских прав, перешли из собственности эксплуататоров в распоряжение большинства народа.

Старые полиция и жандармерия, дискредитировавшие себя коррупцией, произволом и насилием над трудящимися, были распущены. Защиту общественного порядка взяла на себя Красная охрана – аналог милиции РСФСР; в неё вошли вместе с передовыми рабочими и те из полицейских, кто не запятнал себя. На тех же принципах упразднялись старые и создавались новые суды.

Вооружённой рукой пролетарской диктатуры стали отряды особого назначения по борьбе с контрреволюцией, подчинённые политико-разведывательному отделу при Наркомате внутренних дел. На разных этапах ими командовали Отто Корвин, Имре Шаллаи, Тибор Самуэли. Буржуазная пресса взахлёб расписывала «ужасы венгерской ЧК», но уже тот факт, что сама она имела возможность заниматься диффамацией революционеров почти беспрепятственно, свидетельствует: ВСП можно упрекнуть не в жестокости, а скорее в обратной крайности, за которую трудящимся пришлось платить кровью. Главная ответственность здесь лежит на социалистах «центра»:

¹ Ленин В.И. Пролетарская революция и ренегат Каутский / ПСС. – Т. 37. – С. 266.

² Цит. по: Нежинский Л.Н. 133 дня 1919 года: Советская Россия и Венгерская Советская республика. – М.: ИПН, 1989. – С. 165-166.

не решаясь прямо отрицать диктатуру пролетариата, они всячески добивались «мягкого» её проведения.

В сфере экономики обращает на себя внимание черта, пожалуй, пока уникальная. Если в России смена форм собственности приняла социалистический характер через несколько месяцев, а в других революциях XX века – через несколько лет, то в Венгрии 1919 г. – практически сразу, с первых дней. Уже 26 марта был издан декрет о переходе банков и всех финансовых учреждений в ведение государства (при этом мелкие сбережения оставили в распоряжении граждан). В тот же день РПС декретировал обобществление, без компенсации владельцам, всех предприятий промышленности, транспорта и шахт с более чем 20 работниками. В течение 2-3 недель на все национализированные предприятия были назначены директора – «производственные комиссары», а работники избрали контрольные рабочие советы, задачами которых ставились «*обеспечение пролетарской трудовой дисциплины, охрана собственности трудового народа и контроль за производством продукции*»¹. Страна была разделена на промышленные округа во главе с промышленно-производственными советами, подчинявшимися наркому общественного производства, а с июня – Совету народного хозяйства. Председателем СНХ стал учёный-экономист, левый социал-демократ Енё Варга.

Несомненно, одной из причин быстроты «приступа» к социалистическому переустройству послужило то, что ВСР уже располагала опытом Советской России. Нарком общественного производства Дьюла Хевеши в интервью 19 апреля подчёркивал: «*Проведение национализации в России дало нам много готовых ценных рецептов, особенно в отношении методов осуществления рабочего контроля и централизованного управления*». Вместе с тем он отмечал немаловажное различие: «*По сравнению с обстановкой в России наше положение существенно облегчало то, что полностью единое, организованное выступление пролетариата сделало невозможным любое противодействие в интересах капиталистов и позволяет завершить дело национализации*»².

Усматривая в такой возможности серьёзное преимущество, руководители Советской Венгрии видели его объективную основу в тесной взаимосвязи крупного и среднего производства, подготовившей промышленность к социалистическому обобществлению. Были ли они в этом правы? В экономическом плане, очевидно, да. Тот факт, что хозяйственные органы республики, при огромных трудностях снабжения и финансирования в заблокированной стране, сумели в короткий срок наладить производство на угольных шахтах, металлургических и оборонных заводах, пищевых, текстильных и обувных фабриках, подтверждает, что быстрые темпы национализации крупной и средней промышленности не были импровизацией. Они адекватно отражали достигнутый уже при капитализме уровень реального обобществления производства, довольно высокий по сравнению с тем, с которого пришлось начинать большинству революций XX века.

Это же, от обратного, подтверждает ситуация, сложившаяся в мелком производстве и сфере обслуживания. Здесь под нажимом наёмных работников и ремесленников, желавших поскорее сравняться в правах с рабочими крупной промышленности, пришлось обобщест-

вить почти все кустарные мастерские, парикмахерские и другие предприятия сферы обслуживания. Многие из них вынуждены были скоро закрыться, умножив армию безработных и ухудшив обслуживание и снабжение населения. Подобного рода обобществление, как показал и последующий опыт, при уровне производительных сил и общественного разделения труда XX века оставалось во многом формальным. Но и тут ВСР превзошла коллизию между экономической и политической целесообразностью, с чем столкнулись многие из последующих революций. Лучше ли было бы отказать рабочим мелких предприятий в требуемой ими национализации и получить волну забастовок и захватов, которые реакция не преминула бы повернуть против власти?

Противоречивыми оказались и последствия обобществления всей торговли, как оптовой, так и розничной. Но в этой сфере, кроме предыдущей коллизии, действовала и другая – между «логикой» товарно-денежных отношений и объективной потребностью жизнеобеспечения большинства народа в тяжелейших условиях войны и блокады. «*В стране, которая разорена, первая задача – спасти трудящегося... Если мы спасём трудящегося, спасём главную производительную силу человечества – рабочего, – мы всё вернем, но мы погибнем, если не сумеем спасти его*»³, – говорил о подобной ситуации В.И. Ленин.

Необходимо иметь в виду, что «потребительский коммунизм», присущий ещё радикальным течениям буржуазных революций, определялся не одним утопическим сознанием и уж подавно не произволом. Им двигала, прежде всего, насущная социально-политическая, да и элементарно жизненная необходимость – не дать спекулянтам задушить «костлявой рукой голода» пролетариат, всех неимущих и вместе с ними революцию. В чрезвычайных условиях Первой мировой войны к мерам типа карточной системы и продразвёрстки вынуждено было прибегать даже царское, а затем временное правительство буржуазной России, как и власти других воевавших стран. Большевики лишь развернули подобные меры, по мере развития революции, в интересах пролетариата и беднейшего крестьянства. Так называемый «военный коммунизм» объективно не содержал в себе ничего социалистического и тем более собственно коммунистического, будучи экстренной мерой спасения народа и революции в условиях интервенции и гражданской войны. Последующая смена экономической политики в целях упрочения союза с большинством крестьянства была также закономерна. При этом большевики с самого начала воспринимали НЭП как временное отступление в развитии революции по социалистическому пути⁴.

Подобная эволюция хозяйственной политики уже намечалась и в Венгрии. В июне 1919 г. Б. Кун, ссылаясь на программу III Интернационала, подчёркивал, что пролетариату «*в период диктатуры, особенно на начальной её стадии, нельзя предпринимать штурм против мелких хозяйств и мелкой промышленности*»⁵. Но для того, чтобы средне- и долгосрочные тенденции выдвинулись на первый план, надо было как минимум разжать

¹ Нежинский Л.Н. 133 дня 1919 года. – С. 145.

² Там же. – С. 151.

³ Ленин В.И. I Всероссийский съезд по внешкольному образованию. Речь об обмане народа лозунгами свободы и равенства, 19 мая / ПСС. – Т. 38. – С. 359.

⁴ См.: Эдвард Карр Гл. 17 Военный коммунизм//История советской России. Большевицкая революция 1917-1923. Том 1, том 2- М.: «Прогресс», 1990 – С. 521-611.

⁵ См. там же. – С. 433.

тиски войны и блокады. Советской Венгрии история не предоставила такой возможности.

Как и в других революциях, начиная с Парижской Коммуны, классовый характер диктатуры пролетариата особенно ярко проявлялся в её социальной политике. Только Советская власть осуществила на практике декретированный ранее 8-часовой рабочий день. «Ремесленным ученикам», на положении которых находилось много рабочих-подростков, рабочий день сократили до 6 часов, хозяевам запретили использовать их для домашней работы и подвергать телесным наказаниям.

Условия блокады и войны потребовали установить для всех категорий работников максимум месячной зарплаты в 3 000 крон. При этом, по сравнению с месяцами «народной республики», реальная заработная плата рабочих повысилась на 25%, мелких служащих – на 15%. Социальное страхование, ранее доступное далеко не всем рабочим даже крупной промышленности, пролетарская власть распространила на всех трудящихся, значительно увеличив размер пособий.

ВСР незамедлительно взялась за решение жилищной проблемы. Все жилые здания, кроме построенных на личные средства сельских домов, были национализированы. По российскому примеру начали уплотнение богачей. Только в Будапеште за три месяца более 32 тысяч рабочих семей переселились из подвалов и халуп в благоустроенные квартиры и дома.

Советская власть поставила целью создать единую систему здравоохранения. Частные больницы, санатории, аптеки были национализированы, руководителями назначили молодых медиков, считавших долгом в первую очередь заботиться о трудящихся.

Следуя примеру красной России, Советская Венгрия установила равную оплату за равный труд для мужчин и женщин, оплачиваемый 6-недельный отпуск по беременности и родам. Из законодательства убрали унижительное деление детей на законно- и незаконнорождённых. В первые же месяцы пролетарская власть наладила снабжение нуждающихся детей самым необходимым: в одном Будапеште только детской обуви было распределено 25 тысяч пар. Детям трудящихся стали выдавать бесплатные путевки в дома отдыха и санатории. В особняках и замках аристократов открылись сады и ясли для детей рабочих, детдома для беспризорных. Весна и лето 1919 г. многим запомнились как счастливая пора. Организацией летнего отдыха детей занимался Т. Самуэли.

Советское правительство поставило задачу бесплатного обязательного обучения всех детей и подростков от 6 до 14 лет. Школа была национализирована и отделена от церкви, начато издание новых учебников. Как и во всех социалистических революциях, развернулось широкое движение за ликвидацию безграмотности. Для рабочих открылись сотни особых школ и курсов, где наряду с обучением грамоте они повышали профессиональную квалификацию. Планировалось создать единую систему профессионально-технического образования. Для рабочей и крестьянской молодежи открылись двери вузов. В мае 1919 г. принял первых слушателей рабочий университет, названный в честь Маркса и Энгельса. Только за первые два месяца ВСР наркомат просвещения провёл по всей стране 300 общеобразовательных лекций, слушали их 250 тысяч человек.

Символичный факт: о рождении пролетарской республики было официально объявлено в здании парламента всем собравшимся на публичную лекцию «Старая и новая культура», с которой выступал молодой философ, комму-

нист Дьёрдь (Георг) Лукач. Как всякая подлинная революция, время Советской Венгрии запомнилось небывалым расцветом культуры. В руки государства перешли библиотеки, издательства, типографии, книжные магазины. «Красная газета» призвала рабочих: «Ни одного завода без своей библиотеки!» Для трудящихся впервые открылись национализированные музеи, театры, кино, клубы. Рабочим выдавали бесплатные билеты, для них устраивали лекции и концерты. Корифеи искусства – писатель Жигмонд Мориц, композитор Бела Барток и многие другие – горячо приветствовали рождение нового мира. Время красной Венгрии Ж. Мориц назвал «цветением».

Впечатляющая быстрота и высокая, особенно по меркам первых месяцев революции, организованность проведения социалистических преобразований, при несомненном влиянии примера и опыта Советской России, никак не подтверждает инсинуаций буржуазной пропаганды насчёт якобы искусственности, «экзотичности» революции венгерского пролетариата, её «привнесённости извне». Ситуация во всех сферах жизни небольшой блокированной страны показывает обратное – редкостную готовность общества не только к принятию, но и к активной поддержке нового строя. По сравнению с Парижской Коммуной, носившей характер диктатуры пролетариата «в себе», в плане классового характера власти, но не готовой к развёрнутому наступлению на господство капитала, Советская Венгрия обладала сложившимся комплексом внутренних предпосылок социализма, как объективных, так и субъективных. Более того: в XX веке, как по степени зрелости этих предпосылок, так и по остроте и судьбоносности неравного противостояния с главными силами империализма, рядом с Венгерской революцией можно, на мой взгляд, поставить только Кубинскую.

8. «Работа над ошибками»: аграрный вопрос

Уже после падения ВСР в работах В.И. Ленина, документах Коминтерна, решениях Компартии Венгрии и трудах её руководителей давался критический анализ опыта пролетарской диктатуры с упором на выявление, наряду с историческими достижениями, допущенных ошибок. Под влиянием оценок и выводов Коминтерна, имевших для коммунистов мира силу партийного решения, а позже с учётом позитивного и негативного опыта «второй попытки» социалистических преобразований послевоенной поры, в марксистской исторической науке сложились и закрепились принципы подхода к опыту ВСР, сохранявшиеся до конца XX века.

Десятилетиями считалось как бы аксиомой, что основных «ошибок» было две: в аграрной политике и в вопросе объединения рабочих партий. Начнём с аграрной проблематики, имевшей в Венгрии, как и в России и ряде других стран, первостепенное значение.

Постановлением РПС от 3 апреля 1919 г. помещичьи и церковные земли со всеми угодьями, живым и мёртвым инвентарем и предприятиями по переработке сельскохозяйственных продуктов перешли в собственность государства; лишь мелкие наделы остались частной собственностью их владельцев. Сходство с Декретом о земле очевидно. Но, в отличие от России, земли бывших эксплуататоров не делились между крестьянами, а передавались сельскохозяйственным кооперативам, подведомственным Наркомату земледелия. Чтобы иметь участок национализированной земли в личном пользовании, надо было вступить в кооператив и работать минимум 120 дней в год в общем хозяйстве при оплате по труду.

Такой путь решения аграрного вопроса и принято считать чуть ли не роковой ошибкой Советской Венгрии. Крестьяне, мол, издавна мечтали о своей земле; если бы они получили её в собственность, поддержка Советов в деревне была бы обеспечена, а поражения революции можно было бы избежать. Показательно, что аналогичной критике подвергалась аграрная политика и других революций: баварской, словацкой и латвийской 1919 г., польской (в занятой красными части страны) в 1920 г., мексиканской и никарагуанской. Резонен вопрос: почему все они повторяли одну и ту же «ошибку»?

Присмотримся к объективным условиям, вызвавшим такое решение проблемы. В отличие от крестьянского хозяйства российской глубинки, зачастую ещё полунатурального, в аграрном секторе Венгрии и других перечисленных стран господствовали капиталистические хозяйства крупных аграриев, зачастую агропромышленные – не зря в декрете ВСР особо говорится о перерабатывающих предприятиях. В этих условиях называть аграрный вопрос, как в России, аграрно-крестьянским было бы односторонне: одних только батраков насчитывалось не меньше, чем крестьян – мелких хозяев, а надо ведь помнить и о рабочих сельского агропрома. Абсолютное большинство трудящихся деревни составляли сельские пролетарии. Не ясно ли, что рабочая власть обязана была учитывать в первую очередь их интересы и требования?

Был ли сельский пролетариат заинтересован в разделе земель, стремился ли к этому? На тот момент, когда принимался венгерский «декрет о земле», ответ мог быть только отрицательным. Вспомним, что ещё до 21 марта батраки и крестьяне-бедняки брали имения в свои руки, но не пускали в раздел, а создавали товарищества по совместной обработке и защите занятых земель. В этом же была заинтересована революционная власть, особенно в условиях блокады и войны. Города и армию надо было кормить, и если в Советской России это пришлось делать чрезвычайным методом продразвёрстки, то в Венгрии, при более высоком уровне объективного обобществления капиталистического агропрома, установилась система, близкая той, к которой социализм XX в. со временем приходил почти повсюду.

Всем, знакомым с азами марксизма, было известно, а российский опыт наглядно подтверждал, что раздел крупных централизованных хозяйств в мелкое пользование грозит подрывом производительных сил. Такие хозяйства и в нашей стране старались не дробить, а преобразовывать в государственные хозяйства – совхозы. Но в целом по России разделу барских земель (хорошо хоть в пользование, а не в частную собственность) не было альтернативы – этого активно добивалось само крестьянство, т.е. большинство народа. Декрет о земле составлялся на основе крестьянских наказов. Закон «предыстории человечества», выраженный в строке пролетарского гимна – «ни бог, ни царь и ни герой», – в основе прост: класс или социальная группа получают, как правило, то, что сами способны взять или организованно потребовать. В Венгрии, где деревня издавна отличалась глубоким расслоением, не было инициативы явочного раздела земель между крестьянами, зато сельский пролетариат, организованный в профсоюзы, отстаивал свои требования очень активно.

Именно пролетарии деревни, дотоле бесправные из бесправных, обойдённые и обманутые в буржуазных революциях, выиграла от аграрных мер ВСР больше всех. Рабочий день, прежде длившийся от зари до зари, был нормирован и сокращён. Денежная и натуральная оплата по-

высилась в 6-8 раз. На второй месяц пролетарской власти у каждого батрака была своя комната с кухней и подсобкой. На всех распространили социальное страхование; при болезни или инвалидности сельскому рабочему полагалась та же помощь, что городскому.

Заря лучшей жизни занималась не только для батраков и бедняков, но и для всей деревни. Новая власть впервые озаботилась медициной и образованием на селе. Например, было постановлено создать нормальные школы вместо «бесклассных», где в одной группе обучались дети от 6 до 12 лет.

В конце мая 1919 г. Т. Самуэли в интервью, данном советским журналистам после краткого пребывания в Москве, говорил: *«В аграрном вопросе у нас не было тех трудностей, которые были у вас. Буржуазно-соглашательское правительство (наши венгерские черновы) принялось проводить какие-то земельные реформы, имевшие в основе раздел, передел земли. Батраки и беднейшие крестьяне сразу же поняли, что из этих реформ ничего путного не выйдет, и сами, вопреки всем декретам правительства Каройи, перешли к общественной обработке земли. Когда мы стали у власти, мы сказали батракам и беднейшим крестьянам: «Хорошо! Продолжайте в том же духе!» Нам пришлось только придать всему этому организационный, общегосударственный характер... Крестьяне могут легко прокормить не только себя, но и своих товарищей-рабочих. Само собой разумеется, что крестьяне на нашей стороне»¹.*

В этих словах, на мой взгляд, верно схвачено главное, но не обошлось без некоторой идеализации. Между интересами сельских пролетариев и среднего крестьянства, не говоря уже о кулаках, имелись объективные противоречия. Многие из мелких хозяйчиков, поглощённые трудом на своих наделах, не могли работать по 120 дней в хозяйстве кооператива и поэтому не хотели в него вступать. Недовольны они были и обобществлением торговли, что затрудняло им приобретение городских товаров. Когда положение на фронтах ухудшилось, Красной Армии, как и в других странах, пришлось прибегнуть к реквизициям.

Неудивительно, что в последние полтора месяца революции по некоторым сёлам и провинциальным городкам прокатилась волна мятежей, руководимых кулаками и разного рода «бывшими». В этом принято видеть признак ослабления позиций Советской власти в деревне из-за ошибочности аграрной политики. Однако, на непредвзятый взгляд, поражает скорее другое. При наличии в деревне массы оружия, при недавнем опыте партизанских выступлений, мятежи ликвидировались очень быстро, почти бескровно и на удивление малыми силами. Нередко в село или городок достаточно было войти всего нескольким красноармейцам². На фоне сельской «Вандеи» других стран такое «народное возмущение» выглядит просто несерьёзно, предвосхищая разве что горе-путчи венесуэльской «оппозиции». На мой взгляд, подобная картина свидетельствует не о массовом недовольстве, а скорее об устойчивости авторитета власти даже после того, как положение страны – по причинам не деревенского и даже не венгерского масштаба – резко осложнилось. Надо ли удивляться, что крестьянин, дотоле исправно вносивший государству всё положенное, начинал задумываться, осмотрительно ли в смутное время лишать

¹ Цит. по: Нежинский Л.Н. 133 дня 1919 года. – С. 177.

² См.: Шимор А. Так жил Тибор Самуэли. – М.: Прогресс, 1981.

семью запаса на чёрный день и не надёжнее ли получить, пока не поздно, свой клочок земли?

В свете всего этого, представляется весьма сомнительным мнение критиков ВСР об упущенной возможности расширить базу революции путем раздачи земли крестьянам. Думается, в социальных условиях тогдашней Венгрии подобными мерами пролетарская власть только уменьшила бы возможности манёвра скудными ресурсами заблокированной страны и в силу этого скорее ослабила бы свою главную опору в лице сельских и городских пролетариев, чем заручилась поддержкой мелкой буржуазии, слабой и несамостоятельной даже по меркам данного класса.

Придерживаясь историзма, не приходится отрицать, что и позиция, занятая в этом вопросе Коминтерном после гибели Советской Венгрии, имела объективные основания. Но относятся они, на мой взгляд, не столько к реалиям ВСР, сколько к последующей ситуации, сложившейся уже в условиях контрреволюции. Именно тогда в стране и регионе произошли сдвиги, значительно укрепившие и позиции средней и мелкой буржуазии, и её влияние на всю атмосферу общества. Это потребовало от коммунистов иной, чем прежде, политики, в частности аграрной. В пылу борьбы, при недостаточной теоретической подготовке и неизбежной в те годы идеализации опыта Советской России, трудно было избежать неосознанного проецирования «злости дня» на недавнее прошлое; упрощённое же объяснение поражений субъективными просчётами, к сожалению, нередко бывает психологически неизбежным.

Придавая документам коммунистического движения и трудам современников важнейшее значение как историческим источникам, отвергая нигилизм невежд и ренегатов, мы не можем сегодня воспринимать каждое слово предшественников как абсолютную истину. Руководствуясь материалистическим пониманием истории, нельзя не считаться с тем, что общественное познание даже в высших проявлениях определяется общественными реалиями своего времени и, как объективно классовое и партийное, не может быть свободно от известной односторонности абстрагирующего мышления, обусловливаемой общественной практикой. Участник политической борьбы субъективно «выхватывает» из потока событий в первую очередь то, что, с его точки зрения, сделано ошибочно и должно быть поскорее исправлено. Марксист, исследующий минувшую эпоху, призван, прежде всего, раскрыть объективные причины произошедшего, что позволяет выявить в том числе корни действительных или кажущихся ошибок деятелей той поры, равно как их критиков, тоже не застрахованных от просчётов. Взгляд из последующей эпохи, обогащённый историческим опытом и новыми теоретическими разработками, может и должен раскрыть те объективно важные аспекты, которые для современников оставались в тени.

9. «Работа над ошибками»: партия революции

21 марта КПВ и СДПВ подписали соглашение о немедленном слиянии в единую Социалистическую партию Венгрии на основе принципов, предложенных коммунистами. Отношение к этому шагу с самого начала было неоднозначным. «Старая гвардия» правых лидеров в новую партию не вошла. Центристы пошли на объединение от безысходности, воспринимая этот шаг, по словам одного из них, как «головокружительный

прыжок в неизвестность»¹. Многие коммунисты отнеслись к слиянию партий насторожённо; Т. Самуэли прямо говорил об этом Б. Куну. Последующее развитие событий во многом подтвердило опасения. После сдачи власти 1 августа 1919 г. «поспешное» слияние рабочих партий стало рассматриваться коммунистами как первая и главная ошибка. Эта оценка, закреплённая авторитетом В.И. Ленина и Коминтерна, самокритикой Б. Куна и других лидеров КПВ, приобрела прочность традиции.

Вместе с тем нельзя забывать, что ленинские суждения на этот счет существенно менялись по мере развития политической ситуации. В радиотелеграмме Б. Куна 23 марта, на следующий день после известия о смене власти, ставились принципиальные вопросы: «*Какие Вы имеете действительные гарантии того, что новое правительство будет на самом деле коммунистическим, а не только просто социалистическим, то есть социал-предательским? Имеют ли коммунисты большинство в правительстве? Когда произойдёт съезд Советов? В чем состоит реально признание социалистами диктатуры пролетариата?*»²

Здесь очевидны, с одной стороны, явный дефицит информации о событиях в Венгрии, с другой – насторожённость, вполне понятная через два месяца после разгрома берлинских рабочих и гибели их вождей по вине правых социал-демократов. Но в этой же телеграмме подчёркнута необходимость конкретного анализа конкретной ситуации: «*Совершенно несомненно, что голое подражание нашей русской тактике во всех подробностях при своеобразных условиях венгерской революции было бы ошибкой. От этой ошибки я должен предостеречь, но я хотел бы знать, в чём Вы видите действительные гарантии*»³.

Несколько дней спустя Ленин констатирует: «*Ответ, который дал товарищ Бела Кун, был вполне удовлетворительным и рассеял все наши сомнения... Левые социалисты, сочувствовавшие коммунистам, да ещё люди центра, образовали новое правительство, а правые социалисты, социал-предатели, так сказать, непримиримые и неисправимые, совсем ушли из партии и ушли, не взяв с собой никого из рабочих... Два дня прошло, и мы вполне убедились в том, что венгерская революция сразу, необыкновенно быстро стала на коммунистические рельсы*»⁴. Как видим, передача власти в Венгрии оценивается Лениным положительно; особенно высоко лидер РКП(б) ставит тот факт, что «если мы начали с рабочего контроля и лишь постепенно переходили к социализации промышленности», то в Венгрии удалось сразу принять «закон о переходе в общественную собственность всех промышленных предприятий, которые велись капиталистически»⁵. Однако о слиянии рабочих партий здесь не говорится.

Посылая с Т. Самуэли 27 мая 1919 г. «Привет венгерским рабочим», Ленин охарактеризовал создание ВСП как «*моментальное восстановление единства рабочего класса на коммунистической платформе*»⁶. Обращаясь к пролетариям Венгрии, Владимир Ильич даже счёл возможным заявить: «*Вы дали миру ещё лучший образец, чем Со-*

¹ Нежинский Л.Н. 133 дня 1919 года. – С. 128.

² Ленин В.И. Радиотелеграмма Бела Куна / ПСС. – Т. 38. – С. 217.

³ Там же.

⁴ Ленин В.И. Сообщение о переговорах по радио с Бела Кун / ПСС. – Т. 38. – С. 232-233

⁵ Там же.

⁶ Ленин В.И. Привет венгерским рабочим / ПСС. – Т. 38. – С. 385, 388

ветская Россия, тем, что сумели сразу объединить на платформе настоящей пролетарской диктатуры всех социалистов»¹. Однако, давая столь высокую оценку, Ленин оговаривает её – в связи с необходимостью отразить интервенцию Антанты – обязательным условием, вытекающим из оборотной стороны широкого единства: «Если проявятся колебания среди социалистов, вчера примкнувших к вам, к диктатуре пролетариата, или среди мелкой буржуазии, подавляйте колебания беспощадно»².

Такого рода суждения, довольно редкие у Ленина, чаще делавшего упор на важность организационного размежевания с оппортунистами, побуждают, как и в случае с аграрной политикой ВСР, внимательно всмотреться в объективную ситуацию, вызвавшую слияние двух партий.

К середине марта 1919 г. КПВ бесспорно владела политической инициативой, однако СДПВ сохраняла значительно большее влияние на рабочий класс и средние слои, чем российские меньшевики осенью 1917 г. Как и в целом ряде других стран Европы, организованные пролетарии не в одном поколении привыкли отождествлять профсоюзную и политическую активность с принадлежностью к социал-демократии, и переломить эту традицию в одночасье не представлялось возможным. Дождаться практического изживания иллюзий не позволяла обстановка. Союз рабочих партий выступал необходимым условием взятия власти и, во всяком случае, его мирного характера; вооружённое же сопротивление было чревато интервенцией Антанты, гибелью революции и страны.

Абстрактно говоря, было бы лучше начать не с одномоментного слияния партий, а с создания единого фронта. Но подобным опытом ни венгерское, ни международное рабочее движение тогда не располагало. Социал-демократия, ориентированная II Интернационалом на партийное единство как панацею, не согласилась бы на меньшее, чем слияние (вспомним, что 13 лет назад и РСДРП пришлось пройти через аналогичный опыт). В этой ситуации объединение выглядело явно предпочтительнее, чем перерастание раскола пролетарских рядов в кровавую междоусобицу на радость общим врагам.

Необходимо также учитывать, что в слиянии рабочих партий Венгрии весной 1919 г. имелись не одни минусы. В нём были и плюсы – пожалуй, исторически беспрецедентные. Когда и где ещё социалисты объединялись с коммунистами на условиях безоговорочного признания и практического осуществления диктатуры пролетариата в форме Советской власти? Пусть для социал-центристов это признание было вынужденным и, возможно, неискренним; но уже сам факт консолидации практически всех пролетарских кадров вокруг столь радикальной платформы трудно было переоценить как в национальном, так и в международном плане.

Весной 1919 г. во многих странах были налицо или назревали примерно те же условия, что предшествовали Советской власти в Венгрии: угроза общенациональной катастрофы, банкротство буржуазной политики и соглашательства правых социал-демократов при быстром расходе, но недостаточно сильном для безраздельного руководства рабочим классом в революции, коммунистическом движении. Венгерский пример пролетарского единства, если бы его удалось отстоять, мог перекинуть мост между опытом Советской России и главными силами европейского рабочего движения.

Тесные связи, давно налаженные между венгерской и западноевропейской социал-демократией, потенциально были оружием обоюдоострым. При неблагоприятных условиях они могли сработать – что, увы, в итоге и произошло – на разрыв единства социалистов с коммунистами и ликвидацию диктатуры пролетариата. Но при более удачном соотношении сил те же связи, да и само участие социал-демократов в правительстве диктатуры пролетариата, помогли бы революции проложить путь в социально-политической среде Центральной и Западной Европы, или, по крайней мере, стали бы фактором сдерживания интервенции, на что, несомненно, рассчитывали и в Будапеште, и в Москве. Какая из двух противоположных тенденций возобладает, заранее предсказать было невозможно, а главное, это в немалой мере зависело от субъективного фактора – сознательных действий участников революционного процесса, в первую очередь его коммунистического авангарда.

Представление о заведомой «обречённости» европейского рабочего движения на раскол имеет теоретико-психологической основой перенесение на первые десятилетия XX века образа социал-демократии второй его половины (не говоря уже о нынешней, обживающей «нишу» покойного буржуазного либерализма). Такое смещение явлений разных эпох лишено историзма. На заре эпохи империализма и пролетарских революций, когда монополистический капитализм ещё только начинал преобразовывать «под себя» унаследованную им социальную структуру и культурно-политические традиции, «рабочая аристократия» во всех крупных странах составляла незначительное меньшинство пролетариата. Иначе и не могло быть: не родилась ещё буржуазия, способная всерьёз делиться хотя бы и сверхприбылью, пока её к этому не принуждает реальная мощь лагеря социализма. В тот период господство в европейской социал-демократии правых соглашательских кругов обуславливалось ещё не столько реальными интересами и жизненным положением её массовой базы, сколько политическими условиями урезанной легальности рабочего движения и полицейской «опеки» над ним, а также психологической инерцией минувшей эпохи. В революционной ситуации, наоборот, это господство могло быть расшатано и ниспровергнуто также факторами политического порядка.

До сих пор речь шла о сторонах проблемы, имевших, при всей важности, ситуационный характер. Однако всемирная история показывает, что «составное» формирование руководящей силы новой власти из нескольких партий и организаций **в ходе самой революции** является, видимо, объективной закономерностью. Эту тенденцию нетрудно обнаружить в зачаточной форме ещё в опыте Парижской Коммуны, а в более развитой – как в венгерской революции, так и в формировании массовой Компартии Германии путем слияния «спартаковской» КПГ и НСДПГ, а позже – в испанской революции 1936-39 гг., народных демократиях Европы и Азии 40-х гг., Кубинской и других латиноамериканских революциях вплоть до наших дней.

Исключением на первый взгляд выглядит Советская Россия. Но разве и здесь – помимо временного объединения большевиков с меньшевиками в ходе первой революции XX в. – обошлось в 1917 г. без слияния дореволюционного ядра большевистской партии с фракционными течениями, де-факто имевшими черты особых партий: «межрайонцами», «левыми коммунистами»?

¹ Там же

² Там же.

Разве их лидеры не кооптировались напрямую в руководящие органы объединённой РСДРП (б)? Разве, наконец, один из тех, кого Ленин в октябре 1917 г. требовал исключить из партии за «штрейкбрехерство», а в ноябре справедливо осуждал за поддержку «однородного социалистического правительства», не был в марте 1919 г. избран председателем (!) исполкома Коминтерна? Так ли уж принципиально всё это отличается от пути объединения рабочих партий Венгрии?

Тенденция, пробивающая себе путь с такой неуклонностью, не может сводиться к чьим-либо субъективным заблуждениям и просчётам. Дело, видимо, в том, что революцию как пробуждение широчайших масс, стоявших ранее вне политики, не может адекватно возглавлять самая лучшая партия дореволюционного времени (и даже, как в Венгрии, предыдущей стадии революции). Для этого объективно необходим особый политический феномен, получивший ещё в XIX веке, в том числе у Маркса и Энгельса, название **«партии революции»** – не только в том смысле, что она более или менее успешно возглавляет революцию, но и в том, что она сама является её порождением.

Представление, будто из «партии революции» можно заранее отсеять все потенциально неустойчивые элементы, стопроцентно застраховавшись от последующего предательства и перерождения, – не более чем наивная разновидность болезни «левизны». Главное даже не в том, что никто не обладает ни монополией на истину, ни рентгеновским аппаратом для «чтения в сердцах», а в том, что, говоря словами моего покойного Товарища, *«люди меняются, и не всегда к лучшему»*. Эволюция же личности происходит по причинам не только, а в большей политике и не столько субъективным, сколько объективно-историческим. Далеко не всякая измена, в кавычках или без, есть результат коварного умысла; иному ещё вчера в страшном сне не привиделось бы, куда его завтра занесёт неподвластная ему и никому другому общественно-историческая сила. Но отказаться, из опасения завтрашних бед, от союза с теми, кого реально объединяет главная на сегодня задача, – значит отказаться от революции.

Нет спора: борьба против губительных колебаний и, тем более, действительного предательства, особенно в критические моменты, жизненно необходима, о чём и предупреждал венгерских товарищей Владимир Ильич. Но серьёзному политику, а тем более историку, исследующему события постфактум, не следует и приписывать такой борьбе всемогущество, которым она отнюдь не обладает. Реальная возможность изолировать и победить врага, в том числе в собственных рядах, определяется внутренним и международным соотношением социально-политических сил, и относительная «гарантия» тут может быть только одна – суметь провести через все неизбежные колебания такую стратегию, выстроить на её основе такую систему союзов, чтобы как можно меньше испытывать партию и страну «на излом».

В этом диалектически противоречивом процессе, со всем его величием и трагизмом, перспективами и опасностями, невозможно не видеть яркого проявления более общей закономерности, сформулированной Лениным, не в последнюю очередь, на опыте красной Венгрии: *«Революционный класс для осуществления своей задачи должен уметь овладеть всеми, без малейшего изъятия, формами или сторонами общественной деятельности (доделывая после завоевания власти,*

*иногда с большим риском и огромной опасностью, то, что он не доделал до этого завоевания)»*¹.

10. На защите революции

Даже по сравнению с охваченной огненным кольцом фронтов Советской Россией, красная Венгрия с самого начала – и, как увидим, весь период своего существования – находилась в особо плотной осаде, сопоставимой только с положением Парижской Коммуны. Страна не имела ни признанного международного статуса, ни мирных соглашений с державами Антанты, ни выхода к морю, ни сухопутных границ. От буржуазной Чехословакии, боярской Румынии и Королевства сербов, хорватов и словенцев (будущей Югославии) её отделяли лишь зыбкие демаркационные линии. Плацдарм на юге Венгрии занимали французские оккупанты, устроившие там сборный пункт контрреволюции. Румынские войска находились под контролем французских и английских советников, чехословацкие – французских и итальянских. Относительно спокойно было лишь на границе с Австрией, где у власти стояли правые социал-демократы, имевшие с Антантой свои счёты; но и отсюда венгерская контра беспрепятственно готовила реванш. Экономическая блокада революционной страны началась уже в конце марта. Всем было ясно: мирная передышка продлится недолго.

25 марта РПС издал декрет о создании Венгерской Красной Армии. Промышленность, четыре года переживаемая на военный лад, вполне могла вооружить и снабдить всем необходимым, а сельское хозяйство – прокормить достаточно сильную армию. Т. Самуэли считал необходимым формировать её сразу как регулярную и призывную, но большинство отдавало предпочтение добровольному комплектованию, преимущественно из *«организованных рабочих и бывших под ружьём пролетарских солдат»*. На практике первое время всё ограничилось переименованием так и не сформированной толком «Народной армии» правительства Каройи, с оставлением на командных должностях прежних офицеров, которые далеко не все были лояльны ВСР. Период с 25 марта до начала мая 1919 г. приходится рассматривать как закономерный для большинства революций *«труднейший, мучительнейший период без всякой армии»*, выйти из которого нельзя *«иначе, как постепенно вырабатывая, в тяжёлой гражданской войне вырабатывая новую армию, новую дисциплину, новую военную организацию нового класса»*².

Драматизму ситуации не отвечал и характер руководства вооружёнными силами. Из-за острых разногласий между наркомом-социалистом Й. Поганем и его замами-коммунистами Т. Самуэли и Б. Санто, пришлось создать коллегию из троих коммунистов (Б. Кун, Б. Санто, Ф. Фидлер) и двоих социал-демократов (В. Бём, Й. Хаубрих), которая и возглавила формирование новой военной организации. Коллегия направляла в армию добровольцев, назначала политических комиссаров, контролировала деятельность старых офицеров, организовывала курсы по подготовке красных командиров, принимала меры к укреплению дисциплины, учреждала военные трибуналы. Она же руководила организацией резервов – полков из заводских рабочих и интернациональных батальонов из иностранных граждан, находившихся по

¹ Ленин В.И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме / ПСС. – Т. 41. – С. 81.

² Ленин В.И. Пролетарская революция и ренегат Каутский / ПСС. – Т. 37. – С. 295.

разным причинам на территории Венгрии и решивших защищать власть трудящихся. Первое время коллегия руководила и военными операциями, хотя главнокомандующим был назначен В. Бём. Лучше обстояло дело с генеральным штабом ВКА, где начальником был назначен полковник старой армии А. Штромфельд, сразу принявший Советскую власть и проявивший себя как талантливый военачальник. Но лишь 21 апреля, после начала войны, было образовано командование Восточной армии, и только 6 мая – общее командование ВКА.

Времени на организацию новой армии республике не дали. Уже 16 апреля Антанта двинула против неё свою главную в регионе силу – румынские войска. Правда, королевская армия Бухареста не могла похвастаться высокими боевыми качествами. Набранный из самого нищего в Европе безграмотного крестьянства, задавленного полукрепостническим гнётом бояр (так до XX века именовали себя румынские землевладельцы, лишь в прошлом столетии сменившие средневековый гардероб – шубы и горлатные шапки – на общеевропейский) и помнившего массовые расстрелы голодающих бунтарей в 1907 г.; разбавленная молодёжью, наспех мобилизованной в только что присоединённой Трансильвании, – такая армия в войне с серьёзно организованным противником обрекалась на разгром. Но Антанте выбирать не приходилось: свои солдаты воевать не хотели, чехословацкая армия находилась в стадии организации, руки сербохорватских правителей связывали революционные выступления в тылу и пограничные конфликты со всеми соседями. Оставалось делать главный расчёт на слабость организованного отпора, саботаж и прямую измену.

К началу оборонительной войны ВКА насчитывала 73 батальона (25 тыс. штыков) и 34 артиллерийских батареи. Против 15 дивизий и 6 бригад интервентов ВСР располагала всего 7 дивизиями и 1 бригадой, находившимися в стадии формирования; противник втрое превосходил ВКА численно, имел перевес и в технической оснащённости. С первых же дней началось беспорядочное отступление. Дивизия, набранная из трансильванских секеев, капитулировала, открыв фронт; хватало и других случаев предательства. История лишней раз доказала, что с одним патриотическим настроением, не подкреплённым единством воли и прочной организацией, не обеспечить не только победы, но и крепкой обороны. К началу мая румынские интервенты, действовавшие заодно с мадьярскими контрреволюционерами, захватили почти половину урезанной Антантой территории Венгрии, выйдя на реку Тиса.

Кольцо вокруг республики сжималось. 27 апреля не упустить своей доли добычи решились белочехи; нарушив демаркационную линию, они оккупировали часть Закарпатья и венгерских земель с городом Мишкольцем. На юге расширили зону оккупации французские интервенты. Фронт придвинулся к Будапешту на 150 км на юге, на 100 – на востоке и на 60 – на северо-западе.

В эти грозные дни социал-центристская часть ВСП впадала в паническое пораженчество. Легче всего предположить с её стороны изначальную враждебность диктатуре пролетариата, но в таком случае компромисс 21 марта вряд ли бы состоялся. Думается, дело обстояло сложнее: с началом войны, развязанной ставленниками Антанты, рухнула основа политического мироощущения социал-центристов, всего три недели назад побудившая их к союзу с коммунистами, – установка на мирный путь «социализации» заодно со всеми «цивилизованными странами». Они совершенно не были готовы, говоря словами Ленина, «к самой быст-

рой и неожиданной смене» одной формы борьбы другою, «если независимые от нашей воли перемены в положении других классов выдвинут на очередь дня такую форму деятельности, в которой мы особенно слабы»¹.

Вместо чаемого ими спасения «малой кровью», измененная войной страна, несмотря на все уступки и мирные предложения, на все связи эсдеков с западными единомышленниками, получила новую неравную схватку в кольце блокады. Ощущение одиночества и обречённости усиливалось падением Баварской Советской республики, а главное, разочарованием в ожидании скорой помощи с востока; положение самой Советской России многим на Западе представлялось безнадежным. Сказывался и тяжкий исторический опыт Венгрии, не раз проигрывавшей неравные бои и вынужденной выживать под чужеземным игом. При таких условиях сражаться до конца могли только самые последовательные из пролетарских революционеров, ставившие приоритеты интернациональной классовой борьбы выше узконациональных.

Пока Будапешт, одевшись в красный наряд, праздновал Первомай, главнокомандующий В. Бём самовольно отдал приказ прекратить боевые действия. В ночь на 2 мая он доложил РПС: румыны будто бы перешли уже Тису, оборона столицы невозможна, пора посылать парламентарёв с белым флагом. Социал-центристы предлагали правительству подать в отставку. Паникёрам дали отпор Т. Самуэли, Б. Санто, Е. Ландлер. На сей раз капитуляция не прошла; было решено, что РПС продолжает действовать и организует оборону.

2 мая на заседании Будапештского Совета Б. Кун изложил обе линии, защищая позицию коммунистов: «бороться до тех пор, пока может стрелять хоть одна винтовка». Левые социалисты согласились с коммунистами. Никто из капитулянтов не решился выйти на трибуну.

На следующий день газеты опубликовали решение РПС: «Для спасения диктатуры пролетариата издаётся приказ о всеобщей мобилизации пролетариата. Каждый обученный военному делу пролетарий обязан немедленно явиться для несения службы на фронте. Все необученные военному делу рабочие зачисляются в учебные батальоны или обязаны выполнять работы по созданию оборонительных сооружений. Призываем пролетариат до конца выполнить свой долг!»² Б. Кун, Т. Самуэли и другие руководители отправились на заводы и фабрики разъяснять положение и организовывать запись в армию.

Война была объявлена отечественной, и теперь это соответствовало действительности. Отклик народа, «не желавшего», по уверениям капитулянтов и павших духом, защищать свою власть, превзошёл все ожидания. Множество молодых рабочих и студентов записывалось в новые батальоны и полки. Хотя правительство призывало только рабочих от 18 до 45 лет, заводские собрания повышали порог до 50 лет. Одна из газет опубликовала письмо 56-летнего железнодорожника, возмущённого отказом зачислить его в армию: «У меня такое ощущение, будто мне дали пощёчину. Я настаиваю, чтобы меня направили в артиллерию, и прошу принять всех желающих служить в армии, если даже им исполнилось 50 лет. Теперь мы знаем, за что надо бороться, не то, что в 14-м году». За несколько дней

¹ Ленин В.И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме / ПСС. – Т. 41. – С. 81.

² Нежинский Л.Н. 133 дня 1919 года. – С. 232.

было сформировано более 20 батальонов, ВКА пополнили 90 тысяч преданных революции бойцов¹.

Реорганизованная ВКА стала немалой силой. Её численный состав достигал 280 тысяч. На фронтах действовали три армейских корпуса, имелся значительный резерв. Части, сформированные из рабочих и крестьян – бывших фронтовиков, отличались боевым опытом и высоким моральным духом. Армия теперь была хорошо вооружена, оснащена артиллерией, имела самолеты отечественного производства. На многих командных должностях предателей, трусов и случайных лиц сменили убежденные патриоты, верные трудовому народу. В Бём был снят с поста главкома. В июне 1919 г. Съезд Советов утратил наркомом военных дел коммуниста Б. Санто.

Боевой славой покрыли себя интернациональные воинские части. В рядах 80-й бригады на северном направлении доблестно сражался русский батальон под командованием К.В. Каблукова, сформированный большей частью из бывших пленных. В венгерской Красной Армии были также австрийские, польские, украинские, чехословацкие, болгарские, румынские, югославские, итальянские формирования.

В течение мая на фронтах наступил перелом. Все попытки румын и примкнувших к ним контрреволюционеров перейти Тису были отбиты. На северном фронте, самом близком к столице, ВКА перешла в решительное наступление. 21 мая 1-я рабочая дивизия освободила Мишкольц, а через 10 дней белочешские части с позором откатились за демаркационную линию. Друзья и враги убеждались: армия и народ красной Венгрии способны постоять за себя.

11. Как разжать тиски блокады?

Общим местом антикоммунистической и ревизионистской пропаганды всегда был следующий тезис: если красная Венгрия как таковая и не чисто «московский продукт», то вся внешняя и военная политика её, как и Советской России, ориентировалась исключительно на «экспорт революции» в европейском и мировом масштабе. Этим оправдывалась интервенция империалистических держав против обеих Советских республик, росчерком пера превращаемая из агрессии в целях экспорта контрреволюции и передела мира в вынужденную самооборону. Этим же нетрудно «объяснить» поражение Советской Венгрии. Нехитрый пропагандистский приём рассчитан на национально-ограниченное сознание обывателя, которому внушают, будто в едином взаимосвязанном мире всё может и должно делаться «домашними средствами», а любая взаимопомощь передовых классов есть недопустимый «экспорт революции».

На самом деле об «экспорте» любого политического явления правомерно говорить лишь в том случае, если оно до того слабо внутренне (подобно российской или венгерской контрреволюции на начальных этапах), что без насильственного навязывания извне, причём превосходящими силами и вопреки воле большинства, не имело бы никаких перспектив.

При объективном рассмотрении международного и внутреннего положения большинства стран становится очевидным, что, по меньшей мере с 1914 г. по начало 20-х гг., фактом была европейская, если не мировая, предреволюционная ситуация, которую не требовалось ни экспортировать, ни импортировать. Главными её виновниками – поскольку о таковых вообще можно гово-

рить применительно к объективному историческому процессу – выступали империалисты всех стран, жестоко подавлявшие все проявления социального протеста и втянувшие народы в кровавый передел мира.

Порождённые этой общей причиной, имевшие общую классовую основу, революционные движения разных стран не могли не тянуться навстречу друг другу, не стремиться противопоставить союзу угнетателей своё боевое единство. Пытаться произвольно развести классовую борьбу по национальным квартирам, осуждая любую взаимопомощь как нечто недозволенное, – значит подменять историческую реальность реакционной утопией.

Реальная проблема, извращаемая и затемняемая видимостью «экспорта революции», состоит в следующем. Из объективно сложившейся при капитализме международной взаимосвязи ни одной стране невозможно вырваться волевым усилием. Современные производительные силы для своего сохранения, не говоря уже о развитии, требуют определённого масштаба международных связей. Чем страна меньше по размерам, чем глубже включена в международное разделение труда, чем ближе расположена к экономическим и военно-политическим центрам мировой капиталистической системы, тем скорее она сталкивается с этим объективным ограничителем «волеизъявления нации». Прогрессивный выход здесь единственный – согласованными усилиями формировать международную среду, адекватную национальному и социальному освобождению или, по крайней мере, совместимую с ним.

Мало перед кем данный императив вставал так быстро и грозно, как перед ВСР. Одним из его показателей стало то обстоятельство, что первым лицом государства все 133 дня фактически выступал Б. Кун, совмещавший высший партийный пост с должностью наркома иностранных дел.

Рассуждая отвлечённо, проблему прекращения блокады и интервенции Советская Венгрия, как и Советская Россия, могла решить двумя путями. Один, компромиссный, состоял в том, чтобы прийти к политико-дипломатическому соглашению с Антантой о вхождении советских республик в послевоенное мироустройство. Другой, революционный, – в том, чтобы общими усилиями народов под руководством организованного пролетариата сорвать несправедливый империалистический мир и прийти к качественно иному, демократическому миру между равноправными нациями.

Данная альтернатива представляется обывательскому сознанию выбором между «синицей в руках» и «журавлём в небе». Постулат утопичности самой идеи всемирной пролетарской революции, будто бы навязанной народам коммунистами либо троцкистами и прочими ультралевыми, кажется многим нашим современникам самоочевидным. Они неосознанно проецируют образ мира, каким он стал после поражений революций XX века, на кульминацию величайшей революционной эпохи. Постараемся, однако, взглянуть на мир, в котором жила и боролась Венгерская Коммуна, без шор обывательщины и тёмных очков антикоммунизма. В коммунистическом движении была хорошая традиция, ныне почти забытая, – предпосылать рассмотрению вопросов национального масштаба аналитический обзор международной обстановки. Последуем этому правилу, памятуя, что при взаимном переходе противоположностей, закономерном для кризисных времен, выбор «синицы» может оказаться утопичнее охоты на «журавля».

¹ Там же. – С. 233-234.

Международные отношения 1919 г. определялись подведением итогов Первой мировой войны в борьбе классов антагонистических сил, явивших человечеству противоположные пути её завершения. Советской России и её союзникам, воплощавшим революционную альтернативу, противостоял блок держав Антанты, стремившихся политико-дипломатически закрепить военную победу. Задававшая тон на Парижской мирной конференции «большая четвёрка» на деле превращалась в «тройку» – Великобритания, Североамериканские Соединенные Штаты и Франция мало считались с не столь сильной Италией. До середины года конференция буксовала из-за глубоких противоречий, порождаемых как столкновением империалистических интересов, так и напряжённым внутриполитическим положением каждой из держав.

Вашингтон, ставший из должника Европы её кредитором и склонивший чашу весов в конце войны в пользу Антанты, не мог ещё подкрепить экономическое доминирование военно-политическим. Возможности его вмешательства в европейские дела ограничивались острыми противоречиями с Японией на Тихом океане, революционным брожением в соседней Мексике. Всё громче заявлял свои требования пролетариат САСШ под руководством революционной организации «Индустриальные рабочие мира» и левых социалистов. Правящий класс раскололся на предшественников «атлантизма» во главе с президентом В. Вильсоном и так называемых «изоляционистов» – предтеч нынешней риторики Трампа и его присных.

Великобритания переживала подъём рабочего движения, руководимого новыми массовыми тред-юнионами – коллективными членами Лейбористской партии – и радикально настроенными комитетами предприятий. Пламя национально-освободительной борьбы разгоралось в соседней Ирландии и начинало охватывать другие колонии.

Во Франции режим военной диктатуры, де-факто установленный Ж. Клемансо в ноябре 1917 г., не мог справиться с рабочими выступлениями против интервенции в России и Венгрии. Солдаты, сытые по горло войной, требовали возвращения на родину. Дело дошло до восстания моряков черноморской эскадры, грозно напомнившего предвестники революций в России, Германии и Австро-Венгрии.

Италия уже находилась на грани взрыва. 10 апреля Римскую провинцию охватила всеобщая политическая забастовка против правительства и в память жертв берлинского января 1919 г. Батраки юга занимали необрабатываемые земли латифундий. Весной 1919 г. заявили о себе оба политических полюса, которым предстояло решать судьбу страны, – коммунистическая группа А. Грамши и фашисты Б. Муссолини.

Революция стучалась в двери Испании. В стране, избежавшей участия в войне, но страдавшей от нищеты и дороговизны, левые социалисты и активисты профсоюзов жадно ловили известия из России. 24 марта индустриальная Барселона вышла на всеобщую забастовку. В Мадриде, охваченном массовыми волнениями, власти ввели военное положение.

Если так обстояло дело в державах-победительницах и нейтральных странах, то на руинах империй «центрального блока» пролетарская революция была уже фактом и вопрос стоял лишь о её исходе. В Германии даже расправы, учинённые в январе и марте 1919 г. над рабочими Берлина, не могли погасить её пламя. Пролетарские выступления сотрясали Рур, Бре-

мен, Брауншвейг, Саксонию, Силезию. Во многих германских землях социал-центристам приходилось, следуя настроениям рабочих масс, принимать лозунг Советской власти. В Австрии рабочее движение, создавшее Советы и добившееся республики, также заставляло правящих социал-демократов с собой считаться; удерживать пролетариат от революционных действий удавалось лишь угрозой интервенции.

Ощущая реальную опасность для своего господства, империализм Антанты прибегал к почти единственному на тот момент резерву – переключению всей ответственности за ненавистную народам войну на побеждённые в ней страны и вышедшую из неё Советскую Россию. Империалистический мир должен был довершить дело империалистической войны – лишить европейский и североамериканский пролетариат, потенциально способный овладеть самыми передовыми в тогдашнем мире производительными силами, его главных преимуществ – интернациональной организованности и интернационалистского сознания.

Однако и державы Антанты не были едины в вопросе обращения с побеждёнными странами. Лондон и Вашингтон рассчитывали сохранить Германию в качестве подчинённого союзника – противовеса Советской России. Правители экономически менее сильной Франции стремились максимально ослабить конкурентов, обложив Германию и её бывших союзников разорительной «данью» и окружив, как и Советскую Россию, кордоном вассальных Антанте «национальных» государств.

До середины 1919 г. никому не было ясно, как далеко зайдут «победители» в расправе над народами, свергнувшими виновников войны. Подобная бесцеремонность всегда чревата обратным результатом. Антантовский план расчленения Венгрии восприняли в Австрии и Германии как грозное предостережение. Опасения усилило жёсткое вето Антанты на попытку Австрийской Республики прощупать возможность объединения с республиканской Германией.

Внутренние и международные позиции Советской России к началу 1919 г. значительно укрепились благодаря победам Красной Армии, разгрому контрреволюционных заговоров и мятежей, а также революциям в Австро-Венгрии и Германии, вдохновлённым примером Октября. Аннулирование Брестского договора и выступления трудящихся, поддержанные российской Красной Армией, дали начало целой семье Советских республик: Украинской, Латвийской, Литовско-Белорусской. Прямая интервенция Антанты обернулась поражением; для эвакуации из Одессы французскому командованию пришлось просить у красных перемирия. На Дону был разгромлен режим белоказачьего сепаратиста Краснова, от Волги отброшены белочешские мятежники. «Демократическая» контрреволюция потерпела крушение. Временно подпереть антисоветский лагерь удалось путём установления на востоке и юге России военных диктатур Колчака и Деникина. Но ни локальные удары, нанесённые ими красным в Прикамье и на Северном Кавказе, ни разгул террора в тылу не могли компенсировать сужение социально-политической базы, предвещавшее «белому движению» скорый крах.

Однако обстановка на фронтах, при всей важности, – лишь часть военно-политического «уравнения». Антанта, не имея возможности добиться своих целей оружием, сжимала кольцо экономической блокады. Советская Россия, отрезанная от главных источников хлеба, угля и нефти, испытывала величайшие страдания. Подлинным

драматизмом дышат слова написанной Лениным резолюции чрезвычайного заседания Пленума Моссовета: **«Советская республика в тяжёлой и славной борьбе, которую она ведёт впереди всех народов, вступает в самый тяжёлый период своей жизни. Наступающие месяцы будут месяцами кризиса. Антанта делает последние отчаянные попытки раздавить нас оружием. Продовольственное положение в высокой степени обостряется. Транспорт тяжело разрушен. Только крайнее напряжение сил может спасти нас»**¹.

В противоречивой реальности первых советских лет, наряду с самоотверженным героизмом передовых отрядов революции, фактом колебания не только мелкохозяйских и деклассированных слоев, но и части рабочих. В народе нарастала усталость от многолетних войн и блокады. Проявления растерянности по-своему отражало и пыталось эксплуатировать охвостье мелкобуржуазных партий. В той же резолюции им дана нелюбимая оценка: **«Безумцы и авантюристы, называющие себя меньшевиками, левыми и правыми эсерами, на словах примыкая к Советской власти и протестуя против военного вмешательства Антанты, агитируют за стачки или за уступки свободной торговле, или за прекращение гражданской войны, забывая, что мы предложили всем мир и что наша война – справедливая, законная, неизбежная оборона»**².

Как обычно в подобных ситуациях, империалистические силы прибегали к коварному оружию – «мирным инициативам», призванным достичь целей интервенции обходным путем.

22 января 1919 г. – через неделю после разгрома революционных сил Берлина и убийства их вождей – президент САСШ В. Вильсон от имени Антанты обратился «ко всем правительствам России» с предложением о перемирии на условиях сохранения занимаемых территорий. С целью «соглашения или примирения» сторонам конфликта предлагалась мирная конференция на Принцевых островах близ Константинополя – в зоне оккупации Антанты. Ленин расценил «инициативу» Вильсона как расчет **«закрепить за собой Сибирь и часть Юга»**³, навязать Советской России **«мир чрезвычайно насильнического характера»**⁴. Тем не менее СНК РСФСР, в противоположность белым «правительствам», согласился на мирные переговоры, но ответа Антанты не получил.

В начале марта Вашингтон и Лондон прислали в Москву американского дипломата У. Буллита. Тому удалось согласовать проект мирных предложений, на которые РСФСР соглашалась при условии официального представления до 10 апреля. В обмен на вывод войск интервентов, прекращение военной помощи белым и отмену экономической блокады предполагалось сохранение всех «правительств» и признание финансовых обязательств перед иностранными державами и гражданами. Предусматривались также свобода въезда российских граждан на Запад и иностранных – в Россию, обмен пленными и освобождение всех политзаключённых.

¹ Ленин В.И. Чрезвычайное заседание Пленума Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов: Резолюция по докладу о внешнем и внутреннем положении Советской республики / ПСС. – Т. 38. – С. 265.

² Там же.

³ Ленин В.И. Телеграмма Л.Д. Троцкому. 24 января 1919 г. / ПСС. – Т. 50. – С. 247.

⁴ Ленин В.И. VIII съезд РКП (б): Отчет Центрального Комитета 18 марта / ПСС. – Т. 38. – С. 134.

Как сами условия, так и факт их предварительного принятия советской стороной вызывают сегодня неоднозначное отношение. С трудом верится, что таким путем удалось бы разжать тиски блокады, спасти жертв белого террора; зато антисоветской «оппозиции» в РСФСР обеспечивалась легализация. Нельзя, думается, недооценивать и моральные потери. Поверившие в Советскую власть рабочие и крестьяне, принявшие её правду военные и интеллигенты были бы, по меньшей мере, дезориентированы закреплением раздела родины, безнаказанностью виновников белого террора. Для упрочения позиций социалистического Отечества было бы логичнее отвергнуть любое вмешательство империалистов в его внутренние дела. Этот вывод, на мой взгляд, подтверждается как последующим историческим опытом, так и финалом самой миссии.

В итоге Лондон и Вашингтон ничего Москве не представили, дезавуировав своего посланца. Срыв «мирной инициативы» объясняют наступлением Колчака. Однако до назначенной даты произошло ещё одно важное событие – установление Советской власти в Венгрии, спутавшее Антанте карты. Л. Франше д'Эспере, командующий черноморским десантом, в мемуарах констатировал, что революция в Будапеште расстроила план военных действий против Советской России. Парижская «Тан» открыто признавала: **«В тот момент, когда мы пригласили Ленина на Принцевы острова, мы собирались с ним разговаривать как с побеждённым; после же эвакуации Одессы и после венгерской революции мы должны с ним разговаривать как с победителем»**⁵. Такого разговора в западных столицах не могли себе позволить.

Уже своим рождением Венгерская Советская Республика серьёзно препятствовала продвижению планов как военного, так и «мирного» удушения Советской России. Но это не гарантировало ВСР от столь же коварной ловушки, последствия которой на её примере видны с исчерпывающей полнотой.

24 марта Революционный Правительственный Совет информировал Парижскую мирную конференцию, что стремится жить в мире со всеми нациями, считает подписанное правительством Каройи перемирие действительным и готов обсудить все территориальные вопросы. На этот призыв к миру Антанты ответила экономической блокадой, не скрывая намерения покончить с венгерскими Советами. Лишь в плане методов «большая четверка» не была едина: официальный Париж уповал на интервенцию; в Лондоне, Вашингтоне и Риме предпочитали «мягкий» подрыв изнутри.

С дипломатической миссией в Будапешт послали собрата Буллита – южноафриканского генерала Я.Х. Смэтса, имевшего в подобных делах опыт: 17 лет назад он подписывал капитуляцию буров перед англичанами. 4 апреля Смэтс вручил Б. Куну новый вариант ноты Викса, где при формальном смягчении условий сохранялось главное – размещение в «нейтральной» зоне между Венгрией и Румынией войск западных держав. За это Антанта обещала снятие блокады и мирный договор. В ответной ноте РПС выражал согласие при условии отхода румын за нарушенную ими демаркационную линию Антанты, сохранения в «нейтральной зоне» законов ВСР, прекращения антирабочих репрессий на оккупированных территориях. ВСР предлагала созвать конференцию стран региона, чтобы обсудить

⁵ См.: Нежинский Л.Н. 133 дня 1919 года: Советская Россия и Венгерская Советская республика. – М.: ИПН, 1989. – С. 130-131.

«не только вопрос о границах, но и все вопросы экономического характера». Подчёркивалось, что правительство принимает все меры к охране иностранных подданных, их имущества и собственности¹.

Поспешив расценить миссию Смэтса как успех, Б. Кун заявил прессе: *«Переговоры протекают самым дружественным образом. Имеется полная надежда, что со стороны Антанты не предполагается никакого враждебного нападения на Венгерскую Советскую республику»*². Однако ноту Будапешта, открывавшую возможность серьёзных переговоров, Смэтс отверг. Посоветовавшись с некоторыми членами РПС, не имевшими на то санкции руководства, генерал сделал вывод о возможности свержения Советской власти мирным путём. Эти беседы, несомненно, внесли вклад в подготовку контрреволюции. Но для реализации её мирного варианта условия не созрели – это отчасти произойдёт примерно через четыре месяца, а в полной мере лишь через 70 лет.

В непосредственном плане миссия Смэтса послужила прикрытием для интервенции, развязанной руками румын и чехословаков уже спустя считанные дни. Вторжение, подготовленное и направляемое французским военным командованием, было молчаливо одобрено всей Антантой. Напрасны оказались и ожидания мирных инициатив западной социал-демократии: «жёлтый Интернационал» не осудил интервенцию ни единым словом. Таким образом, расчёт руководства ВСР и лично Б. Куна использовать межимпериалистические противоречия для мирного снятия блокады и предотвращения интервенции в целом не оправдался.

Многие современники сравнивали миссии Буллита и Смэтса с Брестским миром. Как видится с исторической дистанции, эта аналогия не имела под собой почвы, выдавая желаемое за действительное. Брестский договор заключался на финальном этапе Первой мировой войны с государствами, терпевшими в ней поражение и не меньше России заинтересованными в мире. Поэтому он и был, во-первых, реален, во-вторых, заведомо недолговечен, в-третьих, при всей тяжести условий не особенно опасен для советского строя. Напротив, в 1919 г. РСФСР и ВСР имели дело с блоком империалистических держав-победительниц, стремившихся к одному – *«задушить в колыбели»* (У. Черчилль) младенца Революции – и не заинтересованных в серьёзных договорённостях, пока не убедятся, что младенец способен, подобно Гераклу, одолеть подосланных змей.

Данное различие усугублялось другим, более фундаментальным. Страны германского блока год назад уже вступали в революционную ситуацию, что служило существенной предпосылкой их «миролюбия». С позиции большевиков, Брестский мир призван был обеспечить – и действительно во многом обеспечил – не только спасение Советской России, но и «дозревание» революции в странах, с которыми заключался. При этом предстоявшая им революция – сознавали это участники событий или нет – по непосредственным задачам была буржуазно-демократической, а потому в принципе приемлемой для «партии мира» правящего класса.

В странах Антанты в 1919 г. революционная ситуация лишь намечалась; её вызревание купировалось победой в мировой войне, «наказанием» и ограблением побеждённых стран. Одно существование красной Венгрии подрывало эти расчёты, грозя выпустить на волю «демона» ре-

волюции. Причём, в отличие от прошлогодней перспективы центральных держав, революция обещала стать не буржуазной, а антиимпериалистической, в тенденции – пролетарско-социалистической. В данных условиях компромисс с Советской Венгрией вряд ли был совместим с выживанием империалистической системы как таковой, поэтому всерьёз рассчитывать на него не имело смысла.

Показательно, что сами лидеры Антанты рассматривали события в Венгрии и вокруг неё именно в аспекте международной контрреволюционной стратегии. 22 марта личный представитель президента США полковник Э.М. Хауз записал в дневнике: *«Большевизм повсюду завоёвывает новые позиции. Только что поддалась Венгрия. Мы сидим на пороховом погребе, и в один прекрасный день какая-нибудь искра взорвёт его»*³. 26 марта глава французского МИД призвал совместно «преградить путь большевизму». В тот же день госсекретарь Р. Лансинг обратился к В. Вильсону с предложением срочных мер против «беспорядков». Согласно американским источникам, президент был «сильно обеспокоен». В связи с венгерской революцией было приостановлено.

В этих условиях разомкнуть удушающее кольцо блокады можно было только посредством стратегической победы над империалистической реакцией. Не требуется доказывать, что для такой победы сил одной ВСР было недостаточно. Эта возможность решающим образом зависела от международных факторов намного большего масштаба. Во-первых – от наличия в других странах Европы внутреннего потенциала пролетарской революции. Во-вторых – от соединения военных, экономических и политических сил советских республик, прежде всего Российской и Венгерской. В-третьих – от фактора времени, ибо должно было быть ясно, что в случае промедления империалистический противник не преминет мобилизовать резервы, превосходящие возможности революционного лагеря, и соотношение сил изменится в неблагоприятную сторону.

12. «Открыто водружённое знамя»

В 1875 г., давая критический анализ Готской программы германской социал-демократии, Ф. Энгельс писал: *«Вообще официальная программа партии имеет меньшее значение, чем то, что партия делает в действительности. Но все же НОВАЯ программа всегда представляет собой открыто водружённое знамя, и внешний мир судит о партии по этому знамени»*⁴.

Думается, что основная идея, выраженная в этих словах, применима не только к «новой программе» серьёзной партии, но и к восприятию в мире исторически нового содержания подлинной революции.

В чём состояла особая притягательность «знамени» венгерских Советов? Почему один только образ небольшой, осаждённой со всех сторон, республики настолько страшил её могущественных врагов?

На эти вопросы мы уже старались ответить в аспекте психологического сродства «мирного» и компромиссного старта Венгерской Коммуны с социально-политической культурой большинства стран Европы. Коснёмся теперь другого аспекта проблемы – международного.

Революционизирующий потенциал ВСР во многом определялся одной из предпосылок интернационального пролетарского действия, без учёта которой не понять

¹ См. там же. – С. 224.

² Цит. по: Нежинский Л.Н. 133 дня 1919 года. – С. 222.

³ См. там же. – С. 129.

⁴ Энгельс Ф. Письмо А. Бебелю. Лондон, 18-28 марта 1875 г. / Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. – Т. 19. – С. 6.

своеобразия исторической ситуации второго десятилетия XX века.

С конца предыдущего столетия до 1914 г. ядро рабочего класса большинства индустриальных стран, воплощавшее собою комплекс передовых производительных сил человечества, охватывалось единой – если не в плане централизованной организации и дисциплины, то по общим идейно-политическим ориентирам – партийной и профсоюзной структурой, оформившейся под эгидой II Интернационала. При всей исторической ограниченности, вскрытой началом революционной эпохи, эта организация по потенциальным возможностям была далеко не чета дезорганизующей бесструктурности тогдашнего анархизма или большей части сегодняшних «левых».

Хотя правящему классу удалось взять массовую рабочую организацию под контроль через посредство соглашательской верхушки, а затем расколоть Первой мировой войной, но в послевоенных условиях революционного подъёма она могла возродиться на новой, антиимпериалистической, основе. Именно такую перспективу воочию показывала Венгрия. Притягательность её примера усиливалась тем, что массовые рабочие партии и профцентры большинства капиталистических стран во многом напоминали предреволюционную СДПВ и её профсоюзную базу. Правые социал-реформисты почти повсюду находились в обороне; нарастало влияние социал-центристов, рабочие низы всё больше шли за левыми.

Неудивительно, что очень многие в Европе внимательно присматривались к венгерскому опыту слияния классовой революционности пролетариата, демократических устремлений широких трудовых слоёв и массовых установак национального спасения. Последовав примеру Венгрии, другие страны, в первую очередь находившиеся в сходном с ней положении Австрия и Германия, могли бы создать рабочие правительства на широкой социальнополитической базе. Это открывало возможность, совместно с Советской Россией и при поддержке международного рабочего движения, перечеркнуть империалистические планы передела мира. Уже постфактум В.И. Ленин писал о брезжившем в первой половине 1919 г. шансе, чётко обозначая его условия: **«когда ещё не была свергнута Советская власть в Венгрии, когда ещё не исключена была возможность помощи со стороны советской революции в Вене для поддержки Советской Венгрии»**¹.

Политико-психологическое притяжение красного знамени, водружённого Венгерской революцией в центре Европы, не могло не послужить одной из причин перемещения центра Германской революции в Баварию – ближайшую к Австрии и Венгрии из немецких земель.

В апреле 1919 г. в Мюнхене возникла Баварская Советская республика. Весь её путь, увы, недолгий – менее месяца, – отмечен неоспоримым влиянием Советской Венгрии. Черты общности и различия между ними подтверждают ту же закономерность, что и сопоставление венгерского опыта с российским: следующая по времени революция, стоя «на плечах» предшественницы, быстрее неё проходит аналогичные этапы социально-классовой организации и политического размежевания, двигаясь, часто помимо воли лидеров, к неотвратимой схватке противостоящих классов.

Как мы видели, социальной базой Советской власти в Венгрии выступала широкая организация «снизу» городского и сельского пролетариата, а важнейшей политической предпосылкой – быстрый рост влияния коммунистов, побудивший социал-демократов, кроме горстки правых, пойти на объединение рабочих партий на коммунистической платформе. По сравнению с этим, в Баварии комитет Компартии Германии во главе со спартакковцем Евгением Левине, вернувшимся из Советской России – ещё одна параллель с Венгрией – и прошедшим берлинские бои января 1919 г., к началу кризиса только разворачивал работу в массах. Социал-демократия, контролировавшая профсоюзы и Советы, была в отличие от венгерской уже расколота на соглашательскую Социал-демократическую партию Германии (СДПГ), правившую в общегерманском и баварском масштабе, и левоцентристскую Независимую социал-демократическую партию Германии (НСДПГ). Им обеим, как ранее их мадьярским коллегам, непосредственно угрожала ультраправая реакция, что показало убийство популярного лидера левоцентристов К. Эйслера.

Чувствуя растущую угрозу и имея перед глазами венгерский пример, обе партии эсдеков решили не дожидаться ни правого переворота, ни усиления коммунистов. Характерно, однако, что лидер независимцев Э. Толлер предъявил СДПГ требования, буквально списанные с условий, предъявленных СДПВ Б. Куном. Первым пунктом значилась **«диктатура пролетариата, сознающего свои классовые интересы»**, последним – **«заключение союза с советскими республиками России и Венгрии»**².

7 апреля обе партии эсдеков вкупе с анархистами – и вопреки коммунистам, считавшим подобный шаг авантюрой либо провокацией, – провозгласили в Мюнхене «советскую республику». Власть перешла к Временному центральному совету во главе с Толлером. За неделю правления «Советы без коммунистов» вполне проявили себя как подобие «народной республики» М. Каройи. Социалистическая программа оставалась на бумаге – горе-подражатели не имели ни массовой поддержки, ни надёжных кадров. Тем не менее правительства правых социал-демократов – бежавшее в Бамберг баварское, центральное в Берлине, правительства соседних земель – подвергли республику блокаде и принялись готовить её разгром, отказываясь от предложенных переговоров. В лагерь контрреволюции переметнулись правые эсдеки Мюнхена.

Агитация КПГ, предупреждавшей об отсутствии пока условий для Советской власти, возымела неожиданный результат: собрание фабрично-заводских советов и солдатских депутатов, выслушав доклад Е. Левине, потребовало настоящей диктатуры пролетариата с передачей власти коммунистам. Свидетельство Розы Левине, жены и товарища Евгения, помогает объяснить многое в судьбе не одной Баварии, но и Венгрии и других стран: **«Как только советская республика была объявлена, рабочий класс весь целиком повернулся лицом к коммунистам и стал искать у них спасения... Рабочие не подчинятся без сопротивления террору, который неизбежно наступит после поражения этой мнимо-советской республики. Если бы даже массам предложили сдать город без борьбы, какую пользу это могло бы принести? Контрреволюция знает, кто её злейшие враги, – именно нам она**

¹ Ленин В.И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме / ПСС. – Т. 41. – С. 60.

² Левине Р. Советская республика в Мюнхене. – М.: – Л., Госиздат, 1926. – С. 36-37.

будет мстить наиболее жестоко. **Остаётся только одно: провести меры для защиты пролетариата, организовать его вооружение, организовать его волю к борьбе**»¹.

Предпринятая 12 апреля попытка контрреволюционного переворота, натолкнувшись на всеобщую стачку и вооружённое сопротивление, бесславно провалилась. «Таким образом была создана **предпосылка для объявления советской республики: открытое, хотя и навязанное, восстание рабочих**»². Кабинет Толлера, подобно правительству Каройи, ушел в отставку. Но его глава, обещавший «своею кровью доказать свою любовь к пролетариату», получил пост в новом правительстве.

Аналогию с венгерским 21 марта продолжает позиция армии – «**все солдатские советы высказались за пролетарское правительство**»³, – что обусловило почти бескровный характер событий: погибло всего семь человек, почти все от рук путчистов. Самая же важная параллель – компромиссный характер смены власти: обе республики возглавил блок коммунистов с социал-центристами. При этом, несмотря на меньшее в целом, по сравнению с Венгрией, влияние компартии, её позиция в новом правящем блоке оказалась даже прочнее. Комитет действия, принявший 14 апреля власть, на две трети состоял из коммунистов, а Исполнительный совет ими возглавлялся. Данный сдвиг свидетельствует, насколько за неполный месяц продвинулась вперёд поляризация классовых сил, отнюдь не только в Баварии.

Пролетарская власть в БСР в ещё большей степени, чем в Венгрии, приближалась к Парижской Коммуне в том отношении, что она базировалась непосредственно на массовой организации рабочих и служащих. Впоследствии Е. Левине говорил на суде: «**Постановление о всеобщей стачке было принято единогласно представителями всех предприятий, включая и служащих: организации чиновников, почтовые чиновники – все принимали в этом участие... Никто из нас не был охвачен дурманом власти, никто не гнался за ней; мы получили её от рабочего класса Мюнхена. В течение двух недель он три раза принуждал нас сохранить свой мандат...**»⁴

За короткий срок деятельности правительство БСР национализировало банки, ввело рабочий контроль на предприятиях, повысило зарплату рабочим и служащим, приступило к решению продовольственного вопроса. У богатей изымали целые склады припрятанных продуктов; крестьянский совет округа Мюнхена выразил готовность совместно с правительством рабочих Советов обеспечить поставки. Пролетарской власти удалось на деле провести декретированное «Советами без коммунистов» разоружение буржуазии. Военная комиссия во главе с матросом Р. Энгельгофером приступила к формированию Красной Армии. Была создана чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией.

Как во всех революциях, буржуазная пресса без стеснения расписывала «ужасы террора». Однако в реальности блокированного города «**распоряжения клонились только к тому, чтобы всё население, без всяких различий, обеспечить жизненными припасами и всем необходимым, и чтобы личная неприкосновенность граждан не была нарушена; за грабежи была объявлена смертная**

казнь, реквизиции безмерно накопленных продуктовых запасов проводились таким образом (предъявление удостоверения с карточкой и т.п.), чтобы предупредить возможность злоупотреблений. Пролетариат ни в какой мере не пользовался оружием для актов мести против буржуазии. Известнейшие реакционеры не были даже арестованы. Немногочисленные аресты были произведены не за реакционный образ мыслей, а за направленные против правительства деяния»⁵.

На момент провозглашения БСР ситуация в Германии и международное положение казались её лидерам более чем благоприятными. Первой радиотелеграммой В.И. Ленину сообщили: мнимо-советская республика пала под напором контрреволюции, но её сменяет подлинная пролетарская диктатура. На третий день, обращаясь к собранию рабочих советов, Е. Левине говорил: «**В Саксонии – брожение, в Брауншвейге – объявлена советская республика... В Венгрии – советская республика. В Италии с надеждой и радостью взирают теперь на Баварию. Во Франции, Англии и Америке капиталисты не знают, что им делать, так как и там пролетариат проникся духом большевизма. Российская Советская республика – накануне признания Антантой, а угрозы по адресу Венгрии ещё не приведены в исполнение... Мы ждем и прислушиваемся к Востоку, Югу и Западу**»⁶.

Столь оптимистические оценки перекалились с настроением, владевшим в те дни многими в Будапеште, Киеве, Петрограде и Москве. В блокированном городе ещё не ведали, что накануне, 16 апреля, лидеры империалистических держав показали воочию, насколько они знают, «**что им делать**», и способны к международной координации усилий, причём с завидной оперативностью. Вне всякого сомнения, одной из главных причин интервенции, развязанной в тот день против Советской Венгрии, стало рождение два (!) дня назад её баварской сестры, ставившее западноевропейский капитализм перед непосредственной революционной угрозой.

Как ранее позитивный опыт ВСР придавал левым силам юга Германии вдохновляющий импульс, так и постигший Венгрию в последние недели апреля военнополитический кризис, обуявшая социал-центристов паника и готовность многих из них к капитуляции – всё это не могло не отозваться в красной Баварии. Очевидно, воздействие шло через австрийских эсдеков и германских независимцев, поддерживавших постоянные связи с венгерскими коллегами. Отягчающим фактором, безусловно, служила ограниченность территории и ресурсов БСР, в чём она мало отличалась от Парижской Коммуны, а с ВСР соотносилась примерно в такой же пропорции, как та – с Советской Россией. Р. Левине вспоминала: «**Страх перед блокадой, действие которой становилось постепенно ощутительным, страх перед превосходством сил стягиваемых войск и приближающимся решительным сражением – вызывал большое беспокойство и смятение. Всё, что было среди пролетариата половинчатого, стало искать средств, чтобы как-нибудь избежать решительного боя**»⁷.

Удар, обрушенный Антантой на красную Венгрию, имел конечной целью опрокинуть знамя пролетарской революции. Но была и ближайшая цель, на тот момент не менее важная: продемонстрировать европейским трудя-

¹ Там же. – С. 43-45.

² Там же. – С. 53.

³ Там же. – С. 61.

⁴ Там же. – С. 103-104.

⁵ Там же. – С. 68.

⁶ Там же. – С. 65-66.

⁷ Там же. – С. 73-74.

щимся, что установление диктатуры пролетариата, пусть самым мирным и компромиссным путем, неизбежно навлечёт на страну блокаду и военное нашествие. Немцам и австрийцам, только что пережившим затяжную войну и голодную блокаду, а затем совершившим революцию ради мира и хлеба, особенно тяжело было терять надежду на скорое облегчение жизни. Сражаться до конца могли только убеждённые и стойкие революционеры, составляющие, даже в рядах передового класса, меньшинство.

Перелом в военно-политическом положении резко обострил глубинное противоречие рабочего движения. В нём всегда уживались две формы приверженности социализму – условно говоря, «желудочная» и «идейная». Обе они обусловлены двойственностью общественного бытия пролетариата – как собственника-продавца товара «рабочая сила» и как производителя прибавочной стоимости, способного, при помощи марксистской науки, раскрыть сущность эксплуатации и восстать против неё. Во втором десятилетии XX века эти две формы социалистического сознания примерно совпадали с двумя идейно-политическими течениями – социал-центристским и коммунистическим. В Венгерской революции, а затем и в баварском очаге Германской, обоим течениям удалось выступить не без коллизий, но всё же совместно. Империалистический удар по Венгрии вбивал между ними клин, устраняя критическую для капитализма массу совокупного потенциала пролетариата. Независимо от того, в какой мере это осознавали политические стратеги Антанты, объективное содержание их действий было именно таково.

Возможно, если бы удар по ВСР почему-либо не состоялся или запоздал, пример баварских революционеров мог вызвать отклик, на который они рассчитывали, в других землях Германии, мучительно ожидавшей, как недавно Венгрия, приговора держав Антанты. Как знать, не сбылись бы слова Е. Левине: «Эберт, Носке и Шейдеман смогут ещё продержаться в течение нескольких недель – не более»¹. При таких условиях австрийское рабочее движение, несомненно, принудило бы свою социал-демократию к «левому повороту». В короткий срок мог оформиться блок рабочих правительств советского типа, способный вместе с Советской Россией противостоять империалистическому диктату.

Такая возможность, кому-то сегодня кажущаяся фантазмагорией, тогда вполне серьёзно взвешивалась не только в устранных призраком коммунизма столицах Запада, не только в Будапеште и Мюнхене, но и в красной Москве. Вот ленинские оценки тех стремительных дней. 3 апреля: «Мы имеем самые серьёзные шансы на победу не только в России, но и во всем мире»². 10-11 апреля: «Если принять во внимание, что в самой середине Европы имеются Советские республики и что рост советской формы становится неудержимым, то можно сказать без преувеличения, рассматривая положение совершенно трезво, что наша победа в международном масштабе обеспечена совершенно»³.

Увы, случилось то, что случилось. Удар, нанесённый Советской Венгрии, ослабил притягательность её при-

мера. Германский пролетариат, лишённый лучших вождей, отрезанный поражениями и репрессиями от своего коммунистического авангарда, шантажируемый угрозой новой войны и блокады, не смог откликнуться на призыв красной Баварии. Настроением обречённости республики – не только среди мюнхенских обывателей, но и в среде рабочего класса, не забывшего кровь парижского мая и берлинского января, – можно объяснить характер «передвижки власти» (В.И. Ленин) в Баварии. Показательно, что её кульминация с точностью до дня совпала с началом второго, чешского, вторжения в Венгрию.

Лидер НСДПГ Толлер забыл торжественные клятвы и открыл порученный ему фронт неприятелю. Во всём обвинили тех, кто мужественно сражался, – коммунистов. «Решающее собрание фабрично-заводских советов 27 апреля прошло под знаком бессильной злобы против создавшегося положения... Когда Левине потребовал немедленного запрещения буржуазных газет, очистки фабрично-заводских советов от буржуазных элементов, ареста в ту же ночь целого ряда известных контрреволюционеров, собрание испугалось и согласилось прибегнуть к голосованию, которое в результате дало вотум недоверия»⁴.

При этом большинство тех, кто голосовал за смещение коммунистов, субъективно не считали себя контрреволюционерами – они хотели только вернуть «Советы без коммунистов», рассчитывая избежать белого террора. Немалая часть рабочего класса была ещё настроена на сопротивление. В этой ситуации лидеры НСДПГ решили спрятаться за «волю пролетариата»: выдвинули в Комитет действия одних рабочих из фабрично-заводских советов, сами оставшись вне его.

За короткое время «чисто рабочий» Комитет успел вернуть прессе свободу антикоммунистической пропаганды, освободить арестованных контрреволюционеров, вернуть богачам то немногое, что было конфисковано. «Законным властям» предложили переговоры, но, как и раньше, получили отказ.

Как наступление интервентов и подготовка путча в Будапеште обеспечили почву для «передвижки власти» в Мюнхене, так баварский переворот послужил генеральной репетицией венгерского. Оба раза «демократическое» низложение диктатуры пролетариата не помогло удержать контрреволюцию «в рамках» – власти соглашателей в каждом случае хватало на несколько суток.

1 Мая, бросая демонстративный вызов рабочим и всем левым, каратели ворвались в Мюнхен. Ещё пять дней красные сражались на улицах. Последовало именно то, чего павшие духом тщились избежать: баварский пролетариат, вслед за парижским, чикагским и финляндским, получил свою «кровавую майскую неделю». Сотни пленных были расстреляны, Р. Энгельгофер замучен карателями. Над Е. Левине устроили показательный процесс. Политический характер судилища бросался в глаза: подсудимый убедительно опроверг обвинения, но его всё же приговорили к смерти. Казнь откладывали двое суток – ждали реакции рабочих. Когда стало известно, что стачек протеста нет, приговор привели в исполнение.

На суде Е. Левине сказал: «Мы, коммунисты, всегда в отпуску у смерти. Это я прекрасно сознаю. Я не знаю, продлите ли вы мне ещё мой отпуск, или я должен буду переселиться к Карлу Либкнехту и Розе Люксембург, – во всяком случае, я смотрю навстречу ва-

¹ Там же. – С. 65.

² Ленин В.И. Чрезвычайное заседание Пленума Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов 3 апреля 1919 г. Резолюция по докладу о внешнем и внутреннем положении Советской республики / ПСС. – Т. 38. – С. 246.

³ Ленин В.И. Доклад о задачах профессиональных союзов в связи с мобилизацией на Восточный фронт / ПСС. – Т. 38. – С. 279.

⁴ Левине Р. Советская республика в Мюнхене. – С. 75, 78.

шему приговору с самообладанием и внутренней гордостью... Мы все старались, по совести и по мере своих знаний, исполнить наш долг перед международной коммунистической мировой революцией»¹.

13. Прерванное рукопожатие

Весной-летом 1919 г. для Центральной Европы во многом повторилась, на иной классовой основе, стратегическая ситуация семидесятилетней давности. Как и в 1849 г., германская революция, потерпев поражение на севере страны, приняла отчаянный бой на юге. Как и тогда, знамя свободы высоко поднимала сражавшаяся Венгрия. Но имелось обнадёживающее отличие: Россия выступала теперь решающей силой не контрреволюционного, а революционного лагеря.

Было бы более чем странно, если бы российские и мадьярские коммунисты, проникнутые интернационалистским сознанием, связанные боевым братством на фронтах Гражданской войны, не стремились к качественно новым межгосударственным отношениям, к взаимопомощи в защите от общих врагов.

В Москве о победе венгерской революции узнали вечером 22 марта, в разгар работы VIII съезда РКП(б). Наутро «Правда» напечатала три послания коммунистов Венгрии российским товарищам. В радиোগрамме за подписью Б. Куна сообщалось об объединении рабочих партий и установлении диктатуры пролетариата: «Мы твёрдо решили защищать завоевания нашей революции до последней капли крови и бороться со всяким нападением на Венгерскую Советскую Республику. Вместе с тем мы заявляем о своей готовности и о своей воле как можно скорее заключить такой мир, который обеспечит жизненные интересы венгерского рабочего класса и мирное сожительство его со всеми народами мира, и в первую очередь нашими соседями»². Предвидя, что Антанты попытается задушить революцию, руководители ВСР призывали пролетариев мира не допустить вторжения или голодной блокады.

Другая радиোগрамма Б. Куна была направлена «Русскому Советскому правительству». Вслед за братским приветствием в ней говорилось: «Мы держим власть твёрдо в наших руках... Но нам теперь уже угрожает империализм Антанты. Ввиду этой грозной опасности весь рабочий класс Венгрии стоит за диктатуру пролетариата. Он просит вашей помощи против империалистических разбойников»³.

В «Правде» была напечатана и телеграмма члена ЦК КПВ Эрнё Пора. Ею ВСР предлагала российскому Советскому правительству «**оборонительный и наступательный союз**»⁴. Согласно позднейшим публикациям, был составлен проект договора, однако союзу, сложившемуся де-факто, не было суждено обрести документальное оформление.

Получив послания из Будапешта, В.И. Ленин срочно направил по радиотелеграфу ответ: «Искренний привет пролетарскому правительству Венгерской Советской республики и особенно т. Бела Куну. Ваше приветствие я передал съезду Российской коммунистической партии большевиков. Огромный энтузиазм. Решения московского конгресса III Коммунистического Интернационала, как и сообщение о военном положении, мы пошлем

вам как только возможно скоро. Безусловно, необходимо постоянное радиосообщение между Будапештом и Москвой»⁵. Как видим, и самый большой энтузиазм не сбивал Владимира Ильича с делового тона, чуждого спешных восторгов и непродуманных обещаний.

Вторая телеграмма, от имени VIII съезда РКП(б), отличалась митинговым характером: «Наш съезд убеждён в том, что недалеко то время, когда во всём мире победит коммунизм. Рабочий класс России всеми силами спешит к вам на помощь. Пролетариат всего мира с напряжённым вниманием следит за вашей дальнейшей борьбой и не позволит империалистам поднять руки на новую социалистическую республику»⁶. О распространённости в партийной среде настроения, названного позже «головокружением от успехов», свидетельствует и то, что под текстом, столь несвойственным стилю Владимира Ильича, поставлена его подпись.

Тот же тон преждевременного триумфа пронизывал обращения общественно-политических организаций РСФСР к венгерским товарищам, горячие речи на ответственных митингах, многие материалы прессы, где «флагманом» выступал главный редактор «Правды» Н.И. Бухарин. Понятна радость трудящихся, впервые после чёрных вестей из Берлина ощутивших, что Советская Россия не одинока и общая победа вполне возможна. В вышеупомянутой резолюции Моссовета, написанной Лениным, подчёркивалось: «Революция в Венгрии является окончательным доказательством быстрого роста советского движения в Европе и его грядущей победы. Мы имеем больше союзников во всех странах мира, чем сами предполагаем»⁷.

Однако ВСР, приступавшая к организации Советской власти во вражеском окружении, прежде всего сама нуждалась в поддержке. Обоим государствам срочно требовалась координация усилий с ясным пониманием своих возможностей.

Уже на другой день после рождения ВСР наркоминдел РСФСР Г.В. Чичерин радировал послание Б. Куну. Глава советской дипломатии особо подчеркнул «чрезвычайную ценность» нового союзника РСФСР в Европе. Вместе с тем он обрисовал сложность положения обеих республик, разделённых барьером международной контрреволюции: «Германия подчинилась воле Антанты и создала под руководством Гинденбурга новую армию (имеется в виду 6-й резервный корпус под командованием фон дер Гольца – А.Х.) в виде левого фланга против нас; польская армия является центром, а войска украинского Петлюры – правым флангом этой интернациональной армии»⁸.

Несомненно, слабейшее звено барьера составляли формирование украинских националистов. О степени деморализации петлюровцев, отличившихся в основном погромами и грабежами, свидетельствовало их паническое бегство 20 марта с железнодорожного узла Жмеринка; красным достались в целости огромные склады германского и антантовского оружия вплоть до самолё-

¹ Там же. – С. 109-110.

² Цит. по: Нежинский Л.Н. 133 дня 1919 года. – С. 133.

³ См. там же. – С. 133-134.

⁴ См. там же. – С. 132.

⁵ Ленин В.И. Приветствие по радио правительству Венгерской Советской республики / ПСС. – Т. 38. – С. 216.

⁶ Ленин В.И. Приветственная радиотелеграмма от имени съезда правительству Венгерской Советской республики / ПСС. – Т. 38. – С. 186.

⁷ Ленин В.И. Чрезвычайное заседание Пленума Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов: Резолюция по докладу о внешнем и внутреннем положении Советской республики / ПСС. – Т. 38. – С. 265.

⁸ Цит. по: Нежинский Л.Н. 133 дня 1919 года. – С. 131.

тов. Фронт Советской Украины и закарпатские форпосты ВСР разделяло не более 200 км. Казалось, ещё бросок – и кольцо блокады будет прорвано. Революционизирующее влияние такого события на наэлектризованную ситуацию в Европе было бы трудно переоценить.

Однако наступление украинской Красной Армии остановилось на рубеже старой российско-австрийской границы. За ней начинались «владения» Западно-Украинской народной республики, провозглашённой галицийскими националистами при распаде Австро-Венгрии. Лидеры ЗУНР не очень-то считались со старой границей: они договорились об объединении с петлюровской «Украинской народной республикой» и в критический момент марта 1919 г. представили ей своих «сичевых стрелцов» для авантюристического броска на красный Киев.

Руководство же РСФСР и Советской Украины относилось к «австрийской границе»¹ с подчёркнутым пиететом, хотя империи Габсбургов уже не существовало и её бывшие границы стали фикцией. Очевидно, в Москве и Киеве опасались обвинений в аннексионизме, а также рассчитывали добиться вывода интервентов Антанты с довоенной российской территории, фигурировавшей в предложениях Вильсона-Буллита. С подобной точки зрения, ЗУНР могла представляться буфером, способным оградить Украину от экспансии панской Польши, уже захватившей Львов, и боярской Румынии, оккупировавшей Бессарабию и Северную Буковину. Обоснованность подобных расчётов была, по меньшей мере, проблематична. Перед фронтом Украинской Красной Армии власти ЗУНР жестоко подавили революционные выступления рабочего и крестьянского движения, начавшего создавать Советы и провозгласившего в Дрогобыче 14-15 апреля Советскую республику. Галицийская «пробка» блокировала главный резерв красных – оперативное взаимодействие Советской Украины и России с Советской Венгрией.

23 марта главком РККА И.И. Вацетис и член Реввоенсовета Республики С.И. Аралов направили В.И. Ленину докладную записку со следующими предложениями: «1. Установить общий фронт между Венгрией и РСФСР через Буковину. 2. Двинуть из Буковины венгерские советские войска в тыл петлюровским войскам, наступающим из Галиции на Киев»².

Нередко эти строки цитировались в подтверждение планов оказания помощи ВСР и чуть ли не намерения «прощупать штыком» буржуазную Европу. Однако, вчитавшись в них, нетрудно понять: расчёт делался, наоборот, на помощь Советской Украине силами ВСР, которые действовали бы против ЗУНР в пределах прежней австро-венгерской территории. Авторы записки не учли ни того, что Венгерская Красная армия едва приступила к организации, ни того, что ВСР пришлось бы первой открыть военные действия против румын, подставляя себя, Советскую Украину и Россию под удар Антанты. Опережая события, Главное командование РККА в телеграмме, направленной 27 марта в Будапешт, говорило даже о необходимости «единого фронта, единой ко-

мандной воли» двух армий³. Но достижению этой цели вряд ли мог способствовать план, который трудно назвать иначе как авантюристическим.

Когда над Советской Венгрией нависла непосредственная опасность румынского нападения, Б. Кун обратился к правительству Советской России с просьбой парировать угрозу прорывом Красной Армии в Буковину. Но этого не удалось сделать своевременно. Несомненно, одной из причин рокового промедления явилась крайне противоречивая ситуация в УССР. Ленин предупреждал, что Украина пока ещё «не перешла от периода партизанщины и стихийных восстаний к регулярной армии, которая свойственна упрочившейся власти всякого класса, в том числе и пролетариата... Там мы имеем не столько войну, сколько партизанское движение и стихийное восстание. Оно даёт гигантскую быстроту натиска и крайнюю хаотичность»⁴. Владимир Ильич отмечал и другой негативный аспект ситуации в некоторых частях Украины: «Там крестьяне запуганы зверским господством немцев и боятся брать помещичьи земли»⁵. Воплощаемая дивизией Н.А. Щорса и бригадой В.Н. Боженко «мерная поступь железных батальонов пролетариата»⁶ была на Украинском фронте скорее исключением, чем правилом.

Сложность общего положения УССР отражалась и усугублялась противоречивостью политики её руководства (Х.Г. Раковский, В.А. Антонов-Овсеенко, Н.И. Подвойский), склонного в ряде вопросов проводить обособленный от Москвы курс. Не скупясь на горячие выражения солидарности и обещания интернациональной помощи Венгрии, оно не проявило способности оперативно организовать и обеспечить решение этой, как, впрочем, и других важнейших проблем. Инициативы в плане своевременной поддержки ВСР не наблюдались и со стороны главы РВС РСФСР Л.Д. Троцкого, имевшего большое влияние на руководство УССР. Паладин мировой революции, каким его принято считать, должен был бы держать помощь Венгрии под постоянным контролем, отстаивать её вплоть до угрозы отставкой, как вскоре поступил при конфликте по менее принципиальному вопросу. Увы...

Судя по опубликованным документам, к вопросу вернулись во второй половине апреля. Противник времени не терял: румынские интервенты уже продвигались в глубь Венгрии. Значительно осложнилось и положение Советской России: Колчак рвался к Волге; на Дону ширилось антисоветское восстание; Деникин усиливал нажим на Донбасс.

22 апреля Б. Кун писал В.И. Ленину: «Что бы ни случилось, каждый наш шаг будут направлять интересы мировой революции... Даже если нас ожидает мир, подобный Брестскому, мы заключим его с тем сознанием, которым были проникнуты Вы, заключая Брестский мир»⁷. Однако это письмо дошло до адресата только 13 мая. О получении ещё более тревожной теле-

¹ В первых строках Программы РКП (б), принятой VIII съездом в марте 1919 г., говорится о «революции в Германии и Австро-Венгрии»; о существовавших уже почти полгода Австрии и Венгрии не упомянуто. Даже спустя многие годы в произведениях советской культуры, обращавшихся к событиям 1919 г. на Украине, – от песни о Н.А. Щорсе до фильма А. Довженко о нём же – «австрийская граница» упорно фигурировала как актуальный «кордон».

² Директивы Главного командования Красной Армии: Сборник документов. – М.: 1969. – С. 219.

³ См.: Венгерские интернационалисты в Октябрьской революции и гражданской войне в СССР. – М.: 1968. – Т. 2. – С. 48.

⁴ Ленин В.И. Доклад о задачах профессиональных союзов в связи с мобилизацией на Восточный фронт / ПСС. – Т. 38. – С. 286-287.

⁵ Ленин В.И. Речь на конференции железнодорожников Московского узла 16 апреля 1919 г. / ПСС. – Т. 38. – С. 313.

⁶ Ленин В.И. Очередные задачи Советской власти / ПСС. – Т. 36. – С. 208.

⁷ Кун Бела. О Венгерской Советской республике / Избранные речи и статьи. – М.: 1966. – С. 162.

граммы от 27 апреля: «Мы в отчаянном положении без армии; если Вы нам не поможете, участь Коммуны постигнет нас»¹ – вообще нет сведений.

Тем показательнее, что в тот же день, 22 апреля, отвечая на запрос Вацетиса и Аралова, Ленин подчеркивал: «Продвижение в часть Галиции и Буковины необходимо для связи с Советской Венгрией. Эту задачу надо решить быстрее и прочнее, а за пределами этой задачи никакое занятие Галиции и Буковины не нужно, ибо украинская армия безусловно и ни в каком случае не должна отвлекаться от своих двух главных задач, именно: первая и неотложнейшая – помочь Донбассу. Этой помощи надо добиться быстро и в большом размере. Вторая задача – установить прочную связь по железным дорогам с Советской Венгрией»².

Как видим, Ленин отнюдь не рассматривал Советскую Россию в качестве расходного материала, вполне понимая, что мировой революции не поможет гибель её основной базы. Из двух главных задач он ставит на первое место защиту Донбасса, жизненно важного для России и Украины. Но интернациональному долгу Владимир Ильич неизменно верен: пока остаётся малейшая возможность, он настаивает на действенной помощи Советской Венгрии – наступательными действиями против агрессора на том направлении, где можно добиться стратегического результата.

23 апреля Политбюро ЦК РКП(б) предложило КП(б)У и командованию Украинского фронта «а) занять Донецкий бассейн и б) установить непрерывную связь с Венгрией». В соответствии с этим решением Главное командование РККА в тот же день дало директиву армиям Украинского фронта: «При современном положении Европы признаётся необходимым войти непосредственно в связь с Венгерской Советской республикой, для чего армиям Укрфронта необходимо организовать продвижение через территории Галиции, Буковины и Венгрии в общем направлении Коломыя, Сигет и Будапешт. Конечная цель нашего продвижения в сторону Венгрии заключается в установлении прочной связи по железнодорогам с Советской Венгрией, не ставя себе, однако, цели завладения территориями... Кроме установления связи с Венгрией, согласно директивы Председателя Совета Обороны ваша первая важнейшая и неотложная задача заключается в помощи Донецкому бассейну»³.

Однако времени для осуществления этих решений уже не оставалось. Расчёт Б. Куна на противоречия Праги и Бухареста также не оправдался. 27 апреля Антанта двинула против ВСР войска буржуазной Чехословакии. За несколько дней им удалось захватить Закарпатье и соединиться с румынами. Красный Будапешт от Советской России и Украины отделила вражеская территория шириной до тысячи километров, с труднопреодолимыми горными перевалами. Рукопожатие через Карпаты становилось невозможным.

Утрата непосредственной перспективы соединения сил советских республик сразу же проявила себя как сдвиг международного значения. Как мы видели, именно 27 апреля баварские «независимцы» добились вывода из правительства коммунистов. Удивляться совпадению

не приходится. ВСР, осаждённая превосходящими силами врага, не могла обойтись без поддержки или хотя бы нейтралитета Австрии; позиция же социал-демократов и, главное, рабочего движения этой страны не могла не зависеть от устойчивости Советской Венгрии, примыкавшей в то время к окрестностям Вены.

В тот же день 27 апреля ВСР предложила румынскому, чехословацкому и сербохорватскому правительствам удовлетворить ВСЕ их территориальные претензии, установить свободные торговые связи и заключить взаимовыгодные экономические соглашения. Казалось бы, чего ещё желать? Однако правители трёх стран ответили отказом, а румынская военщина потребовала полной капитуляции. Ясно, что решения принимались отнюдь не в Бухаресте, не в Праге и не в Белграде.

В критический для Советской Венгрии момент РСФСР и УССР использовали последнюю возможность связать руки агрессорам. Они предъявили румынскому правительству совместную ноту, предлагая в течение 48 часов очистить незаконно оккупированную Бессарабию. Отдельной нотой УССР предлагала Бухаресту прекратить оккупацию Северной Буковины. Демарш оказал ВСР моральную поддержку, очень важную в часы, когда решался вопрос о продолжении борьбы.

4 мая, после истечения срока ультиматума, ЦИК Украины принял решение выступить на помощь Советской Венгрии. 3-й Украинской советской армии был отдан приказ освободить от оккупантов Бессарабию, а 1-й Украинской – Буковину.

Красное командование возлагало большие надежды на интернациональные формирования, состоявшие в значительной части из венгров, разбросанных Гражданской войной по разным фронтам. Организация иностранных коммунистов в Туркестане с середины апреля 1919 г. вела мобилизацию для помощи Венгрии. 7 мая РВС РСФСР принял директиву о концентрации интернациональных частей для помощи Венгрии⁴. В тот же день И.В. Сталин направил в наркомат по военным делам записку: «Прошу принять подателей сего, венгров из туркестанской армии, и оказать им полное содействие. Очень прошу, если находите возможным, распорядиться выдаче этим товарищам обмундирования»⁵.

Мобилизацией интернационалистов занимались Федерация иностранных групп при РКП(б), включавшая венгерскую группу с еженедельной газетой, а также Управление РККА по формированию интернациональной Красной Армии. Руководство обеих организаций весной 1919 г. было переведено на Украину. 8 мая правительство ВСР радиотелеграфом передало в Москву приказ о мобилизации венгерских рабочих и служащих от 18 до 45 лет. Уже на следующий день только в Киеве в военную комиссию явились свыше 600 мадьяр⁶.

Но и в этот ответственный момент в планы советского руководства вмешалась стихия украинской «партизанщины», вероятно в данном случае направляемая из-за кулис более организованными врагами: момент и повод говорят сами за себя. Комдив Н.А. Григорьев, лишь недавно перешедший к красным от петлюровцев, полу-

¹ См.: Венгерские интернационалисты... Т. 2. – С. 55-56.

² Ленин В.И. Телеграмма И.И. Вацетису и С.И. Аралову / ПСС. – Т. 50. – С. 285-286.

³ Директивы Главного командования Красной Армии (1917-1920). – С. 226-227.

⁴ См.: Русские интернационалисты в борьбе за Венгерскую Советскую Республику. 1919 год. Сб. документов. – М.: 1972. – С. 194-197.

⁵ В Комиссариат по военным делам. Зампредреввоенсовет Э.М. Скланскому / Сталин. Труды. – Т. 11.- М.: Прометей инфо, 2017. – С. 173.

⁶ Нежинский Л.Н. 133 дня 1919 года. – С. 257.

чив 7 мая приказ о походе в Бессарабию, поднял кровавый антисоветский мятеж. Борьба с григорьевщиной отвлекла резервы от решающих фронтов. На следующий день из Москвы ушла телеграмма Совнаркому Украины, подписанная В.И. Лениным и И.В. Сталиным: *«Цека партии, обсудив критическое, близкое к катастрофическому, положение в Донбассе и на Маныче, настоятельно предлагает Киевскому совету обороны напрячь все силы для ускорения и усиления военной помощи Донбассу»*¹. Интернациональные полки, героически сражавшиеся против Григорьева, Петлюры и Деникина, понесли большие потери.

Но и в резко усложнившихся условиях, поневоле меньшими силами, 3-я армия 12 мая форсировала Днестр южнее Тирасполя. В операции участвовали две интернациональные дивизии. На следующий день В.И. Ленин телеграммой известил об этом Б. Куна, чётко обозначив главную политическую цель: *«Несмотря на громадные трудности, пролетарии Венгрии удержат власть и укрепят её»*². Перевод телеграммы опубликовала газета Венгерской Красной Армии. В листовке Политуправления ВКА говорилось: *«Наши русские братья-работчие идут нам на помощь. У них мы должны учиться выдержке, дисциплине, решительности!»*³

Бессарабская операция 3-й армии вынудила румынское командование перебросить большую часть войск с венгерского фронта. Перед 75-тысячной группировкой, куда входили французские, английские и греческие части, 11 тысячам красных бойцов пришлось отступить из Бессарабии.

Однако считать бои на Днестре полной неудачей нет оснований. Благодаря им ВКА получила возможность, не опасаясь удара румын и их союзников, отбросить чехословаков от Будапешта, а вскоре изгнать их со своей территории. Начавшееся освобождение Закарпатья позволило снова поставить на повестку дня соединение с Советской Россией и Украиной.

14. За облаками – Москва

Для переговоров на высшем политическом уровне в Советскую Россию 21 мая отправился Т. Самуэли. Визит был одним из самых необычных в истории: самолётом пришлось лететь не менее 900 км туда и обратно, и добрую половину этого расстояния – над неприятельской территорией.

О визите рассказывают фото и краткий газетный отчёт. Документов о переговорах с руководством РСФСР и даже записей митинговых речей до нас не дошло. Скорее всего, так произошло не случайно. Всего за несколько дней, накануне и во время переговоров в Киеве и Москве, военно-политическое положение РСФСР и её союзников значительно ухудшилось. На юге Махно увёл свою «армию», переименованную было в красноармейскую дивизию, с фронта, открыв Деникину путь в Донбасс, и сам стал из союзника Советской власти опасным врагом, довершив погружение Украины и Новороссии в омут бандитизма. На северо-западе воинству фон дер Гольца удалось задуть красную Ригу, банда Булак-Балаховича захватила Псков, а Родзянко с Юденичем занесли кулак над Петроградом. На востоке Колчак пы-

тался удержать фронт, кое-где даже наступал. На западе белопольский корпус, переброшенный из Франции, легко покончил с ЗУНР, овладел Галицией и вскоре соединился с румынами.

Непроста была и политическая обстановка внутри осаждённого советского лагеря. Поредевшие силы УССР, Литбела и красной Латвии непросто включались в централизованную РККА. Срочная необходимость делить резервы между фронтами поставила военное руководство самой РСФСР на грань раскола. Конфликт между главкомом И.И. Вацетисом и командующим Восточным фронтом С.С. Каменевым привёл к замене комфронтом, но через две недели тот был восстановлен в должности по настоянию В.И. Ленина. Вскоре конфликт выйдет на партийный уровень: комиссары Востфронта апеллируют к Политбюро, а глава РВС Л.Д. Троцкий, защищая главкома, пригрозит отставкой. Через месяц Вацетис всё же будет не только снят с поста, но и арестован ВЧК, выявившей в его окружении предателей; самого экс-главкома по обвинению в измене оправдают, однако он утратит прежние политическое доверие. В данном контексте небезынтересно, что в апрельские дни, когда Ленин настаивал на срочной помощи Будапешту, Вацетис докладывал руководству, что *«временный неуспех на Западном фронте на конечном результате не отразится»*, заодно предлагая *«временно»* ликвидировать Всевобуч⁴ – не потому ли понадобилось поднять авторитет самой массовой вооружённой организации пролетариата, пригласив гостя из Будапешта на её смотр?

Пожалуй, лишь один результат визита Т. Самуэли увидел свет без купюр – ленинское письмо *«Привет венгерским рабочим»*. В первый же день переговоров В.И. Ленину пришла телеграмма Б. Куна: *«Учитывая, что правые элементы в партии в связи с ожидающимся наступлением Антанты почувствовали благоприятные для себя возможности, было бы очень хорошо, если бы Вы заявили в открытом письме ко мне, что есть только один выбор: либо диктатура пролетариата, либо диктатура буржуазии; что секрет успеха не в том, чтобы обеспечить пути для отступления, а скорее в том, чтобы радикально покончить с капиталистическим строем»*⁵.

Подобную просьбу – правда, не на столь высоком уровне – адресату уже приходилось вежливо отклонять. Тогда, если верить мемуарам, он ответил: *«Я не вправе вмешиваться во внутренние дела других стран. Тем более в дела таких стран, внутреннюю обстановку в которых я недостаточно хорошо знаю»*⁶.

На сей раз Ленин счёл прямое обращение к венгерскому пролетариату необходимым. Видимо, сыграли роль и информация Т. Самуэли, и усложнившееся военно-политическое положение. Послание, доставленное Т. Самуэли, было сразу же переведено Б. Куном, но для публикации полного текста потребовалось преодолеть сопротивление социал-центристов. Один из наркомов, Ж. Кунфи, вряд ли сознавая, что разоблачает себя, публично выразил несогласие с тезисом письма: *«Расстрел – вот законная участь труса на войне»*. Дело явно касалось не одних лишь банальных дезертиров...

Письмо, а скорее теоретическая статья, полемически обращено против оппортунистов правого и центристского

¹ В Совнарком Украины Х. Г. Раковскому. Копия В.А. Антонову, Н.И. Подвойскому, Л.Б. Каменеву, А.А. Иоффе. 8 мая 1919 года / Сталин. Труды. – Т. 11. – М.: Прометей инфо, 2017. – С. 183.

² Ленин В.И. Телеграмма Бела Куна / ПСС. – Т. 50. – С. 310.

³ Цит. по: Нежинский Л.Н. 133 дня 1919 года. – С. 250

⁴ См.: Черушев Н.С. Вацетис – главком Республики. – М.: Вече, 2015. – С. 280-282.

⁵ Цит. по: Шимор А. Так жил Тибор Самуэли. – С. 102.

⁶ См. там же.

толка. Выполняя просьбу руководителя ВСР, В.И. Ленин дал популярный по форме, но глубокий по содержанию обзор различных аспектов диктатуры пролетариата.

Будучи именно диктатурой, данный тип власти *«предполагает применение беспощадно сурового, быстрого и решительного насилия для подавления сопротивления эксплуататоров, капиталистов, помещиков, их прихвостней»*. Как покажут события, это ленинское напоминание имело для «венгерской Коммуны» жизненно важную важность. Особо актуален был кадровый аспект: *«Кто не понял этого, тот не революционер, того надо убрать с поста вождей или советчиков пролетариата»*.

Однако руководитель Советской России отнюдь не ставил на этом точку. На первое место он выдвигал более фундаментальный аспект нового типа власти: *«Не в одном насилии сущность пролетарской диктатуры, и не главным образом в насилии. Главная сущность её в организованности и дисциплинированности передового отряда трудящихся»*¹. Чрезвычайно высоко, даже с некоторым авансом, оценивая именно этот аспект начального этапа социалистических преобразований в ВСР – *«в смысле организованности венгерский пролетариат, видимо, уже обогнал нас»*², – Владимир Ильич подчёркивает, что цель создания бесклассового общества *«нельзя осуществить сразу, она требует довольно продолжительного переходного периода»*. В течение всего этого периода придется преодолевать достаточно сильное сопротивление, не только сознательное со стороны капиталистов и буржуазной интеллигенции, но и бессознательное, которое оказывает и будет оказывать *«громадная масса слишком забытых мелкобуржуазными привычками трудящихся, крестьян в том числе»*³.

Последнее разъяснение явно неслучайно. Ленин, видимо, стремится с максимальным тактом обратить внимание на то, что высокая организованность первого этапа пролетарской революции в Венгрии достигнута ценой широкого компромисса, чреватого при неблагоприятных условиях своей противоположностью – мелкобуржуазной контрреволюцией, пролагающей путь контрреволюции буржуазной. Он вновь и вновь предостерегает от опасного увлечения революционной фразой, подчеркивая, что к настоящей победе способен *«только тот класс, в котором лучшие люди полны ненависти и презрения ко всему мещанскому и филистерскому»*. Не навезла ли эта формулировка отчасти общением с Т. Самуэли, как мало кто олицетворявшим эту непримиримость?

В.И. Ленин всё ещё убеждён: *«Каждый месяц приближает мировую пролетарскую революцию»*⁴ (точнее было бы сказать: она уже идёт, но как процесс с открытым пока исходом, зависящим, в том числе, от субъективного фактора). Однако исподволь нарастает стоический мотив: победы достоин *«только тот класс, который сумеет вынести все тяжести, испытания, невзгоды, великие жертвы, неизбежно возлагаемые историей на того, кто рвёт с прошлым и смело пробивает себе дорогу к новому будущему»*⁵.

В заключительных строках письма-статьи спрессован драматизм главного на тот момент испытания: *«Вам*

предстоит теперь благодарнейшая и труднейшая задача – устоять в тяжёлой войне против Антанты... Во всём мире всё, что есть честного в рабочем классе, на вашей стороне». Двойной рефрен: *«Будьте тверды!»* – подводит, как необходимое условие, к финальному аккорду: *«Победа будет за вами!»*⁶

Видимо, Ленин уже знал: прорыв к Карпатам не состоится. В письме нет обещаний помощи, но есть призыв *«устоять в тяжёлой войне»*. Победа, если будет, то «за вами», а не «за нами». В неравной борьбе Венгерской Коммуны придётся полагаться на свои силы и международную рабочую солидарность.

15. Словацкий поход

Весь путь, пройденный красной Венгрией, – краткий, но на редкость насыщенный драматическими поворотами, – отмечен поистине колоссальной ролью международных факторов европейского и мирового масштаба, властно подчиняющих себе, делающих формами своего проявления внутренние моменты социально-политической ситуации. Этим мадьярская драма 1919 г. предвосхитила основную тенденцию всего последующего столетия. Неудивительно, что с международной ситуацией неразрывно переплетаются и последняя победа ВСР, и её финальное поражение.

В первый день лета, буквально наутро после отчёта Т. Самуэли о поездке в Москву, Венгерская Красная Армия развернула военно-политическую операцию стратегического масштаба. Вступив на территорию Восточной Словакии, она первый и последний раз перешла демаркационную линию, продиктованную Антантой правительству Каройи. Попробуем разобраться: по каким причинам было принято столь рискованное решение?

Если бы лидеры ВСР руководствовались приоритетами национального масштаба, следовало бы, изгнав чехословаков за ими же нарушенную «черту», заняться освобождением другой части мадьярских земель, столь же противоправно захваченной Румынией. Выйдя и здесь на демаркационную линию, установленную Антантой, можно было апеллировать к Парижской конференции, добиваясь участия в мирных переговорах и снятия блокады. Но осаждённая страна имела уже немало случаев убедиться в степени верности западных «партнёров» любым международным обязательствам. Главное же – идейно-политические ориентиры, придававшие республике силу и стойкость, принципиально не замыкались в никем ещё не признанных границах «малой Венгрии».

Для убеждённых патриотов, таких, как начальник генштаба ВКА Аурел Штромфельд – душа и мозг «словацкого похода», – ориентиром служило, прежде всего, возрождение многонациональной державы, за которую мадьяры и словаки вместе сражались под знамёнами Ф. Ракоци и Л. Кошута. На революционных плакатах ВСР можно было видеть очертания «большой Венгрии». Это не означало довоенного статус-кво: ВСР изначально отказалась от господства мадьяр над другими нациями, признав за всеми право на самоопределение. Теперь она сражалась за то, чтобы это право осуществлялось не путем кровавого рассечения единой веками страны, а предпочтительным с геополитической, экономической и просто человеческой точек зрения путём создания федерации равноправных республик.

Коммунисты-интернационалисты мыслили цели похода намного шире. Они видели в Словакии слабое зве-

¹ Ленин В.И. Привет венгерским рабочим / ПСС. – Т. 38. – С. 385.

² Там же. – С. 384.

³ Там же. – С. 385-386.

⁴ Там же. – С. 388.

⁵ Там же. – С. 387-388.

⁶ Там же. – С. 388.

но сколачиваемой врагами «малой Антанты», а возможно, и архимедов рычаг европейской революции. Для такого восприятия имелись реальные основания. Обе части Чехословакии относились к немалым на тот момент странам, где пролетариат был, с одной стороны, многочислен и довольно хорошо организован, а с другой – не обескровлен в навязанных боях. Коммунисты рассчитывали, что освободительный поход найдёт отклик у рабочих, батраков и крестьянской бедноты Словакии, даст Центральной Европе пример демократического решения национального вопроса, откроет новые возможности взаимодействия с рабочим классом Чехии, Австрии и Германии. Для Венгерской Коммуны забрезжил ещё один шанс прорыва политической и экономической блокады – при отсутствии прямой связи с Советской Россией, пожалуй, последний. На счастливый же случай открытия карпатского «коридора» обеспечивалась дополнительная гарантия его широты и надёжности.

Одним из мотивов, главных для коммунистов и левых социалистов, был интернациональный долг перед Советской Россией, которая в те дни отбивала натиск белой армии Колчака, опиравшейся на белочехов. Удар по буржуазной Чехословакии должен был помешать дальнейшим действиям мятежного корпуса на востоке.

Гипотетически можно представить, что сыграл роль и субъективный момент, вынесенный Т. Самуэли из киевских переговоров. Тогдашний глава УССР Х.Г. Раковский, потомок болгарских революционеров, многие годы прожил в Румынии, где стал одним из лидеров местной социал-демократии. Вероятно, он убеждал руководство ВСР, что освободить оккупированные мадьярские земли помогут Киев и Москва, сочетая активизацию его контактов в Бухаресте с военно-политическими акциями в Бессарабии. В этом случае ВКА получала относительно защищённый тыл, сама же могла и должна была нейтрализовать Прагу

Против похода в Словакию не имели оснований возражать даже социал-демократы: торг с Антантой, который они держали в уме, не стоило затевать с пустыми руками. Разнонаправленные мотивы, как часто бывает, сошлись на одном решении. Такого рода «консенсус» на всем недолгом пути ВСР играл двойственную роль, способствуя социально-политической устойчивости при одних обстоятельствах и обнаруживая негативную изнанку при других.

Несомненно, при выборе направления главного удара учитывалась относительная слабость буржуазной Чехословакии – как в военном отношении, что показал уже северный поход ВКА в мае 1919 г., так и во внутриполитическом.

Присоединение Словакии и Закарпатья к Чехии совершалось способом, исключительным даже по империалистическим меркам, – на основании соглашений, подписанных лидером чешских националистов Т. Масариком в Питтсбурге и Филадельфии с представителями эмигрантов из этих земель в САСШ (!). Население стран, чьими судьбами те распоряжались, никто ни о чём не спрашивал – всё обеспечивало оккупационное командование Антанты. Рабочие и батраки Словакии, ещё в 1918 г. создавшие во многих местах Советы, не радовались присоединению. Никогда прежде, кроме как в воображении националистов, Чехия и Словакия не составляли единого государства, ни самостоятельного, ни даже автономного. Теперь объединение проводилось методами бюрократического централизма, лишь добавляя к гнёту помещиков и церковников новое угнетение. Декретированная чешским буржуазным правительством аграрная

реформа, с распределением излишков помещичьей земли за высокую плату, была выгодна кулакам, положение же малоземельного крестьянства, преобладавшего в Словакии и Закарпатья, к лучшему не изменилось. Налоговый гнёт буржуазного государства над деревней усиливался. В правительство единого государства входили только чешские партии. Словакия была лишена самоуправления, наводнена чешскими офицерами, жандармами, чиновниками, алчными дельцами. Вместо мадьярского языка стал принудительно вводиться чешский, словацкий же как был, так и остался в загоне. Что уж говорить о многочисленном на юге и востоке мадьярском населении, подвергшемся ещё более унижительным гонениям националистов. Полгода правления Праги показали даже обывателям, что вековые экономические и житейские связи не стоит рвать ради замены «этнически чуждой» буржуазии на «родственную». Защищать уменьшенную пародию на габсбургский дуализм в Словакии оказалось некому и незачем.

Уже 6 июня ВКА освободила административный и экономический центр Восточной Словакии – город Кошице, 8 июня – горняцкий Прешов. Деморализованные войска противника отступали почти без боя. Ряд чешских частей перешёл на сторону ВКА. Проиграв развязанную им войну, буржуазное правительство Праги 15 июня потерпело поражение на выборах и пало, уступив место коалиции социал-демократов, аграриев и народных социалистов.

К середине июня южные и восточные районы Словакии перешли под контроль Советской власти. Части ВКА достигли Карпатских гор, вплотную подойдя к польской границе. Жители края, как мадьяры, так и словаки, тепло встречали Красную Армию. На освобождённой территории сразу же создавались органы народной власти – Советы и директориумы. Рабочая власть восстанавливала исторически сложившееся единство с Венгрией, избавляла мадьяр от дискриминации, но вовсе не собиралась порывать с трудовой Чехией.

16 июня словацкая и чешская секции Социалистической партии Венгрии провели в Прешове массовый митинг рабочих и крестьян, приехавших из многих городов, посёлков и деревень. Участники митинга провозгласили создание первого в словацкой истории суверенного государства. В единодушно принятом единодушно обращении к пролетариям всего мира говорилось: *«На словацкой земле, освобождённой от империализма, образовалась сегодня самостоятельная Словацкая Советская республика... Словацкие рабочие, солдаты и крестьяне продолжают борьбу на революционном фронте, путь которому проложили Российская и Венгерская Советские республики»*.

В международном плане новое государство заняло последовательно интернационалистскую позицию: *«Словацкая Советская республика считает своими естественными союзниками своих победоносных братьев – Российскую и Венгерскую Советские республики – и становится под защиту всего международного пролетариата и его единого солидарного рабочего Интернационала. Свой первый привет она шлёт чешским братьям-пролетариям, находящимся до сих пор под гнётом империализма»*¹.

¹ Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. – М.:1973. – Т. 1 (ноябрь 1917 – август 1922 г.). – С. 253.

На прешовском митинге был избран высший орган власти – Временный Революционный Исполнительный Комитет. 20 июня он утвердил Словацкий Революционный правительственный Совет с местопребыванием в Кошице. Главой правительства и наркомом иностранных дел стал чешский левый социал-демократ Антонин Яноушек.

Приветственные телеграммы, сообщавшие о создании республики, СРС направил В.И. Ленину, советским правительствам России, Венгрии, Украины, а также Венгерской Красной Армии. В ответном послании наркоминдел РСФСР Г.В. Чичерин от имени Совнаркома приветствовал республику, «*вступившую теперь в ряды революционных социалистических государств*»¹.

Советское правительство Словакии декретировало национализацию крупных промышленных и торговых предприятий, банков, транспорта. Повсюду вводился 8-часовой рабочий день, рабочим повышалась зарплата, они получали право на пенсию. Постановление от 23 июня должно было положить начало коренным преобразованиям на селе. По венгерскому образцу земельные владения более 50 га подлежали экспроприации, на их основе планировалось создавать госхозы или производственные товарищества сельскохозяйственных рабочих и крестьянской бедноты. Особым декретом деревня освобождалась от непомерных налогов. Правительство объявило мобилизацию трудящихся в Словацкую Красную Армию; уже к концу июня она насчитывала до 50 тысяч бойцов.

Одним из первых декретов СРС всем национальностям предоставлялись равные права. Создание ССР открывало путь к решению национального вопроса, аналогичный тому, на который тогда же становились Российская, Украинская и другие советские республики.

Конституция, принятая Всевенгерским съездом Советов 14-23 июня, провозгласила образование Венгерской Социалистической Федеративной Советской Республики как «*добровольного союза свободных народов*». В её состав вошли Венгерская и Словацкая советские республики, Русская Крайна (нынешняя Закарпатская область Украины) и Немецкое автономное объединение в пограничном с Австрией крае Бургенланд. Для Словакии и Закарпатья это означало равноправное, в отличие от недавней аннексии чешскими националистами и Антантой, равноправное вступление в федерацию советского типа, сохранявшее за народами их молодую государственность.

Рассматривая словацкую кампанию ВСР и создание ССР на широком историческом фоне, надо отметить, что её причины, характер и итоги во многом предвосхищали, примерно на год, эпопею советско-белопольской войны. Обе войны развязывались отнюдь не пролетарскими государствами, упорно проводившими миролюбивую политику даже ценой территориальных и иных потерь, а буржуазно-националистическими режимами соседних стран с подачи империалистических покровителей. Обе Красные Армии победоносно освободили свои земли от агрессора, а затем вступили на территорию противника, выполняя политические решения руководства о поддержке революционных сил соседних земель, исторически связанных с Венгрией и Россией.

Почти во всем остальном ситуации существенно различаются. Поход РККА на Варшаву при желании можно подвергать под схему «экспорта революции» одной

страной в другую: советско-польская граница, отсутствовавшая де-юре, обуславливалась де-факто, во-первых, отрезанностью бывшего Царства Польского от революционных событий 1917 г. фронтами Первой мировой войны, и, во-вторых, международно-правовым признанием суверенной польской государственности Советской Россией и Версальской системой договоров. К началу июня 1919 г. Версальской системы ещё не существовало; бывшая держава Габсбургов, распавшаяся полгода назад, в восприятии большинства оставалась единым политическим пространством, которое лишь пытались по-разному оформить различные классовые и национальные силы. С международно-правовой точки зрения, в случае венгеро-словацких отношений 1919 г. говорить об «экспорте революции» вдвойне абсурдно: к вышеупомянутым характеристикам эпохи здесь добавляется отсутствие чёткой грани между субъектом и объектом этого воображаемого процесса. С точки же зрения общесоциальной, речь должна идти о неполной дифференцированности, с тенденцией к слиянию, революций в двух странах, теснейшим образом связанных историей.

Существенные различия касаются и всей совокупности «местных» условий, в которых совершались оба похода. Столь тягостных, с многовековыми корнями, противоречий и обид, какие разделяли восточнославянские народы с Польшей, у мадьяр ни с чехами, ни со словаками не было никогда. Между Чехией и Венгрией в составе «дуалистической империи» не существовало отношений господства и угнетения, как между имперской Россией и Царством Польским, а имелись лишь отношения буржуазной конкуренции под общей имперской властью. Мадьярское доминирование в Словакии осуществлялось нацией, которая сама была лишена государственного суверенитета и права принятия общеполитических решений. По всему этому в Чехии, не говоря о Словакии, антимадьярский национализм господствующего класса влиял на массы гораздо меньше, чем антирусский в Польше, и встречал более сильную внутреннюю оппозицию. Неудивительно, что среда, в которой приходилось действовать ВКА, была в Словакии намного благоприятнее той, которую встретит РККА в собственно польских землях. До Чехии же красным не пришлось дойти не из-за национальных антипатий, а по причинам иного порядка.

При всех различиях, как бы важны они ни были, два красноармейских похода сближало то главное, что решающим образом определяло исход. Оба означали прямой вызов пролетарской революции не только напросившемуся на это агрессивному режиму соседней страны, но и империалистическому лагерю в целом. Прежде чем бросить такой вызов, следовало не раз отмерить: достанет ли у страны, её передового класса и зарубежных союзников сил для победы, а в случае неудачи – пространства для отступления, которым Венгрия, в отличие от Советской России, почти не располагала ни географически, ни социально-политически. Трезво учитывать надлежало не только военные и экономические ресурсы, но и факторы морально-политического порядка – меру решимости, стойкости и сплочённости революционного лагеря и его руководства.

Как и следовало ожидать, правительство Праги, бесстрашное противостоять контрнаступлению ВКА, засыпало западные столицы мольбами о помощи. Уже 7 июня Ж. Клемансо от имени Парижской мирной конференции направил в Будапешт «весьма срочную» ноту, требуя немедленно остановить наступление под угрозой крайних мер. С другой стороны, в документе расплывчато

¹ Цит. по: Нежинский Л.Н. 133 дня 1919 года: Советская Россия и Венгерская Советская республика. – М.: ИГН, 1989. – С. 237.

говорилось о намерении пригласить Венгрию на мирную конференцию (понятно, что даже такая видимость уступки была прямым результатом побед ВКА). Правительство ВСР, выражая в ответной ноте готовность к мирным переговорам, вместе с тем напоминало, что не несёт ответственности за войну, и предлагало созвать конференцию всех стран бывшей Австро-Венгрии для решения спорных вопросов. Но эту мирную инициативу Будапешта, как и все прошлые и будущие, «большая четверка» с порога отвергла.

13 июня от имени Антанты последовала вторая нота, неофициально названная «ультиматумом Клемансо». В ней впервые намечались новые границы Венгрии как с Чехословакией, так и с Румынией. Предписывая Будапешту отвести войска за указанный рубеж, союзники обещали добиться того же от Бухареста. Согласие требовалось в четырёхдневный срок. В случае отказа Антанта недвусмысленно угрожала военными действиями или принятием «любых других мер».

В течение срока, отведённого ультиматумом на «размышление», в Праге сменилась власть. Но если в Будапеште рассчитывали, что чешские социал-демократы, придя к власти во многом благодаря победе ВКА над их предшественниками, займут в отношении Словакии и Венгрии более конструктивную позицию, то эти надежды не оправдались. Новое правительство продолжало следовать в фарватере Антанты, лишь шире прежнего используя связи с социал-демократами других стран, в том числе Венгрии.

Ультиматум, зловеще напоминавший «ноту Викса», приурочивался не только к чешским и словацким делам, но и к начинавшему работу съезду ВСП и предстоящему вскоре Всевенгерскому съезду Советов. Обновлённый состав партийного и государственного руководства откровенно испытывали «на излом». Не имея в распоряжении военных сил, достаточных для удушения Советской Венгрии, Антанта рассчитывала сыграть на внутривнутриполитических противоречиях. Увы, на сей раз коварный расчёт себя оправдал.

15 июня на первом же заседании руководства СПВ, избранного съездом, разгорелась дискуссия об отношении к ультиматуму. Правые социал-демократы и социал-центристы (В. Бём, Ж. Кунфи) высказались за его безоговорочное принятие, ссылаясь на «истощённость» сил ВКА и «абсурдность дальнейшего кровопролития». Левые во главе с Т. Самуэли решительно отвергли ноту Антанты, подчёркивая, что согласие на её условия, без реальных гарантий, грозит республике гибелью. Б. Кун и его сторонники осуждали капитулянтство правых, но сами высказывались за принятие ультиматума, проводя, как и прежде, аналогию с Брестским миром. Ценой уступок Антанте они рассчитывали упорядочить внутренние дела, пресечь вылазки контрреволюции, а главное – получить мирную передышку, пока не улучшится международное положение.

Упоывая на усиление Советской России и на революции в других странах, Б. Кун полагал, что мир с Антантой «*продержится не дольше Брест-Литовского*»¹. В столь ответственный момент отчётливо проявились присущие ему как политику недостатки: склонность абсолютизировать опыт Советской России, без должного анализа переносить его на иную конкретную ситуацию, а также без достаточных оснований рассчитывать на спасительную помощь красной Москвы, европейской и мировой революции.

¹ См. там же. – С. 265.

18 июня В.И. Ленин направил Б. Куну радиogramму: «*Вы конечно правы, начиная переговоры с Антантой. Начать и вести их надо, всякую возможность хотя бы для временного перемирия или мира надо обязательно использовать, чтобы дать отдых народу. Но ни на минуту не верьте Антанте, она вас надует и только выигрывает время, чтобы лучше душить вас и нас*»². Вместе с тем руководство Советской России, по-видимому, проявило излишнюю дипломатичность, не разъяснив, со всей силой ленинского авторитета, неуместность брестских параллелей в принципиально иных условиях.

Дискуссия продолжилась на Всевенгерском съезде Советов, начавшем работу 19 июня. Самоотверженное выступление Т. Самуэли и ряда других коммунистов против опаснейшей сделки с Антантой не смогло достичь цели. Верх взяла противоположная позиция Б. Куна, поддержанная социал-центристами. На съезде разыгралось нечто предвосхищавшее театр абсурда. Приветствовать возгласами с мест пламенную речь Т. Самуэли, единодушно вотировать новую конституцию, признающую Словацкую Советскую республику частью Венгерской Федерации, и тут же голосовать за отвод из неё сил ВКА, отдавая республику на растерзание врагу, – где здесь хоть видимость логики?

Единственное, что могло бы отчасти извинить подобную сумятицу, – это удушение страны блокадой, «костлявая рука голода»; но, если бы дело обстояло так, эту ключевую проблему и следовало бы обсуждать на съездах. Разжать же тиски блокады, демонстрируя противнику слабость, заведомо невозможно. О подобной ситуации В.И. Ленин говорил: «*Допускать ли игру на усталости? – а это становится игрой. Если мы скажем: прекратить войну – несознательные массы будут голосовать за это, – а сознательная часть говорит: ты можешь окончить в несколько месяцев... Несознательные поддаются на всякую удочку, и они с усталости готовы на всё...*»³

В тот же день, 19 июня, Б. Кун уведомил Ж. Клемансо о принятии требований Антанты. ВКА был отдан приказ прекратить наступление. В течение последней декады июня руководство ВСР, видимо, пыталось оттягивать выполнение ультиматума, ожидая хоть каких-то ответных действий другой стороны. Эти же дни отмечены моральной поддержкой Словацкой Советской республики со стороны Москвы и Киева. 26 июня «Правда» вышла с аншлагом: «*Да здравствует Советская республика Словакии!*»⁴ 29 июня в Кошице приняла радиogramму председателя Всеукраинского ЦИК Г.И. Петровского: «*В период тяжёлых испытаний победа словацкого пролетариата придаёт новые силы и бодрость украинским рабочим и крестьянам, отражающим бешеный натиск белогвардейцев, и служит залогом окончательной победы мирового пролетариата. Советская Украина верит, что недалёк тот час, когда армии братских республик соединятся для совместной борьбы с мировой контрреволюцией*»⁵. Сказано в принципе правильно, только не поздно ли?

² Ленин В.И. Бела Куну. 18.VI.1919 / ПСС. – Т. 50. – С. 354.

³ Ленин В.И. Пленум Всероссийского Центрального Совета профессиональных союзов. 11 апреля 1919 г. Заключительное слово по докладу / ПСС. – Т. 38. – С. 296.

⁴ См.: Нежинский Л.Н. 133 дня 1919 года. – С. 237.

⁵ Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. – М.:1973. – Т. 1 (ноябрь 1917 – август 1922 г.). – С. 266.

В последний день июня французская пресса опубликовала официальное сообщение Бухареста: никакого отвода румынских войск, пока в Венгрии остаётся советское правительство! Понятно, намеки «союзники» Бухаресту, что ультиматум касается и его, спесь последней боярской олигархии сразу бы улетучилась. Руководство же ВСР вместо того, чтобы аннулировать согласие с ультиматумом из-за невыполнения другими его условий, пошло на дальнейшие односторонние уступки.

30 июня части ВКА начали покидать Словакию. Красная Армия СССР, только начавшая создаваться, не могла одна противостоять превосходящим силам врага. Несколько тысяч словацких бойцов, решивших дальше сражаться за власть Советов, уходили с родины вместе с ВКА. Спустя неделю, 7 июля, Словацкая Советская республика пала.

Уход с освобождённой немалой ценою земли без единого выстрела, оставляя товарищей по оружию и мирное население на произвол врага, нанёс моральному состоянию бойцов ВКА, всех приверженцев Советской власти как в Словакии, так и в Венгрии тяжкий удар. Участник событий описывал преобладавшее настроение так: *«Для этого ли мы воевали? Не было бы больно, если бы чешские империалистические войска были сильнее и вытеснили бы нас с боями, но приобретённую ценой крови землю отдать просто так... возможно только в том случае, если мы окружены предателями. Это думал и высказывал каждый»*¹.

Следовало или вообще не начинать поход, не сеять в партии, армии и народе иллюзий, или уж доводить дело до решительного конца. Поистине даже злейший враг, проникший в рабочую партию, не мог бы умышленно провести меру, способную в большей степени оттолкнуть или дезориентировать разом все социально-политические силы, относительное согласие которых поддерживало стабильность республики. Для военных это было тяжким унижением, для патриотов – окончательным отказом от «Большой Венгрии», для принявших новую советскую конституцию – её циничным попранием, для мелких буржуа и отражавших их колебания социал-центристов – признаком слабости власти, для молодых романтиков – изменой идее мировой революции, для твёрдых коммунистов – невыполнением интернационального долга, и для всех – предательством сотен тысяч мадьяр, оставляемых на чужбине, и тех словаков, кто поверил в новую Венгрию. Тяжесть удара усугублялась его внезапностью: каких-то три месяца назад люди гордились новой властью, перечеркнувшей ноту Викаса, а совсем недавно, 7 июня, с неподдельным энтузиазмом праздновали победу своей Красной Армии; и вот уже всенародная радость оборачивалась горечью разочарования.

За всё это страна не получала даже «несчастливого мира», как назвал Ленин недолговечный договор с Германией. Затягивание по настоянию «левых коммунистов» брестских переговоров, конечно, не шедевр дипломатии, но приходится признать: Б. Куну не удалось даже этого. Ученически подражая Брестскому миру, он не учёл одного из главных его уроков. Ленин уже в начале 1918 г. предлагал принять первоначальные условия мира, предложенные Германией, – кстати, они были легче условий ультиматума Антанты, предъявленного в июне 1919 г. Венгрии. Но, столкнувшись с сопротивлением в партии и Советах, Владимир Ильич на своей позиции не настаивал; подписать мир, пусть уже на худших условиях, он потребовал, лишь когда наступление Германии сделало

превосходство её сил очевидным для всех. В материальном плане затягивание переговоров и отказ от ультиматума стоили Советской России дополнительных потерь. Но в морально-политическом отношении, особенно важном в революции, одно дело – отступление на войне, перед превосходящими силами врага или ввиду небоеспособности своей армии, и совсем другое – принятие ультимативных требований, «не обнажив мечей».

К этому надо добавить качественное различие чисто военных ситуаций. Советская Россия к моменту Бреста не имела армии, кроме вконец разложившейся старой и едва начатой формированием новой, германские же вооружённые силы сохраняли боеспособность. В 1919 г. всё обстояло как раз наоборот: армии стран Антанты, по окончании мировой войны жаждавшие демобилизации, не годились для масштабной интервенции; тогда как Советская Венгрия создала на новых началах Красную Армию, доказавшую в Северном походе высокие боевые качества и высокий моральный дух, и именно односторонний отвод войск по условиям ультиматума ставил армию и пролетарское государство на грань развала.

Не в силах принять оставления Словакии и в знак протеста против этого шага, А. Штрэмфельд ушёл в отставку с поста начальника Генштаба ВКА. Отчаянный поступок выдающегося военачальника и патриота сыграл в судьбе республики губительную роль: его место занял бывший подполковник Ф. Жулье, в дальнейшем показавший себя как предатель, связанный с организованной контрреволюцией и нанёсший рабочей власти удар в спину.

Внутренним последствиям не уступали в тяжести последствия международные. Отступление ВСР помогло укреплению под новой вывеской власти капитала в Чехословакии, главное же – облегчило заключение Версальского мира Антанты с Германией (это произошло через 9 дней после принятия ультиматума Будапештом ультиматума). Развязав себе руки, Антанта смогла вплотную заняться Венгрией, отвечая на все жалобы лишь односторонним ужесточением своих условий.

То, чем закончился так блестяще начавшийся словацкий поход, можно сравнить разве только с выводом из Испании интербригад по решению «комитета по невмешательству», да с горбачевским уходом советских войск из Афганистана и стран Варшавского договора. Сопоставимы и морально-политические итоги этих акций.

Можно сказать, с момента принятия ультиматума Антанты история начала «обратный счёт» не только для Словацкой, но и для Венгерской Советской республики. Революции, объективно слившиеся, поверх ещё весьма проблематичных государственных границ, воедино, нельзя было разделить безнаказанно. «Открыто водружённое знамя» явственно покачнулось, побуждая врагов и ренегатов как можно скорее его сорвать

16. Партия и Интернационал: ответственность выбора

Развитие пролетарской революции в Венгрии было теснейшим образом связано со становлением III Коммунистического Интернационала. Далеко не случайно, что I Конгресс Коминтерна от создания ВСР отделяют неполные две недели. Фактически оба идейно-политических процесса происходили синхронно. Хотя уже в 1917 г. в среде радикальной интеллигенции оформилась «Группа левых социалистов, примкнувших к Циммервальду», начало непосредственному участию мадьярских пролетариев в создании Коминтерна положила Венгерская группа РКП(б), созданная весной 1918

¹ Цит. по: Нежинский Л.Н. 133 дня 1919 года. – С. 266.

г. бывшими военнопленными и ставшая секцией Федерации иностранных групп большевистской партии. Благодаря ей многие из основателей ВКП получили опыт работы в рядах самой передовой в мире организации пролетарских революционеров. На VIII съезде РКП(б), заслушавшем отдельный доклад Федерации иностранных групп, В.И. Ленин подчёркивал, что ее работа «*составляла одну из самых важных страниц в деятельности Российской коммунистической партии, как одной из ячеек Всемирной коммунистической партии*»¹.

Участие руководителей Венгерской группы в создании КПВ, можно сказать, породило партию с РКП(б) и Коминтерном. КПВ с момента основания считала себя секцией ещё только формировавшегося III Интернационала: в первом пункте её Устава говорилось, что партия «*является в Венгрии организацией союза коммунистов*»².

В конце 1918 г. В.И. Ленин в письме Г.В. Чичерину назвал коммунистов Венгрии в числе самых твёрдых сторонников нового Интернационала³. Следуя принципам пролетарского интернационализма, КПВ наладила рабочие контакты с братскими партиями Германии, Австрии, Восточной Галиции. В Вене действовала венгерская коммунистическая группа; делегация КПВ участвовала в конференции Компартии Австрии.

Партия венгерских коммунистов выступала соучредителем Коминтерна. Уже на этапе подготовки она настаивала на его скорейшем конституировании. При созыве I конгресса Венгрия была отнесена к группе стран, имевших право прислать до трёх делегатов. Границы и фронты не позволили Л. Рудаши и Г. Месарошу поспеть на конгресс, поэтому КПВ представлял руководитель Загранбюро А. Руднянский. От имени партии он заявил: «*Венгерские коммунисты единодушно вносят предложение о том, чтобы III Интернационал был основан здесь и формально, так как фактически он уже существует... Мы не допускаем возможности, что здесь не будет формально санкционировано основание III Интернационала, который фактически завоёван борьбой русского пролетариата... В период такой же борьбы вступил ныне революционный коммунистический пролетариат Венгрии*»⁴.

Венгерский представитель вошёл в первый состав Исполкома Коминтерна (ИККИ). КПВ в лице Загранбюро выступила одной из восьми подписантов Обращения «К I съезду Коммунистического Интернационала», где излагались общие цели и тактические установки коммунистов, а затем разослала документ своим организациям и опубликовала в венгерской печати как изложение принципов партии. КПВ подписала и принятый I Конгрессом «Манифест Коммунистического Интернационала к пролетариям всего мира». Партия выразила полное согласие с принципами Платформы III Интернационала, тезисами и докладом В.И. Ленина «О буржуазной демократии и диктатуре пролетариата».

Таким образом, КПВ можно с полным правом отнести к инициаторам и самым активным участникам создания Коминтерна. Её выдающаяся роль определялась как широким участием мадьяр-интернационалистов в защите Советской России, так и революционным подъёмом на их

родине. Выступая на I конгрессе, Ленин высоко оценил работу коммунистов в самой Венгрии⁵. Он особо отметил быстрое нарастание в стране революции, предсказав возможность её победы «*в ближайшие месяцы*»⁶.

Закономерно, что одним из условий создания единой рабочей партии, переданных коммунистами руководству СДПВ, ставилась необходимость вхождения в III Интернационал. После взятия власти, первой же приветственной телеграммой вождю международного пролетариата и III Интернационала, партия заявила о присоединении к Коминтерну.

Венгерские делегаты Л. Рудаши и Г. Месарош, не успевшие принять участия в конгрессе, полностью поддержали его решения. Образование ВСР застало обоих в Москве. Беседа их с В.И. Лениным носила закрытый характер. Уже после падения республики, в 1920 г., Л. Рудаши опубликовал изложение разговора, чем инициировал многолетнюю дискуссию политиков и историков. По его воспоминаниям, Владимир Ильич, одобряя в принципе создание объединённой партии, уже тогда предупреждал об опасности такого пути, при котором участие центристов в руководстве и численное преобладание выходцев из СДПВ над коммунистами могло бы поставить под вопрос принципиальность партийной политики. Если верить передаче беседы Рудаши, Ленин говорил, что правильнее было бы взять власть совместно, но сохранить независимость КПВ. Однако достоверные ленинские тексты весны 1919 г. этого не подтверждают, и у нас не может быть уверенности, что Рудаши по памяти передал беседу адекватно, а не перенёс на прошлое, пусть и незаметно для себя, более поздние представления.

Известно, что вопрос о сочетании, в специфических условиях Венгрии, единства рабочего класса с обеспечением руководящей роли коммунистического авангарда поднимался Исполкомом Коминтерна. Получив 22 марта от одного из руководителей ВСР Э. Пору информацию о решении руководства новой партии, что её «*наименование... до решения вопроса революционным Интернационалом, будет Социалистическая партия Венгрии*»⁷, ИККИ на следующий день телеграфировал ответ: «*Конгресс не принял прямого обязательства для всех партий немедленно переименоваться в коммунистические. Но мы уверены, что вполне выразим волю всего конгресса, если позволим себе посоветовать вам добиться того, чтобы ваша партия, партия победоносного венгерского пролетариата, называлась непременно коммунистической партией. Вам первым после русского пролетариата удалось завоевать власть в вашей стране. Вы создали Венгерскую Советскую республику и установили диктатуру пролетариата. Ваша партия действует на одном из ответственных постов. Стало быть, необходимо, чтобы название вашей партии во всём соответствовало вашей программе и вашей борьбе, вызывающей энтузиазм у рабочих всего мира*»⁸.

¹ Ленин В.И. VIII съезд РКП (б). Отчет Центрального Комитета 18 марта / ПСС. – Т. 38. – С. 148.

² Цит. по: Первый конгресс Коминтерна: Великий Октябрь и рождение мирового коммунистического движения. – М.: ИПН, 1986. – С. 420.

³ См.: Ленин В.И. – Г.В. Чичерину / ПСС. – Т. 50. – С. 227-230.

⁴ Цит. по: Первый конгресс Коминтерна. – С. 421.

⁵ «За исключением Венгрии, для распространения советской системы в деревне делается весьма мало» / Ленин В.И. Первый конгресс Коммунистического Интернационала 2 – 6 марта 1919 г. Тезисы и доклад о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата 4 марта / ПСС. – Т. 37. – С. 508.

⁶ Ленин В.И. VIII съезд РКП (б). Доклад о партийной программе 19 марта / ПСС. – Т. 38. – С. 163.

⁷ Цит. по: Первый конгресс Коминтерна. – С. 426.

⁸ Цит. по: Нежинский Л.Н. 133 дня 1919 года: Советская Россия и Венгерская Советская республика. – М.: ИПН, 1989. – С. 171.

Венгрии почти целиком посвящён второй номер журнала «Коммунистический Интернационал» за 1919 г. В нём опубликованы присланные Б. Куном материалы – его послание В.И. Ленину от 22 апреля и текст выдвинутых КПВ условий объединения рабочих партий. В подборку вошли также ленинское письмо «Привет венгерским рабочим», ряд посвящённых ВСР статей и обращение к мировому рабочему классу с призывом подняться на защиту Советской Венгрии.

11 мая ИККИ опубликовал воззвание к трудящимся всех стран. Разоблачив преступные цели агрессоров, ИККИ подчёркивал: «*Наступление империалистов против социалистической Венгрии совершается при явном сочувствии и довольно определённой поддержке со стороны социал-предателей, называющих себя «социал-демократами»*». Он призвал румынских, чехословацких, югославянских солдат «*отказаться от роли невольных палачей венгерских рабочих*», а французский пролетариат – поднять голос протеста, чтобы «*выбить из рук буржуазии нож, которым она замахнулась на наших братьев*»¹. Коминтерн выступил с инициативой провести всеевропейскую забастовку в защиту советских Венгрии и России.

Подготовить столь масштабную акцию международной солидарности удалось лишь к последней декаде июля. Первоначально поддержку выражали и руководители социал-демократического Интернационала. Однако в последний момент они решили отменить стачку. 21 июля забастовка протеста охватила Германию, Австрию, Италию, Норвегию, даже находившиеся на военном положении Румынию и Королевство сербов, хорватов и словенцев. Но в Великобритании и Франции социал-штрейкбрехерам удалось сорвать протест, который именно в центрах агрессии мог бы ещё повлиять на ход событий. 30 июля печать Советской России опубликовала обращение ИККИ к рабочим стран Антанты, предупреждавшее о последствиях штрейкбрехерства: «*Первым результатом этого является то, что союзные империалисты готовят новый натиск на героическую Советскую республику Венгрии*»².

Теснейшая связь с РКП(б) и Коминтерном давала венгерским коммунистам много идейно-теоретических и политико-организационных преимуществ. Но имелась и обратная сторона. Взаимодействие международной коммунистической организации с более сложной по составу «партией революции», возглавлявшей государство диктатуры пролетариата в Венгрии, складывалось непросто.

Историческое своеобразие СПВ как политического стержня Советской власти в стране определялось двумя объективно противоречивыми моментами. С одной стороны, единая партия при своём создании приняла идейную платформу коммунистов; с другой же – объединение рабочего движения, достигнутое в марте 1919 г., базировалось на традиционной – сравнимой, пожалуй, лишь с британским лейборизмом – слитности СДПВ, а затем СПВ, с самой массовой организацией трудящихся – профсоюзами. Такое положение, когда каждый рабочий, входивший в профсоюз, считал себя социалистом, облегчало осуществление диктатуры пролетариата в советской форме, близкой той, которая В.И. Ленину в 1917 г. представлялась как «*полная передача управления страной и контроля за хозяйством её рабочим и крестьянам, которым никто не посмел бы сопротив-*

*ляться...»*³. Столь широкий охват масс пролетарской организацией, служившей фундаментом революционной власти, обуславливал и её компромиссный старт, и возможность сдерживать противника минимумом насильственных мер, и шанс обеспечить «*мирное развитие революции вперёд, мирное изживание партийной борьбы внутри Советов*»⁴, вообще «*сделать дальнейшее развитие постепенным, мирным, спокойным, идущим вполне в уровень сознания и решения большинства народных масс, в уровень их собственного опыта*»⁵.

Но со столь широким характером пролетарской организации были связаны и её слабые стороны. При подобной структуре политической системы ни в Советах, ни в партии не обеспечивалось коммунистического большинства; преобладающие позиции оставались за социал-демократами и центристами, что для организованных рабочих старших поколений вошло в привычку. Коммунисты, будучи меньшинством, могли определять курс рабочей власти лишь отчасти и до тех пор, пока находили с социал-центристами общий язык.

Недавние социал-демократы, составлявшие в объединённой СПВ большинство, идейно тяготели не столько к Коминтерну, сколько к обособившемуся от II Интернационала социал-центристскому объединению – «II½ Интернационалу», как его иронически прозвали левые. Эту склонность традиционных лидеров массовой партии, во многом слитой с рабочими профсоюзами, кадрам и массам лишь предстояло изжить политически.

Среди коммунистов, составлявших меньшинство партии, явственно проявлялась тенденция, свойственная всем молодым секциям Коминтерна, – преувеличивать применимость **внешних форм** большевистского опыта к условиям, отличным от российских. Это особенно было свойственно Б. Куну. Стремясь максимально приблизить структуру и идеологию партии к критериям Коминтерна, очистить её ряды от случайных, карьеристских и прямо враждебных элементов, он видел основные средства достижения цели в скорейшем принятии программы и нового устава, введении кандидатского стажа и других организационно-идеологических мерах. При этом не обходилось без переоценки возможностей этих мер самих по себе и степени их осуществимости в сложившихся условиях.

Уже через четыре дня после взятия власти Б. Кун выступил с открытым письмом о партийном единстве, где, в частности, подчёркивал: «*Того, чего мы в своём стремлении к партийному единству не смогли добиться раньше, мы можем достичь теперь лишь в борьбе за строгую, дисциплинированную и единую партию*»⁶. Спустя несколько недель он вновь призывал: «*Надо очистить партию, надо укрепить её, сделать прочной, единой и дисциплинированной... Партийные организации должны действовать во всём рабочем движении как принципиальные и теоретические руководители; они должны быть принципиальными и теоретическими руководителями революционной дикта-*

¹ См. там же. – С. 234-235.

² См. там же. – С. 278.

³ Ленин В.И. Один из коренных вопросов революции / ПСС. – Т. 34. – С. 207.

⁴ Ленин В.И. О компромиссах / ПСС. – Т. 34. – С. 135.

⁵ Ленин В.И. Один из коренных вопросов революции / ПСС. – Т. 34. – С. 207.

⁶ Кун, Бела. О Венгерской Советской республике / Избранные речи и статьи. – М.: 1966. – С. 138.

туры пролетариата, которая является венцом всего рабочего движения»¹.

12-13 июня 1919 г., в поворотный момент внутренней и международной ситуации, венгерская «партия революции» собралась на свой первый и, увы, единственный съезд. Партийному форуму предшествовала подготовительная работа: за вторую декаду мая Б. Кун выступил с пятью докладами, обосновывая основные положения новой программы. Он призывал полностью преодолеть социал-демократические традиции, «которые для нас означают II Интернационал», отмежеваться от «оппортунистического, антиреволюционного, реформистского социал-патриотического направления».

В одном из докладов Б. Куна подчёркивалось, что до тех пор коммунисты руководствовались «всеобщими основополагающими принципами большевизма», заложенными в Платформу Коминтерна; рабочее движение Венгрии «без всяких условий присоединилось к III Интернационалу»². Общность идейно-теоретической основы Коминтерна, статус компартий как секций единой международной организации, единство основных тактических принципов и методов предлагалось отразить в партийной программе.

Главной целью партии провозглашалось «свержение капиталистического общественного строя, основанного на частной собственности на средства производства, и осуществление социализма как первой фазы коммунизма». В программе подчёркивалось, что партия «видит в диктатуре пролетариата единственный путь, который выведет пролетариат (по-ленински следовало бы сказать – всё человечество – А.Х.) из капиталистической разрухи в мир социализма»³.

С формально-количественной точки зрения, проект получил почти единогласное одобрение, при всего трёх голосах «против». Принятие столь радикальной программы левые считали своей победой. Однако за ортодоксально-марксистские формулировки голосовали нередко те же деятели, которые на практике саботировали политику диктатуры пролетариата, а в скором будущем так же дружно проголосуют за её упразднение. Ленин не зря предупреждал: в политике нельзя верить на слово. Оппортунизм потому и зовется оппортунизмом (от слова, означающего «возможность»), что позволяет своим носителям внешне признавать что угодно, продолжая на деле гнуть свою линию или колебаться вместе с чужой.

Острая борьба вспыхивала на съезде всякий раз, когда наступал черёд переходить от общих деклараций к конкретным методам осуществления диктатуры пролетариата, к ключевым вопросам текущей политики. В выступлениях Ж. Кунфи, Я. Велтнера и других центристов делался упор на необходимость «демократизации» диктатуры пролетариата путем дальнейшего «смягчения» политики в отношении буржуазии. Б. Кун и Т. Самуэли видели в этом дискредитацию самого принципа революционной диктатуры. Один из левых, Е. Хамбургер, говорил: «Пусть каждый серьёзно спросит себя и решит, приемлет он диктатуру пролетариата или нет. Кто за неё, пусть идет с нами, а кто против, пусть сделает выводы и уйдёт из рядов нашей объединённой партии»⁴. Но адресовать подобные призывы социал-центристам, составлявшим на съезде большинство,

вряд ли имело больше смысла, чем выносить на их голосование программу коммунистического содержания.

Как и следовало ожидать, самый ожесточённый спор вызвали пункты Устава о чистке партии, кандидатском стаже и размежевании партийной организации с профсоюзной. Социал-центристы выступили против любых ограничений приёма и за сохранение унаследованной от СДПВ профсоюзно-партийной слитности. Прийти к согласию по проекту Устава так и не удалось; его решили передать для доработки новому руководству партии, а затем вынести на специальный пленум ЦК, который так и не состоялся.

Весь мировой опыт показывает, что организационная неразмежеванность рабочей партии с профсоюзами не отвечает перспективным задачам революционной власти, а при определённых условиях может сыграть на руку врагу. Но одно дело – не допускать подобного положения изначально, что удалось в условиях нелегальной организации обеспечить большевикам (но не избавило и РКП(б) от напряжённой дискуссии на профсоюзную тему, и тоже в кризисный для пролетарской власти момент 1920-21 гг.). Другое дело – укоренившуюся традицию пытаться переломить волевым усилием; если она не изжита на практике большинством организованного пролетариата, эффект скорее всего окажется обратным.

Одним из самых дискуссионных на съезде стал вопрос о наименовании партии. Б. Кун, сославшись на документ об объединении двух рабочих партий и рекомендацию ИККИ, предложил принять название «Коммунистическая партия Венгрии». Старый идеолог СДПВ Ж. Кунфи, в марте подписавший документ об объединении, предлагал сохранить наименование «Социалистическая партия». Другой ветеран СДПВ, Я. Велтнер, предлагал компромиссный вариант – «Социалистическая (коммунистическая) партия». В итоге большинство делегатов, в недавнем прошлом социал-демократов, высказалось за иную формулу компромисса – «Партия социалистическо-коммунистических рабочих Венгрии». Новое название (кстати, текстуально предвосхитившее «социализм-коммунизм» некоторых наших товарищей) в реальных условиях середины 1919 г. отражало не упрочение единства партии, а обратную тенденцию. В свете печального опыта Баварии и при сохранении организационной слитности с профсоюзами особо настораживала формулировка «партия рабочих», невольно или вольно делавшая уступку противопоставлению партийным кадрам рабочих «от станка» или профсоюзных функционеров. Это демагогическое оружие вскоре будет применено и в Венгрии.

В ходе выборов руководящих органов партии центристам не удалось занять господствующее положение, но они сохранили позиции, позволявшие если не навязывать свою линию, то блокировать или тормозить любую иную. Итоги съезда зафиксировали «патовое» положение, не удовлетворявшее никого.

Вскоре Б. Кун предложил Т. Самуэли возглавить движение за воссоздание Коммунистической партии. Эту инициативу можно было интерпретировать либо как попытку придать всей СДПВ коммунистический характер, на что сил у левых явно не хватало, либо как разделение наличной на тот момент партии, трансформацию её в подобие единого рабочего фронта – тогда это противоречило бы объединительной декларации и решениям съезда. В обоих случаях осуществимость проекта сомнительна. Рабочие на предприятиях и в профсоюзах трактовали его по-своему, пытаясь вытеснить оппортунистов из партийных рядов. Но ни время, ни противники не ждали.

¹ Цит. по: Проблемы мира и социализма. 1969. №3. – С. 26.

² Цит. по: Первый конгресс Коминтерна. – С. 434.

³ Цит. по: Нежинский Л.Н. 133 дня 1919 года. – С. 272.

⁴ См. там же.

Непосредственным продолжением партийного форума стал Всевенгерский съезд Советов, открывшийся уже на следующий день, но работавший заметно дольше – с 14 по 23 июня. Ситуация на нём складывалась аналогично партсъездовской: принятие, без сучка и без задоринки, образцово-социалистической конституции, по конкретным же политическим вопросам – тяжёлая полемика, в которой коммунисты обычно оставались в меньшинстве.

С особой силой на съезде проявились существенные различия в понимании диктатуры пролетариата. Коммунисты и левые социалисты, нёсшие основную тяжесть борьбы с контрреволюцией, стремились обеспечить безопасность пролетарской власти более энергичными мерами. Социал-демократы и центристы видели в этом угрозу абстрактно понимаемой демократии, сами же тяготели к «мягкому» осуществлению власти, при котором от революционной диктатуры мало что оставалось. Единичные случаи расстрела белых террористов расследовались с пристрастием; защитники революции, обвиняемые в малейших «злоупотреблениях», подвергались примерному наказанию; зато главари мятежей, имевшие заступников в стране и за рубежом, избегали заслуженной кары.

По-своему символично, что в зале театра, где проходил съезд, обнаружались контрреволюционные листовки. Делегаты «центра» знай себе улыбались: «Собака лает – ветер носит!» Назавтра, 24 июня, в столице вспыхнул мятеж. Власти были предупреждены, но мер не приняли. И неудивительно: в путче участвовал гарнизон, которым командовал один из социал-демократических лидеров – будущий капитулянт Й. Хаубрих. Не подоспей вовремя рабочие отряды, всё было бы кончено уже тогда.

По итогам съезда Советов, в соответствии с принятой им конституцией, был сформирован новый орган власти – Федеративный центральный исполнительный комитет из 150 членов. Состав образованного им правительства сильно обновился. Лидеры центристов Ж. Кунфи и Я. Велтнер в него не вошли. Но наркомы перестали быть и Т. Самуэли, К. Вантуш, Д. Лукач, другие коммунисты. Шесть портфелей, включая председательский, достались социал-демократам центристского и правого толка, шесть – левым социалистам и лишь три – коммунистам. При всех декларациях о единстве партии, распределение постов сохранило характер неустойчивого коалиционного баланса.

Несомненно, организационно-партийные меры, предложенные Б. Куном на съезде СГВ, способствовали бы укреплению рабочей партии и всей системы пролетарской власти, если бы могли быть проведены в жизнь. Но вряд ли реалистично было рассчитывать на их немедленное осуществление в стране, где коммунисты, даже вместе с левыми социалистами, не имели ни в партии, ни в Советах большинства, а пролетарские массы связывали все достижения революции с той партией и той властью, от которой себя не отделяли. В таких условиях, независимо от субъективно благих намерений, настаивать на форсированном приближении партии к образцу РКП(б) означало лишь усиливать колебания социал-центристских союзников и социал-демократических попутчиков, облегчать работу с ними не коммунистам, а классовому врагу.

Да и следовало ли, в решающий на фронте и в тылу момент, спешить со съездом партии, реорганизацией Советов и новой конституцией, отдавая столько времени и сил малопродуктивным дискуссиям? Не стоило ли

вопросы, на данном этапе не разрешимые, отложить на будущее? Первоочередное внимание следовало сосредоточить не на перспективно-программных, а на конкретно-политических темах – отпоре интервенции Антанты, условиях мира, освобождении оккупированных земель, судьбе братской Словакии. Именно по этим животрепещущим вопросам можно было сплотить максимальный спектр антиимпериалистических сил в стране и за рубежом, выявить и политически изолировать капитулянтов и саботажников, вместе с тем способствуя обучению масс и кадров на собственном опыте. И уже потом, завоевав в рядах пролетариата и в «партии революции» большинство, переходить к его программному оформлению и организационному закреплению.

Сказанное относится и к руководству только что созданного Коминтерна. Надо ли было подталкивать венгерскую «партию революции», где коммунисты отнюдь не преобладали, к скорейшему принятию коммунистического **названия**? Как бы ни хотелось поскорее привести имя партии в соответствие с перспективными задачами, – политикам, взявшим на себя ответственность руководить международной организацией коммунистов, следовало по-ленински понимать и разяснять молодым товарищам, что массовое сознание пролетариата, при капитализме и на «выходе» из него, не сразу становится коммунистическим; что порыв разбухших революцией масс носит вначале характер даже не столько социалистический, сколько, используя термин Энгельса, «*общереволюционный*»¹, обуславливая на данном этапе необходимость компромисса с левой социал-демократией; что попытка декларативно ускорить идейное размежевание, опережая собственный опыт масс и кадров, обречена на неудачу и чревата поражением.

Вряд ли можно признать своевременной и инерцию обличения «социал-патриотизма». Ведь шёл уже не 1914 и даже не 1918 год. В Венгрии середины 1919 г. вопросом была защита страны от вторжения империалистических сателлитов, угрожавшего не только пролетарским завоеваниям, но и независимости и самому существованию нации. В таких условиях правых социал-демократов следовало упрекать не в приверженности патриотизму, а скорее в его недостатке. В.И. Ленин ещё в ноябре 1918 г. прозорливо заметил, что изменение исторических условий наполнило патриотизм как «*одно из наиболее глубоких чувств, закреплённых веками и тысячелетиями обособленных отечеств*»², новым, антиимпериалистическим, содержанием. На этой идеологической основе, понятной и близкой человеку труда, сознательному гражданину и действительному патриоту, можно было и при наличном соотношении политических сил максимально укрепить защиту революции, наглядно показав врагам и колеблющимся реальную мощь, волю и твёрдость рабочей власти.

Увы, к проведению именно такой линии – гибкой в своей принципиальности и принципиальной в необходимой гибкости, усваивающей большевистский опыт не на словах, а на деле, – молодое коммунистическое движение не было достаточно подготовлено. Результат говорит сам за себя: «мягкое» проведение диктатуры пролетариата, прикрываемое революционной фразой, продолжалось до трагического финала Советской Венгрии.

17. Падение знамени

Прослеживая основные вехи пути, пройденного Венгерской Советской республикой, мы подошли к самой горькой и трагической странице – обстоятельствам

и причинам её гибели. Применительно к этой теме, оставшейся на протяжении десятилетий не только психологически болезненной, но и политически острой, сложился ряд стереотипных трактовок, на поверку оказывающихся либо упрощёнными, либо неверными.

В недавнем прошлом в социалистических странах преобладала позиция, официально выраженная в посвящённой 60-летию ВСР статье за подписью Яноша Кадара: *«Венгерская Советская республика была задушена внешними вооружёнными силами, организованными Антантой»*¹. В лучшем случае уточнялось, что *«превосходящие вооружённые силы Антанты при содействии внутренних предателей свергли пролетарскую власть в Венгрии»*².

Абсолютизация роли прямой империалистической интервенции в трагедии 1919 г. не носила чисто исторического характера. Её социально-политические причины были непосредственно связаны с нараставшими уступками идеологии и политике социал-реформистских сил, нёсших за гибель ВСР прямую ответственность. В плане же историко-методологическом она базировалась на поверхностном восприятии событий по аналогии с Парижской Коммуной 1871 г., Финляндией 1918 г., Латвией 1919 г., Испанией 1936-1939 гг. и другими «классическими» примерами внешней и внутренней контрреволюции. Однако в этом отношении, как и в ряде других, ВСР имела немалую специфику.

Антанта действительно готовила поход против ВСР, не раз угрожала массированной интервенцией. Но большей частью это был блеф – достаточных по численности и боеспособности военных контингентов в её распоряжении не было. Послать свои войска, лишь около полугода как выбравшиеся из окопов Первой Мировой, на новую тяжёлую войну за чуждые народам цели означало спровоцировать революционный кризис в своём тылу; степень же боеспособности войск и тыла государств-сателлитов наглядно показали результаты Северного похода ВКА. Когда главнокомандующий силами Антанты маршал Ф. Фош предложил Парижской конференции двинуть на Будапешт 120-тысячную группировку, «Совет четырёх» план отклонил по причине отсутствия надёжных войск. Таким образом, объяснение поражения общим превосходством сил интервентов для Венгрии 1919 г. не проходит.

Может быть, решающую роль в удушении «Коммуны» сыграли силы внутренней контрреволюции? Вообще говоря, революция и контрреволюция – диалектически противоречивые стороны единого процесса: одна без другой не существует. В этом плане Венгрия не составляла исключения. Формирование «белого» лагеря началось ещё на буржуазно-демократическом этапе революции и вышло на новый уровень после создания ВСР. Однако уникальной особенностью Венгрии 1919 г. была крайняя слабость «белых», способных не то что свергнуть Советскую власть своими силами, но и развязать, хотя бы с иностранной помощью, полномасштабную гражданскую войну. Одним из факторов слабости была разрозненность. Параллельное «правительство» графа Д. Каройи – брата «красного» экс-премьера – базировалось сперва в румынской зоне оккупации, затем в занятом французами Сегеде.

«Антибольшевистский комитет» графа И. Бетлена пребывал в австрийской столице. Будущий диктатор М. Хорти вначале отсиживался в своём имении, и лишь когда позиции красных пошатнулись, занял в сегедском «правительстве» пост военного министра. Все группировки «белых», если и пытались скреплять оружие с реальным противником, то лишь следуя в боевых порядках интервентов, а при первом контрударе обращались в бегство. В основном же занимались другим: предлагали услуги зарубежным покровителям, строили планы один авантюристичнее другого, сводили междоусобные счёты, «копили силы» для террора да демагогически «осуждали» экспансионизм режимов Бухареста и Праги – ставленников тех же империалистических кругов, что и они сами. Контрреволюция иных стран попадала в столь жалкое положение, проиграв гражданскую войну; венгерская же, можно сказать, состарилась при рождении.

Другой отряд внутренней контрреволюции, в социальном плане мелкобуржуазно-кулацкий, составляли участники мятежей июня 1919 г. Эти мятежи, подобно эсеровским в России годом ранее, охватывали небольшие городки и отдельные села сначала в Западном крае, затем на юге. Кулаки и зажиточные мещане решались всзять за оружие лишь в самые напряжённые для республики моменты: первый раз – в начале Словацкого похода, второй – после его остановки. Но и тогда **ВСЕ** мятежи ликвидировались за несколько дней, очень небольшими силами и с минимумом потерь. Не этим же «отцам венгерской демократии», предвосхитившим персонажей И. Ильфа и Е. Петрова, было свергать пролетарскую власть...

Среди вылазок внутренней контрреволюции несколько выделяются две. Первая – забастовка железнодорожников, организованная в начале июня «Антибольшевистским комитетом», втянувшим в нелегальную организацию ряд служащих управления железных дорог Западного края. Но и этой пародии на российский Викжель хватило на три дня. Опасность она представляла не столько сама по себе, сколько в качестве сигнала к кулацким мятежам в провинции. Но наглядная демонстрация мятежниками своих намерений – первым делом они расстреливали коммунистов – не прибавила им поддержки народа.

Вторым надо назвать мятеж в Будапеште 24 июня – единственный происшедший в столице и с участием хотя бы горстки военных. Офицерам-заговорщикам, действовавшим в контакте с главой британской миссии, удалось поднять одну казарму артиллеристов, слушателей военной академии и экипажи трех мониторов на Дунае. Артиллеристы открыли беспорядочную пальбу по улицам, слушатели забаррикадировались в академии и заняли телефонную станцию, а мониторы обстреляли Дом Советов. Мятежники надеялись, что к ним присоединятся войска и жители, «ждущие освобождения от диктатуры Советов». Но ничьей поддержкой путч не получил. Рабочие отряды под командованием коммунистов О. Корвина и Б. Санто, а через несколько часов – прибывшего с юга Т. Самуэли, восставили спокойствие в тот же день.

Особенность Венгрии состояла ещё и в том, что этой пародией на перевороты в «банановых республиках» исчерпывались все плоды усилий контрреволюции по привлечению на свою сторону вооружённых сил. Максимум, что смогла «пятая колонна» (термина ещё не было, явление было), – методами саботажа

¹ Кадар Я. Наше славное наследие / Правда, 21.03.1979.

² Немеш Д. Пятидесятилетие Советского государства и Венгрия. - М.: ИПЛ, 1967. - С. 60.

подвести Красную Армию под военное поражение. Но и для этого общая расстановка сил должна была уже существенно измениться.

Слабость «классической» контрреволюции не означает, что венгерское общество не несло в себе немало консервативного груза. Обратное доказывают и две волны мятежей, и особенно ход событий после падения республики. В двойственности поведения значительной части народа не могли не проявиться устойчивые социокультурные установки центрально-европейского региона, где мещанско-филистерская среда, исторически возникнув как «плод потерпевшей поражение революции, результат прерванного и обращённого вспять развития»¹, столетиями накладывала отпечаток на облик всех классов, не исключая пролетариата. В этом контексте не стоит недооценивать и такую черту, как особо устойчивая патриархальность быта и обычаев. Даже пролетарская революция 1919 г. по руководству и кадрам оставалась, единственная в Европе XX века, чисто мужской. Между тем эмансипацию женщин и их участие в общественно-политической жизни классики марксизма-ленинизма недаром считали одним из важнейших показателей прогресса, да и всей социально-культурной атмосферы в обществе.

Обращает на себя внимание и следующее обстоятельство: в отличие от революций других стран, где на любые уступки врагу передовой класс отвечал энергичным протестом и поддержкой левых во власти, в Венгрии готовность пролетариата организованно проводить социально-экономические преобразования сочеталась с подчинением любому повороту в политике власти. Недостаточность обратной связи руководства и масс подтверждается и порядком функционирования политической системы. Правительство, де-факто коалиционное, выступало не как исполнительный орган власти, а как её реальный центр – большинством голосов (!) одобряло политические решения, а Советы их утверждали и принимали к исполнению. При таких условиях сила революции во многом обуславливалась совпадением её классового вектора с традиционным императивом национального выживания, а при их, даже кажущемся, расхождении грозила обернуться своей противоположностью.

И всё же вплоть до падения республики консервативный потенциал общества оставался социально пассивным и аморфным. В стране, где до 1918 г. всё было «схвачено» магнатской олигархией, а пролетаризация города и деревни зашла очень далеко, неоткуда было взяться ни разгулу мелкобуржуазной стихии, ни сильному кулачеству, ни влиятельной рабочей аристократии. Консервативную компоненту общественного сознания, привычно ориентированную на подчинение силе, можно было задействовать в реакционных целях только после поражения пролетарской власти. Пока же контрреволюции требовались иные средства и резервы.

Значительно более серьёзную угрозу республике, чем все внутренние враги, представляла экономическая блокада Антанты. Это оружие обращало против революции её главное преимущество – централизованную и реально-обобществлённую экономику, нуждающуюся в хозяйственных связях международного масштаба. Ещё по соглашениям времён Восточной войны 1854-1855 г., Дунайский речной путь подлежал

международному контролю, что особенно ограничивало суверенитет Венгрии, расположенной в самом его центре. Установление державами Антанты на правах победителей во всём регионе режима, близкого к оккупационному, замкнуло кольцо вокруг республики. Уже в конце марта 1919 г. командование Антанты запретило всякую торговлю с ВСР, в том числе жизненно важный ввоз хлеба, угля, нефти, а также железной руды и другого сырья. Американская организация помощи – печально известная АРА – отказала стране в поставках продовольствия. Народ, отважившийся на пролетарскую революцию, намеренно обрекали на безработицу, холод и голод. Возглавляемое социал-демократами правительство Австрии, не прерывая дипломатических отношений ради сохранения связей и влияния, подключилось к блокаде, запретив доставку не только оружия, но и продовольствия, подвергнув секвестру венгерское золото в венских банках. Блокада все ощущаемее сказывалась на экономике и жизни людей, усиливая трудности со снабжением и вынуждая пролетарскую власть прибегать к военным реквизициям, что осложняло отношения с мелкой буржуазией.

Однако и для врагов Советской Венгрии блокада была обоюдоострым оружием. Парализуя дунайский путь международной торговли, она наносила с каждым месяцем все больший ущерб не только осаждённой стране, но и сателлитам Антанты. В сочетании же с блокадой Советской России она грозила сорвать послевоенное восстановление всей Европы, в первую очередь Германии и Австрии, не оставив народам, по венгерскому образцу, иного спасения, кроме революции. Оба же государства диктатуры пролетариата, даже не имея путей сообщения друг с другом, могли противостоять блокаде достаточно долго. При опоре на сельский пролетариат, многочисленный в Венгрии, можно было, нейтрализовав кулаков и добившись согласия со средним крестьянством, по нормам военного времени обеспечить население и войска продовольствием, отвоевать свои земли с минимально необходимыми запасами сырья и продержаться до тех пор, пока блокада не исчерпает себя.

Как видим, в венгерской ситуации 1919 г. все традиционные средства удушения народных революций, даже в совокупности, не обеспечивали империалистическим силам достижения цели без неприемлемых рисков. Они могли сыграть роковую роль лишь в случае подрыва основы жизнестойкости ВСР – единства рядов пролетариата.

Удар по этой основе готовился давно. Ещё со времени апрельских переговоров со Смэтсом лидеры правого и центристского крыльев СПВ пытались найти общий язык с державами Антанты, допуская возможность разрыва с коммунистами и отказа от диктатуры пролетариата. Они льстили себе надеждой, что при поддержке зарубежных коллег всё же смогут сформировать, на что в марте не хватило сил, «чисто социалистическое» правительство и добиться его признания Антантой, прекращения интервенции, снятия блокады. Подобные планы конкретизировались и ставились в повестку дня всякий раз, когда положение республики и её друзей ухудшалось.

Первый раз так произошло в начале мая, когда румынские и чешские интервенты приближались к Будапешту, красная Бавария пала, а Советская Россия вела тяжёлые бои с Колчаком. Тогда в Вене закипели закулисные переговоры между дипломатами Антанты, ав-

¹ Энгельс Ф. – Паулю Эрнсту. 5 июня 1890 г. / Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. - Т. 39. - С.351.

стрийскими эсдеками и «умеренными» деятелями СГВ. По одному из планов, согласованных с зарубежными «друзьями», предполагалось внести в руководство республики раскол: сперва вывести из руководства «самых опасных» коммунистов во главе с Т. Самуэли, а затем устроить поездку Б. Куна в Швейцарию и в его отсутствие завершить переворот.

Ситуация до мелочей предвосхищала ту, что ровно через три месяца приведёт к фатальному итогу. Оба раза для атаки на республику выбирались символические даты: 1 Мая – День международной пролетарской солидарности и 1 августа – дата начала Первой мировой войны, тогда широко отмечаемая как день борьбы против империалистического милитаризма. Оба раза капитулянты распространяли, а павшие духом подхватывали панические слухи, будто интервенты вот-вот вступят в столицу и сопротивление бессмысленно. Оба раза нагнеталась иллюзия, будто Красная Армия распалась, а рабочий класс не хочет защищать свою власть, хотя дела обстояли ровно наоборот. Оба раза власть принимала судьбоносные решения, но по характеру противоположные: 2 мая она обратилась к организованному пролетариату, решившему до конца отстаивать революцию; 1 августа она же, без всякого совета со своим классом, сложила полномочия, прикрыв капитуляцию фиговым листком – эфемерным «профсоюзным правительством» из правых социал-демократических лидеров.

Почему же два столь схожих кризиса завершились так по-разному? Что изменилось за три месяца?

Во внутреннем положении республики кардинальных сдвигов не просматривается. Зато существенно переменялась международная ситуация. Самые серьёзные изменения, хотя и разного рода, затронули обе великие державы, расположенные на противоположных концах дунайского пути и не раз уже оказывавшие на исторические судьбы Венгрии сильнейшее влияние. Речь идет о Германии и России.

Во внутреннем и внешнем положении Германии, а также тесно связанной с нею Австрии, переплетались две тенденции. Одну, контрреволюционную, наиболее ярко выражало падение красной Баварии. Другая обуславливалась противоречиями, разделявшими как буржуазную Веймарскую республику, так и немецкий народ с империализмом Антанты, навязавшим стране, побеждённой в войне и – тем хуже для неё – совершившей революцию, тяжёлые условия мира. Многие немцы, разных политических взглядов и вообще без таковых, не понимали и не принимали того, что нацию, свергнувшую кайзеровский режим, заставляли платить с процентами по его «долгам», да ещё в пользу тех, кто по справедливости должен разделить с ним ответственность за войну.

В мае 1919 г., явно под влиянием венгерского и баварского революционных вызовов, державы Антанты наконец-то согласовали общую платформу мира, вручив её представителям Берлина. Планы расчленения Германии пришлось сдать в архив. Но условия были достаточно тяжелы, чтобы в Веймарской республике возникла острая реакция протеста. Возглавлявшие правительство правые социал-демократы, буржуазные и реформистские фракции Национального собрания попытались отвести гнев народа от себя и даже использовать для укрепления своих позиций по известной схеме: не можешь запретить – возглавь. 12 мая, через неделю после мюнхенского побоища, премьер-

министр Ф. Шейдеман с пафосом заявил: *«Пусть отсохнет рука, которая подпишет такой договор»*. Национальное собрание отклонило условия мира, объявив в стране неделю траура. Президент республики Ф. Эберт, премьер и другие члены правительства шествовали по улицам во главе массовых демонстраций протеста. 29 мая германская делегация в свою очередь вручила «четверке» объёмистый том возражений. «Перетягивание каната» продолжалось почти месяц. Тем временем образ «защитников национальных интересов» облегчал властям политическое маневрирование: руководителей мюнхенской Коммуны казнили, но и убийство спартаковских лидеров как бы осудили, а непосредственных исполнителей отдали под суд (правда, в итоге никого не наказавший). 13 июня в Берлине состоялись похороны Р. Люксембург, вылившиеся в многотысячную демонстрацию.

При взгляде со стороны происходившее очень напоминало кризис в Венгрии, вызванный нотой Викаса и вылившийся 21 марта в «мирную революцию». Перед социал-демократами Австрии и Венгрии вставал вопрос: не ожидает ли подобное Германию? Неудивительно, что даже правые эсдеки не торопились «менять коней на переправе»: откуда было знать, с кем завтра придется иметь дело в европейских столицах и кто будет «смеяться последним»?

Однако уже в июне стало ясно: войти второй раз в те же воды не удастся. Это в Венгрии, лишь в прошлом октябре завоевавшей независимость и к марту охваченной неудержимым революционным подъёмом, диктат Антанты вызвал всеобщее отторжение как угроза воспрянувшей нации и побеждавшему пролетариату. Немецкий же народ, смертельно уставший от империалистической войны и блокады, переживший с января по май кровавые пароксизмы контрреволюции, в массе своей не чувствовал, что и зачем ему защищать. Рисковать новой конфронтацией с Антантой в угоду политикам, ещё вчера убивавшим его лучших сынов и дочерей, он не хотел и не мог.

Массовое настроение «мир любой ценой» проявилось в том, что даже Независимая социал-демократическая партия Германии, в январе-апреле иницировавшая вооружённые восстания и провозглашавшая советские республики, в июне поддержала подписание мира на условиях Антанты, возможно, надеясь таким способом избавиться от своих недругов – Шейдемана с компанией. Показательно, что год спустя Ленин, убеждая «клевых коммунистов» Германии *«признать на известное время Версальский мир и подчиниться ему»*, счёл нужным провести контрастную параллель: *«Из этого не следует, что «независимцы» были правы, выдвигая, когда в правительстве сидели Шейдеман, когда ещё не была свергнута Советская власть в Венгрии, когда ещё не исключена была возможность помощи со стороны советской революции в Вене для поддержки Советской Венгрии, – выдвигая при тогдашних условиях требование подписать Версальский мир. Тогда «независимцы» лавировали и маневрировали очень плохо...»*¹.

Позиция, занятая НСДПГ, не могла не оказать влияния на социал-демократов Австрии и Чехии, а также, через них и напрямую, – на правых и центристов в Соцпартии Венгрии. Во всех этих странах в середине

¹ Ленин В.И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме / ПСС. - Т. 41. - С. 60.

июня политические весы явственно колебались. 15 июня – день выборов в Чехии, канун провозглашения Советской власти в Словакии, второй день Всеенгерского съезда Советов – стал и днём кульминации политического противоборства в Австрии. Власти попытались сорвать демонстрацию солидарности с Советской Венгрией, арестовав накануне 150 коммунистов. Демонстранты всё же собрались и двинулись к тюрьме – требовать освобождения товарищей. Полиция открыла огонь, убив семнадцать и ранив более ста человек. Кровавое пролитие послужило пробой сил: «советской революции в Вене» не произошло.

Далеко не последнюю роль в изменении международной атмосферы сыграло прояснение условий империалистического мира. По сравнению с первоначальными, особенно французскими, требованиями к Германии, не говоря уже о предъявленных Венгрии в ноте Викса, условия были значительно смягчены. В этом сдвиге, наряду с незаинтересованностью Великобритании и САСШ в непомерном усилении Франции, выразилась реакция всего правящего класса Запада на вызов Венгерской революции, наглядно показавшей, чем ему грозит попытка геноцида развитой европейской нации. Поэтому финальные условия Антанты – при всех тяготах поражения, перекладываемых господствующими классами на трудовой народ и демагогически используемых ультраправыми, – не угрожали немцам вытеснением из числа передовых наций, не говоря о геноциде. Имущая и обывательская Германия, ещё вчера страшившаяся будущего, теперь убеждалась: и при таком мире «жить можно», больше того, в нём хватает лазеек для возрождения империалистического статуса и даже планов реванша. Зримым контрастом выступало положение воюющей и заблокированной Венгрии, дерзнувшей бросить вызов хозяевам мира.

Неудивительно, что, когда Антанта ультимативно потребовала подписать мир в пятидневный срок, ни один класс германского общества не проявил заинтересованности в обратном. Тем более это не вызвало, как ранее в Венгрии, общенационального отпора. Шейдемана, чересчур связавшего себя протестной фразой, сменил другой премьер. 28 июня – в пятую годовщину убийства в Сараево эрцгерцога Фердинанда с супругой, давшего повод к Первой мировой войне, – в Версале, где ещё витали тени последних Бурбонов и душителей Парижской Коммуны, государственные мужи скрепили подписями договор, заложивший основу для Второй.

Финальные вехи Венгерской революции впечатляют синхронностью и взаимосвязью с переменами германской и всей международной ситуации. Предъявление Антантой финального ультиматума Германии совпадает с принятием столь же ультимативных требований Венгрией; подписание Версальского мира на два дня предвещает вывод Венгерской Красной Армии из Словакии; германское Национальное собрание утверждает мир, недавно им же отвергнутый, 9 июля – через два дня после падения словацких Советов. На этом параллели не кончаются: Веймарскую конституцию Германии тот же парламент примет 31 июля – накануне падения Венгерской Коммуны.

Удивляться стольким совпадениям не приходится. Изменение международных условий подрывало основу единства венгерских коммунистов с социал-демократами, подталкивая последних к принципиальным уступкам. Прежде те и другие могли надеяться, что примеру рабочего единства и борьбы за справедливый мир последуют

Германия и Австрия, выведя тем самым Венгрию из блокады. Версаль закладывал краеугольный камень новой системы международных отношений. На смену простому выбору – сопротивляться или обречь страну на уничтожение – приходила более сложная альтернатива: продолжать сопротивление, рискуя всем ради проблематичной победы, либо согласиться на новые условия Антанты, казавшиеся на германском примере приемлемыми. Подобную приманку – допуск на мирную конференцию, международное признание, снятие блокады – ультиматум Клемансо сулил и Венгрии.

Сколько-нибудь дальновидный политик должен был бы сообразить, что позволенное германскому Юпитеру вряд ли позволит мадьярскому быку; а уж месяцев диктатуры пролетариата, да ещё в форме особо притягательной для рабочих Запада, стране всё равно не простят. Кому-кому, а Венгрии любые уступки следовало увязывать с реальными гарантиями, стремясь в первую очередь выиграть главный ресурс – время. Но политическая логика эпохи империализма и пролетарских революций была недоступна кадрам II Интернационала, привыкшим воспринимать Германию в качестве партийной Мекки, а решениям её социал-демократии внимать как пророческим откровениям.

Не меньше, чем германо-австрийские события, на ситуации в лагере венгерских левых сказывалось ухудшение военно-политического положения Советской России. Ещё в мае РККА, сковав силы Румынии, помогла защитникам ВСР спасти положение. Но, радируя венграм ультиматум от 13 июня, французский премьер и его коллеги уже знали: днём раньше Антанта признала де-факто Колчака «верховным правителем России», добившись того же от главкома «Вооружённых сил Юга России» Деникина. В тот же злосчастный день (едва ли случайно избранный через 71 год для декларации «независимости» России от СССР) генерал Юденич, поставленный Лондоном во главе северо-западной контрреволюции, договорился с белофиннами и белоэстонцами о штурме колыбели Октября. К 13 июня приурочивался мятеж фортов под Петроградом – сигнал к вмешательству британского флота с Балтики и выступлению белого подполья в северной столице. В судьбоносные для Европы дни середины июня исход обороны Петрограда не был ясен никому.

Сразу после подписания Версальского мира белая армия Деникина, овладев волжской твердыней красных – Царицыном, не двинулась дальше на восток спасать «верховного правителя» от разгрома, а повернула в противоположном направлении – на Украину, Крым, Новороссию. Нависая над тылами оборонявших Одессы и Киев красных армий, она перекрывала РККА возможность не то что «карпатского рукопожатия» с ВСР, но и отвлекающих действий на Днестре.

Многие сегодня склонны забывать степень реальной зависимости белых командующих от Антанты – У. Черчилль не зря говорил о крупнейшей силе российской контрреволюции, деникинских ВСЮР: «это моя армия». Похоже, что летом 1919 г. правители Антанты, давая равные приказы «рекомендации», заботились не столько о проблематичном взятии белыми Петрограда и Москвы, сколько о том, чтобы не допустить соединения сил Советской России и европейской революции, в первую очередь красной Венгрии. Приходится признать: свою классово-приоритетную задачу им решить удалось.

Сегодня мы знаем: до момента, когда у Советской России после разгрома белых армий появилась вновь

возможность активной помощи друзьям, красной Венгрии пришлось бы продержаться в окружении более полугода. Сто лет назад этого не знал никто.

Девятый вал ренегатства социал-реформистов и центристов, нанёсший ВСР смертельный удар, вряд ли можно объяснить без учёта того, что именно летом 1919 г. эти круги сильно разуверились в шансах красной России. Приходилось ли ждать особой стойкости от эсдеков и социал-центристов, когда сам вождь большевиков признавал: *«Наступил один из самых критических, по всей вероятности, даже самый критический момент социалистической революции»*¹? Когда Деникин объявил поход на Москву, а Юденич вновь угрожал Петрограду? Из белых командующих лишь у Колчака дела уже в июне оборачивались плохо, к августу – совсем худо. Социал-демократов это могло несколько ободрить – так ему и надо за переворот с вызывающим попранием учредительской «демократии», за расправы над меньшевиками и эсерами. В то же время социал-центристы, не говоря о правых эсдеках, несомненно опасались чего-то подобного в Венгрии, а то и в масштабе Европы. В их тенденциозной памяти не мог не всплывать комплекс 1849 года, заглушённый было надеждой на союз с красной Россией: если российские белые уже сегодня не признают независимости даже «своего» Маннергейма, то не нагрянут ли завтра новым карательным походом, заодно с чехами, румынами и сербами, на непокорную Венгрию? Не пора ли любой ценой мириться с Антантой, чтобы было с кем защищать «цивилизацию» от «варварства»?

На первый взгляд кажется странным: как продувные бестии социал-соглашательства могли до такой степени «продешевить», столь просчитаться в оценке шансов, не заметив ни того, что весь индустриальный и административный центр России верен красным, ни того, что интервенты вынуждены убираться из неё вояками (оба признака в гражданских войнах безошибочно указывали победителя)? Видимо, подвела инерция политиканствующей обывательщины: смешанный с салонным высокомерием страх перед революционным «якобинством», вынесенный из фракционных баталий склочно-злой антибольшевизм плюс застарелый комплекс опасливого превосходства «цивилизованных европейцев» над «варварской» Россией.

Не видя иного выхода, профсоюзно-парламентские маклеры склонялись к давнему стереотипу поведения: нечего стесняться в средствах, главное – не опоздать со сделкой. Им казалось возможным найти общий язык, если не с российскими и венгерскими белыми, то с их покровителями в столицах Антанты. Как и в августе 1914 г., рефлекс «применительно к подлости» превращал ревнителей «рабочего дела» в ренегатов, разошедшихся с диктатурой пролетариата, как говаривал их враг-партнёр Клемансо, «по разные стороны баррикад».

Чувствуя усиление своих позиций и, что ещё важнее, рост колебаний среди венгерских социалистов, Антанта день ото дня усиливала нажим. Добившись столь серьёзной уступки, как отвод сил ВКА из Словакии, она не думала отменять блокаду и выводить свои войска. Вместо этого, как и предупреждал Т. Самуэли, лидеры Антанты продолжали ставить республике дополнительные условия, равнозначные капитуляции.

11 июля, через четыре дня после выполнения Будапештом **ВСЕХ** своих обязательств, Б. Кун от имени правительства направил послание Ж. Клемансо как председателю Парижской мирной конференции. Лидер ВСР настаивала на выполнении обязательства, взятого другой стороной, – выводе румынских войск с земель, признанных самой Антантой венгерскими. Ответной телеграммой конференция отказывалась от переговоров: дескать, это Будапешт «не выполняет условий перемирия» (?!). Б. Куну, на предостережения Ленина самоуверенно отвечавшему, что уж он-то «знает Антанту», оставалось разоблачать «вероломный обман» перед буржуазной общественностью со страниц лондонской «Дейли ньюс».

Конечно, лидеры Антанты кое в чём лукавили – они отказывались не от всяких переговоров. Весь июль, ставший последним месяцем ВСР, не прекращалось паломничество лидеров эсдеков и социал-центристов в Австрию; самые ушлые, чтобы встречаться с дипломатами Антанты регулярно и без помех, добивались себе поста главы дипмиссии в Вене. Последним её возглавлял экс-главком В. Бём, ещё в мае проявивший себя как капитулянт. Под разными предлогами он вызвал в австрийскую столицу всё руководство правого крыла партии. В мемуарах Бём подробно описал темы переговоров: смещение правительства Советов, отказ от «большевизма», отмена национализации. За это Антанта обещала снять экономическую блокаду, восстановить судоходство по Дунаю, поставить продовольствие и топливо.

Одновременно наращивалось военное давление. 11 июля Верховный совет Антанты совместно с генштабом Франции провели совещание с представителями Бухареста, Праги и Белграда. Сателлитам приказали в недельный срок представить списки необходимого военного снаряжения, чтобы выставить 200-тысячную армию для оккупации Венгрии. Удалось уломать даже строитивных сербо-хорватов: в июле войска КСХС стали стягиваться к демаркационной линии. Скорее всего, это был очередной блеф: внутреннее и внешнее положение не позволяло лоскутному королевству и помышлять о серьёзной войне. Но коварный расчёт – сыграть на нервах руководства осаждённой страны – вновь сработал.

Новое руководство генштаба, сменившее команду А. Штрюмфельда, предложило Правительственному Совету упредить противника – самим перейти Тису и отбросить румын за демаркационную линию. Коммунисты во главе с Б. Куном и Т. Самуэли на сей раз были против: исход словацкого похода помнили все, теперь же ВКА не имела ни лучшего военачальника, ни прежнего боевого духа, ни надежды на помощь с востока, да и военная подготовка операции оставляла желать лучшего. Но к возражениям не прислушались, что само по себе свидетельствовало о снижении авторитета коммунистов если не в народе, то среди руководящих кадров. Видимо, одни мыслили по стереотипу – отбросили чехов, справимся и с румынами; другие всё ещё ждали поддержки РККА на Днестре, не учитывая тяжёлого положения Советской России; третьи – и таких становилось всё больше – втайне рассчитывали, что поражение откроет им путь к власти и к соглашению с Антантой на приемлемых условиях. Большинство голосов прошло решение, ставшее для республики роковым.

20 июля части ВКА в нескольких местах форсировали Тису. Но вскоре пришлось убедиться, что противник предупреждён заранее и имел возможность лучше подготовиться. Позже станет известно, что оператив-

¹ Ленин В.И. Все на борьбу с Деникиным! (Письмо ЦК РКП (большевики) к организациям партии) / ПСС. - Т. 39. - С. 44.

ный план наступления выдал начальник генштаба Ф. Жулье, связанный с центрами контрреволюции. Офицеры, близкие к правой социал-демократии, саботировали приказы командования, задерживали доставку боеприпасов. Неудивительно, что к 27 июля силам ВКА пришлось отойти обратно за реку.

В эти дни Б. Кун последний раз обратился к Ленину с просьбой о срочной поддержке. Владимир Ильич телеграфировал: *«Прошу Вас не волноваться чересчур и не поддаваться отчаянию. Ваши обвинения или подозрения против Чичерина и Раковского лишены всякого основания. Мы все работаем в самом полном согласии. Мы знаем тяжёлое и опасное положение Венгрии и делаем всё, что можем. Но быстрая помощь иногда физически невозможна. Старайтесь продержаться как можно дольше. Всякая неделя дорога. Запасайте припасы в Будапеште, укрепляйте город. Надеюсь, что вы принимаете меры, рекомендованные мною баварцам. Лучшие приветы и крепкое рукопожатие. Держитесь изо всех сил, победа будет за нами»*¹.

26 июля Совет пяти – высший орган Антанты – принял заявление, радировав правительству ВСР: мы готовы заключить мир, отвести войска румын с восточного берега Тисы, поставить продовольствие, но с условием – правительство Советов должно уйти. Столь недвусмысленное указание эсдеки и социал-центристы приняли к немедленному исполнению.

1 августа Революционный Правительственный Совет и руководство Соцпартии собрались на последнее совместное заседание. Гражданские и военные капитулянты смогли создать паническое настроение: всё потеряно, румыны у Будапешта, армии больше нет, рабочие не хотят сражаться. Правда, Б. Кун, Т. Самуэли и большинство коммунистов по-прежнему отвергали капитуляцию. Они надеялись, что обращение к Будапештскому Совету позволит, как три месяца назад, продолжить борьбу. Но тот же Й. Хаубрих заявил с трибуны: фронт распался, иного выхода, кроме ухода от власти, нет. В обстановке нагнетания паники и безнадёжности прошло, большинством голосов, решение правительства ВСР об отставке.

Насколько плотно накрыла страну завеса дезинформации, можно судить по наличию, даже в публикациях конца XX века, полярных трактовок происходившего. В некоторых работах утверждается: *«Румынские войска в ночь с 29 на 30 июля форсировали Тису и начали продвигаться в направлении к Будапешту»*². Но есть и другая версия, которая, судя по последующим событиям, ближе к истине: *«В действительности же в тот день (1 августа – А.Х.) венгерская Красная Армия сбросила в Тису румынские войска, подготовившие переправу на трёх участках»*³. Если румыны ГОТОВИЛИ переправу до 1 августа, то могли ли форсировать реку на двое суток раньше? И как это «распавшейся» ВКА удалось сбросить неприятеля в Тису? Если же армия боярского королевства, доблестью известная всей Европе, совершила невозможное, то последнее заседание властей ВСР пришлось бы, пожалуй, проводить под её обстрелом. Что же, спрашивается, восторжествовало – «демократия» или театр абсурда?

В тот же день собрался столичный Совет рабочих и красноармейских депутатов. Почти в том же составе он провозглашал Советскую власть 21 марта, призывал пролетариат на её защиту 2 мая. Последнее заседание носило иной характер. Открывал его социал-демократ З. Ронаи, ещё в правительстве М. Каройи государственный секретарь министерства народного благосостояния, а при Советской власти – нарком юстиции, затем внутренних дел. Этому стороннику «мягкого» проведения диктатуры пролетариата выпала «честь» заявить об её упразднении и отставке правительства Советов.

Трагедия завершалась фарсом. Уже от своего имени З. Ронаи мотивировал капитуляцию, во-первых, более медленным, чем ожидалось, развитием мировой революции (!) и, во-вторых, отсутствием у рабочего класса подлинной самоотверженности и революционности (!!). Услышав такое, рабочие депутаты, как ни были ошеломлены и подавлены, подняли ропот. Но мастер революционной фразы моментально нашёлся, чем их утешить: отказ от пролетарской диктатуры, сказал он, носит лишь временный характер – до тех пор, пока *«с помощью мировой революции»* она не будет установлена вновь. Ну, а до тех пор остаётся принять условия Антанты – за это она, конечно же, остановит наступление румын и позволит стране избежать белого террора.

Следующим на трибуну поднялся Б. Кун. От потрясения еле выговаривая слова, он тоже не обошёлся без упреков своему классу: пролетариат должен был стоять до конца, сражаться на баррикадах – умереть, но не отдать власть. Но, продолжал он, борьба не окончена; она будет вестись иными средствами, *«чтобы с новыми силами, обогащёнными опытом и в более благоприятной обстановке, с более зрелым пролетариатом начать новую фазу в международной пролетарской революции»*⁴.

Обменом речами, одобренными революционной фразой, над гробом республики последнее заседание Совета и завершилось. На нём обошлись без прений. Да и какая тут могла быть демократия: не то что граждан – депутатов ни о чём не спрашивали, ибо собрали не обсуждать положение и не принимать решения, а лишь засвидетельствовать свершившийся факт смены власти. Циничное манипулирование кадрами и массами, беззастенчивое переключивание собственных просчётов или ренегатства на рабочий класс и мировую революцию производит угнетающее впечатление даже спустя столетие.

Какой же силы удар испытали венгерские рабочие, служащие, батраки, крестьяне, интеллигенты, красноармейцы и командиры – все, кто до последнего дня, а зачастую и дольше, не осознавал происходящего со страной и с ними, не верил в падение своей власти? Миллионы людей с подъёмом трудились, убеждённые, что работают на родину и на себя. Они налаживали снабжение продовольствием, отправляли детей на летний отдых в национализированные дворцы и санатории, приступали к школьной реформе, обсуждали в печати перспективы отечественной науки, открывали курсы красных командиров. И не могли представить, что всё это прямо сейчас, у них на глазах, превращается в «свет угасшей звезды».

Сформированное социал-капитулянтами «профсоюзное правительство» поспешило заявить о прекращении борьбы и роспуске Красной Армии. Чудовищной но-

¹ Ленин В.И. – Бела Куну / ПСС. - Т. 51. - С. 27-28.

² Нежинский Л.Н. 133 дня 1919 года: Советская Россия и Венгерская Советская республика. - М.: ИПЛ, 1989. - С. 279.

³ Краткая история Венгрии. - М.: Наука, 1991. - С. 352.

⁴ Цит. по: Нежинский Л.Н. 133 дня 1919 года. - С. 280.

ности не сразу поверили: защитники республики продолжали сопротивление. Румынскими войскам понадобилось четверо суток, чтобы подойти к Будапешту на самом деле. Напрасно «профсоюзное правительство» молило Антанту вознаградить за заслуги хотя бы прекращением огня – капитулянтам, готовым всё сдать даром, никто не платит обещанного, да и кому нужны временщики, которых не слушается собственная армия...

Гибель революции – всегда трагедия народа. Но даже на этом фоне самоликвидация ВСР выделяется особо. По крайней мере, до конца XX века мне неизвестно другого случая, чтобы пролетарская революция, успешно осуществлявшая социалистические преобразования, затем решением большинства руководства сдалась классовому противнику, причём без всяких гарантий, буквально по сатире Демьяна Бедного – «на шестный слово» в переносном и прямом смысле. Что ещё печальнее, сдаче не было оказано организованного сопротивления. Громадный заряд доверия к революционной власти, в сочетании с вековым рефлексом подчинения общественной иерархии, лишил рабочий класс, свергнувший эксплуататоров и готовый противостоять агрессорам, политической и психологической защиты от ренегатства верхов своей же массовой организации.

Масштабы измены превзошли всё виденное до тех пор историей. Даже в буржуазных революциях для смены общественно-политического вектора всегда требовался насильственный переворот. Как ни потрясло современников «грехопадение» западноевропейской социал-демократии в августе 1914 г., та не держала в руках государственной власти, а её легальные организации были беззащитны перед военной диктатурой. Как ни позорно вели себя правые лидеры СДПГ в 1918-1919 гг., Германия переживала ещё буржуазно-демократический этап революции, поэтому основная масса рабочего класса, не говоря о большинстве народа, к диктатуре пролетариата не стремилась и социалистических преобразований не проводила. Ленин отмечал один аналог чёрного августа – падение, год и день назад, Бакинской Коммуны, тоже осаждённой врагом и тоже решившей большинством голосов призвать войска Антанты, приняв отставку правительства Советов. Но власть Бакинского Совнаркома, как и Парижской и Мюнхенской коммун, распространялась не на целую страну, а лишь на один осаждённый город, притом находившийся в гораздо более тяжёлом положении, чем ВСР даже последних дней.

Ещё никогда и никому из лидеров рабочего движения не доводилось за несколько суток разворачиваться на сто восемьдесят градусов и отменять все декреты, принятые правительством с их же участием. Загипнотизированный командой «направо – кругом», пролетариат был «выдан головой» организаторам белого террора, такой удачи не видевшим даже во сне. Победу им поднесли на блюде – за ней не пришлось идти по враждебной стране, где за каждым углом оккупанта стережёт смерть, не потребовалось штурмовать столицу, ошестившуюся баррикадами подобно Парижу, Хельсинки и Мюнхену. Последним ленинский совет – готовить столицу к обороне и не поддаваться отчаянию – остался неуслышанным.

Разумеется, как предупреждал ещё Энгельс, реки рабочей крови на хорошо приспособленных для артиллерийского огня улицах и проспектах – ни в коем случае не наша цель. При всём уважении к самопожертвованию парижских коммунаров и современной им Парагвайской

республики 1864-1870 гг., для марксиста недопустимо требовать буквального следования девизу «до последней капли крови» от целого класса, тем более от нации. Коммунистам, идейно убеждённым, что «будущее во всяком случае принадлежит им»¹, уподобляться самураям-камикадзе или носителям «пояса шахида» неуместно и недостойно, обрекать на это народы преступно. Но так ли складывались обстоятельства в Венгрии 1919 г.? Располагал ли противник реальными силами, способными и готовыми утопить республику в крови? В этом приходится по меньшей мере усомниться.

Даже в последний момент оставалось ещё немалое пространство для политического манёвра. Если уж отказываться от диктатуры пролетариата, то можно было, сняв избирательные ограничения, назначить выборы в Национальное собрание, как планировал ещё М. Каройи. Передачу власти логично было бы обусловить прекращением огня, выводом войск интервентов, роспуском банд Хорти и ему подобных. Чтобы в одностороннем порядке распускать свою армию, надо быть самоубийцей или предателем. Судьбу социально-экономических преобразований надлежало решать будущей выборной власти. В любом случае, долг политика, сохранившего хоть каплю ответственности перед товарищами и народом, – по крайней мере, честно объяснить, почему отступление стало неизбежным, предупредить о том, что может ждать впереди, к чему готовить себя и других.

Увы, дело обернулось иначе. Народ, можно сказать, бросили в бурную реку со связанными руками, как вскоре те же банды, хлынувшие в обезоруженную страну, начнут поступать со своими жертвами. В расширенном масштабе повторилось то, о чём предупреждал Т. Самуэли, предостерегая от попыток сговора с Антантой за счёт Словакии. Как народ, угнетающий другие народы, сам не может быть свободен, так и народ, сдающий дружественную страну без боя – не из объективной невозможности продолжать борьбу, а в напрасной надежде сторговаться с врагом, – обрекает на участь жертвы предательства и себя. Этот гибельный путь закономерно ведёт к худшему, что может постигнуть революцию, – **ПАДЕНИЮ ЗНАМЕНИ**, даже не сорванного победившим врагом, но сданного врагу многими из тех, кто мог и должен был его нести и защищать. Как на войне за потерю знамени часть подлежит расформированию, так в революции нет и не может быть обстоятельств, способных оправдать сдачу идейного, политического и морального знамени на поругание.

18. Цена контрреволюции: снова «раскалённый трон»

Три десятилетия назад, когда нашу Советскую Родину постигала участь, во многом повторявшая гибель ВСР, «соловьи перестройки» изрядно прожужжали нам уши и намозолили глаза рассуждениями о «цене революции». Антикоммунисты и сегодня продолжают крутить ту же пластинку. Воображая или делая вид, будто от чьего-то свободного выбора зависит, быть в обществе революционным потрясениям или не быть, демагоги проделывают нехитрый фокус. Все потери и жертвы, сопровождающие борьбу классово-политических сил в переломные моменты истории, записывают на счёт одной стороны. Из истории незаметно вычёркива-

¹ Ленин В.И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме / ПСС. - Т. 41. - С. 87.

ется «малость», которую можно было бы, на тот же «рыночный» лад, назвать **ценой контрреволюции**. Всё, чем народам приходится расплачиваться за **поражения** революций, или вовсе исключается из рассмотрения, или безмерно занижается, или принимается за простое следствие «цены революции». В итоге фальсификаторских процедур революция изображается если не как исчадие ада, то как некий вывих «нормального» развития «мировой цивилизации», а отказ от революционных завоеваний – как возвращение страны и народа в «цивилизацию».

Похоже, что начало подобному приему полемики положили ренегаты от социал-демократии, погубившие 100 лет назад Советскую Венгрию. Им в ответ прозвучало страстное предостережение одного из сыновей нации, ещё четыре столетия назад познавшей всю жестокость реванша угнетателей. Выступая 23 июня 1919 г. на заключительном заседании Всевенгерского съезда Советов, нарком труда ВСР и командующий 3-й армией ВКА Дежё Бокани призвал: *«Будем бдительны! Сожжение заживо Дьёрдя Дожа на раскалённом троне – классический пример, показывающий разницу между победой революции и победой контрреволюции. Если возгоржествует контрреволюция, это будет означать не новую, высшую степенность цивилизации, а уготовит миллионам пролетариев новый раскалённый трон»*¹.

Насколько оправдалось грозное предостережение? Наследники социал-ренегатов могут сказать: конечно, 10 тысяч убитых и казнённых, 70 тысяч арестованных и заключённых в концлагеря – это много, но всё же меньше числа жертв контрреволюции в Париже 1871 г., Финляндии 1918 г., Латвии 1919 г., Болгарии 1923-1925 гг., не говоря о размахе репрессий во многих странах середины века. Так не поблагодарить ли капитулянтов за «благоразумие»: не откажись они от диктатуры пролетариата сами, жертв могло быть на порядок больше?

Вообще говоря, сокращение прямых потерь посредством капитуляции одной из сторон – очевидность на уровне трюизма. Но подобные очевидности в истории, особенно когда речь идёт о противостоянии антагонистических классов, бывают обманчивы. Реальные результаты произошедшего можно объективно оценить только в исторической перспективе, принимая во внимание как прямые, так и косвенные последствия.

Контрреволюция, как и революция, есть процесс со своей объективной логикой, определяемой отнюдь не намерениями тех, кто стоял у её истоков. Переворот чёрного августа начался с «передвижки власти», насквозь проникнутой мещанскими иллюзиями, унаследованными от II Интернационала. Пределом мечтаний правых эсдеков было, по примеру Австрии и веймарской Германии, «правительство всех классов». Фиксируя для России в дни кронштадтского мятежа 1921 г. подобную угрозу, В.И. Ленин характеризовал её так: *«Переход политической власти от большевиков к какому-то неопределённому конгломерату или союзу разношёрстных элементов, как будто бы даже немножко правее большевиков, а может быть, даже и «левее» большевиков»*². При этом контрреволюции как таковой, на взгляд мало искушённых в

политике людей, как бы и не происходит: *«Опасность состоит именно в том, что как будто требуется только небольшая передвижка: «Пусть большевики уйдут», «мы власть немножко исправим»»*³. Раскрывая объективную направленность переворотов подобного типа, Ленин прямо ссылаясь на опыт гибели ВСР, выявивший в международном масштабе *«действительную тактику действительной белогвардейской силы, силы капиталистов и помещиков: давайте подерживать кого угодно, даже анархистов, какую угодно Советскую власть, лишь бы свергнуть большевиков, лишь бы осуществить передвижку власти! Остаётся «мы», капиталисты и помещики, «сами» делаем, анархистиков, Черновых, Мартовых⁴ мы шлепками прогоним, как делали в Венгрии по отношению к венгерским Черновым и Мартовым, как делали в Германии по отношению к Каутскому, в Вене по отношению к Фр. Адлерам⁵ и К^о»*⁶.

В ВСР, где социалистический характер революции выражался особенно ярко, «передвижка власти» не могла не обнаружить контрреволюционной тенденции с первых же часов. В обращении «К венгерскому народу» от 1 августа целью «профсоюзного правительства» провозглашалось *«установление порядка и начало переговоров с Антантой»*. Под прикрытием обычных в таких случаях призывов к «переходу на путь демократии», капитулянты поспешили упразднить революционные трибуналы и восстановить старые судебные органы, ликвидировать Красную гвардию и реставрировать жандармерию с прежними руководителями (!), освободить из-под ареста контрреволюционеров и издать конфиденциальный приказ об аресте «скрывающихся коммунистов». За шестидневное правление они успели также вернуть прежним хозяевам предприятия и подготовить постановление о реституции земель, срезать рабочий и служащим зарплату до уровня 20 марта и вернуть жилой фонд домовладельцам с отменой снижения квартплаты. За неполную неделю тысячи семей оказались на улице, лишившись средств к жизни.

Однако в большей части страны временщики не располагали реальной властью, не говоря об авторитете. Местные Советы и директории всё ещё продолжали пресекать вылазки контрреволюционеров, злостных врагов арестовывать и отправлять в Будапешт, где тех освобождали. Один из «бывших», проезжавший в столицу 7 августа, согласно его мемуарам, *«вынужден был констатировать, что новое правительство господствует только в Будапеште. В провинции рабочие полностью оставались красными»*⁷.

Такой род двоевластия, возникший уже после «передвижки», убедительно опровергает все самооправдания капитулянтов. Страна была утомлена войной и истощена блокадой, но отнюдь не настолько, чтобы исчерпать все возможности и волю к сопротивлению. «Венгерские Черновы и Мартовы», лакейски предупреждая любое соизволение «партнёров», рассчитывали поспособствовать «началу переговоров». Добились же противопо-

¹ Цит. по: Нежинский Л.Н. 133 дня 1919 года: Советская Россия и Венгерская Советская республика. - М.: ИГЛ, 1989. - С. 286.

² Ленин В.И. X съезд РКП (б). Отчет о политической деятельности ЦК РКП (б) 8 марта / ПСС. - Т. 43. - С. 23.

³ Ленин В.И. X съезд РКП (б). Заключительное слово по отчету ЦК РКП (б) 9 марта / ПСС. - Т. 43. - С. 47.

⁴ Чернов В.М. – один из лидеров российской партии эсеров; Мартов Л. – один из лидеров меньшевизма.

⁵ Адлер Ф. – один из лидеров правого крыла австрийской социал-демократии. В июле 1919 г смещён с поста министра иностранных дел.

⁶ Ленин В.И. О продовольственном налоге / ПСС. - Т. 43. - С. 239.

⁷ Цит. по: Нежинский Л.Н. 133 дня 1919 года. - С. 284.

ложного: в западных столицах убедились, что «мавр сделал своё дело». Да и нетрудно было предвидеть, что временщиков, «антидекретами» лишавших народ буквально всего, защищать будет некому.

Закономерно, что Антанта и венгерская контрреволюция сделали ставку на реальные силы, способные установить и поддерживать диктатуру господствующего класса вооружённой рукой. Первой такой силой стали румынские интервенты, введённые 3 августа в Будапешт. Но армии из крестьян нелегко навязать роль палача, да и особо усиливать боярское королевство никто на Западе не собирался. Тут и пригодилась сила вторая, а считая «профсоюзных» халифов на час, третья – террористические формирования буржуазно-помещичьей эмиграции. В Венгрии 1919 г. им не пришлось перебираться в «дальнее зарубежье» – хватило оккупированного Антантой анклава на юге страны. Рассматривая аналогичную ситуацию, Ленин подчеркивал, что во взаимосвязанном мире недостаток у контрреволюции внутренних сил не означает её автоматического краха: *«Эту третью силу мы не видим, она перешла за границу, но она живёт и действует в союзе с капиталистами всего мира... Это не только беженцы. Нет, это прямые помощники всемирного капитала, на его счёт содержимые и вместе с ним действующие»*¹.

Уже с 1 августа белобандитов стали перебрасывать в Западный край, где после кулацких мятежей их ждало пополнение. 7 августа группа монархистов смогла при поддержке румынских оккупантов произвести новый переворот, поставив у власти правительство не «всех», а одного класса – крупных капиталистов.

Белые банды, состоявшие под патронажем «военного министра» М. Хорти, прошлись по стране шквалом классовой мести. Защищать народ было некому – усилиями временщиков и оккупантов Красная Армия и красногвардейские отряды были разоружены и распущены. Прежние хозяева явочным порядком возвращали себе имения, крепостнической нагайкой расправляясь с непокорными. Помню со школьных лет кадры венгерского фильма о том, что творилось в «глубинке» при падении Советов: бандит везет поперек седла засечённую до полусмерти девушку, а на её товарищей, закопанных по грудь в землю, спускают свору голодных псов. Сколько тысяч жизней унесли подобные расправы? Сколько было повешено на придорожных столбах, сколько брошено связанными в Дунай? Сколько жизней отняли и искалечили учинённые белобандитами еврейские погромы? Возможно ли в принципе счесть все жертвы в точности, и какая буржуазная юриспруденция и статистика станут особо «копаться» в подобных делах?

«Официальные» репрессии носили выборочный характер, предвосхищая этим контрреволюции конца XX – начала XXI века. Властям побеждённой страны приходилось оглядываться и на общественное мнение Запада, и на своих рабочих. «Показательные» расправы, по суду или без суда, ждали твёрдых защитников Советской власти, ещё до её падения изображавшихся «кровавыми чудовищами». Тибору Самуэли правительство Вены отказало даже в интернировании; задержанный австрийской погранстражей, он, по официальной версии, «застрелился». В числе 1500 казнённых по приговорам «суда» – наркомы Отто Корвин, Енё Ласло, Йожеф Черни, Ласло Самуэли – брат Тибора

(другого, Золтана, убили без суда). Арпад Керекеш, ближайший сподвижник Т. Самуэли, оставил предсмертное письмо: *«С поднятой головой я стану под виселицей... Знаю, что скоро придёт время, когда в Венгрии будет снова настоящая диктатура пролетариата»*. О. Корвин писал в дневнике: *«Я совершенно спокойно жду любого приговора. Нас можно заточить в тюрьму, мы можем погибнуть, но идею нельзя уничтожить. Я горжусь тем, что принимал активное участие в осуществлении пролетарской диктатуры не из корыстных побуждений и не по злому умыслу, а во имя служения идее. Мои действия никогда не носили индивидуального характера»*. Вот одна из последних записей: *«Ещё осталось четыре дня. Как правильно распределить время, чтобы всё заново осмыслить и прочувствовать... Я ни от чего не отрекаюсь. Ещё в сентябре, когда меня особенно зверски избивали, я смело записал свое кредо: «Непоколебимо верю в социализм, в неизбежность победы мировой революции. Меня могут убить, но вытравить из моего сознания мои убеждения, мою святую веру в грядущую победу нельзя»*².

Несомненно, жертв судебного террора было бы немало больше, если бы руки палачей не связывала интернациональная солидарность. Советская Россия не только стала для десятков тысяч мадьяр второй родиной, но очень многих сумела вырвать из тюрем, некоторых буквально с эшафота.

14 апреля 1920 г. НКВД РСФСР направил британскому Форин-офису специальную ноту, которой Советское правительство официально взяло под защиту *«бывших членов Венгерского Советского Правительства, нашего бывшего союзника, задержанных в настоящее время в Австрии»*, добившись для них свободного проезда в Россию.

В самой Венгрии возможности спасения узников также определялись большой международной политикой. Едва белопольские войска заняли Киев, хортистский режим решился на «показательный процесс» над десятком наркомов ВСР – как коммунистами, так и социал-демократами. Принцип «закон что дышло» достиг заоблачных высот: наркомов обвиняли в «оскорблении короля» (отрёкшегося задолго до создания ВСР), «мятеже» (спрашивается: каким путем пришли к власти организаторы судилища?), «выпуске фальшивых денег» (т.е. дензнаков единственной на тот момент власти) и «убийствах» (опять же вопрос: а судьи кто?). Судилище готовилось как прецедент для расправы над тысячами политзаключённых и граждан России, оставшихся с австрийского плена в Венгрии, а также для вступления в войну против Советов на стороне белой Польши.

Однако планы реакции встретили решительный отпор. В защиту узников выступил Коминтерн, получив поддержку ряда социал-демократических партий и профсоюзов. Международный союз транспортных рабочих подверг хортистский режим бойкоту. Но самый весомый вклад внесла Советская Россия. 6 августа, когда РККА, разгромив агрессора, подошла к Варшаве и Львову, НКВД РСФСР официально уведомил Будапешт, что десять узников находятся *«под его ближайшим и непосредственным покровительством»*. При отсутствии дипотношений решили прибегнуть к последнему средству, о котором В.И. Ленин предупредил еще в феврале 1919 г.: *«Ввиду опасности, угро-*

¹ Ленин В.И. Речь на Всероссийском съезде транспортных рабочих 27 марта 1921 г. / ПСС. - Т. 43. - С. 138-139.

² Цит. по: Нежинский Л.Н. 133 дня 1919 года. - С. 286-287.

жающей им, а также опасностей, угрожающих многочисленным российским гражданам, пребывающим ныне в Венгрии, Российское Правительство распорядилось заключить в концентрационные лагеря тысячу венгерских офицеров из числа находящихся ещё в России»¹. Десять офицеров-монархистов объявлялись заложниками за наркомов.

Вначале демарш подействовал лишь отчасти: об отправке венгров на польский фронт пришлось забыть. В декабре 1920 г. – сказалось отступление Красной Армии от Варшавы и Карпат – четверых наркомов приговорили к смерти, остальных к пожизненному заключению. Однако привести приговоры в исполнение хортисты не посмели. 28 июля 1921 г. РСФСР и УССР подписали с Венгрией договор об обмене военнопленных и интернированных. Свободу получали 415 политзаключённых, включая 10 наркомов; всем им с семьями разрешался выезд в Советскую Россию. Красная Москва дала непреходящий пример того, как надо в экстремальных условиях защищать безопасность страны, своих граждан и не в последнюю очередь – союзников и друзей.

Венгерская политическая «диаспора» была многочисленна не только в Советской России и СССР, но и в странах Запада. Между прочим, левая тенденция Голливуда, на протяжении десятилетий имевшая большое влияние в американской киноиндустрии, формировалась в значительной мере эмигрантами из ВСР, такими, как Александр Корда. Всего же тех, кому пришлось не по своей воле покинуть родину, насчитывалось не менее 100 тысяч. Массовая эмиграция, конечно, уменьшала число жертв террора, но вряд ли надо пояснять, с какими культурными и иными потерями для не столь многочисленной нации она сопряжена.

Как видим, записывать «умеренность» репрессий в актив венгерской контрреволюции нет оснований. Не более убедителен и другой прием наших оппонентов – сведение всей, или большей части, «цены контрреволюции» к одним лишь репрессиям. Историк-марксист, рассматривая историю с классовых позиций, призван по возможности выяснять, как те или иные события отразились на условиях реальной жизни трудящегося большинства, мало интересующей буржуазную историографию. Жану Жоресу принадлежит чеканная формула: «Кратковременное насилие освободительного часа лишь устраняет медленное и тёмное насилие веков»². Одна из самых тягостных составляющих «цены контрреволюции» – реставрация и нередко усугубление «медленного и тёмного насилия», несущего людям труда страдания не меньшие, чем любые экстраординарные потрясения. И если венгерская контрреволюция, по не зависевшим от неё причинам, оказалась не самой кровавой, то в плане социального регресса не уступит наиболее удручающим антирекордам.

Больше всего пострадала от реставрации мадьярская деревня. Класс помещиков-латифундистов, неразрывно сросшийся с финансовой олигархией, не только вернул себе национализированные имения, но и восстановил многие формы организации труда и методы обеспечения «порядка» крепостнических времён. Уже в годы Второй мировой войны был сделан последний шаг закрепощения – батраков официально прикрепили к имениям.

Несколько упрочив диктатуру, «хозяева жизни» взяли и за городских пролетариев. В 20-е гг. в Венгрии рабочий день был самым продолжительным, зарплата – самой низкой в Европе. Социальное обеспечение стремилось к нулю, жилищные условия бедняков потрясали статистиков и историков. Венгрия вновь оправдывала унижительное прозвище «страна трёх миллионов нищих».

Трудящихся лишили и политических прав, завоёванных революцией как на пролетарском, так и на буржуазно-демократическом этапе. Контра, ненавидевшая не только Советскую, но и вообще республику, охотно восстановила бы монархию Габсбургов, но этому воспротивились державы Антанты. В результате возник нелепый мутант – регентство при детронизованной династии, служившее прикрытием военно-полицейской диктатуры. В ноябре 1919 г., по указанию британской миссии, румыны передали столицу формированиям М. Хорти. Под их контролем в начале 1920 г. прошли «выборы», не давшие хортистам большинства. Пришлось решить вопрос иначе: 1 марта парламент окружили войска, неугодных депутатов в здание не пустили, а послушное «охвостье» (используя уместный термин Великой Английской революции) утвердило регентом своего шефа. Этот пост Хорти занимал четверть века, продвигая ставленников разных группировок олигархии в премьеры. Фиговым листком диктатуры служил парламент, где нужное большинство обеспечивалось антидемократическим избирательным законом и практикой «делания» выборов. На коммунистов даже такая «демократия» не распространялась – им были уготованы пожизненное заключение, виселица или, чаще всего, убийство в тюрьме, чем страна приобрела в Европе печальную известность.

В документах Коминтерна хортистский режим характеризовался как фашистский, в историографии народной Венгрии – как контрреволюционный. В принципе верны обе характеристики. По своей сущности хортизм был диктатурой финансовой олигархии в союзе с помещиками-латифундистами, что при террористическом характере режима вполне подходит под определение фашизма. Но в большинстве стран режимы фашистского типа устанавливались уже после решения непосредственных задач контрреволюции и олицетворяли последующий этап – реакцию, когда господствующий класс пытался ответить на революционный вызов государственно-монополистической трансформацией общества. В межвоенной Венгрии, предвосхитившей ряд подобных режимов второй половины XX – начала XXI века, фашизм так и остался в плену контрреволюции, сведя свою политику к подавлению революционной угрозы любыми средствами.

Ярким примером служит, с позволения сказать, аграрная реформа. Назвать её даже половинчатой, как реформы в соседних странах того времени, – значит сделать ей незаслуженный комплимент. За два десятилетия из почти половины земельного фонда, монополизированной помещичьими латифундиями (не считая церковных), перераспределению подверглось всего 7%. Однако реальная цель – максимально усилить мелкособственнические настроения среди трудящихся как деревни, так и города – была во многом достигнута.

В ещё большей мере распространение мелкобуржуазных стереотипов обуславливалось регрессивными сдвигами объективного порядка. Если в других странах реакция придавала, за счёт трудящихся, некоторый

¹ Цит. по: Нежинский Л.Н. 133 дня 1919 года. - С. 291.

² Молчанов Н.Н. Жорес. - М.: Молодая гвардия, 1969. - С. 273-274.

импульс капиталистической индустриализации, то в хортистской Венгрии наблюдалась длительная стагнация при тенденции к замене многоотраслевой экономики, располагавшей отечественной тяжёлой индустрией, на преимущественно агроэкспортную с некоторым развитием лёгкой промышленности. Этим процессом, предвосхищавшим неолиберальную «деиндустриализацию» многих стран конца XX – начала XXI в., значительная часть пролетариата обрекалась на деклассирование. В сельском хозяйстве также происходило снижение уровня реального обобществления производства. При перманентной массовой безработице, мизерной зарплате и отсутствии социальных пособий семья бедняка позволяло выжить собственное мелкое хозяйство, хотя бы на условиях кабальной аренды. Да и в отношении середняка вполне подтверждалась мысль Маркса: *«Парцелла крестьянина представляет собой только предлог, позволяющий капиталисту извлекать из земли прибыль, процент и ренту, предоставляя самому земледельцу вырвать, как ему угодно, свою заработную плату»*¹.

Эксплуатируя и усугубляя эти социальные сдвиги, хортистский режим целенаправленно стремился «окрестьянить», если не экономически, то психологически, всё сельское население, составлявшее в те годы большинство нации. С целью раскола пролетарских рядов сельским наёмным работникам запретили объединяться в профсоюзы, а рабочим организациям – вести любую деятельность в деревне. Важную роль в политической системе стала играть Партия мелких сельских хозяев, чью деятельность направляли «хозяева» отнюдь не мелкие и не обязательно сельские. Об уровне сознания её членов можно судить по тому, что депутаты ПМСХ голосовали за детронизацию Габсбургов ради «свободного» выбора короля. В поисках социальной опоры режим Хорти шёл по стопам бонапартизма, выступая политическим представителем *«не просвещения крестьянина, а его суеверия, не его рассудка, а его предрассудка, не его будущего, а его прошлого»*². Это закрепляло и усиливало в обществе разочарование в классовых и социалистических установках, вызванное поражением и предательством.

Идейный вакуум заполнялся реакционным наследием прошлого. Католическая церковь в полной мере вернула, вместе с земельными и другими богатствами, контроль над образованием и воспитанием нового поколения. Две трети начальных и до половины средних школ вновь отошли «слугам божьим».

Все эти компоненты «цены контрреволюции» как бы нанизывались историей на стержень, который правомерно назвать национальной трагедией, если не катастрофой. Вообще говоря, большинство контрреволюций влекло за собой территориальные потери, но венгерский случай по масштабам, пожалуй, исключительный. Эту составляющую «цены контрреволюции» приходится отнести на счет уже не хортистского режима – с него довольно собственных преступлений, – а империализма Антанты. 4 июня 1920 г. – ещё ожидая, что белая Польша если не сокрушит красную Россию, то надолго отрежет её от Центральной Европы, – державы-победительницы решились навязать свой «мир» Венгрии. Подписанный в одном из дворцов Версаля –

Большом Трианоне, некогда особо любимом Марией-Антуанеттой, – он стал последним из ратифицированных договоров Версальской системы, закреплявшей послевоенное устройство Европы. Он же был и самым тяжёлым для дважды побеждённой страны. Что там германский Версаль! «Большая Венгрия» ликвидировалась окончательно; по сравнению с историческими пределами, страна теряла две трети территории и более половины населения. Румынии отходили Трансильвания и Банат, КСХС – Хорватия и Воеводина, Чехословакия – Словакия и Карпатская Русь. Судьбу последней решили по итогам плебисцита... закарпатских эмигрантов в Соединённых Штатах (на родине, мол, «отсутствуют условия свободного волеизъявления»). В «малой Венгрии» осталось менее восьми миллионов мадьяр, вне ее – три миллиона, из них половина в приграничных районах; националисты соседних стран сразу принялись решать проблему по схеме «чемодан – вокзал – Будапешт». Даже Австрию, в качестве бывшей имперской метрополии «виновную» в мировой войне куда больше несuverенной тогда Венгрии, за участие в блокаде и ликвидации ВСР вознаградили отторгнутым от неё Бургенландом, да еще довеском из словенских земель (видимо, в порядке штрафа за нежелание КСХС участвовать в интервенции). Не ясно ли, что мадьяр наказывали не столько за войну, сколько за пролетарскую революцию? Впрочем, и адмиралу Хорти нанесли в Трианоне звонкую пощёчину: особой статьёй мирного договора Венгрия **лишалась выхода к морю**, а военными статьями – и речной флотилии. Сверх того, договор налагал на Венгрию репарации, первоначально даже **не устанавливая суммы**; для «гарантии» (чего?) комиссия союзников ставила страну под строгий финансовый контроль, беря в залог всё имущество государства и источники его доходов. В довершение, Венгрия предоставляла победителям режим наибольшего благоприятствования на ввоз, вывоз и транзит, причём **в одностороннем порядке**. Нынешние «тройки» транснациональной олигархии не изобрели ничего нового...

Утрата рынков и источников сырья, важнейших транспортных путей, жёсткое ограничение государственного суверенитета в финансах и внешней торговле служили «гарантией» экономической стагнации и социального регресса на долгие годы. Антанту устраивало избавление и от конкурента, и от очага «красной угрозы». Да и на весь регион Центральной и Юго-Восточной Европы распространялся вариант принципа «разделяй и властвуй», впервые применённый в ходе Балканских войн 1911-1913 гг. и названный позже «балканизацией». На руинах крупных держав создавалась группа мелконациональных государств, обречённых на бесконечное выяснение отношений из-за спорных земель и нацменьшинств с неперемённым «посредничеством» империалистических опекунов.

Может показаться парадоксальным, но такое положение устраивало и правых националистов «балканизируемых» стран, включая особо пострадавшую Венгрию. Они получали возможность частично разряжать социально-классовую напряжённость, которой смертельно боялись, посредством «громоотвода» межнациональной и межгосударственной вражды. Хортизм, от начала до конца сохранявший характер «перманентной контрреволюции», вражда с соседями устраивала и тем, что затрудняла интернациональную солидарность, позволяя изображать антифашистов «предателями нации».

¹ Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта / Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. - Т. 8. - С. 211.

² Там же. - С. 209.

«Секретным оружием» хортизма стало явление, называемое в те годы «ирредентизмом», – пропаганда и попытки воссоединения с «матерью-родиной» территорий с этнически «своим» населением. Это позволяло режиму даже при отсутствии объективных достижений обеспечить себе некоторую опору в народе. «Урезанная Венгрия – не страна!» – таков был излюбленный лозунг сухопутного адмирала, получившего власть из рук интервентов, «урезавших» его родину. Ирредентистская демагогия обрекала страну на изоляцию от соседей, осложняла даже отношения с их империалистическими покровителями, но находила поддержку у итальянских фашистов, а в дальнейшем у германских нацистов – те и другие сами оперировали аналогичными лозунгами. Статьи Трианона и правонационалистическая реакция на диктат Антанты создали идеальные условия для подключения Венгрии к фашистской «оси».

Реваншистская пропаганда работала и на подрыв симпатий венгров к Стране Советов, спекулируя на принципиальности и реализме внешней политики СССР. При критическом отношении к Версальской системе, в Москве не могли поощрять разжигание реваншистских страстей, игнорировать объективный факт консолидации национальных государств в новых границах. Вступив в целях антифашистской борьбы в Лигу Наций и выдвинув идею коллективной безопасности, СССР, хотел он того или нет, оказывался защитником версальского национально-территориального порядка как единственной на тот момент альтернативы перекройке границ агрессорами «оси». Пользуясь этим, фашисты и националисты всех мастей изображали Москву главным врагом «Великой Венгрии».

Готовя агрессивную войну, нацистская Германия старалась крепче привязать к себе хортистский режим в качестве одного из сателлитов. Этим во многом мотивировался гитлеровский план расчленения Чехословакии, реализованный посредством мюнхенского соглашения сентября-октября 1938 г. с «западными демократиями». Уже в начале ноября нацистский рейх, навязав себя в «арбитры», передал Венгрии южные районы Словакии, где значительную часть населения составляли этнические мадьяры. Весной 1939 г., при ликвидации агрессорами чехословацкого государства, хортистский режим смог аннексировать Карпатскую Русь. Сильно урезанная Словакия была провозглашена «независимой» под началом местных клерикал-фашистов, пополнив ряды сателлитов рейха.

К сожалению, германскому и местному фашизму удалось разыграть роль «душеприказчика революции» в венгерском и словацком национальном вопросе роль «душеприказчика революции». Перекройка территорий, ранее входивших в состав ВСР и ССР, как бы «удовлетворяла» национальные чаяния, пробуждённые революцией и растоптанные Антантой. Воздействие этой политики и пропаганды на часть обеих наций, страдавшую «фантомными болями истории», не стоит недооценивать.

Тот же подход был применён в августе 1940 г. к Трансильвании. По решению гитлеровского «арбитража», северная половина края, со значительным мадьярским населением, передавалась Венгрии; Румынию предполагали компенсировать советскими землями. За первый «арбитраж» Хорти заплатил присоединением к «Антикоминтерновскому пакту», за второй – к Тройственному пакту фашистских держав. Экономика Венгрии перешла под полный контроль германских монополий. В апреле 1941 г. Хорти в угоду Гитлеру и Муссолини бросил войска против

Югославии. За это Венгрии досталась полумадьярская-полусербская часть Воеводины, но сельскохозяйственная продукция плодородного края «до конца войны» резервировалась за Германией и Италией.

Хортистское «воссоединение» осколков «Большой Венгрии», толкавшее страну в огонь Второй мировой войны, не имело с демократическим федеративным проектом ВСР ничего общего. Система национального угнетения меняла знак, при этом ужесточаясь. Немадьяр не брали на государственную службу, им платили меньшую зарплату, их дети не могли учиться на родном языке, крестьянскую землю возвращали прежним владельцам или передавали колонистам-мадьярам. Фашистский «порядок» держался на вулкане, но исправно выполнял главную функцию – разъединял людей по национальному признаку, отравляя «титულную» нацию ядом шовинизма.

Советский Союз даже в условиях наступления фашизма изо всех сил стремился сохранить традиции дружбы, заложенные ВСР. Ещё в 1924 г. удалось подписать договоры об установлении дипломатических отношений и торговле, но их ратификация была сорвана, когда Хорти призвал Запад к крестовому походу против СССР. Десять лет спустя дипотношения были установлены, но в начале 1939 г. разорваны присоединением Венгрии к «Антикоминтерновскому пакту». В сентябре их удалось восстановить, что стало дополнительным результатом советско-германского пакта о ненападении. Начинали налаживаться экономические связи: СССР принял участие в Будапештской международной ярмарке. Стремясь загладить исторические обиды, Москва в марте 1941 г. возвратила трофейные знамена, взятые армией Николая I в 1849 г.

Идя на восстановление межгосударственных отношений с Венгрией, СССР не забывал классово-политических обязательств. Именно в тот краткий период удалось освободить из многолетнего заключения наркома ВСР и будущего лидера народной Венгрии Матяша Ракоши.

Однако контрреволюционный и захватнический «генотип» хортистского режима не изменился. Именно по его инициативе страна втянулась в войну против Советского Союза. Поначалу этого не предлагал даже Гитлер: алюминий из венгерских бокситов стоил многих дивизий. Хорти мог сохранить нейтралитет, но жажда свести счёты с Советами и получить долю добычи взяла своё. Поскольку оснований для претензий Москва не давала, понадобилась провокация. По договорённости с германским посольством, создание повода к войне совместили с мстостью словацкому народу и столице его Советской республики. 26 июня германские самолеты с «советскими» опознавательными знаками сбросили бомбы на Кошице, включённый с ноября 1939 г. в состав Венгрии. Следующим утром, когда армейские эшелоны уже шли на восток, хортистский режим объявил СССР войну.

Тяжкие потери на фронтах (только под Сталинградом 80 тысяч убитыми, 63 тысячи ранеными), голод и бомбёжки, год германской оккупации с марта 1944 по март 1945 гг., сотни тысяч жертв нацистского террора, разрушение столицы (кроме Берлина единственной, которую фашистам удалось превратить в крепость) – всё это тоже часть «цены» контрреволюции. И даже не косвенная, как в некоторых странах, а прямая. За все смерти, разрушения и страдания, принесённые войной, венграм и их соседям приходится «благодарить» режим, являвшийся **непосредственным** продуктом поражения пролетарской революции; эфемерное правление пронацистской партии

нилашистов, приведённой к власти оккупантами в октябре 1944 г., было лишь агонией хортизма.

Как ни печально, даже освобождение от фашизма не вполне исцелило общество от оставленного им яда. Из сотен тысяч мадьяр, потерявших на войне близких, далеко не все осознавали подлинные причины трагедии; многим Страна Советов виделась только победителем и оккупантом. Дополнительным испытанием стало восстановление, вследствие союзнических обязательств СССР, трианонских границ Венгрии и соседних стран. Буржуазные правители Чехословакии 1945-1947 гг. с мадьярами не церемонились, а румынских националистов от геноцида венгров удержало только временное введение в Трансильвании советской военной администрации. Горький осадок не мог не остаться и в душах словаков, когда после антифашистского Национального восстания 1944 г. страна была возвращена в состав унитарной Чехословакии, свою же федеральную государственность, дважды – в 1919 и 1944 гг. – провозглашённую народом, вновь обрела только спустя четверть века, после пресечения странами Варшавского договора пресловутой «пражской весны».

Редкостное совпадение национальных и социальных чаяний венгерского и словацкого народов, наметившееся в 1919 г., больше не повторилось. Международные условия послевоенных лет не позволили осуществить планы демократического национально-территориального переустройства в форме Польско-Чехословацкой и Венгеро-Румынской федераций, – допускаясь одно время И.В. Сталиным. При таких условиях ясно понимать высшую правду победы над фашизмом и сознательно отдавать приоритет социалистическому интернационализму могли только лучшие из коммунистов. Националистические комплексы обывателя, при каждом социально-политическом кризисе напоминавшие о себе, оставались резервом реакции. Таков еще один ингредиент «цены» контрреволюции, сорвавшей наиболее справедливое решение национального вопроса во всём регионе Центральной Европы.

19. Контрреволюция и судьбы рабочего движения

Идейные оппоненты могут бросить нам упрек в тенденциозности: получается, во всём виноваты Антанта, Хорти да Гитлер, а где же вина «сталинизма»? Разве не он в 30-е годы репрессировал немало красных мадьяр, включая лидера компартии Б. Куна, а в конце 40-х навязал Венгрии репрессивный режим М. Ракоши, доведший народ до «восстания» осени 1956 г.? Не перевешивает ли «цена революции» все грехи контры?

Однако носители подобных установок – помимо тенденциозности ещё большей, чем та, в которой любят обвинять других, – грешат следующим методологическим пороком. Развитие страны, в данном случае Венгрии, рассматривается лишь как продукт конкретных форм социалистического строительства, сложившихся под влиянием опыта СССР, – без учёта детерминации многих черт этого опыта поражением прошлых пролетарских революций, не в последнюю очередь венгерской. Говоря понятным для наших оппонентов языком, «цена» последующих революций и контрреволюций включает в себя, в немалой доле, «цену» контрреволюции предыдущей.

Перспективы борьбы пролетариата всегда в решающей степени определялись сплочением его рядов, масштабом и качеством главного его оружия – органи-

зации. На протяжении большей части XX века единство рабочего класса предполагало, прежде всего, преодоление – в масштабе как национальном в большинстве стран, так и международном – раскола между двумя основными формами его организации: коммунистической и социал-демократической. Размежевание между ними, инициированное разрывом в августе 1914 г. почти всех социал-демократических партий со своими интернациональными обязательствами, а затем победой Великого Октября, имело, как теперь представляется, корни более глубокие, чем находившийся тогда на начальном этапе феномен империалистической «рабочей аристократии». Истоки разделения рядов организованного пролетариата восходят к объективной двойственности его общественного бытия: как собственника и продавца товара «рабочая сила», в этом качестве воспроизводящего капиталистический строй, и как основного эксплуатируемого класса – производителя прибавочной стоимости, объективно способного возглавить революционное снятие «предыстории человечества». Под гнётом эксплуататорского строя, и даже на начальных этапах его преодоления, подняться до ясного понимания и осознанного осуществления своей исторической миссии в состоянии лишь передовое меньшинство рабочего класса и переходящих на его позиции политических и интеллектуальных представителей общества. Большой размах рабочего движения «вширь» обеспечивался на основе защиты непосредственных интересов пролетариата – как в узком смысле условий продажи своей рабочей силы, так и в широком смысле, включающем обеспечение общественных условий её воспроизводства. Эти два уровня активности и организации одного класса лежали в основе двух форм его идейно-политического самоопределения. Своеобразные условия развития «Венгерской Коммуны» привели обе эти формы сначала к попытке слияния на коммунистической идейной основе, а затем – к губельному для республики столкновению.

Для отношений международного коммунистического движения и социал-демократии «падение знамени» ВСР повлекло последствия ещё более тяжёлые и долговременные, чем «крах II Интернационала» в августе 1914 г. и берлинский январь 1919 г. В обоих случаях, при всем их драматизме, речь шла лишь о возможности отпора империалистической войне или же взятия власти и проведения социалистических преобразований. Вина за утрату этих возможностей могла ещё возлагаться не на социал-демократию в целом, а на горстку высокопоставленных ренегатов; даже убийство К. Либкнехта и Р. Люксембург могло рассматриваться, говоря юридическим термином, как «эксцесс исполнителя» в лице «кровавой собаки» Г. Носке и киллеров в офицерской форме. Трудно сегодня поверить, но для большей части социал-демократии до лета 1919 г. ни классовая борьба, ни социалистическая революция, ни даже диктатура пролетариата ещё не стали табу. Поэтому даже берлинская трагедия января 1919 г. не смогла воспрепятствовать объединению, всего через считанные недели – сначала в Венгрии, затем в Баварии, – обоих течений рабочего движения на революционной основе.

Иное дело – падение ВСР. Здесь речь шла о сдаче реально завоёванной ключевой позиции – диктатуры пролетариата и актуально проведенных социалистических преобразований, причём не в одном осаждённом городе, как Мюнхен или ранее Париж, а в масштабе

целой страны, чему в истории не будет аналога вплоть до европейской контрреволюции конца века. И совершилось это не вследствие бесспорного перевеса сил врага и не по причине узурпации власти горсткой продажных «вождей», а легитимным, без видимого нарушения процедуры, решением социал-демократического большинства в партийных органах и Советах. «Передвижка власти» готовилась и осуществлялась при активном пособничестве международной социал-демократии как правого II, так и центристского «II½» Интернационала, посредством участия возглавляемых ею правительств Австрии и Чехословакии в блокаде и интервенции против ВСР, саботажа международной солидарности, политико-дипломатической подготовки переворота и отказа его жертвам в убежище.

В исторической ретроспективе можно утверждать, что именно в Венгрии и по поводу Венгрии международная социал-демократия перешла свой «Рубикон», качественно изменив идейную самоидентификацию и восприятие себя другими политическими силами, в первую очередь коммунистами. Больше никогда и нигде социал-демократы не выступали за пролетарскую революцию, диктатуру пролетариата, советскую форму власти. Сами эти лозунги из средства революционного сплочения рабочего класса, как последний раз произошло в Венгрии, стали достоянием лишь его коммунистического авангарда. С этого же момента Советы как форма диктатуры пролетариата, хоть и остаются в арсенале Коминтерна, начинают утрачивать притягательность и мобилизующую силу за пределами своей родины. Союз двух крыльев рабочего движения не был снят с исторической повестки, но больше не носил революционно-наступательного характера, а в лучшем случае мог решать задачи обороны от атак фашистской реакции. Оборонительным становилось и идейное оформление союза. Уже не социал-демократам приходилось, как весной 1919 г., искренне или для вида принимать коммунистические принципы, а коммунистам – брать на вооружение тактические лозунги из социал-демократического или буржуазно-демократического арсенала.

В первый момент «падение знамени» ВСР стало для коммунистов сильнейшим потрясением, вызвавшим человечески понятную реакцию. Её накал доносят до нас строки манифеста Коминтерна: *«Совершилось величайшее предательство. Советская власть в Венгрии рухнула под напором империалистических разбойников и чудовищной измены социал-предателей. На лбу этой партии лежит теперь клеймо Каина. Она предала пролетариат, социалистическую революцию, славную партию венгерских коммунистов, Интернационал»*¹.

На взгляд марксиста наших дней, акцентировка темы предательства вряд ли способствует выяснению социально-политических причин поражения и необходимой свертке курса. Ещё Ф. Энгельс предостерегал: *«Этот ответ, смотря по обстоятельствам, может быть правильным или нет, но ни при каких обстоятельствах он ничего не объясняет, не показывает даже, как могло случиться, что «народ» позволил себя предать. И печальна же будущность политической партии, если весь её капитал заключается в знании только того факта, что гражданин имярек не заслуживает доверия»*².

В столь ответственной ситуации штабу международного коммунистического движения подобало сосредоточиться не на эмоциональном обличении социал-демократии, а на анализе политических факторов, обусловивших смену её курса. При этом не стоило забывать, что реформистское крыло рабочего движения – не результат одних лишь заблуждений и измен, что оно объективно обладает в капиталистическом обществе массовой социальной базой и с ним ещё долго придется считаться как с реальным политическим фактором. В этом плане коммунистам следовало самокритично проанализировать и собственную деятельность. Ориентировать молодое коммунистическое движение именно в таком направлении стремился В.И. Ленин.

Однако, начиная с того времени, коммунистам пришлось заботиться не только, и подчас не столько, о выстраивании тактических отношений с социал-демократией в плане политической борьбы в капиталистическом мире, сколько о защите своих рядов и стратегического тыла – Советской России, затем СССР – от идеологической экспансии правых социал-демократов. В нашей стране, на всём протяжении переходного периода, такого рода опасность усиливалась наличием широкой социальной базы мелкобуржуазной демократии эсеровского и меньшевистского типа, поддерживавшей связи с западной социал-демократией. Характерно, что эсеро-меньшевистская оппозиция в РСФСР весьма оперативно реагировала на революцию и контрреволюцию в ВСР. Уже в марте 1919 г. эсеры усмотрели в слиянии венгерских коммунистов и социал-демократов долгожданный довод в пользу «примирения» в России посредством передачи власти Учредительному собранию. «Инициатива» капитуляции, нанесшая ВСР смертельный удар, также носила международный характер, имея в виду и Советскую Россию. В конце июля – начале августа 1919 г. в западноевропейской прессе, а также среди меньшевиков и эсеров усиленно распространялись слухи о предстоявшей якобы замене Советского правительства коалиционным с участием этих партий. В.И. Ленин, перенёсший падение ВСР нелегко – ему пришлось провести несколько дней в Горках, – всегда сохранял самообладание, избегая делать провокаторам рекламу. *«Не стоит этого брать всерьёз и спешить отвечать, – писал он Г.В. Чичерину. – Сегодня дадим в печать для смеху с директивой редакторам: всячески высмеять (намекнуть: не таковы ли их сведения из Будапешта) и паки и паки ругнуть меньшевиков и эсеров подлецами»*³.

Выступая 6 августа на беспартийной рабоче-красноармейской конференции, Владимир Ильич остановился на уроках Венгрии. Напомнив о сближении коммунистов и социал-демократов в момент создания ВСР, он подчеркнул последующее качественное изменение ситуации: *«Можно было думать, что в социализме наступила какая-то новая эра... Но вот последние события показали нам, что социал-соглашатели нисколько не изменились»*. Выявляя международные факторы контрреволюции, Ленин безошибочно узнал в ней почерк британского империализма, проявившийся ровно год назад в Закавказье: *«По-видимому, то, что теперь произошло в Венгрии, повторяет в большом масштабе то, что произошло недавно на наших глазах в Баку»*. Сравнивая общее положение двух стран диктатуры пролетариата, Владимир Ильич старался усилить в товарищах настроенность бдительности и вместе с тем оптимизма: *«Нас спа-*

¹ Цит. по: Всемирная история. - Т. VIII. Гл. VI. - С. 169.

² Энгельс Ф. Революция и контрреволюция в Германии / Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. - Т. 8. - С. 6.

³ Ленин В.И. – Г.В. Чичерину / ПСС. - Т. 51. - С. 29.

сала и спасает громадность территории, между тем как Венгрия слишком мала для того, чтобы дать отпор всем своим врагам». Предупредив, что «нигде контрреволюция не выступает открыто», Ленин подводил участников конференции к выводу, жизненно важному в годину испытаний: «Никакие временные неудачи, вроде последних событий в Венгрии, нас не смутят. Выхода из всех несчастий, кроме революции, нет никакого, и остаётся только одно верное средство – диктатура пролетариата. Мы говорим: каждое новое поражение Красной Армии лишь закаляет её, делает её наиболее стойкой и сознательной, ибо рабочие и крестьяне теперь поняли на кровавом опыте, что несёт нам власть буржуазии и соглашателей»¹.

В тот же день, 6 августа, Петроградский Совет единогласно принял обращение к венгерским рабочим: «В несчастье, постигшем вас, вы стали нам ещё более дороги... Вам приходится теперь испить чашу до дна. Вы стонете теперь под двойным гнетом. Но подлое предательство и кровавое насилие откроют глаза вам всем. Венгерская Советская республика умерла, да здравствует Венгерская Советская республика!»² 11 августа по всему Петрограду прошли митинги солидарности.

Примерно через год В.И. Ленин в написанных им тезисах об условиях приёма в Коминтерн особо подчеркнул: «**Ни один коммунист не должен забывать уроков Венгерской Советской республики.** Объединение венгерских коммунистов с реформистами дорого стоило венгерскому пролетариату»³.

Общее поправение международной социал-демократии и опасность её превращения в «троянского коня», наглядно продемонстрированные в Венгрии, не могли не отразиться на формах внутрипартийной борьбы и всей практике осуществления власти в СССР 20–30-х гг. Раньше, в работах классиков марксизма и в практике первых лет революции, диктатура пролетариата мыслилась как осуществляющая защитные функции по отношению к классовым противникам и организаторские – ко всему обществу, противоречия же внутри пролетарского блока и в рядах его авангарда разрешающая партийно-политическими средствами. Однако в чрезвычайных условиях «осаждённой крепости» такая практика становилась недостаточно эффективной, а в критические моменты – смертельно опасной. Как показал опыт Венгрии, свергнуть пролетарскую власть могли не только господа с «голубой кровью» или объёмистыми чековыми книжками, но и некоторые «рабочие лидеры»; не только патентованные недруги социализма, но и его завзятые «друзья». В этом контексте не приходится удивляться тому, что Советское государство с определённого момента стало прибегать к методам диктатуры и в отношении ненадёжных, в восприятии «командования гарнизона», частей своей «армии». При всех теневых сторонах такого варианта власти, найти ему реальную альтернативу в условиях грозовой середины XX века вряд ли представлялось возможным.

¹ Ленин В.И. Речь на беспартийной рабоче-красноармейской конференции 6 августа 1919 г. / ПСС. - Т. 39. - С. 148-149.

² Цит. по: Нежинский Л.Н. 133 дня 1919 года. - С. 288.

³ Ленин В.И. Тезисы ко II Конгрессу Коммунистического Интернационала. 5. Условия приема в Коммунистический Интернационал / ПСС. - Т. 41. - С. 205.

Процессы, инициированные падением ВСР, не могли не обострить идейно-политические противоречия и внутри мирового коммунистического движения. Особенно это коснулось компартий стран, переживших поражение пролетарской революции; один из крайних случаев являла Венгрия.

Как показывает история, побеждённая «партия революции» часто оказывается под угрозой социально-политической изоляции и внутреннего кризиса. Дело отнюдь не только в репрессиях врага, вынужденной эмиграции, отходе ненадёжных и неустойчивых, но и в социально-психологических факторах более широкого масштаба. Прежде всего, резко меняется к худшему общественная среда. Немало людей, которые в других условиях прожили бы «нормальную» жизнь, контрреволюция втягивает в свою орбиту, превращая кого в функционера официозных структур, кого в карателя, кого в осведомителя, многим отрезая путь назад страхом возмездия, на десятилетия разделяя коллективы, семьи и всё общество на «своих» и «чужих». И это еще не всё. Массы могут простить своим вождям многое, но не потерю уже завоеванной власти – слишком дорого это обходится трудовому народу. Дискредитация достигает максимума, когда власть не просто теряется вследствие поражения, а сдаётся врагу путем капитуляции. А ведь надо ещё учесть, что в ВСР капитуляция совершалась от имени единой «партии революции», её профсоюзной базы и Советской власти – нам ли теперь не знать, как подобное может дезориентировать народ и подорвать для многих авторитет самой идеи социализма.

В свете всего этого не приходится удивляться политической и нравственной деградации «перешедших Рубикон». На униженные условия «парламентской» игры с узурпаторским репрессивным режимом Хорти согласались не только буржуазные партии, но и «очищенная» от левых деятелей социал-демократия. Выговорив себе и профсоюзам урезанную легальность, она оплатила это отказом от работы среди железнодорожников и сельских пролетариев, обязательством поддерживать правительство во внешней политике. Такого рода пакт социал-демократов с режимом фашистского типа даже в те времена встречался нечасто. Безусловно, он внёс немалый вклад в укоренение среди коммунистов стереотипа «социал-фашизма».

Компартия Венгрии, воссозданная при помощи Коминтерна, четверть века должна была работать в глубоком подполье и эмиграции. Несколькими составов её внутренне-го руководства пали жертвами фашистского террора. «Эффективность» репрессий указывает не только на недостаток у молодой партии опыта конспирации, но и на сужение социальной опоры, фашистское разращение части трудящихся. Как бывает всегда в подобных ситуациях, внутри партии не обошлось без фракционной борьбы, нередко отягощаемой обвинениями в предательстве. При многочисленной эмиграции, большей частью в СССР, и активной роли КПВ в деятельности Коминтерна, партию не могли миновать перипетии героической и трагической истории первой страны социализма.

Венгерским коммунистам, прибывшим после австрийского интернирования на вторую родину, история уготовила ещё одну надежду и ещё одно разочарование. Жарким летом 1920 г. Юго-Западный фронт РККА, громя белопольских агрессоров, пересёк «австрийскую границу». На освобождённой территории была провозглашена Галицийская Советская республика. Ряд стран Европы охватывал новый революционный подъём. В Венгрии

режим Хорти, лишь недавно узурпировавший власть и далёкий пока от стабилизации, подписание Трианонского мира поставило перед угрозой кризиса, подобного ответу общества на ноту Вика. То, чего коммунисты страстно ждали год назад, снова казалось близким.

По итогам II Конгресса Коминтерна В.И. Ленин 23 июля телеграфировал на Югзапфронт И.В. Сталину: *«Положение в Коминтерне превосходное. Зиновьев, Бухарин, а также и я думаем, что следовало бы поощрить революцию тотчас в Италии. Моё личное мнение, что для этого надо советизировать Венгрию, а, может быть, также Чехию и Румынию. Надо подуматъ внимательно. Сообщите Ваше подробное заключение»*. На следующий день в Кремль пришел сталинский ответ с пометкой «Только Ленину». В записке, скрытой под грифом секретности почти на столетие, отражено глубокое понимание диалектики российской и мировой революции: *«Нужно признать, что мы уже вступили в полосу непосредственной борьбы с Антантой, что политика лавирования уже потеряла своё преобладающее значение, что мы можем теперь и должны вести политику наступления (не смешивать с политикой наскокивания), если мы хотим сохранить за собой инициативу во внешних делах, которую мы завоевали недавно»*. Выражая полную поддержку ленинскому «личному мнению», Сталин с учётом военно-политических уроков 1919 г. конкретизирует международные условия развития революции с учётом военно-политических уроков 1919 г.: *«Поэтому в очередь дня Коминтерна нужно поставить вопрос об организации восстания в Италии и в таких неокрепших государствах, как Венгрия, Чехия (Румынию придётся разбить)»*. При этом Сталин, как всегда далёкий от безоглядного оптимизма, даёт в обрванной форме прогноз различных классовых путей выхода из альтернативной ситуации, предупреждая, что с выбором нельзя затягивать: *«Нужно сняться с якоря и пуститься в путь, пока империализм не успел ещё мало-мальски наладить свою разлаженную телегу, а он может ещё наладить её кое-как на известный период, и сам не перешёл в решительное наступление»*¹.

Увы, «подробное заключение» Сталина не было своевременно учтено коллективным советским руководством, и предупреждение сбылось на сто процентов. Империализму действительно удалось перехватить инициативу, используя помимо белополяков и тот фактор, которым Ленину приходилось оговаривать стратегические планы: *«если опасность Врангеля не вызовет колебаний внутри Цека»*². Как и год назад, в самый решающий момент – апогея успехов РККА на польском фронте и «встречной» активизации международного революционного движения – Антанта нанесла удар в тыл Югзапфронту, на сей раз штыками «черного барона». Красным венграм события должны были напоминать финал Словацкого похода. Тут и попытки переговоров с не настроенными на результат «партнёрами», на деле лишь позволяющие противнику собрать силы для контрудара; и труднообъяснимая рокировка фронтов с отсрочкой победного наступления на Львов ради рискованного броска на Варшаву; и в итоге – но-

вое поражение, только что не в виде отступления без боя. Перспектива возрождения красной Венгрии отодвинулась вновь, теперь уже на четверть века.

В тот год Бела Куна, вместо освобождения первой родины, довелось в тот год сыграть заметную роль в истории второй. Назначенный членом РВС Южного фронта, он после разгрома Врангеля возглавил Крымский ревком. Уже в нынешнее время этот этап деятельности Б. Куна стал объектом атак российских антикоммунистов, изображающих его в духе венгерской контры 1919 г., чудовищем красного террора. Мы, разумеется, не можем принимать подобные «разоблачения» на веру, при отсутствии каких-либо гарантий объективности «фактов», приводимых идеологически ангажированными, часто непрофессиональными и попросту недобросовестными авторами. Добавлю лишь одно: если бы даже не было «дыма без огня», меня бы это нисколько не удивило. Застрявшие в Крыму эпигоны «белого дела», имевшие не одну возможность одуматься и прекратить уже проигранную войну, но под занавес успевшие вписать в неё на Перекопе самую кровавую страницу, вряд ли вообще могли рассчитывать на снисхождение. Что же касается лично Б. Куна, то странно было бы ожидать, чтобы политик и человек, на жестоком опыте убедившийся в пагубности доверия и мягкости к врагам, более того – несомненно чувствовавший за это тяжкую ответственность перед павшими и живыми товарищами, не стремился искупить вину и, главное, защитить вторую родину лучше, чем смог защитить первую. Будучи живым человеком, он не мог не ненавидеть врангелевцев вдвойне – и как врагов родины мирового пролетариата, и как наёмников Антанты, чьими руками было сорвано освобождение его родной Венгрии. Если с его стороны и были допущены перегибы, их по справедливости следует включить в «цену» контрреволюции – венгерской, российской, мировой.

Что касается роли Б. Куна в событиях 30-х гг., объективной обоснованности предъявленных ему обвинений, предъявленных ему и ряду его товарищей, как и последующей их реабилитации, то достоверной информацией на сей счет мы не располагаем. К сожалению, данный круг событий не стал в советские годы предметом открытого научного исследования с марксистских позиций, что свидетельствовало о продолжении в иных формах политической борьбы, завершившейся пока поражением социализма.

Коллизии бурного времени, сами по себе чреватые трагедиями, в коммунистическом движении Венгрии предельно обострились противоречивым опытом ВСР, лично пережитым многими партийцами и большинством руководящих кадров. В крайней степени это относится к политической и личной судьбе лидеров, во многом олицетворяющих две эпохи в истории партии, страны и мира, – Бела Куна и Матяша Ракоши. Оба были наркомом ВСР; оба прошли вражеский плен и были спасены благодаря международной, прежде всего советской, солидарности; оба считали Страну Советов второй родиной, а для коммуниста первой, защищали её как свою и преклонялись перед её примером; оба работали в руководящих органах Коминтерна; оба занимали высшие посты в партии и стране в моменты двух её революционных взлетов; оба не смогли своевременно учесть смену исторических условий особенно международных; оба в пылу политической борьбы подверглись обвинениям сомнительной объективности, жестоко поплатившись за действительные и вообража-

¹ Сталин И.В. Москва. Кремль. Только В.И. Ленину. 24 июля 1920 года /Труды. Том 15. Прометей инфо: - М., 2019. - С. 229-230.

² Ленин В.И. Телеграмма И.В. Сталину. 3 августа 1920 г. / ПСС. - Т. 51. - С. 248.

емые просчёты. История развела этих людей по разные стороны линии, разделившей в середине XX века коммунистическое движение, волею случая избавив от столкновения обоих лично, но не их приверженцев и последователей. Оба во многом остались на всю жизнь в эпохе Советской Венгрии; их сильные и слабые стороны, достоинства и недостатки берут начало от той победы и того поражения.

Для марксиста бесспорно, что любые оценочные суждения, даже закономерные для своего времени, не могут служить ни символом веры, ни истиной в последней инстанции для настоящего и будущего. Убедительным ответом нашим идейным врагам может служить не «политкорректное» причёсывание минувшей драмы, не обывательская сортировка её участников на злодеев и ангелов, а углубление анализа общественно-политических взаимосвязей, обусловивших как мотивы и действия деятелей прошлого, так и эволюцию их восприятия на различных этапах истории.

20. «Вторая попытка»: отрицание отрицания

Разгром фашистского блока во Второй Мировой войне при решающей роли Советского Союза стал для всего мира началом нового этапа истории, а для стран Центральной и Юго-Восточной Европы – отправным пунктом революционного процесса, названного в то время народно-демократическим, а на последующем этапе принявшего социалистический характер.

Спустя несколько десятилетий, когда в развитии европейского социализма проявились симптомы кризиса, а особенно после его поглощения мировой системой капитализма в конце XX века, широко распространилось нигилистическое отношение ко всему пройденному им пути. Совершая логическую ошибку «после того – значит вследствие того», многие из наших современников склонны думать, что раз уж европейский социализм потерпел в конце XX века историческое поражение, то был порочен изначально. Насчёт причин мнения расходятся: для антикоммунистов он плох как всякий социализм вообще; для ревизионистов – как продукт пресловутого «сталинизма» и его навязывания другим странам; для некоторых радикальных левых – как результат подмены «подлинной» революции привнесением её результатов извне, либо допущенных коммунистами просчётов, уступок буржуазным силам и традициям. Но при всех вариантах нигилизма преобладает «голое зрящее отрицание», а не диалектический и исторический анализ явления во всей его объективной противоречивости, как органической части более широкого процесса развития единого взаимосвязанного мира.

Казалось бы, марксисту должно быть само собой понятно, что одно дело Советский Союз – шестая часть мира, имевшая в середине XX в. силы и средства для самостоятельного строительства и защиты основ социализма, и другое – небольшие страны, глубоко интегрированные в систему международных связей, начиная с разделения труда и кончая военными союзами. Не ясно ли, что во втором варианте смену общественного строя просто немислимо отделить от вхождения в альтернативную систему также международного масштаба, и возведение национального суверенитета в абсолют, вообще чуждое марксизму, в подобных случаях есть абсурд?

Говоря конкретнее, в Центральной и Юго-Восточной Европе конца Второй мировой войны во многом реализовалась перспектива, обозначавшаяся уже в ходе

Словацкого похода ВКА и предметно обсуждаемая Лениным и Сталиным в июле 1920 г. Это – не столько «экспорт» революции из одной страны в другую, сколько объективное переплетение революционных процессов на новом уровне международной взаимосвязи, предвосхищающем предвиденное Марксом «*обобществившееся человечество*»¹. Мы имеем здесь дело не с какими-то «недоношенными» революциями, а с вынужденным особыми обстоятельствами ранним «скачком» к некоторым чертам мировой реальности дня сегодняшнего и даже завтрашнего.

Но этому историческому позитиву суждено было возникнуть в единстве со своей противоположностью. История середины XX в. подтвердила допущение В.И. Ленина, которое при его жизни было на первый взгляд «*невероятно*», но, как он подчеркивал, «*не невозможно*», ибо «*представлять себе всемирную историю идущей гладко и аккуратно вперёд, без гигантских иногда скачков назад, недialeктично, ненаучно, теоретически неверно*». Вопреки надеждам, случилось именно так, что «*пролетариат Европы оказался лет на 20 бессильным*», империалистическая война в фашистском исполнении обернулась вначале «*победами вроде наполеоновских и порабощением ряда жизнеспособных национальных государств*», а в итоге стала возможна и действительно состоялась «*великая национальная война в Европе*». Прозорливое ленинское предвидение в значительной мере подтвердилось и в другом аспекте: «*Это было бы развитием Европы НАЗАД на несколько десятилетий...*»².

В освобождённых от фашизма странах «вторую попытку» революционных преобразований приходилось начинать под знамёнами не пролетарско-социалистическими, а национально-освободительными и общедемократическими. Первое время коммунисты выступали в блоке с буржуазными и мелкобуржуазными партиями, ориентировавшимися на западных союзников. Начало народно-демократических преобразований определялось не непосредственно зрелостью противоречия между основными классами капиталистического общества, а прежде всего передовой ролью коммунистов в освобождении от фашизма, восстановлении разрушенного, борьбе с нищетой и голодом. Рабочее движение объективно нуждалось в объединении коммунистов и левых социал-демократов, отчасти повторяя в новых условиях опыт ВСР. Международные и внутренние условия потребовали сохранить, наполнив новым содержанием, народно-демократическую форму политической системы и на последующем этапе, когда внутри коалиции набирала силу классовая борьба.

Для Венгрии революция была в XX веке второй. По отношению к первой она выступала «отрицанием отрицания». В некоторых отношениях закономерно произошел «*возврат якобы к старому*»³. Действовать приходилось в условиях, во многом качественно изменившихся; коммунисты, прошедшие первую революцию, стремились извлечь из неё уроки, чтобы оградить партию и страну от нового поражения. И всё же основные задачи, достижения и неудачи «второй попытки» обнаружили устойчивые тенденции, проявившиеся уже в 1918-1919 годах.

¹ Маркс К. Тезисы о Фейербахе / Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. - Т. 3. - С. 4.

² Ленин В.И. О брошюре Юниуса / ПСС. - Т. 30. - С. 6.

³ Ленин В.И. Философские тетради / ПСС. - Т. 29. - С. 203.

Как и более трети века назад, венгерским коммунистам приходилось вести борьбу не только против внутренней реакции, но и против всемирного империализма в лице обеих его разделённых мировой войной группировок, которые можно схематично назвать германской и англосаксонской. Возрождая независимость, погранную первой из них, приходилось отстаивать родину от покушений второй, тем более опасных, что страна вновь имела статус побеждённой и в международном плане лишь ограниченно суверенной.

Как и в 1918-1919 г., пройти между империалистическими Сциллой и Харибдой небольшая страна могла только в союзе с главной силой международной пролетарской революции – родиной Советов. Ко «второй попытке» Венгерской революции Советский Союз пришел, уже заложив основы социализма XX века, разгромив фашистскую группировку мировой реакции и освободив от её ига значительную часть Евразии. В Венгрии, как и в ряде других стран, главная разрушительная задача революции – слом старого репрессивного аппарата – вторично была выполнена поражением классового врага в мировой войне; но теперь оно было нанесено социалистическим государством при участии коммунистов Венгрии и других стран. «Карпатское рукопожатие», неудача которого в 1919 г. стала одной из причин гибели революции, спустя годы помогло защитить её «вторую попытку». Дислокация в Венгрии, а также в 1945-1955 г. в пограничной с ней зоне Австрии, советских войск, плюс дипломатическая поддержка СССР при послевоенном урегулировании, прикрыли страну от империалистической интервенции. Преимущественно мирный характер революции, заложенный ещё ВСР, обрёл долгосрочную основу.

Вместе с тем в послевоенной Венгрии объективно сложился один из сложнейших вариантов народно-демократических преобразований. После падения ВСР и четверти века фашистского господства внутренние условия изменились не в лучшую сторону. В стране с частично деиндустриализованной и разрушенной экономикой, значительно упавшим уровнем реального обобществления на селе, тяжело травмированным поражением обществом, рабочий класс и партия коммунистов не обладали влиянием и авторитетом марта 1919 года. Позиции рабочих партий не могли не ослабляться последствиями гибели ВСР: социал-демократам трудно было смыть пятно ренегатства прежних лидеров, коммунистам – преодолеть в обществе инерцию разочарования и страха. Для расширения политических союзов КПВ пришлось дважды сменить имя, назвавшись сначала Партией мира (!), затем Венгерской компартией (ВКП).

О тенденции «развития назад» можно судить и по тому, что крестьяне и даже батраки добивались получения земли не в общественную, как в 1918-1919 г., а в частную собственность. После неудачи первой попытки социалистического обобществления, после десятилетий неокрепостнического гнёта латифундистов и фашистского господства, собственное мелкое хозяйство не могло не превратиться для миллионов селян в «землю обетованную». История, идущая поистине «зигзагами и круглыми путями»¹, на сей раз потребовала от пролетарского авангарда союза с мелкобуржуазно-крестьянской демократией, в чём-то подобного российскому 1917 г., однако на более консервативной

базе – мелкой частной собственности на землю, а не её национализации. В марте 1945 г., вопреки сопротивлению правых, коалиционное правительство декретировало аграрную реформу. Реальным её проведением страна была обязана крестьянско-батрацким комитетам, созданным по инициативе коммунистов. За несколько месяцев страна латифундий и «трёх миллионов нищих» стала страной мелкотоварного хозяйства, большей частью середняцкого.

При этом политические дивиденды аграрной реформы первыми пожали те, кто её саботировал, – правые лидеры Партии мелких сельских хозяев. ПМСХ больше других партий отвечала господствующим мелкобуржуазным настроениям, в то же время имея репутацию оппозиционной хортизму, на заключительном этапе – даже участницы антифашистского блока. Не подвергаясь при Хорти таким преследованиям, как коммунисты, и не будучи дискредитированной, как социал-демократы, она давала протестным настроениям легальный выход. Таким образом внутри ПМСХ сложилось левое крыло, выражавшее устремления среднего крестьянства. То же можно сказать о другой, не столь многочисленной партии – Национальной крестьянской. Но правые лидеры ПМСХ рьяно выступали, при поддержке всей реакции, в защиту «предпринимательства» и открыто призывали венгров удостоиться «доверия англосаксов». На выборах осени 1945 года ПМСХ получила 57%, ВКП 17%, СДП немного меньше; даже в столице, некогда оплоте левых, за единый список рабочих партий было подано 42,8% голосов, за ПМСХ – примерно 50%².

Едва почувствовав за собой силу, эксплуататорские классы показали, на что способны. Буржуазия избегала вкладывать капиталы в производство, превратив Будапешт в узел спекулятивной торговли и валютных махинаций. Ценники менялись по нескольку раз в день, реальная зарплата катастрофически падала, народ нищал. Кулаки норовили стать новыми латифундистами и начинали уже сгонять крестьян с земли. Понятно, что «хозяева» сами отталкивали прежний электорат и расширяли опору левых. Историей вновь, на более широкой социальной базе, востребовалась заложенная ВСР традиция «составного» формирования левого лагеря, что позволяло защищать и двигать вперёд революцию мирным путем.

5 марта 1946 г. по инициативе коммунистов был создан Левый блок с участием СДП, профсоюзов и Национальной крестьянской партии. На улицы столицы раз за разом выходили сотни тысяч рабочих, добиваясь очистки ПМСХ и правительства от врагов новой жизни. Под воздействием рабочего класса коалиционному правительству приходилось выполнять требования, напоминавшие времена ВСР: налаживать отношения с деревней в форме обязательных продовольственных поставок и натурального продналога, вводить централизованное снабжение промышленности, устанавливать минимум зарплат и карточную систему. В январе 1946 г. в руки государства перешли угольные шахты, в декабре – крупнейшие предприятия тяжёлой промышленности. В январе 1947 г. ВКП опубликовала проект первого трёхлетнего плана, в августе он стал законом. Всё более важную роль играло экономическое сотрудничество с СССР.

¹ Ленин В.И. Главная задача наших дней / ПСС. - Т. 36. - С. 82.

² Краткая история Венгрии. - М.: ИПЛ, 1991. - С. 435-437.

Добившись реального улучшения жизни трудящихся, коммунисты и их союзники смогли очистить ПМСХ от реакционеров. На выборах августа 1947 г. ВКП стала крупнейшей партией, имевшей совместно с СДП, НКП и обновлённой ПМСХ твёрдое большинство. Изменение соотношения сил позволило начать наступление на финансовый капитал. В ноябре 1947 г. государство взяло в свои руки семь банковско-промышленных корпораций, включая четверть тяжёлой индустрии и 30% внешней торговли. Затем пришла очередь стратегически важной алюминиевой отрасли.

Антимонополистические меры переросли, хоть и не так стремительно, как при ВСР, в антикапиталистические. В марте 1948 г. все предприятия с более чем 100 рабочими были национализированы. Госсектор охватил более 80% крупной и средней промышленности, две трети внешней торговли¹. Всевенгерский союз фабрикантов, десятилетиями диктовавший стране свою волю, прекратил существование.

Столь важной сферой, как народное образование, новой власти удалось вплотную заняться не сразу. В коалиционных правительствах она находилась в ведении представителей ПМСХ, отражая сложность социальной и культурно-идеологической ситуации в стране, где больше половины школ принадлежало церкви. В 1945 г. удалось ввести единую 8-летнюю школу, начать переподготовку учителей и издание новых учебников. Коммунисты развернули движение «народных коллегимов», помогавших рабочей и крестьянской молодёжи получить среднее и высшее образование. В июне 1948 г. Государственное собрание приняло закон о национализации школ. Обучение детей и подростков перешло к светскому государству. Развернулась подлинная культурная революция.

Народно-демократическое государство наполнялось новым содержанием, становясь формой диктатуры пролетариата. Как и треть века назад, в повестку дня встало воссоединение рабочих партий. Лидеров торопили массы: за несколько месяцев 100 тысяч рабочих-эсдеков подали заявления о приёме в компартию. В июне 1948 г. на совместном съезде возродилась единая партия рабочего класса; теперь она получила имя Венгерской партии трудящихся (ВПТ).

Новый этап революционных перемен потребовал преобразовать и самую массовую из рабочих организаций – профсоюзную, традиционно игравшую в Венгрии большую политическую роль. По решению состоявшегося в октябре 1948 г. рабочего съезда, профсоюзы перешли от объединения по профессиям к профессионально-отраслевым организациям на основе принципа «Один завод – одна профорганизация». Произошло укрупнение профсоюзов: вместо прежних 50 было образовано 19 новых. В профорганизации предприятий влились фабрично-заводские комитеты – наиболее политически активные из рабочих организаций. Объединительный процесс шёл и на селе, где создавался Всевенгерский союз трудящихся крестьян и сельскохозяйственных рабочих. Были сформированы молодёжный и женский союзы. Все эти общественные организации наряду с ВКП и союзными партиями вошли в Венгерский народный фронт независимости, позже переименованный в Отечественный народный фронт.

Избранный в мае 1949 г. новый парламент – Государственное собрание – принял 18 августа конститу-

цию Венгерской Народной Республики. В названии прослеживалась преемственность с «первой республикой» ноября 1918 – марта 1919 г., в содержании – с Венгерской Советской республикой. ВНР объявлялась государством рабочих и трудящихся крестьян, в котором вся власть принадлежит трудовому народу. Основой нового строя провозглашались труд и общественная собственность, целью ставился принцип «от каждого по способности, каждому по труду». Как и тридцать лет назад, трудящиеся независимо от пола, национальности и вероисповедания получили право на труд, на отдых, на образование, а также гражданские свободы и право собственности, приобретённой личным трудом. Политическое устройство республики представляло компромисс между парламентаризмом и Советами: высшие органы – Президиум ВНР и Совет министров – избирались Госсобранием, на смену прежним муниципалитетам пришли местные советы.

Партии буржуазной оппозиции в конце 1948 – начале 1949 г. прекратили существование. Официально их не запрещали, но одни объявили о самороспуске, другие просто перестали подавать признаки жизни. Главной причиной послужил подрыв классово-экономической базы, исчерпание прежних возможностей борьбы за власть. Но не обошлось и без политической мимикрии, которой буржуазно-помещичьи и мелкобуржуазные круги Венгрии владели в совершенстве. Враги социализма изображали себя нейтралами или друзьями, лишь бы сохранить теневое влияние, выиграть время и освоить новые средства достижения своих целей.

Коммунисты старались учесть урок 1919 г. и защитить свои ряды, новую государственность от проникновения чуждых элементов и агентуры врага. На сей раз объединению рабочих партий предшествовала серьёзная чистка СДПВ. Уже после съезда в ВПТ провели перерегистрацию, подтвердив членство 900 тыс. человек; 190 тыс. фильтр не прошли. К работе в госаппарате привлекли десятки тысяч рабочих и крестьян. К весне 1949 г. 67% руководителей предприятий составляли бывшие рабочие. Среди офицеров процент выходцев из рабочих и крестьян за два года поднялся с 5,5 до 80,7%, среди офицеров полиции достиг 76%². Столь быстрое обновление кадров несло, наряду с упрочением народного строя, и немалую опасность, создавая «критическую массу» недовольных со значительным военным и другим опытом.

Завершая социалистическое преобразование промышленности, правительство в декабре 1949 г. национализировало предприятия с числом рабочих более 10, а также 60 крупных предприятий, принадлежавших иностранному капиталу. В руках государства сосредоточились вся крупная, средняя и часть мелкой промышленности, транспорт, кредитная система, внешняя и большая часть внутренней торговли. Новая структура народного хозяйства примерно соответствовала той, что складывалась в ВСР, но с одним существенным отличием – сельское хозяйство на сей раз было преимущественно мелкотоварным. Последствия в обоих секторах экономики тоже оказались аналогичны наметившимся 30 лет назад.

В промышленности трёхлетний план был выполнен досрочно, за 2 года и 5 месяцев. Это позволило удвоить национальный доход, на четверть превзойдя довоенный; две трети его давал социалистический

¹ Там же. - С. 449-450.

² Там же. - С. 455.

сектор промышленности. Впервые пришёл конец безработице, почти 400 тысяч человек получили рабочие места; в самой патриархальной стране Европы в общественное производство смогли широко включиться женщины. Благодаря росту реальной зарплаты и общественных фондов потребления (например, за питание в заводской столовой рабочий платил меньше половины себестоимости) жизненный уровень трудящихся за три года повысился более чем на треть¹. С учетом того, что возможности советской помощи в послевоенные годы были ограничены, первый в мире пример региональной интеграции – Совет экономической взаимопомощи – в 1949 г. Совет создавался, а кредитов от США по плану Маршалла народно-демократическая Венгрия не получала, достигнутые ею результаты надо рассматривать, подобно наметившимся за 133 дня ВСР, как признак объективного соответствия социалистических производственных отношений производительным силам реально обобществлённой промышленности.

Но в том же 1949 г. валовая продукция сельского хозяйства едва добралась до не слишком завидного уровня предвоенных лет, при этом доля товарной продукции снизилась почти на треть². Как в любом современном обществе, мелкотоварный уклад мог в лучшем случае оживить разрушенное войной хозяйство, дать крестьянам самим поесть досыта, но адекватный потребностям страны рывок был ему не по силам. Между двумя укладами, господствовавшими в городе и на селе, объективно обострялось противоречие.

Уже в 1948 г. партия коммунистов начала развёртывать движение за производственное кооперирование села. Первые кооперативы, как и 29 лет назад, создавались безработными сельхозработчиками, бывшими батраками и крестьянской беднотой на землях, переданных государством. Власть стремилась поощрять почин, разрешая кооперативам в большем, чем единоличникам, размере аренду земли и создавая по советскому примеру МТС, дававшие им 30-процентную скидку в оплате. Однако к концу 1949 г. кооперативы вместе с госхозами обрабатывали лишь 7,3% пахотных земель³. Первый пятилетний план на 1950-1954 гг. нацеленный на построение основ социализма, предусматривал кооперирование деревни.

Как видим, вторая в XX веке Венгерская революция продолжила основные тенденции первой. Решив, под руководством коммунистического авангарда рабочего класса, первоочередные общедемократические задачи, на сей раз преимущественно антифашистские и аграрные, революция в исторически короткий срок переросла в социалистическую. Оба процесса сближают и другие существенные черты: колоссальная роль международных факторов как революции, так и контрреволюции; слом репрессивной машины буржуазного государства в ходе мировой войны, придавший смене правящих классов сравнительно мирную и компромиссную форму; коалиционный характер формирования новой власти, обеспечивший максимально возможное расширение её социальной базы.

Данные моменты представляются закономерными для революции XX века в стране среднеразвитого ка-

питализма, с соответствующей этому уровню степенью интернационализации экономических и других общественных связей. Подобные условия, как показывает пример обеих венгерских революций, ускоряют и облегчают социалистические преобразования в крупной и средней промышленности, достигшей уже при капитализме высокой степени реального обобществления. Но тот же комплекс факторов усложняет разрешение противоречий между социалистической индустрией и мелкотоварным сельским хозяйством, между производственными и социальными приоритетами экономической политики, что чревато повышенной уязвимостью революционных завоеваний, особенно при неблагоприятных сдвигах в международной ситуации.

21. «Вторая попытка»: контрреволюция и ее финал

Разгром международного фашизма и начавшееся превращение социалистического строя из феномена, ограниченного пределами СССР, в систему, имевшую всемирное влияние, побудили империализм мобилизовать все силы подвластной ему большей части мира для ответа на исторический вызов. В 1949 г. США и их европейские союзники объединились в военно-политический блок НАТО. Общими усилиями они наращивали холодную войну, дополнив её с 1950 г. горячей в Корее. Организованный ими раскол Германии создал на западе страны антикоммунистический и реваншистский режим, превративший ФРГ в базу военнизированных формирований контрреволюции соседних стран, в том числе венгерской. Необходимость выбора в усложнившихся условиях эффективных средств развития и защиты нового общества обостряла идейно-политическую борьбу в странах, ставших на путь социализма. Подогреваемый империалистическими силами конфликт между Югославией и СССР грозил переместить Венгрию из сравнительно безопасного тыла холодной войны на линию огня. Внутренних противников социализма возглавил примас Венгрии кардинал Й. Миндсенти – контрреволюционер со стажем с 1919 г.; международно-организованная католическая церковь, тесно связанная с демохристианскими режимами ФРГ и Италии, оставалась не вполне подконтрольна социалистическому государству. Старшему поколению венгерских коммунистов всё это не могло не напоминать предпосылки трагедии 1919 г.

Психологически понятно стремление М. Ракоши и его ближайших сподвижников поскорее «сделать Венгрию страной из железа и стали», вернуть положение индустриального узла дунайского региона, памятное их поколению. Отсюда – пересмотр в сторону повышения и без того напряжённых планов. Было бы неправильно усматривать в этом только субъективистскую ошибку. За годы первой пятилетки было построено 65 крупных предприятий, расширено или реконструировано 84. Продукция фабрично-заводской индустрии увеличилась в 2,3 раза, тяжёлой промышленности – в 3, машиностроения – в 3,5 раза. Промышленность не только удовлетворяла внутренний спрос, но и работала на экспорт. Возникли такие передовые отрасли, как автомобильная и приборостроительная. Доля промышленности в национальном доходе приблизилась к 54%, в ней была занята четверть самодеятельного населения. Доля занятых в сельском хозяйстве снизилась с 54,5

¹ Там же. - С. 457, 464.

² Там же. - С. 457.

³ Там же. - С. 460.

до 43%¹. Мобилизовав внутренние резервы, стране удалось преодолеть последствия хортистской деиндустриализации и за пять лет из аграрно-индустриальной сделаться индустриально-аграрной. Иначе испытания середины 50-х гг. могли бы обойтись стране и мировому социализму ещё дороже.

Однако цена достижений оказалась немалой. Хотя при рывке в капиталовложениях поднялся почти на треть и уровень потребления, спрос удовлетворялся не полностью. Уже в первый год пятилетки возникли перебои в снабжении, с 1951 г. пришлось вернуть карточки на ряд товаров. Партия обращалась к народу с призывом «вести спартанский образ жизни», вряд ли реалистичным в обществе, где лозунг трёхлетнего плана – «Твоя страна, себе строишь!» – свидетельствовал, что попытка преодолеть отчуждение народа от собственности и власти не мыслилась без изрядной дани индивидуалистическим установкам.

Диспропорция между промышленностью и сельским хозяйством сохранялась и даже росла. К концу 1949 г. кооперативы вместе с госхозами обрабатывали лишь 7,3% пахотных земель¹, к середине 50-х гг. долю обществлённого хозяйства удалось довести лишь до трети. Даже члены кооперативов высшего (из трёх) типа оставались частными собственниками своих участков и получали, в дополнение к оплате по труду, земельную ренту в размере 20-25%. Достичь большего в сжатые сроки на основе добровольности было проблематично. О сложности положения на селе свидетельствовало и наличие трёх (!) списков бывших кулаков, числом соответственно 56 тыс., более 70 тыс. и 95 тыс.²

Пытаясь преодолеть сопротивление кулачества и решить текущие проблемы, руководители республики шли на увеличение обязательных поставок, снижение заготовительных цен, повышение прогрессивного налога, прибегали даже к изъятию излишков. Но чрезвычайные меры, напомиравшие практику последних месяцев ВСР, сталкивали власть и с единоличником-середняком, теперь более многочисленным, чем в 1919 г.

Как любая массовая партия, а особенно правящая, тем более «составного» происхождения, ВПТ не могла не отражать в своих рядах противоречия общества. Между частью партийно-государственного руководства, преимущественно из числа бывших социал-демократов либо кадров нового поколения, не прошедших опыта ВСР (к последним принадлежал первый заместитель лидера партии Янош Кадар), и группой М. Ракоши возник в 1949-1951 гг. острый конфликт, вылившийся в политические репрессии. Как в отношении Б. Куна и других погибших в 30-е гг., мы не располагаем достаточными данными для того, чтобы объективно судить о сущности конфликтов. Несомненным представляется лишь одно: жёсткость методов подавления внутривластной оппозиции – до 5 тысяч арестованных, около 100 погибших – порождалась не только примером репрессий в СССР и других странах, но и причинами внутреннего порядка.

С одной стороны, продолжала сказываться «цена контрреволюции». М. Ракоши и некоторые другие ветераны, за десятилетия свыкшись с мыслью, что главная причина поражения – мягкотелость и отсутствие внутривластной бдительности, «перегибали палку» в

противоположную сторону, необоснованно доверяя приспособленцам, делавшим на этом карьеру.

С другой стороны, на участников политической борьбы не могла не воздействовать социальная среда, ставшая, особенно в деревне и среди сельских выходцев в городе, значительно менее пролетарской и более мелкохозяйской, чем треть века назад. При «второй попытке» революции в Венгрии, как и в ряде других стран, с поразительной точностью сбылось предвидение Энгельса: пролетарская партия **«вынуждена будет встать у власти, чтобы в конце концов проводить всё же такие вещи, которые отвечают непосредственно не нашим интересам, а интересам мелкобуржуазным»**. Подтвердился «как по писаному» и его прогноз наиболее вероятных последствий подобного положения: **«В таком случае под давлением пролетарских масс, связанные своими собственными, в известной мере ложно истолкованными и выдвинутыми в порыве партийной борьбы печатными заявлениями и планами, мы будем вынуждены производить коммунистические опыты и делать скачки, о которых мы сами отлично знаем, насколько они несвоевременны... Прежде чем мир будет в состоянии дать ИСТОРИЧЕСКУЮ оценку подобным событиям, нас станут считать не только чудовищами, но и дураками, что уже гораздо хуже»**. Не вполне оправдалась лишь стоическая надежда Энгельса, что «терять головы» революционерам придётся **«только в физическом смысле»³**, оправдалась не вполне. Ещё К. Маркс подчеркивал, что мелкобуржуазная среда в преимущественно крестьянской стране закономерно порождает авторитарно-бонапартистские и культовые тенденции, ибо парцелльные крестьяне **«не способны защищать свои классовые интересы от своего собственного имени... Они не могут представлять себя, их должны представлять другие. Их представитель должен вместе с тем являться их господином, авторитетом, стоящим над ними, неограниченной правительственной властью... Политическое влияние парцелльного крестьянства в конечном счёте выражается, стало быть, в том, что исполнительная власть подчиняет себе общество»⁴**. С другой стороны, мелкобуржуазная среда, особенно в своем интеллигентском сегменте, питает анархо-«демократические» устремления, вступающие с «неограниченной правительственной властью» в острый конфликт.

Неслучайно самым опасным для «второй попытки» социализма в Венгрии стало противостояние в экономической и социальной политике между «индустриальным» и «аграрным» уклонами. Лидером последнего выступил Имре Надь – глава министерства сельского хозяйства в годы аграрной реформы, снискавший в народе популярность как «министр, делящий землю». Психологически понятно, что деятель, воспитанный на критике «ошибок» ВСР в аграрном вопросе и гипнотизируемый собственными успехами в его решении, не

¹ Там же. - С. 462.

² Там же. - С. 458, 469.

³ Энгельс Ф. – Иосифу Вейдемейеру, 12 апреля 1853 г. / Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. - Т. 28. - С. 490-491.

⁴ Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта / Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. - Т. 8. - С. 208.

мог не оппонировать ускоренному кооперированию. Популярность предохраняла его от репрессий, если не считать таковыми партийную критику и некоторое снижение аппаратного ранга. Всё это ставило его в положение предшественника Б. Ельцина – опального «вельможи», сохраняющего связи в верхах наряду с репутацией «гонимого», что делает подобную фигуру центром притяжения назревающей «фронды».

При всей серьёзности внутренних противоречий, кризис народной власти мог не принять катастрофических форм, если бы не получил, как и в 1919 г., сильного импульса извне. Детонатором «второй попытки» теперь уже венгерской контрреволюции стали кончина И.В. Сталина и начало советской «оттепели». Удивляться здесь нечему: в марте 1953 г. второй социалистической революции в Венгрии шел лишь пятый год, и ей только предстояло преодолеть полосу особой уязвимости. Любителям поглядывать свысока на небольшие страны, поставленные историей в объективную связь с нашей Родиной, можно предложить мысленный эксперимент. Представим, что незадолго до российского Октября, или вскоре после него, в Германии победила бы страстно ожидаемая современниками пролетарская революция, а лет через пять её постиг бы внутренний кризис, сопровождаемый дискредитацией пройденного пути. Удалось ли бы даже нашей революции, при всей её внутренней силе и глубине корней в народе, перенести подобный идейно-психологический шок без драматических, а то и трагических, коллизий? Постараемся же сохранить научную объективность, не забывая о мере ответственности каждого, но в первую очередь тех, кто выдвинут историей на решающую позицию.

Учитывая традицию горячей любви и полного доверия к СССР, впитанную несколькими поколениями коммунистов, не приходится удивляться тому, что с переменами в Москве сразу же начались попытки «исправления ошибок» и в Венгрии. Конкретно они предполагали в экономике – пересмотр напряжённых планов, перенос удара с тяжёлой индустрии на лёгкую промышленность и сельское хозяйство; в системе управления – сокращение более чем на треть (!) госаппарата и разделение высших государственных постов. М. Ракоши пока остался во главе партии, но правительство возглавил И. Надь. Строительство ряда промышленных предприятий, даже почти готовых, правительство прекратило, омертвив огромные средства и обесмыслив труд массы людей. Упор И. Нады на мелкотоварное производство стал сигналом для атаки на кооперативы; из них вышло до половины членов, многие хозяйства прекратили существование. Обвальное сокращение аппарата – палочка-выручалочка популистских реформаторов – множило ряды разочарованных, недовольных и озлобленных на власть.

Опираясь в борьбе с оппонентами на оппозиционную интеллигенцию, И. Надь и сам всё больше переходил на позиции «демократического социализма», высказываясь против «сталинизма как системы», за «гуманизм общественного строя». Раскол во власти создал трещину, в которую хлынул поток антикоммунистической и антисоветской пропаганды. Коммунисты не могли не чувствовать растущую угрозу. Пленум Центрального руководства ВПТ в марте 1955 г. подверг И. Нады суровой критике. За правый уклон, антимарксистский оппортунизм, подрыв руководящей роли партии, отрицание социалистической интеграции он был

снят с постов и исключён из ВПТ. Но кризис получал извне новые импульсы.

Столь же противоречиво менялось международное положение государства. Гарантией безопасности Венгрии и других стран социализма призван был стать Варшавский договор, подписанный в 1955 г. Суверенитет Венгрии должно было упрочить и урегулирование, при важнейшей роли СССР, международно-правового статуса Дуная. Но в том же 1955 г. советское руководство согласилось на заключение Государственного договора по Австрии, предусматривавшего вывод из неё войск держав-победительниц и восстановление нейтрального государства. Для Венгрии уход советских войск с востока Австрии стал в чём-то аналогичен выводу ВКА из Словакии. Как и тогда, социалистическое государство ради внешнеполитических компромиссов соглашалось восстановить на освобождённой его войнами территории буржуазное государство. Чтобы не облегчать империализму подрывную деятельность через территорию Австрии, Москве следовало, как минимум, добиться от неё и западных держав гарантий безопасности Венгрии, или же отложить вывод войск.

Вместо этого Кремль сделал новый односторонний шаг, признав сепаратно созданную ФРГ. Ответное признание послевоенных границ союзных нам стран и даже самого СССР (!) пришлось добиваться ещё 16-17 лет; на уступку Бонн вскоре отреагировал запретом Компартии Германии. Всё это не могло не поднимать акций правого клерикализма, стоявшего у власти в ФРГ и нацелившегося на другие страны, в первую очередь на католическо-протестантские.

Правые круги на Западе, копируя опыт 37-летней давности, перешли к открытой поддержке антикоммунистического подполья и формированию за рубежом штурмовых отрядов для заброски в Венгрию. За неполный 1956 г. органы безопасности успели обезвредить 45 подпольных организаций¹.

Но антисоциалистическая пропаганда велась уже и легально: на студенческих собраниях, в молодёжных клубах и творческих союзах, на заводах, фабриках, сельских сходах. Список кулаков сходы сократили с десятков тысяч до 3200, остальных официально реабилитировали. В разгар холодной войны граждан страны, где в соответствии с договорами дислоцировались в противовес НАТО советские войска, соблазняли миражами «особого пути», безответственно эксплуатируя националистическую ограниченность и политическую наивность обывателя. Непосредственный импульс «второй попытке» контрреволюции дала борьба с «культом личности», набравшая обороты в СССР и экспортируемая в союзные страны. XX съезд КПСС сыграл для Венгрии противоречивую роль. Он способствовал реабилитации и возвращению в состав партийно-государственного руководства Я. Кадара и его сторонников, в дальнейшем проявивших способность к необходимому в политике манёвру и вместе с тем к решительному отпору контрреволюции. Снятие с постов М. Ракоши, при всех его прежних заслугах, представляется для тех условий неизбежным. Не считаться с ситуацией в СССР страна Варшавского договора, разумеется, не могла, да и вообще стремление «войти дважды в те же воды» в истории и политике наказуемо. Но ещё худшими результатами чреваты эклектические попытки соединить несоединимое, чем были отмечены

¹ Краткая история Венгрии. - М.: ИПЛ, 1991. - С. 468.

кадровый состав и вся политика «обновлённого» руководства партии во главе с Э. Герё, выдвинувшем Ракоши. Самые же тяжёлые последствия имела обща дискредитация пройденного пути, вызванная конъюнктурным характером хрущёвского разоблачения «культ личности» без раскрытия объективных противоречий недавней истории.

Показательно, что прологом «второй попытки» венгерской контрреволюции явилось событие, которому, пожалуй, не было в мире аналога до 90-х гг., – организованные государством пышные торжества по случаю перезахоронения останков репрессированных деятелей ВПТ. Официальное мероприятие переросло в несанкционированные политические демонстрации. Соответствующим образом подготовленные и направляемые студенты требовали вернуть к власти И. Надя. Уступая давлению, руководство ВПТ восстановило его в партии. Это открыло шлюзы контрреволюции.

23 октября в демонстрацию студентов активно включились «прохожие», выкрикивавшие националистические и антисоветские лозунги, вырезавшие из национальных знамён гербы ВНР и сбивавшие с учреждений зданий красные пятиконечные звёзды¹. Не обошлось, конечно, без свержения памятника И.В. Сталину; демонстрируя, против кого направлена провокация, монумент оставили возле посольства СССР. Группы боевиков, получившие от начальника столичной полиции 20 тысяч единиц огнестрельного оружия, штурмовали здания радиокомитета и телефонного центра, воинские казармы. Пытались напасть и на предприятия, но рабочие под руководством коммунистов защитили свои заводы и фабрики. Рабочие и бывшие партизаны просили у ЦР ВПТ и правительства оружия, но ничего, в отличие от антикоммунистов, не получили. Это неудивительно – власти выполнили требования мятежников, вернув И. Надя на пост главы правительства. Подобно своим предшественникам августа 1919 г., они предпочли гибельную «передвижку власти» самозащите рабочего класса. Зато сразу же обратились с просьбой помочь в восстановлении порядка к Советскому правительству, что при отсутствии собственного сопротивления лишь помогло организаторам мятежа изображать контрреволюцию в виде «борьбы за национальную независимость».

Немалая часть молодёжи, одурманенная националистической и антисоветской демагогией, с упоением предалась игре в буржуазную революцию 1848-1849 годов. Как будто с тех пор ничего не изменилось, и можно по-прежнему «во имя свободы нации» идти со стрелковым оружием против одной великой державы в расчёте на поддержку другой, хотя в первые же часы ядерной войны от небольшой нации остался бы лишь пепел...

25 октября первым секретарем ЦК ВПТ был избран Я. Кадар, но его предложение пресечь мятеж, ответив на насилие силой, правительство не поддержало. Наоборот, войскам был отдан приказ не применять оружия.

В стране, как и 37 лет назад, беспрепятственно создавались органы антикоммунистической власти, дема-

гогически именуемые теперь «революционными комитетами», «революционными советами» и «рабочими советами». Из мест заключения освободили бывших коллаборационистов и уголовников, ставших ударной силой мятежа. И. Надь, а за ним и руководство ВПТ, приняв требования мятежников о ликвидации органов госбезопасности, включении «повстанческих отрядов» в состав армии и выводе советских войск, объявили происходящее «национально-демократической революцией». Ревизионистская трактовка «гуманизма» привела к логическому концу: в стране, где обе социалистические революции совершились мирным путем, контрреволюция развязала гражданскую войну и массовый террор. На улицах бандиты линчевали, как в 1919 г., коммунистов и других неугодных.

Сходство с кровавыми днями после падения ВСР проявлялось и в том, что с помощью западных держав в страну было заброшено более 20 тысяч бывших хортистских офицеров, жандармов, нилашистских боевиков. Близ границы развернули 11-тысячный корпус, укомплектованный эмигрантами и наёмниками, ждавшими приказа к вторжению². Через «нейтральную» Австрию под видом гуманитарной помощи, на автомашинах и самолётах Красного Креста, мятежникам доставляли оружие и боеприпасы. Политическую и военную координацию обеспечивала радиостанция «Свободная Европа», призывавшая прежде всего запретить партию коммунистов.

Перевыполнение этой программы началось, как только 29 октября советские войска по просьбе правительства И. Надя покинули Будапешт. Здание горкома партии мятежники взяли штурмом, применив артиллерию и танки; шестьдесят его защитников во главе с первым секретарём были растерзаны на площади. Тем временем Президиум ЦР ВПТ, через два дня после собственного образования, заявил о роспуске старой и создании новой партии – Венгерской социалистической рабочей. Название явно перекликалось с тем, что принял в июне 1919 г. первый и последний съезд «партии революции», подготовивший падение ВСР. И теперь не успела новая партия сформироваться, как И. Надь заявил о восстановлении многопартийной системы и разделе власти с участниками коалиции 1944-1949 гг. Успели воссоздать даже фашистскую партию нилашистов: многопартийность так многопартийность, за полным исключением коммунистов.

Тем временем в роль главы государства уже входил выпущенный из тюрьмы кардинал Миндсенти. Он призывал восстановить частную собственность на средства производства, возратить католической церкви прежнюю роль и отдать под суд коммунистов, включая своего освободителя И. Надя, не так давно делившего между крестьянами церковные земли.

Горе-премьер, окончательно потерявший голову, уже не видел для себя иной опоры, кроме «мирового сообщества». 1 ноября, когда британские и французские бомбы утюжили нейтральный Египет, И. Надь заявил о выходе из Варшавского договора и нейтрализации страны, обратившись за защитой к ООН. Сознал ли халиф на час, что играет с огнём ядерной войны, а себя заслуженно приговаривает к высшей мере возмездия? Никаким последующим реабилитациям не отмыть провокатора катастрофы добеда...

¹ Автор, воочию видевший ту же деталь городского ландшафта в Чехословакии 70-х гг., не мог тогда и не может теперь избежать сомнений: шёл ли на пользу социализму столь «лобовой» вид пропаганды, без которого мы в СССР вполне обходились?

² Краткая история Венгрии. - М.: ИПЛ, 1991. - С. 474-476.

«Вторая попытка» контрреволюции во всех существенных чертах повторяла первую. Обе инициировались «передвижкой власти» внутри правящей партии рабочего класса, что приводило к сдаче власти. Оба раза инициатива в кратчайший срок переходила к злейшим врагам социализма, которые в отличие от оппортунистов хорошо знали, чего хотят. Совпадает и непосредственная социальная база контрреволюции – мелкобуржуазно-люмпенская стихия, манипулируемая всякого рода «бывшими». Как и в 1919 г., контрреволюция 1956 г. носила международный характер, получая широкую поддержку империалистических сил и вдохновляя на «подвиги» антикоммунистическое охвостье от Польши до Китая.

Надо отдать должное тем коммунистам, кто в судьбоносный час решился и смог создать новый руководящий центр четкой классово-интернационалистской направленности – Венгерское революционное рабоче-крестьянское правительство. Рядом с его главой Яношем Кадаром, представлявшим новое поколение лидеров, первым встал Ференц Мюнних – один из основателей КПВ, начальник организационного отдела Наркомата ВСР по военным делам, политкомиссар 6-й дивизии ВКА, командир интербригады в республиканской Испании. Став заместителем премьер-министра, министром вооружённых сил и общественной безопасности рабоче-крестьянского правительства, он 7 ноября приступил к созданию специальных частей по охране общественного порядка, воссозданию полиции и армии, упразднению в воинских частях контрреволюционных «комитетов». В 1958-1961 гг. Ф. Мюнниху предстояло возглавлять правительство. Его имя напишут на знамени коммунисты, противостоявшие реакции в конце 80-х...

Победа над контрреволюцией в ноябре 1956 г. была одержана при интернациональной помощи СССР, получившей с созданием рабоче-крестьянского правительства адекватного партнёра. «Карпатское рукопожатие» вновь спасло положение. Наши воины, ещё раз пролившие кровь на мадьярской земле, сражались не даром. Никаким конъюнктурным псевдоновациям не стереть непреложного факта: в условиях холодной, или не очень, войны двух общественных систем только эта помощь могла парировать империалистическое вмешательство и одновременно искупить долю вины советского руководства за историческую драму. Венгрию эта помощь уберегла от повторения трагедии лета 1919 г. – реставрации контрреволюционного террористического режима фашистского типа. Она же отвела от нашей Советской Родины и стран народной демократии опасность перерастания «оттепели» в кровавую контрреволюцию, от Европы – перспективу реваншистского пересмотра итогов Второй мировой войны и от всего мира – угрозу ядерной катастрофы. Пусть ушедшие из жизни спят спокойно – они защищали справедливое дело.

Военный и политический крах мятежников, напрасно ожидавших прямой помощи «свободного мира», имел большое международное значение. После опыта Венгрии творцам советской «оттепели» волей-неволей пришлось обозначить для своих антисоветских попутчиков черту, переходить которую не позволялось в течение трети века. Устоявший Варшавский договор стал средством защиты социализма не только от внешней, но и от связанной с ней внутренней угрозы, что позво-

лило предотвратить гражданские войны в Чехословакии конца 60-х и Польше начала 80-х гг. Венгерская трагедия и спровоцированные ею вылазки китайских антикоммунистов побудили руководство КНР ограничить кампанию «пусть расцветают сто цветов» уместным дополнением: «кроме ядовитых трав». Даже югославских лидеров, внёсших немалый вклад в дестабилизацию венгерского «сталинизма», фашистские бесчинства на улицах Будапешта заставили поддержать меры по пресечению контрреволюции и вообще перейти на более лояльные социалистическому содружеству позиции, сменив, совместно с рядом молодых государств «третьего мира», изрядно дискредитированный «нейтралитет» на более сбалансированную политику неприсоединения. В целом, есть основания утверждать, что уроки Венгрии на десятилетия предохранили значительную часть человечества от бедствий реакции, спасли миллионы жизней и еще большему числу современников позволили пройти жизненный путь по-человечески.

Для самой Венгрии оправданность разгрома контрреволюции доказана тем, как скоро удалось залечить раны, нанесённые вспышкой гражданской войны. Уже в декабре 1956 г. был образован временный ЦК, призванный членов распущенной капитулянтами ВПТ восстанавливать партийные организации. В целях отмежевания от ошибок прежнего руководства, за партией оставили новое наименование ВСРП, однако впоследствии подчёркивалась преемственность с ВПТ. Партия подтвердила верность пролетарскому интернационализму, признала фундаментом внешней политики дружбу с СССР.

Преодолению последствий контрреволюции во многом помогло обращение к лучшим традициям красного 1919 г. Были вновь организованы отряды рабочей милиции. 21 марта 1957 г., в годовщину создания ВСР, был образован Венгерский коммунистический союз молодёжи; на его красном знамени рядом стояли две цифры – 1919 и 1957.

Ураган мятежа и пламя гражданской войны надолго унесли в небытие венгерскую многопартийность. ВСРП отклонила идею восстановления других партий, поскольку в ходе кризиса они встали на крайне правые позиции, поставив под угрозу все достижения страны. Правомерность такой оценки подтверждается и тем, что даже после падения социализма в 1989-1990 гг. социалистического строя партиям позавчерашнего дня не удалось получить в обществе сколько-нибудь серьёзную поддержку.

Во внутренних и международных условиях середины 50-х гг. преодоление кризиса предполагало не только подавление вооружённой контрреволюции и возмездие главным виновникам кровопролития, но и широкий социально-политический компромисс. Это выразилось в официальной трактовке трагедии 1956 г., ставившей в один ряд четыре её «главные, тесно между собой связанные причины»: отход «кликки Ракоши-Герё» от «принципов марксизма-ленинизма»; ревизионизм партийной оппозиции во главе с И. Надем; подрывную деятельность хортистских и прочих контрреволюционных сил; вмешательство международного империализма, цели которого «шли дальше венгерского вопроса». Условия для более объективного и глубокого анализа тогда не созрели. Главное на тот момент состояло в том, что компромиссный курс социалистической направленности, имевший в стране глубокие тра-

диции, позволил вернуть многих втянутых в авантюру людей к созидательному труду, завершить в несколько лет кооперирование села, вывести страну на траекторию устойчивого развития. Едва ли другая линия дала бы в тех условиях лучшие результаты. Хотя антисоциалистический потенциал в венгерском обществе не исчез, проявиться он смог только спустя 30 лет, с изменением мировых реалий.

Пресечение контрреволюционного переворота и стабилизация в ВНР социалистического строя подвели исторический итог второй в XX веке Венгерской революции. В широком смысле – как период фронтального противоборства революционных и контрреволюционных сил, прошедшего два этапа: народно-демократический и социалистический, – её можно датировать 1944-1957 годами. Вместе с нею завершилось «отрицание отрицания» первой революции венгерского пролетариата. Страна вступила в качественно новый этап своей истории, обусловленный, прежде всего, международным обобществлением производства и всех общественных отношений. В составе социалистического содружества ВНР развивалась в течение 25-30 лет по восходящей линии.

Вместе с государствами-партнёрами страна вступила и в губительный для социализма кризис 80-х годов. Как уже отмечалось, в ходе его Венгрия выделялась не в лучшую сторону. В этом, несомненно, проявилась объективная и субъективная преемственность контрреволюции. Без «успешного» опыта августа 1919 г. не было бы антикоммунистической вендетты 1956 г., а сама она послужила венгерской и международной реакции «вдохновляющим» примером. Ныне в буржуазной Венгрии «восстание» 1956 г. возведено в новый националистический миф. Но ревизия истории началась ещё в конце 80-х гг. с «лёгкой руки» могильщика ВСРП Имре Пожгаи, увенчавшись символическим отрицанием даже буржуазных революций 1848-1849 и 1918 гг. В августе 1989 г. И. Пожгаи публично обменялся рукопожатием через австро-венгерскую границу (!) с наследником династии Габсбургов.

После «мирного» захвата власти противниками социализма, Венгрия послужила трамплином для экспорта контрреволюции в другие страны. Она предоставила свою территорию «беженцам» из ГДР, чем способствовала ликвидации первого социалистического государства на немецкой земле. В перевороте декабря 1989 г. в Румынии роль запала отводилась районам с мадярским населением, а венгерские радио- и телепередачи служили средством пропаганды «перемен». Сам переворот, последовавший за мальтийской встречей М. Горбачева и Дж. Буша, выглядел скопированным с венгерского образца 1956 г. Теперь уже в Бухаресте, как треть века назад в Будапеште, из национальных знамен вырезали гербы социалистической республики, а её руководителей предавали бессудной казни. Линчеватели коммунистов и низвергатели памятников находят продолжателей и поныне: в ходе реакционных мятежей 2008-2019 гг. в Боливии «достойно» отметились осевшие там венгерские фашисты.

Подробный анализ причин падения социалистического строя в Венгрии, как и в целом в Европе конца XX столетия, не является предметом данной статьи. Эти причины не могут быть адекватно выявлены в пределах национальных границ. Новый этап развития производительных сил всего человечества, объективно требовавший нового масштаба и новой интенсивности

международного взаимодействия, наступил в мире, где в целом господствовал империализм. На данном повороте истории социализму оказалось не по силам противостоять транснациональному капиталу, расплававшему силами и средствами большей части мира. Отсюда, прежде всего, ослабление международной социалистической интеграции и СССР как её главной опоры. Отсюда же и втягивание большинства стран социализма в орбиту мировой капиталистической системы. Антисоциалистические перевороты потому и происходили с небывалой синхронностью, что в решающей степени обуславливались всемирным соотношением сил классов и общественных систем.

В поражениях социализма конца XX столетия винить наших предшественников нелепо. Они жили и боролись в мире начала – середины века, и нет смысла искать у них готовых ответов на сегодняшние вопросы или рецептов дня завтрашнего. Путь в будущее, скрытое пока за горизонтом Истории, нам предстоит найти самим.

22. На весах Истории

Постаравшись приблизиться к диалектически конкретному видению Венгерской революции, мы вслед за предметом исследования по необходимости проделали неблизкий путь, отправляясь, как сказал бы А. Грамши, «издалека» – от предпосылок, укоренённых в глубоком прошлом, – и двигаясь «далеко» – через этапы подъёма, расцвета, кризиса и гибели к ближайшим и отдалённым историческим последствиям. Теперь мы лучше подготовлены к тому, чтобы попытаться ответить на «трудные вопросы», целое столетие отягощавшие, осознанно или нет, отношение к судьбе, опыту и урокам Советской Венгрии.

Прежде чем говорить о том, чем ВСР была и останется в Истории, скажем о том, чем она определена **НЕ** была.

Она не была продуктом «экспорта революции», экзотическим растением, выращенным на чуждой национальной почве из импортных семян.

Она не была случайным эпизодом, мимолетной судорогой нации, доведённой катастрофической войной до грани клинической смерти.

Она не была скоропреходящим порождением насилия меньшинства над «молчаливым большинством».

Она не была трагическим заблуждением пролетариата и/или нации, впавших в иллюзию революционного противостояния заведомо превосходящим силам старого мира.

Она не была бесформенным нагромождением ошибок, просчётов, заблуждений и беспринципных компромиссов, с неизбежностью ведущих к поражению.

Не будучи всем этим иначе, как в превратном изображении хулителей из числа врагов и ренегатов, любую революцию воспринимающих на манер жертв Андерсенова тролля, она в реальности Истории была чем-то совершенно другим.

Рассматривая пройденный путь с сегодняшней дистанции, мы убеждаемся, что Венгерская советская республика знаменовала один из высших взлётов первого этапа мировой антиимпериалистической революции, составлявшей стержень истории человечества на протяжении большей части XX века. При этом историческое место красной Венгрии в некоторых отношениях уникально.

ВСР родилась в стране с развитой капиталистической индустрией и одновременно – сложным комплексом не решённых буржуазными революциями задач, прежде всего аграрных и национальных. Если в аграрном секторе Венгрии развитие капитализма на протяжении веков шло по периферийно-зависимому типу, то характер промышленного переворота конца XIX – начала XX вв., при важной экономической и политической роли страны в многонациональной Габсбургской империи, сближал её со странами Западной и Центральной Европы, занимавшими в мировой капиталистической системе положение метрополий. Именно переплетение всех противоречий эпохи придавало классовой борьбе пролетариата особый радикализм и социалистическую перспективу, чем Венгрия, как ни одна другая страна, приближалась к предреволюционной России.

Из всех советско-пролетарских государств второго десятилетия XX века только в ВСР, наряду с РСФСР и отпочковавшимися от неё республиками, пролетариат в масштабе страны удерживал власть достаточное время для реального проведения социалистических преобразований. Историческое значение опыта и примера ВСР усиливалось сравнительно мирным и компромиссным путём установления диктатуры пролетариата на базе политико-организационного слияния двух рабочих партий – КПВ и СДПВ. В аспекте политических принципов объединение совершилось на коммунистической идейной базе, включая признание диктатуры пролетариата в форме Советов, вступление в Коминтерн и союз с Советской Россией. В остальном – массовой базе, организационной слитности с профсоюзами, составе кадров и руководства, даже названии – объединённая партия продолжала традиции левого и центристского крыльев социал-демократии. Революционная государственность ВСР отличалась особо высокой, напомиравшей Парижскую Коммуну, степенью совпадения с массой организованного пролетариата. Этим она была созвучна традициям рабочего движения стран Запада – как социал-демократической (особенно в британско-лейбористском варианте), так и соперничавшей с нею анархо-синдикалистской, хотя в самой Венгрии анархо-синдикализм как идеология не имел значительного влияния.

Свойственный ВСР тип организации рабочего класса и его власти носил переходный характер. При сложившемся в стране соотношении классовых сил и тотальном кризисе буржуазного господства он облегчал рабочему движению установление диктатуры пролетариата в форме Советской власти и организованный «приступ» к социалистическому обобществлению крупного производства. В то же время подобной структуре власти объективно присуща внутренняя противоречивость, обусловленная двойственностью общественного бытия пролетариата в капиталистическом обществе. При поступательном развитии революции слабые её стороны могли изживаться на опыте и диалектически «сниматься», однако при серьёзном обострении обстановки начинали работать на разрыв единства пролетарских рядов, что несло республике смертельную опасность.

За четыре с небольшим месяца, в экстремальных условиях блокированной и воюющей страны, ВСР смогла с высокой оперативностью и организованностью провести начальный этап социалистических преобразований обобществленного производства с высокой оперативностью и

организованностью. Впечатляющие результаты, достигнутые вопреки неблагоприятным внешним условиям, зримо подтверждали вывод марксистской теории о зрелости крупного капиталистического производства для реального обобществления. Опыт ВСР подтвердил также необходимость большей гибкости и постепенности в отношении мелкого и отчасти среднего производства, что, несомненно, было бы реализовано, располагай революция большим временем и лучшими условиями для решения созидательных задач.

В то же время венгерская модель социалистических преобразований, близкая традициям рабочего движения и соотношению социально-классовых сил в странах Центральной и Западной Европы, объективно открывала пролетариату центров мирового капитализма максимальные шансы победы уже на начальном этапе революционного кризиса XX века. В этом плане 133 дня ВСР следует рассматривать как поворотный пункт в истории первой половины XX века.

Как первоначальная победа Венгерской революции, так и её последующее поражение глубоко изменили не только страну, где произошли, но во многом и всю Европу, а в тенденции – и весь мир. Вследствие «падения знамени» ВСР возможность кратчайшего и наименее тяжёлого для народов пути обществленного прогресса в XX веке была существенно ослаблена. Развитие международной социалистической революции не прекратилось, но объективно приняло более долгосрочный и опосредованный характер.

Формы развития рабочего движения и его среднесрочные перспективы, практика отношений между партиями рабочего класса и организациями его социальных союзников, объективный характер и субъективное осознание пролетарской революции и диктатуры пролетариата, непосредственное содержание социалистических преобразований и конкретные методы их осуществления – всё это после августа 1919 г. стало во многом иным, чем до него. Даже те формы социалистического строя, которые знал последующий век как в самой Венгрии, так и в других странах, не понять и не объяснить в полной мере без учёта объективных и субъективных следствий как временной победы венгерского пролетариата, так и его последующего поражения.

Рассмотренный нами момент истории, во многом поворотный, ставит перед наукой и практикой методологически важный вопрос: какие причины привели революцию, после успешного восходящего развития, к гибели? Сыграли ли определяющую роль субъективные факторы, в том числе просчёты лидеров, проявления оппортунизма и прямое предательство? Или же поражение ВСР объективно детерминировалось общим соотношением сил в регионе и мире, будучи для тех условий практически неизбежным?

С позиций диалектико-материалистической методологии, абсолютизация одного из противоположных аспектов общественного развития – случайного либо необходимого, субъективного либо объективного – не содействует познанию реальности в её глубинных противоречиях. Особенно это относится к анализу переломных моментов истории, когда целая формация переживает глубокий кризис и в прежнем виде прекращает существование, а новая, либо новая форма старой, ещё не сложились. Возникновение нового вообще едва ли можно материалистически объяснить без учёта взаимодействия сложившейся ранее объективной законо-

мерности и столь же объективной случайности, что обуславливает в развитии полосу альтернативности. Внутри такой полосы обнаруживаются разные стадии – от момента исторической неопределённости, когда сравнительно небольшое воздействие способно повлечь весьма значительные результаты, до «закрытия» альтернативы утверждением новой господствующей тенденции, детерминирующей поведение и возможности людей и целых социальных групп на сравнительно долгий период. Разумеется, в человеческом обществе воздействие может быть оказано, а тенденция – воплощена не иначе как историческими субъектами – от общественных классов до организаций, групп и лиц, выдвигаемых на стемнину Истории такими, какими они приходят к её широкому разливу.

Представляется, что за 133 дня, пришедшихся на один из поворотных моментов наиболее революционного века и поставивших красную Венгрию в центр планетарной бури, в развитии ВСР и окружавшего мира сменилось три этапа. На каждом из них вопрос об альтернативности исторической ситуации и соответственно о шансах революции должен, видимо, решаться по-своему.

ПЕРВЫЙ ЭТАП продолжался примерно месяц – с 21 марта по середину апреля. В этот период классовые противники, как внутренние, так и международные, были в значительной мере захвачены революцией врасплох, не имея боеспособных сил для её подавления и не успев заново «сложить» международные отношения капиталистического мира, расстроенные Первой мировой войной. История давала Советским республикам, прежде всего Российской и Венгерской, поистине «красный шанс» на овладение стратегической инициативой, что могло вызвать в других странах цепную реакцию революционных перемен с минимумом исторических потерь. По-видимому, данное «окно возможностей» принадлежит к очень небольшому числу наиболее альтернативных моментов мировой истории.

ВТОРОЙ ЭТАП – с конца апреля по середину июня – отмечен уже значительным осложнением стратегического положения революционного лагеря. Империалистический противник успел справиться с психологическим шоком и активно задействовал свои превосходящие в целом силы и средства, включая как военные – если не собственных армий, в то время не вполне надёжных, то войск сателлитов типа Румынии, Чехословакии и Польши, а также российский «белого движения», – так и экономическую блокаду, и социально-политические связи, в том числе в рабочем движении. Ему удалось подавить наиболее уязвимые звенья революционного процесса – Баварию, затем Латвию – и заблокировать взаимодействие советских России, Украины и Венгрии. Возможности революционной инициативы не были исчерпаны, о чём свидетельствовали Северный поход ВКА и создание Словацкой Советской республики, а также институциональное оформление государственности ВСР. Но изменившиеся условия требовали от коммунистов филигранной точности, принципиальности и выдержки в политике, к чему молодое коммунистическое движение не было достаточно подготовлено.

ТРЕТИЙ, ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ, ЭТАП продолжался с последних дней июня по 1 августа. Подписание Версальского мира Антанты с Германией и осложнение военно-политической ситуации в Советской России значительно ухудшили положение всего международ-

ного революционного лагеря. Видимо, на этой стадии ВСР уже приходилось выбирать между отступлением и полным поражением. Роковую роль сыграла неготовность внутренне неоднородной «партии революции» к столь резкой смене условий, что привело её к расколу и не оправданной объективно сдаче власти. Преждевременно исчерпав себя, альтернативная ситуация истории «захлопнулась».

Что касается причин утраты «красного шанса», то мнение о будто бы решающей роли субъективных просчётов руководства ВСР, особенно в вопросах объединения рабочих партий и аграрной политики, не представляется убедительным. Предметное рассмотрение отношений между рабочими партиями Венгрии убеждает, что в социальных и политических условиях Венгрии 1919 г. любой иной подход к ним сделал бы победу пролетариата невозможной. Точно так же и раздел земли в то время едва ли был бы принят сельским пролетариатом и даже мелкими крестьянами, да и в проблематичном случае реализации не мог серьёзно повлиять на судьбу республики, решавшуюся не в деревне; в случае же поражения, вероятно, усугубил бы белый террор, а в дальнейшем лишил «вторую попытку» революции возможности расширения массовой опоры путём проведения аграрной реформы. Видимо, в обоих вопросах руководство ВСР делало то, что в тех обстоятельствах могло делать.

Фундаментальная характеристика ВСР, определявшая её сильные стороны, – высокая степень реального обобществления производства, выходящего за узконациональные рамки, – обуславливала и тот факт, что решающий резерв революции находился не внутри небольшой заблокированной страны, а в сфере международных отношений. Прежде всего, речь идёт о взаимодействии ВСР с европейским рабочим движением, с одной стороны, и с Советской Россией и Украиной – с другой. Но пролетариат Центральной и Западной Европы государственной властью не располагал; его возможности взять и удержать власть в густонаселённых урбанизированных странах с развитым международным разделением труда, в свою очередь, сильно зависели от общей ситуации в Европе и мире. Наиболее реальным фактором, способным в короткий срок изменить положение ВСР к лучшему, могло быть установление прямых связей с РСФСР и УССР, прорывающих кольцо экономической блокады и облегчающих военно-политическое взаимодействие. Кроме материального значения, сам факт соединения Красных Армий советских республик имел бы колоссальный моральный эффект как для них самих, так и для рабочего движения всей Европы, в частности для отношений между коммунистами и социал-демократами; в наэлектризованной атмосфере весны 1919 г. он мог послужить отправным пунктом «цепной реакции» международного революционного процесса. Вполне закономерно, что это решающее звено ставилось во главу угла Лениным, а спустя год и Сталиным. Подчеркнём ещё раз: речь шла не о произвольном «экспорте революции» туда, где её не происходит, а о встречном движении, координации усилий, а затем интеграции стран, волею народов уже вставших на новый путь и объективно нуждающихся во взаимодействии, взаимной помощи и поддержке.

Составляли ли фронты российской Гражданской войны непреодолимое препятствие для движения навстречу Советской Венгрии? Вероятно, так обстояло

дело в последние недели ВСР. Но военно-политическое положение обеих стран было крайне динамичным: реалии середины лета не приходилось проецировать на весну. Многое зависело от политической воли сторон, а та, в свою очередь, определялась не свободным выбором лидеров, но «столкновением волей» партийных течений и стоявших за ними социальных сил, представленных в руководстве обеих революций. Равнодействующая этих факторов на фоне социально-психологической усталости общества от войн и блокад, очевидно, обусловила переоценку возможностей компромиссов с Антантой, проявленную, в разной степени и в различные моменты, как Будапештом, так и Москвой. Между тем подобная переоценка чревата для революции потерей невосполнимого ресурса – исторического времени и неразрывных с ним шансов на победу. Таков один из уроков венгерской трагедии 1919 г.

В сбывшейся истории XX века тенденция к органическому взаимодействию Великого Октября и революции пролетариата Венгрии, равно как и всей группы стран карпато-балканского региона, смогла пробить себе путь лишь со «второй попытки»: в конце Второй мировой войны и после неё, а затем, через 11 лет, – при отражении «второй попытки» контрреволюции. Это же взаимодействие обусловило в последующие три десятилетия развитие половины Европы по пути социализма, а затем, в негативном варианте, – синхронность его кризиса и падения. Речь опять-таки не о разборках обывателей – кто кому что-либо «навязывал» или кто кого «объедал», – а об объективном расширении масштаба исторического процесса, заложенном в фундаменте современных производительных сил человечества.

Одно из противоречивых следствий этой глубинной закономерности основоположники марксизма выразили более полутора веков назад чеканной формулой: «*Всякое расширение общения упразднило бы местный коммунизм*»¹. Находящееся с ним в диалектическом противоречии ленинско-сталинское положение о первоначальной победе социализма в одной стране, при полной оправданности для СССР середины XX века, должно рассматриваться исторически конкретно как заключающее элемент абсолютной истины внутри истины относительной. Эту глубокую мысль, и высказанную-то в единстве с идеей социалистического объединения **НЕСКОЛЬКИХ** стран, недопустимо доводить до абсурда, прилагая к каждой «отдельно взятой» стране любого размера, экономической специализации и геополитического положения, возводя по националистическим лекалам «суверенитет» в обожествлённый абсолют и отрывая от объективно закономерной, прогрессивной, а в наше время попросту безальтернативной интеграции. Таков один из главных уроков мировой революции и контрреволюции минувшего века, с особым драматизмом преподанный судьбой обеих попыток утверждения социализма в Венгрии.

Рассматривая опыт ВСР из дня сегодняшнего, трудно не заметить, что некоторые важные черты происходившей в ней политической борьбы, для своего времени уникальные, предвосхитили мировые реалии конца XX – начала XXI века. Особенно это относится к предпосылкам и формам «падения знамени». Перемещение центра тяжести контрреволюции, при слабо-

сти и разрозненности «белого» лагеря, внутрь партийно-политического ядра социалистически ориентированной власти; сговор её правого, «розового», крыла с силами империализма, всеми средствами подталкивающими его к капитуляции; сдача ключевых позиций сверху, посредством «передвижки власти», открывающей шлюзы внутренней и внешней контрреволюции, – во всем этом невозможно не узнать черты негативных процессов конца минувшего века, в особенности разрушения социалистического содружества и СССР. Сходство столь велико, что речь должна идти не только и не столько об осознанном использовании прошлого опыта противниками социализма, сколько об общих объективных характеристиках социально-политической борьбы в странах с высоким уровнем реального обобществления производства, значительно продвинувшихся по пути социалистических преобразований и сталкивающихся с военным и экономическим давлением превосходящих сил империализма.

Особого внимания заслуживает ещё одна общая черта кризисных процессов данного типа – парадоксальный на первый взгляд характер поведения рабочего класса, готового к организованному проведению революционных преобразований, героической защите социалистического отечества и отпору «классической» контрреволюции, но бессильного перед инициируемой сверху «передвижкой власти».

Данный феномен, ставший роковым не для одной ВСР, а и для всего европейского социализма XX века, лишь отчасти можно объяснить ресурсом доверия к власти, давшей трудящимся очень многое и воспринимаемой как вполне своя. Глубинную основу подобного поведения масс, да и большинства кадров, надо, очевидно, искать в характере самой индустриальной организации производства. Как теоретически показал В.А. Вазюлин, эта организация способна служить альтернативным базисом двух формационно различных систем: либо развитого капитализма, либо раннего социализма². Жизнь не подтверждает наивного представления, будто в недрах капиталистической индустрии и рабочего движения вызревает чуть ли не готовый социализм. Ещё Ф. Энгельс, как мало кто знавший «подноготную» индустриальной организации общественного труда, разглядел в ней глубинную основу «принципа авторитета», ребячески отвергаемого новыми и новыми поколениями «антиавторитаристов», но и на самом деле имеющего теневые стороны, включая недостаток обратной связи в системе управления. «*Механический автомат большой фабрики оказывается гораздо более деспотичным, чем были когда-либо мелкие капиталисты, на которых работают рабочие*»³. Чтобы вполне преодолеть отчуждённый от самих работников характер организации труда, формальное и реальное обобществление производства необходимы, но, по-видимому, недостаточны. «*Старый способ производства должен быть, следовательно, коренным образом перевёрнут, и в особенности должно исчезнуть старое разделение труда*»⁴. Столь основательный процесс требует качественно нового материально-технического базиса, немалого

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология / Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. - Т. 3. - С. 34.

² Вазюлин В.А. Логика истории: Вопросы теории и методологии. Изд. 3-е, испр. и доп. - М.: ЛЕНАНД, 2015. - С. 326, 351-352.

³ Энгельс Ф. Об авторитете / Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. - Т. 18. - С. 303.

⁴ Энгельс Ф. Анти-Дюринг / Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. - Т. 20. - С. 305.

исторического времени и, судя по всему, планетарного масштаба. До тех пор завоевания социализма остаются в кризисных ситуациях обратимыми.

К этой главной и наиболее глубокой причине уязвимости раннего социализма последнее столетие прибавило дополнительные. Они также детерминируются высоким уровнем развития производительных сил, в принципе созревших для социалистического обобществления, но при капитализме создающих для последнего, наряду с предпосылками, и новые препятствия. К числу последних относится тяжесть экономической блокады со стороны мировой системы империализма, особенно разрушительной для стран с высокоразвитым специализированным производством, небольших по размерам, территориально близких к империалистическим центрам и глубоко включённых в международное капиталистическое разделение труда. Уязвимость общества для различных форм империалистического давления повышается и процессом урбанизации. Гигантские мегаполисы, неизбежно образующиеся при капитализме, становятся в случае войны, блокады, эпидемии или диверсии поистине смертельными ловушками для миллионов людей. От объективной тяжести этих угроз и их психологического воздействия не гарантирован и рабочий класс – наоборот, именно для него они представляют наибольшую опасность, а для обывденного сознания поистине страшны. Когда внешняя и внутренняя контрреволюция сулит безопасность и достаток в обмен на капитуляцию, безопасность и достаток, народы не всегда находят в себе силы противостоять шантажу. Со многими из мин, составленных поздним капитализмом на пути человечества в будущее, одной из первых пришлось столкнуться красной Венгрии.

Но те же реалии зрелого, а теперь и перезрелого, капитализма обуславливают новые формы движения общества вперед. Заранее предвидеть конкретные их формы, разумеется, невозможно – это дело будущей общественной практики. Однако есть основания полагать, что некоторые фундаментальные черты будущих революционных процессов впервые обозначились уже в опыте красной Венгрии.

В первую очередь, речь идёт об историческом опыте широкого социально-политического согласия на социалистической основе, принципиально отличного не только от оппортунистического «скрещивания ежа с ужом», но и от практики единого фронта на базе демократической программы-минимум. В Венгрии марта 1919 г., впервые в истории, широкое общественное согласие, обеспечившее мирный характер революции, не только возглавлялось организованным рабочим классом, но и достигалось на основе революционной коммунистической программы и имело непосредственную социалистическую перспективу. Возможным же оно стало потому, что в решающей степени обуславливалось императивом общественного (в данном случае – национального) спасения от реальной угрозы «общей гибели борющихся классов»¹ в реакционных конвульсиях старого общества. Финальное поражение этой в то время уникальной попытки, как и близких к ней во многих отношениях революционных опытов Чили, Португалии и Никарагуа последней трети XX века, обуславливалось в первую очередь их национальным масштабом при неблагоприятном соотношении сил в

регионе и мире, наличии у империалистической реакции больших резервов и её превосходстве над революционным лагерем в уровне и оперативности международной координации усилий.

Однако ещё более грозные вызовы, ожидающие человечество в будущие десятилетия, едва ли предоставят реакции новый спасательный круг. Предстоящие впереди опаснейшие кризисы неизбежно примут всепланетный характер, спрятаться от них будет уже негде, а экспортировать контрреволюцию – неоткуда. При нынешней, а тем более завтрашней степени взаимосвязи и взаимозависимости всего мирового развития, при накопленной человечеством критической массе источников повышенной опасности, едва ли можно представить себе иной путь сохранения на Земле разумной жизни, в необходимом единстве с достижением стадии «*обобществившегося человечества*», кроме пути широкого **социалистического** согласия.

Императив общественного спасения никоим образом не отменяет, а, наоборот, повышает объективную необходимость создания новой общественной дисциплины – как властью авторитета передового класса, так и авторитетом власти, выражаемым в марксизме понятием диктатуры пролетариата. Именно эта диктатура, последний пока раз открыто и без оговорок, была написана на знамени Венгерской Коммуны. В то же время опыт ВСР, наряду с другими «первыми ласточками» общественного прогресса, даёт основания полагать, что завтрашняя или послезавтрашняя диктатура передового класса будет выступать организующим и направляющим стержнем широкого блока, объединяемого императивом общественного спасения. Этой власти придётся прежде всего защищать человечество от губительных последствий господства капиталистической олигархии, «*которая все стороны общественной жизни устроила, – а теперь и расстроила – побуржуазному*»². По проникательному суждению нашего покойного Товарища, власть эта вполне может быть одета не в комиссарскую кожанку, а, скажем, во врачебный или санитарный халат. В теоретическом плане можно ожидать, что реальность революционной диктатуры, освободившись от черт, продиктованных в XX веке преобладанием недоделанных капитализмом задач, максимально приблизится к своему понятию, идущему ещё из древней традиции и подразумеваемому классиками марксизма-ленинизма, как временной чрезвычайной власти, уполномоченной организованным большинством общества, перед ним ответственной и по истечении отведённого историей срока «сдающей полномочия» обществу, в котором не будет места ни эксплуатации, ни угнетению, ни насилию.

Жизнь неизбежно вносит немалые коррективы в любые прогнозы. Но что подтверждается уже более полутора столетий с редкостной неуклонностью – это образное предвидение, отнесённое революционным оптимизмом автора уже к его девятнадцатому веку, но красной нитью прошедшее сквозь славные и тяжкие перипетии века двадцатого и имеющее все основания – если человечество само не лишит себя будущего – достичь полного воплощения в нашем двадцать первом. Им мы и позволим себе завершить очерк опыта и уроков одной из революций, больше всего подтвердивших PROVIDENCE гения:

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии / Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. - Т. 4. - С. 424.

² Ленин В.И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме / ПСС. - Т. 41. - С. 85.

«Пролетарские революции... постоянно критикуют сами себя, то и дело останавливаются в своём движении, возвращаются к тому, что кажется уже выполненным, чтобы ещё раз начать это сызнова, с беспощадной основательностью высмеивают половинчатость, слабые стороны и негодность своих первых попыток, сваливают своего противника с ног как бы только для того, чтобы тот из земли впитал свежие силы и снова встал во весь рост против них ещё более могущественный, чем прежде, всё снова и снова отступают перед неопределённой громадностью своих собственных целей, пока не создастся положение, отрезающее всякий путь к отступлению, пока сама жизнь не заявит властно:

Hic Rhodus, hic salta!

Здесь роза, здесь танцуй!»¹

¹ Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта / Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. - Т. 8. - С. 123.

Под сенью революции: Берлин-Варшава-Анкара 1920^{1,2}

Кемал Окуян³

Предисловие к английскому изданию

Судьба всего 20-го века была решена между 1917 и 1923 годами. В этот период был сделан величайший скачок к миру, к которому стремится человечество, миру без классов и эксплуатации. Октябрьская революция была беспрецедентным достижением человечества. Однако эти же годы были свидетелями больших разочарований, которые оказали историческое влияние на процесс мировой революции.

Несомненно, что поражения, понесенные мировым коммунистическим движением, или его недостатки в период с 1917 по 1923 г., хотя и косвенно, повлияли на постепенный упадок. Союз Советских Социалистических Республик, который был наиболее конкретным достижением социалистической революции в России, до точки, когда он больше не мог защищаться, и его окончательного распада.

Трудности, с которыми столкнется процесс создания социализма в рамках одной страны, даже если она обладает огромными ресурсами, должны быть очевидны. Решение Ленина и Сталина после него в преодолении этих трудностей и в направлении трудящихся классов Советского Союза к цели построения социалистического строя, помимо огромного успеха, также означало принятие единственной революционной альтернативы в качестве решения. революционная волна пошла на убыль.

Если нужно указать точную дату затухания революционной волны, нужно отметить 1920 год. Это был год, когда капитализм, наконец, смог взять бразды правления в свои руки над кризисом в основных странах и нанести сокрушительные удары на революционный фронт в ходе безжалостной классовой борьбы. Несомненно, революционная ситуация все еще давала о себе знать, но оптимизм 1917 и 1918 годов сменился осторожным ожиданием. Кроме того, несомненно, что все взоры были прикованы к Германии, где пламя революции начало подниматься к середине 1918 года и затухать к концу 1923 года. Мы должны продолжить обсуждение Германии того периода. Точно так же мы должны оценить историческое противостояние между революцией и контрреволюцией на сцене,

предоставленной варпой 1920 года. Точно так же, как мы должны исследовать борьбу восточных народов за национальное освобождение, которая привела к большому конгрессу в Баку, и войну в Анатолии, которая стала решающей перед этой борьбой, дальше мы должны быть смелыми, делая все это. У коммунистов нет причин уклоняться от правды. Наши ошибки и недостатки – неотъемлемая часть нашей истории. Они стали бы оружием в руках наших врагов, если бы мы боялись их и думали, что можем их из истории. Более того, эта смелость – это то, что нам нужно, чтобы спастись от повторений, механической интерпретации истории и теоретического бесплодия.

Основы марксизма-ленинизма, которые никогда не устаревают, являются нашим единственным компасом в исследовании исторических событий и источником необходимой нам смелости. Если эта книга, которую я с уверенностью написал в этом источнике, внесет вклад в наши оценки упомянутого периода, я был бы более чем счастлив.

С чувствами уважения и признательности к боевым коммунистам столетней давности....

Сентябрь 2020

7. По следам мировой революции

Когда 7 ноября 1917 года большевики захватили власть в России, все без исключения считали, что остальные последуют за ними. На самом деле в Европе движение только зарождалось, но никто не ожидал, что революция ограничится Россией.

Такое понимание соответствовало как большевистской традиции, так и марксистскому учению. Маркс думал, что страны, которые берут в свои руки бразды правления историей, будут тянуть вперед других; следовательно, революция распространится быстро – именно по аналогичной схеме развивались буржуазные революции. Французская революция 1789 года не знала границ и, хотя и по-разному, преобразовала всю Европу.

Подавленная революция 1905 года в России не приняла социалистического характера, а осталась в рамках буржуазно-демократической революции. Однако Ленин в своём важном труде *«Две тактики социал-демократии в демократической революции»*, написанном во время революции, подробно

¹ Мы печатаем некоторые главы из книги Кемала Окуялы "Под сенью революции: Берлин-Варшава-Анкара 1920"

² Перевод на английский Невзат Эврим Онал

³ Кемал Окуян родился в 1962 году. Учился в начальной и средней школе в Анкаре и окончил среднюю школу в Измире. Выпускник факультета политологии Босфорского университета. С 1976 по 1978 год работал в молодежной организации Рабочей партии Турции (Türkiye İşçi Partisi-TİP). Принял участие в открытии журнала Sosyalist İktidar (Социалистическая сила) в 1979 году и журнала Gelenek (Традиция) в 1986 году. Был заместителем председателя при основании Партии за Социалистическую Турцию (Sosyalist Türkiye Partisi - STP) в 1992 году и Партия за социалистическую власть (Sosyalist İktidar Partisi - SİP) после закрытия STP Конституционным судом. После того, как SİP получила название Коммунистическая партия Турции (Türkiye Komünist Partisi - ТКР), он взял на себя различные обязанности в партии. Его работы публиковались во многих журналах и газетах. В настоящее время является постоянным автором новостного портала SoL, газеты Yuğun Eğme и журнала Gelenek. Его опубликованные книги: Первые годы советской внешней политики, Книга «Что делать?» Последователи, понимание Сталина, социалистические поиски власти в Турции, антитезисы о распаде Советского Союза, левые, пойманные между Эргенеконом и АКП, испытание патриотизма турецких левых. В настоящее время является Генеральным секретарем Коммунистической партии Турции.

описывает, как победа революционной диктатуры рабочих

и крестьян «будет не выходить сразу за рамки буржуазных социально-экономических отношений; тем не менее значение такой победы для будущего развития России и всего мира будет огромно», и то, что она «перенесет революционный пожар в Европу»^{1,2}, Ленин подчеркивал и характер революции в мировом масштабе и значение революции в России в процессе мировой революции.

В то время не было оснований предполагать, что Россия стала центром мировой революции на очень длительный период; этого никто не мог предвидеть.

Было очевидно, что большевики придавали борьбе на Родине двойной смысл. Прежде всего, они стремились положить конец царской России как рассадника контрреволюции и освободить угнетенный рабочий класс, бедное крестьянство и угнетенные народы Российской Империи. Таким образом, Россия перестала бы быть кошмаром европейского пролетариата; напротив, между русской революцией и рабочим движением на западе была бы установлена прочная связь. Это звено привело бы Россию в дальнейшем к борьбе за социализм.

Когда разразилась Первая мировая война, Ленин, предвидя, что кровавая конфронтация между империалистами открывает новые возможности для революционного движения в Европе действовать с совместными целями и лозунгами, говорил, что движение должно немедленно начать «пропаганду республик» в Германии, Польше, России и других странах, и для преобразования всех отдельных государств Европы в республиканские Соединенные Штаты Европы»³.

Однако эти усилия не дали особых результатов. На Циммервальдской конференции, которая объединила социалистов, выступающих против войны (или оппозицию внутри социалистических партий), Ленин выступил с заявлением, что война империалистическая должна быть превращена в революционную войну и с этой целью должен быть основан новый Интернационал. Он получил небольшую поддержку, но малочисленную. А Циммервальд ушёл в историю после нескольких встреч.

Весь баланс сил и план действий изменились с Февральской революцией 1917 года. Социалистическая революция все еще считалась далекой, но царь был свергнут, и трудящиеся массы теперь имели возможность свободно организовываться в стране, где противодействие и деспотизм господствовал раньше. Россия перестала быть рассадником контрреволюции; но мировая война все еще велась и, если революция должна была иметь международный вес, ей пришлось бы занять решительную позицию против империалистической войны и немедленно предпринять шаги к миру. Однако Временное правительство в России не собиралось этого делать. Принимаемая решение о продлении войны, они без стеснения заявляли, что «теперь боролась за революционную Россию!».

Русская революция коренным образом изменила курс 7 ноября⁴. Было свергнуто господство буржуазных сил, пришедших к власти после Февральской революции, и была установлена диктатура пролетариата. Это развитие имело огромный международный эффект по двум причинам. Во-первых, не считая ограниченного опыта Парижской Коммуны, это был первый случай в истории, когда угнетенные трудящиеся массы пришли к власти и приступили к установлению общественного порядка без классов и эксплуатации. Для бедняков, несших на себе всё бремя войны, произошедшее в России было волнующим. Более того, сразу после захвата власти большевики сдержали свое слово и сели за стол переговоров с Германией, требующей «немедленного мира». Мир был величайшим желанием мобилизованных рабочих по всей Европе, и большевики очень сочувствовали им. Во всем мире, от Анатолии до Британии, от Индии до США, поддержка Советской России выросла намного больше, чем интерес и сознание необходимости продолжать борьбу за социализм.

Конечно, всем было интересно, как долго продержится пролетарская власть в осажденной крестьянской стране. Тем не менее, прошли дни, недели, затем месяцы, и Советская Россия держалась, несмотря на все трудности. По мере того, как это продолжалось, будущее мировой революции стало обсуждаться больше. В частности, в 1918 году, после того как в Германской империи, стране, за которой все внимательно наблюдали, стали появляться трещины, все больше и больше стали обращать внимание на связь Петрограда и Берлина.

Действительно, революция шла на Запад. Этот прогресс был в такой же степени результатом подъема рабочего класса, как и огромного политического вакуума, вызванного войной и ее тяжелыми последствиями. Венгрия установила рабочее правление 21 марта 1919 года под руководством Коммунистической партии (которая была основана совсем недавно, 24 ноября 1918 года) с участием социал-демократов. После победы на выборах 7 апреля была провозглашена Венгерская Советская Республика.

Через некоторое время империалисты спровоцировали Румынию на атаку против революционной Венгрии. Венгерская Красная Армия остановила вторжение, после чего сербская и чехословацкая армии были также мобилизованы для того чтобы обрушить рабочую власть. Социал-демократы быстро показали свое истинное лицо, оставив коммунистов одних против захватчиков. Несмотря на это, Венгерская Красная Армия сумела отразить вторжение и продвинулась на словацкие территории.

Впоследствии, 16 июня, была объявлена Словацкая Советская Республика. Революция и контрреволюция вели ожесточенную борьбу в Восточной Европе. Однако и Венгерская, и Словацкая Советские республики теряли силу из-за внутренних

¹ Ред. - Ссылки даются в таком виде, как они указаны в книге.

² V.I. Lenin, *Collected Works*, 4th printing, Moscow: Progress, 1977, V.9, p.57.

³ *Ibid.*, V.21, pp.15-19.

⁴ Революция получила название «Октябрьская революция», поскольку между юлианским календарем,

который использовался тогда в России, и григорианским календарем, который мы используем сегодня, была разница в 13 дней. Революция произошла 7 ноября по Григорианскому календарю, который также был принят в России в феврале 1918 года.

проблем, и их невозможно было сохранить; Советская власть пала в Венгрии 1 августа 1919 года.

За время существования Венгерской Советской Республики, просуществовавшей 133 дня, многие фабрики, предприятия и банки были национализированы; была быстро введена политика, отвечающая интересам трудящихся. Контрреволюционное правительство Венгрии, которое можно рассматривать как первое фашистское правительство в Европе, полностью изменило эту революционную политику¹.

Таким образом, летом 1919 года мировая революция получила второй тяжелый удар.

После этого удара дискуссия о том, достигнет ли мировая революция победы в краткосрочной перспективе, стала жаркой. Убийство двух лидеров немецких коммунистов² и крах Советской власти в Венгрии и Словакии были достаточно тревожными. Если добавить к этому поражение Мюнхенского совета, к которому мы вскоре вернемся, перспектива стала далеко не обнадеживающей.

Реально говоря, Ленин пришел к мысли, что Советской России придется оставаться в одиночестве в течение длительного периода не в 1920 году, как это утверждается, а уже во второй половине 1919 года. Но он был одним из революционеров с наиболее тонко настроенными инстинктами в истории, и он чувствовал необходимость принятия мер предосторожности. Его благоразумие, когда он в работе «Детская болезнь левизны в коммунизме», написанную в следующем году, призвал европейских коммунистов быть терпеливыми и воздерживаться от авантюризма, было столь же велико, как и риск, на который он пошел в том же году во время войны с Польшей, которую оценил, как важную возможность устранить препятствия, блокирующие мировую революцию. Стратегические проблемы, встававшие перед коммунистами в этот период, были гораздо более сложными, чем принято думать. С одной стороны, мир переживал исторический революционный период; империи рухнули, появилось много новых государств, и порядок начал рушиться во всех частях системы, старых и новых. Это был кризис политического правления, и рабочий класс вышел на улицу либо следуя социал-демократии, либо руководствуясь более революционными мотивами. То, что Европа оказалась в тисках революционной ситуации, не подлежало сомнению.

В такой обстановке любая инициатива, предпринятая для облегчения захвата власти рабочим классом, является закономерной. Более того, задача коммунистов – искать, находить и идти по путям, ведущим к ней. Никто не может сказать, что это «несвоевременно», наоборот, время пришло!

Венгерская революция является примером. Очевидно, что в 1919 году Венгерская коммунистическая партия во главе с Белой Куном была слишком слаба, чтобы удерживать власть. Тем не менее, такое развитие событий произошло потому, что правящие классы потеряли всякую способность управлять, и образовался

огромный политический вакуум. Назовем это вакуумом власти...

В тот решающий момент венгерские коммунисты действовали, не переставая задаваться вопросом: «Достаточно ли мы готовы?» или «Можем ли мы справиться с этим?». Они провозгласили Венгерскую советскую республику в союзе с левым крылом социал-демократов. Это была трудная задача. Трудно, но, если бы они могли принять меры против предательства социал-демократов, если бы они могли проявить больше бдительности, если бы революционное движение в Румынии могло заблокировать военную интервенцию, если бы Советская Россия могла оказать вооруженную поддержку, Венгерские Советы вполне могли бы выжить.

Пол Леви, до своего ухода был одним из самых блестящих руководителей КПГ. Партия начала дрейфовать, демонстрируя излишне механическую интерпретацию марксизма, утверждая, что венгерским коммунистам удалось установить советскую власть не посредством пролетарского восстания, а потому, что венгерская буржуазия проявила чрезмерную неуклюжесть. И его тезис о том, что КПГ в Германии не стремится к такой революции³, был, как бы морально он ни звучал, продолжением той же механической интерпретации.

1919 год не был годом, в котором революционеры могли сидеть и ждать, пока рабочий класс созреет, научится и обретет сознание. Революция стучалась во все двери; все проблемы нужно было решать по мере продвижения вперед.

Это был беспрецедентный революционный период. И, несомненно, его инициатором стала Великая Октябрьская социалистическая революция. Большинство западных мыслителей не могли принять этот факт. В Германии в основе многих слабостей КПГ лежало неприятие Розы Люксембург и некоторых других к большевизму. Это неприятие не превратилось во враждебность для КПГ поскольку они были поистине революционерами; но во всей Европе на протяжении всего XX века прилагались огромные интеллектуальные усилия, чтобы отрицать универсальный аспект Октябрьской революции. Вот пример:

«Всего было две мировых революции. Одна произошла в 1848 году. Вторая – в 1968 году. Обе были историческими неудачами. Обе изменили мир. Тот факт, что обе они были незапланированными и, следовательно, в глубоком смысле спонтанными, объясняет оба факта – факт их провала и тот факт, что они изменили мир. Сегодня мы празднуем 14 июля 1789 года, по крайней мере, некоторые люди. Мы празднуем 7 ноября 1917 года, по крайней мере, некоторые люди. Мы не празднуем 1848 или 1968 год. И все же можно утверждать, что эти даты столь же значительны, возможно, даже более значительны, чем две, которые привлекают так много внимания»⁴.

У всех, кто это пишет, есть «респектабельные» имена: Арриги, Хопкинс, Валлерстайн... Их умы сбивает с толку антикоммунизм. 1968 год был сложным

¹ For a general panorama of Hungarian Soviet Republic, see Ernie Troy, *Hungary, 1919 and 1956: The Anatomy of Counter-revolution*, Crabtree Press Limited, 1981.

² Хотя очевидно, что убийства Розы Люксембург и Карла Либкнехта имеют особое значение, грустно видеть сегодня

отсутствие внимания к многим другим членам и лидерам КПГ, убитым в 1919 году

³ Levi, *ibid.*, p.71.

⁴ Giovanni Arrighi, Terence K. Hopkins and Immanuel Wallerstein, *Antisystemic Movements*, London: Verso, 1989, p.97.

процессом, но, если мы будем рассматривать его в контексте этого подхода, 1968 год был попыткой удалить коммунизм из народных движений, а не революцией.

Октябрь 1917 года, с другой стороны, не распространился, но был большим скачком в процессе мировой революции, был универсальным и сделал все необходимое, чтобы соединиться с другими звеньями в этом процессе. В этом смысле правильна формулировка Сталина: «Цель: закрепить диктатуру пролетариата в одной стране, используя ее как базу для поражения империализма во всех странах. Революция выходит за пределы одной страны; началась эпоха мировой революции. Основные силы революции: диктатура пролетариата в одной стране и революционное движение пролетариата во всех странах. Основные резервы: полупролетарские и мелкокрестьянские массы в развитых странах, освободительное движение в колониях и зависимых странах. Направление главного удара: изоляция мелкобуржуазных демократов и изоляция партий Второго Интернационала, составляющих главную опору политики компромисса с империализмом. План расстановки сил: союз пролетарской революции с освободительным движением в колониях и зависимых странах»¹!

Революция и контрреволюция вели смертельную борьбу. Советская Россия, ища возможности распространить революцию, в то же время выстояла в ожесточенной оборонительной войне против тех, кто покушался на неё, чтобы ее уничтожить. Британская разведка, отправившая 19 августа 1918 года в Лондон доклад, содержащий информацию о том, что Ленин собирался бежать из Петрограда и что его ждет яхта², не мечтала. Проблема заключалась в том, что в те годы было невозможно отличить сны от фактов. Каждый преследовал свою мечту, сталкиваясь с фактами каждый день.

8. Коминтерн поднимает паруса

Второй Интернационал полностью отказался от своих революционных целей к 1914 году, стал перебежчиком и империалистической организацией. С этого времени Ленин начал создавать «новый Интернационал». Однако, ни у большевиков не хватало веса, чтобы стать движущей силой этих усилий, ни в международном сообществе не было широко распространенных настроений в отношении этой идеи.

Сразу после Октябрьской революции ключевые моменты взаимодействия большевиков с рабочими движениями других стран изменились. Более того, контекст этих взаимодействий стал намного более сложным. Авторитет Ленина и его товарищей был признан не сразу, как это принято считать. В тот хаотичный период среди европейской части международного рабочего движения были те, кто занял враждебную позицию по отношению к Советской власти, и довольно многие думали, что пролетариат Петрограда потерпит быстрое поражение. Были и те, кто считал, что центр притяжения революции скоро переместится в

Германию. К этой группе относились и многие большевики.

Тем не менее Советская Россия выстояла. Когда наступил 1919 год, она всё ещё оставалась единственным существующим рабочим государством, которому приходилось выполнять более одной миссии на международной арене. Наивысший его приоритет можно было определить как – ответственность за распространение революции; но защита советской власти, которую со всех сторон окружала внешняя интервенция и гражданская война, также были очень важной задачей.

Распространение революции зависело, прежде всего, от создания партий, которые обладали бы достаточными силами и качествами, чтобы возглавить революцию. С этой целью пришлось вести многогранную борьбу против социал-демократии, которая была основным направлением рабочего движения. Кроме того, те аспекты российского опыта, которые можно было обобщить, должны были кристаллизироваться политически, теоретически и организационно. Однако, даже этого было недостаточно. Чтобы нанести смертельный удар капитализму, коммунистические партии должны были координироваться и даже направляться из единого центра.

С другой стороны, защита Советской России опиралась как на поиск стран, с которыми можно было бы установить политические отношения, так и на отражение прямого и косвенного военного вмешательства империализма.

В первые годы после революции вообще не понимали, насколько велико могло стать трение между этими двумя миссиями. По сути, главная миссия заключалась в том, чтобы облегчить осуществление революции в Европе. Пока это происходило, другие проблемы остались бы в стороне.

Так думали...

В начале 1919 года, когда шла подготовка к созданию Коммунистического Интернационала, приоритетом было «распространение», а не «защита».

Созрели объективные условия для революции, и недостаток был в субъективном факторе – партии:

«Самое большое бедствие и опасность Европы в том, что в ней нет революционной партии. В ней есть партии предателей вроде Шейдеманов, Реноделей, Гендерсонов, Уэббов и К^о, а также лакейских душ вроде Каутского. Но у неё нет революционной партии.

Конечно, мощное народное революционное движение может исправить этот недостаток, но тем не менее это серьезная опасность»³.

Ленин говорит об этом в октябре 1918 года, то есть по мере приближения основания Коммунистического Интернационала. Тем не менее, именно немецкая революция запустила часы Третьего Интернационала, и Ленин прекрасно понимал, что факт, который он называет несчастьем, стал намного яснее.

Начавшаяся подготовка сопровождалась агитационными новостями из Германии. Известие об убийстве Розы Люксембург и Карла Либкнехта потрясло всю Россию. Революционный фронт потерял

¹ J. Stalin, *Works*, Moscow: Foreign Language Publishing House, 1953, V.5, pp.158-159.

² *A Collection of Reports on Bolshevism in Russia (Presented to [British] Parliament by Command of His Majesty)*, London: His Majesty's Stationary Office, 1919, p.1.

³ Lenin, *ibid.*, V.28, p.113.

не только двух своих важных лидеров. Также стало понятно, насколько жестокой могла быть социал-демократия (частью которой он был и действовал вместе до недавнего времени), если того требовала ситуация.

Несмотря на трагедию в Германии, приглашение на учредительное собрание Коммунистического Интернационала было напечатано в январе.

Интересным элементом этого письма была важная роль, отводимая КПГ:

«По нашему мнению, новый Интернационал должен основываться на признании следующих положений, выдвинутых здесь в качестве платформы и разработанных на основе программы Спартаковского союза в Германии и Коммунистической партии (большевиков) в России»¹.

Первой среди подписавших сторон также была КПГ. Более того, в пригласительном письме была хорошая новость о том, что Третий Интернационал уже материализовался, и было упомянуто только название Лиги Спартака (КПГ), чтобы служить примером для партий, которые представляли ее линию.

Все это было доказательством того, что Коминтерн должен иметь две движущие силы, или, по крайней мере, приготовления были сделаны с учетом этого. Даже рабочим языком учредительной встречи был выбран немецкий.

Однако возникла серьезная проблема. Руководство КПГ, создание которой само по себе было нерешительным делом, считало, что с провозглашением Коммунистического Интернационала также не следует торопиться. Члены Лиги Спартака явно не были против нового Интернационала или набора принципов, озвученных на предварительных встречах; они просто хотели избежать преждевременного создания². Они упорно отказывались понимать, что на протяжении всего Нового времени, необходимость действовать решительно от имени угнетенных никогда не была больше, чем в данный период; и они думали, что добровольное навязывание условий было «провинциальной» выдумкой русских большевиков.

Это, в некоторой степени, было причиной того, что первое заседание Коммунистического Интернационала, которое, естественно, вошло в историю как Первый конгресс Коминтерна, было задумано как предварительная конференция. Назначенной датой была суббота, 15 февраля, но из-за трудностей (вызванных финансовыми недостатками, бюрократическими проблемами и вопросами преследования полицией), с которыми делегаты столкнулись по прибытии в Москву, встречи начались с опозданием примерно на 15 дней.

Наконец, 2 марта 1919 г. 35 делегатов с правом голоса от 19 партий и 19 делегатов без права голоса от 16 партий собрались в Москве. Некоторые из делегатов были революционерами, которые уже жили в России. Как писал Карр, «группы в США, Франции, Швейцарии, Нидерландах, Швеции и Венгрии дали

мандаты гражданам, проживающим в Москве; у одного британского делегата вообще не было мандата»³. Некоторые из них были военнопленными, получившими свободу после революции.

Даже если бы Коминтерн стал бы силой, с которой нужно считаться не более чем через год, панорама после первой встречи совсем не обнадеживала. Кроме российских большевиков, некоторые из участников не имели особого статуса в революционной борьбе в своих странах. Даже немецкие коммунисты, которые занимали такое важное место в приглашении, были недопредставлены. Гуго Эберлейн, которого послали в Москву с указанием отложить создание Коминтерна, не сопротивляясь ему, был политически незначительным персонажем, несмотря на его важность в КПГ (а затем и в Коминтерне).

Действительно, он не выполнил миссию, возложенную на него его стороной, и в атмосфере энтузиазма, царившей на встречах (особенно благодаря австрийскому делегату), было объявлено об основании Коммунистического Интернационала. Однако даже крупный историк, который обычно воздерживался от столь точного подбора слов, позже написал бы: «Коммунистический Интернационал (...) должен был быть окончательно учрежден на следующем конгрессе»⁴!

Судя по всему, на первом собрании организации, стремившейся стать всемирным собранием, перспективы были не блестящими. Интересно, что российские коммунисты, от которых можно было ожидать четкого видения функций этой организации, также были сбиты с толку. Это было естественно; потому что в течение 1919 года и нескольких лет после него в партийном центре одна за другой появлялись самые разные стратегии. Только вмешательство Ленина и его власть держали партию на революционном курсе и предотвращали ее распад. Недооценка роли этого связующего элемента и рассказ о том, что большевики в то время разрабатывали всеобъемлющую политику, служат лишь для искажения фактов.

Коминтерн также внёс свою долю в это стратегическое разнообразие. Например, Коммунистическая партия России была представлена на учредительном съезде делегацией, в которую входили Ленин, Зиновьев, Бухарин, Троцкий и Чичерин. И в этой делегации были те, кто не согласен с исторической ролью их страны в ходе мировой революции. Это привело бы к разрушительным результатам, если бы эту роль не приняли, но её приняли и сыграли решительно.

В то время как учредительный съезд обнажил без каких-либо оснований для аргументов острое противоречие между величиим революции, поднимающейся на Западе, и ограниченным коммунистическим присутствием там, некоторые из российских представителей высказывали мнения, которые нельзя объяснить лишь «Революционной риторикой» при любых обстоятельствах. Например, Троцкий:

¹ Jane Degras (ed.) *The Communist International 1919-1943 Documents*, London: Royal Institute of International Affairs, 1955, V.1, p.2.

² Мы знаем, что Роза Люксембург возражала против создания Коммунистического Интернационала на том основании, что он попал бы под влияние русских большевиков. По крайней мере, так говорил ее близкие коллеги

³ Edward Hallett Carr, *The Russian Revolution: From Lenin to Stalin*, New York: The Free Press, 1979, p.14.

⁴ A.I. Sobolev et al., *Outline History of the Communist International*, Moscow: Progress Publishers, 1971, p.58.

«Сегодня Москва – центр Третьего Интернационала. Завтра – и это наше глубокое убеждение – центр сместится на запад, в Берлин, Париж, Лондон. Русский пролетариат с радостью принял посланников рабочего класса мира в стенах Кремля. С еще большей радостью он отправит своих посланников на второй съезд (...) в одну из западных столиц»¹!

Давайте не будем несправедливы к нему, потому что он был не одинок в этих чувствах. В 1919 году в воздухе витал всеобщий оптимизм по поводу революции в Европе.

Что я хочу подчеркнуть, так не этот оптимизм, а второстепенную роль, которую некоторые видные большевики приписывают русской революции в целом, и нежелание Троцкого рассматривать Россию как готовую к социализму в частности. Я расскажу об этом подробнее, когда в этом возникнет необходимость. В противном случае, если можно было убедиться в общей атмосфере в Коминтерне, объявление советского правления в Германии было неизбежным. До такой степени, что Берлин был назначен столицей Коминтерна; Москва была лишь условным центром!

Подводя итог, следует отметить следующие моменты, касающиеся основания Коммунистического Интернационала: Коммунистический Интернационал, Третий Интернационал или Коминтерн были основаны слабым коллективом. За исключением Российской коммунистической партии (большевиков) РКПб, ни одна из партий на учредительном съезде не имела значительного веса в рабочем классе. Русские большевики торопились сломить гегемонию социал-демократии, господствовавшую в рабочем движении, а также поощрять и ускорять создание коммунистических партий в Европе. Было очевидно, что революционная волна не продлится вечно; поэтому цель нового Интернационала ясно изложена в пригласительном письме: завоевание установление власти рабочим классом. Учитывая все это, критика того, что Коммунистический Интернационал в дальнейшем «обрусел», должна быть поставлена под сомнение. Хотя очевидно, что влияние советской администрации на Коминтерн не всегда приводило к здоровым результатам, эта проблема не отменяет того факта, что Коминтерн был в значительной степени основан благодаря руководству, поддержке, решимости и даже навязчивым действиям российских большевиков, а позже стал огромной силой благодаря их усилиям.

Откровенно говоря, другого выхода не было.

Давайте продолжим... По крайней мере сначала, РКП (б) приложила огромные усилия для создания Коминтерна, но у нее были очень ограниченные ресурсы, которые она могла себе позволить. Советская Россия имела очень серьезные кадровые ограничения даже в жизненно важных вопросах. Мы увидим огромные задачи, которые это поставило

перед Красной Армией и Комиссариатом (Министерством) иностранных дел. В этих условиях трудно сказать, что русская команда в Коммунистическом Интернационале была выбрана из числа лучших кадров.

Конечно, я не буду утверждать, что председатель ее Исполкома Зиновьев (как в делах, так и в писаниях которого я вижу революционера, иногда блестящего, но часто непоследовательного), был посредственной личностью. Большевики выделили один из своих самых важных кадров для Коминтерна². Однако давайте не будем забывать тот факт, что избрание Анжелики Балабановой из Итальянской социалистической партии секретарем Третьего Интернационала вскоре после его основания. может быть свидетельством скудности ресурсов, на которые он был основан. Позднее ее мемуары были опубликованы³; Балабанова не была коммунистом ни в каком смысле этого слова, и вскоре после этого она стала решительным антикоммунистом.

Зиновьев некоторое время возглавляет организацию, но в Коминтерне он не был единственным ее председателем. Исполнительный комитет Коммунистического Интернационала (ИККИ) был создан на Первом Конгрессе. Большинство партий не могли даже прислать представителей в этот совет, поэтому россиянам пришлось нести почти всю рабочую нагрузку. Со временем установление двусторонних отношений с партиями было оставлено либо на усмотрение русских, либо коммунистов из других стран, проживающих в России. Кадры, назначенные в Коминтерн Советским правительством, в котором не хватало «специалистов», в некоторых случаях навязывали свои взгляды. Также были очевидны различные недостатки характера – от стремления проявить себя до соперничества.

С другой стороны, одним из главных несчастий Коминтерна было отсутствие Ленина. Конечно, он присутствовал на всех четырех конгрессах с 1919 по 1922 год, делал чрезвычайно критические выступления, но трудно сказать, что он уделял много времени работе Коминтерна, помимо посещения этих конгрессов, проводившихся в Москве. В тот же период Советская Россия была вовлечена в военную, экономическую и политическую борьбу. Более того, поток информации в те дни был не таким налаженным, как сегодня, и в этих условиях Владимир Ильич обычно получал запоздалые и неполноценные новости о развитии внутри коммунистических партий и общем прогрессе классово-борьбы в Европе. При более пристальном рассмотрении, можно увидеть примеры того, как Ленина сознательно вводили в заблуждение чиновники Коминтерна.

Однако, вернемся к основанию. Можно сказать, что в 1919 году создание Коммунистического Интернационала имело большее значение, чем его материальное присутствие. Зиновьев, глава организации, назвал его «пропагандистским

¹ Quoted in Thomas C. Fiddick, *Russia's Retreat from Poland, 1920: From Permanent Revolution to Peaceful Coexistence*, New York: Palgrave Macmillan, 1990, p.71.

² Я не считаю разумным отходить от психического здоровья исторических личностей, чтобы прийти к политическим выводам. Кроме того, я не эксперт в этом вопросе. Тем не менее, я считаю себя обязанным отметить здесь утверждения о том, что Зиновьев часто проявлял маниакально-депрессивное поведение, был сильно взволнован хорошими

новостями, поддавался панике и вынужден был лечь неподвижно, когда столкнулся с неудачей. Это может дать объяснение его несоответствиям, которые в ретроспективе вызывают наибольшее раздражение. Тем не менее, поскольку одним из сторонников этих утверждений является Троцкий, которого нельзя назвать образцом душевного равновесия, разумно подходить ко всему этому с осторожностью.

³ Книга, о которой идет речь, называется «Моя жизнь как бунтарь».

объединением». Его секретарь Карл Радек видел в нем «просто символ», в то время как лидер КПГ Пол Леви определял его как «выражение солидарности международного пролетариата с русской революцией»¹.

Таким образом, Второй Конгресс 1920 года, который определяется как «настоящее основание», фактически взял на себя бремя решения проблем, оставшихся после 1919 года, и преобразования Коминтерна в настоящий штаб международной революции. С другой стороны, 1920 год был также годом, когда такие выдающиеся личности, как Ленин и Сталин, окончательно убедились в том, что революция в Европе не произойдет в короткие сроки. Ответственность за защиту Советской России, крупнейшее из имеющихся достижений, уравновешивалась риском проиграть всё при попытке выиграть всё. Следовательно, в 1920 году Коминтерн навязывал бескомпромиссную большевизацию и фокусировал революционные цели на вновь созданных партиях, одновременно призывая их быть терпеливыми и держаться подальше от авантюры! Когда в 1920 году были внесены резолюции, в которых излагались эти две несовместимые тенденции, партии-члены Коминтерна были бы одновременно поражены огнем и льдом.

12. Социализм в одной стране: необходимость, а не выбор

Социализм в одной стране... Что это на самом деле означает? Если мы должны строго придерживаться марксистских теоретических основ и если мы имеем в виду развитую стадию социализма, то есть коммунизм, даже возможность его утверждения в одной стране немыслима.

Тогда был ли это аргумент? Был ли политический спор по этому поводу между теми, кто хотел установить социализм только в Советской России, и теми, кто говорил, что весь мир достоин социализма?

Полная чушь... Нет, это определено не аргумент. Спор велся о том, что делать в Советской России, а затем в Союзе Советских Социалистических Республик (СССР)², если революция в Европе остановится. Никто с самого начала не предвидел такого одиночества или изоляции³. Поэтому «удержание власти для помощи революции и партиям, которые будут руководить революцией в Европе» поначалу было адекватным определением миссии, и все казалось таким простым. Однако с каждым днем, с которым Советской России приходилось сталкиваться в одиночку в капиталистическом мире, нарушалось согласие между выживанием и поддержкой революции в других странах.

Более того, настоящая проблема заключалась в следующем: если, вопреки ожиданиям, революция на Западе не осуществилась в короткие сроки; как развивалась бы Советская Россия, если бы не выжила? Или, говоря более ясно, для чего и с какой точки зрения он остался бы в живых? Действительно, когда в 1918 году разразилась гражданская война, и в

последующие годы контекст «остаться в живых» был тривиальным. Однако для русского пролетариата, захватившего власть с высокими устремлениями к установлению нового образа жизни, скоротать время, только защищая Советскую Россию и ожидая европейской революции, не было миссией; и таким образом «остаться в живых» было невозможно.

Различия между ответами на вопрос «как будет развиваться Советская Россия?» не имели большого значения в жаркие дни гражданской войны и иностранного вмешательства. Эти разногласия иногда создавали серьезные трудности, но настоящая проблема возникла бы после того, как гражданская война и иностранная интервенция потерпели поражение в России, и когда капитализм восстановил стабильность, а революционная волна сломалась и отступила в Европе.

Среди видных большевиков существовала серьезная несовместимость между их взглядами на жизнь, психологией, наблюдениями и ожиданиями в отношении международного рабочего движения и прогресса революции в западных странах, а также их отношениями к России. После провала революции в Европе и Советской России удалось остаться в живых; было бы невозможно вывести общую стратегию из этих различий.

Со временем эти различия были кратко изложены следующим образом: Троцкий считал, что социализм в одной стране невозможен, и проводил стратегию, которая соответствовала интересам мировой революции, в то время как Сталин отвернулся от мировой революции и сосредоточился на установлении социализма в Советском Союзе. Троцкий был удален, и Советский Союз предал мировую революцию.

Не сосредотачивайтесь здесь на выборе слов, могут быть сформулированы и другие варианты. Например, с другой точки зрения на то же разделение, Троцкий может быть показан как «авантюрист, склонный к экспорту революции», а Сталин – как проницательный лидер, знающий о реальной политике

Все это правда? Был ли Троцкий бесстрашным сторонником мировой революции; и был ли Сталин представителем ориентированной на Россию точки зрения, придерживающейся статус-кво?

К сожалению, в течение очень долгого времени почти все, кто вступал в ряды революционной борьбы, принимали это клише, независимо от того, на какой стороне они были. Троцкий был злым, потому что он был нереалистичным и гнался за мечтой о мировой революции; или, Троцкий был красным ангелом, он действовал в интересах мировой революции!

Это и есть городская легенда.

Как я отмечал выше, в месяцы после Октябрьской революции все большевики ожидали распространения революции на запад. Серия событий 1919 года ограничила эти ожидания. Пауль Леви отмечает, что крах Мюнхенского Совета не сильно повлиял на немецкое рабочее движение, но встревожил тех в Советской России, кто питал иллюзии относительно немецкой революции⁴.

¹ Цитируется по Норману Ла Порт, Кевину Моргану и Мэтью Уорли (ред.), *Большевизму, сталинизму и Коминтерну: перспективы сталинизации 1917-53 гг.*, Нью-Йорк: Palgrave Macmillan, 2008, с. 105.

² Союз Советских Социалистических Республик, или Советский Союз, был создан 30 декабря 1922 года.

³ При использовании этих терминов следует также учитывать обширную географию и многонациональность СССР и воздерживаться от недооценки «единой страны».

⁴ Levi, *ibid.*, p. 53.

Многие документы подтверждают слова Леви. Коллективно большевикам обычно не удавалось точно отслеживать немецкую революцию. Причина этого проста: информация пришла с опозданием и преломлением. Если взглянуть на весь период в более широком плане, то можно увидеть, что Зиновьев во главе Коминтерна всегда переоценивал революционные возможности, в то время как Карл Радек, который был секретарем ИККИ и лицом, ответственным за дела Германии, готовил свои сообщения в соответствии со своими личными предпочтениями в КПД. Даже части того, что мы читаем о Мюнхенской советской республике сегодня, было бы достаточно для Ленина, который был мастером восстания, чтобы сказать: «Что это, черт возьми?» и держитесь подальше от нереалистичных оценок.

Более того, неблагоприятные события 1919 года не ограничились падением советской власти в Мюнхене. Советский опыт в Венгрии и Словакии потерпел неудачу, и, что хуже всего, в январе немецкая революция потеряла двух лидеров. Мы знаем, что когда наступила вторая половина года и революция на Западе остановилась, Ленин начал серьезно думать о том, что делать в России. Но не следует думать, что оптимизм теряли только Ленин или Сталин, которые изначально не были в восторге от событий в Германии. Очевидно, что начиная с августа 1919 года Троцкий также осознавал, что революционная волна отступает на западе. Он предупреждал своих товарищей сосредоточиться на востоке, а не на западе; революция могла произойти в Индии раньше Парижа или Лондона. Здесь неизбежно возникает вопрос: что изменило для большевиков развитие революции на западе или востоке? Что должны были сделать большевики? Экспортные революции? За исключением польской кампании 1920 г. (которую мы рассмотрим подробнее), я не читал ни об одном большевистском лидере, который возложил бы ответственность за распространение революции на другие страны с помощью военной силы Советской России. Включая Троцкого. Вот что пишет Лев Давидович Троцкий в 1920 году: "Тем не менее, если Черчилль и ему подобные считают, что Советская власть есть не что иное, как организация международного революционного заговора, это следует объяснить их политической безграмотностью. Мы вовсе не считаем, что история возложила на рабочую и крестьянскую Россию долг совершить революцию во всех странах. Точнее, мы думаем, что рабочая и крестьянская Россия в настоящее время может оказать наибольшую услугу рабочему классу мира, сосредоточив все свои усилия на интенсивной экономической и культурной работе"¹.

Троцкий также пишет об обязанности продемонстрировать, что «коммунизм не столько разрушительная, сколько созидательная сила» сразу после этого.

Также именно Троцкий во многих случаях в качестве главы Красной Армии указывал на непоследовательность обвинений Красной Армии в наступательной доктрине, в то время как Советская Россия шла на уступки иностранному капиталу. Когда его

критиковали за преуменьшение революционного характера вооруженных сил и игнорирование «наступления» как основного военного принципа, он напомнил, что Советской России нужна не война, а восстановление экономики.

Проблема Троцкого заключалась не в иллюзиях «мировой революции», а в его непоследовательности. Этот уникальный революционер, почти каждое слово которого противоречило следующему, начал обвинять Советское правительство в том, что оно отвернулось от мировой революции, только после того, как он занял особенно антисоветскую позицию, после увольнения с партийных обязанностей. В противном случае о Троцком можно много чего сказать, но он не был настолько глуп, чтобы видеть, что революция в Европе остановилась. Позвольте мне еще раз подчеркнуть это: среди персонажей русской революции Троцкий может быть самой непоследовательной и сложной личностью; и тот, кто меньше всего верит в свою страну.

Я могу привести примеры, аналогичные приведенному выше, иллюстрирующие призывы Троцкого к разуму и благоразумию. Однако было много раз, когда он защищал прямо противоположное. Один в 1918 году особенно важен в контексте нашего исследования: "Устойчивые решительные успехи немислимы без европейской революции. Поэтому мы не можем купить частичные успехи ценой таких процедур и комбинаций, которые могут создать препятствия на пути европейского пролетарского движения"².

Постоянно, решительно... По прошествии определенного момента это субъективные термины, и их не следует особо принимать во внимание. Однако фраза «мы не можем (...) купить частичные успехи» – это открытое признание того, что, если того потребует ситуация, русской революцией можно было бы пожертвовать.

Если бы Троцкий впоследствии не разыграл карту «предательства мировой революции» в своей полемике против Сталина, мы могли бы отклонить его работы 1918 года как «инфантильное расстройство», потому что, как я отмечал ранее, были случаи, когда он говорил вполне напротив потом. Однако следует знать, что как во время его назначения наркомом иностранных дел, так и когда он командовал Красной Армией в качестве комиссара военных и военно-морских дел, поведение Троцкого свидетельствовало о полном отсутствии веры в то, что Советская Россия может продвинуться к социализму через внутреннюю динамику. Ясно, что он никогда не соглашался с тем, что русская революция постепенно стала играть центральную роль в мировой революции; и не мог быть связан с этой ролью после того, как она открыто представила себя.

Очевидно, что он с бравадой преуменьшает свое назначение комиссара иностранных дел: «Какую дипломатическую работу мы склонны выполнять? Я сделаю несколько революционных воззваний к народам мира, а потом закрою магазин»³, не полагались на глупую веру в то, что мировая революция победит через несколько недель. Что он сделал, так это медлил

¹ Leon Trotsky, *Military Writings*, Vol.3, online version, Date accessed: 16 May 2020, <https://www.marxists.org/archive/trotsky/military-pdf/Military-Writings-Trotsky-v3.pdf>, p.276.

² Leon Trotsky, *What Next?*, online version, Date accessed: 16 May 2020, <https://www.marxists.org/archive/trotsky/1917/next/ch06.htm>.

³ Leon Trotsky, *My Life*, online version, Date accessed: 16 May 2020, <https://www.marxists.org/archive/trotsky/1930/mylife/1930-lif.pdf>, p.268.

с принятием участия в шагах к организации социалистического государства в России. Можно ли иначе объяснить его слова «Если бы Россия была одна в мире, рассуждение Мартова было бы правильным»¹? Идея, которую он приписывает Мартову, – держаться подальше от социалистической революции и защищать программу-минимум вместо программы-максимум. Этими словами Троцкий заявляет, что захват власти большевиками в России был важен только как связующее звено в мировой цепи вращения.

В каком-то смысле это правильно, а в другом – совершенно неверно. Один вопрос действительно требует ответа: что, если мировая революция не наступит в ожидаемое время?

Мы показали, что Троцкий не был тем, кто подталкивал Красную Армию к самоубийственным миссиям. И что? Затем, когда все сочинения, речи и официальные действия непоследовательного Троцкого будут приняты во всей их полноте, станет видно, что путь, который он нашел для выхода из дилеммы, заключался в том, чтобы каким-то образом сохранить Советскую Россию, не продвигаясь вперед к социализму, и подождите, пока мировая революция сделает еще один рывок вперед. В частности, его политика в Красной Армии свидетельствует об этой тенденции, и мы обратимся к ней в свое время.

В этом исследовании мы пытаемся ответить на вопросы «Какие факторы препятствовали распространению мировой революции в ее наиболее критические годы между 1918 и 1924 годами, особенно в 1920 году?», «Какие из них были неизбежны?» и «Какие ошибки сделали коммунисты того периода?» Прошел век, и пришло время смело ответить на эти вопросы. Эта область изобилует не только откровенно антикоммунистическими буржуазными историками, но и интеллектуалами, которые берут на себя смелость говорить от имени марксизма, но проявляют даже более фанатичную позицию, чем буржуазные историки, когда дело касается антисоветизма. Способ не допустить, чтобы они искажали факты этого периода в любой повествование, какое они пожелают, – это не откачивать строгую, суеверную историю о «непогрешимой партийной линии», которая с каждым днем все больше и больше погружается в идеализм. Открытый, смелый, честный подход подчеркнет легитимность направления, принятое Лениным и Сталиным, гораздо более эффективно. Более того, такой подход сделал бы успехи всей советской истории и ее достижения как части мировой революции гораздо более очевидными.

Речь идет о табу. Утверждая, что после 1917 года, особенно в период, когда в партии существовали различные фракции, были очевидны радикальные разногласия между видными большевиками (и это в основном совпадает с критическим периодом мировой революции 1918-1924 годов), партия большевиков и Коминтерн придерживались «непогрешимой» линии, превосходящей все эти разногласия и не затронутый ими, служит лишь для того, чтобы заразить революционную борьбу идеализмом.

Такой линии не было. Захват Ленина защищал партию от многих поворотов. Однако кто может утверждать, что, помимо многих других, такие персонажи, как Зиновьев, Каменев и Троцкий, взявшие

на себя чрезвычайно важные обязанности, были нейтральными элементами? Средства связи были не такими, как сегодня, письма и отчеты доходили до места назначения через несколько недель после отправки. Для быстрой связи использовался телеграф, из-за чего в большинстве случаев было достаточно нескольких предложений. Кроме того, все видные кадры, включая упомянутых выше, создали вокруг себя свои фракции. Те, кто думали одинаково, также сотрудничали и поддерживали друг друга в заданиях или когда один из них совершал ошибку, которую нужно было скрыть. От непоследовательных, бесцельных, безответственных, чрезмерно сентиментальных кадровых формирований Советский Союз спас Сталин, создавший собственную фракцию. Все историки-антикоммунисты пишут, что Сталин и его соратники не были «гениальными». Даже если бы это было правдой, никто не может отрицать, что многие из них были ответственными, мужественными, трудолюбивыми коммунистами, которых не пугали трудности и которые были очень сильно связаны со своей партией.

Это имеет отношение к нашему исследованию: в период, который мы принимаем во внимание, Коммунистический Интернационал был организацией, которая не совсем отражала коллективную волю большевиков. Без этого мы не можем понять ни один из аргументов относительно периода.

Отметив это, приступим. Советская Россия столкнулась с очень серьезными угрозами в 1918 году. Контрреволюционные силы преодолели первый шок и строили армию, большинство специалистов страны либо бежали за границу, либо проявили нежелание сотрудничать с Советским правительством, и после Брестского договора с Германией такие страны, как Великобритания, Франция, США, Япония и Польша, в той или иной форме осуществили военное вмешательство в Советскую Россию и пригрозили сделать еще больше.

Некоторые историки утверждают, что большевики переоценили иностранную интервенцию. Сушая ерунда! Сильнейшая империалистическая держава открыто угрожала им, говоря: «Я не узнаю вас, и я раздавлю вас», высадила войска в различных местах, создавая морские блокады вокруг критических точек, и все же вы, как страна, в одиночку в мире с разрушенной экономикой не следует «Завышать» вещи!

Британцы, по сути, высказывали очень серьезные угрозы: "В Москве я неоднократно брал интервью у Чичерина и Карахана. Вся Советская власть опустилась до уровня преступной организации. Большевики понимают, что их игра окончена, и начали карьеру преступного безумия. Я неоднократно говорил Чичерину со всей энергией, на которую я способен, что он должен хорошо понимать, что большевистское правительство не подходит для Англии. У Англии был более сильный ветер, чем у Советов. (...) Наступит момент, когда советские власти, человек за человеком, должны будут платить за все террористические акты, которые они совершили"².

Это с сентября 1918 года. Представители Великобритании в Москве поддерживали и укрывали контрреволюционеров, с одной стороны, и угрожали советским чиновникам, с другой. Некоторые из них даже вступили в перестрелки с ЧК. Этот отчет, направленный британскому правительству, заканчивался запиской:

¹ Trotsky, *What Next?*, ibid.

² Сборник докладов о большевизме в России, с. 5.

«Несмотря на настойчивость, с которой я доводил до сведения эти факты, я не смог получить от Чичерина никаких определенных обещаний, а получил лишь несколько уклончивых ответов и некоторую ложь. Большевики сожгли свои лодки и теперь готовы к любому злу».

Великобритания открыто угрожала другому правительству, не проявляя дипломатической вежливости (их представители действовали в стране, которую они еще не признали дипломатически). Это было доминирующей тенденцией в британских правящих кругах. Сэр Мансфельд де Кардоннель Финдли, автор этого отчета, предупреждал свое правительство, что «если не положить конец большевизму в России немедленно, цивилизация всего мира окажется под угрозой»¹. И взгляды Черчилля, который был самым выдающимся человеком всех времен, о России можно грубо резюмировать так: отравленные, зараженные, чумно-вооруженные орды, стаи тифозных паразитов...²

Франция даже не заслуживала упоминания. Премьер-министр Клеменсо хотел сказать: «Мы даже не будем вести переговоры с Советами, не говоря уже о мире».

В этих условиях, естественно, первостепенное значение имела психология большевистских вождей. Некоторым из них явно не удавалось ответить на вопрос: «Какая польза от этого, даже если мы останемся у власти в этой бедной крестьянской стране?», следовательно, они сосредоточились на внешнем мире (в этом настроении был Зиновьев в 1920 году). И некоторые из них, как только они осознали факт, что их ожидание немедленной мировой революции было безосновательным, начали думать, что Советская Россия должна только держаться без коллективного смысла, отстраненная от амбиций по установлению социализма (это было верно для Троцкого больше, чем для кого-либо другого).

Совершенно несправедливо по отношению к этому великому революционеру думать, что намерение Ленина вывести страну от военного коммунизма к новой экономической политике (НЭП) в 1920 году состояло в том, чтобы вечно «раскачивать поезд»³, если мировая революция не пришла на помощь. Ленин всегда рассматривал нэп как временный шаг назад и стремился развить Советский Союз как можно дальше по социалистическому пути, независимо от того, что происходило на международной арене. Он скончался до того, как получил возможность много рассказать в этом отношении, и среди большевиков Сталин стал заметным человеком. который, в отличие от непоследователей, авантюристов и людей с проблемами уверенности в себе, был реалистом, но в той же степени не лишился веры в коммунизм или Россию.

Я хочу еще раз подчеркнуть это: аргумент в пользу того, что социализм может быть установлен в одной стране, — полная чепуха. Большевики сделали все, что могли, чтобы ускорить мировую революцию, и когда

этого не произошло, некоторые пошатнулись и не знали, что делать, в то время как другие выступили вперед, чтобы использовать политическую силу для коммунистического дела. Все очень просто.

Однако когда дело дошло до трения между мировой революцией и защитой Советской России, этот простой вопрос стал чрезвычайно сложным.

В 1922 году в резолюции, принятой Четвертым конгрессом Коммунистического Интернационала, было написано, что «лучшая поддержка Советской России в экономической войне — это революционная политическая борьба рабочих и растущее давление на правительства каждой страны требования признания Советского правительства и создания с ним благоприятных торговых отношений»⁴. На фоне этой формулировки, которая на бумаге кажется совершенно невинной назревает неумолимое напряжение между оказанием помощи мировой революции и защитой власти рабочих в Советской России.

Предварительным условием для понимания того, как мировая революция возникла и потеряла импульс в треугольнике Берлин-Варшава-Анкара, является осознание масштабов этого сильно недооцененного напряжения. Кроме того, нужно наблюдать, как каждый большевик колебался под давлением этого напряжения, и различать способы, которыми они пытались управлять им.

Все делегаты Конгресса Коминтерна в 1922 году должны были знать, что, хотя Конгресс призывал коммунистические партии и рабочие движения «усилить давление на свои правительства для создания благоприятных торговых отношений с Советским правительством», эти правительства были бы очень слабо склонны к ведению бизнеса со страной, если бы она представляла угрозу. Они также должны были знать, что буржуазные государства потребуют от Коммунистического Интернационала прекратить оказывать на них «революционное давление» в обмен на восстановление экономики.

С другой стороны, большевики не были революционерами, которые так легко откажутся от своих притязаний на мировую революцию, и не было никакой гарантии, что капиталистические страны не вгрызутся в горло Советам, когда угроза «революции» утихнет. Следовательно, была потребность в коммунистических партиях, которые усилили бы борьбу, когда представятся революционные возможности или когда будет усиление враждебных действий против Советов, но которые также не втянули бы себя и Советскую Россию в авантюры. К 1922 году среди большевиков стало преобладать мнение о том, что мировая революция не наступит в ближайшее время, но это понимание возникло еще раньше, к началу 1920 года.

Напряжение, о котором мы говорим, настолько велико, что к 1920 году между двумя организациями возникли очевидные трения, которые стали наиболее важными для Советской России; Коминтерна и Комиссариата иностранных дел⁵. В то время как

¹ Ibid., p. 6.

² Winston S. Churchill, *The World Crisis Vol.4 - The Aftermath 1918-1928*, New York: Scribner & Sons, 1929, p.274.

³ Это отсылка к известной российской антикоммунистической политической шутке, в которой брежневский период изображался как «закрывающий занавес вагона, приказывающий рабочим раскачивать поезд и делать вид, что поезд движется». (TN)

⁴ Четвертый конгресс Коммунистического Интернационала, «Резолюция о помощи пролетариата Советской России», дата обращения: 16 мая 2020 г., <https://www.marxists.org/history/international/comintern/4th-congress/proletarian-aid-to-soviet-union.htm>.

⁵ Alastair Kocho-Williams, *Russian and Soviet Diplomacy, 1900-39*, New York: Palgrave Macmillan, 2012, p.66-67.

Наркоминдел, который был недооценен и вскоре после этого оставлен Троцким, работал со всеми имеющимися в его распоряжении кадрами, чтобы заставить Советскую Россию установить внешне экономические отношения; Коминтерн стремился большевизировать членские партии, которым было трудно отказаться от старых социал-демократических привычек, и помочь им захватить власть, когда созреют революционные возможности. А когда революция отступила, советская дипломатия стала бы доминирующей.

Мы говорим о процессе, с которым было очень трудно справиться. В 1920 году, когда Зиновьев объявил о создании Советской республики во Франции в связи с 50-летием Парижской Коммуны (1921), он не просто переборщил с агитацией. Он сам был очень сбит с толку и получал сильно завышенные результаты из тривиальных позитивных событий. По правде говоря, многие из русских коммунистов, которые посвятили свою жизнь революционной борьбе и теперь должны были нести дополнительное бремя роли «государственных деятелей», были сбиты с толку, и это также вызвало путаницу в отношении направления советского правительства.

Например, Литвинов (который был заместителем Чичерина на посту комиссара иностранных дел, а позже сам стал комиссаром) без колебаний заявил, что «США не были готовы к социалистической революции» и «Россия была целью и целью была бороться с милитаристским духом Германии»¹ в разговоре с представителями США, возмущенными попытками России распространить революцию. С другой стороны, когда он это сказал, Германия уже стала важнейшим партнером Советской России в экономических и военных делах!

В марте 1920 года Карл Радек, который был одним из самых важных чиновников Коминтерна и отвечал за Россию, Польшу и Германию, сформулировал уравнение следующим образом: «Если наши капиталистические партнеры воздержатся от контрреволюционной деятельности в России, Советский Союз Правительство воздержится от проведения революции и просветительской деятельности в капиталистических странах»².

Радек был не только откровенен, он был также в правом крыле международного движения; и когда он занимал революционную позицию, это всегда было результатом какого-то прагматического расчета. Однако приведенные выше его слова были продиктованы не его правотой, а исторической напряженностью, о которой мы только что говорили.

Империалисты тоже заметили эту напряженность. Оглядываясь назад, очевидно, что советский дипломат Красин, которому было поручено прорвать коммерческую блокаду, наложенную на Советы, был гораздо больше заинтересован в успехе своей миссии, чем в развитии мировой революции; и британцы заметили эту тенденцию. Британская разведка сообщала, что Красин и советское торговое представительство были гораздо больше заинтересованы в сборе специалистов с Запада,

убеждении русских беженцев вернуться и поставлении российской экономики на ноги, чем в большевистской пропаганде.

Однако в Политбюро лидер большевиков Лев Каменев предложил Торговому представительству сосредоточиться на пропаганде и разоблачении правящих классов Англии в глазах рабочих. Именно Ленин остановил его фантазии: «План товарища Каменева в корне неверен. С Англией дело только в торговле. Мы должны послать в Англию только "купца"»³.

Империалисты пытались понять, кто выступил бы в этих аргументах. Представитель США Баклер докладывал своему президенту Вильсону, что не все большевики хотели примирения. Он даже заявил, что некоторые в России хотят иностранной интервенции, и предупредил, что лидеры с этими тенденциями играли на возрождении пламени революции на Западе в ответ на военное вмешательство. Следовательно, в интересах великих держав было не обращать внимания на ястребов и иметь дело с голубями⁴.

Напряжение между защитой социализма в одной стране и перспективой мировой революции также разделило империалистические столицы. Разжигатели войны, купцы, те, кто считал, что Советская Россия будет подавлена голодом... Однако руки тех, кто стремился к «окончательной конфронтации», были слабыми с обеих сторон. Никто не знал, каким образом Советская Россия могла бы еще больше помочь революции на Западе. С другой стороны, империалисты разочаровались в своих ожиданиях, что большевистское правительство просуществует недолго; и у них не было ни военной доблести, ни благоприятной общественной поддержки, чтобы облегчить решительное вмешательство. Становилось ясно, что социализм и капитализм какое-то время должны сосуществовать, прежде, чем они попытались задушить друг друга в будущем...

Мы уже говорили, что представление о Троцком как «безоговорочном и безоговорочном поборнике мировой революции» было легендой. С другой стороны, утверждать, что именно Сталин разработал политику защиты Советской России и делать все необходимое для установления социализма в одной стране, было бы слишком большой честью для Иосифа Виссарионовича. Сталин понимал это и преуспел в выполнении всего, что было необходимо; но начиная с 1920 года именно Ленин настаивал на том, чтобы по мере утихания революционной волны Советская Россия держалась подальше от авантюры и сосредоточилась на своих собственных проблемах. Первоначально упор делался на то, что «мировая революция прекратит свое существование, но мы должны держаться: "Мы всегда знали и никогда не забудем, что наше дело – международное, и до тех пор, пока революция не произойдет во всех странах, в том числе в самых богатых и наиболее цивилизованных, наша победа будет лишь половинной победой, а может быть, и того меньше. В настоящее время мы побеждаем в борьбе с

¹ Hugh Phillips, "Maxim M. Litvinov and Soviet-American Relations, 1918-1946", Occasional Paper, The Kennan Institute for Advanced Russian Studies, 1996, p.4.

² Quoted in Fiddick, *ibid.*, p.29.

³ Quoted in *ibid.*, p.154.

⁴ Hugh D. Phillips, *Between the Revolution and the West - A Political Biography of Maxim M. Litvinov*, Oxford: Westview Press, 1992, p.36.

Врангелем; мы ожидаем новостей, которые оправдают наши ожидания. Мы уверены, что если нам не удастся захватить Крым в ближайшие несколько дней, мы сделаем это через несколько дней, но у нас нет гарантии, что это последнее усилие мировой буржуазии против нас. Напротив, факты, которыми мы располагаем, показывают, что эти усилия будут повторены весной. Мы знаем, что их шансы на успех будут ничтожны, и мы также знаем, что наши вооруженные силы будут более мощными, чем у любой другой страны. Однако опасность еще не миновала; она все еще существует и будет существовать до тех пор, пока революция не победит в одной или нескольких развитых странах¹.

Однако даже в этот момент Ленин говорил о политике, которая преодолет отсталость России. При этом не будем забывать и о том, что нэп только что начался. НЭП, который для одних означал «трясти поезд» до тех пор, пока не наступит мировая революция, а для других – средство получить необходимую инфраструктуру для строительства социализма даже в наихудших международных условиях!

А возможность того, что мировая революция остановится... Как Ленин это учел? После критики буржуазных экономистов за то, что они принижали революционный кризис как «беспорядки», он повернулся на свою сторону и сказал, что «революционеры иногда пытаются доказать абсолютность кризиса» неразрешима². Он прекрасно понимал, что революционная волна отступала и думал, что те, кто не смирится с этим фактом, утащат международное рабочее движение со скалы вместе с собой и тем самым оставит Советскую Россию беззащитной.

Мировая революция могла не завершиться, но Советская Россия могла остаться. С военной точки зрения Красная Армия доказала, что может наносить удар за ударом, и с каждым годом ее сила увеличивалась в десять раз³. Ленин подчеркивал, что в 1917 году (то есть за три года до написания этих статей), когда рабочие Петрограда стояли бок о бок с большевиками в количестве, которого никто не мог предвидеть, он считал, что Советская власть продержится только с помощью мировой революции: «Когда мы начали работать на свое дело, мы считаем – изд. исключительно о мировой революции»⁴.

Однако с тех пор произошло еще одно непредвиденное событие, и Советская Россия осталась жива, даже если в других странах не произошло дальнейших успешных революций:

"Никто из нас, конечно, не ожидал, что такая неравная борьба, как та, которую ведет Россия против всего капиталистического мира, продлится три года. Выяснилось, что ни одна из сторон – Российская Советская Республика или капиталистический мир – не одержала победы и не потерпела поражения. В то же время оказалось, что, хотя наши прогнозы не сбылись просто, быстро и прямо, они сбылись постольку, поскольку мы достигли главного – сохранилась

возможность существования пролетарской власти и Советской республики даже в откладывается событие мировой социалистической революции. В этой связи необходимо сказать, что международное положение республики сегодня является лучшим и наиболее точным подтверждением всех наших планов и всей нашей политики»⁵.

Революция не могла распространиться дальше на запад, но и контрреволюция не смогла победить Россию. Вот что в двух словах говорит Ленин. Тогда каков его вывод? В отсутствие международной победы, которая была единственным достижением, которое могло гарантировать успех, им пришлось бы сосуществовать с капиталистическими странами, вступить с ними в торговые отношения и в этом процессе завоевать право на независимое существование⁶. Это была не только передышка, это было нечто гораздо более важное⁷.

В 1921 году Ленин говорит более открыто. Рабочие и крестьяне западноевропейских стран не смогли забастовать в ходе быстрой революции⁸. Мировая революция все еще продолжалась, и экономический кризис в Европе не утихал; «Но в любом случае с нашей стороны было бы безумием предполагать, что вскоре из Европы придет помощь в виде сильной пролетарской революции (...) За последние три года мы научились понимать, что ставя нашу ставку на мировую революцию не означает полагаться на определенный и что ускоряющиеся темпы развития могут привести, а могут и не привести к революции весной»⁹.

В этой неопределенности Ленин придавал большое значение установлению торговых отношений как с Великобританией, так и с США. Он спрашивал: "Правильно ли советское правительство приглашать иностранных капиталистов после изгнания русских помещиков и капиталистов?" и отвечая себе: «Да, это так, потому что, видя, что рабочая революция в других странах задерживается, мы должны принести некоторые жертвы, чтобы добиться быстрого и даже немедленного улучшения положения рабочих и крестьян»¹⁰. Таким образом, проблема голода рабочего класса в России была тесно связана с задержкой мировой революции; и если бы это было отложено дальше, советский порядок в России должен был постоять за себя. Для этого не было альтернативы нэпу, и приходилось делать определенные уступки как иностранному капиталу, так и богатым землевладельцам.

Некоторые большевики считали этот шаг назад необходимой политикой до завершения мировой революции. Однако для Ленина и Сталина это был также период накопления необходимой энергии, которая будет использована для рывка вперед, к социализму.

Октябрьская революция переживала очень тяжелые испытания. Ленин был очень откровенен и честен в своих словах:

Когда мы начали международную революцию, мы сделали это не потому, что были убеждены, что можем предотвратить ее развитие, а потому, что ряд обстоятельств заставил нас начать ее. Мы думали: либо

¹ Lenin, *ibid.*, V.31, p.399.

² *ibid.*, V.31, p.226.

³ *ibid.*, V.31, p.327.

⁴ *ibid.*, V.31, p.397.

⁵ *ibid.*, V.31, p.411.

⁶ *ibid.*, V.31, p.412

⁷ *ibid.*, V.31, p.412

⁸ *ibid.*, V.32, p.116.

⁹ *ibid.*, V.32, p.180.

¹⁰ *ibid.*, V.32, p.368.

международная революция придет нам на помощь и в этом случае наша победа будет полностью обеспечена, либо мы будем вести скромную революционную работу с убеждением, что даже в случае поражения мы послужим делу революции и что наш опыт принесет пользу другим революциям. Нам было ясно, что без поддержки международной мировой революции победа пролетарской революции невозможна. До революции и даже после нее мы думали: либо революция вспыхнет в других странах, в капиталистически более развитых странах, немедленно или, по крайней мере, очень быстро, либо мы должны погибнуть. Несмотря на это убеждение, мы делали все возможное, чтобы сохранить советскую систему при любых обстоятельствах, какими бы ни были обстоятельства, потому что мы знали, что работаем не только на себя, но и на международную революцию. Мы знали это, мы неоднократно высказывали это убеждение еще до Октябрьской революции, сразу после нее, и тогда, когда мы подписали Брест-Литовский мирный договор. И в целом это было правильно.

На самом деле, однако, события пошли не так прямолинейно, как мы ожидали. В других крупных, капиталистически более развитых странах революция не разразилась до сих пор. Правда, можно с удовлетворением сказать, что революция развивается во всем мире; и только благодаря этому международная буржуазия не может нас задушить, несмотря на то, что в военном и экономическом отношении она в сто раз сильнее нас¹.

Сталин, который первым из соратников Ленина согласился с тем, что Советская Россия должна будет стоять в одиночестве в течение длительного периода времени, к концу 1921 года также придерживался этого мнения: "Борьба показала, что мы (рабочие) еще недостаточно сильны, чтобы немедленно положить конец империализму. Но борьба также показала, что они (буржуазия) уже недостаточно сильны, чтобы задушить Советскую Россию. Вследствие этого исчез, испарился «испуг» или «ужас», вызванный пролетарской революцией в мировой буржуазии, когда, например, Красная Армия наступала на Варшаву. В то же время исчезает безграничный энтузиазм, с которым рабочие Европы принимали почти все новости о Советской России. Наступил период трезвого взвешивания сил, период молекулярной работы по обучению и накоплению сил для будущих сражений"².

Некоторые могут подумать, что Сталин предал революцию. Однако подход здесь полностью ленинский и направлен на подготовку партии, рабочего класса и страны с реалистичными оценками к тяжелым испытаниям. Сталин предупреждал, что по мере постепенного восстановления стабильности в Европе рабочие массы потеряют интерес к революции в России. Люди склонны смотреть на то, что ближе, а не на то, что находится на горизонте.

Моих цитат из Ленина и Сталина должно хватить. С 1920 года идея о том, что мировая революция будет развиваться медленнее чем ожидалось, и революция в Европе будет отложена, в Москве стало преобладать. Однако каждый видный большевик делал из этой идеи свой вывод.

А как насчет коммунистов, борющихся в западных странах? Что им было делать? Ленин их постоянно предупреждал. Посмотрим дальше, он осуждал тезис о перманентном кризисе, оскорблял тех, кто на этом настаивал, и время от времени приходилось говорить: «Вам предстоит очень долгий путь к революции». Однако всего пару лет назад Коминтерн указывал на захват политической власти небольшим группам, которые проделали лишь несколько шагов к революции.

Таким образом, революция не была осуществлена, и теперь Ленин, представляя коммунистическим партиям долгий и трудный период борьбы и подготовки, также подчеркивал, что они не должны пренебрегать задачей защиты Советской России. Защита Советской России требовала установления «хороших» отношений с западными странами. И одним из условий установления «хороших» отношений было то, что Советы должны перестать раздувать там пламя революции. Ленин с трудом отвечал своим товарищам, которые протестовали, «но в 1917 году вы тоже были небольшой партией», но заранее присылает очень убедительные аргументы своей пронизательностью: "Когда революция подготовлена в достаточной мере, понятие «массы» становится другим: несколько тысяч рабочих больше не составляют массы. Это слово начинает обозначать что-то еще. Понятие «массы» претерпевает изменение, так что оно подразумевает большинство, и не просто большинство одних рабочих, но большинство всех эксплуатируемых. Любое иное толкование недопустимо для революционера, и любое другое значение слова становится непонятным. Возможно, что даже небольшая партия, например британская или американская, после того, как она досконально изучит ход политического развития и познакомится с жизнью и обычаями беспартийных масс, в благоприятный момент вызовет революционное движение (товарищ Радек указал на забастовку шахтеров как на хороший пример). У вас будет массовое движение, если такая партия выступит со своими лозунгами на таком момент и удастся убедить миллионы рабочих следовать ему. Я бы не стал вовсе отрицать, что революцию может начать очень маленькая партия и довести до победного конца. Но нужно знать методы, которыми можно завоевать массы. Для этого необходима тщательная подготовка революции. Но вот товарищи выступают с утверждением, что надо немедленно отказаться от спроса на «большие» массы. Им нужно бросить вызов. Без тщательной подготовки вы не добьетесь победы ни в одной стране. Достаточно небольшой партии, чтобы возглавить массы. Иногда в больших организациях нет необходимости.

Но чтобы победить, нужно иметь сочувствие масс. Абсолютное большинство не всегда необходимо; но для завоевания и удержания власти важно не только большинство рабочего класса – я использую термин «рабочий класс» в его западноевропейском смысле, то есть в смысле промышленного пролетариата, – но также и большинство рабочих, работающее и эксплуатируемое сельское население"³.

Ленин был чрезвычайно принципиальным революционером, но он никогда не был механическим или просто чертежником. Никто не должен сомневаться в этом: он никогда бы не сказал этого в 1919 году. Это не были «истины», которые следовало

¹ Ibid, V.32, p.479-480

² Stalin, ibid., V.5, p.119-120.

³ Lenin, ibid., V.32, p.476.

бы озвучивать, когда шаги «революции» были слышны повсюду в Европе¹. Однако теперь революционная волна отступала, а Ленин рисковал выступить против упрямства, когда ситуация требовала:

«Динамические тенденции», «переход от пассивности к активности» – все эти фразы левые эсеры использовали против нас. Сейчас они сидят в тюрьме, защищая там «цели коммунизма» и думая о «переходе от пассивности к активности»².

Язык, который он выбрал в разговоре с теми, кто не видел, что революция отступает в Европе, показывает, насколько напряженным и тревожным был Ленин. Он был прав, когда беспокоился, потому что коммунисты постоянно совершали ошибки, колеблясь вправо и влево в Европе, особенно в Германии. Кроме того, влиятельные имена в Коминтерне неуклюжи в управлении процессом. Как будто всего этого было недостаточно, прошедшие годы выявили еще один факт, касающийся защиты Советской России: значительная часть рабочих, которые сопротивлялись враждебным действиям по отношению к Советам и сопротивлялись милитаристским предприятиям своих правительств, все еще находились под властью влияния социально-демократических партий. Они колебались или не хотели, когда дело доходило до революционного восстановления, но им также были противны попытки разрушить Советскую Россию. Москва должна была занять эту «дружественную» народную базу, что было особенно заметно в Британии, если она хотела остаться.

И Ленин, и Сталин прекрасно понимали, что две противостоящие социальные системы могли сосуществовать только на временной основе. Война была неизбежна, но теперь им обоим нужно было тянуть время и использовать его по максимуму.

Конечно, «противник» тоже заметил эту стратегию, сложившуюся в Советской России, но у него были связаны руки. Павел Милуков, который был одним из самых хитрых членов временного буржуазного правительства, свергнутого большевиками в 1917 году, писал, что «коммунизм» предназначен для следующего этапа – этого мировой революции и для более развитых индустриальных стран.

В России они были удовлетворены тем, что оставались большевиками, чтобы удержать власть до тех пор, пока не наступит второй этап, и использовать огромные ресурсы и государственный аппарат России, чтобы ускорить наступление этой Мировой революции»³. Он не ожидал великого толчка к построению социализма, который Советы предприняли бы несколько лет спустя, но он осознал временный характер их отступления.

Ленин ушел из активной политической жизни в самый критический момент (1923 г.) этого переходного периода. И для Сталина, как для следующего скачка в мировой революции, так и для победы в неизбежной войне, укрепление Советской России было необходимостью. Остальные, включая Троцкого, приняли бы эту стратегию до этого момента. Однако Сталин считал, что укрепление Советской России должно было идти в сторону социализма; в противном

случае слабость осталась бы и поражение стало бы неизбежным.

Здесь было две стратегии; стратегия тех, кто придавал особое значение политической власти в России внутри мировой революции и революция тех, кто этого не сделал.

Это выходит за аргумент, что с НЭП, семена для создания социализма в одной стране были посеяны. Призыв к сдержанности, обращенный к коммунистическим партиям Запада, также становится невозможным понять без стратегии «социализма в одной стране». Теоретическое обоснование этих шагов наезд Грамши в то время и почти абсолютное преобладание лозунга «то, что произошло в России, здесь не имеет значения», впоследствии в европейских левых были либо из-за недопонимания периода 1917-1924 годов, либо из-за преднамеренного искажения фактов.

[В некоторых текстах] Грамши исследует особые условия коммунистической революции в «социально» развитых странах Запада. Существование в таких странах компактного «гражданского общества», служащего базой для «государства-правительства», побуждает его предложить новую революционную стратегию, которая в искусстве политики соответствует переходу от война движения к войне положения в военном искусстве. Поскольку есть все шансы, что революционное наступление, направленное на свержение государственного аппарата, потерпит неудачу и потерпит поражение в «окопах» и «укреплениях» гражданского общества, рабочий класс должен прежде, чем получить контроль над «гражданским обществом», наступление и осуществление своей гегемонии над ним: «Социальная группа может и должна уже осуществлять «лидерство» до того, как завоеует государственную власть (это действительно одно из главных условий завоевания такой власти); впоследствии он становится доминирующим, когда использует власть, но даже если он твердо держит его в своих руках, он также должен продолжать «вести»»⁴.

Грамши – великий теоретик и очень ценный марксист, но эта приписываемая ему стратегия не имела аналогов ни на западе, ни на востоке, ни на севере, ни на юге.

Наконец, запрет фракций в партии большевиков в 1921 году также должен быть связан с переходом к процессу «социализма в одной стране». Партия, в которой каждый танцевала под свою дудку, которая менялась во все стороны в своих отношениях с мировой революцией и, что самое главное, несла в себе совершенно противоречивые представления о том, что нужно делать внутри Советский Союз нужно было сплотить немедленно. Ленин в своих предупреждениях указывал на то, что партия представляла врагу фрагментированный образ: «Коммунисты стали слабыми, давите, ухватитесь за возможность, воспользуйтесь их ослаблением. Это стало лозунгом враждебного мира. Мы не должны забывать об этом ни на минуту. Наша задача сейчас – показать, что, насколько бы мы ни позволяли себе эту

¹ Следует отметить, что Ленин подчеркивает философское значение термина «массы». В революционной борьбе числа всегда относительны и, следовательно, никогда не являются определяющими.

² Ibid., V.32, p.472.

³ Paul N. Miliukov, *Russia To-day and To-Morrow*, New York: The Macmillan Company, 1922, p.46.

⁴ Jacques Texier, «Gramsci, Theoretician of the Superstructures», in *Gramsci and Marxist Theory* (C. Mouffe, ed.), London: Routledge & Kegan Paul, 1979, p.66.

роскошь в прошлом, правильно или ошибочно, мы должны выйти из этой ситуации"¹.

Ленин был полон решимости сохранить Советскую Россию в вертикальном положении при любых обстоятельствах. В письме Сталину и Каменеву от 28 августа 1922 г. он говорил, что не хочет ни одного лишнего слова в адрес Германии и что Францию и Англию нельзя беспокоить. Этим странам ничего не угрожало.

К тому времени защита Советской России была показана как основная задача мировой революции и в Коминтерне: "Работа и борьба Советской России за существование, за завоевания революции – это борьба за освобождение эксплуатируемых и угнетенных пролетариев всех стран от их цепей и порабощения. Русские пролетарии сделали больше, чем свой долг, как революционные борцы авангарда мирового пролетариата"².

Последнее предложение не означало «это все от нас». Советское правительство готовилось к решающей конфронтации. План электрификации (ГОЭЛРО), курируемый Лениным, был одним из шагов, которые должны были обеспечить материальную основу в предстоящей войне. Сталин, осознавший масштабы испытания, ожидающего страну, писал Ленину о плане: "В течение последних трех дней у меня была возможность прочитать [книгу] симпозиума: План электрификации России. Моя болезнь сделала это возможным (это дурной ветер, который никого не дует!). Отличная, хорошо составленная книга. Virtuозный набросок действительно единого и действительно государственного хозяйственного плана, не в кавычках. Единственная марксистская попытка в наше время поставить советскую надстройку экономически отсталой России на реально практичной технической и производственной базе, единственно возможной в нынешних условиях.

Вы помните прошлогодний «план» Троцкого (его тезисы) по «экономическому возрождению» России на основе массового применения труда неквалифицированных крестьянско-рабочих масс (трудовой армии) к остаткам довоенная

промышленность. Каким жалким и отсталым по сравнению с планом Гоэлро!"³.

Ленин говорил, что мир временный, и война вернется. Капитализм и социализм могли существовать бок о бок, но не могли жить в мире. Один в конце концов победил бы другого⁴.

Советская Россия, а затем Советский Союз рассматривали вопрос о выживании с точки зрения интересов мировой революции и ставили свое существование в центр этих интересов. Михаил Фрунзе, сменивший Троцкого на посту военного комиссара после того, как вступил с ним в бесчисленную полемику и, к сожалению, скончался в очень раннем возрасте, при подготовке Красной Армии к предстоящей войне очень четко предупреждал: "Внешняя форма тех внутренних отношений, которые зависят от меняющихся условий и хода борьбы, может претерпевать изменения; состояние открытой войны может уступить место некоторым видам договорных отношений, которые допускают до определенного уровня мирное сосуществование противоборствующих сторон. Однако эти договорные формы не меняют статуса основополагающего характера этих внутренних отношений. И необходимо полностью осознать и открыто признать, что общее параллельное существование нашего пролетарского Советского государства с государствами буржуазно-капиталистического мира в течение длительного периода невозможно"⁵.

По его словам, грядущая война должна была иметь классовое содержание, и два противоборствующих мира вступили бы в смертельный конфликт. История Советов после Ленина развивалась вокруг этого предвидения. По мере того как Сталин выполнял свой руководящий долг в строительстве страны, которая была одновременно мощной и имела социалистический характер, его непоследовательные или неверные товарищи выпадали из борьбы один за другим. Те, кто оказался без цели после временного поражения мировой революции, и те, кто стремился укрепить Советы для следующего испытания мировой революции, расходились.

Роль Коммунистического Интернационала в формировании Коммунистической партии Филиппинских островов (1930)

Хосе Мария Сисон¹

В 2019 году мы отмечаем 100 столетие со дня создания Третьего или Коммунистического Интернационала (Коминтерна) на его Первом конгрессе, который прошел в Москве 2-6 марта 1919 года. Коминтерн сыграл важную роль в деле создания и развития коммунистических партий во многих странах и в продвижении мировой пролетарской революции. Это имело далеко идущее революционное влияние и последствия после его роспуска в 1943 году.

Коминтерн был логическим результатом победы Великой Октябрьской социалистической революции, которая сделала Россию центром мировой пролетарской революции. Он стал явным отказом от обанкротившейся оппортунистической и ревизионистской линии Второго Интернационала, которая превратила социал-демократов в социал-шовинистов и социал-пацифистских прислужников империализма в деле капиталистической эксплуатации, колониализма и ведении агрессивной войны.

¹ Lenin, *ibid.*, V.32, p.168-169.

² Четвертый конгресс Коммунистического Интернационала, «Резолюция о русской революции», дата обращения: 16 мая 2020 г. <https://www.marxists.org/history/international/comintern/4th-congress/russian-Revolution.htm>.

³ Stalin, *ibid.*, V.5, p.50.

⁴ Lenin, *ibid.*, V.31, p.457.

⁵ Цитируется по Уолтеру Дарнеллу Джейкобсу, Фрунзе: Советский Клаузевиц (1885–1925), Гаага: Мартинус Нийхофф, 1969, стр.101 (сноска 4).

Даже когда большевики находились в состоянии гражданской войны и интервенции держав Антанты, Ленин видел необходимость создания Коммунистического Интернационала для продвижения пролетарской революции, особенно в Германии и других европейских странах, истощенных мировой войной. Он был мотивирован духом пролетарского интернационализма и рассчитывал, что дальнейшие революции в Европе будут способствовать выживанию социалистической революции в России.

Одновременно он признавал революционный потенциал трудящихся народов в колониях Востока по мере разрушения империалистической системы. Советский народ взял на себя историческую миссию – продвигать мировую пролетарскую революцию. Когда революционный поток в Европе пошел на спад, революционный подъем начался на Востоке, особенно в Китае.¹

I. Коммунистический Интернационал по отношению к колониям, таким как Филиппины

Программа Коминтерна оптимистично провозглашала, что империалистическая система рухнет и что в колониях, среди бывших зависимых малых наций, наблюдается брожение, восстания пролетариата, что грядут победоносные пролетарские революции в некоторых странах, роспуск империалистических армий, полная неспособность правящих классов управлять судьбами народов. В рамках программы предполагалось, что рабочий класс установит коммунистический порядок, уничтожив власть капитала, сделав невозможной войну, отменив государственные границы, превратив весь мир в единое сообщество сотрудничества и осуществит братство и свободу народов.

Великий Ленин обратился к делегатам Конгресса коммунистических организаций народов Востока в Баку 22 ноября 1919 года: «Вы являетесь представителями коммунистических организаций и коммунистических партий разных народов Востока. Я должен сказать, что если русским большевикам удалось пробить брешь в старом империализме, взять на себя необычайно трудную, но и необычайно благородную задачу создания новых путей революции, то вам, представителям трудящихся масс Востока, предстоит еще более великая и еще более новая задача. ... За период пробуждения Востока в современной революции наступает период участия всех народов Востока в решении судеб всего мира, чтобы не быть только объектом обогащения. Народы Востока просыпаются к тому, чтобы практически действовать и чтобы каждый народ решал вопрос о судьбе всего человечества»².

В своих «Тезисах ко II Конгрессу Коммунистического Интернационала» 5 июня 1920 года Ленин заявил: «... во главу угла всей политики Коминтерна по национальному и колониальному вопросу должно быть положено сближение пролетариев и трудящихся масс всех наций и стран для совместной революционной борьбы за свержение помещиков и буржуазии. Ибо только такое сближение гарантирует победу над

капитализмом, без которой невозможно уничтожение национального гнета и неравноправия»³.

Далее он писал: «По отношению к государствам и нациям более отсталым, с преобладанием феодальных или патриархальных и патриархально-крестьянских отношений, надо в особенности иметь в виду, во-первых, необходимость помощи всех коммунистических партий буржуазно-демократическому освободительному движению в этих странах; в первую голову обязанность оказывать самую активную помощь ложится на рабочих той страны, от которой отсталая нация зависит в колониальном или финансовом отношении;...»⁴.

Программа Коминтерна гласит: "С точки зрения мировой борьбы пролетариата важнейшими стратегическими задачами Коммунистического интернационала являются задачи революционной борьбы в колониях, полуколониях и зависимых странах. Эта борьба предполагает завоевание под знамена революции широких масс колониального рабочего класса и крестьянства, что невозможно без самого тесного содружества между пролетариатом угнетающих наций и трудящимися массами наций угнетенных".

В странах империализма коммунистические партии должны оказывать систематическую помощь колониальным освободительно-революционным движениям и движениям угнетенных национальностей вообще. Со стороны компартий необходимо открытое признание права колонии на отделение и пропаганда этого отделения, т.е. пропаганда независимости колоний от империалистического государства, признание их права на вооруженную защиту от империализма (т.е. на восстание и революционную войну), проповедь и активная поддержка этой защиты всеми возможными средствами. Такая же линия обязательна для коммунистических партий и по отношению ко всем угнетенным нациям.

На своем 5-м пленуме в марте-апреле 1925 года Коминтерн утвердил свою первую резолюцию по Филиппинам. Это побудило американских коммунистов поддержать национально-освободительное движение на Филиппинах и поощрять формирование Коммунистической партии из революционизированного профсоюзного и крестьянского движения, а также национально-революционной массовой партии из всех групп, активно выступающих за национальную независимость. Через Коммунистическую партию США (до 1930 года известную как Коммунистическая партия рабочих) Коминтерн взял на себя задачу содействия организации коммунистической партии на Филиппинах.

Сами филиппинские рабочие должны были организовать собственную партию с учетом объективных условий и субъективных возможностей. Со времени проведения второго Конгресса в 1920 году Коминтерн принял условия принятия в его ряды, согласно которым все решения Коминтерна являются обязательными для всех связанных сторон, но в то же время он обязал себя и свой Исполнительный комитет учитывать разнообразие условий, в которых различные страны должны бороться, работать и принимать обязательные решения, только по тем вопросам, по которым такие решения были возможны.

¹ ХОСЕ МАРИЯ СИСОН. – Председатель-основатель Коммунистическая партия Филиппин (воссозданная в 1968 году).

² Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – Т. 39. – С. 327-328.

Доклад на II всероссийском съезде коммунистических организаций народов востока, 22 НОЯБРЯ 1919 г.

³ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – Т. 41. – 163.

⁴ Там же. – С. 166.

II. Первые контакты с Коминтерном и американскими коммунистами

Коминтерн создал ряд революционных организаций трудящихся. В их число входили Красный Интернационал профсоюзов (или Профинтерн), который был организован в 1921 году, и Крестьянский интернационал (или Крестинтерн) – в 1923 году. Впоследствии их филиалы были созданы в Китае для охвата Восточного и Тихоокеанского регионов.

Под эгидой Профинтерна 18-24 июня 1924 года в Кантоне (Китай) состоялась Конференция работников транспорта стран Тихоокеанского (Восточного) региона. В ней приняли участие пять филиппинских делегатов. Чтобы дать им возможность присутствовать, американский коммунист Альфред Вагенкнехт (также известный под партийными псевдонимами Уильям Эллиот или Матеус Гирунас) привез приглашение на Филиппины, провел опрос трудовых организаций и организовал поездку избранных делегатов, которые сопровождали его в Кантон.

Делегаты прибыли из разных филиппинских профсоюзов. Они встретились с лидерами рабочего движения из СССР, Китая, Индонезии, Японии, Кореи, Австралии, США, Англии, Франции и обсудили вопросы борьбы. Они привезли домой резолюцию конференции, призывающую к немедленной борьбе за независимость Филиппин от колониального правления США, и резолюцию, призывающую азиатских рабочих и крестьян организовывать профсоюзы и возглавить борьбу против империализма и местных эксплуататоров. По возвращении домой они создали «большевистский секретариат» для выпуска секретного периодического издания.

Так начались связи с организациями Коминтерна, изучение публикаций Коммунистического Интернационала и консультации с коммунистами из США, Китая и Индонезии, которые в конечном итоге помогли стимулировать левую тенденцию в филиппинском рабочем движении на фоне ухудшающихся социальных условий и всплеска антиимпериалистической и классовой борьбы.

С 1924 по 1928 год кадры компартии США (известной до 1925 года как Рабочая партия Америки, а затем как Рабочая Коммунистическая партия), которые были связаны с китайским Тихоокеанским отделением Профинтерна, посетили Филиппины и наладили связи с филиппинскими профсоюзными лидерами. Среди них были Харрисон Джордж (представлявший профсоюз американских железнодорожников) и Эрл Браудер (до того, как он стал секретарем Всетихоокеанского Секретариата профсоюзов). Они представляли возглавляемую компартией США американскую Профсоюзную образовательную Лигу (TUEL) во Всетихоокеанском филиале Профинтерна, базировавшемся в разное время в Кантоне, Ханькоу и Шанхае.

Был учрежден постоянный Всетихоокеанский профсоюзный Секретариат (PPTUS). От имени американских рабочих Харрисон Джордж выдвинул резолюцию, выражающую солидарность с рабочими и крестьянами на Филиппинах и поддержку их борьбы за национальную свободу и освобождение от эксплуатации. На своей 15-й Конвенции, состоявшейся 30 июня – 1 июля 1927 года, Конгресс Рабочих Филиппин (КРФ) заявил о своей приверженности этому секретариату и обязался прилагать усилия для реализации программы, принятой на конференции в Ханкоу. КРФ и Национальная Федерация

Крестьян Филиппин, НФКФ (Kalipunang Pambansa ng mga Magbubukid ng Pilipinas) установили связи с компартией США. НФКФ также установил контакты с Крестинтерном.

III. Визит Евангелисты в Москву и филиппинские рабочие-студенты

В марте 1928 г. Профинтерн пригласил Крисанто Евангелисту и Сирило Богнота из КРФ для участия в 4-м съезде Профинтерна в Москве. В то же время Крестинтерн также пригласил Хасинто Манахана из НФКФ принять участие в конференции. По пути в Москву они заехали в Шанхай в феврале, чтобы проконсультироваться с Эрлом Браудером и другими товарищами. Евангелиста и Манахан пробыли в Москве три месяца. Они подолгу вели дискуссии и обсуждали различные вопросы с политическим Секретариатом Коминтерна, и прежде всего – вопрос об организации на Филиппинах передовой партии рабочего класса.

20 апреля 1928 года Секретариат принял резолюцию «Основные задачи коммунистов на Филиппинах». Он выдвинул следующие положения: «Основным и необходимым условием для создания Коммунистической партии является формирование иницирующей Коммунистической группы, созданной на основе революционного духа марксизма-ленинизма, из товарищей, которые уже изучили основные уроки опыта международного коммунистического движения, которые смогут применять этот опыт к особым условиям рабочего движения на Филиппинах, и которые смогут взять на себя постепенное преобразование Трудовой партии (Партидо Обреро) в партию масс, в эффективную коммунистическую партию».

Евангелиста предложил отправить филиппинских рабочих учиться в Москву в апреле 1928 года. Он посетил Коммунистический университет трудящихся Востока и побеседовал с директором и координаторами образования Профинтерна и Крестинтерна. Ранее, в октябре 1927 года, после своего визита на Филиппины в сентябре Харрисон Джордж уже рекомендовал Коминтерну ежегодно приглашать шесть филиппинцев учиться в Москве в Коммунистическом университете.

По возвращении на Филиппины Евангелиста организовал обучение трех молодых рабочих в Москве. Они учились в Коммунистическом университете трудящихся Востока. Это была специальная школа для студентов из Азии, подготовительная, для поступления в Высшую Ленинскую школу. Соучениками филиппинцев были студенты из Китая, Индокитая, Монголии, Кореи, Индии, Индонезии и автономных советских азиатских республик на Кавказе и в Сибири. Самое большое количество иностранных студентов составляли китайцы.

Среди изучаемых в университете предметов были диалектический и исторический материализм, политическая экономия, мировая история, история трудового движения, естественные науки, физика и математика. Студенты также получали начальную военную подготовку и ездили на общеобразовательные экскурсии. Их преподавателями были англоговорящие советские профессора и американский коммунист Юджин Деннис, который читал лекции по организации работы профсоюзами. Позже он отправится на Филиппины под именем Тима Райана.

Один из молодых филиппинских рабочих закончил полный трехлетний курс и вступил в Комсомол. Американский коммунист Сэм Дарси, назначенный в Коминтерн, проводил для него брифинги по партийной

работе. После возвращения на Филиппины в ноябре 1931 года, он стал активно участвовать в работе партийного образования. Еще один молодой филиппинский рабочий, окончивший только два года обучения, вернулся на Филиппины и 30 мая 1931 года стал делегатом Первого съезда КПФ.

В июне 1929 года еще два филиппинских рабочих были отправлены в Москву учиться в Коммунистический университет трудящихся Востока. Эмилио Макланг закончил трехлетний курс и остался еще на год в Москве для перевода текстов и документов на филиппинский национальный язык. По возвращении на Филиппины в 1933 году он был избран главой второго состава руководства. Он стал подпольным секретарем КПФ после того, когда легальные лидеры КПФ были посажены в тюрьму, а затем в 1931 году изгнаны из страны.

Американские коммунисты оказали огромную помощь для филиппинских товарищей при формировании КПФ. Представители других национальностей, особенно китайцы, также оказывали помощь, тем более что у них были свои трудовые и молодежные организации на Филиппинах. Филиппинское отделение Коммунистической партии Китая (КПК) было создано в начале 1920-х годов, значительно опередив создание Коммунистической партии Филиппинских островов (КПФ). "Товарищ Си", возглавлявший вышеупомянутое направление, был близким товарищем Крисанто Евангелиста в профсоюзном движении.

Китайские коммунисты организовали филиппинскую китайскую Федерацию труда (PCLF). Она имела тесные связи с филиппинскими профсоюзными и рабочими организациями. В октябре 1929 года Коммунистическая партия Китая и ее Лига молодых коммунистов решили, что китайские коммунисты должны содействовать усилиям Трудовой партии Филиппин по формированию Коммунистической партии Филиппинских островов (КПФ). В то же время контакты КПК на Филиппинах с Профинтерном осуществлялись через руководство Трудовой партии. Когда представители американской компартии перебрались из Китая во Владивосток, китайские профсоюзные активисты на Филиппинах продолжали получать публикации на китайском языке через Трудовую партию.

IV. Создание Коммунистической партии Филиппинских островов

За год до создания Коммунистической партии Филиппинских островов (КПФ) Великая депрессия охватила мировую капиталистическую систему. Экономические и социальные условия резко ухудшились. Трудящиеся массы рабочих и крестьян охватили волнения. Распространились забастовки рабочих и крестьянские восстания. Активно распространялся призыв к национальной независимости против колониального режима США, усилилась классовая борьба против местных компрадорских крупных буржуазных и помещичьих классов. Объективные условия для создания КПФ были вполне обоснованными.

27 из 35 трудовых федераций и ассоциаций отделились от существующего профсоюзного объединения, чтобы сформировать Пролетарский

Трудовой конгресс Филиппин (КАП¹). КАП и Национальная федерация крестьян на Филиппинах (КРМР²) превратились в организованную массовую базу потенциальной КПФ. Всетихоокеанский секретариат профсоюзов признал КАП в качестве законного представителя организованных рабочих на Филиппинах. Возглавляемая американской компартией Профсоюзная Лига единства зарезервировала место в своем национальном исполнительном комитете для представителя КАП в знак уважения к этой организации.

После образования КАП был создан Комитет передовой Рабочей партии для вербовки первых членов будущей компартии. К июню 1930 года их было 96. Пятьдесят процентов составляли промышленные рабочие, 25% – ремесленники и служащие. Большинство из них были набраны из профсоюзов КАП. Примерно в это же время 60 китайских коммунистов, проживавших и работавших на Филиппинах и состоявших в КПК и ее Молодежной Лиге, выразили готовность вступить в ряды КПФ, при сохранении автономии своей китайской ячейки.

Коммунистическая партия Филиппинских островов была создана на учредительном съезде 26 августа 1930 года, где был избран и первый Центральный комитет в составе 35 членов. Политбюро состояло из Крисанто Евангелисты, Антонино Д. Оры, Хасинто, Манасана, Хуана Фелео, Феликса Кагина, Урбано Арсеги и китайского "товарища Си". Оно избрало Евангелисту в качестве генерального секретаря и Антонино Д. Ору в качестве председателя. Впоследствии партия была официально объявлена на публичном митинге 7 ноября 1930 года, в ознаменование годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Во время митинга 3 000 из 6 000 присутствовавших на нем рабочих и крестьян заполнили заявления о вступлении в партию.

Среди целей КПФ были следующие: борьба за немедленную, полную и абсолютную независимость Филиппин, борьба за свержение американского империализма, который доминировал на Филиппинах, борьба против эксплуатации, за отстаивание демократических свобод в борьбе за свержение капиталистической системы, укрепление единства рабочего движения, за единство рабочих и крестьян; борьба с реформизмом и оппортунизмом в рабочем движении, установление советской или коммунистической формы правления под властью и руководством народных масс, объединение с революционным движением на международном уровне, включая Советский Союз и освободительные движения в колониях.

В отличие от других коммунистических партий в Восточной Азии, КПФ была создана легально и открыто, несмотря на провозглашаемую ею цель свержения американского империализма и капиталистической системы. Поэтому она была уязвимой для объявления ее вне закона, что произошло несколько месяцев спустя после ее создания. Колониальные власти США вели тщательное наблюдение и сорвали законные массовые действия новообразованной партии в 1931 году. Они произвели массовые аресты руководителей КПИ и делегатов Первого Съезда Партии. Они выдвинули обвинения в подстрекательстве к мятежу и незаконной ассоциации против партийных лидеров, которые были впоследствии приговорены к тюремному заключению и ссылке, в 1933 году после серии судебных апелляций.

¹ Katipunan ng mga Anakpawis ng Pilipinas.

² Kalipunang Pambansa NG Mra Magbubukid NG Pilipinas.

V. Первый съезд новообразованной партии

Вскоре после основания КПИ Коминтерн направил американского коммуниста Юджина Денниса (он же Тим Райан) на Филиппины, чтобы изучить ситуацию в партии и доложить о ней. Он сообщил, что КПФ имеет значительное влияние, и что ее создание имеет огромное значение для рабочих, крестьян и для революционного движения в целом и закладывает основу для быстрого развития национально-освободительного движения под руководством класса пролетариата. Но он также выяснил, что партия серьезно отстает в развитии забастовочного движения среди рабочих (с немногочисленными забастовками во главе с КПФ) и в организации растущего массового недовольства крестьянства.

Следуя рекомендациям Денниса в его отчете "Нынешняя ситуация на Филиппинах и ближайшие задачи Коммунистической партии", Коминтерн посоветовал КПФ провести первый съезд партии в течение ближайших шести месяцев и провести интенсивную подготовку к нему на первичном уровне партии, включая обсуждение проекта программы. Партия была предупреждена, что ее юридическое существование будет кратковременным, поскольку американский финансовый капитал готовится ее подавить. Поэтому было рекомендовано создать подпольный аппарат, который не был бы изолирован от масс и все же был бы связан с ними через массовые организации и массовую борьбу.

КПФ воспользовалась советом Коминтерна и провела свой первый конгресс 30 мая 1931 года. 400 делегатов представляли все слои трудящихся. Резолюции касались политических и организационных проблем в соответствии с рекомендациями Коминтерна. Дух пролетарского интернационализма выразился в резолюции солидарности с китайскими рабочими, в поддержку Советского Союза и в решениях об укреплении связей между КАП и Всетихоокеанским секретариатом профсоюзов, а также с Лигой Профсоюзного единства, возглавляемой КП США. Съезд принял резолюцию, официально ходатайствующую о присоединении к Коминтерну. КПФ получил ответ 7 сентября 1931 года следующего содержания:

"Исполнительный комитет Коммунистического Интернационала приветствует образование КПФ и утверждает решение 1-го Конгресса КПФ в мае 1931 года о присоединении к Коминтерну. Это решение будет представлено 7-му Всемирному конгрессу Коминтерна для утверждения.

Создание новой ячейки Коминтерна на Филиппинах отражает стремительный рост национально-революционного движения в колониальных странах. Более того, оно знаменует собой исторический перелом в развитии филиппинской революции от предательского пути национального реформизма на путь организованной революционной борьбы под знаменем Коммунистической партии, авангарда рабочего класса. Это свидетельствует о развитии революционного подъема на Филиппинах и о политическом пробуждении филиппинского пролетариата и крестьянских масс. В нем выражается их решимость бороться за революционный выход из капиталистического кризиса, за полное и немедленное освобождение Филиппин от господства американского

империализма и его туземных лакеев, за создание рабочего и крестьянского правительства.

Организованная кристаллизация коммунистического движения на Филиппинских островах и его принадлежность к Коминтерну – лидеру мировой организованной революции – означает также координацию национально-освободительного движения на Филиппинах с революционной борьбой в других колониальных и полуколониальных странах и с пролетарским движением в СССР и в капиталистических странах, особенно в Соединенных Штатах, и является самой надежной гарантией для победоносного осуществления антиимпериалистической и аграрной революции на Филиппинах. Одновременно она укрепляет международный боевой фронт рабочих и крестьян и колониальных рабов во всем мире и выражает их растущую уверенность в борьбе под руководством Коминтерна, который один способен помочь и направить их к победе в борьбе за окончательное освобождение от ига империализма".

VI. Подпольные годы работы КПФ, 1933-1937

Сразу же после того, как колониальные власти США расправились с партией в 1931 году, членство в КПФ резко сократилось, – с 2 000 человек до нескольких сотен. Это было членство с низким общим уровнем идеологического и политического сознания, без опыта и организационной подготовки отражения репрессий. Руководство КПФ еще не применяло марксизм-ленинизм всесторонне и глубоко на базе филиппинской истории и с учетом местных обстоятельств для определения характера филиппинского общества и соответствующего этапа филиппинской революции, ее друзей и врагов, ее стратегии и тактики, ее основных задач и перспектив.

После выхода из тюрьмы лидеры КПФ были сосланы в различные провинции Филиппин. Они могли бы легко избежать изгнания и пойти по пути антиимпериалистической и аграрной революции. Но они этого не сделали. Они предпочли оказаться там, куда их сослали, хотя и продолжали поддерживать связи с подпольем КПФ.

Будучи лидером второго состава руководства, Эмилио Макланг, который учился в Москве под эгидой Коминтерна, занял место Евангелисты с 1933 по 1935 год. Он не смог остановить ослабление организации КПФ. Туманда Руфино заменил его на посту генерального секретаря с 1935 по 1938 год. Он был филиппинским членом компартии США и основал филиппинскую антиимпериалистическую лигу в Бруклине. Он осуществлял курс на взаимодествование с компартией США в рамках Коминтерна. Он не смог предотвратить сокращение членства в КПФ до 197 человек к 1938 году.

Хотя членов в партии осталось мало, активные члены партии имели широкое влияние в профсоюзном движении на фабриках в Маниле и в отдельных городах центрального Лусона. Кроме того, возглавляемая КПФ Лига защиты демократии приобретала все большее влияние среди городской мелкой буржуазии, особенно интеллигенции. Ее ядро включало несколько университетских интеллектуалов, филиппинских членов компартии США (д-р Висенте Лава был ярким тому примером), которые вернулись на Филиппины. Народный фронт был образован в 1936 году как единый антифашистский фронт. Это дало, действовавшей в

условиях подполья КПФ, более широкие возможности для маневрирования.

Несмотря на то, что партия работала в нелегальных условиях, она смогла, при поддержке КП США, направить делегацию в составе трех человек на чрезвычайно важный 7-й Всемирный конгресс Коминтерна в 1934 году. Поскольку съезд был перенесен на 1935 год, то они смогли целый год учиться в Коммунистическом университете труженников Востока.

7-й Конгресс Коминтерна 1935 года сделал акцент на развитии широкого антифашистского и антивоенного единого фронта коммунистических и некоммунистических сил и на объявлении фашистских держав в качестве самой серьезной опасности для человечества. Конгресс также одобрил заявку КПФ от 1931 года на членство в Коминтерне, хотя и условно – из-за неспособности КПФ разместить ведущие кадры в московском штабе.

Партия из пяти филиппинских молодых коммунистов отправилась в Москву в 1935 году через Китай и Транссибирскую железную дорогу. Их сопровождала активистка компартии США Изабель Ауэрбах, жена писателя Сола Ауэрбаха, известного под псевдонимом Джеймс Си Аллен. Филиппинцы смогли вернуться в 1937 и 1938 годах через Западную Европу и Соединенные Штаты. Дальнейшие попытки КПФ отправить филиппинцев в Москву через Китай и Транссибирскую железную дорогу потерпели неудачу в 1936 и 1937 годах из-за полномасштабной войны Японии против Китая.

У КПФ с самого начала был весьма похвальный послужной список пролетарского интернационализма. Она поддерживала революционные движения индонезийского, китайского, индокитайского, малайского, индийского и других народов против колониальных держав и их марионеток. Филиппино-китайские коммунисты, принадлежащие к КПФ, либо поддержали китайскую революцию с Филиппин, либо отправились в Китай, чтобы присоединиться к КПК и Китайской Народной армии. Филиппинские члены компартии США присоединились к батальону Авраама Линкольна, чтобы сражаться на стороне испанских республиканцев против фашистских сил Франко в гражданской войне в Испании.

VIII. Легализация КПФ и слияние КП и СП

В 1936 году американская компартия направила Джеймса С. Аллена (настоящее имя – Сол Ауэрбах) на Филиппины, чтобы способствовать реализации среди филиппинских коммунистов антифашистской линии Народного фронта, принятой 7-м Всемирным конгрессом Коминтерна. Она также поручила ему заняться освобождением заключенных и сосланных лидеров КПФ и легализацией КПФ, а также изучить возможность слияния КПФ и Социалистической партии во главе с Педро Абадом Сантосом. Аллен приехал на Филиппины в качестве корреспондента престижного либерального американского журнала "The Nation". Он и его жена Изабель Ауэрбах оставались в стране с августа по ноябрь 1936 года.

Они очень хорошо знали подпольного генерального секретаря КПФ Руфино Туманду, который был членом компартии США в Нью-Йорке. Он организовал встречу Крисанто Евангелистой с Гильермо Каппадосией и с Бальгосом Мариано в местах их ссылки. В конце концов, он организовал конференцию для 25 центральных

кадров для брифинга и консультаций с ним о ситуации, взглядах и планах КПФ. Он также имел возможность проконсультироваться и развивать тесные отношения с Педро Абадом Сантосом, председателем Социалистической партии, с верховным епископом филиппинской независимой церкви Грегорио Аглипаем и с представителями интеллектуальных кругов.

20 сентября 1936 года Центральный Комитет КПФ издал манифест под названием "Вперед, на формирование народного фронта". Он призвал к объединению всех организаций трудящихся, крестьян и среднего класса, а также политических и социальных групп, которые выступали против политики правительства Содружества, в частности коалиции Кесон-Осменья, и были готовы работать для улучшения социальных условий и достижения национальной независимости. В нем провозглашалась цель Народного фронта – "спасти филиппинский народ от опасности империалистической войны, диктатуры и фашизма, улучшить условия жизни масс и добиться независимости".

В 1937 году Кесон использовал свои президентские полномочия, чтобы освободить изгнанных лидеров КПФ путем условного помилования. Сначала они отказались принять условия освобождения. Но 16 октября 1937 года они согласились на освобождение. По просьбе компартии США Кесон разрешил Крисанто Евангелисту лечиться от туберкулеза в Советском Союзе, где он пробыл более года.

Вопреки реальности колониального правления США, 7 сентября 1937 года Центральный Исполнительный комитет КПФ выступил с заявлением, в котором говорилось, что только немедленное признание независимости Филиппин спасет Филиппины от возможного вторжения Японии. Это заявление побудило Джеймса С. Аллена написать длинное письмо председателю Социалистической партии Педро Абаду Сантосу, чтобы объяснить, что требование немедленной независимости или согласие США на такое требование будет именно приглашением к вторжению для Японии. Письмо служило четким уведомлением для КПФ направить свой огонь против угрозы со стороны японского фашизма. Гораздо раньше, в 1936 году, в схожей ситуации, в связи с предстоящим нападением Японии на Индокитай, Коммунистическая партия Индокитая отозвала требование независимости от Франции, по совету Французской коммунистической партии в рамках Коминтерна.

18 августа 1938 года Джеймс С. Аллен вернулся на Филиппины для участия в консультациях по подготовке и проведению важных собраний КПФ. 28-30 августа 1938 года ЦК КПФ провел заседание для обсуждения и утверждения двух документов – "Меморандума об основных задачах КПФ" и "Независимость, демократия и мир". В меморандуме было заявлено, что главной задачей КПФ является организация Национального Демократического фронта против японского милитаристского фашизма как главного препятствия на пути создания независимой Демократической Республики Филиппины и за обеспечение ее безопасности.

29-31 октября 1938 года состоялся третий съезд КПФ на тему: "За Национальный демократический фронт, против реакции и японской агрессии, за безопасность, демократию, мир и свободу!". Он ознаменовал переход КПФ от

нелегального положения на работу в рамках законности. КПФ приняла правительство Содружества, его конституцию и обещание США о независимости, которое должно быть предоставлено в 1946 году. Конгресс также послужил для слияния КПФ и Социалистической партии – в новую Коммунистическую партию Филиппин (КПФ). Он утвердил новую Конституцию партии и избрал новый центральный комитет, который, в свою очередь, избрал политическое бюро. Высшими партийными руководителями стали Крисанто Евангелиста в качестве председателя, Педро Абад Сантос – в качестве заместителя председателя и Гильермо Кападосия – в качестве генерального секретаря.

Начиная с 1938 года, угроза японского вторжения стала отчетливо ощущаться на Филиппинах. Японские экономические интересы и прояпонские политики, бизнесмены и организации стали чрезвычайно заметными, что вызывало тревогу. Японская агрессия в Китае и против Индокитая послужила предупреждением всем азиатским народам. Китайские жители на Филиппинах активно выступали в поддержку Китая в борьбе против японского фашизма. Гражданская война в Испании также сильно ощущалась на Филиппинах, поскольку испанские супербогачи (семьи Роксас, Сориано, Айала, Зобель и Ортигас) и доминирующие в Испании доминиканские и прочие религиозные ордена вызывающе встали на сторону фалангистов Франко, а прогрессивные силы и народ выступали против них.

Менее чем за два месяца до японского вторжения, 8 декабря 1941 года Центральный Комитет КПФ призвал свои организованные массы подготовиться к вооруженному сопротивлению и назначил вторую линию руководства во главе с доктором Висенте Лавой, чтобы взять на себя руководство в случае, если первая линия руководства будет ликвидирована японскими захватчиками. Действительно, председатель Евангелиста, заместитель председателя Педро Абад Сантос и генеральный секретарь Кападосия вскоре были захвачены в Маниле японскими фашистами.

Народная Антияпонская Армия (Hukbalahap) была основана только 29 марта 1942 года, и план создания

Объединенного корпуса обороны Баррио был также разработан с опозданием. Основные лидеры КПФ не обратили внимания на призывы “товарища Си” и других китайских товарищей на Филиппинах построить народную армию и включить в нее китайских бойцов, чьи подразделения стали известны как “Ва Чи”. Именно в ходе борьбы с японской оккупацией в период с 1942 по 1945 год КПФ смогла бы развить вооруженную революционную мощь, провести земельную реформу, расширить массовую базу и создать местные органы политической власти.

В 1940 году, после принятия правительством США закона Вуорхиса, компартия США была выведена из состава Коминтерна, так как этот закон требовал от нее зарегистрироваться в Генеральной прокуратуре США в качестве иностранного агента Советского Союза, стремящегося свергнуть правительство США. Тем самым КПФ утратила связь с Коминтерном. 15 мая 1943 года Коминтерн принял резолюцию о самороспуске из-за бушующих условий войны.

Заключительные слова его резолюции были следующие: “Президиум исполнительного комитета Коммунистического Интернационала, будучи в условиях мировой войны не в состоянии созвать Конгресс Коммунистического Интернационала, заявляет, что:

Коммунистический интернационал, как руководящий центр международного рабочего движения, должен быть распущен.

Секции Коммунистического Интернационала должны быть освобождены от обязательств соблюдать правила и положения и решения конгрессов Коммунистического Интернационала.

Президиум призывает всех сторонников Коммунистического Интернационала сосредоточить свою энергию на всемерной поддержке и активном участии в освободительной войне народов и государств антигитлеровской коалиции за скорейшее поражение врага рабочего класса – германского фашизма и его пособников и вассалов“

Из России с любовью: письмо Ленина к американским рабочим¹

Джеймс Х. Уильямс, доктор философии

Вместо предисловия

На исходе 1917 года передовые отряды трудового народа Америки внимательно следили за развитием революционных событий в России, а левое крыло Социалистической партии и ряд профсоюзов США горячо приветствовали победу «большевистской революции». Классовые тред-юнионисты в США связывали с ней надежды на завоевание лучшего будущего пролетариатом во всем мире. Несмотря на правительственную блокаду и пропагандистское извращение информации о шестивидии идей Великого Октября по планете, правда о первых шагах первой в мире Страны Советов преодолела все моря и океаны и стала достоянием американских трудящихся. По признанию газеты «Class Struggle», свержение власти капитала в России знаменовало «превращение духовных

устремлений к социалистической революции и факт непосредственной и животрепещущей важности для всего мира». В знак солидарности с Советской Россией рабочие индустриального города Сизтла в декабре 1917-го горячо приветствовали «славный русский пролетариат, который первым одержал победу над капиталом».

Весомую роль в распространении информации о «большевистской революции» в России сыграл заход российского судна «Шилка» в порт Сизтла на тихоокеанском побережье США в конце 1917 года. Под влиянием Великого Октября в Сизтле был создан один из первых Советов рабочих, солдат и матросов, направивший выражение своей солидарности пролетариям Советской России в феврале 1918 г. «Братья и сестры! – говорилось в нем, – Центральный рабочий Совет Сизтла ... рад воспользоваться

¹ Перевод с английского А.Г. Арсенко

посещением русским пароходом «Шилка» этого порта для того, чтобы послать вам наш братский привет и выразить вам нашу чистосердечную надежду на успех ваших усилий превратить Россию в свободную республику, отвечающую условиям политической и промышленной демократии».

К сожалению, история пребывания «Шилки» под красным флагом в Сиэтле не получила надлежащего отражения в советской историографии. В этой связи большой интерес для наших читателей представляет публикуемая ниже статья прогрессивного американского исследователя Дж. Уильямса «Из России с любовью», любезно предоставленная автором нашему изданию. В ней проливается яркий свет на историю подготовки и написания В.И. Лениным «Письма к американским рабочим», а также на его доставку в США.

Определенное представление о масштабах популяризации этого ленинского послания в американской рабочей среде и его значении в развитии классового сознания и протестного движения в США дают труды советских историков. В академической «Истории США»¹ подчеркивается, что в 1918 г. в левосоциалистической прессе в США были опубликованы первые декреты Советской власти и несколько статей В.И. Ленина, в т.ч. его «Письмо к американским рабочим». На страницах «Новейшей истории США. 1917–1960»², принадлежащей перу видного советского американиста Н.Н. Яковлева, со ссылкой на американские источники, приводятся данные, что ленинское письмо, адресованное американским трудящимся, было опубликовано в США общим тиражом в 5 млн. экземпляров.

Вне всякого сомнения, послание В.И. Ленина американским рабочим сыграло важную роль в формировании массового прогрессивного движения солидарности со своими братьями по классу на Родине Великого Октября под лозунгом «Руки прочь от Советской России!». В рамках этого движения американские пролетарии решительно потребовали прекращения американской интервенции в Россию и отзыва американских войск из России. Грузчики и моряки Сиэтла первыми в США отказались грузить и перевозить военное снаряжение для белогвардейцев. Их примеру последовали портовики Балтимора, Портленда и других портов в США. После разгрома Красной Армии оплота иностранной интервенции против революционной России на тихоокеанском побережье и возвращения американской военщины домой, Лига друзей Советской России в США развернула кампанию за оказание материальной помощи советским трудящимся, оказавшимся под угрозой голода в результате военной интервенции и блокады. Активистами и участниками этого движения было отправлено несколько десятков пароходов с продовольствием, машинами и другими грузами в Советскую Россию. Они были приобретены на средства, собранные Лигой друзей Советской России. Вклад передовых рабочих и прогрессивной интеллигенции США в дело поддержки первой в мире Страны Советов получил высокую оценку со стороны В.И. Ленина. «В Америке, в самой сильной и молодой капиталистической стране, – писал он, – громадное сочувствие рабочих масс к Советам».

В этом контексте статья Дж. Уильямса, посвященная анализу событий, предшествующих становлению движения солидарности с Советской Россией в США, заслуживает особого внимания. Приоритет во введении в научный оборот многих фактов, приведенных в данной статье, принадлежит ее автору, активному участнику и организатору студенческого и профсоюзного движения. Я познакомился с ним во время научной командировки в США в далекие 1970-е годы. Он оказал мне огромную помощь в сборе и осмыслении материалов для подготовки кандидатской диссертации, посвященной исследованию профсоюзного движения в США, за что я ему благодарен на протяжении всей жизни. За непродолжительное время знакомства с ним у нас сложились хорошие, дружеские отношения, он называл меня «братом» в соответствии с принятой в американских профсоюзах формой обращения «братья и сестры». По словам Джеймса, он искал меня почти полвека и, наконец, нашел в прошлом году с помощью Интернета. Это позволило нам возобновить сотрудничество на научной ниве. Первым результатом «ренессанса» наших отношений стала статья Дж. Уильямса.

С согласия автора я с чувством глубокого удовлетворения представляю ее читателям международного теоретического журнала «Марксизм и современность», число посетителей сайта которого в США, по данным интернета, устойчиво занимает одно из первых мест среди его посетителей из более чем 90 стран.

А.Г. Арсеенко, кандидат исторических наук

Незадолго до Рождества, 21 декабря 1917 года странное грузовое судно зашло в залив Эллиотт в Сиэтле. Это судно несло незнакомый флаг – красный флаг. Это был российский корабль «Шилка» из Владивостока, Россия. Всего за несколько недель до этого в России произошла большевистская революция и ее лидер Владимир Ленин провозгласил государство рабочих и крестьян.

Отцы города Сиэтла были встревожены этим зрелищем. В конце концов, они только что пережили бурную забастовку на предприятиях пиломатериалов. Центральный совет профсоюзов АФТ (Американской федерации труда – прим. переводчика) занимался рядом местных проблем. С какой целью прибыл этот корабль? Ходили слухи, что он перевозит оружие и золото, чтобы способствовать революции в Сиэтле и США.

США только что вступили в Первую мировую войну, «Великую войну». Еще в апреле патриотический пыл был на пике. А новое революционное правительство в России объявило мир с нашим немецким врагом. Этот корабль мог быть потенциальной угрозой.

Учитывая эти опасения, портовые власти отказали российскому судну «Шилка» в заходе в порт, и оно застряло в гавани. Но всегда находчивым большевистским матросам удалось выбраться на берег и установить контакт с IWW (с классовым профессиональным союзом «Индустриальные рабочие мира» – прим. переводчика) и рабочим движением. (Некоторые моряки-социалисты из судовой команды «Шилки» – ранее жили в США и говорили по-английски).

¹ Том третий. 1918-1945. М.: «Наука», 1985.

² М.: Издательство социально-экономической литературы, 1961.

В конце концов, судно пришвартовалось к причалу № 5. Досмотр обнаружил, что его грузом были не оружие и не золото, а фасоль, горох и корень солодки, предназначенные для Балтимора. И, о да, какая-то подозрительная русская водка с добавлением красного перца.

К этому времени, конечно же, заголовки газет по всей стране кричали о «большевистском загадочном корабле» и заговорах по линии IWW. Лидер социалистов Юджин В. Дебс прокомментировал это следующим образом: «Все, что происходит в наши дни и не нравится правящим классам, возлагается на IWW».

Социалистическая ежедневная газета Сиэтла «Socialist Daily Call» регулярно публиковала статьи о «Шилке» журналистки Анны Луизы Стронг. Несмотря на то что Центральный совет профсоюзов АФТ критиковал IWW, профсоюзный журнал «Seattle Union Record» также выразил озабоченность по поводу российских моряков и того, как с ними обращаются. Центральный совет труда также подготовил письмо российским рабочим с выражением братских приветствий и наилучших пожеланий всем, кто хочет «установить истинную и свободную индустриальную демократию» в России. Отделение IWW в Такоме в своем послании приветствовало революцию и заявило о своей поддержке «всемирного содружества промышленного пролетариата, основанного на братстве людей».

Николай Крюков, большевик из матросского комитета, несколько раз встречался с членами IWW и рассказывал на их собраниях о революции и о том, чего она надеется достичь. Члены IWW, вероятно во главе с лесорубом Роем Брауном, написали поздравительное послание российским рабочим под названием «Николаю Ленину и представителям большевистского правительства, а через них – рабочим России». Моряки тщательно спрятали это письмо на своем судне.

Когда 5 января судно выходило из порта, толпа более чем из 200 доброжелателей приветствовала его. Оркестр исполнил «Марсельезу» – фактически гимн русских рабочих. Моряки тщательно скрывали послания IWW и Центрального трудового совета Сиэтла, которые они должны были доставить во Владивосток.

После ухода «Шилки» из Сиэтла последовала реакция правых: офисы газеты «Socialist Daily Call» были сожжены дотла, а несколько местных радикалов были арестованы.

«Шилка» пришвартовалась во Владивостоке, газета «Красное знамя» напечатала письмо IWW 20 марта 1918 года. Сообщение Центрального трудового совета Сиэтла было поручено доставить капитану-небольшевику, который, по-видимому, сбежал с корабля во время дозаправки в Японии. Больше ничего не было слышно о нем, и письмо было потеряно для истории. В ноябре 1920 года Крюков познакомился с Лениным на конференции. Ленин сказал ему, что он прочитал письмо IWW и ответил на него. Когда Ленин узнал, что Крюков и его товарищи были на «Шилке» в Сиэтле, он горячо его обнял.

Ленин написал свой ответ 26 августа 1918 г. Это было очень мрачное и опасное время для революции. Армии

США, Великобритании, Франции и Японии вторглись в Россию, пытаясь подавить революцию. Мятежные генералы Колчак, Врангель, Деникин, Юденич и другие начали гражданскую войну, направленную на восстановление царского самодержавия. Войска США высадились в Мурманске, а затем, начиная с августа 1918 г., во Владивостоке. К концу сентября 7500 американских военнослужащих, участвовавших в интервенции против Советской России, вели военные операции из Владивостока. Около 3000 канадских и австралийских вояк были отправлены Великобританией. Колчак руководил ужасающе жестоким «правительством», которое приводило в ужас даже союзные войска. Один канадский солдат писал: «Как бы ни осуждали большевистские методы, канадцы в Сибири не могли ни слышать, ни видеть ничего, что внушало бы нам какое-либо доверие к правительству Колчака... до наших ушей доходили истории о работе этого правительства, которое наслаждалось Цезарем Борджиа больше, чем любым демократическим правительством»¹.

Однако основной контингент войск прибыл в Сибирь из Японии. По оценкам, численность японских войск достигала 70 000 человек. Стало очевидным, что японцы заинтересованы в возвращении сибирских земель, потерянных в прошлых войнах с Россией.

Когда 11 ноября 1918 года немцы подписали перемирие, американские и другие оккупационные войска остались в России и не ушли из нее до января 1920 г. Японцы оставались там до 1922 г. и продолжали оккупировать остров Сахалин, который русские взяли обратно в 1945 г.

А что же насчет письма Ленина американским рабочим?

Ленин отчаянно нуждался в выводе американских войск из Сибири и прекращении помощи контрреволюционерам. Он признавал важность США в коалиции союзников и в качестве будущего торгового партнера.

Когда Ленин закончил свое письмо, встал вопрос: как его доставить? Опять же, это был русский моряк, которому поручили отбыть в Америку и проследить за тем, чтобы письмо было опубликовано. Ему также было передано секретное письмо президенту Вудро Вильсону от Ленина, который призывал к установлению мирных и дружественных отношений. (Вильсон никогда не раскрывал содержание этого письма).

Письмо Ленина к американским рабочим было передано Джону Риду, только что вернувшемуся из России и принявшемуся печатать это письмо в социалистических газетах и других изданиях.

Итак, что сказал Ленин?

Во-первых, он стремился установить связь между американской революцией 1776 года и русской революцией 1917 года²:

«История новейшей, цивилизованной Америки открывается одной из тех великих, действительно освободительных, действительно революционных войн, которых было так немного среди громадной массы грабительских войн, вызванных, подобно теперешней

¹ Борджиа Цезаре (1474 или 1475—1507), итальянский политический и военный деятель. Во время похода против полунезависимых княжеств севера Италии в 1499 г. отличался крайней свирепостью, его войска разграбили несколько городов, не щадя мирных жителей – прим. переводчика.

² Выдержки из ленинского «Письма к американским рабочим» приводятся по: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Том 37. М. 1963. – С. 48-64 – прим. переводчика.

империалистской войне, дракой между королями, помещиками, капиталистами из-за дележа захваченных земель или награбленных прибылей. Это была война американского народа против разбойников англичан, угнетавших и державших в колониальном рабстве Америку, как угнетают, как держат в колониальном рабстве еще теперь эти «цивилизованные» кровопийцы сотни миллионов людей в Индии, в Египте и во всех концах мира».

Ленин также прокомментировал Гражданскую войну в Соединенных Штатах: «В американском народе есть революционная традиция, которую восприняли лучшие представители американского пролетариата, неоднократно выразившие свое полное сочувствие нам, большевикам. Эта традиция – война за освобождение против англичан в XVIII веке, затем гражданская война в XIX веке. В 1870 году Америка в некоторых отношениях, если взять только «разрушение» некоторых отраслей промышленности и народного хозяйства, стояла позади 1860 года. Но каким бы педантом, каким идиотом был бы человек, который на таком основании стал бы отрицать величайшее, всемирно-историческое, прогрессивное и революционное значение гражданской войны 1863-1865 годов в Америке!»

Представители буржуазии понимают, что свержение рабства негров, свержение власти рабовладельцев стоило того, чтобы вся страна прошла через долгие годы гражданской войны, бездны разорения, разрушений, террора, связанных со всякой войной. Но теперь, когда дело идет о неизмеримо более великой задаче свержения наемного, капиталистического, рабства, свержения власти буржуазии, – теперь представители и защитники буржуазии, а равно социалисты-реформисты, запуганные буржуазией, чурющиеся революции, не могут и не хотят понять необходимости и законности гражданской войны».

Указывая на революционные и социалистические традиции американских рабочих, Ленин добавил:

«Американские рабочие не пойдут за буржуазией. Они будут с нами, за гражданскую войну против буржуазии. Меня укрепляет в этом убеждении вся история всемирного и американского рабочего движения. Я вспоминаю также слова одного из самых любимых вождей американского пролетариата Евгения Дебса, который писал в «Призыве к Разуму» («Appeal to Reason») – кажется, в конце 1915 года – в статье «What shall I fight for» («За что я буду сражаться»), – (я цитировал эту статью в начале 1916 года на одном публичном рабочем собрании в Берне, в Швейцарии), – что он, Дебс, дал бы себя скорее расстрелять, чем вотировать кредиты на теперешнюю, преступную и реакционную войну; что он, Дебс, знает лишь одну священную, законную, с точки зрения пролетариев, войну, именно: войну против капиталистов, войну за освобождение человечества от наемного рабства».

Ленин, конечно, знал, что помощь еще не находится в пути и что потребуются всемирные усилия, чтобы гарантировать успех российских социалистов:

«Мы знаем, что помощь от вас, товарищи американские рабочие, придет еще, пожалуй, и не скоро, ибо развитие революции в разных странах идет в различных формах, различным темпом (и не может идти иначе). Мы знаем, что европейская пролетарская революция может и не разгореться еще в ближайшие недели, как ни быстро зреет она в последнее время. Мы ставим ставку на неизбежность международной

революции, но это отнюдь не значит, что мы, как глупцы, ставим ставку на неизбежность революции в определенный короткий срок. Мы видели две великих революции, 1905 и 1917, в своей стране и знаем, что революции не делаются ни по заказу, ни по соглашению. Мы знаем, что обстоятельства выдвинули вперед наш, российский, отряд социалистического пролетариата, не в силу наших заслуг, а в силу особой отсталости России, и что до взрыва международной революции возможен ряд поражений отдельных революций».

Дошла ли статья Ленина до рабочих Сиэтла? Это как-то сыграло роль во всеобщей забастовке 1919 года? Это еще не решенный вопрос, и мы оставим его на другой раз, но есть надежда найти ответ.

Bibliography

Lenin's Collected Works. Vol. 28. (1965). Moscow: Progress Publishers, pp. 62-75.

LeWarne, C. (2000). The Russian Steamer Shilka. The Seattle Times Magazine, February 16, 1975; Arizona and the West, Spring 1978.

Richard, Carl J. (2013). When the United States Invaded Russia. Lanham, MD: Rowman & Littlefield Publishers, Inc.

Shields, A. (1970). The Story Behind Lenin's Letter to American Workers. New York. New Outlook Publishers.

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ

Социализм с китайской спецификой¹ (Маркетизация китайской экономики)²

Харпал Брар

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

ЧАСТЬ I. КРАТКИЙ ОБЗОР СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ КИТАЯ

Глава 1. От опиумных войн до культурной революции

ЧАСТЬ II. КУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Глава 2. Культурная революция

Глава 3. Официальная оценка культурной революции

Глава 4. Противоположный взгляд

ЧАСТЬ III. МАРКЕТИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ

Глава 5. Деколлективизация

Глава 6. «Реформа и открытость»

Глава 7. Подробнее о маркетизации экономики

ЧАСТЬ IV. ТЁМНАЯ СТОРОНА «РЕФОРМ»

Глава 8. Здравоохранение и образование

Глава 9. «Политика одного ребенка»

Глава 10. Рост частного богатства

Глава 11. Строительная отрасль и рынок недвижимости

Глава 12. Гора долгов

Глава 13. Валютные резервы

Глава 14. Оппозиция «реформам»

ЧАСТЬ V. ЗАПАД ПРОИГРАЛ СВОЮ СТАВКУ НА КИТАЙ?

Глава 15. Создание мировых чемпионов

Глава 16. Государственная и частная собственность

Глава 17. Сделано в Китае, «Один пояс, один путь» и торговая война

Глава 18. Китайско-африканские отношения

ЧАСТЬ VI. ВОЙНА И МИР

Глава 19. Война и мир

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Глава 20. Связано ли возвышение Китая исключительно с рынком?

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. Некоторые вопросы политической экономики и теории

II. Контрреволюционный мятеж 4 июня 1989 г.

III. В защиту Цзян Цин

ПОСТСКРИПТУМ

Коронавирус и кризис 2020 года (Р. Брар)

Список использованной литературы

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мне очень не хотелось писать на тему, о которой пойдет речь в этой книге. По следующим двум основным причинам:

Во-первых, побуждаемый инстинктом самосохранения, я чувствовал, что сейчас не время заводить новых врагов, поскольку у меня их уже больше, чем достаточно.

Во-вторых, я чувствовал нехватку информации о той ожесточенной борьбе, которая происходила среди высшего руководства КПК. В отличие от идеологической и политической борьбы, которая происходила в ВКП (б) во времена Ленина и Сталина, о которой можно было прочитать во всех подробностях – что отстаивала каждая сторона раскола, в случае с КПК многое происходило вдали от общественного внимания и все, что появлялось на публике, предоставлялось в аллегорической форме, часто граничащей с неясностью. Постоянно приходилось читать между строк. Это, однако, не означало, что полемика между Мао и его сторонниками, с одной стороны, и Лю Шаоци и Дэн Сяопином и их сторонниками, с другой, не была реальной и содержательной.

Тем не менее, мои близкие товарищи уговорили, более того, даже заставили меня написать эту книгу. Таким образом, как видите, эта работа, используя выражение Энгельса, «...отнюдь не есть плод какого-либо "внутреннего побуждения"»³

«Главное, чего особенно добивается буржуазия всех стран и ее реформистские прихвостни», – говорил Сталин, – «это то, чтобы искоренить в рабочем классе веру в свои силы, веру в возможность и неизбежность его победы и тем самым увековечить капиталистическое рабство. Ибо буржуазия знает, что если капитализм еще не свергнут и он продолжает все еще существовать, то этим он обязан не своим хорошим качествам, а тому, что у пролетариата нет еще достаточной веры в возможность своей победы. Нельзя сказать, чтобы старания буржуазии в этом направлении оставались вполне безуспешными. Нужно признать, что буржуазии и ее агентам в рабочем классе удалось в известной мере отравить душу рабочего класса ядом сомнений и неверия. Если успехи рабочего класса нашей страны, если его борьба и победа послужат к тому, чтобы поднять дух рабочего класса капиталистических стран и укрепить в нем веру в свои силы, веру в свою победу, то наша партия может сказать, что она работает не даром. Можно не сомневаться, что так оно и будет»⁴.

В безжалостной борьбе империализма против социализма, в его попытках подорвать веру рабочего

¹ Ред. - Мы публикуем некоторые главы из книги Харпал Брара "Социализм с китайской спецификой (Маркетизация китайской экономики)".

² Перевод на русский язык Н. Дойникова и М. Скворцовой.

³ Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом. Предисловие ко всем трем

изданиям. - Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. - М.: Государственное изд-во политической литературы, 1961 г. - Т. 20. - С. 5.

⁴ Сталин И.В. Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б) 10 марта 1939 года. Сталин И.В. Сочинения. – Т. 14. – М.: Издательство "Писатель", 1997. - С. 340.

класса в неизбежность его победы, буржуазия уделяет особое внимание области экономической теории. В этой области наиболее важную роль сыграл один аргумент, а именно, что без рынка якобы невозможно иметь эффективную экономику. И, следуя этой посылке, проводится аргумент, что поскольку цель социализма – упразднить рынок, это не может не привести к неизлечимой неэффективности и бюрократии, которые неизбежно вызовут всемогущий кризис, который может быть разрешен только путем повторного утверждения рыночных отношений. Этот аргумент сводится к утверждению, что капиталистический способ производства – это далеко не исторически обусловленная переходная фаза в развитии человеческого общества, а якобы заключительная стадия человеческого развития.

Вышеупомянутое утверждение о вечности рынка, а точнее, вечности капитализма, было совершенно справедливо отвергнуто в свое время марксистами-ленинцами во всем мире с презрением, которое оно заслуживало тогда, как оно действительно заслуживает его и сейчас. Ситуация, однако, кардинально изменилась с триумфом на XX съезде КПСС (б) хрущевского ревизионизма, развитие которого пытаются объяснить этим аргументом, а сам факт этого развития, в свою очередь, тоже придает большую силу этому аргументу.

По мнению буржуазных экономистов, социализм страдает двумя основными недостатками: во-первых, в отсутствие рыночных цен социализм якобы неспособен производить эффективные экономические расчеты и, во-вторых, он якобы не в состоянии обеспечить организаторам производства столь же эффективный стимул как мотив получения прибыли.

Это отнюдь не так. Правда заключается как раз в обратном. Противоречие между производительными силами и производственными отношениями составляет единственную основу социалистической революции. Поскольку производственные отношения при капитализме сильно отстают от развития производительных сил, они становятся тормозом для производительных сил и замедляют их развитие, вызывая повторяющиеся кризисы перепроизводства (с их разрушительными последствиями) до тех пор, пока пролетариат посредством революции не осуществит прекращение старых производственных отношений заменяя их новыми производственными отношениями, которые выступают в качестве основного стимула к развитию производительных сил. Чтобы убедиться в этом, достаточно лишь иметь некоторые знания о развитии производительных сил в бывшем Советском Союзе, который был единственной страной в 30-х годах прошлого века, развивавшейся семимильными шагами, в то время, как производительные силы в капиталистическом обществе прозябали в состоянии застоя.

Отнюдь не лишенная стимулов, социалистическая экономическая система впервые в истории человечества освобождает труд от функции тяжелого бремени, которым он является при капитализме, превращая его в дело славы и чести, которые трудящиеся берут на себя, чтобы построить новый мир для себя и своих детей.

В отличие от оракулов буржуазной политической экономии, марксизм считает, что товарное производство несовместимо с социализмом и коммунизмом. Существование рынка и товарного производства в странах, переживших до сих пор социалистические революции, следует объяснять не только как пережиток капитализма, но и как его неполное развитие, например, в дореволюционных России и Китае. Победивший пролетариат в этих странах составлял лишь незначительное меньшинство населения, тогда как крестьянство составляло подавляющее большинство. Существование товарного производства в рассматриваемых нами странах было результатом существования наряду с общественным производством кооперативного сельского производства, продукция которого находилась в собственности различных коллективных хозяйств и кооперативов.

При этом государство распоряжалось только продукцией государственных предприятий, а продукция колхозов, являясь их собственностью, находилась только лишь в их распоряжении. А поскольку колхозы в то время не желали отчуждать свой продукт, кроме как в виде товаров, в обмен на которые они получали нужные им товары, поскольку колхозы не признавали никаких других отношений с городом, кроме товарных, этим и объясняется продолжение существования товарного производства.

Если будут существовать не два основных сектора производства, государственный сектор и кооперативный сектор, а только «один всеобъемлющий производственный сектор с правом распоряжаться всей потребительской продукцией страны», то *«товарное обращение с его "денежным хозяйством" исчезнет, как ненужный элемент народного хозяйства»*¹.

Именно по этой причине Сталин твердо придерживался мнения, что *«исчезновение этого существенного различия между сельским хозяйством и промышленностью должно иметь для нас первостепенное значение»*².

Именно поэтому он выступал за введение таких мер, как обмен продуктами, которые постепенно сужали бы сферу товарного обращения и расширяли бы сферу обмена продуктами.

Марксистско-ленинская позиция состоит в том, что товарное производство и обращение, существование рынка несовместимо с коммунизмом, и, следовательно, функция социализма состоит в том, чтобы ликвидировать рынок. Напротив, ревизионизм, следуя примеру буржуазных экономистов, верит в «рыночный социализм», согласно которому продолжающееся существование товарно-денежных отношений при социализме далеко не просто наследие капитализма, а является внутренней потребностью социалистической экономики, которая требует не только сохранения рынка, но и его расширения.

Товар – это продукт, который может быть продан любому покупателю, и когда его владелец продает его, он теряет право собственности на него, а покупатель становится владельцем товара, который он может перепродать, заложить или позволить ему сгнить. Товары – это такие предметы, *«которые производятся внутри общества, состоящего из частных производителей, –*

¹ Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. – Сталин И.В. Сочинения. – М.: Издательство «Писатель», 1997. – Т. 16. - С. 164.

² Там же. - С. 173.

производятся этими частными производителями за частный счет и обмениваются ими один на другой»¹.

Опять же, говорит Энгельс: «Что такое товары? Это – продукты, произведенные в обществе более или менее обособленных частных производителей, т.е. прежде всего частные продукты. Но эти частные продукты только тогда становятся товарами, когда они производятся не для собственного потребления, а для потребления другими людьми, стало быть, для общественного потребления; они вступают в общественное потребление путем обмена»².

«Непосредственно общественное производство, как и прямое распределение, исключает всякий товарный обмен, следовательно, и превращение продуктов в товары (по крайней мере, внутри общины), а значит и превращение их в стоимости»³.

Там, где существует товарное производство, должен существовать и закон стоимости. Стоимость, как и закон стоимости, является исторической категорией, связанной с существованием товарного производства. С исчезновением товарного производства исчезают и стоимость, и ее формы, и закон стоимости.

При социализме закон стоимости строго ограничен и не действует как регулятор производства (то есть как регулятор распределения труда между различными отраслями производства).

Почти все формы ревизионистской теории придерживаются товарного характера всех продуктов при социализме. Приняв буржуазные теории о вечности рынка, ревизионисты внесли огромный вклад в подрыв веры рабочего класса в свои собственные силы и тем самым помогли продлить капиталистическое рабство.

При социализме товарное производство продолжается некоторое время как наследие капитализма, которое должно быть окончательно упразднено. Иными словами, товарное производство, которое началось как вспомогательная форма производства в докапиталистических обществах, приобретает общую форму производства при капитализме, продолжает существовать во вспомогательной форме в течение некоторого времени при социализме, прежде чем полностью исчезнуть. Таким образом, наблюдается появление, рост, преобладание, упадок и исчезновение товарного производства.

«...Закон стоимости может быть регулятором производства лишь при капитализме, при наличии частной собственности на средства производства, при наличии конкуренции, анархии производства, кризисов перепроизводства»⁴.

«Экономические реформы» и применение буржуазных норм, таких как прибыль как регулятор производства, реформа цен, в соответствии с которой цены все больше отражают стоимость (цены продукции), усиление акцента на материальных стимулах, прибыльности и независимости отдельных предприятий, производящих для рынка, чьи продукты обращаются друг к другу на рынке как товары – все это со временем сделало централизованное планирование бессмысленным как в бывшем СССР с конца 1950-х

годов, так и впоследствии в КНР с начала реформ в конце 1970-х.

Когда товарное производство получает полную власть, единственные экономические законы и категории, которые имеют смысл, – это законы и категории капитализма (рынка). Каждая производственная система имеет свои собственные законы, которые неотделимы от него. Если предположить, что социализм – это система товарного производства, как это делают «реформисты» (ревизионисты), то сторонники «реформ» будут использовать всевозможные оправдания и аргументы для реализации функционирующего рынка.

Однако такой рынок не может быть создан в одночасье, как бы внезапно. Если бы централизованное планирование было внезапно отменено, это привело бы к экономическому коллапсу, а не к функционированию рынка. Так что для создания такого рынка в Китае необходимо было создать политические и идеологические условия. И в качестве предварительного условия для этого «реформистам» пришлось понизить и несколько дискредитировать Мао, поскольку он был против проведения реформ, согласно которым прибыль стала регулятором производства. Но, в отличие от хрущевских ревизионистов в Советском Союзе, которые предприняли грубую и прямую атаку на Сталина, китайские «реформисты», притворяясь, что чтят Мао, напали на него и политику, связанную с его руководством с конца 1950-х годов, особенно в период его правления, относящийся к Культурной революции, косвенно и исподтишка, то есть, через их нападки на так называемую «Банду четырех», которые были ближайшими соратниками и последователями Мао в те годы.

Та ненависть, с которой были атакованы члены «Банды четырех» и, в более широком смысле, сам Мао, лучше всего объясняется следующим глубоким наблюдением Маркса:

«В области политической экономии свободное научное исследование встречается не только с теми врагами, с какими оно имеет дело в других областях. Своеобразный характер материала, с которым имеет дело политическая экономия, вызывает на арену борьбы против свободного научного исследования самые яростные, самые низменные и самые отвратительные страсти человеческой души – фурий частного интереса. Так, высокая англиканская церковь скорее простит нападки на 38 из 39 статей ее символа веры, чем на $1/39$ ее денежного дохода. В наши дни сам атеизм представляет собой *culpa levis* [небольшой грех] по сравнению с критикой традиционных отношений собственности»⁵.

Как только путем полного пересмотра и прямого искажения марксистской политической экономии была подготовлена почва «реформистами», использовавшими в этом процессе все свои хитрые уловки, обман, подлые приемы и софизмы, они продолжили свое дело реконструкции рынка через серию тщательно спланированных «реформ». Утверждая, что все это делается якобы для консолидации и укрепления

¹ Энгельс Ф. «Анти-Дюринг», Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, издание второе, Госполитиздат. - Т. 20. - С. 203.

² Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, 2-е изд. - Т. 20. С. 316.

³ Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, 2-е изд. - Т. 20. - С. 318.

⁴ Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. Сочинения. – М.: Издательство «Писатель», 1997. – Т. 16. - С. 170.

⁵ Маркс К. «Предисловие к первому немецкому изданию «Капитала», - Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, издание второе, Госполитиздат. - Т. 23. - С. 10.

социализма, «реформисты» развязали пропагандистский шквал, очернив централизованное планирование как «бюрократическое», «ограничительное» и «устаревшее». и постепено начав вводить в действие механизмы, способствующие процветанию рынка.

В той же степени эти «реформы» подорвали планирование, во-первых, за счет сокращения количества плановых индексов, требуемых от предприятий сверху, и выхолащивания остальных индексов из директив (обязательных для предприятий) в простые руководящие принципы (которым предприятия могут выбрать следовать или которые они вообще могут игнорировать) – все во имя прекращения «чрезмерного регулирования» деятельности предприятий. При таком «планировании снизу» роль государства сводилась к установлению экономических ориентиров и попыткам повлиять на отдельные предприятия с помощью различных экономических рычагов, таких как предложение кредитов, процентные ставки и т.д.

В такой системе производство перестает централизованно планироваться на основе общественных потребностей. Регулятор производства мог быть только один, а именно прибыль и рентабельность отдельных предприятий. Назвать такую систему «инструментом социализма» нисколько не меняет сути дела. Никого не должно удивлять, что экономика, работающая по этим принципам, все чаще характеризуется повторяющимися кризисами перепроизводства.

Благодаря «реформам» за последние четыре десятилетия в Китае не только был создан полностью функционирующий рынок, но и этот рынок стал интегрированным с мировым рынком и стал его придатком. Закон стоимости стал регулятором производства; а прибыль стала высшим критерием эффективности.

Изучив китайскую экономику, я смог прийти только к одному выводу, а именно, что то, что китайские товарищи характеризуют как «социализм с китайскими особенностями», является всего лишь эвфемизмом рыночной политики китайской экономики. Любой другой вывод был бы явно неправильным, вредным для рабочего движения в Китае, а также в других странах и нечестным. Я не мог позволить дипломатическим соображениям высказывать нечестные и антимарксистские абсурды: *«Честность в политике есть результат силы, лицемерие – результат слабости»*¹.

Хотя китайская экономика добилась значительного прогресса, а КПК добилась успеха в управлении рыночной экономикой, это дорого обходится, о чем говорится на соответствующих страницах этой книги. Автор этой книги приветствует возвышение Китая, но он также твердо и взвешенно считает, что китайское руководство не пошло бы по пути рыночного социализма, если бы оно продолжало придерживаться системы централизованного планирования, и что Китай добился бы гораздо большего и более сбалансированного экономического развития независимо от капризов империализма, а также разрушительного влияния рынка.

Хотя Китай из-за своего огромного размера оказался бы под прицелом империализма вне зависимости от того, какой бы ни была его экономическая система, его позиции были бы намного сильнее в борьбе с

империалистическими угрозами и вызовами, если бы китайское руководство не пошло по пути маркетизации экономики Китая.

Взгляды, выраженные в этой книге, принадлежат исключительно мне, и вряд ли они понравятся поклонникам рынка. Даже некоторые из тех, кто называет себя маоистами, также будут слишком склонны осуждать меня за некоторые страницы этой книги. Тут ничего не поделаешь.

Я хочу официально выразить свою признательность Элле Рул, председателю Коммунистической партии Великобритании (марксистско-ленинской), без чьей идеологической, политической и моральной поддержки, без чьих технических навыков и неустанной помощи эта книга не смогла бы появиться в свет. Я заканчиваю это предисловие следующими словами, заимствованными у Маркса:

«Я буду рад всякому суждению научной критики. Что же касается предрассудков так называемого общественного мнения, которому я никогда не делал уступок, то моим девизом по-прежнему остаются слова великого флорентийца: *Segui il tuo corso, e lascia dir le genti!* «Иди своей дорогой, и пусть люди говорят что угодно»?

Дехрадун, Индия, 29 февраля 2020 г

ЧАСТЬ III. Маркетизация экономики

5. Деколлективизация

После 11-го съезда партии, Дэн Сяопин и его сторонники продолжили проводить политику «реформ и открытости». С начала периода «реформ» в 1978 году КПК решила, что классовая война окончена, что партия представляет всех, включая предпринимателей и руководителей бизнеса, которых она приветствует в партии. Это изменение дано в формулировке Цзян Цзэминя как «три представления», т.е. что партия представляет а) передовые производительные силы; б) подавляющее большинство китайцев; и с) развитую культуру Китая.

В январе 1979 года Китай установил дипломатические отношения с США, купил три американских самолета Boeing и разрешил Coca Cola открыть завод по разливу напитков в Шанхае. В 1980 году он создал особые экономические зоны (ОЭЗ) для привлечения иностранных инвестиций, провозгласив политику «открытых дверей».

Дэн Сяопин, главный китайский лидер после смерти Мао Цзэдуна и архитектор «реформ и открытости» Китая, заявил, что быть богатым – это великолепно.

В 1978 году за исключением 150 000 индивидуальных предпринимателей, на долю которых приходился 1% ВВП, экономика была полностью государственной и управляемой государством, в то время как сельское хозяйство было коллективным. В 1980 году Дэн предложил «систему ответственности руководителей фабрики», по сути отстранившую партийный комитет от повседневных дел. Предприятиям была предоставлена большая автономия, чтобы решать, сколько и как производить; было разрешено продавать излишки сверх плановых показателей по ценам, которые могут быть на 20% выше или ниже запланированных. Эффект этих мер, как и

¹ Ленин В.И. Poleмические заметки (март 1911 г.). ПСС, 5-е изд. - Т. 20. - С. 210.

предполагалось, сводился к снижению важности централизованного планирования.

К концу 1980-х годов почти все госпредприятия заключали контракты на долгосрочное планирование, согласовывали цены и сохраняли растущую долю своей прибыли для инвестиций. Менеджеры могли претендовать на бонусы.

К 1985 году цены на 40% сельскохозяйственных продуктов, 34% потребительских товаров, продаваемых в магазинах, и 13% фабричных товаров на заводе не регулировались государством.

Дальнейшее ослабление контроля над ценами в 1988 г. с последующим резким ростом инфляции было одной из причин, вызвавших инциденты на площади Тяньаньмэнь в 1989 г.¹

К началу 1990-х Дэн чувствовал себя достаточно уверенно для того, чтобы завершить либерализацию цен, в результате чего к 1995 году на 78% сельскохозяйственных цен, 89% цен потребительских товаров в магазинах и на колоссальные 79% заводских цен регулирование было отменено.

Поскольку поэтапная «реформа» цен в Китае включала двойную систему ценообразования: одну в рамках плана, а другую – в большей степени устанавливаемую рынком, – такая система привела к коррупции, когда местные чиновники набивали себе карманы, закупая материалы по запланированным ценам и продавая товары по более высоким рыночным ценам.

Деколлективизация сельского хозяйства

Первая серьезная «реформа» началась в деревне, где «реформаторы» вскоре после консолидации своей власти в 1979 году приступили к демонтажу коллективной системы. Вначале они использовали более высокие закупочные цены на зерно, чтобы соблазнить крестьян покинуть кооперативы и отправиться в путь самостоятельно, в рамках Системы ответственности домашних хозяйств (HRS), чтобы они могли удерживать дополнительные денежные средства, полученные от продажи своего урожая. Крестьяне попались на эту удочку и приложили все усилия, чтобы увеличить производство²; это привело к значительному увеличению сельскохозяйственного производства в период с 1979 по 1984 год, когда земля была в основном перераспределена между отдельными крестьянскими семьями и деколлективизация завершилась. К 1983 году уже около 98% домохозяйств (почти 300 миллионов) использовали Систему ответственности домохозяйств, всего через 4 года после начала процесса. Первоначально лицензии на обработку земли по этой системе были выданы на 20 лет, но впоследствии они были продлены до 30 лет.

До Освобождения в 1949 году в китайской деревне существовало резкое неравенство, когда огромные массы крестьян стонали под игом феодализма, трудились в самых суровых условиях и владели жалкое существование на грани голода, нищеты, убожества и деградации.

Что касается распределения земли, то 4% домашних хозяйств принадлежали феодальным помещикам, владевшим 30% земли, а 6% домашних хозяйств принадлежали богатым крестьянам, которые нанимали рабочую силу и владели 17% земли; 22% домашних хозяйств принадлежали средним крестьянам-собственникам-фермерам, владевшим 30% земли; 36% домашних хозяйств принадлежали бедным крестьянам, владевшим 14% земли; 24% домохозяйств принадлежали фермерам-арендаторам, а 8% домохозяйств принадлежали сельскохозяйственными рабочими³.

Одним из величайших достижений китайской революции было то, что через конфискацию земель феодалов и их распределения среди огромных масс крестьянства она вырвала корни феодализма из деревни, освободила крестьянство и заложила основы экономического развития деревни путем раскрытия производительных сил, разрушения феодальных пут. В середине 1950-х годов частная собственность на землю была отменена, а сельское хозяйство организовано на коллективной основе.

Между 1978 и 1983 годами в результате принятия HRS коллективизации был положен конец; к концу 1982 года практически все коллективные хозяйства ушли в прошлое. Это был крайне регрессивный шаг с далеко идущими последствиями для сельского хозяйства Китая и сельского населения.

На переходном этапе решающее значение приобретает коллективизация сельского хозяйства, основанная на всестороннем развитии крупной промышленности, способной на современной технической основе реорганизовать сельское хозяйство. И это по той причине, что социалистическое государство не может долго опираться на два разных фундамента – на крупную и единую социалистическую промышленность и на наиболее разрозненное и отсталое мелкотоварное крестьянское хозяйство. Высшей формой крестьянской кооперации является организация колхозов, основанная на общественной собственности на средства производства и коллективный труд, исключая эксплуатацию человека человеком. Не зря коллективизация и ликвидация кулачества как класса характеризовалась в Советском Союзе как «... глубокая революция, скачок от старого качественного состояния к новому качественному состоянию, эквивалентный по последствиям революции Октября 1917 года»⁴.

Точно так же коллективизация в Китае, хотя и не имела того уровня механизации, который лежал в основе советской коллективизации с его машинно-тракторными станциями, все же была колоссальным шагом вперед. Отменить это достижение, как это сделали «реформаторы» посредством деколлективизации китайского сельского хозяйства, было гигантским шагом назад.

Хотя в течение короткого времени после деколлективизации сельскохозяйственное

¹ В основе событий 1989 года лежали три основных фактора: а) проникновение буржуазной идеологии, сопровождавшее начало «реформ», ослабившее влияние марксизма - положение дел, которое поощрялось, а не просто терпимо, властями; б) инфляция, выражаемая двузначными числами, которая в конце 1988 - начале 1989 года составляла 20-30% в год; в) плохие перспективы трудоустройства.

² Вдумчивые члены буржуазного научного сообщества, которые в остальном с энтузиазмом аплодируют HRS, вынуждены признать, что огромные государственные инвестиции Китая в последние десятилетия в сельскую инфраструктуру, особенно в ирригацию, помогли заложить основу для скачка производительности

³ См. Goodman, Class in contemporary China.

⁴ История ВКП(б). - С. 467.

производство увеличивалось, затем оно начало стагнировать по следующим важным причинам:

Во-первых, сельскохозяйственная инфраструктура, построенная в период коммун, вскоре развалилась, поскольку в сельское хозяйство практически не было инвестиций для какого-либо ремонта, не говоря уже о модернизации системы. Во-вторых, с упразднением коммун рабочая сила больше не могла быть мобилизована, как раньше, для крупных сельскохозяйственных проектов. В-третьих, сельскохозяйственная техника начала изнашиваться, а отдельные крестьянские семьи были слишком бедны, чтобы вкладывать средства в новую технику¹. В-четвертых, земля была разделена на такие небольшие участки, что было невозможно эффективно использовать сельскохозяйственную технику, а это вынудило крестьян вернуться к древним способам ведения сельского хозяйства, которые были распространены до коллективизации, с использованием простых сельскохозяйственных орудий.

Буржуазные писатели, которые аплодировали системе семейной ответственности уже по той причине, что она ознаменовала деколлективизацию сельского хозяйства, тем не менее были вынуждены признать, что «типичный крестьянский участок [слишком] мал, чтобы быть основой высокопроизводительного сельскохозяйственного сектора в долгосрочной перспективе, и жалуются на «ужасающе низкий уровень производительности сельского хозяйства»².

Если типичное мелкое крестьянское хозяйство не может быть основой высокопроизводительного сельскохозяйственного сектора, а мы согласны с этим, то есть только два выхода из дилеммы. Один из способов – отказаться от системы семейной ответственности с передачей небольших участков отдельным семьям и повторно коллективизировать крестьянство. Другой способ – передать собственность или почти что собственность мелким владельцам, с тем, чтобы они могли сдавать в аренду, закладывать или продавать свои участки.

Только первый из этих методов может создать процветающую и культурную жизнь крестьянских масс и продвинуть их в направлении социализма. Второй же не может не привести к разорению огромных масс крестьянства, которые, как свидетельствует история, будут лишены своих владений в результате действия рыночных сил, а их земля будет сосредоточена в руках крошечного меньшинства богатых фермеров или агробизнеса.

Колхозный строй, бесспорно, превосходит капиталистическую систему сельского хозяйства и мелкокрестьянское сельское хозяйство:

«Великое значение колхозов в том именно и состоит, что они представляют основную базу для применения машин и тракторов в земледелии, что они составляют основную базу для переделки крестьянина, для переработки его психологии в духе социализма»³.

Посредством деколлективизации сельского хозяйства «реформисты» в Китае в конечном итоге нанесли вред сельскому хозяйству, устранив основу для применения машин, не говоря уже о том, что это остановило процесс преобразования крестьянства в духе социализма.

Но, конечно, «реформисты» не остановились на деколлективизации сельского хозяйства. Они продолжили и приватизацию огромной части китайской промышленности.

Буржуазные идеологи в империалистических странах, а также некоторые интеллектуалы и капиталистические представители в Китае давно спорили и выступали в пользу второго курса. Такому курсу яростно противодействуют марксисты в Китае, которые справедливо считают, что он усугубит неравенство в китайском обществе и узаконит расхищение государственного имущества. Кроме того, они правильно рассматривали приватизацию земли как предвестник требований плюралистической, то есть буржуазной, политической системы.

К сожалению, китайские власти под растущим влиянием частного сектора сделали выбор в пользу почти частной собственности на землю и приняли то, что официальные лица назвали основным законом рыночной экономики. Внесенный в китайский парламент 8 марта 2007 года, он был принят через неделю. Вот как пишет об этом China Today в мае 2007 г.:

«В Большом зале народных собраний раздалась бурные аплодисменты, когда в 10 часов утра 16 марта 2007 года Закон о собственности был принят большинством в 2 799 голосов. Его рассмотрение прошло семь чтений за 13 лет, это было самое длительное рассмотрение гражданского закона в истории законодательства народного Китая».

Этот закон подал официальный сигнал одобрения фактической приватизации, которая происходила в крупных городах с тех пор, как правительство начало передавать государственное жилье работникам госпредприятий. Хотя официально вся городская земля принадлежит государству, арендаторам домов предоставляется более длительный срок аренды, чем в сельской местности (до 70 или 80 лет). С конца 1990-х годов государственные банки выдают ипотечные кредиты – впервые после революции, – и сегодня они составляют значительную часть портфолио банковской системы. Права землепользования покупаются и продаются так, как если бы земельный участок принадлежал арендатору.

Годом позже третий пленум 17-го ЦК КПК, 19 октября 2008 г., заявил о намерении «преобразовать всю сельскую политику». В том, что Синьхуа назвало «эпохальным политическим документом», ЦК разрешил мелким фермерам продавать свое право на обработку земли. Цель заключалась в консолидации земельных владений и поощрении «неэкономичных» фермеров к поиску другой работы.

Символично, что новая реформа произошла накануне 30-летия «реформ» Дэн Сяопина, в результате которых коллективные хозяйства были разрушены и заменены индивидуальными фермерскими хозяйствами в соответствии с Системой ответственности домашних хозяйств.

Решение ЦК заложило основу политики для создания и улучшения рынка передачи прав землепользования, позволяя фермерам передавать свои права путем заключения субподряда, аренды,

¹ Во время более ранних реформ, в конце 1950-х годов, сельскохозяйственная техника уже была передана колхозам - шаг назад, который помешал обновлению основных средств производства, поскольку только у государства есть для этого ресурсы, в дополнение к тому, чтобы ввести в сферу товарного обращения огромное количество продукции.

² Will Hutton, *The writing on the wall* - С. 103.

³ Сталин И.В. *«К вопросам аграрной политики в СССР»: речь на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г. Сочинения. – Т. 12. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1949. - С. 165.*

обмена или создания акционерного общества. Это указывает на сильный толчок к коммерциализации сельского хозяйства.

В соответствии с новым порядком фермеры не будут напрямую владеть своей землей, поскольку земля в Китае «принадлежит народу», но они будут наделены правами, аналогичными тем, которые предоставлены городским жителям, на аренду, продажу или закладные участков, которые они арендуют от местных коллективов по Системе семейной ответственности.

С самого начала этот закон встретил жесткое сопротивление. Впервые он был введен в 2002 году, но был отменен; повторно введенный в 2006 году, он не прошел из-за юридических возражений, поскольку противоречил характеристике КНР как социалистического государства. В конце концов оппозиция ему была подавлена смесью мелких уступок и явного истощения ее сил.

Сторонники приватизации уже давно проводят кампанию по приватизации земли, мобилизуя в процессе миллионы пострадавших фермеров, которые в период «реформ» стали жертвами захвата земель без особой компенсации или возмещения ущерба со стороны застройщиков и коррумпированных местных чиновников. По достоверным оценкам, с 1992 по 2007 год около 20 миллионов фермеров были изгнаны со своих земель¹. Споры по поводу самовольного захвата земель, которых в 2007 году было официально зарегистрировано 170 000 случаев, стали причиной большинства беспорядков, названных властями «массовыми инцидентами».

О степени несогласия с этим законом можно судить по заявлениям о его несоответствии социалистическим принципам, подчеркнутой при его принятии².

Говоря словами злорадствующего буржуазного журналиста: «Но неприятная правда состоит в том, что «новая деревня» не будет «социалистической» ... земля

– последнее маоистское табу. Теоретически это табу остается в силе. На самом деле оно уничтожено»³.

С принятием этого закона лагерь «реформаторов» одержал на своем счету самую значительную победу. Те самые буржуазные писаки, которые воспевали демонтаж коллективных хозяйств, введение Системы семейной ответственности – с ее передачей земли отдельным семьям – как начало эпохи неслыханного процветания в сельской местности и беспрецедентного роста сельскохозяйственного производства, теперь аплодировали тому, что фактически является разрушением этой системы, поскольку новый закон позволит фермерам «... объединяться с другими фермерами в современные кооперативы агробизнеса или инвестировать доходы от передачи земли в новые предприятия. Результатом будет революция в китайском сельском хозяйстве и несельскохозяйственной занятости в сельской местности, поскольку рынок сельскохозяйственных земель впервые откроется»⁴.

Другими словами, открытие рынка сельскохозяйственных земель приведет к появлению в предстоящий период, с одной стороны, небольшого класса богатых фермеров и корпораций, аккумулирующих в своих руках обширные участки земли, а с другой стороны, приведет к тому, что «неэкономичные» бедные фермеры будут согнаны с земель, лишены ресурсов и превращены в безземельных крестьян, которым нечего продавать, кроме своей рабочей силы, процветающим богатым фермерам в сельской местности, или же они будут вынуждены искать средства к существованию в городах в качестве рабочих-мигрантов.

Те, кто воспевал «свободные» мелкие крестьянские хозяйства в рамках «реформ» 1978 года, теперь отказываются от этого и заявляют: «*Запрет на торговлю*

¹ «По данным Министерства земельных ресурсов в Пекине, в период с 1998 по 2005 год было совершено более миллиона незаконных захватов земель, обычно под фабрики или многоквартирные дома, и фермеры часто получали небольшую компенсацию или вообще ничего не получали» (Geoff Dyer "Taking the countryside: why agribusinesses may reap profits and problems for China", Financial Times, 4 апреля 2007 г.). По данным Всемирного банка, в период с 1990 по 2010 год местные органы власти экспроприировали землю у фермеров за сумму на 2 трлн. юаней меньше ее рыночной стоимости. «В период с 1980 по 2003 год около 50-66 миллионов крестьян потеряли все или часть своих сельскохозяйственных угодий и домов, что составляет 13% от общей обрабатываемой земли Китая» из-за того, что местные власти использовали изменение землепользования как способ получения денежных средств (см. Goodman. - С.169).

² Закон, провозглашая государственную «собственность» доминирующей в социалистической системе Китая, также впервые пытается определить и защитить частную собственность. «Эффективная собственность частных граждан не только предусмотрена конституцией Китая... но это также общее стремление и настоятельное требование народа», - сказал Ван Чжаого, заместитель председателя Всекитайского собрания народных представителей (ВНК), представляя закон. По его словам, закон гарантирует, что различные экономические интересы будут пользоваться «одинаковыми правами, соблюдать одни и те же правила и нести одинаковые обязанности». Те, кто яростно выступал против этого закона, правильно восприняли его как троянского коня, преследующего цели оптовой приватизации экономики. Именно это противодействие привело к тому, что принятие закона было отложено на год - изначально он должен был быть

принят Всекитайским собранием народных представителей в 2006 году. Окончательная формулировка законопроекта с его пространными ссылками на первостепенность «социалистической системы» и «государственной собственности» отражали мнение этой оппозиции и были направлены на ее успокоение. Законопроект также недвусмысленно отвергает любые изменения в «коллективной» собственности на сельскую землю, на которую фермеры имеют просто права пользования, ограниченные сроками действия контракта. В статье, озаглавленной «Равная защита государственной и частной собственности», штатный корреспондент Лю Рюцай написал по поводу этого закона в China Daily: «Некоторые эксперты рассматривают принятие Закона о собственности как окончательное установление рыночной экономики Китая» (май 2007). Далее он добавил: «Считается также, что Закон о собственности произвел революцию во всей концепции собственности. "То, что интересы государства и коллективов превыше всего, внушается нам с детства, но Закон о собственности официально устанавливает равную защиту как частных интересов, так и интересов государства и коллективов. В этом его величайшее значение», - считает Лю Минь, аспирант Китайского университета политических наук и права. Ортодоксальное образование в Китае действительно подчеркивает, что личные интересы стоят на втором месте после интересов государства и коллективов. Однако Закон о собственности, принятый на сессии ВСНП 2007 года, четко оговаривает, что государственная, коллективная, индивидуальная и иная собственность охраняются законом».

³Rosemary Richter "The fat lady sings in China's opera of reform", The Times, 20 октября 2008 г.

⁴ Там же.

землей или использование ее в качестве залога для получения ссуд нанес огромный ущерб китайскому сельскому хозяйству, лишая фермеров стимулов и сохраняя земли разделенными на нерентабельные участки, в среднем всего 1,5 акра»¹.

Не так давно побудительным мотивом служил раздел земли на небольшие участки; теперь же эти самые участки стали «нерентабельными». Они утверждают, что реформы Дэна оставили в Китае миллионы крошечных неэффективных производителей – примерно 200 миллионов домашних хозяйств со средним размером земельного участка в 1,5 акра. Как всегда, решение в глазах этих фундаменталистов свободного рынка состоит в том, чтобы изгнать подавляющее большинство мелких фермеров с их земель и сконцентрировать земли в руках гораздо меньшего числа людей, создав тем самым условия для крупных хозяйств, масштабного капиталистического земледелия, ведущегося на современных научных принципах, с доступом к современной сельскохозяйственной технике и кредитным ресурсам.

Эта анахроничная система небольших ферм неспособна обеспечить продуктами сеть быстрорастущих торговых точек, которые будут обслуживать богатые слои общества, ищущие обилие более качественных продуктов питания в благоприятной для здоровья окружающей среде. В 2007 году существовало 16 000 супермаркетов и гипермаркетов, обслуживаемых как китайскими, так и иностранными операторами; кроме того, существовали крупные сети ресторанов: у американской сети ресторанов KFC в Китае 2 000 точек, а у McDonalds – 800. Буржуазные эксперты теперь трубят, будто они открыли новую Америку, что крестьянскому хозяйству требуется около 250 акров, чтобы стать жизнеспособным экономическим предложением для инвестиций в тракторы и другую сельскохозяйственную технику.

С принятием закона 2007 года и его распространением, с соответствующими изменениями, на сельские районы, в котором было объявлено, что права фермера являются правами частной собственности, субаренда в рамках 30-летней аренды стала все более распространенной. Эта субаренда, в свою очередь, привела к появлению частных компаний, которые могут арендовать большие участки прилегающих земель для ведения крупномасштабного сельскохозяйственного производства².

Таким образом, ясно, что только крупное сельское хозяйство предлагает решение – вопрос только в форме собственности. Коллективизация может быть только подобная той, что практиковалась в Советском Союзе и КНР до «реформ». Аграрная реформа, которая является общей для всех капиталистических стран, при которой через какое-то время огромные массы крестьян должны быть согнаны с земель из-за бедности, так что земли эти все больше будут сосредоточены в руках крошечного меньшинства богатых капиталистических фермеров или агробизнеса.

Выбор между двумя формами коллективизации (?) – это не просто технический вопрос. Это, прежде всего, классовый вопрос. Сторонники буржуазии и капитализма в сельском хозяйстве, несомненно, за буржуазную агрореформу в том виде, в каком она преобладает в

капиталистических странах. Само собой разумеется, что те, кто отстаивает дело социализма, – пролетариат и масса крестьянства – стоят за социалистическую коллективизацию, ибо только она может принести в деревню процветание и культуру.

Общая важность коллективизации

Критикуя политику деколлективизации сельского хозяйства, проводимую китайскими «реформистами», мы обращаемся к Ленину, который остается для нас теперь, как и в прошлом, поистине неисчерпаемым источником диалектической творческой мысли и теоретической сокровищницей. Вот кратко ленинские взгляды на важность коллективизации сельского хозяйства в связи с вопросом о строительстве материальных основ социализма в деревне. Из этих заявлений станет совершенно ясно, что деколлективизация сельского хозяйства, даже если она предпринята «во имя улучшения социализма», есть не что иное, как защита капитализма в сельском хозяйстве:

Во-первых, коллективизация имеет огромное значение для крестьянства, ибо мелкое крестьянское хозяйство неминуемо ведет к разорению и обнищанию подавляющего большинства крестьянского населения. По словам Ленина:

- «Мелким хозяйствам из нужды не выйти»;
- «Система мелкого хозяйства при товарном производстве не в состоянии избавить человечество от нищеты масс и угнетения их»³;
- «Если мы будем сидеть по-старому в мелких хозяйствах, хотя и вольными гражданами на вольной земле, нам все равно грозит неминуемая гибель».

Во-вторых, только посредством коллективизации рабочий класс, обладающий государственной властью, может обеспечить прочное следование за ним масс крестьян; только путем коллективизации рабочий класс может эффективно поддерживать свое руководство основной массой крестьянства.

- «Лишь в том случае, если удастся на деле показать крестьянам преимущества общественной, коллективной, товарищеской, артельной обработки земли, лишь, если удастся помочь крестьянину, при помощи товарищеского, артельного хозяйства, тогда только рабочий класс, держащий в своих руках государственную власть, действительно докажет крестьянину свою правоту, действительно привлечет на свою сторону прочно и настоящим образом многомиллионную крестьянскую массу»⁴.

В-третьих, «Пока мы живем в мелкокрестьянской стране, для капитализма в России есть более прочная экономическая база, чем для коммунизма ...»⁵. И далее «Мелкое производство порождает капитализм и буржуазию постоянно, ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом порядке».

В-четвертых, колхозы – это среда, которая лучше всего подходит для преобразования индивидуалистического крестьянства в духе коллективизма, в духе социализма, тем самым приближая его к рабочему классу. Они – единственное средство, с помощью которого связь между рабочим классом и крестьянством может быть усилена таким образом, чтобы приблизить крестьянство к рабочему классу и тем самым проложить путь к

¹ Там же, курсив мой.

² См. Lardy, Markets over Mao. - С. 61.

³ Ленин В.И. ПСС. - Т. XX. - С. 122.

⁴ Ленин В.И. ПСС. - Т. 24. - С. 579.

⁵ Ленин В.И., «Доклад ВЦИК и Совнаркома VIII Всероссийскому съезду советов, 5 декабря 1919 г. ПСС. - Т. - С. 158».

ликвидации классов. По словам Сталина, «кто этого не понимает или не хочет признать, тот не марксист, не ленинец, а “крестьянский философ”, смотрящий назад, а не вперед»¹.

Наконец, колхозы – это посредник, который устанавливает связь между рабочим классом и крестьянством, основанную на металле, на новом техническом оборудовании и на коллективном труде, и именно такая связь требуется для переделки мелкого земледельца. По словам Ленина, *«дело переработки мелкого земледельца, переработки всей его психологии и навыков есть дело, требующее поколений. Решить этот вопрос по отношению к мелкому земледельцу, оздоровить, так сказать, всю его психологию может только материальная база, техника, применение тракторов и машин в земледелии в массовом масштабе, электрификация в массовом масштабе. Вот что в корне и с громадной быстротой переделало бы мелкого земледельца»*.

В свете вышесказанного ясно видно, что противники коллективизации сельского хозяйства являются врагами крестьянства, врагами рабочего класса и врагами социализма и коммунизма. В равной степени ясно видно, что этот ленинский план коренным образом отличается от реакционной программы, выдвинутой «реформистами», которые деколлективизировали сельское хозяйство в Китае.

Глава 6. «Реформа и открытость»

Подробное описание скорости и масштабов маркетизации китайской экономики, проводимой в рамках политики «реформ и открытости», можно найти в книге Николаса Ларди² «Рынки над Мао». Не обязательно соглашаться с его тезисами, не говоря уже о каждом его утверждении, но это хорошо проработанное исследование, дающее наглядное представление о вторжении рынка в китайскую экономику. Ниже мы резюмируем тезисы Ларди, а также его описание распространения рынка в Китае за счет государственной и коллективной собственности с некоторыми примечаниями и информацией, добавленными из других источников.

Тезисы Ларди состоят в том, что китайский частный сектор в настоящее время является доминирующим фактором, создающим рабочие места, торговлю и рентабельность активов; что экономические показатели Китая являются продуктом рыночных сил и крупного и растущего частного сектора Китая; и, кроме того, что реформы, объявленные на третьем пленуме ЦК КПК в ноябре 2013 г., являются верным свидетельством того, что эта тенденция будет продолжена³.

Он утверждает, что Китай вырос экономически потому, что стал более капиталистическим; что в конце десятилетия руководства Ху Цзиньтао и Вэнь Цзябао (2003–2013 гг.) рост Китая еще больше зависел от частных предприятий, чем когда Ху и Вэнь только встали у руля.

По словам Ларди, в 2013 году экономика Китая в реальном выражении была в 25 раз больше, чем в 1978 году, а его доля в мировом ВВП увеличилась в четыре раза, с 3% до 12%. Если в 1980 году экономики Канады, Италии, Франции, Германии, Великобритании и Японии были больше, чем у Китая, то к 2013 году Китай обогнал их все, иногда с большим отрывом. Например, экономика Китая в настоящее время примерно в 4,5 раза больше экономики Канады.

Постепенно он стал крупнейшей торговой экономикой мира и вторым по величине получателем прямых иностранных инвестиций. К 2013 году Всемирный банк охарактеризовал Китай как экономику с уровнем дохода выше среднего, с доходом на душу населения, превышающим показатели 55 стран, классифицируемых как страны с низким доходом или доходом ниже среднего.

Три основные темы тезисов Ларди:

1. Быстрый экономический рост Китая с 1978 года в основном объясняется большей ролью рыночных сил в распределении ресурсов.

2. Попытка опровергнуть мнение о том, что тандем Ху/Вэнь резко увеличил роль и значение государственных предприятий (ГП) за десятилетие их руководства.

3. Основным источником будущего роста Китая будет также рынок, а не государство. Руководство Си Цзиньпина и Ли Кэцзяна будет способствовать дальнейшему усилению роли рынка, как было одобрено на Третьем пленуме ЦК в ноябре 2013 года⁴.

Накануне реформы (1978 г.) почти все важные цены устанавливались Государственной комиссией по ценам, не считаясь с рынком; вся прибыль перечислялась государственными предприятиями в Министерство финансов, а Госплан определял основные инвестиционные приоритеты, которые финансировались из государственного бюджета. В ходе реформ эта система была заменена системой, в которой наиболее важным источником инвестиционного финансирования была нераспределенная прибыль фирм, за которой следовали банковские кредиты.

Во второй половине 1990-х и в первой половине следующего десятилетия банкротства, слияния и приватизация привели к сокращению количества госпредприятий на три четверти с потерей нескольких десятков миллионов рабочих мест в государственном секторе. В 2003 году правительство создало Комиссию по надзору за государственными активами и управлению ими (SASAC), сосредоточив внимание на крупнейшей государственной группе компаний. Несмотря на противоположные утверждения, прибыль предприятий SASAC как доля от прибыли всех нефинансовых компаний Китая достигла пика в 2006-2007 годах и с тех пор резко упала. Ларди пытается опровергнуть представление о том, что SASAC удалось изменить производительность крупнейших и наиболее значительных государственных предприятий Китая⁵.

¹ Сталин И.В. Соч. - Т. 11. - С. 76.

² Николас Ларди – видный буржуазный экономист из Института Петерсона, американского аналитического центра правого толка.

³ Это заявление было довольно преждевременным.

⁴ Как будет видно позже, Ларди выразил свое разочарование по этому поводу.

⁵ Артур Крёбер представляет в этом отношении иную картину. Он говорит, что целями промышленной политики Китая в период Ху-Вэнь были: (а) создание компаний, постепенно производящих товары более высокой технологической сложности и более высокой стоимости, и (б) достижение международной конкурентоспособности. Из производителя дешевых товаров в 1980-х годах Китай превратился в страну, которая все больше экспортирует более дорогие товары.

Ларди подробно описывает драматический переход в структуре собственности – от экономики, в которой почти вся экономическая продукция производилась принадлежащими государству или коллективными предприятиями к такой экономике, в которой частные предприятия производят около двух третей общего объема продукции. В результате с 1978 года почти все городское развитие осуществлялось на частных предприятиях. В настоящее время занятость на государственных и коллективных предприятиях составляет менее одной пятой (20%) городской занятости. Он называет три причины этого:

1. Государственная политика обеспечивает почти равное отношение к предприятиям независимо от формы собственности.

2. Частный бизнес имеет более высокие показатели рентабельности и, следовательно, удерживаемой прибыли, что обеспечивает большие средства для расширения.

3. Улучшенный доступ к банковскому кредиту. В 2012 году банковское кредитование частных предприятий в среднем было на две трети выше, чем кредитование государственных предприятий, – это опровергает часто высказываемое утверждение о том, что ненасытный кредитный аппетит государственных предприятий лишил частные фирмы доступа к кредитам.

Кроме того, частные предприниматели вступают в Коммунистическую партию из соображений престижа, а также для продвижения своих деловых интересов. Миллионы капиталистов сейчас в партии, но это не стало инструментом руководства частным сектором. Ларди основывает свое исследование на широком спектре официальных данных, собранных и опубликованных Национальным статистическим бюро (НСБ) и многими другими правительственными агентствами. Весной 2009 года, после глобального экономического кризиса и связанного с ним падения китайского экспорта, около 30 миллионов рабочих потеряли работу.

Государство против рыночного капитализма

В 1978 году на долю государственных предприятий приходилось около 25% всех фирм, но остальная часть фирм находилась в коллективной собственности – обычно у провинциальных или местных органов власти. В то же время на долю государственных предприятий приходилось 80% промышленного производства и 70% занятости в промышленности. Сельское хозяйство было организовано в коллективные единицы, называемые коммунами, которые должны были поставлять большую часть своей продукции государственным закупочным агентствам по ценам, установленным Государственной комиссией по ценам.

Централизованное планирование было введено во время Первой пятилетки (1953-1957).

Это был лучший период устойчивого развития Китая. По мере проведения экономической реформы контроль над ценами постепенно ослабевал. Постепенно вновь открылись сельские рынки. Как только государственные квоты были выполнены, фермерам разрешалось продавать излишки на этих свободных сельских рынках. В начале 1980-х годов были либерализованы розничные цены на все более широкий ассортимент потребительских товаров.

В 1983 году произошел самый большой прорыв¹, когда государство установило двухуровневую структуру ценообразования и распределения угля, стали, машин и оборудования, а также других промышленных товаров. Хотя предприятия по-прежнему должны были обеспечивать плановые объемы продукции государственным учреждениям по фиксированным государством ценам, они могли продавать свою продукцию сверх плана на параллельных рынках, где цены определялись спросом и предложением.

Только на 3-м пленуме 11-го съезда ЦК партия *«восстановила свою правильную политику в экономической, политической, культурной и других сферах деятельности и приняла ряд новых и правильных политик после изучения новой ситуации и нового опыта»*².

XII съезд внес структурные изменения в центральные политические органы, определил новую политическую повестку дня и произвел кадровые изменения. Отдавая номинальный приоритет централизованному планированию над рыночными силами, он эвфемистически заявил, что жесткость планирования должна быть устранена, заявив: *«Мы должны стремиться соответствовать объективной реальности, постоянно изучая изменения в рыночном спросе и предложении, сознательно используя закон стоимости и такие экономические рычаги, как ценообразование, налогообложение и кредиты, чтобы направлять предприятия при выполнении государственных планов, а также наделение [менеджеров] разной степени полномочий принимать решения, которые они считают нужными»*³.

На протяжении всего процесса «реформисты» пытались ослабить власть центральных плановиков и повысить роль рынка одновременно с усилением приватизации предприятий. Решения XII съезда четко поставили партию на этот путь, даже если в то время «реформаторам» приходилось действовать с большой осторожностью⁴.

В 1982 году Государственная комиссия по ценам была понижена в статусе до Государственного бюро цен при Государственной комиссии по планированию; последняя сама стала в 1998 году Государственной комиссией по развитию и планированию, а позже, в 2003 году, – Национальной комиссией по развитию и реформам.

Кроме того, по его словам, политика Ху Вэня была направлена на консолидацию государственного сектора, развитие инфраструктуры и помощь китайским компаниям в захвате доли рынка у иностранных предприятий. Он отмечает, что эта политика в значительной степени увенчалась успехом (см. С. 56 и 27).

¹ Это произошло после завершения XII съезда КПК в феврале 1982 года. Участники этого съезда приписали ему исторический переломный момент, сопоставимый с XX съездом КПСС. 12-й съезд явно отличался от 9-го и 10-го (оба были проведены в десятилетие Культурной революции), которые были охарактеризованы как «ошибочные

идеологически, политически и организационно» (Жэньминьбао, 30 августа 1982 г.). Что касается 11-го съезда, хотя он официально прекратил Культурную революцию и изгнал последователей «банды четырех» из своих рядов, он «ошибочно одобрил генеральную линию, которая послужила идеологическим обоснованием Культурной революции», тем самым помешав радикальной политической повестке дня.

² «Исторический переход, историческая встреча», передовая статья "Жэньмин Жибао", 31 августа 1982 г.

³ Отчет Ху Яобана 12-му Конгрессу.

⁴ См. работу Линды Юэ.

В 1993 году план материального обеспечения был официально отменен. Планирование больше не обеспечивает достаточного контроля над подавляющим большинством видов экономической деятельности. Вместо планирования, как было раньше, правительство осуществляет макроэкономическое руководство, в соответствии с которым оно помогает направлять модели инвестиций и исправляет наиболее серьезные нарушения рыночной системы, но без вмешательства в управление предприятиями. В результате отдельные предприятия освобождаются от контроля со стороны центральных плановиков, а экономика формируется за счет государственных инвестиций и направления иностранных средств в области, наиболее нуждающиеся в капитале. К 2002-2003 гг. рыночные цены преобладали примерно в 95% всех сделок как с розничными товарами, так и с сельскохозяйственной продукцией, и в 87% всех сделок с товарами промышленного назначения.

К 2007 году количество товаров, подлежащих установлению цен, было довольно небольшим – 13 товаров, 9 услуг и 5 видов коммунальных услуг, что мало чем отличалось от государственного контроля или регулирования цен на некоторые из этих товаров и услуг, которые можно найти в других рыночных экономиках.

Рынки труда и капитала

До 1978 года в Китае не было рынка труда. В результате реформ количество рабочих-мигрантов увеличилось, и их число постоянно увеличивается, они мигрируют на большие расстояния. В 1982 году 7 миллионов человек были трудоустроены за пределами своего родного округа. К 1990 году их было 22 миллиона, к 2000 году – 79 миллионов, а к 2012 году – 163 миллиона! Включая 99 миллионов, которые мигрировали в пределах их родного округа, число рабочих-мигрантов в 2012 году составило 263 миллиона – это пятая часть всего населения Китая. Из них 99 миллионов были заняты в городских районах в пределах их родного округа, 87 миллионов за пределами родного округа, но в пределах их административного подразделения на уровне провинции и 76 миллионов нашли работу за пределами своей родной провинции. Эти мигранты были преимущественно сельского происхождения.

Начиная с середины 80-х, государство отказалось от системы постоянной занятости на госпредприятиях, дав предприятиям право нанимать и увольнять. Но реальный конец системы постоянной занятости на госпредприятиях в 1995 году под лозунгом «захватить большое и отпустить малое», что привел к массовому сокращению госпредприятий. 30 миллионов работников госпредприятий – две пятых от общего числа! – потеряли работу в результате закрытия или приватизации малых и средних предприятий¹.

К 1990 году в городах и сельских районах Китая вместе насчитывалось 72,75 миллиона самозанятых и

работников частного сектора, что составляло 8% от общей численности работающих. К 2010 г. занятость в частном секторе, где заработная плата регулировалась рынком, достигла 281,5 млн. человек – 40% от общей занятости. Кроме того, около 136 миллионов человек работали в городских компаниях с ограниченной ответственностью, акционерных обществах с ограниченной ответственностью и на предприятиях с иностранным финансированием, где основной или доминирующий владелец был частным лицом, а заработная плата регулировалась рынком. Таким образом, к 2010 году в общей сложности 415 миллионов несельскохозяйственных рабочих – 55% от общей рабочей силы Китая – были заняты в подразделениях, где заработная плата регулировалась рынком.

К 2012 году городское население составляло 712 миллионов человек (52,6% общей численности населения). Из них только 480 миллионов (35,3% населения Китая) имели статус проживающих в городах. Остальные не имели доступа ко всему спектру социальных льгот. По большому счету, пожизненной занятости нет. Зарботная плата определяется рынком.

К 2011 году на долю государственных предприятий приходилось лишь 26% промышленного производства, остальное производилось частными фирмами, включая частные иностранные фирмы. В обрабатывающей промышленности доля продукции государственных предприятий составляет всего 20%. Однако в области финансов государство остается доминирующим.

Если в 1990 году только одна китайская компания была включена в список Fortune Global 500, то к 2012 году в этот список вошли семьдесят китайских компаний. Кроме четырех, это были государственные компании.

Сокращение государственных предприятий началось при премьер-министре Чжу Жунци во второй половине 1990-х годов. Цифры Ларди относительно экспорта и импорта Китая и прямых иностранных инвестиций в 2012 году следующие:

- импорт: 1,8 трлн. долларов – 22% ВВП;
- экспорт: 2,05 трлн. долларов США – 25% ВВП;
- совокупная стоимость прямых иностранных инвестиций в Китае: \$ 2,2 трлн.
- иностранные фирмы в настоящее время составляют 25% производственного сектора Китая.

Отметим, что, по словам Ларди, в течение первой пятилетки экономика Китая росла на 8,9% в год.

Реформа государственных предприятий (ГП)

С конца 1970-х до середины 1980-х годов реформы проводились в сельском хозяйстве. С середины 1980-х годов правительство также начало несколько экспериментов по реформированию госпредприятий за счет большей автономии предприятий в отношении производства, маркетинга, инвестиционных решений и предоставления им возможности удерживать часть своих доходов, а не передавать их, как раньше, в полном объеме Министерству финансов.

¹ По словам Артура Кребера, в 1995 г. на государственных предприятиях по-прежнему работало около 60% городских рабочих. В период с 1995 по 2005 год занятость в городских госпредприятиях упала почти на 50 миллионов человек - со 113 до 64 миллионов. Официально уволено около 30 млн рабочих. В 2005 году доля занятых на государственных предприятиях упала до 23%. Количество рабочих мест, потерянных в государственном секторе, более чем в пять раз превысило количество рабочих мест, потерянных в экономике

США в период с 2008 по 2010 год после кризиса. 30 миллионов промышленных увольнений более чем в четыре раза превышает общее количество рабочих мест в обрабатывающей промышленности США, потерянных в 1979-2009 годах (8 миллионов). Кребер добавляет, что разница заключалась в том, что Китай не испытал серьезной депрессии, поскольку за десятилетие этих увольнений общая занятость в городах фактически увеличилась на 90 миллионов.

Три этапа «реформы»

1. Первый этап реформ: государственная монополия на широкие секторы промышленности, которая привела к тому, что большое количество стартапов, в основном частных фирм, вышло на прибыльные области промышленного сектора, в результате чего доля промышленного производства ГП к 1992 году снизилась до 50%, тогда как в 1978 году она составляла 80%. Все это произошло в результате приватизации большого числа малых и средних предприятий под лозунгом «Взять большое, освободить малое».

2. Второй этап реформ, последовавший за третьим пленумом 14-го созыва в ноябре 1993 г., стал важным поворотным моментом на пути Китая к рыночной экономике. Он ввел в действие: а) отделение государственных предприятий от государства, б) приватизацию более мелких госпредприятий.

В результате этой политики количество госпредприятий в целом, а также в промышленном секторе резко сократилось.

3. Следующий этап реформы: корпоратизация госпредприятий с расширенными полномочиями по управлению и продаже миноритарных акций, иногда посредством публичного листинга.

В 1996 г. существовало 442 000 традиционных госпредприятий, три четверти из которых не относились к промышленному сектору. По данным Национального бюро статистики Китая, к 2003 году их число снизилось до 370 000, а к 2012 году – лишь до 160 000. После этих реформ и открытия для иностранной конкуренции во время переговоров Китая с ВТО эти предприятия стали более прибыльными.

Появление SASAC

Даже после реформы госпредприятия остаются доминирующими или почти монопольными в основных сферах: телекоммуникации, финансовые услуги, добыча нефти и газа, табак, коммунальные услуги – вода и электричество.

В то время как количество госпредприятий сократилось, оставшиеся намного укрупнились и значительно увеличили свою рыночную власть – например, в 2009 году общая прибыль двух крупных государственных предприятий – China Mobile и China Petroleum (Sinopec) – превысила совокупную прибыль 500 крупнейших частных предприятий Китая.

Выдвижение их на первый план пришлось на десятилетие руководства Ху Цзиньтао и Вэнь Цзябао¹ (2003-2012). В марте 2003 года Китай создал государственную Комиссию по надзору за активами и управлению ими (SASAC), которой было поручено превратить госпредприятия в национальные лидеры. SASAC взяла на себя ответственность приблизительно за 200 наиболее важных нефинансовых госпредприятий, находящихся в собственности и под контролем на центральном уровне. ГП SASAC включают три национальные нефтяные компании: CPNC, Sinopec и CNOOC; в эту категорию также включены крупные государственные телекоммуникационные компании – China Mobile, China Unicom и China Telecom.

Государству принадлежит большинство крупных государственных энергетических компаний, таких как China Guodian Corporation, China Huadian Corporation и

Shenhua Group, крупнейший государственный производитель угля в Китае; крупнейшие государственные энергораспределительные компании; Государственная сетевая корпорация и Китайская южная электросетевая компания, а также крупные государственные авиакомпании – Air China, China Southern и China Eastern. Три государственные корпорации, контролируемые SASAC, входят в десятку крупнейших корпораций Fortune Global 500 по размеру выручки. Лишь две американские корпорации вошли в первую десятку. Первоначальное число из 200 компаний, контролируемых SASAC, к началу 2014 года сократилось до 113 в результате слияний, направленных на создание еще более крупных и мощных компаний. И эти компании оказывают большое влияние на экономику Китая, потому что у большинства структур SASAC есть множество дочерних компаний, каждая из которых имеет несколько предприятий. В результате совокупность центральных структур SASAC в 2010 г. включала 23 738 фирм, или пятую часть от числа государственных предприятий всех типов. Кроме того, многие из группы компаний SASAC расширили свою деятельность за пределы своей основной деятельности.

Компартия Китая играет важную роль во многих организациях SASAC. Организационный отдел партии назначает трех высших руководителей – партийного секретаря, генерального директора и председателя правления. Красные телефоны на столах руководителей этих компаний обеспечивают прямую засекреченную линию между компаниями и Чжуннаньхай – штаб-квартирой партии в Пекине. Государственное регулирование интерпретируется как предоставление компаниям, управляемым SASAC, существенной экономической выгоды.

Дивиденды компаний SASAC идут не напрямую в государственный бюджет, находящийся в ведении Министерства финансов, а в отдельный бюджет управления капиталом и реинвестируются в фирмы, контролируемые SASAC.

Ссуды на выгодных условиях от государственных банков предоставляются компаниям SASAC. В отличие от предыдущего периода правления Цзян Цзэмина / Чжу Жунцзи, когда Китай провел масштабную реструктуризацию госпредприятий и был принят в ВТО, в период десятилетия правления Ху / Вэнь фундаментальная экономическая реформа фактически застопорилась. Вместо этого тандем Ху / Вэнь энергично продвигал серию мер, многие из которых были разработаны для продвижения принадлежащих государству предприятий за счет как иностранных, так и местных частных предприятий².

По словам Кребера, реформа госпредприятий была направлена на: а) переориентацию госпредприятий в меньшее количество стратегических секторов и повышение их эффективности, б) решение огромной долговой проблемы. Эти цели, по словам Кребера, были достигнуты, и реформа госпредприятий оказала три воздействия: 1) количество госпредприятий было сокращено за счет консолидации, приватизации и банкротства, 2) резко упала занятость на государственных предприятиях, 3) улучшились финансовые показатели госпредприятий – в результате

¹ Это противоречит более раннему утверждению Ларди.

² Опять же, Ларди противоречит своим более ранним утверждениям.

сочетания сокращения обязательств на расходы на социальное обеспечение сотрудников, усиления конкурентного давления, давления со стороны SASAC с целью достижения финансовых целей и субсидированного доступа к земле и капиталу. По его словам, результаты были впечатляющими.

Крёбер говорит, что, по данным исследователей из ОЭСР, которые проанализировали данные обо всех государственных предприятиях, фигурирующих в списке крупнейших мировых компаний Forbes Global 2000, основные государственные предприятия Китая имели активы, эквивалентные 145% ВВП, и доходы, эквивалентные 26% ВВП.

По его словам, крупнейшие китайские госпредприятия действительно очень большие, и подавляющее большинство действительно крупных компаний в Китае принадлежат государству. В 2014 году 92 компании материкового Китая фигурировали в списке Fortune Global 500, в котором представлены крупнейшие компании мира по доходам (только 10 из этих 92 были частными фирмами). Три из 10 крупнейших компаний в мире – китайские: Sinopec, CNPC и State Grid.

Однако с точки зрения занятости и вклада в ВВП картина несколько иная. В 2005 году на государственных предприятиях было занято 65 миллионов рабочих. Их доля в городской занятости продолжала снижаться, и в 2013 году достигла рекордно низкого уровня в 17%. Доля государства в промышленном производстве составляет 25%.

Сельское хозяйство в основном находится в частных руках. Государственные фермы действительно существуют для крупномасштабного производства, особенно мясного и молочного, и, по достоверным оценкам, на их долю приходится 10% сельскохозяйственного производства. Объем производства в сфере услуг примерно поровну разделен между государственным и частным секторами.

ГП координируются SASAC и Компартией, которая непосредственно контролирует назначения топ-менеджеров наиболее стратегических ГП. Он зловеще добавляет, что госпредприятия становятся «могущественными вотчинами», и некоторые считают, что власть перетекает не от правительства к госпредприятиям, а наоборот. В результате государство находится под угрозой «регулирующего захвата» его крупнейшими предприятиями.

В 2006 году Государственный совет опубликовал руководящее заключение, призывающее к сохранению государственной собственности как основного элемента экономики. Но он также призвал к государственному поощрению и поддержке индивидуальных и частных предприятий и к всестороннему развитию рынка как инструмента распределения ресурсов. Через две недели после решения Государственного совета Ли Жунжун, председатель SASAC, в интервью вышел далеко за рамки документа, одобренного Государственным советом, заявив, что для выполнения руководящего мнения государству необходимо «гарантировать абсолютную контролируемую власть» над предприятиями в СЕМИ стратегических секторах, а именно:

- военная промышленность;
- производство и распределение электроэнергии;
- нефть и химикаты;
- телекоммуникации;
- уголь;

- гражданская авиация;
- доставка.

Он также определил «девять основных отраслей», то есть производство оборудования, автомобилей, информационные технологии, строительство, черная металлургия, цветные металлы, химическая промышленность, разведка и проектирование, а также технологии, в каждой из которых государство должно было поддерживать «сравнительно сильный контроль». В 2007 году Министерство финансов обнародовало ряд документов, требующих, чтобы все государственные закупки отдавали приоритет продукции, воплощающей местные инновации.

Были ли успешными реформы Ху / Вэня?

Ларди считает, что эти реформы не увенчались успехом, поскольку предприятия, управляемые SASAC, значительно выросли в размерах за счет внутреннего роста и слияний, их прибыль с 2006 года неуклонно снижалась до уровня ниже стоимости капитала. Он говорит, что более высокая доля национальных инвестиций осуществляется частными фирмами и повышение эффективности этих фирм было основным источником экономического роста в годы Ху-Вэня. Ларди приходит к такому выводу, потому что для него с целью оценки успеха экономической политики нет другого критерия, кроме рентабельности.

Изменение структуры собственности

Сельское хозяйство: до реформы в сельскохозяйственном производстве полностью доминировали коллективные единицы, называемые народными коммунами. Коллективы были обязаны поставлять большую часть своей продукции государственным закупочным агентствам по ценам, установленным Государственной ценовой комиссией, а остальная часть предназначалась для распределения в натуральной форме членам коммуны на основе индивидуального трудового вклада, измеряемого системой рабочих баллов. Деятельность частного рынка была строго ограничена.

По словам Ларди и всех буржуазных экономистов, эти меры отрицательно сказались на сельском хозяйстве. Социалистическое сельское хозяйство якобы привело к стагнации производительности и доходов из-за отсутствия стимулов. Он утверждает, что трансформация 1978 года из-за децентрализации производства, посредством «заключения контрактов с домашними хозяйствами» привела к росту производства. К октябрю 1981 г. более 50% сельских производственных бригад в той или иной форме заключили контракты с домохозяйствами, а к 1982 г. эта доля выросла до 98%. Таким образом, в начале 1980-х годов механизмы коллективного производства в сельских районах Китая были фактически уничтожены и заменены Системой ответственности домашних хозяйств, в которой сельскохозяйственные угодья были закреплены за отдельными семьями.

Первоначально эти земли были переданы домохозяйствам на короткие периоды от 1 до 3 лет, но к середине 1980-х годов правительство увеличило срок аренды земли до 15 лет, чтобы стимулировать частные инвестиции и улучшение земель. В 1993 году срок контракта был увеличен до 30 лет. Закон о собственности 2007 года провозгласил, что 30-летние права фермера на землепользование являются

правами частной собственности, и субаренда в рамках 30-летней аренды становится все более распространенной практикой. Субаренда привела к появлению частных компаний, которые могут брать в аренду большие участки прилегающих земель для управления крупномасштабными сельскохозяйственными производственными единицами (в конце концов, только крупномасштабное сельское хозяйство предлагает решение – единственный вопрос заключается в праве собственности). Кроме того, после реформы государство все больше полагалось на ценовые стимулы, а не на обязательные квоты поставки для приобретения зерна и другой сельскохозяйственной продукции. Свободные рынки начали снова открываться в больших количествах в сельских районах, а к началу 1980-х годов такие рынки возникли и в городских районах. Эти рыночные механизмы первоначально привели к резкому росту сельскохозяйственного производства, потребления продуктов питания и доходов фермерских хозяйств. В период с 1978 по 1985 год доход на душу населения в сельских районах в реальном выражении рос в среднем почти на 15% в год.

Не затронули только государственные фермы, и их количество приведено ниже:

количество государственных ферм в середине 1960-х гг. – 2 тыс.;

количество их на начало 2000-х – 2000;

количество их в 2011 году – 1800.

Но государственные фермы составляют очень небольшую часть китайского сельского хозяйства, на них приходится около 1% сельскохозяйственной рабочей силы и 3% стоимости сельскохозяйственной продукции. Количество рабочих в совхозах сократилось с 5,1 миллиона в 1978 году до 3,3 миллиона в 2011 году.

Хотя конечная собственность на сельскую землю по-прежнему принадлежит сельским общинам, а не отдельным фермерским семьям, права землепользования были значительно расширены с 1978 года. Учитывая эти изменения, сельское хозяйство за пределами государственных хозяйств следует рассматривать как частное в сфере рыночной части экономики Китая¹.

Промышленность, строительство и услуги

Официальные статистические данные показывают, что количество зарегистрированных частных предприятий увеличилось с 443 тыс. в 1996 г. (20% всех предприятий) до 5 млн. 918 тыс. в 2012 г. (70% всех предприятий).

В промышленном секторе количество зарегистрированных частных фирм увеличилось с 14,6 тыс. в 1999 г. до 273 тыс. к 2010 г., а доля продукции, произведенной этими фирмами, выросла с 4,4% до 30,5% за тот же период.

Число сотрудников зарегистрированных частных фирм резко возросло, превысив к 2010 году 94 миллиона человек, из которых 33 миллиона были заняты в промышленности.

В середине 1980-х годов практически все прямые иностранные инвестиции (ПИИ) в Китае осуществлялись в форме совместных предприятий, где преобладали соглашения, в которых государственное предприятие являлось внутренним партнером

иностранной фирмы и часто держателем контрольного пакета акций.

Однако в 1986 году Всекитайское собрание народных представителей приняло закон, регулирующий прямые иностранные инвестиции в форме компаний, полностью принадлежащих иностранцам. Впоследствии увеличивающаяся доля ПИИ в Китае принимала форму фирм, полностью принадлежащих иностранцам.

Еще в 1989 году 30% всех поступающих прямых иностранных инвестиций были в этой форме – по сравнению с 1% в 1985 году.

Десять лет спустя эта доля выросла до 40%, и к 2010 году чуть более 75% из \$ 106 млрд. прямых иностранных инвестиций поступило в Китай в форме компаний, полностью принадлежащих иностранцам, а менее 25% – в форме совместных предприятий. Поскольку их владельцы являются частными, эти предприятия следует рассматривать как частные.

Хотя ПИИ составляют очень небольшую долю в накоплении капитала в Китае, в некоторых секторах компании, финансируемые из-за рубежа, вносят очень большой вклад в объем производства.

В обрабатывающем секторе, например, на эти фирмы приходилось более 25% стоимости произведенной в 2010 году продукции, причем около 15% этой продукции было произведено компаниями, полностью принадлежащими иностранцам.

Поскольку производство составляет 40% ВВП Китая, следует подчеркнуть вклад в частный сектор фирм, полностью принадлежащих иностранцам.

К 2012 году на индивидуальных предприятиях (иногда классифицируемых как самозанятые) было занято 200 миллионов человек, что в 2,5 раза превышает уровень 2002 года. И они сконцентрированы в сфере услуг, а где преобладает оптовая и розничная торговля.

Промышленность и строительство

По данным Национального бюро статистики, доля промышленной продукции, производимой государственными компаниями (как госпредприятиями, так и другими регистрационными категориями, где государство является основным или доминирующим акционером), упала с 78% в 1978 году до 26% к 2011 году, т.е. от трех четвертей до одной четверти. В угольной промышленности доля государства в производстве снизилась с 66% в 2006 году до чуть более 50% к 2011 году. В черной металлургии, еще одной ключевой отрасли, доля производства государственных предприятий снизилась с 43% в 2006 году до 37% в 2011 году, государство также ослабило свой контроль в некоторых областях переработки нефти, например природного газа, где государственные предприятия к 2011 году контролировали менее половины распределения газа. То же самое и с нефтепереработкой, так что к 2011 г. на долю государственных предприятий приходилось менее 70% переработанной нефти.

Строительство, на которое в 2011 году приходилось 7%² ВВП: в 1980 году на государственных предприятиях было занято 75% всех рабочих в отрасли, и на их долю приходилось 75% стоимости строительства. Тогда не

¹ Дополнительную информацию по этой теме см. в предыдущей главе.

² Сейчас процент намного больше.

было частной строительной индустрии. К 2010 году доля производства ГП сократилась до 33%. В настоящее время в отрасли доминируют отечественные фирмы, находящиеся под частным контролем: в 2010 г. на них приходилось 75% рабочих мест и 66% стоимостного производства.

Сфера услуг

Государственные и контролируемые государством предприятия полностью доминируют в ключевых компонентах сектора:

- финансы, которые включают банковское дело, страхование, ценные бумаги и управление активами;
- основные телекоммуникационные структуры;
- транспорт (авиалинии, железнодорожные и морские перевозки);
- прочие услуги – образование, здравоохранение и социальное обеспечение.

Другими словами, некоторая трансформация собственности в значительной части сектора услуг Китая.

Оптовая и розничная торговля – самый крупный компонент сектора услуг, на который в 2011 году приходилось немногим более 20% добавленной стоимости в сфере услуг или 5% ВВП. В 1978 году частных торговых точек почти не было. К 2008 году 80% всей розничной торговли находилось под частным контролем и на нее приходилось 50% розничных продаж и немногим более 50% прибыли в розничном секторе. В 2008 году на государственные предприятия розничной торговли приходилось 3,5% розничных единиц, 22% занятых и 22% продаж розничных единиц (то есть очень много). За три десятилетия доля государственных розничных продаж упала с 90% до чуть более 20%.

В сфере общественного питания трансформация собственности аналогична таковой в розничной торговле. По данным экономической переписи 2008 года, 80% занятости и 66% доходов приходится на частные предприятия общественного питания.

В общем, там, где есть низкие барьеры для входа, частные зарегистрированные и контролируемые частным образом компании в значительной степени вытеснили государственные компании, например в сфере производства, добычи полезных ископаемых, строительства, розничной торговли, оптовой торговли и общественного питания.

Но там, где существуют препятствия из-за требований к капиталу или государственного регулирования, доминирующее положение государственных компаний в 1978 году ослабло лишь очень незначительно, например, производство табака (доля государства 99%), электроэнергетика (93%), добыча нефти и газа (92%).

Роль частных фирм в создании рабочих мест и экспорта

Работа в государственных компаниях сейчас составляет только 18% занятости в городах.

1978 год – занятость в индивидуальном бизнесе в городских районах: всего 150 000 человек по сравнению с 1,71 миллиона человек в 1965 году, как раз перед Культурной революцией;

1985 год – оно выросло до 4,5 миллиона;

2012 год – колоссальные 56 миллионов плюс зарегистрированные частные предприятия – 76 миллионов, в результате чего общее количество на 2012 год составило 132 миллиона человек, занятых в

индивидуальных компаниях и зарегистрированных частных фирмах.

132 миллиона – это занижение данных о занятости в городских частных предприятиях без учета других категорий регистрации, кроме государственной, частной и индивидуальной.

Если мы посчитаем занятость в фирмах других типов, это добавит 51 миллион к 132 миллионам, в результате чего общая сумма составит 183 миллиона.

Похоже, что почти весь рост занятости в городах Китая с 1978 года объясняется расширением частных фирм, в том числе частных иностранных фирм.

Общая городская рабочая сила увеличилась на 264 миллиона: с 95,14 миллиона в 1978 году до 359,14 миллиона в 2011 году.

Увеличение занятости в городах почти полностью является результатом создания новых частных или контролируемых частным сектором предприятий, на которые с 1978 года приходится 95% прироста городской рабочей силы. В результате абсолютное количество наемных работников в государственных и коллективных фирмах в городских районах немного меньше, чем в 1978 году. Таким образом, учитывая значительное расширение городской рабочей силы, доля занятых в государственных и коллективных фирмах упала с 99,8% в 1978 году до примерно 18% в 2011 году. В сельских районах Китая рост занятости полностью происходит за счет частного сектора. Сельскохозяйственная деятельность была по существу приватизирована в начале 1980-х годов.

Первичная промышленность включает лесное хозяйство, животноводство, рыболовство и сельское хозяйство.

Еще в 2010 году в 27,4 млн. ТиПО (поселковые и сельские предприятия) Китая по-прежнему было занято 160 млн. рабочих, относящихся к сельским. Однако с середины 1980-х годов все большая доля занятых в ТиПО приходилась на фирмы, которые были либо индивидуальными предприятиями, либо зарегистрированными частными фирмами.

К 2010 году 95% из этих 27,4 миллионов сельских производственных единиц были зарегистрированы либо как частные предприятия, либо как индивидуальные предприятия, на которых в совокупности было занято 120 миллионов рабочих, что составляет около 75% от общего числа работников ТиПО.

Включая тех, кто занят в ТиПО, которые зарегистрированы как индивидуальные или частные предприятия, и примерно 25 миллионов человек, нанятых частными фирмами других категорий регистрации, общая занятость в частном секторе в ТиПО составила 145 миллионов в 2010 году. Таким образом, занятость в фермерских хозяйствах, по всей видимости, сократилась, и на частные несельскохозяйственные фирмы приходится практически весь рост занятости в сельских районах Китая с 1978 года.

Растущая роль частного сектора в создании экспорта Китая

1995 год – на долю государственных предприятий приходилось 66% экспорта Китая;

2012 год – на долю государственных предприятий приходилось только 11% китайского экспорта (гораздо большего объема).

Первоначально, когда роль государственных предприятий в экспорте снизилась, иностранные фирмы увеличили свою долю в экспорте Китая.

Но доля иностранных фирм в общем объеме экспорта достигла пика в 2005 году, и с тех пор Китай становится все более зависимым от частных отечественных фирм в плане сохранения своей роли в качестве основной экспортной экономики. С 2009 года рост стоимости экспорта частных фирм превысил экспорт иностранных компаний. Поскольку 95% экспорта Китая составляют промышленные товары, рост частных фирм как важных экспортеров отражает вытеснение государственных фирм в большинстве отраслей обрабатывающей промышленности. Доля обработанного экспорта (сборка импортных деталей и компонентов, в основном выполняемая иностранными фирмами) снижается, что приводит к увеличению компонента добавленной стоимости китайского экспорта. Китай поднимается по шкале стоимости, как в промышленном производстве, так и в экспорте.

Частные фирмы Китая также становятся фактором вывоза ПИИ Китая, например:

- приобретение Lenovo подразделения IBM по производству персональных компьютеров в 2005 году;
- приобретение Wanda за 2,6 млрд. долларов в 2012 году компании AMC Entertainment, которая управляет второй по величине сетью кинотеатров в США;
- приобретение компанией Shuranghai International в 2013 г. компании SmithfieldFoods за 7,1 млрд. долларов США – крупнейшее приобретение в США.

С 2000 г. по второй квартал 2012 г. на частные китайские компании приходилось 40% совокупных прямых китайских инвестиций в США. Эти компании также инвестируют в Европу. Однако в совокупности государственные компании по-прежнему доминируют в мировых вывозимых ПИИ из Китая.

Объяснение роста частного сектора

По словам Ларди, рост частного сектора объясняется двумя факторами:

- а) эволюция государственной политики в отношении частного сектора;
- б) повышение эффективности частного предпринимательства (!!!), что отражается в более высокой доходности активов, т.е. более высоком уровне нераспределенной прибыли по сравнению с активами по сравнению с государственными предприятиями.

Политика

Всеитайское собрание народных представителей (ВСНП) в марте 1978 года приняло поправку к конституции, разрешающую «индивидуальным работникам» работать «в пределах, разрешенных законом». Эти ограничения предусматривали, что в семейном бизнесе не может быть трудоустроено более 7 человек, не являющихся членами семьи. В 1980-х и начале 1990-х годов среда для частного бизнеса была негостеприимной. Это неудивительно для страны, где на протяжении десятилетий КПК подчеркивала, что частные предприниматели являются эксплуататорами рабочего класса.

В марте 1999 года 9-й Всеитайское собрание узаконило частный сектор, утвердив поправку к конституции, определяющую негосударственную экономику как «существенный компонент» смешанной экономики – улучшение по сравнению с ее предыдущей характеристикой как «важный компонент». Двумя годами позже (2001 г.) Генеральный секретарь Цзян Цзэминь в речи, посвященной 80-летию основания КПК, пригласил частных предпринимателей присоединиться к партии. Год спустя (2002 г.) партия пояснила, что больше не будет дискриминировать частных предпринимателей, но поддержит их за вклад в экономическое развитие Китая. В 2005 году директивой, известной как «36 статей», государство поощряло частные инвестиции в области, которые до сих пор были предназначены исключительно для государственных компаний, включая электроэнергетику, телекоммуникации, железные дороги, гражданскую авиацию и нефть. Кроме того, оно призвало финансовые учреждения увеличить долю кредитов негосударственным предприятиям и предоставить более широкий спектр финансовых продуктов частным предприятиям. В 2011 году правительство сняло ограничение на максимальное количество лиц, не являющихся членами семьи, которые могут работать в индивидуальном бизнесе. В последние годы правительство использовало налоговую политику для стимулирования роста более 6 миллионов малых и микропредприятий, которые преимущественно зарегистрированы как частные компании, так и индивидуальные предприятия.

Финансирование частного сектора

The Economist, New York Times (2012), Roubini Global Economics, несколько ученых и финансовых журналистов заявили, что «государственные гиганты поглощают капитал и таланты, которые, возможно, лучше использовались бы частными компаниями, и что крупнейшие банки Китая служат банкоматами для госпредприятий». Deutsche Bank Securities в отчете за ноябрь 2013 года утверждал, что «несоответствие между частными предприятиями, на которые приходится почти 70% ВВП, но которые получают только 20% кредита, является самым большим препятствием для роста». Важно подчеркнуть, что с 1978 года подавляющая часть инвестиций в Китай финансируется не из заемных средств в банках, а из нераспределенной прибыли.

С 1992 по 1999 год нераспределенная прибыль финансировала 40-50% инвестиций всех нефинансовых корпораций. Но с 2000 по 2008 год это соотношение выросло до 71%. Относительные финансовые показатели государственных и частных фирм объясняют различия в показателях роста. Повышение производительности¹ в частных компаниях приводит к более высоким финансовым показателям. К 2009 году доходность капитала частных фирм составила 20%, опережая на 9,9% государственные компании.

Исключения: CNOOC имела маржу прибыли в 2004–2012 гг. в среднем 44% и среднюю рентабельность активов 24,5%.

¹ Большая «производительность» (читай прибыльность) является результатом ужасных условий, слабых стандартов безопасности, низкой заработной платы и отсутствия

медицинских и других услуг, которым подвергаются работники частного сектора.

В период с 2004 по 2014 год China Mobile имела рентабельность в 33%, что означает в среднем 19% рентабельности активов.

Более высокая прибыльность частных фирм помогает объяснить их относительно быстрый рост, а также их способность преодолевать трудности, связанные с ограниченным доступом к банковскому кредиту и другим внешним источникам финансирования.

Ларди говорит, что доступ частных фирм к кредитам улучшился. Проведя подробный анализ кредитных потоков государственным предприятиям и частному бизнесу, он показывает, что суждения вышеупомянутых критиков ошибочны. По его словам, новые кредиты, предоставленные частным компаниям, составили в среднем 52% новых кредитов в период с 2010 по 2012 год. За тот же период доля государственных фирм составляла в среднем всего 32%.

Ларди также показывает, что более высокие процентные ставки по ссудам частному бизнесу являются функцией кредитного риска, а не дискриминацией по признаку собственности.

Облигационное и долевое финансирование

Похоже, что государственные фирмы доминируют в выпуске облигаций. Но следует отметить, что в 2013 году облигационное финансирование составляло всего 10% от общего объема социального финансирования.

Шанхайская фондовая биржа открылась в конце 1990 года.

Фондовый рынок Шэньчжэня открылся в начале 1991 года.

В самом начале в первичном публичном размещении (ППР) доминировали государственные компании.

Но после нормативных изменений доля госпредприятий во всем списке компаний неуклонно снижалась в 2000-е годы. К 2010 году на государственные компании приходилось чуть менее 50% всех листинговых компаний на двух биржах.

Инвестиции – резюме

Доля инвестиций, осуществляемых государственными компаниями в масштабах всей экономики, упала с чуть менее 50% в 2006 году до 34% в 2012 году, в то время как доля частных компаний выросла с 35% до почти 50% за тот же период. В 1980 году на долю государственных предприятий приходилось 82% всех инвестиций. Совокупный рост инвестиций в производство и недвижимость составил две пятых от увеличения инвестиций в основной капитал в 2009 году – в обоих этих секторах преобладает частный сектор. Доля государственных предприятий в капиталовложениях в промышленный сектор Китая была немного ниже, чем в частном секторе в 2006 году, но к 2012 году на долю государственных предприятий приходилось только 20% инвестиций в основной капитал в промышленности.

Если в 1980 году на долю государственных предприятий приходилось 82% всех инвестиций, к 2012 году их доля в инвестициях в основной капитал упала более чем наполовину.

Государственные фирмы доминируют в инвестициях в коммунальные услуги (электричество, газ, вода) и горнодобывающую промышленность. Их доля в 2012

году составила 70% и 40% соответственно. Однако, говорит Ларди, государственные коммунальные предприятия не редкость в странах с рыночной экономикой, поэтому относительно высокая доля государства в инвестициях в коммунальные услуги не является убедительным свидетельством того, что Китай придерживается модели государственного капитализма. Но к 2012 году доля инвестиций государственных предприятий в обрабатывающую промышленность, на которую приходится 80% добавленной стоимости в промышленности, упала до 11%, в то время, как доля частных компаний составляла 73%.

Государство доминирует в инвестициях в инфраструктуру и общественные услуги.

Роль партии в частном секторе

Вербовка предпринимателей в партию началась в середине 1980-х годов, но была запрещена в августе 1989 года после инцидентов на площади Тяньаньмэнь 4 июня 1989 года. Отчасти это было связано с тем, что предприниматели активно поддерживали преимущественно студенческие демонстрации. Хотя новые члены не набирались из этой группы населения в течение нескольких лет, массовое сокращение и приватизация госпредприятий во второй половине 1990-х годов привели к увеличению числа так называемых «красных компаний», поскольку менеджеры недавно приватизированных фирм, как правило, были их бывшими менеджерами, большинство из которых уже были членами партии.

3 представления

Но в июле 2001 года генеральный секретарь Цзян Цзэминь в своем выступлении призвал партию представлять передовые общественные производительные силы и передовую культуру, и подавляющее большинство людей. Выступление это открыло путь для нового набора предпринимателей в партию. В результате к 2006 году около трети частных предпринимателей были членами партии, что значительно превышает 20% в 2000 году, за год до выступления Цзяна.

Мотивы, капиталистов, стремящихся к членству в партии, следующие:

- получение экономических выгод и
- политическая власть.

Около 33% предпринимателей, которые стали настолько успешными, что числятся в ежегодном списке богатейших людей Китая, составленным Рупертом Хугверфом (список богатых людей Хурун), являются членами партии.

Многие являются или стремятся стать делегатами в партийные и государственные органы отчасти из соображений престижа, а отчасти потому, что *«делегаты имеют регулярный и постоянный доступ к лицам, принимающим решения, и возможность влиять на законы и постановления»*¹.

Мотивация партии для набора этих капиталистов

1. Легитимность партии, по словам Ларди, все больше зависит от роста и повышения уровня жизни. Поскольку частный сектор стал основным источником экономического роста, Партия хочет, чтобы частный сектор стал партнером в модернизации экономики.

¹Bruce Dickson, *Wealth into power*. - С. 171–172.

2. Опасения партии, что капиталисты организуются вне партии, возможно путем присоединения к «продемократическим» политическим активистам, как было в 1989 году, – желание партии «кооптировать капиталистов».

Краткое содержание работы Ларди

- Частные фирмы все больше вытесняют госпредприятия в качестве основного источника продукции в большинстве отраслей обрабатывающей промышленности, горнодобывающей промышленности, строительства, оптовой и розничной торговли и общественного питания.

- Частные фирмы неизменно получали гораздо более высокую доходность активов.

- Частные фирмы несут ответственность практически за весь рост занятости в городских районах Китая с 1978 года.

- Частные фирмы в настоящее время вносят наибольший вклад в экспорт Китая.

Экономический подъем Китая с 1978 года во многом объясняется растущей ролью рынков и частного предпринимательства – по крайней мере, так считает Ларди. Переход от коллективного к частному производству был наиболее быстрым в сельском хозяйстве. В строительстве и обрабатывающей промышленности он был постепенным, но более глубоким, поскольку на долю последнего приходилась гораздо большая доля ВВП, чем на сельское хозяйство, и они были более неразрывно связаны с системой экономического планирования, которую Китай перенял у Советского Союза в 1950-х годах. Но к 2011 году доля продукции обрабатывающей промышленности и строительства, производимой государственными и контролируемые государством компаниями, снизилась до всего лишь 20% и 33% соответственно¹.

Реализация программы реформ

Государственные фирмы, утверждает Ларди, все больше тормозят рост Китая. Поэтому он предлагает, чтобы экономическая реформа теперь была сосредоточена на открытии тех частей экономики, которые остаются закрытыми для частных фирм, включая иностранные фирмы.

3-й Пленум 18-го ЦК и его решение от 15 ноября 2013 г. – «Решение по основным вопросам, касающимся всестороннего углубления реформ» – рассматривает следующие вопросы:

во-первых, было заявлено, что рынок должен быть решающей силой в распределении ресурсов;

во-вторых, повышается роль негосударственного сектора до уровня государственного;

в-третьих, звучат неоднократные призывы к равным условиям, конкурентным рынкам и ограничению государственной монопольной собственности естественными монополиями.

Таким было проникновение рынка в китайскую экономику.

Лю Гогуан, директор Института экономики Китайской Академии Общественных Наук (CASS) в начале 1980-х

годов, который занимал пост президента Академии в 2006 году после выхода на пенсию, писал, что чрезмерная зависимость от рынка способствует неравенству и что КПК потеряет власть, если не обуздает рыночные реформы. Эта критика получила дополнительную поддержку в свете капиталистического кризиса 2007-2008 годов.

«Государство наступает, а частный сектор отступает»

«Хотя дебаты в Китае о соответствующей роли рынка, вероятно, продолжатся, я ожидаю, что это повлияет только на темпы реформ, а не на их направление. В ближайшее десятилетие роль рынка, вероятно, будет и дальше расширяться в соответствии с видением, изложенным в решении Третьего пленума, по нескольким причинам»².

Ларди основывает это утверждение на том факте, что обоснование большой и продолжающейся роли госпредприятий менее убедительно, чем десять лет назад! Причина заключалась в том, что ГП:

- обеспечивают занятость;

- являются источниками государственных доходов;

- являются важным источником инноваций.

Когда-то государственные компании обеспечивали субсидируемым жильем более 90% своих сотрудников (включая пенсионеров), составляющих 50% всех городских жителей, а также ряд бесплатных социальных услуг. В середине 1990-х годов госпредприятия содержали более 18 000 школ, в которых обучались 6,1 миллиона учащихся, для чего требовалось 600 000 учителей и сотрудников. На больницы, построенные, управляемые и оплачиваемые государственными предприятиями, приходилось 33% всех больничных коек в Китае. Стоимость предоставления этих услуг составляла около 40% фонда заработной платы типичного госпредприятия. Традиционная двойная роль ГП как производственных единиц и поставщиков жилищных и социальных услуг когда-то была аргументом в пользу сохранения большой роли ГП. Но когда правительство начало свою кампанию по сокращению государственных предприятий во второй половине 1990-х годов, оно также развернуло программу ускоренной продажи корпоративного жилья их сотрудникам и сократило социальные услуги, предоставляемые государственными предприятиями.

Продажа государственного жилья, начавшаяся в 1982 году, ускорилась в 1988 году. Приватизация значительно ускорила после середины 1998 года, когда государство объявило о «прекращении административно-плановой системы распределения жилья», в результате чего государственные предприятия распродали практически все свои жилые единицы своим сотрудникам, как правило по относительно низким ценам.

Благодаря этим реформам жилье в целом стало товаром, продаваемым через рынок.

А затем Ларди делает самое бездумно глупое утверждение, которое звучит так:

¹ Тогда есть вопрос о теневой экономике. По словам Я Цзяньфу, китайского ученого, размер теневой экономики может составлять до одной трети размера официальной экономики (цитируется Джеймсом Кинге в его книге. - С. 156). Кинге добавляет, что Ли Рёгу, заместитель управляющего Народного банка Китая, центрального банка, сказал ему в

конце 2004 года, что почти треть прироста денежного предложения может быть отнесена к неформальной экономике, поскольку множество подпольных банков предоставляют финансирование компаниям, которые не могут получить ссуды у государственных кредиторов.

² Lardy, Markets to Mao. - С.148.

«Другой причиной вероятного расширения рынка является растущее признание КПК того факта, что роль государства должна развиваться, чтобы отвечать на все более насущные потребности населения в более чистом воздухе и воде, безопасных поставках продуктов питания, укреплении системы социальной защиты и более инклюзивный рост. Чтобы удовлетворить эти потребности, государству необходимо будет уступить большую роль рынку в распределении ресурсов и сконцентрировать свои ограниченные ресурсы на предоставлении услуг, которые рынок не может предоставить (!!!) (национализировать госдолг!)».

Это противоречит исторической истине, поскольку каждый мыслящий человек знает, что капитализм разрушает климат¹, поскольку единственное, о чем он беспокоится, – это максимальное увеличение прибыли. Если это означает нечистую воду, токсичный воздух, небезопасные продукты питания, более слабые сети социальной защиты и наименее инклюзивный рост, пусть будет так! Но, с другой стороны, Ларди – видный буржуазный экономист из Института Петерсона, американского аналитического центра правого толка, миссия которого состоит в том, чтобы способствовать рыночному развитию всей мировой экономики. Вот почему он с таким энтузиазмом относится к маркетизации значительной части китайской экономики и постоянно надеется, что и остальная часть двинется в том же направлении.

Глава 7. Подробнее о маркетизации экономики

Вышеупомянутое описание маркетизации китайской экономики было бы неполным без ссылки на книгу У Сяобо «Возникновение Китая»², в которой откровенно и без всякого чувства стыда описывается путь от плановой экономики к рынку. Крайняя ненависть приверженцев «реформ и открытости» к планированию с монотонной регулярностью сочится с ее страниц. В то время как архитекторы «реформ и открытости» обычно говорят осторожно и сдержанно, почти эзоповски, одновременно лицемерно и нечестно, бессовестные пропагандисты этих «реформ» типа г-на У выпаливают правду в ее самой мрачной и неприукрашенной форме.

Автор проклинает всю дореформенную экономику Китая так: *«Десять лет спазмов Культурной революции и более двадцати лет «плановой экономики» поставили страну на грань краха»*³.

Затем появляется спаситель: *«В 1978 году крохотный человек Дэн Сяопин во второй раз вышел на сцену истории» и «направил страну в направлении глобальных перемен. Он обладал поразительной решительностью, чрезвычайной политической проницательностью и абсолютной одержимостью».*

Со злобным ликованием он пишет, что 3 июля 1978 года китайское правительство прекратило помощь Вьетнаму. Тринадцать дней спустя Китай объявил об отмене всей экономической и технической помощи Албании. По его словам, 23 октября 1978 года китайско-японские мирные соглашения официально вступили в силу, а 1 декабря 1978 года было подписано китайско-американское коммюнике, устанавливающее нормальные дипломатические отношения.

*«Гораздо более тонкие изменения во внешней политике, – говорит он, – указывают на то, что Китай начал отходить от идеологических соображений и сосредоточил свою национальную политику на экономическом развитии»*⁴.

Он продолжает рассказывать миф о деревне Сяоган, вынуждающей правительство деколлективизировать сельское хозяйство через Систему ответственности домашних хозяйств (HRS), прежде чем перейти к третьему пленарному заседанию 11-го созыва КПК (18-22 декабря 1978 г.), запустившему программу «реформ и открытости», в ходе которой партия согласилась отказаться от таких лозунгов, как «Взять классовую борьбу за руководящий принцип» и «Продолжать революцию при диктатуре пролетариата». Китай, по его словам, вместо этого «вернулся на мировую арену и на арену мирного соревнования».

«В конце декабря 1978 года, – с гордостью пишет он, – Дэн попал на обложку журнала Time, который посвятил ему 48 страниц, назвав его «Человеком года».

*«В отличие от Мао, который мобилизовал людей для экономического строительства, Дэн намеревался мобилизовать капитал»*⁵.

Первым шагом реформаторов было расширение автономии предприятий в принятии решений и замена государственных «ассигнований» на «кредитные ссуды». Эти меры подготовили почву для долгого пути «встряски государственных предприятий».

Только в 1998 году, когда был решен вопрос о собственности, «реформа» получила настоящий импульс. По его словам, Вэньчжоу в провинции Чжацзян лидирует с сотнями тысяч предприятий малого бизнеса. Рост приватизации привел к тому, что владеть ножницами парикмахера стало более выгодно, чем скальпелем хирурга; продавать яйца стало популярнее, чем работать с управляемыми ракетами. Согласно China Daily, в 1984 году тремя самыми желанными профессиями были водитель такси, частный торговец и повар.

С одобрения Дэна, говорит г-н У, *«первое поколение китайских предпринимателей встало на путь успеха в бизнесе в 1984 году – позже этот год был признан Годом основания многих крупных современных (капиталистических) предприятий Китая».*

Затем он называет некоторых из этих бизнесменов.

Пока это происходило, госпредприятия оставались «в клетке». Он описывает, как 24 марта 1984 г. группа из 55 руководителей государственных предприятий в провинции Фуцзянь боролась за то, чтобы освободиться из «клетки», требуя права найма и увольнения, директор завода – за право назначать своих заместителей, право решать вопросы бюджета и финансов, право на раздачу премиальных и право продавать свою продукцию с определенной степенью свободы.

В своих требованиях руководители предприятий полностью поддержали местное правительство. Когда была подготовлена почва для этих пропагандистских трюков, 10 мая 1984 года Государственный совет издал «временные правила», в которых говорилось, что директор завода является руководителем завода, что он является законным представителем предприятия, что он

¹ Фактически загрязнение вызвало хаос в Китае в результате маркетизации значительной части китайской экономики.

² How thinking about business changed (перевод Марты Эйвери).

³ Lardy, Markets to Mao. - С. 4.

⁴ Там же. - С. 10.

⁵ Там же. - С. 15.

несет всю ответственность за предприятие, что он занимает центральное положение и играет главную роль.

Г-н У продолжает: *«Маленький остров Хайнань стал для зарабатывателей денег таким же священным, как революционный "Яньань"»*.

Через два месяца после поездки Дэна в Гуандун в начале 1984 г. ЦК КПК принял историческое решение открыть 14 прибрежных городов для иностранных инвестиций, а также открыть остров Хайнань, на котором в дореформенную эпоху не было промышленности из-за его военно-стратегического значения.

Как только рыночные силы были освобождены, они породили безудержную спекуляцию и контрабанду. Г-н У с едва скрываемым ликованием дает следующее описание безумной лихорадки, направленной на то, чтобы быстро заработать деньги, и стремления зарабатывать деньги любой ценой, ссылаясь на Хайнань и, как следствие, на остальной Китай.

Поэтому местные чиновники придумали, как превратить особый статус Хайнаня в чистое золото. Поскольку Государственный совет смягчил правила, регулирующие импорт производственных материалов для промышленности и сельского хозяйства, а также дефицитных потребительских товаров, контрабандисты и спекулянты использовали их в качестве кратчайшего пути к богатству, участвуя в сделках с частными интересами. Все, что нужно было сделать, – это получить лицензию на импорт, чтобы мгновенно заработать деньги, например, продав документ, разрешающий владельцу ввозить автомобиль, такой человек может заработать 10 000 юаней – это как нефтяная скважина во дворе.

Это положило начало безумной гонке за получением разрешений на импорт и быстрым заработком. Позже высокопоставленные правительственные чиновники с сожалением признали, что *«даже детские сады выдают разрешения на ввоз автомобилей. Эти разрешения можно было превратить в деньги. Вы можете отвезти их в другие провинции и продать. У них не было разрешений. У Хайнаня были! Просто провернув листок бумаги и продав его кому-то другому, вы заработаете деньги»*.

В первой половине 1984 года Хайнань импортировал всего 2 000 автомобилей. Но в июле 1984 года местное правительство неожиданно разрешило ввоз 13 000 автомобилей – в 36 раз больше, чем в среднем за первое полугодие. Черный рынок иностранной валюты превратился в рынок с открытой торговлей. С резким ростом цен на иностранную валюту обменный курс доллара к юаню упал до 1 доллара за 4,4 юаня с 1 доллара за 1,5 юаня, который держался до июля 1984 года. Люди появлялись с ведрами юаней в дельте Жемчужной реки, чтобы обменять их на гонконгские доллары. В то время, когда товаров не хватало, а Хайнань получил особое право на импорт, любой дурак мог оценить размер прибыли в этой ситуации. *«Хайнань стал невероятным»*.

После хайнаньской лихорадки в середине 1980-х годов весь Китай также был в экономической лихорадке. Кредитование росло в геометрической прогрессии, Центральный банк печатал деньги 24 часа в сутки, 7 дней в неделю, а всю страну захлестнула волна импортного оборудования.

Двухколейная система ценообразования привела к тому, что и должно было случиться: к безумной спекуляции на разнице между двумя ценами – покупкой и продажей. Тонна стали может переходить из рук в руки несколько раз, прежде чем попадет к конечному покупателю, что, как следствие, может удвоить ее цену. Это привело к тому, что все цены на «выделенные товары и материалы», утвержденные государством, стали определяемыми рынком. Материалы, поставляемые с выделенных заводов и подразделений через нескольких посредников, нашли свой уровень цен на рынке. Плановая экономика потеряла всякую силу и контроль. В результате за годы двухколейной системы ценообразования государственные товары и материалы не смогли выполнить ни одного контракта на поставку государству. Те госпредприятия, которые с честью выполнили государственный план, немедленно стали уничтожаться. Они не выиграли от этой политики. Это сделали только спекулянты, ряды которых пополнились государственными чиновниками. Действия этих официальных лиц стали последней каплей, приведшей к краху плановой экономики Китая. Он добавляет, что некоторые люди приписывают этой системе коррупцию. *«Да какая разница... «К счастью, и это нужно помнить, Китай не развернулся и не вернется в обратном направлении (то есть к плановой экономике)»¹*.

И после такого этот автор стонет о *«... взрывном появлении психологического дисбаланса среди населения в целом. Все думают исключительно о том, как заработать деньги, и сейчас происходит фундаментальный сдвиг в ценностях»²*.

Отмечая, что трения и конфликты между различными группами интересов неизбежны, он добавляет:

«Это нелегко услышать в данное время, поскольку большинство людей все еще пребывают в своего рода земном поклонении перед реформой, они еще не осознали в полной мере последствия реформы, в особенности те изменения, которые она вызывает в социальной системе Китая. Они не думают об изменении фундаментальных понятий и длительной сегментации социального статуса эфемеризм и преуменьшение для обозначения углубляющейся классовой дифференциации и надвигающегося неизбежного классового конфликта».

Г-н У продолжает говорить о теплом приеме, оказанном лидерами Китая монетаристу Милтону Фридману в 1988 году, прежде чем упомянуть Фридриха фон Хайека, столь же реакционного австрийского экономиста, в следующих одобрительных выражениях:

Фридрих фон Хайек (1899–1992), австрийский экономист, в своей книге «Роковое тщеславие» сказал, что стремление к высокоразвитой плановой экономике было своего рода "роковым тщеславием", и изложил недостатки такой экономики, защищая вместо этого "принцип спонтанной организации".

«Книга Хайека предоставила своевременные теоретические боеприпасы для капиталистических стран Запада. В Китае в некоторых кругах его считали настоящим сокровищем»³, что свидетельствует о вырождении и полном отходе от марксистско-ленинской политической экономии «реформистских лидеров».

¹ Там же. - С. 61-62.

² Там же. - С. 62.

³ Там же. - С. 64.

Защитник «экономической свободы» и «свободных рынков», специалист по теории цен и рынка, Фридман посоветовал китайским «реформаторам» отказаться от контроля над ценами. Он обнаружил, что в Китае охотно принимают этот совет, и *«рекомендации великого гуру (о том, что цены должны определяться рынком) послужили теоретической основой для их взглядов»*. Его совет был принят правительством. В результате, как и следовало ожидать, цены на предметы первой необходимости взлетели до небес.

За либерализацией цен последовали инфляция и панические закупки по всей стране; склады опустели даже от товаров, ведущим производителем которых в мире был Китай, например вентиляторов. Люди дрались на улице из-за покупок шерстяной пряжи.

Профессора в некоторых университетах были вынуждены прибегать к продаже супа вонтон и бакалеи, чтобы заработать на жизнь, потому что они не могли выжить на свою зарплату. Цены в 1988 г. росли быстрее, чем в любом другом году с 1950 г., увеличившись на более чем 95% среди 383 определяющих товаров, по которым государство рассчитывает цены на товары.

Инфляция и связанное с этим безумие покупок также привели к беспрецедентной нехватке сырья для производства.

Власти были вынуждены отступить и заморозить цены. В октябре 1988 года политика либерализации цен была объявлена полным провалом и, как оценили, она нанесла самый большой экономический ущерб с начала «реформ» в 1978 году. Она разрушила веру людей в реформу¹, вызвав растущую ненависть к этим чиновникам, которые злоупотребляли своим положением, а также растущее осознание того, что некоторые люди становятся богатыми, в то время как простые люди должны сталкиваться с трудностями, и что «реформа» создает радикально неравное общество.

Либерализация цен повлекла за собой не только неудачу в проведении экономической «реформы», но и волну социальных волнений².

Правительство приняло меры по исправлению ситуации, в результате которой 5 миллионов рабочих-мигрантов были уволены, количество частных предприятий сократилось на 3 миллиона, а темпы роста Китая упали в 1989 году до самого низкого уровня с 1978 года. Источники финансирования иссякли, потребительские расходы упали, фабрики закрылись, а безработица выросла³. Это был настоящий кризис рыночной экономики. Внезапные социальные потрясения резко остановили изменения, которые происходили в течение предыдущих 12 лет, поскольку руководство Дэна было вынуждено поставить социальную стабильность выше всех других соображений. Приняв такие меры, как подавление контрреволюционной волны (которую вызвала его политика «реформ», приведшая к инциденту на площади Тяньаньмэнь) и замораживание экономической «реформы», Дэн предотвратил крах Китая, подобный тому, который произошел с СССР.

¹ Там же. - С. 78.

² Неблагоприятные последствия политики либерализации цен должны были стать важными факторами, способствовавшими инцидентам в июне 1989 года на площади Тяньаньмэнь, о которых г-н У умалчивает.

³ Даже г-н У вынужден признать цену реформы, которую заплатил китайский рабочий класс: «Следует помнить, что

Однако это было всего лишь тактическим отступлением со стороны Дэна, поскольку он был полон решимости продвигать свою «программу реформ», к которой он вернулся во время своего знаменитого «Южного тура» (18 января – 21 февраля 1992 г.). В ходе этого тура он представил серию «точек зрения» в качестве руководства по будущему направлению Китая, которое можно резюмировать следующим образом: «Основной маршрут партии не изменится в течение 100 лет»⁴.

Как и во всех своих заявлениях, характеризующихся эклектизмом, он заявил во время своей поездки, что *«основное качество социализма – это высвобождение производительности, устранение эксплуатации, устранение экстремизма. Его цель – наконец прийти к общему процветанию»*. *«Фундаментальное различие между социализмом и капитализмом заключается не в том, есть ли у вас немного больше плана или немного больше рынка»*. Он не стал объяснять, как следует устранить эксплуатацию и одновременно дать волю рынку.

1992 год должен был стать переломным в китайском процессе «реформ и открытости». Это развеяло все сомнения в будущем реформ, и процесс этот поразил иностранных наблюдателей. ТНК стали массово переезжать в Китай.

Различные *«индикаторы дали понять в 1993 году, что Китай больше не является плановой экономикой в традиционном смысле и больше не будет ею... Старые термины «спекуляция» и «корыстное использование» больше не употреблялись; то, что раньше было ужасным преступлением, теперь стало частью нормальной повседневной жизни. Сети местных бизнес-экономик распространялись как лесной пожар, и, как необходимая часть любой современной рыночной экономики, так же зарождались и рынки капитала»*⁵.

В октябре 1992 г. создан 14-й съезд партии, на котором четко сформулированы цели «создания системы социалистической рыночной экономики».

Теоретический подход *«построения социализма с китайской спецификой»* был прописан в уставе партии.

Чжу Жунцзи прибыл в Пекин, чтобы стать вице-премьером. По рекомендации Дэна он был специально назначен ответственным за экономику. Следующие 12 лет он руководил экономическими реформами Китая.

14 ноября 1993 г. на третьем пленуме ЦК 14-го созыва была принята резолюция «Решение по вопросу построения социалистической системы рыночной экономики».

Вслед за этим экономическая конкуренция распространилась на все экономические сферы Китая. Произошел значительный рост иностранных инвестиций и взрывной рост внешней торговли. Полномочия принимать экономические решения все больше опускались на более низкие уровни, что приводило к соперничеству между провинциями, из-за которых ситуация выглядела поразительно похожей на реальность федеральной системы США⁶.

многие десятки миллионов служащих старых предприятий Китая заплатили огромную цену за реформу городской экономики Китая» (С. 105).

⁴ Lardy, Markets to Mao. - С. 76-77.

⁵ Там же. - С. 86-87.

⁶ Там же. - С. 87

После южного тура Дэна и его заявления экономика пошла на поправку. В строительной отрасли был отмечен резкий рост.

Чжу Жунци предпринял несколько шагов, чтобы устранить разницу между официальными низкими процентными ставками и высокими ставками неофициального «народного финансирования», которые были источником огромной коррупции через махинации со стороны чиновников с хорошими связями, занимавших деньги из официальных источников, потом ссужавших их, получая мгновенную прибыль в 20-30%. Он также девальвировал юань на 33%, что мгновенно сделало китайские товары дешевле на мировом рынке, в то же время сделав Китай привлекательным местом для иностранных инвесторов. Это означало, что четыре «маленьких дракона» Юго-Восточной и Восточной Азии утратили преимущество дешевой рабочей силы, и это сделало Китай мировым производственным центром.

После этого Чжу обратил свое внимание на госпредприятия. В то время как все предыдущие реформы были сосредоточены на увеличении автономии предприятий с незначительными результатами, теперь Чжу решил принять совет экономистов-реформистов, которые утверждали, что *«системы собственности следует рассматривать не просто в идеологических терминах, а скорее как средство развития производительности»*. Они утверждали, что Китаю необходимо удержать самые важные из крупных предприятий, возможно 500-1000, а остальные следует «отпустить». Государство могло удерживать тех, у кого был потенциал роста, у кого были преимущества в ресурсах, кто работал в высокодоходных отраслях и был крупным.

После 2003 г. результаты этой реформы стали очевидны.

В 1993 году американская сеть ресторанов KFC открыла свой первый ресторан в городе Сиань. Procter & Gamble создала четыре компании и пять заводов в том же году. Крупнейшая в мире пивоваренная компания Anheuser потратила 1,64 миллиарда юаней на покупку 5% крупнейшей пивоваренной компании Китая Qingdao Beer. Kodak выступила спонсором первых Азиатских игр в Шанхае; Nokia начала поставлять в Китай мобильные телефоны стандарта GSM; Ситибанк перенес свою региональную штаб-квартиру из Гонконга в Шанхай. Boeing подписал выгодный контракт на продажу Китаю 120 самолетов стоимостью 9 миллиардов долларов. Японские инвестиции в Китай быстро росли в 1993 году: в общей сложности японским компаниям было выдано 3 414 лицензий на инвестирование в китайские продукты – в три раза больше, чем в 1991 году.

Большая часть инвестиций в размере 346,2 миллиарда долларов, которые Китай привлек в период с 1979 по 2000 год, пришлось на период после 1992 года. Сумма с 1992 по 2000 год составила 93% от общей суммы.

Привлеченные перспективой огромного прибыльного рынка, руководители ТНК устремились в Китай.

Иностранные инвестиции оказали сильное давление на местные китайские компании, поэтому были приняты защитные меры по защите китайской промышленности на ее родине. Китайские производители ответили продукцией, которая была дешевле, чем ее зарубежные аналоги, при том же качестве и функциональности.

В середине 80-х все выглядело многообещающе. Постепенные реформы Китая оказались успешными в отличие от остального мира. «Шоковая терапия», пропагандируемая в России с 1992 года, привела к ужасным последствиям, вызванным быстрой приватизацией. Для многих уже были слышны приближающиеся шаги «века Китая». Под влиянием этого оптимизма индекс фондового рынка Шанхая поднялся с 537 в начале 1996 года до 1 200 в ноябре того же года.

Восстановление китайской экономики было результатом коллективного восхождения вновь созданных предприятий и не имело ничего общего со старыми госпредприятиями, – заявляет г-н У в стиле всех капиталистических прихлебателей¹.

Чтобы иметь дело с несколькими сотнями тысяч госпредприятий, после ряда других мер, правительство, наконец, приняло стратегию «удерживать крупные и отпускать маленькие». «Удержать крупные» означало энергичную поддержку тех госпредприятий, которые выходили на рынок, с намерением превратить их в компании из списка Fortune 500 как можно быстрее.

Основой для ранжирования в этом списке послужили оборот продаж и рыночная капитализация. В 1989 году Bank of China стал первой компанией, вошедшей в список Fortune 500. Попасть в список Fortune 500 стало мечтой каждого китайского предпринимателя.

Заявляя о технологических прорывах, китайские компании в основном занимались копированием:

«Вместо того чтобы создавать новые технологии, они (госпредприятия) были лишены технологий. Китай стал крупнейшей в мире производственной базой для электроники, но даже сегодня он не может производить продукт, полностью сделанный в Китае. Например, высокотехнологичные компоненты для цветных телевизоров, холодильников и кондиционеров поступают откуда-то еще»².

Мечта о попадании в список Fortune 500 вскоре была полностью развеяна азиатским финансовым кризисом, который начался в Таиланде, когда его валюта, бат, резко упала по отношению к доллару США. В считанные дни кризис распространился на Малайзию, Филиппины, Индонезию и Южную Корею.

В середине 1997 года Китай был охвачен кризисом перепроизводства. Согласно отчету Государственного статистического управления, в середине 1997 года стоимость товаров на складе по всему Китаю превышала 300 трлн. юаней. В 95% всех категорий промышленных товаров возникло явление «структурного перекрытия».

Но «реформисты» не отказались от своих планов.

12 сентября 1997 г. на 15-м Национальном конгрессе КПК генеральный секретарь Цзян Цзэминь представил серьезный пересмотр теоретических основ традиционной системы государственной собственности. Он поднял концепцию «смешанной собственности», указав, что часть экономики, не находящаяся в государственной собственности, уже была не просто «дополнительной», а фактически «важной составной частью». Утверждая, что упадок государственной части экономики не окажет чрезмерного влияния на природу социализма, он заявил о прекращении дебатов о том, будут ли госпредприятия проводить реформу собственности на активы.

¹ Там же. См. последний абзац на С. 104.

² Там же. - С. 109-110.

Заявление Цзяна и протоколы 15-го Конгресса рассматриваются «реформистами» как еще один важный шаг в «освобождении мысли» – эвфемизм для отказа КПК от марксизма-ленинизма в области политической экономии, философии и классовой борьбы.

Открытие 15-го Конгресса, заявляет г-н Ву, свидетельствует о том, что Китай вступил в эпохальный период «освобождения мысли».

С помощью этого «освобождения мысли» правительство взяло в руки острый нож и начало «держаться за большое и отпускать маленькое».

Ввиду азиатского кризиса китайское правительство приняло новую стратегию, а именно: «Государство выходит, люди входят», основная идея заключалась в том, что государственный капитал должен выйти из полностью конкурентоспособных производств. В то же время правительство должно оставаться в стратегических ресурсных отраслях, занимая строго монополистическую позицию. К ним относятся сталь, автомобили, авиалинии, телекоммуникации, электроника, банки, страхование, средства массовой информации, крупномасштабное оборудование и боеприпасы, – сферы, из которых правительство исключило любую «управляемую народом» и финансируемую международными организациями конкуренцию.

В условиях, когда экономика снова находилась в состоянии рецессии, а экспорт сокращался, единственным выходом, доступным «реформистскому» руководству, было стимулирование внутреннего спроса. Итак, Чжу принял важное решение продвигать покупку и продажу недвижимости.

В 1998 г. была отменена система «жилье в качестве социального пособия». В июле 1998 года Государственный совет положил конец этой системе и способствовал монетизации жилищной сферы.

Людям разрешалось брать ипотечные ссуды на покупку домов. За этим последовал жилищный бум, который стал двигателем экономического роста Китая в следующем десятилетии. Жилищное строительство также было отраслью с самой «взрывной прибылью» в стране. В Китае внезапно возник огромный рынок жилья. С этого момента система жилищного строительства будет «брать за основу экономичное жилье» – эвфемизм для купленного жилья.

Эта политика стимулировала спрос и вызвала бум на рынке недвижимости, который длился более десяти лет, принося некоторым огромные состояния. Бум в жилищном секторе, в свою очередь, стимулировал сталелитейную, цементную и другие отрасли. Потребительские кредиты стимулировали спрос на жилье. Масштабные инфраструктурные проекты стимулировали спрос на финансовых рынках. Это, в свою очередь, обеспечило отличный рынок для ГП, связанных с производством сырья и энергии.

Водораздел 1998 года

Кроме того, Соглашение 1998 года позволило Kodak купить всю китайскую киноиндустрию, потребовав взамен от Kodak предоставить три вещи: 1) технологии, 2) менеджмент мирового уровня, 3) минимум 1 млрд. долларов инвестиций. Kodak потребовала эксклюзивности и получила ее – беспрецедентная сделка, за которую Чжу был назван предателем.

До 1998 года основное внимание уделялось изменению «рабочих механизмов». После 1998 г. проводились реструктуризация и уточнение прав собственности. Политика правительства была намеренно расплывчатой, выраженной лозунгом «реформа, реорганизация, обновление». После этого движение «Государство уходит, люди входят» было с энтузиазмом развернуто, после чего в течение нескольких лет была проведена колоссальная реструктуризация.

Одним из результатов было то, что группа крупных государственных предприятий, которые терпели неудачу, превратилась в своего рода непобедимую армаду. В этом процессе людям, которые руководили этими предприятиями, было позволено взять на себя контроль над огромными богатствами. Этот процесс был известен как «последний банкет» из-за отсутствия четких юридических границ и нормативного контроля. В ходе смены собственника отдельные лица получили контроль над огромным количеством активов. Некоторые из имен, которые позже стали появляться в списке «самых богатых» Китая, несомненно, получили выгоды от этой последней редакции «реформы».

Начиная с 1998 года, «реформа» Китая привела к ожесточенному конфликту. Люди начали ощущать желание сопротивляться тому, что происходило в их собственной жизни, с одновременным чувством беспомощности по поводу того, в каком направлении движется страна.

10 ноября 2001 г. Китай вступил в ВТО.

В то время как транснациональный капитал продолжал проникать во все уголки Китая, а государственный капитал активно возвращался через реорганизацию, «третья сила», а именно «капитал, управляемый людьми» (эвфемизм для частного бизнеса), энергично боролась за место под солнцем. Первой крупной отраслью, которой было разрешено работать как частное предприятие, было производство автомобилей с лицензией, выданной предприятию под названием Geely.

Дешевая рабочая сила привлекала транснациональные корпорации из империалистических стран, особенно из США, для создания производственных мощностей в Китае. Благодаря товарам, производимым дешевой рабочей силой, экспортная торговля Китая росла. В 2008 году Томас Фридман написал в *New York Times*¹, что если бы Wal-Mart был страной, он был бы крупнейшим торговым партнером Китая и шестым по величине с точки зрения экспорта Китая.

В 2002 году заводы Китая произвели 12 миллионов микроволновых печей, что превышает треть мирового производства. Самым важным его компонентом является устройство для изменения давления, которое Япония производила по цене 20 долларов, а американские и европейские компании – по 30 долларов. Galanz, базирующаяся в Гуандуне, предложила поставить его американским компаниям по 8 долларов, поэтому США отправили свои производственные линии в Китай. Благодаря дешевой рабочей силе Китай стал мировой фабрикой по производству микроволновых печей. Этот процесс повторился в других сферах. «Сделано в Китае», по данным американской консалтинговой компании AT Kearney, доминирует более чем в 100 отраслях по всему

¹ «It's a flat world, after all», 3 апреля 2005 г.

миру. К ним относятся контейнеры, электроника и игрушки. Китай производит 90% мировых контейнеров, 80% DVD-плееров, 75% игрушек, 65% спортивного инвентаря, 60% велосипедов, 50% микроволновых печей, 30% цветных телевизоров и холодильников.

Взрывоопасный рынок недвижимости поспевал за внешней торговлей, что порождало безудержные спекуляции, как и в Японии, Гонконге и Тайване в 1970-х годах. По данным журнала Forbes, в 2003 году 40 из 100 самых богатых деятелей в материковом Китае занимались недвижимостью. Шесть из первой десятки приходится на недвижимость.

«Сделано в Китае» и повальное увлечение недвижимостью создали иррациональную экономическую структуру, а не продукт органического роста – как будто в капиталистическом производстве могло быть иначе! Все это привело к резкому росту цен на все сырье и ресурсы в 2003 году и серьезному дефициту электроэнергии. В ответ крупные государственные коммунальные компании Китая начали рыскать по миру в поисках товаров – нефти, металлов и природного газа.

С марта по май 2004 года правительство ужесточило контроль над финансами и землепользованием, что привело к быстрому сокращению сделок на строительном рынке.

Фондовый рынок упал.

Торговая политика Китая не давала спать по ночам бизнесу и политическим лидерам Америки, Европы и Японии. Они рассудили, что когда лопнет китайский пузырь, вместе с ним исчезнут самые разные пузыри по всему миру.

Тем не менее, в 2004 году китайская экономика выросла на 10,1% – это самый быстрый рост за любой год с 1996 года.

Успех Китая в экспортной торговле привел к торговым трениям. ЕС начал (и проиграл) антидемпинговое дело против региона Вэньчжоу в отношении зажигалок, из которых 90% мирового производства приходится на него. Их цена была в десять раз меньше, чем у произведенных в Японии зажигалок. Доход рабочих Вэньчжоу составлял одну двадцатую от дохода европейских рабочих. «Китайские предприятия не занимаются убыточным бизнесом».

16 сентября 2004 г. в Эльче, Испания, прошла демонстрация против обуви Wenzhou. Несколько сотен испанских сапожников пришли в доки, где разгружали китайские товары, и уничтожили 16 контейнеров с обувью на сумму 1 миллион долларов.

Чтобы донести мысль о рыночной экономике Китая, причем самым унижительным образом для китайского рабочего класса (или – для каждого китайского рабочего), журнал Time в 2006 году опубликовал выпуск с Мао Цзэдуном на обложке (что он делал шесть раз раньше), но на этот раз его показали в одежде с логотипом Louis Vuitton и с надписью «Quiet Revolution» («Тихая революция»)

Государственные предприятия (ГП)

Стало очевидным привилегированное положение крупных госпредприятий. Их монопольное положение в области ресурсов стало беспрецедентно консолидированным, равно как и их

конкурентоспособность, когда они стали частью рыночной системы.

За 3 года, прошедшие с момента создания SASAC, прибыль первичных предприятий, находящихся в непосредственном подчинении центрального правительства, выросла на 78,8%. Прибыль выросла на 140% – годовой рост составил 33,8%. Поступления государственных налогов выросли на 96,5% – годовой рост составил 25,2%. Чистая рентабельность инвестиций составила 10%. ГП стали непобедимы.

В период с 2004 по 2006 год три крупные китайские нефтяные компании-монополисты продемонстрировали взрывной рост прибыли. SINOPEC, CNPC (Petrochina, торговое подразделение CNPC) и CNOOC.

Г-н Ву говорит, что «за 20 лет до 2008 года около 400 миллионов человек были вырваны из крайней нищеты в результате быстрой урбанизации и экологического ущерба». Этот враг плановой экономики и активный сторонник рыночной экономики вынужден признать, что «ухудшение состояния окружающей среды – это высокая цена, которую нужно заплатить за экономический прогресс»¹.

Ожидается, что в ближайшие 20 лет (с 2008 г.) еще 400 миллионов человек переедут в города. Весь Китай – это огромная строительная площадка. Площадь, строящаяся каждый день в Китае, составляет примерно половину от общего объема нового строительства, которое ведется в любой данный день во всем мире.

Г-н У объявляет свой вердикт в отношении развития Китая с 1978 года следующими торжествующими словами: «В то время как в 1978 году Китай был страной, стоящей на краю света, с подавленной индивидуальной жизнеспособностью, 30 лет спустя парализованная плановая экономическая система постепенно разрушилась; он вошел в основное течение истории».

Используя слова Вэнь Цзябао, он говорит: «Китай обязан всем этим прогрессом политике реформ и открытости и, в конечном счете, творчеству китайского народа, вдохновленному свободой».

За этим торжествующим утверждением сразу же возникают мелкие сомнения: «Китай 2008 года, – пишет он, – снова стоит на распутье. Может быть, на вопросы ответит только история. Куда движется страна, с какими неудачами она столкнется в будущем...?». Он добавляет: «Возможно, все, что было раньше, было лишь временным испытанием»².

Часть IV. ТЁМНАЯ СТОРОНА «РЕФОРМ»

Глава 10. Рост частного богатства

Взрывной рост китайской экономики сопровождался экспоненциальным ростом частного богатства. К 2008 году в материковом Китае насчитывалось 106 миллиардеров, а также 415 000 человек с наличными активами на 1 миллион долларов³, что делает Китай домом для большего количества миллионеров, чем в любой другой стране в реальном выражении. К 2012 году количество китайцев с активами в 1,6 млн долларов выросло до 960 000 человек. По словам Руперта Хугеверфа, составителя списка китайских

¹ Lardy, Markets to Mao. - С. 187.

² Там же. - С. 194.

³ Дэвид Гудман в своей книге «Классы в современном Китае» приводит эти цифры в 200 и 1 миллион соответственно.

богатых, 2 000 самых богатых китайцев увеличили свое состояние в 2017 году на 13%¹.

Быть богатым бизнесменом сегодня не так, как было раньше, теперь это стало приемлемым. Особенностью богатых является то, что многие из них вступают в КПК, открывшую свои ряды для «деловых людей» в 1999 году. Эти богатые люди знают, как важно иметь официальных друзей для бизнеса; для них членство в партии – отличный способ налаживания контактов и отношений с партийными и правительственными чиновниками. Десятки из них регулярно посещают заседания Всекитайского собрания народных представителей (ВНС), законодательного собрания Китая и консультативного органа – Народного политического консультативного совета Китая (НПКСК). Цзун Цинхуо, признанный самым богатым человеком Китая в 2013 году, с оценочным состоянием в 13 миллиардов долларов, согласно списку Hurun Rich List, 11 лет подряд (включая 2013 год) присутствовал на ежегодной сессии парламента Китая в качестве делегата.

НПКСК – организация Патриотического единого фронта китайского народа и «важный форум для продвижения социалистической демократической политики с китайской спецификой». Он нужен для того, чтобы давать советы ВНС и вносить предложения по законодательству.

Эти два органа когда-то предназначались для представления масс, с делегатами, организованными по названию групп, которые они представляли – «крестьянин, рабочий или солдат», но в наши дни они наполнены кинозвездами, высокопоставленными чиновниками и миллиардерами.

Членство в НПКСК имеет политические преимущества. «Это открывает двери к высшим руководителям страны», – сказал г-н Фанг Фанг, генеральный директор китайской компании Американский инвестиционный банк JP Morgan, который был делегатом в этом органе в 2011 году.

70 из 2987 богатейших делегатов ВНС в 2011 году имели совокупное состояние в 493,1 миллиарда юаней (75 миллиардов долларов), включая г-на Цзун Цинхуо, в то время самого богатого человека Китая и председателя Hangzhou Wahaha Group.

Членство в НПКСК высоко ценится провинциальными чиновниками, руководителями государственных предприятий и все чаще – частными предпринимателями и знаменитостями, стремящимися быть ближе к власти. В наши дни в их число входят люди и компании, признанные многими даже за пределами Китая.

«Потомки из многих самых богатых семей Гонконга и крупнейших компаний, таких как Sun Hung Kai, Wharf Holdings, Shui On Land и New World Development, а также старшие или бывшие руководители HSBC и Deutsche Bank все (были) делегатами» на его собрании в 2011 г.²

Автор статьи продолжает: *«... НПКСК остается справочником богатых и влиятельных людей страны и главным образом местом, где китайские и даже иностранные компании лоббируют высокопоставленных политиков».*

Депутаты ВНС и НПКСК встречаются параллельно. Функция последнего заключается в том, чтобы действовать в качестве консультативного органа, а также контролировать работу правительства и давать ему рекомендации. В 2013 году 39 миллиардеров были избраны представителями в ВНС, а также 210 предпринимателей, а еще 52 миллиардера были назначены в НПКСК. Капиталисты очень хотят быть представленными в этих организациях, потому что это дает им доступ к представителям власти, и возможность влиять на политику. По словам Гудмана, капиталисты никогда не имели лучшего доступа к политической системе в истории КНР – доступа, который приносит огромные дивиденды. О том, что КПК и правительство серьезно относятся к их интересам, убедительно свидетельствует всего лишь один статистический факт. В 2005 г. частные предприятия произвели 50% ВВП и уплатили 7,1% всех налогов, уплаченных предприятиями; при этом, государственный сектор производил 30% ВВП и платил 63% налогов, пишет г-н Гудман со ссылкой на исследование некой Терезы Райт³.

Все это отражает влияние бизнеса на политический процесс в Китае.

На вершине иерархии богатства находятся чрезвычайно богатые люди, в то время как огромные массы занимают нижние ступени. Гудман говорит: «Бедность, бессилие и низкий социальный статус усиливают друг друга, но то же самое делают богатство, политическая власть и высокий социальный статус»⁴.

Существует взаимозависимость и ассоциация богатства и политической власти, особенно в связи с тем, что значительная часть предпринимателей в частном секторе, вероятно, около половины, ранее работала в государственных предприятиях или правительстве. *«Проявления неравенства усиливают друг друга, ... в значительной степени оно закреплено за счет передачи привилегий и ущемлений, от поколения к поколению»*, – пишет г-н Гудман⁵.

Кроме того, он пишет, что по состоянию на 2013 год совокупность доказательств свидетельствует о том, что доминирующий класс составляет не более 3% населения, средний класс – 12%, а низшие классы – 85% в целом. Он продолжает, приводя интересные комментарии от кого-то по имени Ян Е о взгляде Китайской Академии общественных наук на социальную структуру, которые, по его словам, может быть не поддаются эмпирической проверке, но они, безусловно, вызывают беспокойство о будущем:

«Для верха характерны роскошь и вульгарность. Середина энергична и тревожна, а нижняя часть общества работает до мозга костей и злится. В погоне за интересами конкуренция во всем обществе обостряется».

Гудман добавляет, что «опыт эпохи реформ оставил КНР не только социально неравной, но и в значительной степени остро поляризованной».

Бум в строительной отрасли принес в этом секторе огромное количество состояний. В отрасли, где невозможно вести бизнес без тесных отношений с местными чиновниками, появление такого количества магнатов в

¹ См. Tom Hancock. Wealthy Chinese push racing pigeon prices skywards. - Financial Times, 20 февраля 2018 г.

² См. Jamil Anderlini. Business influence rises in China. - Financial Times, 5 марта 2011 г.

³ Гудман Дэвид. «Классы в современном Китае» - С.155.

⁴ Там же. - С.184.

⁵ Там же. - С.185.

сфере недвижимости, по праву, не получило большого одобрения.

Тем не менее, прежняя подозрительность к богатым, которых считали сколотившими богатство путем мошеннических сделок с властями, уступила место очарованности богатством и наиболее явным, почти вульгарным формам потребления, благодаря пропаганде прорыночной идеологии наряду с рыночными «реформами».

Однако в последние годы, в связи с ростом неравенства, сверхбогатые стали в некоторой степени сдерживаться. В то же время, в противодействие этой тенденции, нет недостатка в вульгарных богачах, которые самым грубым образом демонстрируют свое богатство, ставя в неловкое положение власти и вызывая негодование среди простых рабочих и крестьян. Вот лишь один пример такого хамства.

В начале сентября 2009 года тибетский мастиф – редкая порода собак – прилетел в аэропорт Сиань в центральном Китае, где он получил королевский прием и был увезен в город колонной из 30 автомобилей Mercedes Benz. Этот мастиф обошелся своему новому владельцу в 4 миллиона юаней (586 000 долларов, 402 000 евро, или 351 000 фунтов стерлингов). The China Daily, опубликовавшая эту историю, нервно заметила, что такая экстравагантная демонстрация богатства может «усилить напряженность между богатыми и бедными»¹.

История о мастифе – всего лишь один, хотя и чрезвычайно странный и вопиющий пример богатства китайских нуворишей. Син Вэй, магнат недвижимости, заплатил 490 000 долларов за бельгийскую голубку по имени Надин – вслед за этим он купил на аукционе в декабре 2017 года птицу-чемпионку под названием «Богиня экстремальной скорости» за 475 000 долларов.

Китайские покупатели являются наиболее важными покупателями японской рыбы кои, один экземпляр которой может быть продан за 380 000 долларов. И это в стране, где неравенство является одним из наихудших в мире, и где 25% беднейших домохозяйств владеют лишь 1% богатства страны. Согласно списку Хурун, количество миллиардеров в Китае в 2015 году составило 596 человек – больше, чем в США.

В 2006 году Китай уже обогнал Японию и стал третьим по величине рынком для производителя автомобилей Rolls Royce. Rolls Royce, у которого уже было три представительства в ведущих экономических центрах Китая – Пекине, Шанхае и Гуанчжоу, – в 2007 году открыл еще три – в Ханчжоу, Чэньду и Шэньчжэне. Он продал свой самый дорогой автомобиль, сделанный на заказ – Phantom, за 2 миллиона долларов торговцу недвижимостью в Пекине.

Но речь не только о дорогом автомобиле. Китай также стал третьим по величине рынком предметов роскоши в мире в 2006 году, когда у люксового бренда Louis Vuitton стало 19 магазинов в этой стране. Китай также развил рынок частных самолетов, вертолетов и яхт.

Вдали от Пекина и Шанхая находятся районы частного предпринимательства – провинция Чжэцзян, к юго-западу от Шанхая, и провинция Гуандун, сразу за

границей с Гонконгом. Ханчжоу, столица провинции Чжэцзян, обладает роскошным европейским торговым комплексом, в который входят бутики Giorgio Armani, Dolce & Gabbana и выставочный зал Ferrari. Bulgari, бренд роскошных часов и ювелирных украшений, открыл свой самый большой китайский магазин в Шэньяне, городе в северном переполненном ржавчиной регионе Китая, который сильно пострадал от закрытия крупных заводов.

Помимо предметов роскоши, растет рынок услуг по управлению капиталом, поскольку богатые с нетерпением ищут людей, которые могут помочь им управлять своими деньгами.

Китайские лидеры регулярно критикуют растущее неравенство и осуждают показную демонстрацию роскоши богатыми. Цзян Цзэминь, руководивший крупнейшей программой приватизации, допустил капиталистов в КПК и ускорил процесс быстрого проникновения рынка в китайскую экономику – наряду с вытекающим из этого неравенством и коррупцией – в противоречие к этому своему курсу заметил, что *«несправедливое распределение доходов ослабляет энтузиазм тех, кто трудится, и препятствует развитию производительных сил»*². Если это действительно так, то зачем идти по пути рыночных «реформ»? Это утопическая позиция, достойная Прудона, согласно которой нужно установить капиталистические нормы производства, но без их пагубных последствий – эксплуатации рабочей силы, неравенства в богатстве, коррупции и так далее. Такое невозможно.

Приведенная выше чушь напоминает следующее наблюдение Энгельса по поводу воображаемой коммуны Дюринга:

*«Г-н Дюринг делает основной закон существующего общества основным законом своего фантастического общества. Он хочет сохранить современное общество, но без его отрицательных сторон. Он стоит совершенно на той же почве, что и Прудон. Подобно последнему, он хочет устранить отрицательные стороны, возникшие вследствие развития товарного производства в капиталистическое, выдвигая против них тот самый основной закон капиталистического производства, действие которого как раз и породило эти отрицательные стороны. Подобно Прудону, он хочет уничтожить действительные следствия закона стоимости при помощи фантастических»*³.

Эта чушь доводится до абсурда следующей формулой из Резолюции 17-го съезда КПК:

*«... Реформа и открытость – единственный путь развития социализма с китайской спецификой, ... только социализм может спасти Китай и ... только реформы и открытость могут развивать Китай, социализм и марксизм»*⁴.

Далее в Постановлении говорится, что необходимо *«лучше использовать роль рыночных сил в распределении ресурсов и сформировать систему макроэкономического регулирования, способствующую научному развитию...»*.

¹ См. Gideon Rachman, 'China makes gains in its bid to be top dog', Financial Times, 15 сентября 2009 г.

² Цитируется на странице 14-го выпуска журнала «Общественные науки в Китае» за 2007 год.

³ Энгельс Ф. «Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом». Предисловие к трем изданиям. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, издание второе. Госполитиздат - Т. 20. - С. 324.

⁴ Постановление XVII съезда КПК, октябрь 2007 г.

Мы оставляем читателю возможность оценить смысл этого самоубийственного утверждения. По нашему мнению, не может быть и речи о научном развитии в экономике, где распределение ресурсов регулируется рыночными силами.

Если социализм и марксизм можно укрепить только путем развития рынка, то тогда у социализма и марксизма нет будущего, а капитализм – конечная цель человечества.

В том же номере журнала «Общественные науки в Китае», из которого взята приведенная выше цитата Цзян Цзэмина, сообщается о серьезном опросе, проведенном профессорами Кан Сяоганом и Хан Хэном, который показывает, что *«всё подчиняется политике приоритета сильных мира сего или выше всего ставятся интересы сильных мира сего. С созданием нового правящего альянса между правительством и недавно появившимися группами элиты (предпринимателями и интеллектуалами), возникшего с середины 1990-х, бывшие союзники (рабочие и крестьяне) были отправлены на дно нового общества»*¹.

Неравенство в китайском обществе отражено в следующих словах важного официального издания: *«0,4% очень богатых китайцев получили 70% богатства страны»*².

«Число домохозяйств с высоким уровнем дохода или тех, чьи инвестиционные активы превышают 6 миллионов юаней (947 867 долларов США), выросло с 1,03 миллиона до 1,21 миллиона в конце 2011 года.

*Эти домохозяйства увидят, что их совокупные инвестиционные активы достигнут 27 трлн. юаней (4,27 трлн. долларов), что составляет 44% от общей суммы по стране»*³.

С тех пор ничего не произошло, чтобы ликвидировать разрыв между богатыми и бедными.

Китай занимает второе место в мире по количеству миллиардеров⁴ после США. В зависимости от оценки фондовой биржи на Шанхайской бирже места, занимаемые самыми богатыми китайцами, постоянно меняются. В конце 2007 года Ян Хуэйянь, состояние которой на тот момент составляло 17 миллиардов долларов, стала самым богатым человеком в материковом Китае после первичного публичного размещения акций (IPO) девелоперской компании ее семьи Country Garden.

Среднее отношение цены к прибыли в Шанхае составляло астрономические 64:1 в 2007 году, таковы были культура быстрого обогащения и мания на фондовом рынке. Количество счетов на фондовом рынке на конец 2007 года превысило 100 миллионов, из которых 27 миллионов были новыми счетами, открытыми за предыдущие 12 месяцев. Учителя, пенсионеры, таксисты и бухгалтеры запускали руку в свои пенсионные фонды и закладывали свои дома,

чтобы утолить безумие, известное как Чао Гу, или «жареные акции».

В конце 2017 года фондовый рынок Китая на 7 трлн. долларов и рынок облигаций на 10 млрд. долларов были вторым и четвертым по величине в мире соответственно.

Поскольку после «реформ», деколлективизации и крупномасштабной приватизации сеть социальной защиты была ликвидирована, те, кого можно было привлечь к инвестированию в фондовый рынок, включали людей, инвестировавших в надежде на увеличение своих сбережений, чтобы иметь возможность оплачивать медицинские расходы, образование своих детей, жилье по завышенной цене и выход на пенсию. Фондовые рынки могут падать так же стремительно, как и расти – именно это произошло во второй половине 2015 года на Шанхайской фондовой бирже, когда акции упали в цене, потеряв в общей сложности триллионы долларов⁵. В период с июня по сентябрь 2015 года фондовый рынок Шанхая упал на 40%, обесценив акции на 5 трлн. долларов, что превышает всю экономику Германии. Ясно, что проникновение на рынок и интеграция Китая в мировую капиталистическую экономику подвергают Китай тенденции к кризису капитализма.

80% листингов китайской фондовой биржи – это государственные предприятия, реорганизованные в 1990-х годах в акционерные компании. Процесс реструктуризации стал поводом для детей и членов семей высших партийных и правительственных чиновников, а также менеджеров государственных предприятий получить контроль над наиболее прибыльными и стратегическими отраслями промышленности Китая: банковским делом, страхованием, транспортом, энергетикой, природными ресурсами и т.д., и т.д., и т.д. Фондовый рынок может быть использован и часто используется теми, кто контролирует эти корпорации, как средство разграбления сбережений мелких вкладчиков. Как только иррационально бурные акционеры завышают цены, чиновники, которые до выхода на биржу сохранили за собой значительный пакет акций, могут продать свои пакеты и нанести этим смертельный удар.

В конце концов, пузырь на фондовом рынке должен лопнуть. Когда это происходит, официальные лица, располагающие внутренней информацией, остаются невредимыми, а миллионы мелких инвесторов видят, что их сбережения исчезают в мгновение ока.

Социальные и политические последствия такого положения дел слишком ужасны, чтобы даже думать о них. Неудивительно, что, как рассказывает Вэнь Цзябао, тогдашний премьер-министр, в то время (незадолго до Олимпийских игр в Пекине) на закрытом заседании Постоянного комитета Госсовета отметил, что от мысли о таком исходе он просыпался ночью в холодном поту.

¹ Стр.122.

² *Beijing Review*, 23 сентября 2010 г. - С. 47.

³ *Beijing Review*, 12 января 2012 г.

⁴ Согласно отчету швейцарского инвестиционного банка UBS и PWC, в 2018 году Китай произвел одного миллиардера в неделю (Gurpreet Narwan "Troubled times put a dent in fortunes of the world's richest", *The Times*, 9 ноября 2019 года).

⁵ Такая же волатильность наблюдалась и в последние два года. В 2019 году сравнительный индекс Китая CSI 300 вырос на треть, а рыночная капитализация Шанхая и Шэньчжэня увеличилась на 1,4 трлн. долларов. Он опередил рост

британского FTSE 100 на 8,5%; Рост на 11,5% по версии Topix Японии; и рост американского S&P 500 на 22,3%. Это контрастирует с мрачными показателями в 2018 году, когда CSI 300 упал на 25%, что сделало Китай крупнейшей фондовой биржей с худшими показателями, поскольку акции пострадали от усиливающейся торговой войны и кампании по сокращению заемных средств. повышение внутренней ликвидности (см. Hudson Lockett "China's stock market on track as world's best-performing in 2019". *Financial Times*, 3 ноября 2019 года). Колебания фондового рынка - неизбежный спутник рыночной экономики.

«Это действительно худший кошмар премьер-министра: «бомба замедленного действия, ожидающая взрыва», – сказал Питер Квон, автор статьи «Китайский пузырь миллиардеров»¹.

В 2006 году было зарегистрировано 70 000 случаев гражданских беспорядков, в немалой степени вызванных растущим чувством неравенства. Такое положение дел вынудило Вэнь Цзябао, тогдашнего премьер-министра, в марте 2007 года мягко упрекнуть богатых за строительство роскошных домов и использование земли под поля для гольфа. Можно спросить, как еще, помимо производственного потребления путем создания предприятий по эксплуатации рабочей силы, богатые должны использовать свое богатство, если не на личный комфорт и предметы роскоши?

Спустя несколько недель после упрека премьер-министра агентство «Синьхуа» предупредило, что крупные расточители рискуют «опьянеть от комфорта» и «власть в разврат». А в конце мая 2007 года мэр Пекина призвал к контролю за наружной рекламой, продвигающей «роскошные» или «ультрасовременные» товары по той причине, что она «поощряет роскошь и баловство, что не способствует гармонии». Поистине, странный способ создания гармонии – путем разрушения гармонии и братского сотрудничества посредством маркетизации экономики и приватизации, а затем попыток контролировать это разрушение с помощью ничтожных мер, направленных на ограничение продаж самой продукции этого рынка!

Пекинское управление промышленности и торговли, местный регулятор рынка, заявило, что определенные виды рекламы проблематичны, поскольку не соответствуют требованиям социалистической духовной цивилизации².

Гораздо более фундаментальная проблема – это эрозия социалистической духовной цивилизации в результате «реформ», которые привели к рыночной атаке на социалистическую экономику. Реклама – это просто побочный продукт этого нападения, как и коррупция, неравенство в благосостоянии, пузыри на рынке, неадекватность социального обеспечения, жилья и образования, экологический ущерб, незапланированное производство, ведущее к чрезмерным инвестициям и избыточным мощностям в определенных секторах и, в конечном итоге, кризис перепроизводства.

В статье для Financial Times от 10 декабря 2010 г. №191, Ли Кэцян, в то время вице-премьер Китая (в настоящее время премьер-министр), написал, среди прочего: «Реформы и открытость являются движущими силами нашего развития. Китай будет настойчиво продвигать реформы. Он будет придерживаться рыночной ориентации реформ и даст больше возможностей для фундаментальной роли рынка в распределении ресурсов. В то же время он по-прежнему привержен большей открытости, следует стратегии взаимной выгоды в отношениях с другими странами и открывает страну для всего мира»³.

Подобное противоречие красной нитью проходило через выступление 1 июля 2011 года Ху Цзиньтао, тогдашнего генерального секретаря КПК, по случаю 90-

летия основания КПК. Выступая на собрании 6 000, он высоко оценил «великую, славную и правильную марксистскую политическую партию» и подчеркнул, что «всеми нашими достижениями за последние 90 лет мы обязаны неустанной борьбе, ведущейся китайскими коммунистами и людьми нескольких поколений». Но затем он предупредил, что «... вся партия сталкивается с растущей опасностью отсутствия драйва, некомпетентности, отрыва от людей, отсутствия инициативы и коррупции».

И что же он прописал после этих зловещих предупреждений? Далее он призывал своих товарищей отстаивать марксизм-ленинизм, мысль Мао Цзэдуна, продвигая «социалистическую рыночную экономику» и «социалистическую демократию», то есть, продвигая ту самую практику, которая подрывает драйв, способствует некомпетентности, безынициативности, коррупции и отрыву от людей. Вот такого рода теоретическое искажение использует руководство КПК для объяснения своего идеологического мышления массам китайского народа. Поэтому неудивительно, что даже буржуазные идеологи, которые любят и одобряют рыночные реформы, пренебрежительно называют КПК «крупнейшей в мире торговой палатой».

Это продолжение линии Дэн Сяопина о том, что «если в капитализме есть что-то хорошее, то социализм должен взять верх и развить». Он продолжал: «Соотношение планирования и рыночных сил не является существенным различием между социализмом и капитализмом... плановая экономика не эквивалентна социализму... рыночная экономика – это не капитализм»⁴.

С самого начала «реформ», открытия доступа иностранному капиталу, интеграции китайской экономики в мировую экономику, которая, в конце концов, является капиталистической экономикой, сделав стремление к материальному обогащению приоритетом страны, власти, прежде всего санкционировали рост культуры «жадность – это хорошо» («быть богатым – это прекрасно», используя слова Дэна). В таком случае они не должны удивляться, если эта культура будет сопровождаться коррупцией, разрушением социалистической духовной цивилизации и вульгарной демонстрацией богатства.

«... Доверие – это товар, который постоянно находится в осаде», – пишет Джеймс Кинг в своей книге «Китай потрясает мир». Он добавляет: «Бедность и конкуренция за ограниченные ресурсы сказываются на нем. Идеологический вакуум, пришедший на смену коммунизму, подрывает его. Повседневная пропагандистская диета дезориентирует его. Продажность чиновников его обесценивает. Господство системы ценностей, в которой доминируют деньги, опустошает его... Даже газеты подчеркивают эту проблему, считая «кризис доверия» одним из десяти главных бед страны»⁵.

И все же тот же господин Кинг хочет большего, то есть развития рынка с его неизбежной системой ценностей, в которой доминируют деньги. Г-н Кинг, пишущий о личных отношениях, говорит, что существует огромное количество случаев внебрачных связей, тестов на отцовство, добрых соглашений и

¹ В New York Times от 16 ноября 2007 г.

² См. If you've got it, don't flaunt it', The Economist от 31 мая 2007 г.

³ «The world should not fear a growing China».

⁴ «Воспользуйтесь возможностью для развития экономики», 24 декабря 1990 г., Избранные произведения Дэн Сяопина. - Т. III.

⁵ Стр. 153-154.

резкое увеличение количества разводов в городах на восточном побережье. Частные детективы, в которых не было никакой нужды до середины 1990-х годов, сейчас насчитывают сотни тысяч человек, и их все чаще нанимают любовники, чтобы следить друг за другом, и жены, чтобы проверять своих мужей.

Наряду с «реформами» произошло уменьшение представительства рабочих и крестьян в партии.

По состоянию на 30 июня 2015 года состав партии был следующим: из 89,45 миллиона человек 7,3 миллиона были рабочими, 26 миллионов – крестьянами, пастухами и рыбаками, 12,5 миллиона – профессиональным и техническим персоналом, 9 миллионов работали в качестве административного персонала и 7,4 миллиона – в качестве партийных кадров. Из них 20,3 миллиона – женщины¹. Что беспокоит, так это то, что из-за доктрины «трех представительств» и открытия партии капиталистам, введенной Цзян Цзэмином, идеология партии подрывается, ибо эта формула, как объясняется в другом месте, – это переход от КПК как авангарда китайского рабочего класса к тому, чтобы она стала «партией всего народа».

Коррупция

Проникновение рынка в экономику повлекло за собой массовую коррупцию, с которой руководство пытается бороться. Цзян Цзэминь заявил, что партия не должна заниматься бизнесом. Он также постановил, что Народно-освободительная армия (НОАК), полиция, судебная система и правительственные ведомства отказываются от ведения своего бизнеса.

«Военные больше не должны заниматься бизнесом», – сказал он. «В противном случае рухнет орудие пролетарской диктатуры, а социалистическая государственная власть изменит цвет». В течение 12 месяцев после правления Цзяна более 30 000 торговых предприятий, находящихся в ведении армии, были закрыты или переданы третьим лицам.

«Если мы не будем бороться с коррупцией, тесные узы между партией и народом сильно пострадают, и партия окажется в опасности потерять свои позиции или, возможно, направится к самоуничтожению», – заявил Цзян в 2002 году в своем последнем политическом докладе Национальному Конгрессу.

Попутно отметим, что за последние пять лет его правления коррупция сильно возросла. Высокопоставленные чиновники были арестованы и заключены в тюрьму за растрату и рэкет. Среди них были секретарь партии и мэр Пекина Чень Ситун; член Политбюро, Чень Кэцзе; заместитель председателя Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей, казненный за получение откатов в размере 5 млн долларов за содействие земельным сделкам и контрактам для частного бизнеса².

Несмотря на эти драконовские наказания, коррупция сохраняется, и о ее масштабах можно судить по тому факту, что коррумпированные китайские чиновники незаконно вывезли из страны около 800 млрд. юаней (123,6 млрд. долларов) незаконно полученных доходов за 15-летний период, согласно отчету Китайского Центрального банка.

В 67-страничном отчете говорится, что примерно 17 000 сотрудников коммунистической партии, полиции, судебных органов и руководителей государственных предприятий покинули страну в период с середины 1990-х по 2008 год. США были излюбленным местом для высокопоставленных чиновников, которым удалось скрыться с большими суммами денег. Канада, Австралия и Нидерланды также пользовались популярностью у этих преступников. Другие, не имея возможности получить визы для западных стран, поселились в странах Восточной Европы, Латинской Америки и Африки, ожидая возможности переехать в конечный пункт назначения.

В докладе говорится, что скромные чиновники, как правило, бегут в страны, граничащие с Китаем.

Повторяя в унисон слова высокопоставленных китайских руководителей, Доклад содержит предупреждение о том, что безудержная коррупция представляет собой угрозу для правящей Коммунистической партии.

Помимо преступников, покидающих страну со своей добычей, есть много богатых китайцев, которые эмигрируют потому, что не уверены, что их богатства будут и дальше защищены в Китае. Несмотря на то, что Китай становится домом для все большего количества миллионеров, а иностранцы устремляются в страну, чтобы заработать себе состояния, многие представители китайской элиты уже несколько лет стремятся покинуть ее.

ЕВ-5, малоизвестная визовая программа США, направленная на привлечение иностранных

¹ См. «China's Communist Party now larger than the population of Germany», South China Morning Post, 30 июня 2015 г. - данные взяты у информационного агентства Синьхуа. Для сравнения, по данным Организационного управления ЦК КПК, на конец 2011 года количество членов КПК составляло чуть менее 83 миллионов человек. Из них примерно 7 миллионов были рабочими; 25 миллионов были земледельцами, пастухами и рыбаками; 7 миллионов - партийные и государственные деятели; 19 миллионов были административным персоналом и профессиональными техниками на предприятиях в государственных учреждениях; 2,8 миллиона были студентами; 15 миллионов были пенсионерами и 6,5 миллиона – представителями других профессий. Около 40% членов партии получили среднее образование; почти 23% составляли женщины; 5,5 миллиона были членами групп этнических меньшинств; и четверть членов были моложе 35 лет. Было 130 миллионов пионеров, чей девиз: «Будьте готовы бороться за дело коммунизма». Как видно, соотношение рабочих и фермеров, когда-то составлявших костяк партии, теперь равно соотношению профессионалов и тех, кто работает на предприятиях и в государственных учреждениях. Несмотря на

ослабление членского состава и коррозию марксистско-ленинской идеологии с начала периода «реформ», члены партии «действительно испытывают искреннюю привязанность и уважение к партии и к тому, за что она выступает» (Jamil Anderlini, Patti Waldmeir, Kathrin Hille and Simon Rabinovitch, 'Welcome to the Party!', Financial Times, 28 сентября 2012 г.).

² См. James Kynge, стр. 126-127. За последнее время за коррупцию были наказаны 4,2 миллиона человек; 465 министров разного уровня отправлены в тюрьмы; Лю Чжицин, который много работал над развитием железнодорожной сети Китая, сверхскоростных поездов, был казнен (см. отчет о 18-м съезде КПК Тикендера Сингха Панвара, входившего в состав братской делегации КПИ (М) на этом съезде, в журнале «Народная демократия», 16–22 сентября 2013 г.). Помимо коррупции, Панвар в своем докладе подчеркивает озабоченность по поводу отсутствия у молодого поколения идеологической привязки к системе и его одержимости потребительством как одной из проблем КПК. Он также подчеркивает сокращение государственного сектора, доля которого в промышленном производстве составила всего 30%, а остальные 70% находятся в частных руках или в компаниях с иностранным капиталом.

инвестиций, за последние несколько лет вызвала повышенный интерес богатых китайцев, желающих поселиться за границей или, по крайней мере, получить иностранное гражданство. Программа, которая выдает грин-карту любому иностранцу, инвестирующему минимум 500 000 долларов в любой бизнес, создающий 10 рабочих мест в США, получила 2 408 китайских заявителей в 2011 году по сравнению с 772 в 2010 году и 63 в 2006 году, согласно данным, опубликованным Association to Invest in the USA.

Китайские заявители составили 70% от их общемирового числа в 2011 году. Этот поток не только не замедлился, но и показал все признаки увеличения, поскольку за первые 3 месяца 2012 года уже 1 675 заявителей Китая подали заявки по этой схеме.

Эти цифры подтверждают результаты опросов, проведенных в 2011 году издателями Rich List Hurun Report и Bain & Company, согласно которым 60% из примерно 960 000 китайцев с активами более 10 миллионов юаней (1,6 миллиона долларов) уже начали процесс эмиграции или рассматривают возможность эмиграции. Их основной «страной обетованной» были США, за которыми следуют Канада, Сингапур и Европа, хотя такие места, как Сент-Китс и Невис в Карибском бассейне, а также Болгария, также сообщили о резком росте интереса со стороны чуть менее обеспеченных китайцев. Перечень причин для эмиграции возглавляет: увеличение загрязнения окружающей среды, безопасность пищевых продуктов, доступ к медицинскому обслуживанию и образованию и, прежде всего, неверие китайской элиты в способность «защитить свое богатство» в родной стране.

В число тех, кто повышает свои ставки, должен быть включен Ван Цзяньлинь, в то время самый богатый человек в Китае, который в конце декабря 2015 года купил особняк с 10 спальнями в самом престижном районе «миллиардеров» Лондона за 80 миллионов фунтов стерлингов. Магнату собственности и кино, состояние которого оценивается более чем в 20 миллиардов фунтов стерлингов, и который является бывшим командующим НОАК, пришлось потратить еще 50 миллионов фунтов стерлингов на щедрый ремонт усадьбы середины викторианской эпохи в Кенсингтонском дворцовом саду.

Г-н Ван, глава Dalian Wanda Property Group, участвующей в строительстве элитного жилого комплекса One Nine Elms в Воксхолле, будет жить рядом с владельцем футбольного клуба Chelsea Романом Абрамовичем. Среди других владельцев самой престижной улицы Европы – наследница Формулы-1 Тамара Экклстоун и стальной магнат Лакшми Миттал.

На тот момент это была последняя крупная инвестиция в Великобританию китайского миллиардера г-на Вана, чья жена Ли Нин контролирует ряд эксклюзивных клубов в Китае, также владеет бизнесом роскошных яхт Sunseeker в Дорсете и 20% акций

испанского футбольного клуба Atlético Madrid¹, которые он купил за 32 миллиона фунтов стерлингов в апреле 2015 года.

Помимо покупок его компанией трофейных активов (за предыдущие 5 лет она потратила 22 миллиарда долларов на оффшорные трофейные активы), г-н Ван не прочь потратиться на личные предметы роскоши, такие как картина Моне, которую он купил за 20,4 миллиона долларов в 2015 г.

В 2013 году «он провел звездное мероприятие с красной ковровой дорожкой, на котором присутствовали Николь Кидман, Юэн Мак Грегор, Кэтрин Зета-Джонс, Джон Траволта и Леонардо Ди Каприо, чтобы ознаменовать создание китайского соперника Голливуда стоимостью в 5 миллиардов фунтов стерлингов, получившего название «Чолливуд» – на северо-востоке Китая, в городе Циндао». Его единственный сын Ван Сиконь, который учился в Винчестерском колледже и Университетском колледже в Лондоне, купил две пары часов Apple за 800 фунтов стерлингов для своей собаки Ван Кеке, что, естественно, вызвало критику.

Покупка дома г-ном Ваном повлекла за собой один из крупнейших в истории Великобритании гербовый сбор – более 9,5 миллионов фунтов стерлингов².

Действующий генеральный секретарь КПК товарищ Си Цзиньпин заявил на 19-м съезде партии в октябре 2017 года, что коррупция является величайшей угрозой для партии. С тех пор, как он пришел к власти в 2012 году, многие высокопоставленные чиновники и многие другие были привлечены к ответственности и осуждены в рамках энергичной кампании по искоренению коррупции. Тем не менее, новые случаи продолжают появляться.

Последним высокопоставленным должностным лицом в этом отношении является генерал Фан Ханхуэй, который входит в состав Центральной военной комиссии Китая (ЦВК), курирующей НОАК, в отношении которого ведется расследование по делу о взяточничестве, и в августе 2017 года он был заменен на посту начальника управления Объединенного штаба НОАК. Десятки высокопоставленных военных были сняты с постов в результате антикоррупционной кампании, но ранее наиболее высокопоставленными ее целями были отставные офицеры.

Синьхуа сообщает, что другой Чжан Ян, бывший глава политического отдела НОАК, повесился в ноябре 2017 года, поскольку находился под следствием на предмет связи с коррумпированными бывшими офицерами.

И тот, и другой были исключены из партии на 19-м съезде КПК 2017 года.

Среди некоторых бывших высокопоставленных военных, попавших под расследование по делу о коррупции, были генерал Сюй Цайху, бывший глава политического департамента армии (он умер от рака в 2015 году, прежде чем предстал перед судом), и генерал Гуо Боксинь, бывший заместитель председателя СМС,

¹ Dalian Wanda продала 17% акций Atlético Madrid компании Quantum Pacific Group, возглавляемой израильским бизнесменом Иданом Офером (Emily Feng "Dalian Wanda sells 17% stake in Atlético Madrid", Financial Times, 15 февраля 2018 г.). Под давлением регулирующих органов, а также из-за опасений по поводу долгов и контроля над капиталом, в течение 2018-2019 годов компания неуклонно избавлялась от своих активов, в том числе от доли в 1,2 миллиарда долларов в своем листинговом подразделении по производству фильмов, которую она продала инвесторам во главе с группой электронной коммерции Alibaba. Она продала долю в бизнесе недвижимости за 5,4 миллиарда

долларов консорциуму, возглавляемому Tencent, интернет-платежной группой. В 2017 году компания также продала китайским застройщикам недвижимость в сфере гостиничного бизнеса и туризма в Китае на сумму более 9 миллиардов долларов. Компания заявляет, что планирует сконцентрироваться на своем основном бизнесе по развитию недвижимости и построить или лицензировать тысячу торговых центров в Китае.

² Приведенная выше цитата и информация о покупке этого дома г-ном Ваном взяты из статьи Джонатана Принна, Evening Standard, 18 декабря 2015 г.

который был заключен в тюрьму пожизненно. Оба осуществляли значительный контроль над вооруженными силами более десяти лет, и их обвиняли в культуре коррупции, которая пронизывает НОАК.

КТК необходимо срочно пересмотреть проблемы приватизации.

«Основой нашего строя, – говорил Сталин, – является общественная собственность так же, как основой капитализма – собственность частная. Если капиталисты провозгласили частную собственность священной и неприкосновенной, добившись в свое время укрепления капиталистического строя, то мы, коммунисты, тем более должны провозгласить общественную собственность священной и неприкосновенной, чтобы закрепить тем самым новые социалистические формы хозяйства во всех областях производства и торговли»¹.

В то время как мы желаем товарищу Си Цзиньпину успехов в его крестовом походе по борьбе с коррупцией, необходимо отметить, что болезнь уходит корнями гораздо глубже.

Основная проблема заключается в том, что коррупция является всего лишь симптомом и продуктом растущей рыночности экономики². Если рыночная экономика не будет отброшена и в конечном итоге устранена, коррупция будет продолжать преследовать партийные и правительственные учреждения, какими бы драконовскими ни были меры, принятые против коррумпированных чиновников. Право КПК на управление и ее авторитет основываются на великой Китайской революции, на принципах и морали марксизма-ленинизма. Любой отход от них подрывает авторитет партии. И, честно говоря, «реформы» – это серьезный отход от учения марксизма-ленинизма, согласно которому вся цель коммунизма состоит в том, чтобы покончить с рынком³. Рынок – это наследие капитализма, и одна из функций социализма – его ликвидировать. Эти отклонения не могут не создать пропасть между предполагаемой идеологией партии и ее практикой в области политической экономии, идеологии и политики. Именно по этой причине последовательные кампании против коррупции до сих пор не смогли устранить эту болезнь, поскольку во многих случаях лица, на которых возложено

преследование коррумпированных чиновников, сами коррумпированы или становятся таковыми.

Когда Дэн начал свою программу «реформ», он настаивал на том, что действует в соответствии с четырьмя кардинальными принципами:

а) социалистический путь;

б) демократическая диктатура народа (диктатура пролетариата);

в) руководство Коммунистической партии;

г) марксизм-ленинизм и мысли Мао Цзэдуна.

Он даже подтвердил продолжение классовой борьбы «в определенных пределах». По мере того, как «реформа» продолжалась, она все больше превращалась в идеологическую гимнастику, направленную на примирение реальности с этими принципами. С наступлением рынка все вышеперечисленные кардинальные принципы – за исключением руководства Коммунистической партии – отошли на второй план.

К 2001 году около 100 000 бизнесменов влились в ряды КПК, тем самым опровергнув ее заявление о том, что она представляет только рабочих и крестьян. Последним наследием Цзяна в ноябре 2002 года⁴ стали его «Три представительства», в котором было открыто заявлено, что партия представляет всех китайцев, а не только рабочий класс и крестьянство. Это было просто повторение на довольно непрозрачном языке Цзяна хрущевской формулировки «общенародной партии». Активно создавая рыночную экономику, «Три представительства» позволили партии привлечь некогда ненавистных капиталистов и подтвердить направление экономической «реформы».

К 2005 году насчитывалось 6 миллионов владельцев частных предприятий, две трети из которых были бывшими государственными чиновниками и около 20% зарегистрированных предпринимателей стали членами КПК.

По мере увеличения проникновения рынка во все сферы жизни основа правления КПК меняется.

Интересы большого количества партийных и государственных чиновников все больше переплетаются с бизнесом. Такое смешение не может не подрывать легитимность КПК как правящей партии, которая зиждется на победе китайских масс в революции – в классовой войне против капиталистов и помещиков. Из-за смещения на второй план классовой

¹ Сталин И.В., *«Итоги первой пятилетки»*, Сталин И.В. *Итоги первой пятилетки: Доклад на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 7 января 1933 г. Сочинения.* – М.: Государственное издательство политической литературы, 1951. – Т. 13. – С. 209.

² С момента начала «реформ» частная собственность неуклонно развивалась, в то время как государственная собственность на средства производства, распределения и обмена – сама основа социалистической экономики – отступала. Впервые после победы Китайской революции в 1988 году в Конституцию была внесена поправка, в которую был включен термин «частная собственность». Несмотря на инцидент на площади Тяньаньмэнь 4 июня 1989 года и игнорируя этот инцидент, руководство КПК вместо того, чтобы изменить курс, пошло дальше по линии «реформ и открытости». Съезд КПК 1992 года постановил, что Китай должен «избавиться от высокоцентрализованного планирования и развить социалистическую рыночную экономику». В 1993 году был добавлен термин «рыночная экономика»; а в 1999 г. было принято положение, что «государство защищает законные права и интересы индивидуальной экономики и частной экономики»; в 2003 г. в

Конституцию были внесены поправки, согласно которым частная собственность «приравнена к государственной собственности». После принятия в 1993 году решения о приватизации госпредприятий от 45 до 60 миллионов сотрудников этих предприятий были уволены, что сопровождалось массовым хищением государственной собственности высокопоставленными чиновниками.

³ Следуя классической марксистско-ленинской позиции, Сталин считал, что существование товарного производства и обращения, рынка несовместимо с коммунизмом, и что, следовательно, функция социализма состоит в том, чтобы ликвидировать рынок (см. его «Экономические проблемы социализма» в СССР).

⁴ С этой даты членство в КПК было официально открыто для предпринимателей. На том же (16-м) съезде партии Цзян открыто, но противоречиво заявил: «Создана система социалистической рыночной экономики... государственный сектор стал сильнее... отдельные частные и другие сектора развивались довольно быстро». Он продолжил: «... из общего числа предприятий... государству принадлежит уже меньше половины. В руках государства находится лишь совсем небольшое количество компаний...». Далее он призвал «улучшить правовую систему защиты частной собственности».

борьбы и подрывом социализма путем проникновения рынка, защита партией своего права быть единственной силой, управляющей от имени масс, подрывается. Ее защита против призывов к буржуазным политическим реформам сильно ослаблена.

Фактически тогдашний генеральный секретарь партии Чжао Цзяян открыто призвал к такой перемене на 13-м съезде партии в 1987 году, заявив: «У разных людей разные интересы и взгляды, им нужны возможности для обмена мнениями».

В 1989 году Дэн мог полагаться на свой собственный авторитет, уважение армии и авторитет Комитета старейшин, чтобы подавить контрреволюционное течение июня 1989 года, и таким образом смог уволить Чжао Цзяяна. Сегодня, когда коммунистическая доктрина намного слабее после более чем четырех десятилетий экономической «реформы», продвигаемой концепциями, враждебными государственной собственности и централизованному планированию, остается открытым вопрос – может ли какой-либо лидер, столкнувшийся с подобной ситуацией, противостоять такому давлению.

В 2007 году, через восемнадцать лет после увольнения Чжао, Вэнь Цзябао, тогдашний премьер Китая, публично поддержал «универсальные ценности», такие как «права человека» – кодовое слово буржуазной демократии. А 23 сентября 2010 года в интервью CNN он сказал, что «желания и потребности людей в демократии и свободе непреодолимы».

Партийная газета People's Daily отреагировала на замечания Вэня, хотя и не называла его имени, сказав, что западная система неустойчива, и ее невозможно скопировать, поскольку она была построена на рабстве, геноциде и эксплуатации более 500 лет, в ходе чего 30 миллионов коренных американцев стали жертвами американизма и 50 миллионов черных рабов были проданы американцам. Что западная цивилизация основана на богатстве, полученном за счет других народов. Без этой основы, так называемая демократическая система и функционирующее гражданское общество, быстро рухнут. В конце статьи говорится, что с XVIII века не более 18 стран с общим населением в один миллиард (от 1/7 до 1/8 мирового населения) попали в этот «клуб богатых людей», и невозможно сделать их экстравагантный образ жизни универсальным.

Вэня, однако, было не удержать. В 2012 году, незадолго до ухода с должности, он сделал еще более дерзкий призыв к «политической реформе», а именно, двигаться в направлении буржуазной демократии. Вот что он сказал: *«Реформа в Китае подошла к критической стадии. Без успеха структурной политической реформы нам невозможно полностью провести структурную реформу экономики. Достижения, которых мы добились в реформировании и развитии, могут быть потеряны, новые проблемы, возникшие в китайском обществе, не могут быть фундаментально разрешены, и такая историческая трагедия, как Культурная революция, может повториться снова»*¹.

Проще говоря, если рыночная политика в значительной степени не подкреплена буржуазно-демократическими реформами («политическими структурными реформами», если угодно), дальнейшие

экономические реформы будут невозможны, а достигнутые на данный момент «успехи» могут быть потеряны.

И Вэнь не одинок в отстаивании такого образа действий; он всего лишь верхушка айсберга. Те, кто разбогател в результате «реформ» с 1979 года, несомненно, жаждут какой-то формы буржуазной демократии, как олениха жаждет охлаждающих потоков в летнюю жару. У других нет смелости – по крайней мере, пока – открыто призвать к таким политическим изменениям. В настоящее время они недостаточно сильны, чтобы открыто бросить вызов КПК, и у них есть навязчивая память о событиях на Тяньаньмэнь в июне 1989 года, которые преподали им урок осторожности.

Но ситуация не будет стоять на месте. Либо КПК будет выступать против маркетизации экономики – против того, что эвфемистически называется «социализмом с китайской спецификой», – либо буржуазные слои населения еще больше укрепятся до такой степени, что смогут успешно противостоять КПК.

Ху Цзиньтао и Вэнь Цзябао пообещали построить более справедливое, «более гармоничное» общество, но за время их 10-летнего пребывания в должности разрыв в уровне благосостояния стал больше, чем когда-либо прежде, даже несмотря на то, что экономика росла на 10% ежегодно.

42-летний генерал-майор Мао Синью, самый молодой генерал-майор в истории НОАК и внук Мао Цзэдуна, в 2012 году раскритиковал безудержную коррупцию, царящую среди детей – часто называемых «князьями» – других влиятельных семей. Сам генерал Мао чист, как и почти все другие потомки Мао Цзэдуна.

Шокирует то, что в стране, управляемой Коммунистической партией, группа влиятельных политических семей и их соратники накопили баснословные состояния в нарушение тех самых правил, которые они предписывают для остального общества. Вот некоторые примеры:

Цзян Мянхэн, сын Цзян Цзэмина, занял важные должности в технологическом секторе Шанхая.

Чжу Жунцзи, бывший премьер-министр, сделал своего сына Чжу Юньлая высокооплачиваемым главой China International Capital Corporation, крупнейшего инвестиционного банка страны.

Ли Тонь, дочь Ли Чанчуня, который в 2012 году занимал пятое место в Постоянном комитете Политбюро ЦК КПК, управляла крупным инвестиционным фондом при Bank of China, инвестиции которого ориентированы на медиа-индустрию.

Уинстон Вэнь, сын Вэня Цзябао, который регулярно выступал против официальной коррупции, основал New Horizon Capital, один из крупнейших и наиболее успешных местных фондов прямых инвестиций в Китае. Жена Вэня Цзябао, Чжан Бейли, была глубоко вовлечена в алмазную и ювелирную промышленность страны и была известна своими экстравагантными вкусами, которые резко контрастировали с публичной персоной ее мужа как покорного слуги народа.

Несколько родственников У Банггуо, в то время второго в партийной иерархии, активно занимались управлением инвестициями, строительством и развитием недвижимости. Его зять, Фэнь Шаодун, в то время был главным исполнительным директором China

¹ Цитируется Мартином Вольфом в статье «How to blow away China's gathering storm clouds», Financial Times, 20 марта 2012 г.

Guangdong Nuclear Industry Investment, компании по управлению фондами, созданной в 2009 году крупной государственной ядерной компанией. Ранее он работал главой инвестиционно-банковского подразделения Merrill Lynch в Китае, где, по словам его бывших коллег, почти единолично получил мандат на участие в гонконгском предложении промышленного и коммерческого банка Китая в 2006 году в то время крупнейшем в мире первоначальном публичном размещении (IPO).

Десятки других «князей» были наняты для работы на иностранные гигантские монополии, которые ясно осознают преимущества установления тесных отношений с высокопоставленными лидерами через их родственников¹.

Широко распространено привлечение родственников старших руководителей и должностных лиц в качестве консультантов или партнеров по совместным предприятиям. Их гонорары за консультационные услуги часто выплачиваются в таких местах, как Гонконг и Дубай, в то время как их совместные предприятия осуществляются через холдинговые компании в Карибском бассейне или в другом месте, где до них не может дотянуться длинная рука китайского законодательства.

В условиях распространения такого высокоуровневого кумовства руководству становится, мягко говоря, трудно убедить других в том, что коррупция представляет опасность для власти Коммунистической партии.

Глава 11. Строительная индустрия и рынок недвижимости

Рынок недвижимости – самый важный двигатель экономического роста в Китае – мыльный пузырь, где даже небольшая коррекция может обернуться крахом.

В 2010 году на строительство приходилось 13% ВВП и более 25% всех инвестиций. На строительный сектор приходится 40% всего использования стали, что является огромным показателем, учитывая масштабы производства стали в Китае. Только на Китай приходится половина мирового производства стали, составляющего 1,7 млрд. тонн.

Строительная промышленность Китая также важна для других отраслей, таких как производство меди, цемента, угля и электроэнергии. Таким образом, это самый важный сектор во всей мировой экономике с точки зрения его воздействия на остальной мир. Если он даст сбой, не говоря уже о резкой остановке, его последствия для мировой экономики будут катастрофическими.

Проблемы в этом секторе также имеют последствия для финансовой системы Китая, особенно для теневого банковского сектора, который ссужает огромные суммы застройщикам и зависит от дорогой земли в качестве залога. Падение цен на дома и другую недвижимость с большой вероятностью может привести к дефолту заемщиков с высокой долей заемных средств по своим кредитам и подвергнуть финансовую систему чрезвычайной опасности с катастрофическими последствиями для экономики Китая и мира. Это было бы матерью всех кризисов перепроизводства.

После наихудшего экономического кризиса империализма спрос в США рухнул и ударил по экспортному сектору Китая, в результате чего 30 миллионов китайцев остались без работы в течение нескольких месяцев и были закрыты примерно 60 000 фабрик. Экспорт Китая упал на 22% за первые семь месяцев 2009 года по сравнению с предыдущим годом, а его импорт снизился на 23%².

В ответ правительство ввело в действие программу стимулирования экономики на сумму 4 трлн. юаней (653 млрд. долларов, 350 млрд. фунтов стерлингов) для повышения внутреннего спроса и диверсификации экономики в зависимости от экспорта. Правительство сделало это, потому что потребление не могло быть увеличено быстро, чтобы перебалансировать экономику с роста, основанного на инвестициях и экспорте, к росту, основанному на потреблении.

По всей стране были построены новые мосты, дороги, железные дороги, порты, аэропорты и промышленные парки. Одним из положительных эффектов пакетов стимулов Китая стало обновление его инфраструктуры до стандартов мирового класса. Например, после принятия пакета мер стимулирования после азиатского финансового кризиса 1998 года правительство запустило программу строительства национальной сети скоростных автомагистралей. В результате длина скоростных автомагистралей увеличилась с 5 тыс. км в 1997 году до 112 тыс. км в 2014 году, что вдвое меньше, чем у межгосударственной системы США.

Порты вдоль побережья были расширены, чтобы справиться с экспортным всплеском 2000-х годов. К 2013 году китайские порты увеличили свой объем в 6 раз, и они обработали больше контейнерных перевозок, чем 6 стран вместе взятых. Шанхай обогнал Сингапур как крупнейший контейнерный порт в мире, а пять других китайских портов вошли в десятку лучших в мире.

Инвестиции в электростанции резко выросли. Каждый год в течение десятилетия, начиная с 2003 года, Китай устанавливал новые электростанции. Генерирующая мощность увеличилась в четыре раза: с 357 гигаватт в 2002 году до более 1 300 гигаватт в 2014 году – на 20% больше, чем в США.

Крупные инвестиции в телекоммуникации и инфраструктуру позволили Китаю увеличить количество пользователей Интернета с 68 миллионов в 2003 году до 650 миллионов в 2014 году и до 830 миллионов к концу 2019 года; количество пользователей мобильных телефонов выросло с 270 миллионов до 1,3 миллиарда за тот же период.

В 2003 году была начата масштабная (16 тыс. км) программа по покрытию страны высокоскоростными пассажирскими железнодорожными линиями по образцу японской сети сверхскоростных поездов. 3 тыс. км сетей метро было построено в 22 городах Китая³.

Это развитие инфраструктуры было продолжено после худшего кризиса империализма в 2007-2008 годах. В ответ на этот кризис и сокращение своих экспортных рынков правительство Китая запустило пакет стимулов на сумму 4 000 млрд. юаней. Большая часть этого пакета

¹ См. "Family fortunes of Beijing's new few", Financial Times, 11 июля 2012 г.

² Экспорт Китая упал с 35% ВВП в 2006 году до 19% в 2016 году.

³ Информация в приведенных выше 5 абзацах взята из книги Артура Кребера.

досталась государственному сектору, центральным компонентом которого стала железнодорожная инфраструктура – крупнейшее предприятие такого рода со времен строительства железных дорог в Америке. Это дало действительно потрясающие результаты.

Поскольку большая часть стимулирующих денег, предоставленных правительством в 2008 году, пошла на строительство, это привело к спекулятивному строительству и резкому росту цен на недвижимость. Городские рабочие очень жаловались на то, что становятся «рабами по закладным» из-за астрономического роста стоимости квартир в городах по всему Китаю.

По данным China Daily от 12 января 2010 г.¹, если говорить о соотношении цен на жилье доходов, Китай в наши дни является самым дорогим местом в мире. Цена средней квартиры в китайском городе в 8-10 раз превышает средний доход по стране, тогда как в Пекине и Шанхае это соотношение ближе к 30 раз. Даже на пике пузыря на рынке недвижимости в США отношение цены к доходу для всей Америки достигло пика примерно в 5,1 раза, в то время как в таких местах, как Лас-Вегас, оно достигло 5,6.

Цены на жилье взлетели до такой степени, что мечта о владении квартирой стала недостижимой почти для всех, кто еще ее не имеет.

Акры собственности пустуют в элитных комплексах во многих китайских городах – «призрачных кондоминиумах», которые состоятельные люди покупают и оставляют пустыми как «хранилище ценности, как золото». Эта ситуация, когда деньги идут на дорогое жилье, а не на недвижимость с низким доходом, значительно усугубляется из-за отсутствия налогов на недвижимость.

Поскольку большая часть стимулирующих средств, выделенных государством в 2008 году, пошла на строительство, вознившая в результате лихорадочная активность в секторе привела к тому, что на девелоперов и ипотечных заемщиков приходится 20% всех кредитов в стране.

Еще в 1996 году в китайских словарях не было слова «ипотечный кредит», хотя бы по той причине, что в то время в Китае ипотечного кредита не существовало.

До 1998 года в Китае не было рынка жилой недвижимости. В городских районах все жилье строилось и распределялось государством через «рабочую единицу». В деревне крестьяне строили свои дома на земле, выделенной им государством или коллективом.

Рынок недвижимости, который в настоящее время является важным компонентом экономики Китая, возник только после того, как в конце 1990-х годов КТК приняла решение приватизировать жилье путем передачи права собственности на подавляющее большинство жилья физическим лицам. Вскоре появились первые жилищные ипотеки.

В это трудно поверить, но рынку недвижимости чуть больше десяти лет. За это время, если не считать кратковременного спада в разгар мирового капиталистического финансового кризиса 2008 года, цены на недвижимость в Китае удваивались каждые пару лет и никогда не падали – таково иррациональное буйство китайского рынка недвижимости. «И это в стране, где

спекулятивные пузыри были постоянным явлением с тех пор, как рыночные реформы ускорились в 1980-х годах»².

По некоторым оценкам, 80 тыс. застройщиков в Китае владеют землей, достаточной для строительства 100 миллионов квартир. Если добавить к этому пустые квартиры на продажу, Китай сможет удовлетворить свои потребности в жилье в срок до двух десятилетий.

Эндемическая спекуляция толкает цены вверх, и высокие цены отражаются на росте ВВП. Однако спекулятивное и расточительное строительство, помимо сильной зависимости от экспорта, угрожает будущему Китая. Строительная отрасль настолько важна, что на нее приходится 40% потребления стали в Китае. Если включить бытовую технику, связанную с недвижимостью, инфраструктуру и секторы, зависящие от собственности, почти две трети всего потребления стали в Китае приходится на строительную отрасль. Любой, даже небольшой спад на рынке недвижимости окажет разрушительное воздействие на банковский сектор, который ссудил большие суммы денег сектору недвижимости, и на всю китайскую экономику, с сотрясениями, которые охватят весь мир из-за интеграции китайской экономики с мировой экономикой за последние три десятилетия: «... Судьба китайского рынка недвижимости окажет влияние на всех, от австралийских горняков до немецких экспортеров и потребителей в США», – зловеще заявила Financial Times³.

Тем не менее, ожидание катастрофы продолжается, поскольку местные органы власти в Китае полагаются на продажу земли застройщикам для получения доходов, они реквизируют землю у фермеров по заниженным ценам, переделывают ее в собственность под застройку и продают застройщикам по выгодным ценам. Эта практика не только приносит доходы местным властям, но и является источником серьезных социальных волнений, а также коррупции среди чиновников.

В официальном издании China Daily было опубликовано резкое обвинение Юй Йондинга, бывшего члена комитета по денежно-кредитной политике Народного банка Китая, в отношении замечательного экономического роста Китая. Оплакивая неэффективное и расточительное использование ресурсов, он сказал: «Некоторые местные органы власти буквально роют ямы, а затем засыпают их, чтобы увеличить ВВП. Следовательно, здесь просто слишком много роскошных кондоминиумов, великолепных правительственных зданий и высоких небоскребов».

Он призвал положить конец «нечестивому альянсу» между правительственными чиновниками и бизнесменами. Отметив, что хотя «меритократия является предпосылкой для хорошего управления... меритократия была подорвана политической культурой подхалимства и кумовства», и предупредил, что если Китай не сможет «изменить нынешнюю систему "капитализма богатых и могущественных"» и сократить разрыв между богатыми и бедными, что «разжигало социальную напряженность», то «назревает серьезная обратная реакция»⁴.

¹ «Soaring house prices, headache for single Chinese».

² Geoff Dyer, 'The soap opera of China's housing boom', Financial Times, 7 декабря 2012 г.

³ См. Jamil Anderlini "The fate of real estate is global concern", 1 июня 2011 г.

⁴ Цитируется по Jamil Anderlini in "China told backlash is brewing on growth", Financial Times, 24 декабря 2012 года.

Хотя и другие, до г-на Ю, делали аналогичные предупреждения, такое обвинение не является обычным явлением от высокопоставленного ученого в государственных СМИ.

Ли Даокуй, профессор Университета Циньхуа и советник Центрального банка, высказался в том же ключе:

«Ситуация, когда цены на жилье постоянно растут, а местные органы власти продают все больше и больше своей земли для финансирования своих инвестиций... это безумие, – добавляя, что это – «разрушает нашу экономику. Ни одна экономика не может так расти. Если так будет продолжаться, фундаментальное здоровье экономики страны окажется под угрозой»¹.

Цены на недвижимость в Пекине – 2 694 доллара за квадратный метр, в Шанхае – 2 182 доллара за квадратный метр – одни из самых высоких в мире.

С едким политическим остроумием, характерным для китайцев, особенно жителей Пекина, гнев по поводу заоблачных цен на жилье пекинцев был отражен в электронном письме, которое стало вирусным в китайском киберпространстве в 2010 году. В нем было подсчитано время, которое потребуется для крестьянина, рабочего, вора и проститутки соответственно для покупки жилья. Предоставляя занимательные, хотя и ненаучные, оценки того, как долго людям нужно работать, чтобы позволить себе квартиру площадью 100 квадратных метров в центре Пекина, которая в то время продавалась бы примерно за 3 миллиона юаней (450 тыс. долларов), в нем говорится, что крестьянин был бы в состоянии приобрести квартиру, если бы он работал со времен династии Тан (которая закончилась в 907 году нашей эры) по настоящее время. Рабочий со средней месячной зарплатой 1,5 тыс. юаней, проработавший со времен опиумных войн в середине XIX века, возможно, сумел бы купить себе собственное жилье. Что касается проститутки, ей нужно было бы обслужить 10 тыс. клиентов, начиная с 18 до 46 лет, не делая вечерних выходных. Вору нужно было бы совершить 2,5 тыс. ограблений, чтобы иметь достаточно средств для покупки дом.

Другой анонимный автор в популярном электронном письме с "черным" юмором описал дилемму, стоящую перед обычными людьми во все более неравноправном обществе, следующим образом: *«Не могут позволить себе родиться, потому что кесарево сечение стоит 50 тыс. юаней; не могут позволить себе учиться, потому что школы стоят не менее 30 тыс. юаней; не могут позволить себе жить где-либо, потому что каждый квадратный метр стоит не менее 20 тыс. юаней; не могут позволить себе заболеть, потому что фармацевтическая прибыль как минимум в десять раз выше; не могут позволить себе умереть, потому что кремация стоит не менее 30 тыс. юаней»².*

Когда в 2011 году правительство обнародовало план по строительству 36 миллионов единиц жилья для семей с низким доходом, местные органы власти не желали строить доступное жилье, поскольку это могло бы конкурировать с коммерческими жилыми комплексами.

Чрезвычайно одиозным, хотя и вполне предсказуемым побочным продуктом спекулятивного бума в сфере недвижимости стала необузданная коррупция и сговор между застройщиками и государственными чиновниками, сопровождаемые использованием полиции и наемных головорезов для выселения жителей и фермеров, которые не сделали этого, получив надлежащую компенсацию.

С 2010 года эта тенденция приняла новый оборот. Поскольку вся земля в Китае является государственной собственностью, правительство является единственным субъектом, который может присвоить статус земли с «сельской» на «городскую» и воспользоваться большим разрывом в цене между ними. В то время как за десять лет до 2010 года чиновники в основном нацеливались на сельскохозяйственные угодья в окрестностях городов, приобретали их и присваивали им статус городской земли для продажи застройщикам коммерческой недвижимости или фабрикам, пополняя таким образом свою казну (и в некоторых случаях наполняя свои карманы), то за последние несколько лет КПК решил, что для обеспечения продовольственной безопасности страны он должен поддерживать «красную черту» не менее 120 млн гектаров сельскохозяйственных угодий. В результате реквизиции переместились на сельские жилые земли, что привело к увеличению числа выселений в сельской местности и, как следствие, к увеличению жесточенных столкновений, когда некоторые люди взрывали себя или обливались бензином и поджигали себя в знак протеста против принудительного сноса.

Миллионы фермеров стали жертвой таких преобразований в сельской местности в течение нескольких лет.

Таким образом, очевидно, что недалекovidны те, кто смотрит только на проценты ВВП и игнорирует реальность, стоящую за цифрами роста.

Глава 12. Гора долгов

В финансовой системе Китая доминируют банки, которые, наряду с другими кредиторами, функционирующие как банки, составляют 80% всего финансирования. Только 20% приходится на рынки капитала.

Взрывной рост китайского долга во многом связан с политической «реформ и открытости»³ и реструктуризацией банковской системы в рамках этой политики до проведения «реформ».

До начала «реформ» банки в Китае действовали просто как агенты по распределению инвестиционных фондов, поступавших из государственного бюджета. Во второй половине 90-х годов XX века банки подверглись реструктуризации по коммерческой схеме: они диверсифицировали свои операции на ипотечные кредиты домохозяйств, кредитные карты и различные другие формы потребительского кредитования в дополнение к ссудам промышленности.

В эпоху централизованно планируемой экономики в Китае в основном был один банк, Народный банк Китая (НБК), который функционировал одновременно как

¹ Цитируется по Simon Rabinovitch "End of The World not nigh, say developers", Financial Times, 1 марта 2012 г.

² Оба вышеупомянутых письма были процитированы Джамилем Андерлини в газете Financial Times от 24 декабря 2010 года: "Beijing housing price fury goes viral".

³ До начала «реформ» у Китая не было долгов – ни внешних, ни внутренних.

центральный банк и единственный коммерческий банк, хотя технически было еще два других банка: 1) the Bank of China – подразделение НБК, занимающееся валютными операциями; 2) Китайский строительный банк (ССВ) – подразделение Министерства финансов (Минфин), которое выделяло средства на инвестиционные проекты. В то время НБК действовал исключительно как фискальный орган государства, переводя средства в государственные предприятия, чтобы те могли выплачивать заработную плату своим сотрудникам и покрывать другие расходы, а также переводя излишки обратно в центральное казначейство.

После реструктуризации тогдашний премьер Чжу Жунцзи поручил банкам, чтобы вместо предоставления ссуды «зомбированным» государственным предприятиям, они финансировали жизнеспособные предприятия и предоставляли ипотечные кредиты покупателям жилья на недавно приватизированном рынке жилья.

В настоящее время в банковском кредитовании в Китае доминируют четыре банка, непосредственно контролируемых Минфином. Это: 1) Bank of China (BoC), 2) Строительный банк Китая (ССВ), 3) Промышленно-коммерческий банк Китая (ICBC) и 4) Сельскохозяйственный банк Китая (ABC).

В 2001-2006 г. эта «большая четверка» была реорганизована в акционерные общества, нашла стратегических партнеров (в основном иностранные коммерческие и инвестиционные банки) с основной целью привлечения свежего капитала и повышения своего международного авторитета, а также была зарегистрирована на международных фондовых рынках.

С 2008 года долг Китая резко вырос. Пакет мер стимулирования в размере 653 млрд. долларов для противодействия падению экспорта, сопровождаемый сверхнизкими процентными ставками, стимулировал расширение кредитования, усугубляя спекулятивный цикл строительства и кредитования, который уже начался с начала приватизации жилья в 1998 году. Совокупный долг – центрального правительства, местных органов власти и домохозяйств – вырос с 7 трлн. долларов в 2007 году до 28 трлн. долларов к середине 2014 года, что составляет 282% ВВП¹.

По данным Народного банка Китая, к концу 2016 года забалансовые продукты китайских банков по управлению капиталом превысили 26 трлн. юаней (3,8 трлн. долларов), что на 30% больше, чем при 10 процентном росте банковских кредитов. Одна треть нового долга идет только на погашение старого долга².

¹ См. Gabriel Wildau "Problems for China's economy extend far beyond currency", Financial Times, 17 августа 2015 г. К 2018 г. долг достиг 299% ВВП (см. Martin Wolf "China's debt threat: time to rein in the lending boom", Financial Times, 25 июля 2018 г.). Год спустя, к июлю 2019 года, долг Китая вырос до 40 трлн. долларов, или почти 310% ВВП - по сравнению со 150% в 2008 году. Попутно сказано, что в 2001 году долг Китая составлял всего 1,7 трлн. фунтов стерлингов. Таким образом, «золотое десятилетие Китая» было заимствовано, а не куплено (см. James Kynge "Trump is wrong: the drags on Chinese growth are home grown", Financial Times, 17 июля 2019 года). При нынешнем высоком уровне долга становится все труднее реализовать возможность стимулирования роста за счет предоставления еще большего количества кредитов. Такой рост кредита только вызовет рост цен на активы, сделав жилье еще более недоступным для населения. «История доказала, что каждая страна, чрезмерно полагающаяся на недвижимость для

Накопленная задолженность китайских органов местного самоуправления (LGFV) составляет 3,5 трлн.³ долларов. По мнению некоторых аналитиков, местные власти сидят на долгом айсберге с титаническими рисками.

После пакета мер стимулирования кредитование с 2009 года росло примерно на 20% в год – намного быстрее, чем ВВП, который в настоящее время составляет около 6,8% в год. Корпоративный сектор Китая имеет самую большую задолженность в мире, составляющую 170% ВВП. Совокупный долг Китая – корпоративный, семейный и государственный – в настоящее время в три раза превышает его ВВП⁴.

В целом долг населения составил 9,1% ВВП в 2017 году, что почти вдвое превышает уровень 2009 года⁵.

Управляющий Народного банка Китая, выступая на пресс-конференции во время недавнего съезда Коммунистической партии Китая, предупредил о «моменте Мински», добавив, что «это то, от чего мы должны особенно защищаться».

«Момент Мински» назван в честь Хаймана Мински, американского экономиста, известного своими замечаниями о склонности банковского дела создавать нестабильность в самом сердце капитализма. Длительные периоды оптимистического спокойствия и самоуверенности порождают самоуспокоенность, когда банки занимаются безрассудным кредитованием и всевозможными спекулятивными предприятиями. Наконец пузырь лопаются, поскольку риски становятся очевидными для всех, цены на активы стремительно падают, а дефолты накапливаются один за другим.

«По данным Института международных финансов, отношение долга домохозяйств к ВВП Китая выросло до 45% в первом квартале 2017 года... Общий долг, включая долги компаний, в настоящее время более чем в три раза превышает ВВП»⁶.

Экономический рост Китая после финансового кризиса и правительственного пакета мер стимулирования был основан на росте долга. Непосредственным эффектом пакета было то, что экономика продолжала расти примерно на 10% в год в течение некоторого времени, в то время как курс валюты Китая медленно повышался, делая его экспорт менее конкурентоспособным. Между тем экономика США выросла чуть более чем на 10% в период с 2008 по сентябрь 2015 года, тогда как экономика Китая выросла примерно на 66%, но это создало серьезные проблемы излишних инвестиций в инфраструктурные отрасли и чрезмерного долга. Но чем больше увеличивается этот долг в процентах от ВВП и чем

экономического процветания, в конечном итоге заплатит за это высокую цену», - предупредил Гуо Шучинь, банковский регулятор Китая, в 2019 году (цитируется по Кунге, там же). С другой стороны, когда цены на жилье падают, домохозяйства чувствуют себя беднее и тратят меньше, что, в свою очередь, не может не сказаться на экономике в целом.

² См. Gabriel Wildau "Beijing begins to tackle shadow lending risks", Financial Times, 23 февраля 2017 г.

³ См. Tom Mitchell "Commodities fall saves China's blushes", Financial Times, 6 июля 2015 года.

⁴ John Authers "China's warning of a "Minsky moment" should not be ignored", Financial Times, 21–22 октября 2017 года

⁵ См. Gabriel Wildau and Edward White "Chinese household debt hits record high, study shows", Financial Times, 27 сентября 2018 года.

⁶ John Authers, там же.

дольше он сохраняется, тем выше вероятность коррекции, то есть финансового кризиса.

Пока еще свежи воспоминания о падении шанхайского рынка на 40% в период с июня по первую неделю сентября 2015 года, что привело к снижению цен на акции на 5 трлн. долларов, управляющий совершенно справедливо предупредил о спекуляциях и пузырях на рынке недвижимости.

Любые проблемы, даже небольшое замедление, в строительной отрасли, которая считается одним из чудес развития Китая, должны обернуться серьезными проблемами. С одной стороны, в его активе замечательные достижения, такие как строительство эквивалента нового Рима с точки зрения площади за каждые шесть недель в 2016 году¹. Около 9,7 тыс. квадратных километров были добавлены в новые городские районы, что соответствует примерно 25 городам размер Детройта, с 2008 по 2012 год.

Согласно историческим данным геологической службы США и Национального бюро статистики Китая, всего за два года, с 2011 по 2012 год, Китай произвел больше цемента, чем США за весь XX век. В 2007 году Китай добавил 90 гигаватт новой электроэнергии, что больше, чем вся установленная мощность сети Великобритании.

Китай произвел стали за 6 недель больше, чем США за год. В 2010 году он произвел 672 млн тонн (почти 50% мирового производства) по сравнению с 627 млн тонн, заявленными китайскими властями².

Однако, с другой стороны, это делается в основном через рынок частными застройщиками, которые заняли огромные суммы денег в банках, используя в качестве залога свою землю и собственность с ее чрезвычайно высокой стоимостью. Огромное количество объектов недвижимости было построено в спекулятивных целях и сейчас пустует³. Рецессия, даже умеренная, которая подрывает стоимость залога, не может не оказать серьезного негативного воздействия на банковский сектор, 60% кредитов которого приходится на этот сектор недвижимости.

«Дома предназначены для проживания, а не для разговоров», – заявил председатель Си Цзиньпин на последнем съезде партии. Однако проблема заключается в том, что с 1998 года, когда в Китае началась приватизация жилья, оно все чаще становится объектом спекуляций. Застройщики строят дома не для того, чтобы предоставить место для проживания (это просто сопутствующая случайность их деятельности), а для заработка. Они занимаются спекулятивным строительством в надежде продать и получить прибыль. Только когда они выйдут на рынок, узнают, произведено ли жилья меньше или больше, чем нужно. Вот что из себя представляет планирование через рынок, где один избыток компенсирует другой. Приватизация жилья в Китае привела к появлению ипотечных ссуд, о которых до этого не было известно; они превратились в крупный бизнес, в результате чего 38% всех банковских кредитов в Китае, выданных в период до августа 2017 года, были привязаны к ипотеке.

Китайские власти оказались в тяжелом положении. Если они позволят этой спекулятивной лихорадке

продолжаться, она может закончиться катастрофой с ужасными последствиями для Китая и мировой экономики. Если они попытаются замедлить рост долга, это вызовет рост безработицы и окажет понижающее давление на уровень жизни китайских масс, тем самым они рискуют социальное недовольство, если не взрыв.

Проблема долга усугубляется взрывным ростом теневой банковской деятельности, характеризующейся безрассудным кредитованием рискованных предприятий. К концу 2013 года объем кредитования теневого сектора составил 47 трлн. юаней, или 84% ВВП, и это сеет семена финансовой нестабильности.

Сара о Credit Equals Gold №1, китайском инвестиционном продукте, спасенном от грани провала, следует ниже:

В 2011 году Китайский кредитный фонд ссудил 3 млрд. юаней Wang Pingyan, угольной компании в северной провинции Шаньси. Г-н Ван принял злуполучное решение увеличить объем инвестиций, когда цены на уголь достигли пика. Его компания разорилась вскоре после получения кредита. Этот случай продемонстрировал тонкую разделительную стену между теневыми банками и наиболее регулируемые частями финансового сектора, поскольку China Credit представила ссуду как инвестиционный продукт, обещая ежегодную доходность в размере 10%. Продукт продавался не напрямую, а Промышленно-коммерческим банком Китая (ICBC), крупнейшим кредитором страны, состоятельным клиентам частного банковского обслуживания.

Кто должен нести ответственность?

1. Местное правительство Шаньси, которое дало свое благословение плану Вана?

2. China Credit?

3. ICBC?

В конце концов, неустановленное лицо выручило инвесторов, погасив их основную сумму, но не полную долю.

Есть много других случаев этого типа, в том числе случай с Синь Либином, угольным магнатом, который в 2012 году устроил свадьбу своей дочери на 70 миллионов юаней (11 миллионов долларов) и был вынужден реструктурировать свое горнодобывающее предприятие, поскольку оно не могло выплатить кредиты.

По самой своей природе теневые китайские банки ориентированы на клиентов с повышенным риском, таких как добытчики полезных ископаемых, застройщики и местные органы власти. В 2013 г. на теневые банковские операции приходилась треть всех новых кредитов в Китае⁴.

Поскольку у государственных банков Китая достаточно активов, чтобы покрыть большую часть ущерба, большинство инвесторов в трастовые продукты обычно уходят невредимыми.

Китайские инвесторы, ссужающие деньги рискованным клиентам, не сумасшедшие. Они делают рассчитанную ставку, которая до сих пор в основном себя оправдывала, что правительство или государственные банки выручат их, если они столкнутся

¹ Tom Hancock and Gabriel Wildau "Chinese property boom props up Xi's hopes for the economy", Financial Times, 20 октября 2017 года.

² См. Peter Marsh "Doubts over China steel output", Financial Times, 18 июля 2010 г.

³ 64,5 миллиона пустующих квартир.

⁴ См. Josh Noble "China coal miner's \$50 million loan default fuels shadow banking fears", Financial Times, 12 февраля 2014 г.

с проблемами, что, в свою очередь, объясняет, среди прочего, избыток производственных мощностей, от которых страдают производители, от производителей спортивной одежды до сталелитейных заводов.

Восприятие железных, пусть и неявных, государственных гарантий также объясняет, почему уровень долга вырос со 150% ВВП в 2008 году до нынешнего уровня: «*Такому быстрому росту предшествовали финансовые кризисы в странах от Южной Кореи до США*»¹.

Долговая гора Китая становится все выше.

На теневое банковское обслуживание приходится почти треть совокупного финансирования китайской экономики.

По данным Народного банка Китая (НБК), финансирование от трастовых компаний и других организаций в теневом банковском секторе выросло до самого высокого уровня за всю историю и составило 30% от 17,3 трлн. юаней (2,9 трлн. долларов) общего объема кредитов, выданных в 2013 году, увеличившись с 9,23% совокупного финансирования в 2013 году.

Теневой банковский сектор способствовал тревожному увеличению задолженности местных органов власти, которые создали внебалансовые механизмы заимствования денег для проектов развития.

Согласно отчету Госконтроля, долг местных органов власти вырос на 70% в период с 2010 по июнь 2013 года, когда он составлял 3 трлн. долларов².

Теневое финансирование стало настолько большим, что многие в Китае предупреждают, что страна может столкнуться лицом к лицу со своим собственным «моментом Лехмана».

Есть около 10 000 LGFV (local government financial vehicles) – фирмы, аффилированные с местными властями и использующиеся для их финансирования, созданные чиновниками для обхода законов, запрещающих местным органам власти иметь дефицит – *примечание переводчика*). Их работа состоит в том, чтобы каким-то образом собирать средства и тратить их от имени местных властей, часто на проекты общественных работ, таких как дороги, общественное отопление или канализация. По официальным оценкам, к середине 2013 года у LGFV накопилась задолженность в размере 17,9 трлн. юаней, что на тот момент составляло 31% ВВП.

В период с 2007 по конец 2013 года теневой банковский сектор Китая предоставил займов на сумму 4,8 трлн. долларов США, в основном более рискованным предприятиям, чтобы создать самый большой бум в истории³.

LGFV были созданы после мирового финансового кризиса, который оказал разрушительное воздействие на китайский экспорт, вынудив правительство принять гигантский пакет мер стимулирования, чтобы предотвратить экономическую катастрофу. Первоначально LGFV разрешалось брать займы в государственных банках Китая. Поскольку правительство призывает местные органы власти и корпорации брать займы и тратить столько, сколько они могут, отношение долга к ВВП резко выросло со 150% в 2008 году до более 220% в 2013 году, достигнув 299% в 2018 году и 310% к июлю 2019 года. В результате активы в банковском секторе, включая теневой банковский сектор, выросли

примерно с 10 трлн. долларов до 25 трлн. долларов. Таким образом, всего за пять лет Китай создал столько же новых кредитов, сколько вся банковская система США.

Хотя этот массивный стимул привел к быстрому восстановлению роста ВВП, новый кредит вскоре начал оказывать давление на балансы кредиторов и требования к капиталу, давая импульс альтернативным теневым формам кредита.

Банки переупаковывали свои самые рискованные ссуды наименее кредитоспособным заемщикам, в том числе LGFV, продавая их как «продукты управления капиталом» неосторожным обычным вкладчикам.

К ним присоединились менее регулируемые трастовые компании, предоставляя ссуды под высокие проценты рискованным заемщикам, переупаковывая и продавая их через банки в качестве «трастовых продуктов».

После того, как китайская экономика восстановилась в 2009 и 2010 годах, власти, обеспокоенные инфляцией активов и расточительными инвестициями, посоветовали банкам сократить кредитование проектов в сфере недвижимости, а также некоторых местных государственных заемщиков и отраслей, испытывающих избыточные мощности, таких как, например, производство стали, стекла и цемента. Это, в свою очередь, вызвало огромный спрос на ссуды под высокие проценты через теневые банки, которые, в результате стали представлять до четверти всех активов в банковском секторе. По данным аналитиков, почти половина всех кредитов, предоставленных в 2013 году, была получена из источников за пределами официальной банковской системы.

Обычные инвесторы, которые покупали продукты управления капиталом и трастовые продукты, полагая, что у них есть государственная гарантия, поскольку они часто продавались государственными банками, теперь ставят под сомнение это предположение, начиная протестовать и требуя, чтобы правительство спасло их.

Органы финансового регулирования хотели бы ограничить рост теневого финансирования, но знают, что этот сектор стал слишком большим и может дестабилизировать всю систему. Если произойдет внезапный вывод средств из теневого банковского сектора, это может иметь чрезвычайно серьезные, даже разрушительные, последствия.

Существует мнение, хотя и в значительной степени мнение меньшинства, которое гораздо более снисходительно в отношении китайского долга, включая теневой банковский долг. Один человек, придерживающийся такого снисходительного взгляда, – это Артур Р. Крёбер, который в своей книге «Экономика Китая» выражает мнение о том, что нет опасности, что Китай столкнется с финансовым кризисом в результате своего банковского и небанковского долга. Его аргументы резюмируются ниже:

По его словам, явления, которые предшествуют финансовому кризису, характеризуются: а) пузырями на рынке жилья и б) быстрым ростом национального левереджа – соотношения долга к ВВП.

Что касается пузыря на рынке жилья, утверждает он, то положение покупателей в Китае гораздо менее

¹ Simon Rabinovitch "Gold that does not glitter in China's shadow banks", Financial Times, 1 февраля 2014 г.

² Jiang Yun "Local government debt on the rise in China", GBTimes, 15 января 2014 г

³ Jamil Anderlini "Risky business, global threat", Financial Times, 16 января 2014 г.

хрупкое, чем в США в 2006 году, когда был вызван кризис субстандартной ипотеки. Средний первоначальный взнос при покупке дома в Китае, продолжает он, намного превышает 30%, а законный минимум – 20%. В среднем городские домохозяйства имеют долг, составляющий менее 50% их годового располагаемого дохода. Даже если цены на жилье значительно упадут, китайские домовладельцы все равно будут иметь положительный капитал в своих домах и продолжат выплачивать свои ипотечные кредиты. Таким образом, Китай вряд ли столкнется с финансовым кризисом, связанным с жилищным фондом.

Если даже принять это в качестве аргумента, то г-н Крёбер не учитывает займы, полученные строительными компаниями, которые взяли займы деньги на строительство спекулятивного жилья, особенно дорогих жилищ, миллионы из которых, в настоящее время, пустуют. Если строительные компании-заемщики, неспособные продать эту недвижимость, оказываются в положении, когда они не в состоянии выплатить свои долги банкам, это не может не вызывать самые серьезные опасения последствий для банковского сектора со всеми их последствиями для остальной экономики.

Что касается увеличения национального левериджа – отношения долга к ВВП – это, по его словам, более серьезное беспокойство. Совокупный валовой долг домашних хозяйств, корпораций и правительства вырос с относительно стабильных 140% ВВП в 2008 году до 230%¹ к концу 2015 года, в основном из-за значительного увеличения заимствований местных органов власти и государственных предприятий во время программ экономического стимулирования в 2009-2012 гг.

Маловероятно, что это приведет к кризису, который, по словам Артура Кребера, потребует а) быстро растущего долга и б) триггерного (запускающего) события, которое заставит неустойчивых заемщиков заплатить или обанкротиться. Он утверждает, что у Китая был долг, но не спусковой механизм.

Продолжая, он говорит, что причиной долгового кризиса на развивающихся рынках является неспособность выплатить долг иностранным кредиторам. В случае Китая, однако, его внешние заимствования составляют около 10% ВВП, и он имеет огромные валютные резервы в размере около 3,5 трлн. долларов, помимо профицита текущего счета в размере 2,3% ВВП.

Таким образом, Китай не сталкивается с кризисом ликвидности. По его словам, нет спускового механизма ликвидности, нет кризиса.

Кроме того, практически все кредиты в Китае обеспечиваются индивидуально. Депозиты, самый безопасный и стабильный вид фондирования.

Имея дело с теневым банкингом², банковское дело осуществляется вне балансов обычных банков, – г-н Крёбер говорит, что в США и Великобритании теневые банковские операции были шире, чем официальные банковские системы, и, вероятно, способствовали финансовому кризису.

К 2010 году теневого банкинг начал появляться в Китае по двум каналам:

1) Банки и трастовые компании начали предлагать «продукты управления благосостоянием», при этом инвесторы получали более высокие процентные ставки, чем банковские депозиты. Эти организации не являются банками, но иногда работают в тесном сотрудничестве с банковскими партнерами.

Китайский теневого банкинг довольно невелик. В то время как в США небанковские активы составляли почти 60% всех финансовых активов и равнялись 150% ВВП, в Китае небанковские активы составляли всего 9% финансовых активов и относительно скромные 31% ВВП (эта цифра намного меньше, чем принято большинством экспертов в данной области).

2) Почти все теневого банковское финансирование Китая состоит из обычных банковских кредитов, которые направляются через небанковские учреждения. Теневые банки возникли как способ обойти систему регулируемых процентных ставок и правила, требующие, чтобы общая сумма ссуд в банковских книгах не превышала 75% их депозитов.

Можно только надеяться, что г-н Крёбер прав и что Китай не столкнется с финансовым кризисом из-за резкого роста кредитования – банковского и небанковского. Большинство других, включая китайские власти, крайне обеспокоены размером китайской задолженности.

Пока китайские власти справляются с ситуацией очень компетентно и умело. И все же день расплаты нельзя отложить навсегда. Если экономика работает по рыночным принципам, а рынок продолжает все глубже проникать в китайскую экономику, то последнее слово остается за рынком, независимо от того, насколько компетентны и искусны регулирующие органы. Как выразился один китайский обозреватель: *«Приближается зима. Вы все еще можете снять пальто и притвориться, что Вам тепло, но на самом деле мороз начинает кусаться»*³.

Экономика Китая интегрирована с внешним миром – и этот внешний мир капиталистический. В своем развитии Китай во многом зависит от внешнего мира, от событий, которые отражаются на экономике Китая и наоборот. Худший экономический кризис империализма, начавшийся с 2007-2008 гг., затронул, помимо капиталистического мира, и Китай. Экспорт, составляющий такую большую долю китайского ВВП, резко упал, поскольку рынки в США и других странах иссякли, что привело к закрытию десятков тысяч фабрик и к потере более 30 миллионов рабочих мест. Отсюда гигантский правительственный пакет стимулов и

¹ Как уже указывалось выше, большинство экономистов в настоящее время оценивают этот процент в 310%.

² В сентябре 2018 года объем теневого банковской деятельности составил огромные 9,2 трлн долларов США, то есть, 70% ВВП Китая (Donald Weinland "China's newly global groups falter under local debt", Financial Times, 6 февраля 2019 года). Китайские власти, обеспокоенные чрезмерной задолженностью предприятий, добились определенных успехов в снижении левериджа и сокращении теневого банковского сектора с 87% ВВП в 2016 году до 79% в конце

2017 года и до 70%. к сентябрю 2018 года. Это, в свою очередь, создает другую проблему, а именно ограниченность доступа к кредитам, которая замедляет рост ВВП, вынуждая власти ослабить тормоза кредитования. Отсюда продолжающаяся политическая борьба между сокращением левериджа и ростом (Andrew Peale "China's battle against shadow banking slips into stop-start mode", Wall Street Journal, 4 декабря 2018 г.).

³ Цитируется по Simon Rabinovitch in "China companies feel the investment hangover", Financial Times, 28 августа 2013 года.

проблемы, которые он принес с собой, как вкратце изложено выше. В китайской экономике в течение 30 лет темпы роста выражались двузначными числами, теперь же они достигли новой нормы – 7% в год, после того как в мировую капиталистическую экономику дуют холодные ветры.

Пока продолжается реализация политики «реформ» с ее зависимостью, в частности, от экспорта, в дополнение к действию законов рынка внутри страны, китайская экономика, как и любая другая рыночная экономика, будет продолжать испытывать спады и пики, со всеми вытекающими отсюда нарушениями равновесия, какими бы могущественными ни были власти, как бы грамотно они ни управляли экономикой. И это не учитывает политические последствия укрепления рынка.

Перепроизводство в жилищном и других секторах, снижение доходов местных органов власти (зависящих от продажи земли) затрудняют возможность заемщиков обслуживать и возвращать ссуды. Огромное количество домов стоит пустыми, построенными и купленными так, как будто они были спекуляциями, а не предназначены для проживания.

В свою очередь, снижение темпов роста китайского ВВП имело бы, и действительно уже имело, пагубные последствия для многих других экономик, поскольку 40% глобального экономического роста с момента кризиса 2008 года было обусловлено ростом в Китае.

Поскольку Китай потребляет 40% мировой меди, алюминия, сырой стали, никеля и олова, падение темпов роста Китая отрицательно сказывается на производителях этих товаров – от Австралии до Африки и Латинской Америки. То же самое и с европейскими автопроизводителями.

Только на основе обобщения средств производства, централизованного планирования производства, государственной монополии на внешнюю торговлю и усиления диктатуры пролетариата Китай сможет предотвратить нависшие над ним опасности. А это означает разрыв с так называемыми реформами и прекращение процесса интеграции в мировую капиталистическую экономику. Такой курс, несомненно, был бы болезненным. Но альтернатива в конечном итоге будет еще более болезненной для масс китайского народа.

Мы, как друзья и доброжелатели китайского народа, можем лишь констатировать необходимость *«...экономики планировать, чтобы гарантировать независимость народной экономики, чтобы наша экономика не превратилась в придаток капиталистической экономики. От нас зависит не стать придатком капиталистической экономики»*¹.

То, что относилось в недавнем прошлом к Советскому Союзу, в равной мере сегодня применимо и к Китаю. От Коммунистической партии Китая зависит предотвратить судьбу, ожидающую китайские массы, если нынешний курс будет продолжен.

Глава 13. Валютные резервы

«Если вы должны своему банку сто фунтов, у вас начнутся проблемы. Но если вы должны ему миллион, то все идет как надо»

Джон Мейнард Кейнс

«Если Кейнс был прав, то у стран-кредиторов есть огромная проблема, а у США – вообще нет. Однако предположение, что кредиторы должны быть напуганы больше, чем должник, неверно, если последнему необходимо продолжить заимствование. Если кредиторы сталкиваются с бесконечным потоком дополнительных заимствований и хорошей вероятностью дефолта в конце, они не должны бросать на ветер хорошие деньги за плохими. Тогда они должны облагать должника огромными расходами.

Этот баланс финансового террора, как его еще называют, характеризует нынешние огромные финансовые потоки в США. Если мир хочет выбраться из этого затруднительного положения, необходима тщательно продуманная экономическая политика. Увы, мы можем рассчитывать на то, что администрация Джорджа Буша не предоставит этого»².

«Ругань и нападки на Китай», охватившие политику США с начала этого века, напоминают оскорбления Японии в предыдущие десятилетия. Поступая так, США играют с огнем и кусают руку, которая их кормит, – так утверждал в 2005 году профессор Нуриэль Рубини из Нью-Йоркского университета.

Учитывая дефицит бюджета и счета текущих операций, американцы могут потреблять и инвестировать, как если бы дефицита не существовало. В таком случае Джон Сноу, тогдашний министр финансов, «... возможно, самой безответственной с финансовой точки зрения представитель администрации США со времен Второй мировой войны (то есть, администрации Джорджа Буша), должен пасть на колени в знак благодарности, а не раздражаться жалобами»³.

И это, по словам профессора Рубини, из-за жестоких экономических потрясений, которые последуют за прекращением потока официальных международных кредитов: «Последствия почти наверняка будут включать в себя обвал доллара, при этом рост внутренних цен, скачок процентных ставок, падение цен на жилье, резкий рост банкротств домашних хозяйств и, что немаловажно, резкая рецессия в США. Чем больше и быстрее будет корректировка во внешних счетах, тем серьезнее будут эти последствия. Приземление будет тяжелым»⁴.

Далее г-н Вольф предположил, что в долгосрочных интересах США было бы предотвратить взрывное накопление своих обязательств, поскольку, как он разумно указал, «каким бы серьезным ни был кризис, если бы внезапная коррекция произошла сейчас (это было всего 15 лет назад), это было бы ничто по сравнению с тем, что произошло бы после еще одного десятилетия роста чистых обязательств».

Вместо того, чтобы выбирать между внезапной коррекцией тогда и гораздо более жесткой внезапной коррекцией позже, «почему бы не пойти на более плавную коррекцию, которая начинается сейчас?», – спросил г-н Вольф. Да, в самом деле. Почему бы и нет? Если бы только капитализм руководствовался здравыми соображениями!

В высшей степени разумный рецепт г-на Вольфа заключался в том, что, в то время как США должны

¹ Сталин, из статьи «Обсуждение учебника политической экономики» (январь 1941 г.), см. Ричард Косолапов «Слово товарищу Сталину», «Обсуждение учебника политической экономики», 29 января 1941 г., Палея, Москва, 1995, - Сю 161–168.

² Martin Wolf, «America's debts are more than just China's problem», Financial Times, 20 апреля 2005 г.

³ Там же.

⁴ Там же.

сократить свои расходы, их кредиторы, в частности Китай, должны делать наоборот – тратить больше и, вместо накопления положительного сальдо торгового баланса, иметь дефицит текущего счета. Все дело в том, что каждая сторона – страны с профицитом и США – имеют свои собственные побуждения, которые движут их экономикой. Даже когда они знают, что движутся к катастрофе, они оказываются бессильными действовать.

Между прочим, многие развивающиеся азиатские страны, имевшие тогда дефицит, не избежали разрушительных последствий азиатского финансового кризиса, поразившего их в 1997 году; они пострадали еще больше из-за дефицита в масштабе, к которому мистер Вольф хотел бы, чтобы они вернулись.

Четыре года спустя г-н Вольф вернулся к этой теме, заявив, что, по его мнению, накопление Китаем 2 000 миллиардов долларов (сейчас это 3 000 миллиардов долларов) в валютных резервах было "ошибкой" перед тем, как сделать следующее предупреждение: «... Теперь у него есть выбор. Если он хочет, чтобы его претензии к США были безопасными, он должен способствовать корректировке глобального платежного баланса. Если он и другие страны с профицитом желают иметь огромные профициты и накапливать огромные финансовые требования, им следует ожидать дефолта. У них не может быть одновременно надежных зарубежных активов и огромных излишков. Они должны выбирать между этим. Это может показаться несправедливым. Но кто сказал, что жизнь справедлива?»¹.

Китайские власти, обеспокоенные безопасностью своих долларовых инвестиций, часто заявляют, что хотят диверсифицировать свои резервы за счет доллара. В превосходной статье в *Financial Times*² Джон Плендер предположил, что крупнейший в мире кредитор «находил эту задачу в значительной степени равной усилиям Сизифа по продвижению валуна в гору».

Ссылаясь на увеличение вложений Китая в ценные бумаги Казначейства США, которые на конец 2010 года составляли 1160 миллиардов долларов (и это была лишь часть долларового компонента резервов, которые в то время составляли порядка 2750 миллиардов долларов), по сравнению с годом ранее, г-н Плендер заметил, что его усилия не увенчались успехом.

Пока Китай продолжал накапливать все больше и больше долларов за счет положительного сальдо торгового баланса, он был обречен на покупку долговых расписок правительства США, поскольку альтернативные пути инвестирования в США были в значительной степени закрыты для него властями США по надуманным соображениям национальной безопасности.

Договор между должником и кредитором, лежащий в основе торгового дисбаланса, означал, что «... бедные китайские домохозяйства в конечном итоге облагались налогом для субсидирования потребления богатых домохозяйств в развитых странах».

«Где, – спросил г-н Плендер, – здесь мораль?»

Г-н Плендер убедительно утверждает, что стоимость китайских долларовых инвестиций «сомнительна, и

рычаги воздействия страны-кредитора не могут быть использованы без нанесения серьезного ущерба самому себе. Продажа долларов просто уменьшит стоимость их портфолио, нанеся серьезные убытки Центральному банку».

Он добавляет, что Китай – «невротический триллионер, застрявший на беговой дорожке», сопротивляющийся удорожанию своей валюты и сохраняющий огромный торговый профицит. «Кредитное плечо, создаваемое крупнейшим в мире кредитором, вряд ли можно назвать даже мягкой силой. В большинстве случаев это не более чем импотенция. В противном случае это может привести к взаимно гарантированному уничтожению».

Г-н Пендер делает зловещий вывод: «Два возможных исхода – это усиление протекционизма со стороны США и, в конечном итоге, огромная потеря валюты Китая по его долларовым резервам».

Другими словами, Китай будет проклят, если он диверсифицируется, и будет проклят, если он этого не сделает.

С начала «реформ» и открытия четыре десятилетия назад китайская экономика также выстраивала дисбалансы на международном уровне, как и внутри страны. Рост Китая, обусловленный экспортом, привел к значительному положительному сальдо торгового баланса, особенно с Соединенными Штатами. Эти излишки не могут поддерживаться в течение длительного периода времени³.

На основе своего положительного сальдо торгового баланса Китай накопил огромные резервы иностранной валюты. Так же, как Япония и Южная Корея до этого, Китай ссудил деньги США, чтобы последние могли покупать его товары. Эта договоренность должна была быть нарушена, как это действительно было с началом последнего экономического кризиса империализма в 2008 году. В результате китайский экспорт резко упал, что, в свою очередь, привело к закрытию заводов в Китае в крупных масштабах, к сокращению в промышленном производстве Китая и к падению роста его ВВП. Попытка китайских властей справиться с этим драматическим поворотом событий с помощью массивного пакета стимулов в размере 4000 млрд. юаней оказала некоторое временное смягчающее воздействие, после чего темпы роста производства в Китае снизились с 10% в год до менее 7%. К сделке добавились стимулы к уже существующей избыточной мощности в китайской промышленности, высокому уровню задолженности и пузырю на рынке недвижимости, который может взорваться в любой момент.

Внутри страны высокие темпы роста обусловлены инвестициями за счет внутреннего потребления. В начале 2010 года *China Daily* писала: «Представитель ACFTU заявил, что доля ВВП Китая, направляемая на заработную плату, сокращается в течение 22 лет подряд, что свидетельствует о потенциальном социальном конфликте...»⁴. Поразительным фактом было то, что доля

¹ «It is in Beijing interests to lend Geithner a hand», *Financial Times*, 10 июня 2009 г.

² «US-China affair is likely to result in mutual pain», 8 марта 2011 г.

³ Фактически, Китай уже внес коррективы в свою экспортную торговлю, отчасти в ответ на протекционизм и угрозы США. Тем не менее экспорт и импорт Китая огромны. С 10% в 1979 году экспорт и импорт Китая выросли до 70% ВВП к 2010 году.

По словам Николаса Ларди, в 2012 году импорт Китая составил 1,8 трлн. долларов (22% ВВП), а экспорт - 2,05 трлн. долларов (25% ВВП) его ВВП. Однако к 2016 году экспорт Китая упал до 19% его ВВП. Двусторонняя торговля США и Китая в 2017 году составила 636 миллиардов долларов, при этом у Китая профицит составил 375 миллиардов долларов.

⁴ Xie Yu, «Unions urged in all non-public firms», 7 июня 2010 г.

заработной платы в ВВП упала с 57% в 1983 г. до 37% в 2005 г. и с тех пор оставалась неизменной.

Газета China Daily также сообщила, что «недавняя волна самоубийств у финансируемого Тайванем производителя Foxconn и широкомасштабная забастовка на заводе японского автопроизводителя Honda в Фошане, ... обострила условия жизни рабочих, многие из которых борются с низкой заработной платой и плохими условиями труда».

Успех китайского роста, основанного на экспорте и инвестициях (экспорт и импорт составляют 70% ВВП, в то время как инвестиции составляют около 50% ВВП, в отличие от среднемирового показателя в 24%) в период «реформ» был основан на дешевой рабочей силе, дешевой энергии, дешевой земле, низких экологических стандартах – особенно на дешевой рабочей силе – все это стало магнитом для Fortune 500 Forbes, который ворвался в Китай и создал производственные мощности, ставшие двигателем экспортной машины Китая.

Один из парадоксов китайской истории роста заключается в том, что, хотя она, несомненно, вырвала сотни миллионов китайцев из бедности (до 600 миллионов человек), она в то же время сделала их всех вместе беднее, сократив долю заработной платы в национальном продукте до беспрецедентно низкого уровня в истории Китая после освобождения, что привело к драконовскому росту неравенства и вытекающему из этого социальному недовольству и широкомасштабным беспорядкам, которых зачастую достаточно, чтобы освещать их в китайских СМИ. Упомянутый выше профсоюзный деятель был совершенно прав, подняв тревогу по поводу конфликтов, которые представляют собой опасность для социальной стабильности.

Ежегодный 10-процентный рост китайского ВВП в течение трех десятилетий после 1978 года был основан на трех конкретных показателях, относящихся к периоду смены тысячелетия. Во-первых, это реструктуризация, закрытие или приватизация значительной части государственного сектора и освобождение оставшихся от какой-либо ответственности за предоставление образовательных, медицинских услуг и жилых помещений своим работникам, как это было раньше. Во-вторых, приватизация жилья в конце 1990-х годов с передачей большей части китайского жилья в городских районах от государства отдельным лицам, что послужило созданию огромного рынка недвижимости, что, в свою очередь, способствовало оживлению – если не сказать, спекулятивному росту – строительной отрасли, одному из основных драйверов роста Китая. И третье – вступление Китая во Всемирную торговую организацию (ВТО) в 2001 году, что означало, что, с одной стороны, китайская рабочая сила должна была конкурировать с самой дешевой в мире, а с другой стороны, дешевые китайские товары могли затопить весь мировой рынок, особенно в США и других империалистических странах, и ускорят смещение производства в восточном направлении.

Три перечисленных выше меры объясняют почти весь подъем Китая до статуса второй по величине

экономики. Но после начала глобального экономического кризиса в 2008 году из-за сочетания более слабого внешнего спроса и перегретого внутреннего рынка недвижимости эти три движущих силы китайской экономики стали гораздо менее эффективными, что вынудило Китай обратиться к кредитам как средству сохранения роста. Через короткий период после введения пакета стимулов, более ранние темпы роста сменились с 2012 года гораздо более низкими темпами роста, колеблющимися около 7%¹.

Профессор Ли Шинмэнь отметил, что дешевая рабочая сила была секретом феноменального роста Китая, как с точки зрения привлечения прямых иностранных инвестиций (ПИИ), у которых Китай был основным получателем и на которые приходилось более 50% объема китайских инвестиций, так и общего объема импорта и экспорта и его успеха в заниженных продажах на мировом рынке². В 2005 г. предприятия с иностранными инвестициями обеспечили 58% экспорта.

The Economist от 28 июля 2005 г.³ правильно заметил, что с выходом Китая, Индии и России на глобальный капиталистический рынок мировая рабочая сила увеличилась вдвое, причем половина этого прироста приходится на Китай. Результатом стало падение заработной платы во всем мире, в том числе в империалистических странах, где прибыли выросли до самого высокого уровня, а заработная плата отстала от циклических тенденций или просто стагнировала. В краткосрочной перспективе такое развитие событий дало новую жизнь империализму, но в конечном итоге оно создает грозных конкурентов и соперников, одновременно создавая сопротивление внутри страны.

Глядя на валютные резервы Китая, поражаешься их размеру. Несмотря на то, что они снизились с пика в июне 2014 года, когда они составляли 3,99 трлн. долларов, до 3,01 трлн. доллара в настоящее время, они просто беспрецедентны. Однако необходимо понимать, что эти резервы были созданы на основе высокой степени эксплуатации китайской рабочей силы международным капиталом.

В худших условиях работы и жизни оказались более 200 миллионов рабочих-мигрантов из сельских районов, которые устремились в города в поисках работы. Эти мигранты берут на себя самую тяжелую, самую грязную, плохо оплачиваемую и самую опасную работу, чтобы иметь возможность содержать тех, кого они оставили в своих деревнях. У них нет юридического статуса городских жителей из-за разрешительной системы, известной как «хоуку». Таким образом, они не только подвергаются жестокому обращению со стороны работодателей, но и практически не имеют доступа к медицинским услугам. Тем, кто привез с собой семьи, не разрешается отправлять своих детей в школу, поскольку они не имеют правового статуса. Они живут в переполненных общежитиях, а тем, кто работает на стройке, часто приходится спать в палатках рядом с местом работы.

¹ Во втором квартале 2019 года в Китае наблюдался самый медленный рост за 20 лет. В то же время экономический рост на 6,3% в первом полугодии по сравнению с 6,6% за весь 2018 год вряд ли можно охарактеризовать как бегство. В 2018 году Китай добавил 1,45 триллиона долларов в свою экономику в 13,6 триллиона долларов, что сделало его крупнейшим источником глобального роста. О масштабе этого роста можно судить по тому факту, что эти дополнительные 1,45 трлн

долларов равны размеру экономики Испании или Австралии. Даже если предположить, что Китаю удастся вырасти всего на 6,3% в этом году, он все равно добавит экономически еще одну Испанию (см. James Kynge «Trump is wrong», Financial Times, 17 июля 2019 г.).

² См. Профессор Ли Шинмэнь, заместитель президента Китайской академии социальных наук, Quishi Theory, 03.02.2012.

³ «How China runs the world economy».

Большинство женщин-мигрантов работают в экспортных отраслях в прибрежных районах или в сфере услуг или нанимаются для выполнения домашней работы в состоятельных китайских семьях.

Профессор Ли Шинмэнь отметил, что «в течение последних 30 лет ежемесячный доход рабочих-мигрантов в прибрежных регионах Китая оставался на уровне от 800 до 1000 юаней (от 127 до 159 долларов США) в месяц, что дает Китаю конкурентное преимущество на зарубежных рынках»¹.

Заглядывая в будущее, он добавил, что количество людей трудоспособного возраста заметно сократится, преимущества дешевой рабочей силы исчезнут, а вместе с ним исчезнет и конкурентное преимущество Китая. Это может привести к упадку и даже внезапному бегству иностранного капитала, хлынувшего в Китай исключительно для извлечения максимальной прибыли, и представляет собой серьезный вызов стратегии развития Китая.

Это особенно актуально с учетом того факта, что в последнее время минимальная заработная плата повышается более чем на 20% в год во многих отраслях и сферах².

В то время как молодые и крепкие члены семьи уезжают в города в поисках работы, дети, старики, слабые и больные остаются жить на денежных переводах, отправляемых домой рабочими-мигрантами. Эта ситуация вызывает нехватку рабочей силы в сельской местности и, наряду с высокими затратами на вводимые ресурсы и устаревшей сельскохозяйственной инфраструктурой, препятствует развитию сельскохозяйственного производства.

В конце всей тяжелой работы китайского пролетария, тех лишений и страданий, которым он подвергся, именно многонациональный капитал снимает сливки, оставляя мизерную долю созданной им стоимости китайскому народу.

В летнем выпуске журнала «Общественные науки в Китае за 2007 год» профессор Цао Хэпинь в статье осудил глобализованную систему производства под брендом/наименованием, согласно которому «производство 100% физической рубашки приводит к прибыли менее чем на 10% от конечной рыночной стоимости», добавив, что «в 2005 год, будучи мировой мастерской, Китай произвел 30% мирового физического продукта, в то время как его соответствующая доля в стоимостном выражении составляла 5,2%».

Вот несколько примеров:

«Nike продает обувь (произведенную рабочими в Китае) за 200 долларов в США, из которых иностранный дизайнер получает 100 долларов, а Nike (владелец бренда) 90 долларов, оставляя китайскому производителю только 10 долларов. За DVD-плеер иностранной компании платят 18 долларов за патент, а Китай получает всего 1 доллар.

Многие китайские компании имеют только 2-3% прибыли от своей продукции.

По данным Evening Standard от 18 сентября 2013 года, 20 сентября фанаты начали «стоять в очереди у флагманского магазина на Риджент-стрит за четыре дня до поступления в продажу новых iPhone 5C, который поставляется в пяти цветах, стоит около 469 фунтов стерлингов».

Evening Standard «забыла» сообщить своим читателям, сколько стоит производство Apple 5C в Китае. Однако официальный китайский журнал Beijing Review предоставил следующую информацию об этой модели:

«Исследования показывают, что на каждый iPhone, произведенный в Китае, с розничной ценой в 178,96 долларов (111,85 фунтов стерлингов), добавленная стоимость в Китае за рабочую силу и компоненты составляет всего около 6 долларов (3,75 фунтов стерлингов), а для каждого iPad, произведенного в Китае, который продается по цене 499 долларов (311,88 фунтов стерлингов), стоимость китайского вложения составляет всего около 8 долларов (5 фунтов стерлингов). Apple Inc. в Калифорнии получает 150 долларов (93,75 фунта стерлингов) прибыли с каждого проданного iPad»³.

Если мы примем стоимость транспортировки iPhone из Китая до точки розничной торговли такой же, как и стоимость его производства, то прибавочная стоимость составит около 166,96 долларов (104,35 фунтов стерлингов). Прибавочная стоимость iPhone 5C и последующих моделей, несомненно, будет еще выше.

Другой пример: рубашки из хлопка, произведенные в Китае, продавались в США по 10 долларов каждая. Из этой суммы только 1 доллар был зачислен Китаю на покрытие расходов на сырье, энергию, износ оборудования, заработную плату, прибыль и т.д., в то время как 1 доллар составлял расходы на транспортировку в США, 8 долларов были оставлены импортерами в США, посредниками, торговцами и владельцами магазинов.

Только первый доллар внес свой вклад в ВВП Китая. Второй доллар способствовал увеличению ВВП страны-перевозчика, а 8 долларов добавили к ВВП США. Потребители в США также выигрывают от дешевых китайских рубашек, поскольку их производство в США стоило бы 20 долларов.

Такие обдираемые производители, как Китай, по-прежнему выгодно отличаются от тяжелого положения сельскохозяйственных производителей, уровень эксплуатации которых гораздо более тяжелый. Хлопок, который идет на производство рубашки за 10 долларов, принес хлопкоробу эквивалент лишь 10 центов США.

Если сложить цифры по всем товарам во всем мире, нетрудно понять, почему империалистические страны богаты и почему они экспортируют капитал в места, где они могут нанести смертельный удар ради прибыли.

Страны-производители, если им повезет, получают не более 10–15% выручки от продажи товара, большая часть которой идет различным паразитам, таким как владельцы бренда, дистрибьюторы, рекламодатели и розничные торговцы.

Кроме того, по словам тогдашнего лидера Китая Ху Цзиньтао, сделавшего это заявление во время своего визита в США в январе 2011 года в ответ на то, что Китай получил выгоду от потребителей в США, дешево поставляя качественную продукцию на сумму 600 миллиардов долларов, Китай также принес пользу. Обвинения Китая в манипулировании своей валютой с целью увеличения экспорта беспочвенны, так как, по его словам, китайская экономика помогла создать 14 миллионов рабочих мест во всем мире⁴.

¹ Там же

² См. Jamil Anderlini "A workshop on the wane", Financial Times, 17 октября 2011 г.

³ Beijing Review, 1 ноября 2012 г.

⁴ См. Geoff Dyer. «Eyewatering statistics hide China's need to adjust economy», Financial Times, 25 января 2011 г.

Как будто вышеупомянутое положение дел недостаточно вопиющее, большая часть долларов и другой твердой валюты, полученных Китаем от Apple и других подобных эксплуататоров, вкладывается в долларовые инвестиции – в основном в казначейские векселя США, которые, как уже указывалось, имеют сомнительную стоимость.

Дилемма, стоящая перед Китаем в связи с его огромными валютными резервами, была кратко выражена двумя китайскими экспертами в августовском выпуске журнала «Общественные науки в Китае» за 2013 год, официальном издании:

«Рентабельность инвестиций американских предприятий в Китай, – написано там, – составила в среднем 33 процента. Однако окупаемость инвестиций в государственный долг США, купленный Китаем с его гигантскими валютными резервами, оценивается в 1% и 3%».

Эти эксперты заявили, что есть только одно решение, а именно, чтобы Китай развил «рост возможностей», при котором отечественные предприятия работают на Китай, а не Китай, является поставщиком низкооплачиваемой рабочей силы для империалистических стран.

Профессор Ли Шинмэнь делает правильное наблюдение, что государственный долг и бюджетный дефицит США, ведущие к девальвации доллара, приведут к девальвации долларовых резервов Китая. США, по сути, «скрыто нарушили свои обязательства»¹.

Из приведенного выше повествования очевидны два вывода:

Во-первых, можно понять, почему так много транснациональных корпораций поспешили в Китай и создали там производственные мощности, или, если на то пошло, почему империализм экспортирует капитал в Китай и другие страны, где рабочая сила дешевая.

Во-вторых, чем раньше такие страны, как Китай, прислушаются к советам вышеупомянутых экспертов, тем скорее они положит конец наводнению огромных объемов прибавочной стоимости в США и другие империалистические страны-кровососы. Китаю пора положить конец своей зависимости от доллара США. Создание огромных профицитов и вложение своих валютных резервов в США не в интересах Китая. «Для развивающейся страны с доходом на душу населения ниже 100-го места в мире кредитование самой богатой страны мира на протяжении десятилетий нецелесообразно. Еще хуже то, что, будучи одной из крупнейших в мире стран, поглощающих прямые иностранные инвестиции, Китай, по сути, ссужает деньги, которые он заимствовал по высокой цене, своим кредиторам, покупая казначейские облигации США, а не импортируя товары и услуги»².

Из вышеизложенного следует только один вывод, а именно, что возрастающая зависимость от экспорта – не способ организации производства на рациональной и устойчивой основе. Китаю необходимо организовать свое производство на основе опоры на собственные силы и централизованного планирования, чтобы удовлетворить потребности китайских народных масс, вместо все более глубокой интеграции в мировую капиталистическую экономику. Восторженные

сторонники «реформ и открытости», как китайские, так и иностранные, очарованные накоплением Китаем огромных резервов иностранной валюты, должны задуматься над этим вопросом со всей серьезностью, которой он заслуживает.

¹ Там же.

² «China's moment to break free of the dollar trap», Financial Times, 4 августа 2011 г. Юй Юндунь - бывший член Комитета по денежно-кредитной политике Центрального банка Китая.

ПЛАМЕННЫЕ РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ

К 130-летию со дня рождения и 100-летию героической гибели Тибора Самуэли¹

Рыцарь коммунизма

А.В. Легейда

«Революция означает, что мы сожгли за собой все мосты, что пути назад нет, а есть путь только вперед».

Тибор Самуэли

Революции вообще, а пролетарские в особенности, обращены в завтрашний и послезавтрашний день. Понятно, что творят их преимущественно те, кого грядущее ждёт. Революции рано поднимают своих творцов и питомцев к высотам большой политики – кого на четвёртом, кого на третьем десятке лет жизни, часто, увы, недолгой. Но даже среди избранных Истории немногие могут сравниться с Тибором Самуэли. Ему было отпущено всего 29 лет и 7 месяцев. За столь краткий человеческий век он успел невероятно много.¹

Пламенный журналист – разоблачитель грязных дел сильных мира сего. Антивоенный пропагандист и агитатор. Непосредственный участник триумфального шествия и вооружённой защиты Октябрьской революции. Один из создателей Коммунистической партии Венгрии. Главный организатор подпольной борьбы и бескровного восстания, сыгравшего решающую роль в «мирной» победе второй в мире социалистической революции. Неустанный защитник Венгерской Советской республики от внутренних и внешних врагов. Уполномоченный на важнейших переговорах в Москве – как спустя 41 год Рауль Кастро и Че Гевара. Лидер левого крыла революции, страстно и убедительно предостерегавший товарищей от самоубийственного доверия к империалистическим «партнёрам» и абсурдной мягкости к контрреволюционным мятежникам. И, что неудивительно, – главная мишень смертельной ненависти, лжи и клеветы врагов, ренегатов и соглашателей, объединивших усилия, чтобы отодвинуть его с политической авансцены, заглушить предостерегающий голос, когда же предупреждение исполнится – уничтожить первым.

Одни эти вехи политической биографии способны изумить историка. Как, в силу каких жизненных обстоятельств, могла сформироваться столь выдающаяся личность? Изумление усиливается, когда узнаёшь, что социальная среда, в которой Тибор рос и учился, незаурядности едва ли способствовала. Выходцы из буржуазии среди пролетарских лидеров вообще встречаются нечасто; вспоминается Энгельс, но отцовское руководство собственной фабрикой – для формирования личности сына не то, что торговля

сельхозпродуктами Самуэли-старшего; да и Рур индустриального переворота – не провинциальный Дьёр, город хоть и не лишённый промышленности, но довольно консервативный. Уж не магия ли фамилии вызвала через девять веков дух Абы Самуэля – вождя грозного восстания против феодального гнёта и католической церкви, подавленного лишь войском Германо-Римской империи?

Но историческая диалектика позволяет обойтись без мистики. Дьёр отчасти походил на столь же провинциальный Трир: родной город Карла Маркса лежал близ рубежа Пруссии с Францией, родина Т. Самуэли – возле внутренней, но явственной границы австрийской и венгерской частей империи Габсбургов, на полпути между двумя столицами – Веной и Будапештом. Контраст между мещанско-буржуазной рутинной и открытым всем ветрам огромным миром должен был дать импульс мысли и воле. В различной степени это касалось всей большой семьи Самуэли, в которой были шестеро сыновей и дочь. «Уже в детские годы мы часто спорили по политическим вопросам, – вспоминала сестра. – Заводилой всегда была мама, которая каждый вечер после ужина читала газеты и обсуждала новости, главным образом с Тибором». Все молодые примут участие в революции, трое братьев Самуэли падут жертвами вражеской расправы.

Не зря говорится: дети похожи не на своих родителей, а на своё время. Тибор родился 27 декабря 1890 г. В тот год на политическую арену Европы и его родной Венгрии вступило легальное политическое движение рабочего класса, носившее имя социал-демократии. Всю недолгую жизнь Тибора озаряли революционной грозой. Горючего материала нигде, кроме России, не накопилось больше, чем в Австро-Венгрии. Почти 70-летнее правление Франца-Иосифа казалось остановившим время. В духоте империи, построенной на стравливании народов, рождались кошмары Кафки и Фрейда, незаметно подрастал фюрер «третьего рейха», трагически кончали даже члены августейшего дома. Оставалось или махнуть на всё рукой, погрузившись в трясины обывательщины, или искать новых путей. В 1905 г. стоячие воды всколыхнул

¹ Венгерская Рабочая партия о Тиборе Самуэли:

Тибор Самуэли (1890-1919) – выдающийся представитель первого поколения венгерского коммунистического движения. Один из организаторов первой венгерской коммунистической партии – Партии коммунистов Венгрии. Один из руководителей Венгерской Советской республики 1919 года, которая стала

символом борьбы венгерских рабочих против капитализма и за защиту родины. Тибор Самуэли - пламенный революционер, его жизнь и деятельность служат примером будущим поколениям венгерских коммунистов. Венгерская Рабочая партия чтит его память и защищает ее от потоков грязи и клеветы, которые льет на него буржуазная пропаганда.

порыв первой российской революции. Австрийская социал-демократия добилась для рабочих-мужчин избирательного права, венгерской даже это не удалось. Но и в Дьёре рабочие встречали градом камней лидера правых графа И. Тису.

В марте 1907 г. в дьёрском коммерческом училище начальство решило записать старшекласников... в союз антидуэлянтов. Воспротивился один: 16-летний Тибор сказал директору, что собирается стать радикальным журналистом, и, если его статьи подвергнутся нападкам, не остановится ни перед чем, чтобы защитить правду и свою честь. От неприятностей спасло... сорокалетие возложения венгерской короны св. Стефана на чело императора: по сему случаю Тибора премировали «за активное участие в кружке самообразования».

Один из учителей вспоминал: «Он был чрезвычайно сообразительным мальчиком, очень любил спорить. В этих спорах никто в классе не мог опровергнуть его логических доводов». Однокласснику запомнилось, что он «всегда смело смотрел человеку в глаза». В выпускном классе преподаватель права и политэкономии предпочитал вызывать самолюбивого, но знающего ученика: «Тибор, уже тогда увлекавшийся идеями социализма, давал самые исчерпывающие ответы».

17-летнего Т. Самуэли хорошо знали и на рабочих митингах, и в редакции социал-демократической газеты «Непсава», где он пробовал перо. 15 марта 1908 г., в день 60-летия начала революции 1848 г., в Дьёре прошла демонстрация. Рабочие и студенты выступали против антидемократических законов, в защиту свободы печати. Один молодой рабочий зашёл к друзьям в коммерческое училище, но педагог, ненавидевший «гидру социализма», принялся срывать с него «красный» значок, а получив отпор, ударил по лицу. Хотя Тибору предстоял выпускной экзамен, он опубликовал в «Непсаве» статью, разоблачавшую произвол. С начинающим журналистом, уже известным читателям, расправиться не решились; педсовет ограничился «строгим порицанием». На экзамене директор попробовал втянуть строптивца в диспут – и был посрамлён. Аттестат, хоть и с неблестящими оценками, пришлось выдать.

Журналистский путь будущего революционера складывался непросто. Ему хотелось писать для социал-демократической «Непсавы», но статьи не принимали – они казались слишком задиристыми. Пришлось наняться в консервативную газету. Но вскоре он вступает в местную организацию СДПВ, а когда консерваторы отказались опубликовать его статью о расправе хозяина над рабочим, печатается в «Непсаве». На неё подают в суд, Тибора увольняют. Но он не складывает оружия. Уже в другой газете разоблачает предвыборные махинации «самого» Тисы. В третьей – печатает статью «Кладбище безземельной деревни» о крестьянах, которым негде даже хоронить умерших: последнее пристанище заполнено до отказа, а владелица земли – графиня, живущая в Вене, – не выделяет ни пяди.

Въедливому репортёру то и дело приходится менять редакции. Отец хоть и не разделяет взглядов сына, но гордится его успехами и, когда надо, помогает ему. Даже в буржуазном обществе он становится популярен. Любитель и знаток литературы, театра и танца, всегда элегантно одетый, Тибор выглядит «светским львом». Его приглашают в масонскую ложу, охотно принимают в «лучших домах», надеясь приручить. Но не на того напали. На предложение поучаствовать в «ужине в

пользу бедных» он отвечает: «Приведите мне хоть один факт, который подтвердил бы, что за время существования благотворительных обществ стало меньше голодающих и лишённых крова людей... Проблему бедности можно решить только на государственном уровне, и, поверьте, скоро так оно и будет».

Веда «партизанскую войну» в буржуазных газетах, Т. Самуэли не прерывает сотрудничества с социал-демократической печатью. В мае 1912 г. на страницах «Непсавы» разоблачает военно-промышленный «завод смерти», принадлежащий монополии «Ганц». Называет по именам 80 погибших за год рабочих, с точными доказательствами вины хозяев. Через 11 дней, в «кровавый четверг», восставшие против режима Тисы рабочие несут плакаты, обличающие виновников этих трагедий.

Осенью 1912 г. Тибор переезжает в Будапешт. Здесь у него много друзей: коллег-журналистов, писателей, художников. Среди знакомых – будущие товарищи по борьбе: Бела Кун, Отто Корвин. Перед местными выборами он разоблачает коррупцию городских властей. Одну из статей заканчивает недвусмысленно: «От обвинений в мошенничестве никто даже не защищается, никто не оправдывается. А грозный вал обвинений всё нарастает. Когда же он сметёт окончательно нынешний режим вместе с нынешними господами?»

Но вдруг 22-летний журналист делает неожиданный шаг: устраивается в «Мадьяр курир» – уважаемую газету, тесно связанную с католической церковью. Дельцы в сутанах даже секретные данные о «самом святом» – источниках и размерах доходов – доверяют уважаемой редакции, а та решает, что и как предать огласке. Хозяевам газеты кажется: радикал наконец остепенился. Если бы они знали, что снабжают фактами и статистикой самого грозного обличителя, какого когда-либо имели венгерские клерикалы!

Ещё работая в провинции, Тибор проникся особой «любовью» к дельцам в сутанах. Один из коллег вспоминал: «Перед его взором раскинулись епископские владения, окружённые нищими деревнями, в которых не было врачей, голодали учителя, свирепствовал туберкулёз, и лишь обитатели церковных домов, полицейских казарм и особняков городских властей процветали. Всё это Тибор Самуэли хорошо видел и отмечал в своём репортёрском блокноте».

Ища возможность предать разоблачительный материал огласке, Тибор обращается к руководителю венгерского отделения Общества свободомыслящих, выступавшего за секуляризацию землевладения и образования. Получает полную поддержку. За полтора года публикует 30 статей, содержащих более 2 000 статистических сводок. Статьи печатаются без подписи, и только через год в «Мадьяр курир» смогут расшифровать и, по личному распоряжению кардинала, уволить «возмутителя спокойствия». Но уже поздно.

На основании точных подсчётов Т. Самуэли первым даёт оценку общей стоимости земель, ценных бумаг, денежных капиталов венгерских «слуг божьих». Нарушено «инкогнито» одной из самых богатых в мире «касс» Ватикана – более 1,5 млрд. крон! Раскрыты хитроумные схемы увода собственности церкви от налогов, уклонения её от своих обязательств по культурным расходам. В семи статьях рассказано, как церковь субсидирует религиозные общества, журналы,

антидарвинистские и прочие лженаучные издания, опусы писателей-дилетантов. И даже главному покровителю всей реакции, графу Тисе, спутаны предвыборные карты: фактами и цифрами доказано, что за фальшивой репутацией «образцового хозяина» скрывается фактическое банкротство.

Буржуазные антиклерикалы не верят своим глазам. Сами они не шли дальше отчуждения земель с компенсацией, но Т. Самуэли призывает поступить революционно: «Землю можно отнять у церкви только насильственным путём, и это насилие должно быть совершенно как можно скорее. Под насилием, естественно, я понимаю принятие закона, с жалобой на который церковь могла бы обратиться разве что к небесам».

Одну из статей Тибор заканчивает словами, перефразирующими молитву: «Да будет воля твоя, секуляризация!». Шесть лет спустя, в газете венгерских интернационалистов, он расширит «молитву»: «Да будет воля твоя, революция!»

К началу 1914 г. статьи складываются в книгу. Т. Самуэли назовёт её «Страна святой Марии во власти попов». Издатель «Непсавы» не решается на публикацию. Но одно небольшое издательство готово рискнуть. Помешает мировая война.

Считая капитальную работу завершённой, Самуэли отправляется во Францию и Италию. Вряд ли это просто отдых. В Париже, по свидетельству жившего там друга, Тибор посещает «открытые акции французского рабочего движения». Любимый лидер рабочих Жан Жорес, известный всей Европе как борец с клерикальной реакцией, теперь бросает вызов империалистическому милитаризму. Франция идёт к решающему столкновению, Италия уже на грани революции. По словам того же современника, «Тибор хотел встретиться и завязать знакомство с тогдашними руководителями Французской социалистической партии». Неизвестно, удалось ли ему это. Но, зная его, мы вправе предположить: он вполне мог «в закрытом режиме» подключиться к инициативе Жореса, стремившегося скоординировать международные акции рабочего движения, чтобы предотвратить грозящую войну.

В конце июня Тибор возвращается на родину. Сразу же узнаёт: в Сараеве убит наследник габсбургского престола. В числе первых понимает: это война. Связывается с Веной и Римом, собирает факты, готовит достоверный репортаж о покушении. Но махину войны уже не остановить.

От призыва в армию Т. Самуэли сначала освобождают. Однако вскоре лишают брони – по свидетельству брата, за антивоенные высказывания. В марте 1915 г. в чине капрала определяют в маршевую роту, на русский фронт. Уже 8 апреля он передает социал-демократическому журналисту Йозефу Поганю – будущему наркому обороны ВСР – корреспонденцию для «Непсавы» под названием «На Днестре всё спокойно». В ней рассказывается о пасхальном братании венгерских и русских солдат. Обходить военную цензуру газета социал-патриотов не рискует. Всё же Тибор находит возможность нарушить молчание хотя бы в кругу сослуживцев. Он добивается у офицера разрешения на выпуск рукописной юмористической газеты. Выглядит она как настоящая, хотя делается автором и редактором в одном лице. Материалы походят на рассказы храброго солдата Швейка. Объекты сатиры понимают всё последними. Добраться до автора не успевают: 14 мая

он, вместе с тысячами соотечественников, попадает в плен.

В сибирских и уральских лагерях мадьярских военнопленных Т. Самуэли времени не теряет. Быстро осваивает русский язык, читает марксистскую литературу. Снова выпускает рукописные газеты, не упуская случая высмеять офицеров, и в плену издевавшихся над солдатами. На сей раз намёк понят правильно: автора жестоко избивают. Выйдя из госпиталя, Тибор решает на побег. Рассчитывает добраться до Нью-Йорка: там есть венгерская социалистическая газета. Но на финской границе его задерживают и возвращают в лагерь.

Свободу приносит Октябрь. В январе 1918 г. Т. Самуэли в Москве, в Комитете военнопленных. Пишет листовки, призывая товарищей по плену встать на защиту пролетарской революции. Сотрудничает в газете мадьярских интернационалистов. Вновь встречается с Белой Куном. Получив удостоверение агитатора Комитета, объезжает города России, формируя организации пленных. 24 марта создаётся Венгерская группа РКП (б): председателем становится Б. Кун, комиссаром по военно-организационным делам – Т. Самуэли. Как опытный журналист, Тибор становится редактором газеты «Социалистический форрадалом» («Социальная революция»). Издаётся она не только для пленных, но и для переправки на родину. С апреля по декабрь Тибор пишет 23 статьи, три брошюры и множество листовок. Читает лекции на курсах агитаторов; среди слушателей – младший брат Ласло. Совершенствует свои знания, в первую очередь изучает работы В.И. Ленина.

Т. Самуэли постоянно следит за событиями на родине, получая прессу через швейцарского корреспондента «Непсавы» (что не мешает ему принципиально критиковать руководство СДПВ и её газеты). Его избирают делегатом Всероссийского съезда военнопленных, где принимается резолюция с осуждением условий Брестского мира и выражением решимости бороться «до тех пор, пока не будут уничтожены милитаризм и капитализм и на их развалинах не будет построена социалистическая Советская республика рабочих и крестьян».

Летом 1918 г. перо приходится сменить на боевое оружие. Т. Самуэли направляют на Восточный фронт – координировать действия интернациональных отрядов под Казанью. По возвращении он докладывает обстановку лично Ленину. Владимир Ильич обстоятельно беседует с руководителями мадьярских коммунистов о положении на их родине.

6 июля снова приходит пора взяться за оружие – в Москве вспыхивает левозсеровский мятеж. Одной из интернациональных групп, отбивших у эсеров Главпочтамт, командует молодой мадьяр в комиссарской кожанке, за непреклонность и аккуратность прозванный «рыцарем коммунизма».

И снова главное пока политическое дело – газета. По будапештской прессе Тибор следит за судом над лидерами «революционных социалистов» и делает вывод: «Из материалов военного трибунала вырисовывается всё более полная картина того преодолевающего всяческий гнёт и насилие движения, которое подготавливает революцию». Пишет он и о левых социал-демократах, особо выделяя их лидеров во главе с Енё Ландлером. Из его корреспонденций и обзоров встаёт почти полный список будущего руководства единой Соцпартии и

венгерского Совнаркома. Он действует по Ленину: «Газета – не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но также и коллективный организатор».

Очистительная гроза уже на пороге. «Сам» Тиса признаёт в парламенте: война проиграна. Держа руку на пульсе событий, Т. Самуэли пишет: «Доживающая последние минуты великодержавная германская карточная крепость уже не обеспечивает убежища своим мелким паразитам... Вчера Болгария, сегодня Турция, а завтра настанет очередь и других». Почти цитируя предвидение Энгельса, а затем Ленина, констатирует: «Недолго ждать, пока императорские короны свалются с державных голов». И в завершение перефразирует памятную соотечественникам строку Ш. Пётефи: «Встань, мадьяр! Зовёт революция!»

За шесть дней до падения четырёхвековой габсбургской империи мадьярские интернационалисты в Москве заявляют: время создания партии пришло. Решение Венгерской группы РКП (б) о возвращении на родину застаёт Т. Самуэли уже в пути. В делегации советских дипломатов, под именем С.А. Краузе, он прибывает 30 октября в германскую столицу. Документов о содержании поездки в распоряжении исследователей нет. Но известно, что в канун Ноябрьской революции Т. Самуэли ведёт в Берлине переговоры с вождями группы «Спартак» – К. Либкнехтом и Р. Люксембург. По их поручению пишет письмо Б. Куну, сообщая о скором создании партии германских коммунистов. Передать адресату не успевают: тот спешит на родину, а Тибора задерживают на границе Швейцарии, где ему предстояли важные переговоры. В Будапеште учреждается Компартия, Тибору же приходится возвращаться, по лапидарному замечанию историка, «не лишённым приключений путём». В Москве он успевает написать статью о событиях в Венгрии. 25 декабря вновь держит путь в Берлин. Ещё не зная, что его заочно кооптируют в ЦК КПВ, участвует в учредительном съезде Компартии Германии. Снова встречается с Карлом и Розой – увы, в последний раз...

В начале января Тибор возвращается в Будапешт. Начинается обратный отсчёт последних семи месяцев, предельно насыщенных даже по меркам его жизни. На родине его «хорошо» знают – даже в полицейских донесениях, не говоря о жёлтой прессе, именуют то суперагентом большевиков, то даже «русским наркомом». Первым делом он спешит увидеться с Б. Куном. Обменявшись рукопожатием, приступает к критике, не взирая ни на старую дружбу, ни на статус первого лица партии: «Вы всё-таки беспечный человек! Четыре детектива околочиваются вокруг дома. Вас кто угодно и когда угодно может прихлопнуть в этой квартире. Почему вы не выбрали себе более подходящее жильё, где хватило бы места и для нескольких товарищей?» Учитывая, что эти слова переданы по памяти Б. Куном, можно предположить, что сказано было и порезче. И, как всегда у Тибора, по делу: Беле нередко случалось проявлять беспечность не только в отношении своей жизни, которой революционер не вправе рисковать попусту, но и в более масштабных делах. Лишь позже стало известно, что в те дни глава МВД «народной республики» собирался, синхронно с немецкими коллегами, ввести чрезвычайное положение, рассчитывая, что «лидеры большевистской коммунистической партии будут

схвачены в ранние утренние часы в своих постелях». Хорошо, что не все страдают беспечностью.

Бела признаёт критику. Рядом с его квартирой Тибор поселяет одного из выпускников московских курсов, дав соответствующие инструкции. Сам же спешит в провинциальную Ньиредьхазу, где давно обосновалась семья Самуэли. Трое братьев уже успели не только организовать ячейку компартии, но и склонить на свою сторону профсоюз и солдатский совет. Встретив Тибора, товарищи созывают митинг. По законам республики мэрия не имеет оснований отказать. «Отец города» с начальником полиции звонят в МВД, но слышат главный в бурные времена вопрос: «Достаточно ли у вас вооружённых сил, чтобы запретить митинг и поддержать порядок?» Услышав «нет», в министерстве распоряжаются: митинг разрешить «в соответствии с законом». Мэру остаётся только спросить Самуэли-младшего: «Он будет говорить о коммунизме?»

5 января Т. Самуэли читает в городском театре лекцию «Империалистическая диктатура или диктатура пролетариата». Как вскоре сообщит местная печать, «оратор подробно рассказал о причинах, ходе и результатах ленинской революции, охарактеризовал цели и задачи венгерской коммунистической партии». Реакционные офицеры доносят в МВД. Мэру недвусмысленно подсказывают: «Господин министр хотел бы, чтобы Тибор Самуэли был обезврежен и мы были бы поставлены перед свершившимся фактом». Не так ли в Берлине организуют «обезвреживание» К. Либкнехта и Р. Люксембург?

Но венгерская провинция – не германская столица. Мэру, пересидевшему на своём посту все режимы, отвечать за убийство не улыбается. Он докладывает: «смутьян» уже уехал из города. Но офицеры от своих планов не отказываются. Уже в Будапеште, ускользнув на вокзале от шпиков, Тибор узнаёт: «добрвольцы национальной охраны» обстреляли троих его братьев, двое ранены. Полиция тут же арестовывает... пострадавших. Правительственный комиссар сообщает прессе: это не политическое преследование, просто получены сведения, что Тибор Самуэли (!) в качестве русского наркома (!!) казнил пленных венгерских офицеров (!!!). На том же «основании» главный инспектор будапештского сыска лично арестовывает «злодея» прямо в редакции. Происходит всё накануне расправы германских «коллег» с вождями спартаковцев, и почерк до того схож, что в случайное совпадение поверить трудно.

Мир тесен: начальником полиции «народной республики» оказывается старый знакомый Тибора – в прошлом... учитель закона божьего в коммерческом училище Дьёра. Вместо камеры он поселяет бывшего ученика в собственном кабинете. Вскоре арестованного посещает военный министр, социал-демократ Вилмош Бём – будущий «товарищ» по Красной Армии и самый изворотливый враг. Но в данный момент ему ясно: карать за несуществующие казни не время. Через неделю, по требованию коммунистов, Тибора освобождают. Прямо из тюрьмы он направляется на партийный митинг. Как всегда, называет вещи своими именами: «Если мы будем терпеть и не выступим против правительства, то нас постигнет судьба немецких спартаковцев!» Вскоре он публикует статью о погибших немецких друзьях, где снова проводит параллель между убийством вождей КПГ и вылазками правых террористов в Венгрии: «Святой водой и увещаниями не остановить контрреволюцию...

Если вы не хотите, чтобы была пролита ваша кровь, уничтожьте контрреволюционных бандитов».

Со страниц газеты он призывает: «Пролетарии, вооружайтесь!» И сам старается реализовать призыв: поручает солдатам-автомобилистам обеспечить, чтобы брошенное оружие и автомашины достались не интервентам, а революционным войскам и рабочим.

Т. Самуэли вновь, теперь очно, кооптируют в ЦК. Ему поручают редактирование «Вёрёш уйшаг» («Красной газеты»). Один из молодых сотрудников газеты вспоминал: «Самуэли был в высшей степени добросовестным и вместе с тем взыскательным редактором, критически оценивавшим каждую строку и безжалостно отвергавшим все неудачно написанные материалы. Если только ему не приходилось отлучаться на заседания, он целыми днями работал в редакции, где и жил вплоть до волны арестов в феврале 1919 г.»

Иногда Тибор навещает друзей-писателей. Тех поражает, как переменялся старый знакомый. «Его карие глаза светились, как и прежде, но черты лица стали резче, – напишет один из них в мемуарах. – И улыбка была прежней, но теперь она казалась горьковатой». Знакомых интеллигентов, считающих себя прогрессивными, он старается приобщить к правде Октября и внушить веру в победу рабочего класса. Но убеждается, что те «имеют очень слабое представление о новом марксистском учении Ленина». Убедившись, что собеседники не знают «Интернационала», насвистывает мелодию, и пианист набрасывает ноты. Пролетарский гимн с готовностью исполняет... один из будущих «загонщиков» травли коммунистов. Более честный знакомый Тибора скажет о «левых» модниках так: «Я почувствовал отвращение к своим коллегам оттого, что они увиваются вокруг него, льстят ему, ибо я знал, что многие из них не любят его, неискренни с ним».

20 февраля правые провоцируют столкновение между демонстрацией безработных и охраной редакции «Непсавы». Без всяких улик полиция запрашивает у правительства санкцию на арест всего руководства КПВ. Т. Самуэли к этому готов: у него в редакции уже устраивали обыск. Он предупреждает ЦК о предстоящих репрессиях. О том заседании Б. Кун напишет: «По моему предложению было принято решение о переходе Тибора Самуэли на нелегальное положение, а я сам должен был дожидаться ареста (?). Тибор скрепя сердце согласился с этим решением. Когда, скрываясь в Пеште, он 21 февраля прочитал в газетах сообщение о том, будто меня убили полицейские, а вслед за тем опровержение этой версии, он тайно передал мне в тюрьму письмо. В нём Тибор горько упрекал меня за моё предложение, чтобы не он, а я предстал перед судом». Думается, «скрепя сердце» и с горьким упреком Т. Самуэли воспринимал саму идею сдачи революционеров на «суд» врага, а скорее всего – на бессудную расправу.

Уйдя из-под носа полиции, пришедшей за ним в редакцию, Тибор несколько дней скрывается у товарищей. Один из них, доктор Хевеши, кладёт его в свою больницу под именем Яноша Краузе, представив всем как племянника. Последствия лагерных побоев и переутомления действительно требуют лечения. После одной из инъекций Тибору становится плохо. «Возможно, медсестра перепутала ампулы, – напишет доктор в воспоминаниях. – Не исключается и попытка отравить

одного из работавших в подполье руководителей компартии».

Т. Самуэли ни на день не прерывает конспиративной работы. В числе связанных – молодая художница Йолан Силадьи. Их с Тибором соединит не только революционная работа, но и любовь. Когда произойдёт объяснение, он скажет: «Подумайте хорошенько, прежде чем решиться выйти за меня замуж. Я связал свою судьбу с революцией и в любое время могу погибнуть». Счастью двоих отмерено меньше полугода...

Работа Т. Самуэли по руководству бескровным восстанием 21 марта, поставившим «народное» правительство перед фактом смены реальной власти, глубоко конспирируется. Непосвящённые будут долго вспоминать, с каким потрясением, не зная о судьбе Тибора целый месяц, вдруг увидели его, живого и здорового, на трибуне парламента и услышали ясный твёрдый голос без митингового пафоса: «Дорогие товарищи, я пришёл, чтобы передать вам радостную весть. В эти часы две партии достигли соглашения. Произошло объединение на социалистической основе. Да здравствует Советская республика венгерских рабочих, крестьян и солдат! Да здравствуют наши русские братья!»

Военная куртка, надетая в тот день Т. Самуэли, не была формальностью. С первых часов он берёт на себя обеспечение безопасности власти Советов. Первым делом направляет патрули революционных войск к общественным зданиям, распоряжается заблокировать штаб-квартиру старой полиции.

Однако компромисс коммунистов с социал-демократами предоставляет Т. Самуэли лишь пост одного из двоих заместителей наркома по военным делам. Тибор – один из немногих, не питающих иллюзий. С первого дня он ратует за создание регулярной армии на призывной основе. Но понимания у старого знакомого, а теперь наркомвоенна Й. Поганя не встречает. Как «не сработавшегося» с шефом, Тибора спешат «повысить» до наркома... просвещения (точнее, члена коллегии наркомата из 4 человек). Ему вверяется отдел пропаганды, в том числе армейской. На этом посту можно давать интервью, выступать на митингах, но не принимать военно-политические решения. Об одном митинге в театре оперетты (!), перед показом «революционного балета», Тибор с горечью сказал: «Зал был переполнен ожиревшими будапештскими буржуа, не скрывавшими любопытства по отношению ко мне».

Как «четвертьнарком» просвещения, он возглавляет подготовку к празднованию Первой. Ведёт переговоры с художниками, сокращает расходы на украшение столицы с 10 до 5 миллионов крон. Сам он считал: «Советская республика отпраздновала бы Первой самым достойным образом, если бы могла выделить десять миллионов крон инвалидам войны».

Параллельно Т. Самуэли поручают руководить Управлением жилищных дел. Чтобы жильё получить каждый пролетарий, приходится уплотнять буржуазию. Но в старом аппарате полно спекулянтов и коррупционеров, готовых нажать на реквизиции и распределении квартир. При Тиборе этой публике приходится проститься с тёплыми местами. У него же прибавляется врагов и распространителей слухов.

Мирная передышка длится недолго. 17 апреля на республику обрушиваются войска королевско-боярской

Румынии с примкнувшей к ним мадьярской контрой. «Пролетарская родина в опасности! Смерть всем врагам пролетариата!» – страстно призывает Т. Самуэли. На митинге добровольцев в родном Дьёре он говорит: «Раньше, когда начиналась война, по стране носили окровавленную саблю. Теперь мы должны пронести по стране красное знамя, и каждый пролетарий должен встать под это знамя». На обратном пути беседует с Аурелом Штромфелдом, только что принявшим назначение начальником генштаба Красной Армии. Два самых дельных руководителя венгерской Коммуны находят общий язык.

Перед лицом смертельной угрозы Правительственный совет вверяет Т. Самуэли новый пост – председателя чрезвычайных революционных трибуналов. Главная задача – поддержание порядка и дисциплины в прифронтовых районах. Постоянных воинских сил в распоряжении ревтрибуналов нет. Есть лишь особые поезда, где служат молодые рабочие, зовущие себя «солдатами Ленина», плюс данное председателю право «в случае необходимости прибегнуть к любому средству».

Волна дезертирства остановлена, но в тыловых местечках вспыхивают контрреволюционные мятежи. В одно из таких мест Т. Самуэли посылает отряд из девяти (!) человек. Те арестовывают зачинщиков мятежа, троих расстреливают. Узнав об этом, Тибор строго предупреждает бойцов против самоуправства. Ближайший сподвижник, рабочий-токарь Арпад Керекеш, перед гибелью от рук победившей контры оставит истории свидетельство, разоблачающее клевету на Т. Самуэли: «Он дал такой строжайший приказ: кто допустит беззаконие, самоуправство или присвоит что-нибудь, будет тут же на месте расстрелян. И мы побаивались его».

Отряд по борьбе с контрреволюцией под командованием Тибора играет важную роль в переломе военно-политической ситуации в начале мая 1919 г. Бойцы Самуэли опрокидывают банды предателей, пытавшихся вместе с румынами перейти Тису. Командир не даёт спуска мародёрам. Четверых красноармейцев, уличённых в грабеже, ревтрибунал приговаривает к расстрелу. При исполнении приговора один остаётся жив. «Отправьте его в госпиталь, ведь он ещё может стать порядочным человеком», – приказывает «террорист с окровавленными руками», как именует его жёлтая пресса.

Впоследствии Б. Кун самокритично признает: «Наша ошибка состояла не столько в том, что мы в достаточной мере не сумели оградить Самуэли от этой клеветы, сколько в том, что мы не заметили, как клеветы и сплетни, направленные против Тибора, превратились в одно из средств и методов классовой борьбы буржуазии». По правде сказать, не заметить этого можно только при крайней близорукости...

Отвечать лжецам и клеветникам Т. Самуэли считает ниже своего достоинства. Единственный раз, в беседе с австрийским корреспондентом, он скажет: «К сожалению, я не могу показать вам ни скальпов контрреволюционеров, ни портативной виселицы, без которой, как утверждает пресса, я не делаю ни шагу». Лицемерным поборникам «мягкой» диктатуры пролетариата он ответит словами, актуальными, по меньшей мере, для всего XX века: «Я – решительный сторонник более суровой формы диктатуры, потому что она требует меньших кровавых жертв».

В конце мая 1919 г. венгерская Красная Армия переходит на северном фронте в решительное

контрнаступление. Республика делает самую серьёзную попытку прорвать кольцо блокады. На долю Т. Самуэли выпадает особо важная миссия – провести переговоры с Советской Россией о координации военных действий. Здесь требовался человек, которого В.И. Ленин знал лично и полностью ему доверял.

Ненавистники Тибора, явно судя по себе, пускают слух: он собирается бежать в Россию с золотым запасом республики! Клеветникам не приходит в голову соотнести вес драгметалла с грузоподъёмностью тогдашней авиации. Но то, что вздорному слуху верят – Самуэли приходится предложить совету завода провести его личный досмотр, – не с лучшей стороны характеризует настроения даже части рабочих...

На самолёте, специально изготовленном на автосборочном заводе, удаётся покрыть около 900 км до Киева. Значительную часть пути приходится лететь над неприятельской территорией на предельной по тем временам высоте, преодолевая густую облачность. Но лётчик и техника не подкачали.

Утром 21 мая Т. Самуэли встречается с наркомвоенном Советской Украины Н.И. Подвойским и командующим Украинским фронтом В.А. Антоновым-Овсеенко. Гости информируют о распоряжении главкома РККА И.И. Вацетиса направить на Украину недавно сформированный 3-й интернациональный полк с задачей пробиться навстречу Венгерской Красной Армии. Но в то же время Т. Самуэли узнаёт о прорыве белых в Донбасс и вынужденном ослаблении фронта на Западе. Как полномочный военный представитель ВСР в России и на Украине, он подписывает обращение к венгерским интернационалистам, в тот же день публикуемое в печати. В документе подчёркивается: пока нет возможности вывести ни один интернациональный полк из боёв за Донбасс, долг красноармейцев-интернационалистов – до конца защищать Советскую Россию: «Кто допускает неповиновение, уклоняется от выполнения приказа, тот является врагом не только самому себе, но и революции, всем угнетённым и эксплуатируемым, и ему нет места в наших рядах».

Долететь до Москвы не удаётся – горючего в обрез. Приходится добираться специальным поездом через районы, охваченные бандитизмом. ВЧК по поручению Ф.Э. Дзержинского обеспечивает безопасность Т. Самуэли.

Красная столица встречает гостя парадом войск Всеобща. Ему сообщают: предсовнаркома просит принять участие в смотре. Ленин уже выступает, пока двое молодых мадьяр в кожанках – высокий гость и готовый к неожиданностям чекист – протискиваются сквозь ряды рабочих-ополченцев. Крепкое товарищеское объятие – и обращение к бойцам: «Я представляю вам венгерского товарища, Тибора Самуэли...».

Переговоры в Москве строго конфиденциальны: о них расскажут лишь фото и краткий газетный отчёт. Также становится известно: венгерский гость встретился с руководителями российского комсомола и представителем немецкой молодёжи – на август в Будапеште намечен всемирный конгресс молодых коммунистов. Перед отъездом из Москвы Т. Самуэли даёт интервью корреспонденту «Правды». На вопрос: «Чего вы ждете от будущего?» – лидер осаждённой республики отвечает: «У меня нет оснований

огорчаться. Я знаю, что большинство венгерских пролетариев уверено в победе».

На обратном пути самолёт приходится загрузить до отказа. Блокированной республике нужны автомобильная резина, глицерин для пушек, российские кинофильмы и даже 500 красноармейских звездочек. Самый драгоценный груз – ленинское письмо-статья «Привет венгерским рабочим».

Сразу по возвращении, в последний день мая, Т. Самуэли выступил на заседании Будапештского ЦК Совета рабочих и солдат. При всей горечи от невозможности скорого соединения двух Красных Армий, он счёл первым долгом выразить Советской России величайшее уважение и восхищение: «Русский пролетариат, который вот уже полтора года ведёт борьбу не на жизнь, а на смерть, продолжает сражаться на фронтах протяжённостью десять тысяч километров. Несомненно, что и наше положение с этой точки зрения не самое радужное: мы окружены врагами, но ещё менее благоприятной является военная обстановка, в которой русский пролетариат ведёт отчаянную по своей решительности борьбу». С особым чувством Тибор говорит о стойкости защитников колыбели Октября: «Испытывающие нужду и лишения рабочие Петрограда (вам, товарищи, трудно представить эти лишения, но, я думаю, будет достаточно, если скажу, что были такие месяцы, когда на одного человека в месяц выделялось 3 фунта хлеба) – и вот – эти рабочие нашли в себе силы, решимость отстоять Петроград, защитить революцию».

По словам Т. Самуэли, всё увиденное в России усилило в нём «убеждение в том, что только Советская власть, диктатура пролетариата – тот путь, который выведет народы из ужасного международного политического и экономического хаоса. Всё это укрепило во мне также убежденность в том, что русский пролетариат – а его мы считаем своим братом и союзником – не может быть сломлен и побеждён никакими внутренними, никакими внешними враждебными силами».

Понимая сложность положения красной России, Т. Самуэли не теряет сам и старается поддержать в товарищах надежду на будущее соединение сил советских республик. Оптимизм основывается на недавнем опыте. Во-первых, у Красной Армии даже в момент григорьевского мятежа в её тылу «хватало сил и готовности оказать братскую помощь нам и начать наступление против румынских боярских войск». Во-вторых, в Галиции руками белополяков «империалисты, не ожидая начала русского наступления, нарушили международное право... Точно так же они растоптали эти нормы у нас в Венгрии, они не признают их и на Украине». Так стоит ли и дальше блюсти «международное право» классового противника, бесцеремонно попираемое им самим? Формирование интернациональных отрядов российской и украинской Красной Армии, где самую многочисленную группу составляли мадьяры, даёт надежду, что в Москве и Киеве сделают напрашивающиеся выводы: «В связи со стремлением румынских и польских империалистов объединиться, я с полным спокойствием могу сообщить вам, товарищи, что нами предприняты все меры, чтобы противостоять этому. Нанести сокрушительный удар по этим бандам готовы не только русские и украинские отряды Красной Армии, к этому готовы дисциплинированные и хорошо

организованные отряды интернациональной Красной Армии, которые уже ведут успешные бои на фронте».

По словам Самуэли, накануне отбытия на родину ему представилась «возможность беседовать с отправляющимися на фронт товарищами именно такого интернационального полка. Примерно 85-90 процентов его бойцов составляют товарищи из Венгрии. Полк состоит из венгров, румын, чехов, хорватов и представителей других национальностей. Эти товарищи просили меня передать привет венгерскому пролетариату».

Направленности этой речи Т. Самуэли вроде бы противоречит содержание беседы, которую, по воспоминаниям Б. Куна, они вели наедине: «Смысл всего сказанного сводился к тому, что в ближайшее время нечего и думать о возможности соединения с русской Красной Армией на территории Восточной Галиции». Но не во всём можно доверять памяти мемуариста: за прошедшие годы, с изменением окружающей реальности, его взглядов и восприятия былых событий, пропорции могут сместиться даже незаметно для него самого. Если бы действительно «смысл всего сказанного» сводился к переданному Б. Куном, вряд ли Т. Самуэли – по его же словам, «непоколебимый революционер, пламенный трибун и негибаемый боец пролетарской революции», понявший советы Ленина лучше кого-либо из руководителей ВСР, – стал бы говорить с полномочными представителями своего класса в противоположном тоне, даже не попытавшись подготовить товарищей к неблагоприятному повороту событий.

Речь Т. Самуэли 31 мая – дошедшая до нас, в отличие от ночной беседы, в оригинале, – свидетельствует: как убеждённый интернационалист, он не ожидал и тем более не требовал от трудящихся России принесения ещё больших жертв исключительно ради других народов. Но был убеждён: во-первых, защита завоеваний трудового народа в России, как и в Венгрии, не может быть обеспечена вне единой интернациональной стратегии пролетарской революции; во-вторых, страна, в силу этой стратегии получающая жизненно необходимую помощь, должна быть достойна усилий и жертв тех, кто её оказывает. «Русский пролетариат, за полтора года вынесший ужасные лишения, о которых многие товарищи даже не знают, готов нести эти лишения и дальше, потому что знает, что судьба революции решается не в рамках национальных границ, и убеждён в том, что пламя революции должно охватить весь мир... Русский пролетариат готов сделать всё возможное, даже ценой больших жертв – я имею в виду не только людских, но и экономических, – чтобы оказать нам поддержку, чтобы укрепить власть пролетариата в Венгрии. Мы должны заслужить эту руку помощи, эту революционную братскую поддержку, товарищи, и я убеждён, что пролетариат Венгрии сможет заслужить её».

Этим определялось главное, что посланец осаждённой Венгрии вынес из бесед в Кремле: «У товарища Ленина нет иного желания, нет иной просьбы, я бы сказал – нет иного требования, кроме того, чтобы мы все до последнего человека, до последней капли крови защищали революцию для освобождения пролетариата. Нет отступлению, нет соглашательству,

никакой капитуляции! Кто стал солдатом революции, тот должен до конца вести революционную борьбу».

Хотя армия республики успешно наступает, положение на внутреннем фронте осложняется. В начале июня на малой родине Тибора, в Западном крае, вспыхивает контрреволюционный мятеж. Враги арестовывают и расстреливают коммунистов. Правительственный совет объявляет эту часть страны зоной боевых действий и для восстановления порядка учреждает комитет из трёх человек под председательством Т. Самуэли. Особый поезд берёт курс на запад. К 8 июня мятеж ликвидирован. Враги перебрасывают пламя на юг страны. Но и здесь с прибытием поезда Т. Самуэли революционный порядок восстановлен за неполную неделю.

Жуткий, в фантазии борзописцев, «красный террор» выглядел зачастую примерно так: «Отдельные села очищаются от контрреволюционеров группами в несколько человек. Селом Шолт, например, овладевает отряд из восьми красноармейцев. В помещение ратуши входит сам Самуэли в сопровождении одного красноармейца. Кулаки-контрреволюционеры как раз обсуждают в помещении ратуши свои дела. Вдруг открывается дверь и входит Тибор Самуэли: «Добрый день, господа! Не обижайтесь, что мы помешаем вам, но в этом совещании хотелось бы принять участие и нам. Я – Тибор Самуэли, председатель чрезвычайного революционного трибунала. Довожу до вашего сведения, что село Шолт и здание ратуши окружены». Господа выглядывают в окна и видят нескольких красноармейцев в полном снаряжении, с пистолетами в руках. Сопровождающий Самуэли Арпад Керекеш приказывает «Руки вверх!», обыскивает послушно вставших к стене господ, отбирает у них оружие».

Понятно, что там, где классовая война идёт всерьёз, законы её суровы. После подавления мятежей в Чорне, Капуваре, Калоче и ещё нескольких городках, ревтрибунал выносит по несколько смертных приговоров главарям и убийцам. Коммунистов погибло от их рук гораздо больше. Остальные, вовлечённые в мятеж «по заблуждению», получают амнистию. По меркам гражданских войн – мягче некуда.

Через несколько дней в Будапеште собирается съезд объединённой Соцпартии, передающий эстафету Всевенгерскому съезду Советов. По здравому смыслу и логике, делегатам и руководителям партии и страны следовало бы признать заслуги Т. Самуэли в борьбе с контрреволюцией и, возможно, выдвинуть его на более ответственный пост. Вместо этого сторонники «мягкой диктатуры» обрушивают на Тибора и его бойцов девятый вал нападок. Тех, кто отстаивал рабочую власть от террора контрреволюции, социал-демократы и центристы винят во всех смертных грехах, не брезгуя повторением клеветы буржуазной прессы.

Отвечая им с трибуны съезда, Т. Самуэли не без иронии говорит: «Те же самые товарищи, которые занимаются критикой в Будапеште, которые провозглашают в Будапеште гуманизм, и не подозревают, каким образом отражается в наивных душах провинции искажённая картина их критики, их приверженности «гуманизму». Товарищи не знают, что когда в Будапеште они провозглашают лозунг гуманизма, то в провинции этот лозунг превратился в призыв «Бей коммунистов!» Контрреволюция поддерживает мягкое применение диктатуры пролетариата в том духе, что надо убивать коммунистов: таковы социал-демократы».

Прочитав эти слова без ссылки на источник, легко отнести их к концу 60-х или даже 80-м гг.: ни пропагандисты «социализма с человеческим лицом», ни контра, делающая из фраз свои выводы, не придумают ничего нового.

Несколько дней спустя Т. Самуэли снова держит путь на юг – завершать расследование мятежа. Тем временем в квартире звонит телефон. Йолан отвечает, что мужа нет дома. Абонент, отказавшийся назвать имя, предупреждает: в столице готовится контрреволюционный мятеж. Йолан немедленно информирует руководство, но оперативных мер не принимается. Наутро 24 июня мятеж вспыхивает. Рабочие отряды дают решительный отпор. День ещё не кончился, а Тибор вновь в столице. Интернациональный отряд под его командованием занимает позиции у стратегически важного моста. Дело путчистов проиграно.

Тем же вечером, на совместном заседании правительства и руководства Советов, коммунисты требуют создать чрезвычайный орган наподобие российской ВЧК, а руководство им доверить Т. Самуэли. Ещё накануне «Красная газета» писала: «Перед лицом контрреволюции мы требуем введения чрезвычайного положения! Мы требуем также, чтобы исполнение чрезвычайных мер было поручено единственно достойному этой задаче: товарищу Тибору Самуэли. Мы отдаём дань уважения тому, кто бесстрашен в борьбе за дело революции, у кого достаточно культуры и смелости, чтобы решительно, с революционной верой и сознанием идти по неизбежному пути революции!» Однако, как тогда говорили, «шипящей пропагандой» враждебной прессы и внутривластных «гуманистов» Тибор демонизирован до того, что, не говоря о социал-демократах, не все коммунисты решаются его поддержать.

Наряду с вопросами борьбы с внутренней контрреволюцией, съезду Советов приходится обсуждать ключевой внешнеполитический вопрос. Принимать ли ультиматум Антанты, сдавать ли без боя словацкие и венгерские земли, освобождённые ценой крови красноармейцев?

В день открытия съезда Т. Самуэли произносит свою последнюю политическую речь, оказавшуюся во многом пророческой для всего социализма XX столетия. Он начинает с тезиса, продолжавшего идею ленинского письма: «Когда венгерский пролетариат вступил на путь революции и установления диктатуры, каждый сознавал, что этот выбор означал борьбу – борьбу против всех внутренних и внешних врагов страны; каждый понимал, что самая важная и святая обязанность и задача революционного пролетариата заключается в том, чтобы бороться, сражаться и победить всех угнетателей. Если бы мы захотели прекратить или временно ослабить эту борьбу, то это означало бы отказ от принципа борьбы; это означало бы, что мы сдаёмся в борьбе, цель которой – освобождение угнётённых и эксплуатируемых всего мира».

С важнейшего, но всё же частного вопроса об ультиматуме Т. Самуэли переводил дискуссию на более общий уровень – о принципах отношений государства диктатуры пролетариата с капиталистическим окружением и перспективах всей международной обстановки. Тибор полагал, что «капиталистический мир не приведёт к прекращению мировой войны. С мировой войной может покончить лишь гражданская война угнётённых против их

угнетателей и эксплуататоров». Данный тезис выглядит преувеличением применительно к отдельной империалистической войне, но в отношении империализма как целого, «несущего в себе войну, как туча несёт грозу» (Ж. Жорес), он для марксиста неоспорим.

Базируясь на этой принципиальной позиции, Т. Самуэли переходит к злободневному политическому вопросу – «заключить ли мир с империалистами Антанты, вернуть ли им без боя те территории, на которых Венгерской пролетарской Красной Армии удалось ликвидировать эксплуатацию, капиталистическое рабство... отдать ли эти территории обратно, чтобы там было восстановлено прежнее рабство».

Первое соображение, которым Т. Самуэли обосновывает свою позицию, непосредственно касается классовой борьбы внутри страны: «Было бы глубоким заблуждением полагать, что можно заключить мир с зарубежными капиталистами в тот момент, когда мы боремся против своих, внутренних капиталистов... Венгерские капиталисты, венгерские контрреволюционеры всегда найдут опору у тех зарубежных капиталистов, с которыми мы сейчас хотим заключить мир».

Логически продолжая нить его рассуждения, можно утверждать: компромисс с капитализмом, внешним или внутренним, не ведёт к потере завоеваний пролетарской революции лишь в том случае, если предварительно одержана политическая победа над контрреволюцией, на данном этапе решающая. Так, Брестскому миру предшествовало «триумфальное шествие Советской власти», нэпу – взятие Перекопа и Кронштадта. Венгерская революция в июне 1919 г. имела в активе лишь одну незавершённую победу – северный поход, и вставал законный вопрос – на что же предлагается её променять.

В связи с этим Тибор высказывает мысль, необыкновенно прозорливую для своего времени и ещё более актуальную в наши дни: «Лозунг «Манифеста Коммунистической партии» «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» ещё не осуществлён в полной мере, но лозунг «Капиталисты всех стран, соединяйтесь!» осуществился в полной мере».

Рассматривая конкретное содержание условий Антанты, Т. Самуэли фактически формулирует минимум международных условий приемлемого компромисса, которые в данном случае отсутствовали: «Но ведь, товарищи, речь идёт вовсе не о мире! Пока речь идёт об уплате по таким счетам, взамен которых Антанта вообще не даёт нам никаких гарантий».

Напоминая товарищам печальный опыт предыдущего раунда переговоров с Антантой, Тибор называет вещи своими именами: «Сейчас нас хотят прикончить не такими зверскими методами, а красиво, ловко, прибегая к дипломатическим хитростям и даже заявляя об осуждении всяческого кровопролития». Изобличая лицемерие империалистических «миротворцев», недавний автор антивоенных статей не сдерживает негодования: «Это говорят те, кто посылал на бойню миллионы и миллионы людей, кто сделал несчастными миллионы и миллионы вдов и сирот. Прикрываясь лживыми фразами о напрасном кровопролитии, они требуют вывода войск победоносной пролетарской армии, чтобы потом предъявить нам всё новые и новые требования». Сколько ещё раз, в скольких странах всему этому предстоит повториться в кровавой истории XX и начала XXI века...»

Т. Самуэли дважды прерывает Ж. Кунфи, ратующего за принятие ультиматума. «Единственный наш долг – сохранить здесь очаг социальной революции», – с пафосом восклицает идеолог социал-демократов. «А также сражаться и защищать страну!» – уточняет Тибор. Кунфи ссылается на прецедент Брестского мира. Перекрывая гул аплодисментов, Т. Самуэли пытается достучаться до здравого смысла делегатов: «Это не Брест-Литовский мир, это будет совершенно другое, если мы подпишемся под тем, что нам навязывают!»

Реплики Тибора явно предназначены не одному Кунфи, но прежде всего лидеру партии и наркому иностранных дел Б. Куну. И в последующей речи перечисление уязвимых, по меньшей мере, сторон «компромисса» также адресовано главному оппоненту, которому более чем кому-либо надлежало проявить здесь партийную и должностную взыскательность: «Нельзя вести разговор о самом мире, когда не определены даже границы страны. Мы знаем, что речь идёт об их произвольном определении на северном и восточном фронтах, и в это же время не видим никаких гарантий относительно того, с какой целью несколько дивизий Антанты остаются в настоящее время в районе города Сегеда... Мы, товарищи, не знаем не только о том, какими будут наши южные границы, но и не представляем, какие невероятные требования выдвинет Антанта в качестве условий мира, к какому шантажу она прибегнет... Требуя вывода наших войск с уже освобождённых территорий, она, вполне естественно, ожидает и требует, чтобы мы приняли продиктованные ею условия мира».

Самуэли делится с товарищами информацией, полученной в Москве: «Я очень хорошо знаю, что к подобным дипломатическим и военным хитростям Антанта уже прибегала в попытках воздействовать на Россию». Обрисовав поражения интервентов и состояние их войск после пяти лет войн, он показывает: боеспособными и политически благонадёжными силами для широкой интервенции против стран, готовых стойко сопротивляться, Антанта не располагает. Из рук соглашателей выбивается главный козырь – угроза гибели нации, для которой-де нет иного спасения, кроме капитуляции.

Мотивы Т. Самуэли и тех коммунистов, от чьего имени он выступал, несут не только патриотический, но и интернационалистский характер. Он особо подчёркивает: «Мы не должны забывать об одном очень важном моменте, о котором, к сожалению, здесь не было сказано ни одного слова, – о долге Венгерской Советской республики, о её долге солидарности по отношению к Российской Советской республике». Полагая излишним особо «распространяться, почему мы должны быть благодарны Российской Советской республике... многословно говорить, чем мы обязаны российскому пролетариату», трибун венгерской революции заявил без обиняков: «Одно несомненно: мы не должны прекращать борьбу до тех пор, пока российский пролетариат находится в опасности, пока Антанта не признаёт власть русского пролетариата, которую она, наоборот, стремится всеми имеющимися в её распоряжении средствами задушить и утопить в крови. Поэтому мы не можем и думать о том, чтобы сдаваться или прекращать борьбу». Кто-то из товарищей с места поддерживает оратора: «Это было бы предательством!»

Приведя в безупречной последовательности главные объективные факторы, делавшие принятие ультиматума недопустимым, Т. Самуэли не забывает и о субъективной стороне. Именно он, руководивший ликвидацией контрреволюционных мятежей, лучше других знает, как разрушительно на сознание масс и кадров влияют уступки властей врагу, особенно совершаемые за их спиной. Не желая способствовать деморализации, он говорит сдержанно, но недвусмысленно: «Нельзя лишать войска венгерской пролетарской Красной Армии наступательного духа, возвращая нашим эксплуататорам, капиталистам, уже освобождённые территории, не имея гарантий относительно того, что с юга нам не угрожают новым рабством, новым угнетением».

Из всего выступления Т. Самуэли следует установка, которая, по его убеждению, совпадает «с мнением каждого солдата Красной Армии»: «мы не должны отдавать себя на милость империалистов Антанты». Речь завершает страстное напоминание, опять же предвосхищающее драматическую историю целого столетия: «В «Манифесте Коммунистической партии» говорится, что пролетариату нечего терять, у него нельзя отнять то, чего у него нет. Но у победившего пролетариата, у освободившего себя пролетариата есть очень многое, что он может потерять. Победивший революционный пролетариат Венгрии уже потерял свои цепи. Если сейчас он не защитит себя, если отдаст себя на милость Антанты, то он потеряет не цепи, а весь мир!»

Несмотря на все доводы Т. Самуэли и других делегатов-коммунистов, съезд Советов проголосовал за принятие ультиматума. Важную роль сыграла поддержка этой позиции первым лицом партии. Много лет спустя Б. Кун самокритично признал: «В своём заключительном слове я ответил Тибору излишне резко, поставив его на одну доску с теми социал-демократами, с которыми у него не было ничего общего, кроме того, что он, как и они, возражал против моего предложения. Я квалифицировал его позицию как левое пораженчество. Тон моего ответа на его выступление был тем более неуместен и несправедлив, что моё предложение в первую очередь поддержали именно социал-демократы». Пришлось ему признать и свою ошибку по существу дела: «Прав был Тибор в отношении того, что от Антанты нужно было требовать гарантии и что неправильно было до начала немедленных переговоров прекращать военные действия, а тем более отводить наши войска».

По итогам съезда Советов, в соответствии с принятой на нём конституцией, создаётся новый орган власти – Федеративный центральный исполнительный комитет из 150 членов. Т. Самуэли избирают в состав ФЦИК, но из правительства его, как и нескольких других коммунистов, удаляют. Явно сказываются и кампания травли, и закулисные контакты социал-капитулянтов типа В. Бёма с дипломатами Антанты. Одним из планов, согласованных с зарубежными «друзьями», предполагалось начать переворот именно с того, что произойдёт на съезде, – вывести из правительства «самых опасных» коммунистов, прежде всего Т. Самуэли.

Выполнив все условия Антанты, республика, как и предупреждал Тибор, не получает взамен ничего, кроме требований полной капитуляции. 10 июля правительство ВСР бурно обсуждает план нового

начальника генштаба – наступать на восточном фронте. Т. Самуэли, не занимающий уже правительственных постов, также участвует в дискуссии. Б. Кун и другие наркомы-коммунисты аргументировано доказывают: наступление не подготовлено. Об этом же предупреждает Тибор. Но социал-демократическое большинство правительства игнорирует возражения меньшинства; бывший оппонент номер один, вытесненный с постов, для этой публики не авторитет. Те же, кто раньше противился активным действиям Красной Армии, отводил её с уже освобождённых территорий, теперь проводят решение о наступлении, обречённом на провал.

На заседании Центрального исполнительного комитета – высшего органа объединённой Соцпартии – Т. Самуэли ещё раз требует создания чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией. Большинство же затевает бесплодную дискуссию... о сухом законе (Горбачёв, где ты?).

Б. Кун предлагает Т. Самуэли возглавить движение за воссоздание Коммунистической партии. Но как это понимать? Если как попытку придать коммунистический характер всей СПВ – сил явно не хватит; если как трансформацию объединённой партии в подобие единого фронта – это противоречит всем партийным решениям. Бела вносит предложение-минимум: «Возьмите, Тибор, в свои руки «Вёрёш уйшаг» и сделайте её снова коммунистической газетой». Т. Самуэли не против, но предлагает поставить все точки над *i* – основать новую газету «Коммунист». Однако время уже на исходе.

В самый напряжённый и опасный момент Тибора отсылают из столицы – организовывать летний отдых детей рабочего Будапешта на озере Балатон. Поручение, в других условиях почётное, становится «изящным» способом устранить коммуниста, ненавистного соглашателям, от политических дел.

Вот и конец июля – последние дни республики. Тибор возвращается в столицу, оставляя Йолан на попечение супругов Хаваша, – видимо, готовится к нелегальному положению. Б. Кун встречает словами: «В Дьёре контрреволюция, поезжайте туда». Тревога оказывается ложной – кто-то опять торопится задвинуть Тибора подальше, чтобы не мешал. Понятно: наступление провалено, враги сеют панику, Антанта требует капитуляции. 31 июля руководство республики обсуждает обстановку. По словам одного из социал-демократов, «под нажимом Самуэли не было достигнуто соглашения, а сложилось мнение, что необходимо предпринять ещё одну попытку оказать вооружённое сопротивление». Понятно, против какого «соглашения» ему приходится выступать.

На следующий день руководство партии и правительства вновь собирает совместное заседание. Б. Кун призывает к продолжению борьбы. Т. Самуэли его горячо поддерживает: «Мы не должны отказываться от власти!» Текст последней его речи не сохранился. По воспоминаниям Б. Куна, «Самуэли выдвинул предложение, чтобы Советское правительство или предприняло попытку мобилизовать рабочих Будапешта, или отступило за Дунай». Всё напрасно: правое большинство принимает решение об отставке правительства Советов и образовании нового – «профсоюзного».

Всем понятно, что смещённым наркомам – коммунистам и левым социалистам – угрожает

расправа. Социал-демократическое правительство Австрии предоставляет им убежище. Всем, кроме одного – Тибора Самуэли: на «кровавого террориста» гуманизм не распространяется. Остаётся перейти границу нелегально – может, посчастливится добраться до Советской России.

В ночь на 2 августа Тибор на выдавшей виды машине приезжает к одному из пограничных переходов. Поднимает с постели политуполномоченного, идёт с ним к главе местной власти – директориума. Не слишком доверяя обоим, говорит: ему срочно надо быть в Вене – там 5 августа провозгласят Советскую республику. Австриец-нелегал ведёт его маршрутом, которым сам переходил границу. Но тем временем политуполномоченный связывается с начальством и узнаёт: Советское правительство Венгрии пало. Он звонит начальнику пограничной полиции: «Примите соответствующие меры». Тот информирует австрийскую жандармерию.

Согласно официальным сообщениям Вены, жандармский патруль задержал Т. Самуэли и его спутников в приграничном лесу и доставил в караульное помещение. Там Тибор будто бы «выхватил из кармана пистолет и выстрелил в себя». Пресса дозналась, что он был застрелен в затылок и захоронен тайно. Но результаты экспертизы, о которой сообщала та же пресса, так и остались неизвестны. Британский журналист, имевший доступ к секретным документам австрийской полиции, выдвинул свою версию: исполнитель убийства – некий Дьюлаи, венгерский контрреволюционер, служивший в австрийской погранжандармерии.

Ясно, что официальная версия, как в большинстве подобных дел, шита белыми нитками. Неужели задержанного не обыскали и оставили ему оружие? Главное же – никаких причин самому кончать счёты с жизнью у Тибора не было. Клевета и предательство его не сломили. Никто из тех, кто общался с ним в последние дни, не заметил упадка его духа. Напротив, он оставался сгустком энергии и воли продолжать борьбу. Человек с его пронизательностью и политическим опытом не мог не понимать: австрийским социал-соглашателям по силам отказать ему в политическом убежище, но вынести известному в Европе политику смертный приговор или выдать его в белый Будапешт они вряд ли решатся. Международная солидарность реально могла вернуть ему, как многим

товарищам, свободу. Так какой же резон самому признавать себя побеждённым?

В то же время вполне понятно, кто и почему был заинтересован в его убийстве, а затем – в сокрытии обстоятельств преступления. Это все те, кому он мешал своей принципиальностью и непримиримостью к контрреволюции, кто преследовал его ложью и клеветой, «шипящей пропагандой» и прямой травлей. Это и правители держав Антанты, мстившие ему за сопротивление капитуляции. Вероятно, он оставался опасен также как участник конфиденциальных переговоров в Берлине и Москве, слишком хорошо знавший тайные пружины империалистической политики. И даже собранная им информация о финансовых делах католической церкви вполне могла стать одной из причин гибели: рукопись разоблачительной книги бесследно исчезла в архиве хортистской полиции, если только не лежит ещё где-то в секретных хранилищах.

Наш ответ на вопрос римских юристов – «кому выгодно» – косвенно подтверждается посмертной судьбой Т. Самуэли. На протяжении большей части XX столетия его роль в революционных событиях во многом замалчивалась либо задним числом «корректировалась». Ни в социалистическом Будапеште, ни в советской Москве выдающемуся интернационалисту не ставили памятников, в его честь не называли улиц и площадей. Посвящённые ему воспоминания и исторические исследования можно пересчитать по пальцам. Спасением честного имени революционера от клеветы и забвения мы во многом обязаны в первую очередь Йолан Силадьи, а затем – венгерскому историку Андрашу Шимору, на чью работу, изданную в 1978 г. на родине и в 1981 г. в Москве в русском переводе, опирается фактическая основа настоящего очерка.

Со времени огненной жизни рыцаря коммунизма минуло столетие. Река истории смыкает наслоения политической конъюнктуры и демагогии. Сегодня и завтра Тибор Самуэли с нами как коммунист-ленинец, непримиримый и кристально честный борец против контрреволюции, империализма и оппортунизма, негибаемый защитник дела социализма и провидец грозивших ему опасностей, последовательный интернационалист и верный друг нашей Советской Родины.

О революционном бесстрашии¹

Эрнст Генри²

Писать о Георгии Димитрове нелегко. Материала о нем так много, что в море фактов можно утонуть. Он был не только неотделим от своей эпохи – так можно сказать о всех – эпоха была неотделима от него; это можно утверждать об очень немногих.

Димитров, несомненно, был одним из тех, кто наложил свой отпечаток на весь наш век. Даже самые страстные из его противников этого не отрицали.

Писать о нем будут и через сотню лет, когда весь мир будет иным и многих из людей нашего времени забудут. Он из тех, кто останется.

Вот почему нет нужды пересказывать его биографию. Путь, который национальный герой Болгарии прошел от мальчика в типографии до профессионального революционера и от главы Коминтерна до главы правительства своей страны,

¹ Ред. - Мы публикуем статью из книги Эрнста Генри "Новые заметки по истории современности". - М., 1976. Стр. 473. - С. 156-166. Статья была написана в 1972 г.,

² Эрнст Гёбри (18.06.1882—02.07.1949) - советский разведчик, писатель, журналист, историк-публицист, активист Коминтерна и Коммунистической партии Германии.

широко известен. Об этом сказано в любой энциклопедии. Здесь нас интересует другое. Что за человек был Димитров? В чем была его сила? Чем он завоевал себе такую жизнь – жизнь по большому счету?

Об этом, действительно, стоит спросить и подумать; особенно молодым. Повторить его жизнь другой, конечно, не может. Типовых жизней не бывает, выбирать какую-то по каталогу не приходится. Но понять, хотя бы в какой-то мере, что можно сделать со своей жизнью, на примере Димитрова легче, чем на многих других. В его характере и жизненном пути все было удивительно отчетливо и четко.

Как уже сказано, это не значит, что и писать о нем легко; напротив, труднее, быть может, чем о менее определенных, более расплывчатых и противоречивых характерах. Автору художественных произведений, например, слишком большая определенность в таких случаях не всегда помогает. Портрет может стать одноцветным и хрестоматийным, а хрестоматии не всем по вкусу. И все-таки жизнь Димитрова – тема прежде всего именно для молодых. Он сам всегда оставался одним из них. Пусть то, что здесь о нем сказано, будет только уголком большого, цельного портрета, который должен быть написан.

Можно выделить многие черты характера Димитрова: говорить о его идейности, его беззаветной верности делу коммунизма, его любви к своему народу и его интернационализме, подчеркнуть его неутомимую жажду знаний, трудолюбие, жизнерадостность, его братское отношение к товарищам по борьбе и многое другое. Знавшие его люди могли часами рассказывать, с какой глубиной он вникал в сложные политические вопросы, с какой точностью намечал план боевых действий, как, выступая перед самыми различными аудиториями, умел привлекать к себе людей и разоружать противников. Другие вспоминали, как он умел скрываться от полиции, владел техникой конспирации, как в самых трудных ситуациях оставался спокойным и бодрым, с какой нежностью любил свою старую мать, как до конца жизни сохранял молодость души.

Все это интересно и важно для понимания Димитрова – политика и человека. Мне же хочется сказать прежде всего о революционном бесстрашии Димитрова. Я думаю, что для людей такого призвания это одна из самых важных и незаменимых черт. Не так просто всегда быть политически бесстрашным в нашу историческую эпоху.

И.С. Тургенев писал о герое своего романа «Накануне» Дмитрие Инсарове – участнике национально-освободительного движения в Болгарии прошлого века, названного в книге «железным человеком»: «...Тут он (русский друг Инсарова – Э.Г.) впервые заметил, какая перемена совершалась в Инсарове при одном упоминании его родины: не то, чтобы лицо его разгоралось или голос возвышался – нет! Но все существо его как будто крепло и стремилось вперед, очертание губ обозначалось резче и неутомимее, а в глубине глаз зажигался какой-то глухой, неугасимый огонь... Сосредоточенная обдуманность единственной и давней страсти слышалась в каждом его слове».

Русская девушка Елена говорит в романе об Инсарове: «Нет, кажется, на свете такого человека, перед кем бы он глаза опустил».

Тургенев написал это за 22 года до того, как в маленьком болгарском селе Ковчевци родился Димитров. Писатель никогда не бывал в Болгарии, знал только понаслышке, что там происходило; был совершенно чужд идеям революционного марксизма. Придумав Инсарова, он сам ему изумился. Не будучи политиком, Тургенев все же знал, что Инсаровы будут, и снимал перед ними шапку.

Что-то от Инсарова действительно было в Димитрове, которой вышел на политическую арену целую эпоху спустя. Та же сила воли, та же собранность и целеустремленность, та же безграничная преданность народному делу и прежде всего – то же бесстрашие.

Несомненно, без этой черты нельзя представить себе ни одного настоящего революционера. Каждый из них – исключений не бывает – в борьбе с сильным врагом рано или поздно проходит через испытания, выдержав которые, сколько бы они ему ни стоили, он знает: жизнь по большому счету завоевана. На меньшее, более легкое, он уже не согласится. Те из участников революционного движения, кто испытание в политической и жизненной смелости не выдерживает, могут жить по-своему и дальше, даже чего-то добиваться, но это уже жизнь по малому счету. Нельзя считать, что каждый человек, примкнувший во враждебном мире к социализму, тем самым уже полнокровный, проверенный революционер. Время его испытает. Не секрет, что бесстрашие на политической арене часто труднее, чем на фронте. Но когда оно налицо, то и политику, как солдату, оно придает двойную силу.

Димитров это доказал.

Лейпциг, 23 сентября 1933 г., 9 часов утра. Зал заседаний верховного суда рейха. На скамье подсудимых рядом с двумя своими соотечественниками, Поповым и Таневым, Георгий Димитров. Руководитель болгарских коммунистов обвиняется в поджоге германского рейхстага – в преступлении, совершенном семь месяцев ранее самими нацистами, чтобы под предлогом «заговора коммунистов» развязать в стране бешеный террор.

Все силы фашистов – полиция Геринга, охранка Гимmlера, пресса Геббельса – приведены в готовность, чтобы расправиться с Димитровым и его товарищами. Для всех троих предусмотрен эшафот. Вместе с ними обвиняются не совсем нормальный голландец Ван дер Люббе, уже признавшийся в поджоге и явно «обработанный» гестаповцами, а также запуганный, потерявший всякую волю к борьбе немецкий коммунист Торглер. Все обвиняемые с самого начала считаются обреченными. Кто может их спасти? Заполняющие зал корреспонденты мировой печати спорят только о том, сколько все это продолжится.

Суд переходит к допросу Димитрова. И сразу же становится ясно, кто главный в зале; кто будет вести процесс так, как он хочет.

Показания Димитрова – не защита, а обвинение. Присутствующие ошеломлены. Димитров как бы пальцем указывает на нацистских преступников. Весь намеченный ими порядок слушания дела сорван. Уже

через несколько минут председатель суда прерывает Димитрова, крича:

— Вы здесь не обвинитель, а обвиняемый!

Димитров не обращает на это никакого внимания и продолжает по-своему. Несколько дней спустя сцена повторяется. Димитров ставит прямые вопросы, направленные на раскрытие фашистского преступления. Председатель обрывается на него:

— Послушайте, вы не имеете права здесь вмешиваться в ход дела. Вы выступаете так, словно вы непосредственно участвуете в ведении заседания. Я отклоняю ваш вопрос.

Никакого эффекта. Димитров продолжает ставить обвиняемым и свидетелям такие же вопросы. Председатель и прокурор не знают, что делать. Вывести Димитрова из зала значит нарваться на международный скандал: слушает весь мир. Станет предельно ясно, кто пытается замести следы. Полицейские силой заставляют Димитрова сесть на место.

Сообщая о непрестанных стычках Димитрова с председателем суда, корреспондент буржуазной голландской газеты «Телеграф» пишет: «Димитров значительно превосходит этого старого господина своей хитростью и ловкостью. Он непрерывно выманивает того из будки, и бравый председатель мчится за ним, а потом никак не может найти путь обратно». Позже тот же корреспондент телеграфирует: «Димитров действительно взял в свои руки руководство процессом».

Так идет дело. У всех на глазах обвиняемый продолжает вести «коммунистическую пропаганду» (так пишут нацистские газеты), обращаясь с председателем суда и прокурором как с мальчишками. 15 ноября он говорит председателю: «Если вы хотите похудеть, приезжайте в Моабит» (берлинская тюрьма, где до процесса сидел Димитров). Зал хохочет. «Вы что-то сегодня нервничаете, г-н председатель», — замечает Димитров в другой раз.

Вставая со скамьи подсудимых, он читает вслух фашистскому суду строки из «Коммунистического манифеста» Маркса и Энгельса. Когда в зал в качестве свидетелей приводят рядовых немецких коммунистов, Димитров ободряет и вдохновляет их своими смелыми вопросами и, несмотря на старания обвинения, они показывают правду. Каждый раз, когда Димитров упоминает о Советском Союзе, он с гордостью говорит о своей близости социалистической стране.

Фашисты из полиции и охранки слушают и ничего не понимают. Стоящему у скамьи подсудимых человеку грозит смертная казнь. Почему он не боится?

Когда суд допрашивает фашистского «свидетеля», депутата рейхстага Руппина, Димитров спрашивает его:

Вы, может быть, стыдитесь сказать, что вы нацист?

Слова эти произносятся на территории нацистского государства! Председатель кричит:

Мое терпение исчерпано! Предупреждаю вас в последний раз!

Димитров отвечает:

Здесь политический процесс. И я не рекрут и не пленный. Я защищаюсь политическими аргументами против политического обвинения.

По логике и по статьям судопроизводства ничего на это возразить нельзя. Может быть другой ответ: топор палача. Димитров знает это, но продолжает делать, что начал.

Возбуждение вокруг процесса нарастает. До апогея оно доходит в день, когда в зале суда, перенесенного в Берлин, внезапно появляется Геринг: первый человек в Германии после Гитлера, премьер-министр Пруссии, верховный начальник прусской полиции — и тот, кто в действительности организовал поджог рейхстага.

Фашистский полубог позирует и рисуется. Кто сильнее и страшнее его? Заложив руки в карманы генеральских рейтуз, он величаво смотрит на присутствующих. Геринг ни минуты не сомневается, что молниеносно поставит Димитрова на колени: он, Геринг, ведь не то, что испуганный, жалкий председатель суда.

Происходит сцена, которая навсегда вписана в историю третьего рейха. Не Геринг сбивает с ног Димитрова, а Димитров ведет допрос Геринга. Ведет так, что доводит того буквально до припадка.

Потрясая кулаками, Геринг кричит Димитрову:

Ваша партия — это партия преступников, которых надо уничтожить!.. Вас надо просто повесить!

Я очень доволен ответом г-на премьер-министра, — спокойно говорит Димитров и хочет продолжать допрос Геринга. Председатель лишает его слова. Разъяренный, совершенно потерявший самообладание, Геринг кричит: «Вон!».

По приказу председателя полицейские выводят Димитрова из зала. Но он еще не кончил; надо доконать фашиста. Выходя, Димитров говорит Герингу:

Вы, наверное, боитесь моих вопросов, г-н премьер-министр?

Геринг багровеет и покрывается испариной. Присутствующим кажется, что его сейчас хватит удар. Он трясется, хрипит и рычит вслед Димитрову:

Смотрите, берегитесь, я с вами расправлюсь, как только вы выйдете из зала суда!

Димитров знает, что это вполне вероятно, — знает теперь с большей уверенностью, чем раньше. Он понимает, что в эту же ночь специалисты из гестапо могут содрать с него с живого кожу, а затем объявить, что Димитров в припадке отчаяния покончил в тюрьме самоубийством. Так происходило со многими. И все-таки Димитров удовлетворен — он добился своего: фашистский главарь сам себя разоблачил перед всем миром. Геринг выболтал, как работает его полиция. Все увидели, что по сравнению с Димитровым этот фашистский полубог — ничтожество.

Поединок представителей двух миров решен. Арестованный, бесправный коммунист нанес второму человеку в рейхе публично такую политическую пощечину, какую ничто уже не смеет. Это и есть революционное бесстрашие в действии.

Вероятно, в эти моменты Димитров не думал, по стопам какого действительно существовавшего человека он шел. Когда в 1600 г. суд инквизиции в Риме огласил смертный приговор обвиненному в ереси итальянскому ученому Джордано Бруно, философ сказал судьям: "Вероятно, вы с большим страхом произносите приговор, чем я его выслушиваю".

Джордано Бруно сожгли живым.

Нет сомнения, что какая-то страшная расправа готовилась в те дни и для Димитрова. Не только Геринг, все нацистские вожаки были разъярены. Такого они еще не видели и возможным себе не представляли. Но уже несколько дней спустя все заговорили о новой сенсации: оказалось, что нацисты отступают. В их кругу поняли, что замученный в застенке Димитров был бы

для них еще более страшен, чем живой в тюремной камере: опозоренным оказался бы сам Гитлер.

По всей вероятности, приказ не трогать Димитрова и был вопреки угрозе Геринга дан непосредственно Гитлером; никто другой в рейхе не смог бы это сделать. Фюрер знал, что о поединке в суде заговорил весь мир, смеясь над Герингом и поражаясь моральной силе болгарского коммуниста. В Берлине не хотели, чтобы шума стало еще больше. В 1933 г. здесь еще оглядывались на границу.

14 декабря 1933 г. Димитров выступает на суде с последней речью обвиняемого. Вот его слова: «... Я допускаю, что говорю языком резким и суровым. Моя борьба и жизнь тоже были резки и суровы. Но мой язык – язык открытый и искренний... Я защищаю себя самого как обвиняемый коммунист. Я защищаю свою собственную коммунистическую революционную честь. Я защищаю свои идеи, свои коммунистические убеждения. Я защищаю смысл и содержание своей жизни. Поэтому каждое произнесенное мною перед судом слово – это, так сказать, кровь от крови и плоть от плоти моей».

Нельзя забыть эти слова.

Говоря о своей родине Болгарии, Димитров продолжает:

Дикари и варвары в Болгарии – это только фашисты. Но я спрашиваю вас, г-н председатель: в какой стране фашисты не варвары и не дикари?

Это опять прямо по адресу тех, кто держит его в своих руках. И дальше он защищает уже свой собственный народ.

Задолго до того, когда германский император Карл V говорил, что по-немецки он беседует только со своими лошадьми, а германские дворяне и образованные люди писали только по-латыни и стеснялись немецкой речи, в «варварской» Болгарии Кирилл и Мефодий создали и распространили древнеболгарскую письменность. Болгарский народ всеми силами и со всем упорством боролся против иноземного ига. Поэтому я протестую против нападков на болгарский народ. У меня нет оснований стыдиться того, что я болгарин. Я горжусь тем, что я сын болгарского рабочего класса.

Снова кажется, что слышишь голос тургеневского Инсарова.

Он хочет, чтобы слушающие его или читающие о нем люди, простые и образованные, поняли до конца, почему он не сдаётся. Поэтому он цитирует стихотворение великого немецкого поэта Гёте:

В пору ум готовь же свой.
На весах великих счастья
Чашам редко дан покой:
Должен ты иль подыматься,
Или долу опускаться;
Властвуй – или покоряйся,
С торжеством – иль с горем знайся,
Тяжким молотом взвивайся,
Или наковальной стой.

Да, продолжает Димитров, кто не хочет быть наковальной, тот должен быть молотом.

Кончает он словами:

Мы, коммунисты, можем сейчас не менее решительно, чем старик Галилей, сказать: «И все-таки она вертится!» Колесо истории вертится, движется вперед... И это колесо, подталкиваемое пролетариатом под руководством Коммунистического Интернационала, не удастся остановить ни истребительными

мероприятиями, ни каторжными приговорами, ни смертными казнями. Оно вертится и будет вертеться до окончательной победы коммунизма!

Полицейские хватают Димитрова и силой сажают на скамью. Но он свое сказал. Приговор вынес он.

Когда уже после суда в камеру Димитрова заходит один убежденный нацист, бывший фронтовик, он говорит болгарскому коммунисту:

Я ваш противник и остаюсь им, но должен вам прямо сказать, что ваше поведение на суде никогда не забуду. Я был на войне, но не припомню такой стойкости. Я ваш политический противник, но уважаю вас как человека.

Мужество Димитрова проникает сквозь броню самих фашистов.

У нацистского руководства не остается выбора. Принимается решение сдать проигранный бой. Имперскому суду в Лейпциге дается негласное указание оправдать Димитрова, его двух болгарских товарищей, а также Торглера «за недостаточностью улик». Смертный приговор выносится только полупомешанному голландцу Ван дер Люббе, слепому орудию гестапо.

Димитрова продолжают держать в берлинской тюрьме. После того как Советское правительство предоставляет Димитрову и его товарищам советское гражданство (на своей родине в монархической Болгарии он присужден к смертной казни), гестаповцы сажают его на самолет в Москву.

Он не бросает оружия и теперь, в последний момент. В аэропорту Димитров говорит сопровождающему его начальнику полиции Геринга Дильсу:

Передайте мой самый горячий привет немецкому народу, а вашему правительству – мое глубочайшее презрение... Мне жаль трудолюбивый и талантливый немецкий народ. Своей политикой и особенно своим враждебным отношением к СССР ваше правительство ведет народ к новой катастрофе.

Он предвидел, что произойдет со «всемогущим» третьим рейхом. Уже на самой границе Димитров говорит другому фашисту, полицейскому комиссару Гелеру:

... Я надеюсь возвратиться в Германию, но уже в качестве гостя германского рабоче-крестьянского правительства!

Пока я жив, этого не случится, – отвечает Гелер.

Никто не знает, как долго вы еще продержитесь, – говорит Димитров.

Несколько часов спустя он в Москве, и нацистам приходится еще прочитать, с какой радостью и гордостью встречают его советские люди – его братья.

Процесс о поджоге рейхстага оказался не только личной победой Георгия Димитрова. Это была победа Коммунистического Интернационала, равная выигрышу большого сражения. Завоевана она была благодаря бесстрашию и политической дальновидности большого революционера.

В этой связи стоит упомянуть еще вот о чем. Обвиненный вместе с Димитровым депутат рейхстага Торглер, еще принадлежавший тогда к германской компартии, а затем из нее исключенный, занял на процессе позицию, прямо противоположную позиции Димитрова. Этот слабохарактерный, боязливый, хотя и не лишенный способностей человек, никогда не поднявшийся до высоты настоящего революционера, позволил нацистам запугать себя и отказался

следовать за Димитровым в его наступательной антифашистской борьбе на суде; он всего лишь доказывал свою личную невиновность. Торглер был оправдан вместе с Димитровым, но судьба его сложилась иначе. Запутавшись в нацистских сетях, этот маленький человек уже никогда не смог из них выпутаться и сдался целиком. В годы второй мировой войны он стал служить Геббельсу в аппарате фашистской пропаганды, а впоследствии, сбжав за Эльбу, окончательно сошел на нет, исчезнув из политической жизни.

Ревлюционнное бесстрашие может при неблагоприятных условиях привести человека к гибели, но оно же ведет к победе. Трусость, моральное и политическое бессилие у человека, примкнувшего к революционерам, но способного жить только по малому счету, рано или поздно убивает его прежде смерти.

Возникает существенный вопрос. Было ли поведение Димитрова на суде результатом особого, чисто эмоционального подъема, вызванного обстоятельствами? Ведь так нередко бывает.

Нет. Он действовал по плану, хладнокровно продуманному в тюрьме еще во время следствия.

В одиночной камере он сидел закованным в кандалы: два стальных кольца, соединенных в «восьмерку» малоподвижным шарниром. Он носил их днем и ночью. Постепенно кандалы впивались в кисти рук, сдирая кожу и образуя незаживающие раны. Но и это не мешало Димитрову напряженно работать, обдумывая план борьбы.

Читал и писал он по 12 часов в день – писал закованными руками. Изучал труды по философии, истории, литературе, не забывая освоить германский порядок судопроизводства. Когда уставал, пел в своей камере. Вот отрывок из написанного им в те дни письма к другу: «...Мне лично, естественно, нелегко. Часто я чувствую себя как связанная птица, у которой есть крылья, но она не может ими воспользоваться... А иногда, когда мне особенно тяжело, я тихо напеваю знаменитое стихотворение Гёте:

Трусливых мыслей
Робкие колебания,
Бабья нерешительность,
Пугливые жалобы,
Не устранят несчастья,
И тебя не освободят.
Всем враждебным силам вопреки
Выстоять, никогда не склоняясь,
Крепко держаться —
Этим и вызовешь помощь богов.

И особенно меня утешает превосходный афоризм Гёте:

Деньги потерять – немного потерять,
Честь потерять – много потерять,
Мужество потерять – все потерять!

Да, так вот, смелость, смелость, всегда смелость!

На всех парах вперед – несмотря ни на что!»

Это и был его план битвы. Не стихийный эмоциональный подъем, а определенная стратегическая диспозиция, решение выстоять во что бы то ни стало, «несмотря ни на что», руководили Димитровым в дни процесса. Этот живой Инсаров не мог быть иным.

«Все сокровище мудрости не принесет даже ничтожного добра тому, кто боится решимости. Зачем сияет лампа, когда она в руках слепого?»

Так написано в древнеиндийской книге на санскритском языке «Хитопадеша». Едва ли Димитров когда-либо ее читал. Но он думал так же и делал так, как думал.

Сознание внутренней силы, сосредоточенность воли, непоколебимая идейная убежденность, чувство слитного единства с товарищами на воле вознаграждали его за все. Так живут люди его склада. Это стоит недешево, но зато душа таких людей не стареет и любовь к жизни от них не уходит. Вот почему Димитров мог петь в своей камере – зная, что ему грозит смерть.

Конечно, дело было не в одном бесстрашии. Смелость никогда не должна превращаться в слепое безрассудство. В политике это еще опаснее, чем в частной жизни. Димитров знал, когда нападать, когда готовиться, когда выжидать, и даром сил не тратил. Прежде чем пойти в атаку, он тщательно проверял соотношение сил, изучал характер противника, выбирал позиции. Отвага соединялась у него со стратегическим умом, способностью к теоретическому анализу, знанием дел и людей, широкой образованностью. И оказавшись вскоре после процесса на посту генерального секретаря Коммунистического Интернационала, он заново проявил все эти качества.

Его энергия не остывала. Коммунисты разных стран легко находили с ним контакт: он быстро их понимал. Спешить, гнать решения, администрировать он не любил. Но важных дел под сукно не клал; это не умещалось в его характере. Тут у него тоже можно было многому поучиться. Революционная деятельность меньше всего терпит бюрократизм. «Бывают люди, – писал когда-то немецкий публицист Г. Лихтенберг, – которые не могут прийти к какому-нибудь решению, не откладывая это дело на утро; это очень хорошо. Но только могут быть случаи, когда при таком положении дела люди рискуют, что их унесут из дома с кроватью». Никто никогда бы не отнес к Димитрову эти слова.

И никто не смог бы его обвинить хоть в малейшем нарушении демократизма в отношениях с людьми. Для руководителя Коммунистического Интернационала это тоже было очень важно. Всю свою жизнь, на любом посту, Димитров оставался человеком из народа, «своим» для других. Работавшие с ним товарищи рассказывают, что, будучи генеральным секретарем Коминтерна, он никогда не садился в машину, не спросив, нужен ли транспорт кому-либо другому – курьеру, машинистке, канцелярскому работнику. В Коминтерне его не только уважали, его – как и его большого друга Тольятти – любили. В Москве Димитров был своим среди советских людей, и он это чувствовал.

Когда нужно было исправлять ошибки, освобождаться от старого, изжитого, находить новое, он делал это без колебаний. Вот пример.

Как все боевые коммунисты, Димитров ненавидел правых социал-демократов, неизменно тяготевших к сговору с буржуазией против революционных рабочих. Он не забывал, что в Германии они фактически передали власть в руки реакции и тем расчистили дорогу фашизму. Но, готовясь к VII конгрессу Коминтерна, собравшемуся летом 1935 г., Димитров был в числе первых, кто решительно осудил распространенный одно время тезис о «социал-фашизме». Тезис этот не проводил достаточного различия между правосоциалистическими лидерами и рядовыми,

честными социал-демократами, и это мешало созданию столь нужного единого антифашистского фронта рабочего класса, от которого упорно отказывались правые социал-демократы.

В своем докладе на конгрессе Коминтерна Димитров подчеркнул «историческую ответственность социал-демократии за поражение рабочего класса» в Германии, Австрии и Испании. Но это не помешало ему тут же откровенно указать и на заблуждения, встречавшиеся в те годы в рядах коммунистов: на «недооценку фашистской опасности», на «сектантскую узость в отношении постановки и разрешения актуальных политических задач партий», на привычку «ультралевых» рассматривать «по существу всех социал-демократов как контрреволюционеров».

«... Мы подчеркиваем разницу между двумя различными лагерями социал-демократии, – заявил Димитров. –...Существует реакционный социал-демократический лагерь, но существует и растет вместе с тем лагерь левых социал-демократов (без кавычек), революционирующихся рабочих. Решающее различие между ними на практике заключается в отношении к единому фронту рабочего класса... Мы заявляем о готовности Коммунистического Интернационала и его секций вступить в переговоры со II Интернационалом и его секциями об установлении единства рабочего класса в борьбе против наступления капитала, против фашизма и угрозы империалистической войны».

Это было сказано 47 лет назад.

Человеку, читающему слова Димитрова сегодня, кажется, что они произнесены в текущем году. Во всем капиталистическом мире разворачивается сейчас мощное движение за создание союзов левых сил, объединяющих коммунистов, социалистов и других сторонников мира и демократии. Правительства таких левых союзов уже созданы в Чили, на острове Шри Ланка (Цейлоне), в индийском штате Керала, переговоры о тех или иных формах сотрудничества коммунистов и социалистов ведутся в Финляндии, Франции, Италии, Испании, Японии, Уругвае и в ряде других стран. Димитров глядел вперед.

Мы говорили здесь о характере человека, ставшего одним из виднейших деятелей международного коммунистического движения и национальным героем Болгарии.

Не все могут быть Димитровыми; об этом уже сказано. Но равняться на него может каждый, кто хочет жить по большому счету.

ПАМЯТИ ТОВАРИЦА

Памяти В.С. Бушина

Владимир Сергеевич Бушин умер. В это трудно поверить. Он был с нами в самые тяжелые, беспросветные годы, когда рушилось все, чем мы жили, за что сражались наши отцы и деды. Он стал нашим маяком, надежным компасом и, что очень важно, энциклопедией знаний, так необходимых, чтобы не захлебнуться в зловонном потоке лжи, который обрушился на советских людей практически из всех СМИ, со страниц и экранов, с высоких трибун.

Замечательный писатель, критик, публицист, он был еще и прекрасным поэтом. Сегодня вспоминается его стихотворение «Павшие в сорок первом»:

Им, кто сражался в Бресте, в Орше,
В Смоленске, Вязьме, у Орла,
В земле лежать не всех ли горше? –
Им неизвестно, чья взяла.

Они не знают, удалось ли
Нам отстоять Москву зимой
И как и что там было после
Со всею Русью, всей страной.

И что с детьми? И что с женою?
Жива ли мать? И где отец?
Еще пойдем ломить стеною
Или всему уже конец?

Над ними годы проплывают,
Как многотонные суда,
Но ничего они не знают
И не узнают никогда.

Горько и обидно сознавать, что и Владимира Сергеевича Бушина постигла та же участь: он уже никогда не узнает, пойдем ли мы ломить стеною, не увидит над Кремлем родной Красный флаг.

Но без раздумья все отдали,
Все совершили, что могли.

Вот и сам В.С. Бушин совершил, отдал все, что мог, до конца жизни оставаясь на боевом посту.

Он был храбрым воином на фронте, о чем говорят его медали «За отвагу», «За боевые заслуги», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией», «За победу над Японией». Но не меньшего мужества потребовала от него защита Советской Родины, ее армии, Советской эпохи, которые подверглись злобным атакам с началом контрреволюционного переворота. Он сам как-то сказал: «Я солдат той и этой войны».

Еще во время «гибельной заварухи, затеянной Горбачевым» (Бушин) в оппозиционных власти изданиях стали появляться статьи Бушина, в которых он подвергал беспощадной критике «прорабов перестройки», невзирая на чины и должности, и их прихлебателей. В марте 1990 г. увидела свет его статья «Азбука, арифметика и химия» – один из первых ударов по А.Н. Яковлеву, в ту пору всесильному члену Политбюро, затем последовали и другие столь же резкие статьи об этом главном идеологе «перестройки». А 14 декабря того же года Бушин, выступая на VII съезде писателей России, обратился с язвительными вопросами и обвинениями к самому Горбачеву, Генеральному секретарю ЦК КПСС и президенту страны. Это был первый на таком уровне удар по предателю. Затем последовали статьи о Бакатине,

Е. Гайдаре, Шаталине, Собчаке, наконец – о Ельцине. Все они проникнуты болью за свою Советскую Родину, гневом и презрением к тем, кто ее убивает.

В 1994 г. вышел сборник статей Бушина «Колокола громкого боя». В предисловии к нему автор пишет: «Если бы я не написал эти статьи, то просто умер бы от разрыва или остановки сердца. Да, только для того, чтобы выжить, я и написал эту книгу. Дай-то бог, чтобы она так же помогла и Вам, мой читатель». Сказать, что статьи Бушина помогли нам, – это значит не сказать ничего. Автор получал огромное количество писем со всех концов страны, вот некоторые из них:

«Товарищ Бушин! Ваши статьи в буквальном смысле помогают мне жить, спасают в это страшное время. Бесконечно благодарна Вам!».

«Вы поистине солнечный человек! Если и еще держимся, то только благодаря Вашей мощной духовной поддержке. Вы нам очень нужны!».

«Вы – один из немногих писателей, чьи произведения нужны сейчас больше, чем хлеб насущный. Они нужны, как воздух!».

«Знайте, что воздействие Ваших статей на душу и сознание такое же, как сообщения ТАСС в самую глухую и беспросветную пору минувшей войны «В последний час» о разгроме немцев под Москвой или под Сталинградом».

22 июня 1992 г. Бушин выступил на огромном митинге, посвященном годовщине начала Великой Отечественной войны. Поднявшись на крышу троллейбуса, он бросал гневные слова, обвиняющие президента Ельцина: «Зачем как главарь участвовал в развальном путче против своего народа, твердо сказавшего, что хочет жить в едином Союзе? Зачем смотрит попеременно в рот то Бушу, то Бейкеру? Зачем дал команду на расправу сегодня утром со своими соотечественниками в Останкине?».

В этот день, 22 июня 1992 г., в 4 часа утра было совершено нападение на палаточный городок в Останкине и зверское избиение протестующих против тотальной лжи на телевидении. Это был не первый случай избиения мирных граждан в Москве: 23 февраля того же года уже была организована кровавая бойня, когда дубинками, «вполне достаточными для кровопролития и убийства» (Бушин), избивали демонстрантов, включая ветеранов, не пропуская их к Вечному огню. И ветеран Бушин обращается к тем, кого теперь принято называть «силовиками»: «В заключение я хочу обратиться к вам, как вас – омоновцы или милиционеры, полицейские или жандармы. Вам сегодня пришлось выслушать немало суровых и гневных слов. И вы их заслужили уже за одно то, что в такой день со щитами и дубинками преградили нам путь. Вы их втрое заслужили, если утром участвовали в кровавой расправе со своими согражданами. Ваши начальники внушают вам, что мы, участники митинга, – ваши враги, но сегодня утром, ровно в четыре утра, как тогда в 41-м, бросив вас избивать мирных спящих людей, они делают из вас фашистов».

Слова В.С. Бушина подтвердились: 1 мая 1993 г. на площади Гагарина власти вновь учинили кровавую

расправу над демонстрантами, пострадали сотни людей. Но самое страшное было впереди: избиения москвичей на улицах в течение недели, кровавая бойня в Останкине, а затем расстрел защитников Дома Советов из танковых орудий. «События приобрели характер кровавой вакханалии, чудовищной гекатомбы», – писал Бушин. И 30 декабря на вечере, посвященном годовщине образования СССР, прозвучало его стихотворение «Кто заменит меня», написанное от имени погибшего защитника Дома Советов. Там есть такие строки:

Если вы отступили,
Если бросили флаг,
Как мне даже в могиле,
Даже мертвому – как?

Сам Владимир Сергеевич был в первых рядах тех, кто флаг не бросил. Его стихи были напечатаны в «Правде» 12.01.93 г. А через неделю в «Правде» же появилось новое стихотворение «Возмездие» – обращение к генералу Полякову, командиру Кантемировской танковой дивизии, отличившейся обстрелом Дома Советов, там же были поименно названы и другие палачи, выполнившие преступный приказ. Позднее в газете «Аль-Кодс» были опубликованы обстоятельные статьи Бушина, в которых он подробно анализирует, как и с какой целью планировалось и готовилось это чудовищное преступление, названы и главные преступники: Ельцин и Бурбулис, Филатов и Полторанин, Лужков и Барсуков, Грачев и Ерин... О Гайдаре говорится, что он «призывал безоружных москвичей вопреки запрету чрезвычайного положения хватать термосы и мчаться к Моссовету в бой с беспощадной гидрой коммунизма». Не мог тогда Владимир Сергеевич знать, что Гайдар позаботился и об оружии. Об этом спустя годы поведал нынешний министр обороны Шойгу, который на камеру рассказал, что он «всей душой и сердцем поддерживал Егора Тимуровича, бывал у него дома». И вот тогда, в октябре, Егор Тимурович позвонил ему домой ночью и спросил: «Сергей, ты выделишь тысячу автоматов, если понадобится?». (Сергей в то время ведал гражданской обороной и ликвидацией последствий стихийных бедствий). «Я ему сказал: “Да”... И это действительно понадобилось».

Однако никакие предатели-политики не смогли бы добиться таких убийственных для страны результатов, если бы не мощная идеологическая поддержка толпы предателей, почти всей творческой и научной интеллигенции, работавшей на переформатирование сознания советских людей. С гневом и презрением писал Бушин о тех, чья вина несколько не меньше, чем политиков, кто легко может «крутиться во всех направлениях»: «Они в свое время катались как сыр в масле, но произошла антисоветская контрреволюция, новым властителям надо в благоприятном свете представить свое предательство, для этого требуется в кошмарном виде изобразить прошлое, которое, дескать, честный человек обязан отринуть и проклясть. Для выполнения этой задачи свистнули писателей, режиссеров, артистов. И они тотчас явились, ибо как любили, так и любят безо всяких причуд вкусно есть и сладко пить».

Первыми на зов примчались Шатров и Рыбаков, Адамович и Радзинский, Окуджава и В. Быков. Все они моментально прозрели или просто вытащили из-за пазухи давно спрятанный камень и принялись на все

лады клеймить Сталина, сталинское время и «сталинистов». Касаться Ленина они поначалу опасались, а клевета на Сталина – дело привычное со времен Хрущева. Затем подтянулись и другие обличители: Бакланов, Б. Васильев, Гранин, Волкогонов, Р. Медведев, Боровик... Они изрыгали злобу, самые невероятные измышления о Сталине, и нет такой мерзости, которой бы они постеснялись в пароксизме ненависти. «Фейерверки лжи о Советской эпохе, фонтаны клеветы на ее великих сынов, салютные залпы наглости против правды истории», причем характерной манерой всех обличителей было «всегда вещать об ужасах, не приводя никаких данных, ни одного доказательства» (Бушин). За клеветой на Сталина последовала клевета на Ленина, на большевиков, на Красную Армию, на всю Советскую эпоху, а «мозговой косточкой», по выражению Бушина, стала история Великой Отечественной войны, о которой они ввали с особым вдохновением и изобретательностью.

«Они почему-то уверовали, что никто не посмеет дать им достойный отпор», – удивлялся Владимир Сергеевич. Но они просчитались, и первым такой отпор им дал В.С. Бушин, его голос раздавался в ответ на все удары по тому, что было дорого настоящему коммунисту и советскому человеку. Все клеветники, предатели, мародеры нашли в нем самого беспощадного непримиримого врага, который всю силу своего таланта все свои поистине энциклопедические знания бросил на защиту Советской Родины, Ленина, Сталина, на защиту правды о Великой Отечественной войне, ее героев, на защиту гениев советской литературы – Горького, Маяковского, Шолохова и др. Недаром С. Михалков как-то заметил:

Попал к Бушину на суд –
Адвокаты не спасут.

Огромное значение имели не только содержание его статей, но и их тональность, неповторимый стиль блестящего публициста. К нему вполне применимы слова А. Герцена о В.Г. Белинском: «...Когда касались до его дорогих убеждений ...он бросался на противника барсом, он рвал его на части, делал его смешным, делал его жалким и по дороге с необычайной силой, с необычайной поэзией развивал свою мысль». Сила убежденности, страстность в отстаивании истины, убийственный сарказм в сочетании с неопровержимыми аргументами – все это привлекало читателей, заставляло верить каждому его слову. Неопровержимыми аргументы Бушина делали его обширные, глубокие знания, которые позволяли ему опровергать любую, даже малейшую, ложь и обнаруживать удивительное невежество «обличителей». «Его дремучесть во многих вопросах выглядит даже таинственно», – заметил Владимир Сергеевич об одном из них. Они же не могли ему противопоставить ничего, кроме ругани. Его острое перо разило их наповал невзирая на лица.

Одним из таких лиц был Солженицын, икона всех антисоветчиков. Владимир Сергеевич много лет наблюдал за этим «страдальцем и пророком», собирал материалы о нем, скрупулезно изучал его книги. И вот вывод: «Вся мерзость нынешнего времени – пещерный антикоммунизм и малограмотная антисоветчина, злобность и лживость, цинизм и нахрап, религиозное ханжество и холуйство перед Западом – все это уже давно явлено миру в страшном образе Солженицына».

А вот еще одна «совесть нации», еще один Нобелевский лауреат – А.Д. Сахаров. Он тоже «праведник и страдалец», поскольку за антисоветскую деятельность был выслан из Москвы в страшную глухомань – город Горький. ореол святости, созданный вокруг него с подачи Запада, сделал его зоной, свободной от критики. Трудно было поверить, что кто-то посмеет коснуться неприкасаемой фигуры и сможет опубликовать написанное. Кроме В.С. Бушина, никто и не пытался это сделать, а журнал «Наш современник», с которым он до того успешно сотрудничал, печатать его статью отказался. Статья «Мы – не рабы. Рабы немые» появилась в двух номерах «Военно-исторического журнала» (другое название статьи – «Блаженный князюшка России»). В ней автор напомнил, как академик всячески стремился опорочить свою Родину, как назойливо призывал США оказывать на нее давление («... использовать тайную и явную дипломатию, прессу, демонстрации... отказ от сотрудничества, ограничения торговли и контактов»), приветствовал фашистский переворот в Чили и заступался за осужденного Нюрнбергским трибуналом фашиста Гесса. Кроме того, он оболгал советских летчиков в Афганистане, якобы расстреливавших попавших в окружение товарищей. Возвращенный в Москву в 1986 г., он чувствовал себя триумфатором, блистал на Съезде народных депутатов, чувствуя себя неуязвимым под градом обвинений во лжи со стороны оскорбленных ветеранов-афганцев.

Одна из книг В.С. Бушин носит, казалось бы, странное название – «Огонь по своим». В ней собраны статьи о тех, кого ранее он считал «своими», соратниками по борьбе, с кем вместе выступил против горбачевщины.

С большой горечью он пишет о так называемой «патриотической оппозиции», патриотизм которой оказался сродни солженинскому. Так, «Наш современник», «который читатели считали патриотическим, советским, основанным Горьким», перешел на злобно антисоветские позиции. Раньше там печатались статьи Бушина, но пришел в редколлегия «фирменный русский патриот» академик Шафаревич и на страницах журнала выразил бурную радость в связи с разрушением СССР и, считая запрет Ельциным КПСС слишком мягкой и недостаточной мерой, предложил вместо Антифашистского комитета учредить Антикоммунистический. И журнал в течение всего 1990 г. из номера в номер печатал Солженицына (в знак протеста из редколлегии вышел Ю. Бондарев).

В. Распутин принялся изо всех сил расхваливать Солженицына: «Солженицын – сын российского неба и российской земли. Его голос раздавался для жаждущих правды как гром среди ясного неба». В свою очередь Солженицын наградил его премией своего имени. «У него немало премий и наград: два ордена Ленина, Золотая Звезда Героя, две премии России, премия Толстого... И все талантливый писатель получил, бесспорно, по заслугам. Но это государственные, советские регалии, – иронизирует Бушин, – а вот теперь будет еще и частная, антисоветская», и тоже по заслугам, поскольку «он объявил коммунистическую идеологию “твердолобой”, Октябрьскую революцию “подлой”, а замшелого антисоветчика Солженицына “мыслителем-великаном”».

Еще один новоявленный поклонник Солженицына – В. Солоухин, выражающий свой восторг не менее пафосно: «Солженицын – сын российской культуры, сын Отечества и народа, борец и рыцарь без страха и

упрека, достойнейший человек». «Мы с Солоухиным однокашники по Литературному институту, приятели, но он стал антисоветчиком, и с тех пор мы оказались политическими противниками», – пишет Бушин и объясняет: «Солоухин долгие годы воспевал коммунизм, Ленина, партию, свой партийный билет. А когда власть захватила наглая коммунофобская банда, ненавидящая русский народ, то в угоду ей он принял, порой даже за американские деньги, клеветать на коммунизм, на Ленина, на советское время».

Такой же болью проникнуто «Письмо ровеснику Виктору Астафьеву о нашей солдатской молодости». Это ему, Астафьеву, принадлежат изречения «Мы просто не умели воевать. Мы и закончили войну не умея воевать» и «Мы залили своей кровью, завалили врага своими трупами», которые были подхвачены многими «знатоками» истории. И это он, Астафьев, поставил свою подпись под известным письмом «Раздавите гадину!», в котором 5 октября 1993 года 42 писателя призвали правительство к еще более жестким мерам. «Крови, пролитой 3 октября в Останкине и 4 октября в Доме Советов и около, этим эстетам мало, они тотчас потребовали еще и еще», – пишет Бушин.

Но еще больше старого коммуниста тревожил «тот печальный факт, что и советские рубежи оппозиции стремительно размываются, чего лидеры даже не замечают, что на страницах коммунистических газет «появляются оценки и суждения, которые изумляют». Как пример он приводит главы из книги Ю. Качановского, печатавшиеся в четырех номерах «Советской России», и подробно разбирает их в статье «Наперегонки с Радзинским». И не только с Радзинским: автор, замечает Бушин, пишет о Сталине «словно под диктовку Волкогонова» и «к радости Яковлева». «Я, будучи членом ЦК КПРФ, – рассказывает Владимир Сергеевич, – однажды на пленуме ЦК посмел покритиковать его газету за малограмотные антисоветские публикации. В обновленной компартии товарища Зюганова такое критиканство не прощается. Моим статьям тотчас был закрыт доступ на страницы «Советской России». А я, кстати сказать, лауреат обеих главных комгазет».

Очень беспокоило Бушина и явное заискивание КПРФ перед церковью, причем самым нелепым образом: «Зюганов уверял, заискивая перед церковниками, что вот, мол, когда немцы нагрянули под Москву, Сталин собрал “всех священников” и спрашивает у них: “Что будем делать?”». А другой автор, член Президиума ЦК, сообщает: «“В годы Отечественной войны, как известно(!), чудотворными иконами обносились позиции советских воинов”. Это, мол, и победу принесло... Как известно!.. Это откуда же известно-то? На каком фронте, в какой армии, какой генерал хоть разочек приказал прибегнуть к этому победоносному оружию?». И Бушин задает резонный вопрос: «Лидеры КПРФ и ее идеологи, объявив РПЦ союзником, нахваливают и саму религию, и церковь, и призывают помогать ей, и превозносят иерархов, но что слышат в ответ? Кто из святых отцов молвил хотя бы одно доброе словечко о компартии в прошлом и теперь? Нет таких голосов». Не под влиянием ли этих «союзников» лидеры КПРФ «решили выбросить знаменитый девиз “Коммунистического манифеста” – “Пролетарии всех стран, соединяйтесь!”?». Недавно, писал Бушин в 2002 г., этот девиз вернули, но было бы еще лучше, если бы при этом признали свою ошибку,

однако признавать свои ошибки они, увы, не приучены. И он обращается к Зюганову: «А вспомните, как старательно вы твердили: «Россия исчерпала лимит на революции!». На кого вы работали? Эта охранительная идея в устах лидера компартии, как ничто другое, была выгодна ельцинскому режиму. ... Кто измерит вред, который она нанесла освободительному движению? Ведь твердили-то вы ее в пору самого активного и широкого народного движения против ельцинизма, когда на улицы Москвы выходило до 200 тысяч. Я уж не говорю о вашем телевизионном призыве к народу 3 октября 1993 года «сохранять спокойствие». Кто вас надоумил? До сих пор неизвестно...».

Владимир Сергеевич вспоминал, что у него «иногда возникало желание, даже необходимость в чем-то возразить Зюганову, что-то подсказать, посоветовать, поправить. Вначале я делал это при встречах и по телефону, но очень скоро понял, что даже невинные замечания не нравятся ему». И все же такую попытку коммунист Бушин сделал еще раз в последней своей опубликованной статье, перед самой смертью. Анализируя речь Зюганова на митинге в Москве 14 декабря, он отметил некоторые места, вызывающие возражение, «излишний оптимизм, избыточную мягкость». И еще раз предостерегает: верить Путину нельзя ни в чем, так как у того «совершенно болезненная, патологическая, на грани эпилептического припадка, ненависть к Советской эпохе, Ленину, Сталину».

Начатая еще при Горбачеве кампания лжи и клеветы ныне успешно продолжается, в нее вносятся новые элементы, новые нюансы. Уже в 2019 году в статье «Стыдоба от прямой линии» Бушин писал: «А вспомним ту оскорбительную для народа чушь, что Путин и Медведев несут о Советском времени, о руководителях той великой эпохи: Ленин и большевики украли у непобедимой царской России победу над Германией, войска которой стояли в Риге и готовились к капитуляции, а вовсе не к маршу на Псков; Сталин уничтожил крестьянство и довел экономику страны до того, что нам на мировом рынке нечего было предъявить, кроме галош; опять же неугомный Ленин через 70 лет после своей смерти, а вовсе не здравствующая и ныне горбачевско-ельцинско-чубайсовская банда, развалил Советский Союз. Вот за этот полоумный бред вам, президент Путин, не стыдно?».

В декабре 1992 г. – марте 1993 г. в «Советской России» был опубликован цикл статей Бушина под общим названием «Кадры решают все». В одной из них приведены высказывания о Ленине выдающихся умов Запада:

Р. Роллан: «Я...горячо восторгаюсь личностью Ленина. Я не знаю более могучей индивидуальности в современной Европе. Его воля так глубоко взбороздила хаотический океан дряблого человечества, что еще долго след не исчезнет в волнах, и отныне корабль наперекор бурям устремляется на всех парусах вперед, к новому миру» (1935 г.).

Г. Уэллс: «Ленин был поистине великим человеком. За короткие годы он сумел внушить России неиссякаемый и все преодолевающий дух созидания, который не оскудел и сегодня» (1934 г.).

Шон О'Кейси: «... основатель партии, которой было суждено потрясти и изумить мир, создать жизнь, воодушевляющую рабочих всех стран».

Б. Рассел: «Ленин казался мировой буржуазии разрушителем, но не разрушение сделало его

известным. Разрушить могли бы и другие, но я сомневаюсь, нашелся ли бы хоть один человек, который мог бы построить так хорошо заново. У него был стройный творческий ум. Он был философом, творцом системы в области практики» (1924 г.).

Весьма вероятно, что Путин никогда не слышал этих имен, свое невежество он демонстрировал неоднократно, но с «мировой буржуазией» он вполне согласен: Ленин – разрушитель, он «не государственный деятель, а революционер». (В нынешнем, навязываемом нам, понимании это что-то вроде террориста). А в ответ ученому, заикнувшемуся о «мысли Ленина», назидательно изрек: «Важно, чтобы эта мысль привела к нужному результату, а не как у Владимира Ильича». В упомянутой статье Бушин привел суждения Б. Шоу и Рабиндраната Тагора о тех результатах, к которым привела мысль Ленина:

Б. Шоу: «Россия над нами смеется. Она превратила нас в дураков, выставила нас на посмешище, оставила в хвосте и чуть не сбила с ног... Мы ее бранили за безбожие, а сейчас – солнце сияет над Россией как над страной, к которой благоволит господь. ... В России еще много нищеты, невежества и грязи, которые нам так известны дома. Но там повсюду царит надежда, потому что бедствия отступают перед ростом коммунизма...» (1931 г.).

Рабиндранат Тагор: «Я приехал в Россию, чтобы познакомиться с системой просвещения. Все, что я увидел, удивило меня. За восемь лет просвещение изменило духовный облик всего народа. Немые заговорили, сдернуто покрывало, обнажившее души тех, кто веками не видел света, бессильные обрели силы, презренные поднялись со дна общества, получив право на равное со всеми общественное положение. ... Повсюду кипит жизнь. Свет новых надежд озаряет ее» (1930 г.).

Это такой результат кажется президенту ненужным? А Бушин заканчивает статью: «О тех «кадрах», которые решают все великие проблемы жизни народов, действительно слагают легенды. А это именно вопросы истории, проблемы жизни народов решают такие «кадры», как Ленин и Сталин, а не Горбачев и Ельцин... О первых ходят легенды, а о вторых давно известно:

И сказок о них не расскажут,

И песен о них не споют»

Сегодня у нас все решают духовные наследники этих вторых, и это их результаты оценивает Владимир Сергеевич: «В фундаменте нынешней политической системы России заложены ограбление народа, ложь, бесстыдство, безответственность, презрение к народу и клевета на его историю». И это к ним обращены его слова: «Вы создаете себе врага среди родного народа своим глумлением и над его сегодняшней жизнью, и над его святынями прошлого».

Последние дни своей жизни В.С. Бушин посвятил защите имени Ленина, который вновь подвергся нападкам со стороны президента. Писатель-фронтник в статье «Спаситель и гробовщик» напомнил, что близится юбилей Великой Победы советского народа над фашистской Германией. «И знает же Путин, что мы сражались под знаменами, с которых на нас смотрел Ленин. Обязан же он понимать, если считает себя русским, чем были полны и как бились наши сердца 7 ноября 1941 года, когда враг был под Москвой и мы услышали слова Сталина: «Пусть вдохновляет вас в этой войне образ наших великих предков: Александра

Невского, Дмитрия Донского, Козьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!»». Нет, президент этого не понимает: «А он начал путь к юбилею Победы с плевка на имя Ленина».

И Владимир Сергеевич вспоминает «ленинофобскую выходку» Путина еще в 2016 году, когда тот заявил, что «Ленин заложил атомную бомбу под здание, которое называется Россией, она и рванула потом. ... Впрочем, раньше он говорил не об атомной бомбе, а о mine, но этого ему показалось мало, и вот вздул до бомбы». И сказано это было в 2016-м году 21 января, в годовщину смерти Ленина. «Нынешние власти обожают не просто стукнуть или щипнуть, а сделать это особенно болезненно, с вывертом. Так, именем прохвоста Солженицына назвали не какую-нибудь улицу в Москве, а Большую Коммунистическую». Эту садистскую наклонность Бушин отмечал еще в 1993 г. у Ельцина: «Первую кровавую победу над москвичами приурочили ко Дню Советской Армии (23 февраля 1992 г.), вторую, еще более кровавую, – к годовщине начала Великой Отечественной войны (22 июня 1992 г., в 4 часа утра). Запретительным указом ударили по КПСС в канун годовщины Великой Октябрьской революции».

Впрочем, это было не первое высказывание Путина о «вине» Ленина. Еще в 2002 г., вспоминает Бушин, президент заявил: «Я думаю, что именно деятели октября 1917 г. заложили мину («Вот она – будущая бомба!» – В.Б.) замедленного действия под это здание – здание унитарного государства, которое называлось Россия». «Это поразительно! – восклицает Бушин. – По своей неряшливой недоученности ... человек просто не понимает, что говорит». И он сообщает, по-видимому, новые для президента сведения, что унитарное государство Россия начало распадаться после Февральской революции: «Вдруг появилась «незалежная» Украина с гетманом Скоропадским, Белорусская народная республика, республики Кавказа и Закавказья» – и все самостоятельные державы. Истинными спасителями страны стали Ленин, большевики, которые сделали все, чтобы сохранить ее единство, и «за всю Советскую эпоху вопрос о выходе хоть одной республики из СССР ни разу не возникал».

Ранее Бушин уже обвинял именно новое руководство в разрушении Советского Союза: «При вас все разбежались, вернее, вы сами всех разогнали, ибо

за сохранение Союза проголосовало 76%, но вы наплевали на волю народа». А главным могильщиком страны явился «крестный отец» Путина – Ельцин.

После смерти В.С. Бушина в его компьютере обнаружили статью, над которой он работал в свой последний вечер, – «Фейерверк накануне праздника», где вновь говорится о фейерверке «фантастического вранья о Ленине» накануне Нового Года. «У нас очень много людей, миллионы и миллионы, совершенно справедливо связывают с Лениным очень много. Так зачем же врать этим миллионам о дорогом им человеке, зачем оскорблять их?». Но президент на своей пресс-конференции вновь, уже который раз, заговорил о Ленине как виновнике распада СССР, и вновь Владимир Сергеевич напоминает, что «за всю Советскую эпоху никто ни разу даже речи не заводил о выходе» и что «для закрепления подлого предательства три преступных выродка в Беловежской Пуще подписали бумажку о ликвидации СССР и тут же донесли американскому президенту как о выполненном задании». Но об этом Путин даже не заикается, своего благодетеля не упоминает.

Зато не преминул президент раскритиковать и Советскую Конституцию за то, что она была «крайне идеологизирована, там была только одна идеология – коммунистическая». Владимир Сергеевич, который ранее гордо заявлял: «Я так или иначе выражал и отстаивал советскую идеологию, которая есть и моя личная идеология», не оставил этот выпад без ответа: «Да, была одна идеология, но какая! Сплачивала разноязыкий народ на трудовые и ратные подвиги».

Это был последний бой фронтовика, негнибавшего старого воина, настоящего коммуниста, советского человека в самом высоком значении этого слова. Кажется, что это о нем написал Г. Гейне:

Свободен пост! Мое слабеет тело...

Один упал – другой сменил бойца!

Я не сдаюсь! Еще оружие цело,

И только жизнь иссякла до конца.

Жизнь Владимира Сергеевича Бушина иссякла 25 декабря 2019 года за 2 месяца до 96-летия (родился 24.01.1924 г.). Но его оружие цело и будет служить новым бойцам, которые сменят его на боевом посту. Сменить – не значит заменить, наша потеря невосполнима. Но пост не должен оставаться свободным.

Фейерверк накануне праздника - совершенно избавиться от антисоветского клеветнического синдрома властям пока не по силам

Эта статья была на экране компьютера Владимира Сергеевича Бушина, когда его не стало. Именно её, наверное, он и хотел прислать в редакцию, когда сказал мне накануне своей кончины, менее, чем за сутки до своего ухода: «Катя, я пришлю вам статью».

Екатерина Глушик¹

В «Советской России» в статье о недавней пресс-конференции президента Путина читаем: «Никаких фейерверков не произошло. Да и не могло произойти». Но фейерверк был, да ещё какой! Вот послушайте...

Я не хотел смотреть эту пресс-конференцию. Ну, что можно услышать нового? За двадцать лет наговорено столько вздора, то оскорбительного для народа и для меня

лично, а то столь комичного, что просто непонятно, загадочно, как это могло прийти в голову людям взрослым. Например, что в Советском Союзе не было мясного животноводства. Да в любой стране – как это возможно? Ну, допустим, коров разводили только для молока, а куда быков девали? И как быть с коровами, когда они переставали давать молоко? На мыло? И таких новостей

¹ https://zavtra.ru/blogs/fejerverk_nakanune_prazdnika

для нас – вороха! И хоть бы раз поправились, извинились. Ничего подобного! И продолжают шествовать как равноапостольные праведники. А главное – зачем? Всё время к единству призывают. А такие заявления раскалывают страну, работают лично против произносящих такие слова. То же самое – и фантастическое враньё о Ленине. Ведь сами признают: «У нас очень много людей, которые с именем Ленина связывают свою жизнь, свою судьбу, достижения прошлого». Да, очень много людей, миллионы и миллионы совершенно справедливо связывают с именем Ленина очень много. Так зачем же врать этим миллионам о дорогом им человеке, зачем оскорблять их? Любой разумный политик, любящий свою страну, свой народ никогда не стал бы такого дурака валять.

Да, не хотел я смотреть. Да и настроение... Позавчера был пожар в Перми, вчера в Ленинграде мать выбросилась из окна четвертого этажа с двумя маленькими детьми. Что сегодня? Заглянул в интернет: был пожар на крейсере «Адмирал Кузнецов», одном из самых лучших и могучих наших военных кораблей, и вот ущерб от пожара составил 95 миллиардов рублей. Миллиардов!.. Ну, можно понять пожар в торговом центре, как было в Кемерово, или в ресторане, вроде знаменитой «Хромой лошади», но на боевом корабле первого ряда, где есть экипаж, охрана, сигнализация... Вот один из ликов многоликой современной власти... И вот 19 числа сидим мы с женой за поздним завтраком, а в соседней комнате включен телевизор, и к нам доносятся отдельные слова: «Владимир Ильич Ленин... Сталин не запятнал себя прямыми контактами с Гитлером... И в Советский период было сделано много такого, чем мы можем гордиться...»

- Кто это? – спросила жена. – Голос знакомый. Кажется, Зюганов?

- Нет, это Путин. Обрати внимание: «И в Советский период...» И!.. Дескать, современные руководители сделали много такого, чем все гордятся, но вот и Ленин со Сталиным тоже кое-что.

И никогда не согласятся власти, что Советское время – это не период, а самая блистательная эпоха в истории родины.

- Подумать только, – сказала жена, – как почтительно: Владимир Ильич Ленин... А ведь недавно кривились: «кличка "Ленин"». И даже Сталина защищают.

- Ну, защита несуразная. Что, неужели до сих пор не понятны простейшие вещи? Да, Сталин не встречался с Гитлером, а Молотов встречался. Помню, что была даже фотография в газетах: Гитлер в своей новой имперской канцелярии держит советского наркома иностранных дел под локоток. Так что, запятнал себя Вячеслав Михайлович? А Сталин и Гитлер обменивались поздравительными телеграммами по случаю дня рождения: первому тогда исполнилось 60, второму 50. И что? Черчилль ничуть не меньше Гитлера ненавидел Советский Союз, а Сталин встречался с ним, любезно принимал его в Кремле, угощал армянским коньяком. Всё это – политика, дипломатия, как говорится, нужда заставит калачи есть. Маркс говорил: можно вступить в договор с самим чёртом, но нельзя позволить ему тебя обмануть. Гитлеру не удалось обмануть Сталина, а вот Черчиллю удалось до июня 1944 года просидеть за Ламаншем, благодаря чему потери Англии во Второй мировой войне составили около 300 тысяч человек. Это во много раз меньше, чем в Первой мировой. А из телевизора всё доносилось: «Владимир Ильич Ленин... Сталин был против пагубной федерализации... Мы

должны быть благодарны отцам и дедам, создавшим за советский период такую огромную мощную державу...»

- Вот до чего! – засмеялась жена. - «За советский период!» Даже заслуги Ивана Грозного, Петра и других царей приписал коммунистам, 75-летнему «советскому периоду». «Владимир Ильич Ленин... вождь мирового пролетариата... гордимся до сих пор: победа в Великой Отечественной войне, прорыв в космос и так далее...»

Ну, разве это не фейерверк! В одном выступлении три раза почтительно вождь мирового пролетариата назван полным именем! Знать, припекло.... Правда, очень уж скупо сказано «и так далее».

Мы гордились не только Победой и прорывом первыми в космос. Мы гордились ещё, например, ростом населения и повышением нашего благосостояния, продолжительностью жизни, выросшей за Советское время с 32-х лет до 72-х, дружбой народов, проверенной в огне войны, бесплатным жильем, уверенностью в завтрашнем дне, безопасностью на улицах городов и сёл... Ведь сейчас-то ничего этого нет. Ни-че-го...

Но, конечно, совершенно избавиться от антисоветского клеветнического синдрома властям пока не по силам. Недавно на заседании Совета по правам человека кинорежиссер Александр Сокуров, видимо, придя в полное отчаяния от всего, что творится в стране, сказал: «Давайте переписем Россию заново». Не совсем ясно, что именно режиссёр имел в виду, и неужели он не видит, что власти двадцать лет только тем и заняты, что «переписывают Россию». Но на предложение Сокурова был ответ: «Мы один раз переписали в 1917 году. И слова того гимна помним: «Весь мир разрушим до основания, весь! И построим новый, свой. Мы новый мир построим!»

Во-первых, если под словами «переписать Россию», иметь в виду какие-то глубокие перемены в стране, то они в нашей многовековой истории случались вовсе не «один раз». Что как не такие перемены – хотя бы превращение удельной Руси в единое государство? Или – избавление от трёхсотлетнего татарского ига? Или – введение крепостного права? Или – отмена этого рабского права? Или – свержение царизма?

Во-вторых, вот что характерно. Был такой критик – Станислав Рассадин. Он свой антисталинизм тешил тем, что приводил строки Пастернака о Сталине:

*А в эти дни на расстоянье
За древней каменной стеной
Живёт не человек...*

На этом цитату обрывал и радовался: «Поэт сказал о Сталине главное – не человек!» А у Пастернака дальше так:

*Живёт не человек – деянье,
Поступок ростом с шар земной.*

Обыкновенное литературное жульничество. И к такому именно жульничеству прибегают, когда уверяют, будто в советском гимне говорилось о нашей готовности «разрушить весь мир до основания». И ведь многие уже не знают, какие там слова, и верят. Как не верить! А в данном случае, как тот газетный лжец Рассадин, обрывают цитату, выбрасывают самое важное слово, и получилось просто «весь мир», а в гимне – «мир насилья». Вот какие изверги эти большевики, от которых Ельцин вас избавил. Они хотели разрушить весь мир до основания!..

Почему так жульничают? Да потому что они – из тех именно насильников, кто мир насилья и возродил в России. «Переписали Россию» ещё и такие свершения, как индустриализация, особенно – коллективизация деревни. И вот слышим об этом дивное словцо: «Крестьян тогда раскулачивали подряд(!) по всей стране». Вы подумайте:

подряд! Кто тот подрядчик, что это сказал? Конечно, Солженицын, который лет до тридцати ни одного живого крестьянина и в глаза не видел, а только в кино да, разве что, в Третьяковке. Вот этого свистуна и начитались.

А я вырос в деревне. И уж хотите верить, хотите нет, но моего деда Бушина Григория Фёдоровича, крестьянина деревни Рыльское Тульской области, никто не раскулачивал. Да и во всей деревне – никого!

А ещё слышим, будто вождь мирового пролетариата навязал такую конституцию стране, что «этносы получили право выхода из Советского Союза». В результате возникло «две тысячи болевых точек». Что за «точки»? Где они? Кто их сосчитал? Тот же математик Солженицын? И какие ещё этносы – все, как есть? Да их у нас больше ста, и все могли, когда вздумается, выйти? Захотели чуваша – вышли, взбрело в голову удмуртам – сбегали, втемяшилось калмыкам – и нет их... Так, что ли? Ну, как язык поворачивается! Во-первых, это право имели только пограничные республики. Во-вторых, с населением – больше миллиона. В-третьих, это право ставилось в зависимость от широко понимаемых «интересов революции». Словом, выйти из Союза было труднее, чем в Америке учинить президенту импичмент. И за всю Советскую эпоху никто ни разу нигде даже речи не заводил о выходе. А тут вот на пустом месте кошмар малюют! О советской конституции ещё вот что: «Она была крайне идеологизирована, там была только одна идеология – коммунистическая».

Да, была одна идеология, но какая! Сплачивала разноязыкий народ и вела его на трудовые и ратные подвиги. Чего стоит лишь один незримо пронизывавший её постулат, взятый из святого Писания: «Кто не работает, то не ест». Ленин в статье «О голоде» писал о нём: «Это понятно всякому трудящемуся». А по нынешней конституции бездельники и паразиты жрут так! Когда одна журналистка предложили кое-что поменять в конституции,

был ответ: нет, нет, ничего менять не надо и нельзя, пусть паразиты жрут вволю. «Своих не сдаём?» – спросила журналистка. Это очень не понравилось: какие, мол, свои, для нас все равны, лишь бы дело знали да работали честно. И вот, мол, коммунист Сергей Левченко...

Да что Левченко! За двадцать лет не назначили коммуниста ни на одну серьёзную должность – ни губернатором, ни министром. Как чёрт ладана.... А ведь КПРФ неизменно – вторая по численности партия в стране. Но ведь действительно страна-то распалась. А как дело было? Да вот, мол, «партия начала разваливаться, и вся страна за ней посыпалась». Враньё! Ельцин запретил партию. И ей пришлось отстаивать право на жизнь в Конституционном суде. Отстояла. А Ельцин объявил верховенство законов России над всесоюзными. Это и было фактическим выходом из Союза. Для закрепления подлого предательства три преступных выродка в Беловежской Пуще подписали бумажку о ликвидации СССР, о чём тут же донесли американскому президенту как о выполненном задании. Что оставалось делать другим республикам? Вот тогда-то всё и посыпалось. Все предложения что-то в стране, в законодательстве изменить, поправить, пересмотреть власти решительно отвергают: зачем? всё устроено прекрасно. Отвергнуто и предложение «дать правовую оценку событиям 1991 года», в том числе действию и бездействию Горбачева, мол, что это даст? «Все вопросы уже решены. Все документы подписаны. Чему поможет правая оценка?»

Да, вопросы решены, документы, согласно которым Горбачёв награждён высшим орденом страны, подписаны. Вот честная оценка и показала бы подлинный смысл этой награды такому человеку. Это имело бы большое воспитательное значение. «Вор должен сидеть в тюрьме».